

З А П И С К И
Г. БУРИЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННОГО МИНИСТРА

О

НАПОЛЕОНЪ,

**ДИРЕКТОРИИ, КОНСУЛЬСТВЪ, ИМПЕРИИ И
ВОЗСТАНОВЛЕНИИ БУРБУНОВЪ.**

ПЕРЕВЕТЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО
С. ДЕ ШАПЛЕТЬ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ
ЧАСТЬ VII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

**Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней
Стражи.**

1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были
въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. С. Пе-
тербургъ 30 Ноября 1834 года.

Цензоръ *П. Гасвскій.*

ЗАПИСКИ

Г. БУРИЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННОГО МИНИСТРА.

Г Л А В А I.

Первое время пребывания моего в Гамбургъ. — Уничтоженіе Республиканскаго словаря. — Вооруженія Австрій. — Сообщеніе Дипломатической ноты. — Жалобы Наполеона противъ Императора Австрійскаго. — Бонапарте выхваляетъ самъ свое поведеніе. — Императоръ въ Сенатъ. — Проектъ учрежденія Национальной Гвардіи. — Наполеонъ въ Стразбургъ. — Отзывъ его о Макъ. — Воззваніе Императора. — Желаніе Наполеона выставить себя всегда атакованнымъ. — Рекогносцировка подъ стѣнами Вьны. — Планъ кампаніи. — Притворный гнѣвъ и внутреннее удовольствіе Императора. — Капитанъ Бернаръ въ Палцирн. — Продолжительное забвеніе. — Нужда узнать Рагузу. — Полковникъ Бернаръ, Адъютантъ Наполеона. — Быстрое и заслуженное повышеніе. — Первый Инженеръ и глухость Кларка.

Я уже три мѣсяца находился въ Гамбургѣ, когда узналъ что Императоръ уничтожилъ послѣднюю вещь, напоминающую еще Республику, т. е. Республиканскій календарь. Этотъ ка-

лендарь былъ одною изъ самыхъ глупыхъ выдумокъ Революціи, ибо названіе мѣсяцовъ никогда не могло быть вездѣ примѣнено, даже и ограничиваясь однею Франціею; и дѣйствительно хлѣбы въ Провансѣ не ожидали для созрѣнія, солища Междодора мѣсяца. 9 Сентября, Сенатскимъ указомъ было опредѣлено, чтобы съ 1-го числа будущаго Генваря мѣсяцы и дни воспріяли свои прежнія названія. Я помню, что я съ участіемъ читалъ докладъ Лангаса Сенату, и признаюсь, что очень былъ доволенъ введенію вновь Грегорианскаго календаря. Особенно въ чужихъ земляхъ чувствовали мы неудобства численія, не вездѣ употребляемаго.

Черезъ нѣсколько дней по возстановленіи прежняго календаря, Императоръ отправился въ армию. Въ Гамбургѣ, какъ можно себя вообразить, я очень жаждалъ извѣстій; я получалъ много оныхъ изъ внутренности Германіи и отъ нѣкоторыхъ Парижскихъ друзей; и этой то перепискѣ я обизанилъ возможностью представить моимъ читателямъ краткую и вѣрную картину состоянія публичныхъ дѣлъ въ минуту выступленія Наполеона въ походъ. Я сказалъ въ предъидущихъ частяхъ, какая была его всегданняя тактика, доводить другихъ до объявленія ему войны, дабы показывать видъ своей искренней любви къ миру: поприце его представляеть мало примѣровъ столь разительныхъ, какъ

обстоятельства, предшествовавшія первому завоеванію Вѣны. Весьма было очевидно, что преобразование Цизальпинской Республнки въ Королевство Італію, и присоединеніе Генуи къ Франціи, были дѣйствія, противныя договорамъ; однако же Императоръ, не смотря на то, утверждалъ будто бы Австрія сама нарушаетъ оное. Истина же состояла въ томъ, что Австрія съ невозможною скрытностью вооружалась, и собирала свои войска на границахъ Баваріи; Австрійскій корпусъ даже вступилъ въ нѣкоторыя области Курфюршества: съ этой минуты Наполеонъ могъ уже выставить предлогомъ необходимость идти на помощь къ союзникамъ Франціи.

Я получилъ въ Гамбургѣ конію съ весьма любопытной ноты, въ коей Императоръ исчислялъ жалобы свои противъ Австріи; онъ очень хвалился своею умеренностію, выставяя то, что онъ безъ сопротивленія допустилъ пріобрѣтеніе Линдау, сдѣланное Австріею послѣ Люневильскаго договора. Нота, мною упоминаемая, была послана къ Сейму, собранному тогда въ Ратисбонѣ. «Императоръ,» было сказано въ ней, «показалъ видъ будто бы онъ не знаетъ, что «долгъ Венеціи, не только остался неуплаченнымъ, но даже вовсе былъ уничтоженъ, вопреки смыслу и духу Кампо-Формійскаго и Люневильскаго договоровъ: онъ умалчивалъ о не-

«оказаніи въ Вѣнѣ правосудія его Миланскимъ и Мантуйскимъ подданнымъ, которые не смотря на точныя условія, не получили никакой сумлаты, и о пристрастїи, съ коимъ Австрія на сдѣлѣ признала чудовищное право блокады, которое хотѣла присвоить себѣ Англія; и когда «нейтральность Австрійскаго флага, столько разъ «нарушенная ко вреду Франціи, не возбуждала «со стороны Вѣнскаго двора никакихъ жалобъ, «то онъ принесъ любви своей къ миру еще «жертву, сохранивъ молчаніе.»

Обстоятельства, изложенныя въ нотѣ, были справедливы; но Наполеонъ не говорилъ, что снисходительность, съ кою онъ закрывалъ глаза на нѣкоторыя изъ этихъ статей, происходила единственно отъ его желанія допустить Австрію сдѣлать столько, чтобы дать предлогъ къ нападению, удержавъ наружный видъ справедливости на сторонѣ Французскаго правительства; для сего, въ противоположность этихъ жалобъ онъ высказывалъ свое поведеніе съ Австріею. «Императоръ Французовъ» было сказано въ той же нотѣ, «очистилъ Швейцарію, «сдѣлавшуюся спокойною и счастливою чрезъ «дѣйствіе посредства; онъ оставилъ въ Италіи «только необходимое число войскъ для удержа- «нія позицій, которыя онъ долженъ былъ за- «нимать на оконечности сего полуострова съ «тою цѣлью, чтобы покровительствовать тор-

«годѣ своей на Востокъ и обезпечить себѣ
«предметъ вознагражденія, который могъ бы
«заставить Англію очистить Мальту, а Россію
«очистить Корфу; онъ оставилъ на Рейнѣ и во
«внутренности своей Имперіи только войска,
«необходимыя для охраненія крѣпостей. Совер-
«шенно занятый пріуготовленіями къ войнѣ, къ
«коей не онъ подалъ поводъ, которую онъ под-
«держиваетъ для выгоды Европы, столько же
«какъ для своихъ собственныхъ, и въ коей глав-
«ную его цѣль составляетъ возстановленіе рав-
«новѣсія въ торговлѣ, и равенства правъ всѣхъ
«флаговъ на моряхъ, онъ собралъ всѣ свои си-
«лы на берегахъ океана, далеко отъ Австрій-
«скихъ границъ; онъ употребилъ всѣ способы
«своей Имперіи къ постройкѣ флотовъ, къ на-
«бору матросовъ, къ устройенію гаваней; и въ
«эту самую минуту, какъ онъ успокоился въ
«полной увѣренности въ исполненіи договоровъ,
«возстановившихъ миръ на твердой землѣ, Ав-
«стрія вдругъ выходитъ изъ мирнаго положе-
«нія, устроняетъ войска свои на военную по-
«сту, посылаетъ одну армію въ свои Италіян-
«скія владѣнія; ставитъ другую, столь же
«многочисленную въ Тироль; занасаетъ ло-
«шадьми; учреждаетъ магазины; строитъ поле-
«выя укрѣпленія; устраниваетъ всѣми эгими при-
«готовленіями народы Баваріи, Швабіи и Швей-
«царіи, обнаруживая тѣмъ очевидное намѣре-

«ніе сдѣлать благопріятную для Англіи диверсію, столь же непріязненно вредную для Франціи, сколь моглабы быть открытая война. Въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ и тщетно «пытавшись привести Вѣнскій Дворъ къ чувствамъ, истинно миролюбивымъ, не взирая «на безпрестанныя ея увѣренія, что она не «имѣетъ противъ Франціи никакихъ враждебныхъ замысловъ, Императоръ Французовъ «считаетъ долгомъ съ своей стороны объявить, «что онъ сочтетъ за объявленіе войны, явно «противъ него устремляемой, всякое посягательство, сдѣланное противъ Германскаго корнуса, «а въ особенности противъ Баваріи, ибо Императоръ твердо рѣшился никогда не раздѣлять выгодъ своей Имперіи, съ выгодами Германскихъ Принцевъ, ему преданныхъ.»

Я получилъ эту ноту 15 Сентября. Черезъ двѣнадцать дней послѣ сего въ день пераго Вандеміера, долженствовавшій въ послѣдній разъ явиться въ дѣтенисахъ Императорской Республики, Наполеонъ пріѣхалъ въ Сенать, а на другой день отправился въ армію.

Въ достопамятное засѣданіе предъ его отъѣздомъ. Императоръ приказалъ представить проэктъ Сенатекало указа объ учрежденіи Національной Гвардіи. Министръ Вѣщившихъ Сношеній прочиталъ обзоръ взаимнаго поведенія Франціи и Австріи со времени Люневильскаго

мира; обзоръ, въ космъ виши Франціи были прикрыты съ удивительнымъ искусствомъ (*) Наконецъ предъ закрытіемъ засѣданія, Императоръ произнесъ къ Сенаторамъ слѣдующее:

«Въ настоящихъ обстоятельствахъ Европы «я чувствую нужду быть посреди васъ и сообщить вамъ мои чувства.

«Я ѣду изъ Столицы для того, чтобы принять начальство надъ армією, оказать скорую помощь моимъ союзникамъ и защитить драгоценнѣйшія выгоды моихъ народовъ.

«Желаніе вѣчныхъ враговъ твердой земли «исполнились: война въ Германіи начинается «Австрія и Россія присоединились къ Англіи, и «наше поколѣніе вновь вовлечено въ бѣдствія «войны. Не давно еще я надѣялся, что миръ не «будетъ нарушенъ; угрозы и оскорбленія на «меня еще не дѣйствовали; но Австрійская «армія перешла чрезъ Ингъ, вступила въ Мин- «хенъ; Курфиреть Баварскій выгнанъ изъ своей «Столицы; все мои надежды исчезли.

«Въ эту то минуту обнаружилась злоба вра- «говъ твердой земли. Они все еще опасаются, «видя что я объявляю мою сильную любовь «къ миру; они боятся чтобы Австрія при видѣ «бездны изрытой ими подъ ея стопами, не об-

[*] Смотри извлеченіе изъ сего обзора, приложенное въ концѣ книги.

«ратилась къ чувствамъ справедливости и умѣренности; они подстрекнули ее къ войнѣ. «Сокрушаюсь о крови, которой она будетъ «стоять Европѣ, но Французское имя приобрястеть новый блескъ.

«Сенаторы,—когда по вашему желанію, по «гласу всего Французскаго народа я надѣлъ на «главу Императорскую корону, то я получилъ «отъ васъ и отъ всѣхъ гражданъ обязательства «охранять ее чистою и неомраченною никакимъ «пятномъ. Народъ мой представлялъ мнѣ во «во всѣхъ обстоятельствахъ доказательство сво- «ей довѣренности и любви. Онъ полетитъ подъ «знамена своего Императора и его арміи, кото- «рыя чрезъ нѣсколько дней прейдуть черезъ «границу.»

«Синодники, солдаты, граждане, всѣ хотѣтъ «избавить отечество отъ вѣдѣнія Англіи, которая «одержавъ верхъ, дала бы намъ только позор- «ный, постыдный миръ, коего главными усло- «віями были бы сожженіе нашихъ флотовъ, за- «крытіе нашихъ гаваней и уничтоженіе нашей «промышленности.

«Я сдержалъ всѣ обѣщанія, данныя мною «Французскому народу.

«Народъ Французскій въ свою очередь, не «далъ мнѣ никакого обязательства, котораго бы «онъ не превзошелъ. При этомъ обстоятельствѣ, «столь важномъ для его славы и для моей, онъ

«будетъ продолжать заслуживать имя великаго народа, коимъ я привѣтствовалъ его съ боевыми полями.»

«Французы, вашъ Императоръ исполнитъ свою обязанность; солдаты исполнятъ ихъ долгъ; а вы исполните свой.»

Эта рѣчь произвела въ Гамбургѣ очень сильное впечатлѣніе; что касается до меня, то я увидѣлъ въ ней обыкновенное хвастовство Наполеона; но на этотъ разъ событія казались старались оправдать оное. Императоръ могъ сдѣлать кампаніи, болѣе ученныя чѣмъ Аустерлицкая; но ни одна изъ нихъ не была окружена такимъ очарованіемъ. Все въ ней казалось чудеснымъ, и я часто думалъ о тайной радости, которую долженствовалъ ощущать Бонапарте достигнувъ наконецъ того, чтобы предпринять большую войну въ Германіи, каковое желаніе онъ часто мнѣ изъявлялъ. Сперва онъ отправился въ Стразбургъ, куда ему соупотствовала Иозефина, и тогда то я получилъ повѣсть *Джулио*, помѣщенную мною въ концѣ шестой части.

Всѣ получаемыя мною донесенія соглашались съ частною перенескою въ изображеніи невѣроятнаго восторга, одушевлявшаго армію, когда она узнала, что пойдетъ на Германію. Въ первый еще разъ Наполеонъ прибѣгнулъ къ ускореннымъ способамъ перевозки; двадцать

тысячь повозокъ перевезли его армію, какъ бы волшебствомъ, съ береговъ Оксана на берега Рейна. Всѣ юныя честолюбія были подстрекаемы предстоящимъ походомъ; всѣ мечтали о славѣ, о скоромъ производствѣ, о надеждѣ отличиться предъ глазами вождя, кумира его арміи и который такъ хорошо умѣлъ увлекать людей въ сферу своей невѣроятной дѣятельности. А посему въ краткое свое пребываніе въ Стразбургѣ, Императоръ съ нѣкоторымъ основаніемъ могъ предсказывать успѣхъ ожидавшій его подъ стѣнами Вѣны. Я узналъ отъ Раппа, ему сопутствоваващаго, что онъ сказалъ при многихъ, предъ выѣздомъ своимъ изъ Стразбурга: «Можно сказать, что какъ будто я составилъ планъ кампаніи Мака. Онъ будетъ «разбитъ въ Ульмѣ.» Опытъ доказалъ, что Наполеонъ не ошибся и я долженъ при этомъ случаѣ опровергнуть слухъ, распространенный тогда клеветою, и послѣ повторенный злобою. Сказали будто бы Макъ былъ въ согласіи съ Бонапарте, купившимъ у этого Генерала открытіе воротъ Ульма; я имѣлъ случай удостовѣриться въ совершенной лживости этого слуха; ему придаю нѣсколько вѣса ходатайство Наполеона послѣ войны о томъ, чтобы Макъ не былъ отданъ подъ судъ; но онъ повиновался въ этомъ одному только чувству челоуѣколюбія.

Выступивъ въ походъ, Бонапарте принялъ

предводительство надъ Баварцами, съ коими онъ разбилъ непріятельскую армію, прежде чѣмъ подоспѣли его собствєнныя войска. Какъ только онъ собрался, то дабы возбудить еще болѣе, если возможно, усердіе и преданность этой удивительной арміи, онъ объявилъ въ приказѣ слѣдующее воззваніе:

«Солдаты,

«Война третьяго союза началась. Австрійская армія перешла чрезъ Иннъ, нарушила договоры, атаковала и изгнала изъ Столицы нашего союзника. Вы принуждены были ускореннымъ движеніемъ спѣшить для защиты нашихъ границъ. Но уже вы перешли чрезъ Рейнъ: мы не остановимся до тѣхъ поръ, пока не утвердимъ независимость Германскаго Корпуса, не спасемъ нашихъ союзниковъ и не смиримъ гордость несправедливыхъ зачинщиковъ. Мы не заключимъ уже мира безъ обеспечения: наше великодушіе еще обманетъ уже болѣе нашу политику.

«Солдаты, вашъ Императоръ посреди васъ. Вы составляете только передовую рать великаго народа: если будетъ нужно, то онъ ополчится весь, по пласу моему, для того чтобы испровергнуть и раздробить этотъ новый союзъ, сплетенный несправдливо и золотомъ Англій.

«Но, солдаты, намъ придется дѣлать трудныя переходы, переносить усталость и всякаго рода лишения: какія пренюпы намъ бы ни встрѣ-

«стились, мы преодолѣемъ ихъ, и не вкусимъ покоя до тѣхъ поръ, пока не водрузимъ орловъ «шашинхъ, на землѣ нашихъ непріятелей.»

Повсюду видно, въ рѣчахъ его дипломатическимъ агентамъ, въ рѣчахъ и воззваніяхъ, что Наполеонъ всегда представлялъ себя атакованнымъ, и такъ усмывался всѣхъ въ томъ увѣрить, что одного этого было достаточно для открытія истины тѣмъ, которые привыкли читать въ его мысляхъ не то, что онъ выражалъ словами.

Къ эпохѣ выступленія Наполеона въ походъ относится одинъ случай, о которомъ я узналъ послѣ и который вывелъ на стезю фортуны человека, одареннаго отличными достоинствами. Императоръ, находясь еще въ Стразбургѣ спросилъ у Генерала Мареско, Начальника Инженеровъ, нѣтъ ли въ этомъ корпусѣ, обильномъ юными талантами, кого нибудь такого, которому можно бы дать важное порученіе; надобно было молодой человекъ храбрый, благоразумный и сведущій для произведенія рекогносцировки, сколь возможно даѣе. Офицеръ, котораго выбралъ Генераль Мареско, былъ простой Инженерный Канцелянтъ по имени Бернаръ, воспитанникъ Политехнической школы. Молодой человекъ отправился съ даннымъ ему порученіемъ, между тѣмъ, какъ на него никто не обратилъ почти никакого вниманія. Онъ

доѣхалъ почти до самой Вѣны и возвратился въ Главную Квартирѣ Императора по сдачѣ Ульма. Бонапарте хотѣлъ самъ разспросить его, и былъ очень доволенъ его отвѣтами. Не довольствуясь словесными отвѣтами на вопросы Наполеона, молодой человѣкъ приготовилъ донесеніе о томъ что онъ замѣтилъ и по какимъ дорогамъ должно было идти; онъ, между прочимъ говорилъ, что весьма выгодно было бы двинуть армію прямо на Вѣну, миновавъ крѣпости; и что овладѣвъ Столицею Австріи, Императоръ предвѣстеть законы всей Австрійской Монархіи. «Я былъ при Императорѣ,» сказалъ мнѣ Раппъ, «когда онъ разговаривалъ съ молодымъ Инженернымъ Офицеромъ. Вообрази себѣ, что прочитавъ его донесеніе, Наполеонъ ужасно разсердился:—«Какая смѣлость!» вскричалъ онъ, «простой Офицеръ позволяет себѣ предписывать мнѣ планы кампаніи. Извольте идти и ожидайте моихъ приказаній.»

Въ томъ, что мною сказано и въ томъ что я имѣю еще прибавить о поприщѣ службы Канитана Бернара, Наполеонъ является весь вопиющъ. Раппъ сказывалъ мнѣ, что по выходѣ молодаго Офицера, Императоръ заговорилъ совсѣмъ иное: «Вотъ, достойный молодой человѣкъ,» сказалъ онъ, «какой у него вѣрный взглядъ; я не хочу пускать его въ огонь; онъ мнѣ можетъ быть впередъ понадобится;

«скажи Бертье, чтобы онъ далъ ему предписаніе отправиться въ Плирию.»

Предписаніе было дано и Капитанъ Бернаръ, пылкій какъ все его товарищи, при началѣ кампаніи увидѣлъ себя лишеннымъ участія въ оной и счелъ наказаніемъ то, что было со стороны Императора только расчетомъ и предосторожностью, дабы сохранить себѣ молодаго человѣка, котораго онъ умѣлъ оцѣнить. По окончаніи похода когда Императоръ произвелъ Офицеровъ, наиболѣе отличившихся, имя Капитана Бернара, котораго считали въ немилости, не было помещено въ списокъ Бертье между Инженерными Капитанами, которыхъ онъ представлялъ къ производству въ чинъ Баталіонныхъ Командировъ. Императоръ самъ вписалъ имя Бернара выше именъ всехъ прочихъ Офицеровъ. Однакожъ Императоръ долго оставлялъ его въ забвеніи, и одинъ только случай напомнилъ ему объ этомъ Офицерѣ. Я никогда не имѣлъ личныхъ сношеній съ Г. Бернаромъ, но узналъ отъ Рапна, какимъ образомъ онъ сдѣлался его товарищемъ по званію Императорскаго Адыютанта, и расскажу здѣсь это обстоятельство, хотя относящееся къ позднѣйшей эпохѣ.

Императоръ, находясь въ Парижѣ за нѣсколько времени до отбытія своего въ походъ 1812 года, пожелалъ имѣть обстоятельныя свѣдѣнія о Рагузѣ и объ Плириіи. Онъ позвалъ Мармон-

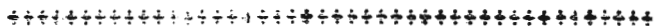
та, котораго отвѣты не совершенно его удовлетворили; онъ спрашивалъ еще нѣсколькихъ Генераловъ, но послѣ всѣхъ этихъ разспросовъ говорилъ: «Хорошо, но не совершенно то, что мнѣ надобно: я еще не знаю Рагузу.» Тогда онъ позвалъ къ себѣ Генерала Дежана, заступившаго мѣсто Г. Мареско, по званію Главнаго Инспектора Инженеровъ. «Нѣтъ ли между вашими Офицерами,» спросилъ онъ у него, «кого «нибудь, кто бы хорошо зналъ Рагузу?» Тогда Дежанъ, вспомнивъ объ одномъ Офицерѣ, сказалъ Императору: «Государь, есть одинъ Баталіонный Командиръ, долго остававшійся въ забвеніи, который совершенно знаетъ Иллирію.— «Какъ его зовутъ?—Бернаромъ.—А! . . . позвольте . . . Бернаръ! . . . я знаю это имя. Гдѣ онъ? —Въ Антверпенѣ, Государь, при крѣпостныхъ «работахъ.— Послать чрезъ Телеграфъ депешу, «чтобы съ полученія сего приказа онъ немедленно садился на лошадь и скакалъ сюда .»

Извѣстно, съ какою быстротою исполнялись приказы Императора. Черезъ нѣсколько дней Баталіонный Командиръ Бернаръ былъ въ Парижѣ у Генерала Дежана, и вскорѣ потомъ въ кабинетъ Императора. Наполеонъ, тотчасъ узнавъ своего сочинителя плановъ кампаніи, очень хорошо его принялъ и сказалъ ему вмѣсто всякихъ вопросовъ, какъ онъ часто при мнѣ дѣлывалъ, когда ему хотѣлось узнать какія либо

подробности: «Говорите мнѣ о Рагузѣ!» Первый Консуль сказалъ мнѣ однажды, что спрашивая такимъ образомъ, вѣрнѣе всего можно узнать то, что человекъ замѣтилъ наиболѣе заслуживающаго вниманія въ какомъ либо краю. Какъ бы то ни было, а онъ остался совершенно довольнымъ разсказомъ Г. Бернара объ Шмирии и, когда Баталіонный Командиръ пересталъ говорить, то Наполеонъ сказалъ ему: «Полковникъ «Бернаръ, теперь я знаю Рагузу.» Потомъ Императоръ началъ дружески съ нимъ разговаривать; вошелъ во многія подробности на счетъ расположенія укрѣпленій въ Антверпенѣ, приказалъ подать планъ онаго, и сталъ охуждать нѣкоторыя его части, говоря какимъ образомъ, еслибъ ему пришлось осаждать его, онъ уничтожилъ бы его оборонительныя средства. Новый Полковникъ такъ хорошо объяснилъ Императору то, какъ бы онъ защищался противъ его атаки, что Бонапартъ былъ имъ восхищенъ и тотчасъ удостоилъ молодаго Офицера такого знака отличія, какого сколько мнѣ извѣстно, онъ никому другому не оказывалъ. Императоръ, отправляясь председательствовать въ Государственномъ Совѣтѣ, приказалъ Полковнику Бернару ему туда сопутствовать и въ продолженіе засѣданія, нѣсколько разъ спрашивалъ его мнѣнія о предметахъ, о конхъ тамъ было разсуждаемо. Вышедъ изъ засѣданія, Наполеонъ ска-

заль ему: «Бернаръ, вы мой Адыютантъ.» После похода онъ былъ сдѣланъ Бригаднымъ Генераломъ; потомъ вскорѣ Дивизионнымъ Генераломъ, и теперь признанъ во всей Европѣ первымъ изъ живущихъ Инженеровъ. Глудость Кларка лишила Францію столь отличнаго человѣка, который отказавшись отъ блистательныхъ предложеній, сдѣланныхъ ему многими Европейскими Государями, удалился въ Соединенные Американскіе Штаты, гдѣ онъ начальствуетъ Инженерами и гдѣ построилъ къ сторонѣ Флориды укрѣпленія, которыя Инженеры считаютъ образцовымъ произведеніемъ. Я узналъ все эти обстоятельства какъ отъ Раппа, такъ и отъ другихъ, заслуживающихъ довѣрія людей; я нахожу въ нихъ, какъ я выше сказалъ, Наполеона всего вполне; въ особенности вижу я тутъ замѣчательный примѣръ того оригинаго взгляда, которымъ онъ угадывалъ достоинство вездѣ, гдѣ оно находилось и того рода инстинкта, который побуждалъ захватывать его, какъ отъ него происшедшее и должествующее къ нему возвратиться.

ГЛАВА II.

Каждый день по побѣдѣ. — Быстрота Наполеонова похода. — Мюратъ въ Вертингенъ. — Завоеваніе Писва Герцогства. — Французская армія предъ Ульмомъ. — Извлеченіе изъ моей переписки. — Порученіе Генерала Сегюра. — Пенастная погода. — Генераль Сестеръ у Мака. — Страшное упорство Мака и заблужденіе его на счетъ движенія Русскихъ. — Обзоръ положенія Ульма. — Жалобы Мака на Нел. — Отчаяніе и твердость Мака. — Восемь дней или смерть — Князь Лихтенштейнъ въ главной квартирѣ Императора. — Отвергнутое предложеніе и надменность Наполеона — Договоръ подписанный Бертье и Макомъ. — Непостижимая беспечность Вьнскаго кабинета. — Люнь, обещанный Королю Сардинскому. — Бонапарте предъ побѣдою и послѣ оной. — Дѣльвины Генералы предъ Императоромъ. — Слова, сказанныя въ утѣшеніе.

Еслибъ я хотѣлъ дать понятіе о блистательной кампаніи 1805 года, то мнѣ бы слѣдовало, сдѣлавъ извлеченіе изъ всѣхъ, получаемыхъ мною въ Гамбургъ писемъ и донесеній, нѣкоторымъ образомъ уподобиться издателизъ календарей и означить каждый день по крайней мѣрѣ одною побѣдою, или однимъ изъ тѣхъ

быстрыхъ движеній, которыя присутствіе Наполеона производило въ его арміи и которыя столь сильно содѣйствовали, чудеснымъ усиленіемъ этой трехмѣсячной кампаніи. Въ самомъ дѣлѣ до тѣхъ поръ было неслыханною вещью быстрота первыхъ дѣйствій Императора. 24 Сентября онъ выѣхалъ изъ Париза, а 2 Октября началась война; 6 и 7 Французы переправились за Дунай и обогнали всю непріятельскую армію; 8 Мюратъ въ Вертингенскомъ сраженіи на Дунаѣ взялъ въ плѣнъ двѣ тысячи Австрійцевъ, между коими, въ числѣ прочихъ Генераловъ находился Графъ д'Ауфенберъ. На другой день разбитые Австрійцы отступили къ Гуцнбургу, предъ нашими храбрыми полчищами, которыя продолжая свой побѣдославный путь, вошли 10 числа въ Аугсбургъ, а 12 въ Минхенъ. Получая депеши, я думаю что читаю баснословныя повѣствованія. Черезъ два дня по вступленіи Французовъ въ Минхенъ т. е. 14, шеститысячный Австрійскій корпусъ сдался въ Метингенъ Маршалу Сульту, между тѣмъ какъ Ней завоевывалъ съ оружіемъ въ рукахъ свое Эльхингенское Герцогство. Наконецъ 17 Октября воспослѣдовала знаменитая сдача Ульма, и въ тотъ же день началось враждебныя дѣйствія въ Италіи между Французами и Австрійцами, изъ коихъ первые были подъ предводительствомъ Массены, а послѣдніе Прин-

ца Карла. Я увѣренъ, что Наполеонъ очень жалѣлъ о томъ, что Приицъ сей не начальствовалъ войсками, съ которыми онъ долженъ былъ лично сразиться; ибо я часто слышалъ жалобы его на неспособность непріятельскихъ Генераловъ; искусно пользуясь ихъ ошибками, онъ иногда воображалъ себѣ, что эти ошибки вредили его славѣ, дѣлая побѣду болѣе легкою, и можетъ быть, никогда еще никто столько какъ онъ не желалъ встрѣтить достойныхъ себя непріятелей.

Въ перенискѣ моей нахожу я нѣсколько относящихся къ сдачѣ Ульма подробностей, которыя кажутся мнѣ довольно любопытными для помѣщенія оныхъ здѣсь. Во время нахождения своего въ Аугсбургъ, Наполеонъ познакомился съ Эпископомъ этого города, бывшимъ Курфирстомъ Тревскимъ. Почтенный прелатъ сей, считая себя обязаннымъ Императору за свое богатое эпископство, некрепко къ нему привязался, и въ послѣдствіи, во всѣхъ случаяхъ, оказывалъ большую преданность къ его особѣ. Въ Аугсбургъ Бонапартъ остановился на короткое время для наблюденія движеній, которыя дѣлала Австрійская армія; потомъ онъ двинулся къ ней съ такою неслыханною быстротою, что Эрцгерцогъ Фердинандъ счастливымъ себя счелъ успѣвъ перейти обратно за Дунай. Но всѣ прочія Австрійскія силы были

откинута въ Ульмъ, коего гарнизонъ простирался почти до тридцати тысячъ при сдачѣ сей крѣпости, прослывшей неприступною.

Генералу Сегюру, служившему послѣ у Мюрата въ Неаполь, было поручено сдѣлать первый приступъ къ переговорамъ съ Макомъ, для склоненія сего Генерала къ сдачѣ. Полагаю что съ любопытствомъ прочтуть донесеніе его по этому предмету:

«Вчера, 24 Вандеміра (16 Октября), Императоръ позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ; онъ приказалъ мнѣ ѣхать въ Ульмъ и склонить Мака къ сдачѣ черезъ пять дней, а если онъ непременно потребуетъ шести дней, то дать ему оныя. Богѣ я не получилъ никакихъ назначеній. Ночь была темна; поднялся жестокий вихрь при проливномъ дождѣ; надобно было ѣхать по проселочнымъ дорогамъ, избѣгая ямъ, въ которыхъ всадникъ, конь и порученіе могли найти себѣ преждевременный конецъ. Я добѣгалъ почти до самыхъ городскихъ воротъ, не видавъ нашихъ передовыхъ постовъ: часовые, объѣзды, караулы всѣ укрылись отъ непогоды; даже артиллерійскіе парки были оставлены; не видно было ни огней, ни звѣзд. Надобно было проѣздить три часа для того, чтобы отыскать Генерала. Я проѣхалъ чрезъ многіе деревни и безполезно расширявалъ занимавшихъ оныя.

«Наконецъ я отыскалъ Артиллерійскаго тру-
бача, почти утонувшаго въ грязи подъ заряд-
нымъ ящичкомъ; онъ окостылъ отъ холода.
«Мы приблизились къ стѣнамъ Ульма. Намъ
«вѣроятно ожидали, ибо на первый звукъ тру-
«бы явился Офицеръ Е. Латуръ, говорящій
«очень хорошо по Французски. Завязавъ мнѣ
«глаза, онъ повелъ меня прямо черезъ валь. Я
«замѣтилъ моему проводнику, что въ такую
«темную ночь повязка совершенно безполезна,
«но онъ сослался на обычай. Дорога показалась
«мнѣ очень длинною, и я завелъ разговоръ съ
«моимъ спутникомъ: мнѣ хотѣлось вывѣдать,
«какія войска стоятъ въ городѣ. Я спросилъ у
«него, далеко ли Генераль Макъ живетъ отъ
«Эрцгерцога.» Очень близко,» отвѣчалъ мнѣ про-
«водникъ мой. Изъ этого я заключилъ, что мы
«загнали въ Ульмъ всю остальную Австрійскую
«армію. Продолженіе разговора утвердило меня
«въ этомъ заключеніи. Наконецъ мы дошли до
«трактира, въ которомъ жилъ Главнокомандую-
«щій. Онъ показался мнѣ высокимъ, пожилымъ,
«блѣднымъ; выраженіе лица его показывало
«пылкое воображеніе. Въ чертахъ его обнару-
«живалось безпокойство, которое онъ тщетно
«старался скрывать. После обыкновенныхъ при-
«вѣтствій, я объявилъ мое имя, и потомъ при-
«ступивъ къ дѣлу сказалъ, что я присланъ отъ
«Императора для приглашенія его къ сдачѣ и

«для постановленія съ нимъ условій. Эти вы-
«раженія показались ему нестерпимыми и онъ
«не тотчасъ согласился въ необходимости ихъ
«выслушать. Я наставлялъ, замѣтивъ ему, что
«будучи имъ принятъ, я долженъ предполагать,
«какъ и Императоръ, что ему извѣстно его по-
«ложеніе: но онъ съ живостью отвѣчалъ мнѣ,
«что оно скоро переменится; что Русская армія
«идеть къ нему на помощь, что она поставитъ
«сиахъ между двухъ огней и что можетъ быть
«скоро намъ придется говорить о сдачѣ. На
«это я возразилъ, что въ его положеніи, не
«судивительно, если онъ не знаетъ о происходя-
«щемъ въ Германіи; въ слѣдствіе чего я дол-
«женъ извѣстить его, что Маршалъ Бернадотъ
«занимаетъ Ингольштадтъ и Минхенъ и что пе-
«редовые отряды его стоятъ на Иннѣ, гдѣ Рус-
«скіе еще не показывались.» — Будъ я
«вскричалъ съ гнѣвомъ Максъ, «если я изъ вѣр-
«ныхъ донесеній не знаю, что Русскіе въ Дахау!
«Не ужели меня думаютъ этимъ обмануть? Не-
«ужели меня считаютъ ребенкомъ? Итъ, гос-
«подинъ Сегюръ. Если черезъ восемь дней я
«не получу помощи, то согласенъ сдать крѣ-
«пость съ условіемъ, что солдаты будутъ вос-
«шоульскими, а Офицеры въ плѣну на честное
«слово. Тогда будутъ имѣть время прислать
«мнѣ помощь и я исполню мою обязанность;
«но я увѣренъ что меня избавятъ отъ осады.

«—Имѣю честь повторить вамъ, Господинъ Генераль, что не только Дахау, но и Минхенъ въ нашей власти: притомъ же предположивъ «справедливымъ ваше заблужденіе, если Русскіе «находятся въ Дахау, то дабы прійти атаковать «насъ имъ довольно пяти дней, и Его Величест- «во дастъ ихъ вамъ. — Нѣтъ Милостивый Госу- «дарь, возразилъ Маршаль, я требую осми дней. «Не могу принять никакого другаго предложе- «нія; мнѣ надобно восемь дней; они необходимы «для моей ответственности.—И такъ, отвѣчалъ «я, все затрудненіе состоитъ только въ этой «разницѣ между пятью и осмью днями! Но я не «достигаю важности, которую Ваше Превосхо- «дительство въ этомъ полагаете, тогда какъ Его «Величество стоитъ предъ вами со ста тысяч- «нымъ войскомъ, и когда корпусовъ Маршала «Бернадота и Генерала Мармонта достаточно «для задержанія эти три дня Русскихъ, даже и «предположивъ ихъ тамъ, откуда они еще очень «далеко. — Они въ Дахау, повторилъ Генераль «Макъ.—Положимъ, что такъ, Г. Баронъ и да- «же хоть въ Лугсбургѣ; мы тѣмъ болѣе торо- «нимся кончить съ вами это дѣло: и такъ не «принуждайте насъ брать Ульмъ приступомъ; «ибо тогда, вмѣсто пятидневнаго ожиданія, «Императоръ вступитъ туда въ одно утро. — «Ахъ! Генераль,» возразилъ Главнокомандующій, «не думайте чтобы пятнадцать тысячъ человекъ

«такъ легко доустили до приступа: онъ доро-
го будетъ вамъ стоять! — Нѣсколькихъ сотъ
«человѣкъ,» отвѣчалъ я, «а вамъ, вашей арміи
«и разрушенія Ульма, за которое Германія бу-
«детъ упрекать васъ; наконецъ, всѣхъ бѣдствій
«осады, которыя Его Величество желалъ бы
«предупредить чрезъ предложеніе, которое онъ
«поручилъ мнѣ вамъ сдѣлать. — Скажите,» вос-
кликнулъ Маршаль, «что это будетъ вамъ сто-
«ить десяти тысячъ человѣкъ! Слава Ульма до-
«вольно извѣстна. — Она состоитъ въ высотахъ,
«его окружающихъ, а мы ихъ занимаемъ. — Въ
«такомъ случаѣ, невозможно чтобы вы незна-
«ли силу Ульма! — Безъ сомнѣнія Г. Маршаль и
«тѣмъ еще болѣе, что мы видимъ его внутрен-
«ность. — Когда такъ, Милостивый Государь!»
сказалъ тогда злополучный Генераль, «то вы
«видите людей, готовыхъ защищаться до по-
«сѣдней крайности, если вамъ Императоръ не
«дастъ имъ осмидней. Я долго здѣсь продержусь
«Въ Ульмѣ три тысячи лошадей, которыхъ мы
«скорѣе съѣдимъ, чѣмъ сдѣдимъ, и сдѣлаемъ это
«съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ бы и
«вы тоже самое сдѣлали, если бы были на на-
«шемъ мѣстѣ — Три тысячи лошадей?» возра-
зилъ я; «ахъ! Г. Маршаль, стало бытъ недоста-
«токъ въ съѣстныхъ припасахъ слишкомъ уже
«великъ, когда вы думаете приближнуть къ та-
«кому печальному средству?»

»Маршалъ началъ меня увѣрять, что у него есть свѣтныхъ припасовъ на десять дней, но я этому не повѣрилъ. Начиало разсвѣтать, а мы нисколько не подвигались впередъ. Я могъ бы дать шесть дней; но Генераль Макъ, столь упорно настаивалъ на своихъ осми дняхъ, что я счелъ эту прибавку одного дня бесполезною, и потому не упомянулъ о ней. Я всталъ, сказавъ, что мнѣ приказано возвратиться до свѣта и въ случаѣ отказа, сообщить Маршалу Иею приказъ, начать атаку. Тутъ Генераль Макъ сталъ жаловаться на насиліе, оказанное этимъ Маршаломъ посланному имъ переговорщику, котораго онъ не хотѣлъ выслушать. Я воспользовался этимъ случаемъ, дабы хоть немного дать ему замѣтить, что дѣйствительно этотъ Маршалъ имѣетъ характеръ вспыльчивый, горячій, необузданный; что онъ начальствуетъ самымъ многочисленнымъ и наиболѣе сосредоточеннымъ корпусомъ; что онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ приказанія начать приступъ и что я долженъ былъ сообщить ему этотъ приказъ по выѣздѣ моемъ изъ Ульма. Старый Генераль не испугался; онъ настаивалъ объ осми дняхъ, убѣждая меня представить это предложеніе Императору.

«Этотъ несчастный Генераль готовъ подписать погибель Австріи и свою собственную; и однакожь, въ этомъ отчаянномъ положеніи,

онъ еще не совершенно потерялся; умъ его сохранилъ свои способности; разсужденія его живы и настойчивы. Онъ защищаетъ единственную вещь, которая у него остается— время. Онъ старается замедлить паденіе Австрійн, коего онъ виновникъ; онъ хочетъ дать ей нѣсколько дней для того, чтобы къ тому приготовиться; гибилъ самъ, онъ спорилъ еще за нее. Увлеченный своимъ характеромъ, болѣе политическимъ, чѣмъ военнымъ, онъ хочетъ еще употребить хитрость противъ силы; голова его теряется въ тмѣ соображеній.

«25 числа, около девяти часовъ утра я прибылъ къ Императору въ Эльхингенское Аббатство, и отдалъ ему отчетъ о моемъ порученіи; онъ повидимому остался доволенъ; но опять потребовалъ меня къ себѣ, и какъ я нѣсколько замедлилъ, то онъ прислалъ ко мнѣ Генерала Бертъ съ новыми письменными предложеніями, которыя мнѣ должно было тотчасъ отвезти для подписанія къ Генералу Маку. Императоръ давалъ Австрійскому Генералу восемь дней, но считалъ съ 23 числа, первую дня блокады; что дѣйствительно ограничивало срокъ тѣми же шестью днями, которыя я могъ сначала предложить, чего я не хотѣлъ сдѣлать.

«Однакоже, въ случаѣ упорнаго отказа, я былъ уполномоченъ предоставить ему счетъ

этихъ семи дней съ 25 числа и Императоръ все еще выигрывалъ одинъ день черезъ эту уступку. Онъ желалъ поскорѣе вступить въ Ульмъ для того, чтобы увеличить славу своей побѣды ея быстротою, чтобы дойти до Вьны прежде чѣмъ она опомнится отъ своего изумленія и прежде чѣмъ Русская армія приметъ какія либо мѣры, а наконецъ потому, что у насъ начиналъ оказываться недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ.

«Дежурный Генераль, Маршалъ Бертъе предупредилъ меня, что онъ приблизится къ городу и что по утвержденіи условій, онъ очень будетъ радъ, если я открою ему туда входъ.

«Я былъ впущенъ въ Ульмъ около полудня опять съ тѣми же предосторожностями; но на этотъ разъ я нашелъ Генерала Мака у самыхъ городскихъ воротъ. Я вручилъ ему окончательныя предложенія Императора, онъ пошелъ совѣтоваться со многими Генералами, между коими я кажегся замѣтить Кнзя Лихтенштейна и Генераловъ Кленау и Гулаа. Черезъ четверть часа онъ опять воротился смирить со мною на счетъ числа. По недоразумѣнію онъ вообразилъ что получаетъ восемь дней начиная съ 25 числа. Тогда со страннымъ упоеніемъ радости: Господишь Сегюръ! любезный господинъ Сегюръ!» воскликнулъ онъ, «я надѣялся на великодушіе Императора: я не ошибся....

«Скажите Маршалу Бертъе, что я его почи-
таю Скажите Императору, что я не имѣю
«болѣе сдѣлать нимадѣйшаго возраженія; что
«я подпишу все что вы мнѣ привезли Но
«скажите Его Величеству, что Генераль Ней
«очень жестоко поступилъ со мною; что
«не такимъ образомъ ведутъ переговоры
«Повторите Императору, что я надѣлся на его
«великодушіе» Потомъ съ усиливающимъ
сердечнымъ изліяніемъ: «Господиъ Сегоръ,
«я очень цѣню ваше уваженіе и мнѣніе, кото-
«рое вы будете имѣть обо мнѣ: я покажу вамъ
«бумагу, мною подписанную; ибо я уже преж-
«де рѣшился.» При этихъ словахъ онъ развер-
нулъ листъ бумаги, на которомъ я прочиталъ
сія слова: *Восемь дней или смерть!* подписа-
но *Макъ.*

Князь Морицъ Лихтенштейнъ также былъ
присланъ переговорщикомъ въ главную квар-
тиру, гдѣ по обычаю, его повезли вер-
хомъ и съ завязанными глазами. Раппъ послѣ
разсказывалъ мнѣ объ этомъ свиданіи, на ко-
торомъ онъ находился при Наполеонѣ со мно-
гими другими его Адьютантами. Кажется что
и Бертъе былъ притомъ. «Представь себѣ,» ска-
залъ мнѣ Раппъ, «удивленіе, или лучше ска-
зать смущеніе бѣднаго Князя, когда ему раз-
вязали глаза: онъ совершенно ничего не зналъ,
и даже не подозрѣвалъ того, что Императоръ

прибыль уже къ арміи. Узнавъ, что находится въ присутствіи Наполеона, онъ не могъ преодолѣть своего изумленія, которое не укрылось отъ Императора и откровенно признался, что Генераль Макъ и не подозрѣваетъ присутствія его подъ стѣнами Ульма. Князь Лихтенштейнъ предложилъ сдачу сей крѣпости, съ тѣмъ условіемъ, чтобы гарнизону оной было дозволено возвратиться въ Австрію. Это предложеніе, прибавилъ Рапцъ, сдѣланное въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находился, заставило Императора улыбнуться: «Вы не подумали объ этомъ,» сказалъ онъ ему; «я не имѣю никакихъ причинъ исполнить ваше требованіе, что я чрезъ это выиграю: восемь дней? Черезъ восемь дней вы будете мои безъ всякихъ условій. Развѣ вы полагаете, что мнѣ ничего неизвѣстно? «Вы идете Русскихъ? . . . Они много что въ Богеміи. Если я васъ вышучу, то кто меня уверитъ, что вы не присоединитесь къ нимъ для того, чтобы драться потомъ со мною? Ваши Генералы уже довольно часто меня обманывали, и я не хочу больше быть ихъ игрушкою. При Маренго я имѣлъ слабость выпустить изъ Александріи войска Меласа; онъ обѣщаль договориваться о мирѣ, и чтоже вышло? черезъ два мѣсяца послѣ того Моро пришлось сражаться съ Александрійскимъ гарнизономъ. При томъ же эта война не есть война обыкновен-

«ная. Послѣ поведенія вашего Правительства, я не обязанъ оказывать никакой пощады; я не имѣю нималѣйшей вѣры къ его обѣщаніямъ. Вы меня атаковали. Еслибъ я согласился на то, чего вы требуете, то знаю, что Макъ далъ бы обязательство; но даже и предположивъ его искреннимъ, властенъ ли онъ былъ бы сдерживать свое слово? что касается до него самого, такъ; но для его арміи, нѣтъ. Еслибъ еще Эрцгерцогъ Фердинандъ былъ съ вами, то я бы могъ положиться на его слово, потому что на немъ лежала бы отвѣтственность за условія, и потому что онъ не захотѣлъ бы себя обезчестить; но я знаю, что онъ вышелъ изъ Ульма и переправился черезъ Дунай; однакожъ я его догоню.»

«Ты не можешь себѣ представить, продолжалъ Рашиъ, замѣнательство Князя Лихтенштейна, едва оно упоминается отъ своего изумленія, пока Императоръ ему говорилъ. Однакожъ онъ нѣсколько оправился и сталъ увѣрять, что безъ условій, которыя ему поручено предложить, крѣпость не сдастся.» Въ такомъ случаѣ, сказалъ ему Наполеонъ, «вы можете воротиться къ Маку, ибо я никогда не предоставлю ему такихъ условій. Шутить со мною что ли? Вотъ вамъ Меммингенская Капитуляція; покажите ее вашему Генералу; пусть онъ сдастся на тѣхъ же условіяхъ: я не требую другихъ.»

«Одни только ваши Офицеры возвратятся въ Австрію; но солдаты останутся военноплѣнными. Скажите ему чтобы онъ поторопился, ибо мнѣ нѣкогда терять время. Чѣмъ дольше онъ «станетъ медлить, тѣмъ будетъ хуже для него «и для васъ. Завтра придетъ сюда корпусъ, которому сдался Меммингенъ, и мы посмотримъ. «Да будетъ извѣстно Маку, что ему нечего «больше дѣлать, какъ повиноваться моей волѣ.»

Этотъ повелительный тонъ, который Бонапарте употреблялъ со своими непріятелями, почти всегда ему удавался и произвелъ на Мака свое обыкновенное дѣйствіе. Въ тотъ же самый день, въ который Князь Лихтенштейнъ пріѣзжалъ въ главную квартиру, Макъ написалъ къ нему, что со великимъ другимъ онъ не сталъ бы договариваться на такихъ условіяхъ, но что онъ уступаетъ силѣ его фортуны, и на другой день Бертье былъ посланъ въ Ульмъ, откуда онъ возвратился съ подписанными условіями; и такъ Наполеонъ не ошибся въ томъ, что Австрійская армія найдетъ себя въ Ульмѣ погибелью. Ульмскій гарнизонъ вынелъ съ такъ называемыми воинскими почестями и былъ отведенъ военноплѣннымъ во Францію. Я уже имѣлъ случай замѣтить, что изъ всехъ войскъ, съ которыми Наполеонъ сражался въ продолженіе своего воинскаго поприща, Австрійскія скорѣе прочихъ сдавались военноплѣнными.

Какую перемену пятнадцатидневныя успѣхи, увеличанные взятіемъ Ульма, произвели въ дѣлахъ! Я узналъ въ Гамбургѣ, чрезъ моихъ агентовъ, до какой степени безумія достигали надежды непріятелей Наполеона, прежде чѣмъ онъ выступилъ въ походъ. Беспечность Вѣнскаго Кабинета была истинно непостижима; въ немъ не только не страшились этой цѣпи побѣдъ, которая сдѣлала Бонапарте властелиномъ всей Австрійской Монархіи; но сообщники Драка и другіе подобные ему производители козней считали Францію какъ бы завоеванною уже землею, располагали нѣкоторыми изъ областей ея, и въ припадкахъ своего съумасшествія, — котораго я привожу одну только черту — обѣщали городъ Ліонъ Королю Сардинскому, въ вознагражденіе за временное отнятіе у него Пьемонта.

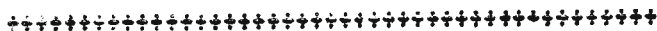
Наполеонъ, который такъ сильно раздражался при пренятетвіяхъ и такъ высокомерно поступалъ со великимъ, державшимъ противиться его непреклонной воли, — былъ совсѣмъ не тотъ человѣкъ, когда, одержавъ побѣду, онъ допускалъ къ себѣ побѣжденныхъ Генераловъ. Онъ утѣшалъ ихъ о понесенномъ ими несчастіи и могу увѣрить, что утѣшенія его не были дѣйствиельно гордости, скрытой подъ завѣсою притворнаго великодушія. Извлекая пользу изъ ихъ пораженія, онъ искренно жалѣлъ о нихъ; сколько разъ говаривалъ онъ мнѣ: «Какъ Гене-

«рать долженъ быть несчастливъ на другой день послѣ потери сраженія.» Онъ самъ испытать это несчастіе тогда, какъ былъ принужденъ снять осаду Сен-Жанъ д'Акры. Въ эту минуту, мнѣ кажется, онъ былъ бы готовъ задуть Джебзара; но еслибъ Джебзаръ сдѣлся, то онъ оказалъ бы ему тѣ же отличія, какъ Маку и другимъ Генераламъ Ульмекаго гарнизона; когда они предъ него предстали, то я увѣренъ, что онъ соболѣзновалъ о ихъ огорченіи. Этнихъ Генераловъ было семнадцать, между коими замѣчались: тотъ самый Князь Лихтенштейнъ, который наканунѣ изумился увидѣвъ Императора; Генераль Кленау и Баронъ Гюмай, пріобрѣтшіе довольно значительную славу въ прошедшихъ войнахъ; наконецъ Генераль Френель, коего положеніе было щекотливѣе положенія товарищей его бѣдствія, ибо онъ былъ Французъ и эмигрантъ.

«На этихъ Генераловъ,» сказалъ мнѣ Рашиъ, «точно жалко было смотреть; они почтительно «поклонились Императору, имѣя впереди Мака. «Они хранили печальное молчаніе и Наполеонъ «самъ заговорилъ съ ними: Господа,» сказалъ онъ имъ, «я жалю что такіе храбрые люди «какъ вы, сдѣлались жертвою безразсудства ка- «бинета, который ищетъ цѣлныя замыслы и «не боится помрачить достоинство Австрійской «Державы, торгуя службою своихъ Генераловъ.

«Ваши имена мнѣ извѣстны; они приобрѣли себѣ честь вездѣ, гдѣ вы сражались. Разсмотрите поведеніе тѣхъ, которые довели васъ до этой бѣды. Можетъ ли что нибудь быть несправедливе, какъ придти, безъ объявленія войны, схватить меня за горло? Не значить ли сдѣлаться виновными предъ народами, привлекая къ нимъ вторженіе иноземцевъ? Не значить ли измѣнять цѣлой Европѣ, призывая къ себѣ въ участники Азіятскія полчища? По правиламъ благородной политики, Австрія слѣдовало бы искать моего союза для того, чтобы откинуть Русскихъ къ Сѣверу. Этотъ союзъ вашего кабинета будетъ вѣчно казаться ужасною вѣщью въ исторіи; это союзъ пастуховъ, собакъ и волковъ противъ овецъ; такое соображеніе не могло выйти изъ головы Государственнаго человѣка. Счастіе ваше, что я не палъ въ несправедливой борьбѣ, на которую меня вызвали; а то бы Вѣнскій Кабинетъ скоро увидѣлъ свою ошибку и можетъ быть, что онъ когда нибудь еще дорого за нее заплатитъ.»

Г Л А В А Ш.

Снисходительность къ плѣннымъ Офицерамъ.—Воззваніе Императора къ его солдатамъ.—Важныя послѣдствія пятнадцатидневнаго похода.—Военное краснорѣчіе Наполеона.—Французскіе и Русскіе солдаты. — Конѣцъ свѣта, и преувеличенія.— Десять тысячъ плѣнныхъ, взятыхъ Мюратомъ.— Битва при Кальдіро въ Италіи. — Письмо Дюрока.— Францискъ I-й отмищенъ Наполеономъ. — Дѣло Маркграфства.—Безполезныя попытки замедлить походы Императора и Г. Гумай.—Первые Французскіе орлы, взятые Русскими.—Досада Наполеона.—Цвѣскій мостъ.—Счастливая отвага Ланна и Мюрата.—Взятіе Вены хитростью.—Разсказъ Ланна, его храбрость и вселось.—Вліяніе подвига Ланна и Мюрата на слѣдствія Аустерлицкой кампаніи.—Посылка Савари къ Императору Александру.—Основательныя разсужденія Александра.

Оказывая снисходительность самолюбію своихъ плѣнниковъ на счетъ ихъ Правительства, Наполеонъ въ тоже время желалъ изъяснить арміи свою живѣйшую признательность и для

сего издасть достопримѣчательное воззваніе, въ которомъ находится какъ бы перечень всего происшедшаго съ открытія кампаніи. Вотъ оно:

«Солдаты Большой Арміи,

«Въ пятнадцать дней мы кончили кампанію. «То что мы предполагали сдѣлать, исполнено: «мы выгнали изъ Баваріи Австрійскія войска, и «возстановили нашу союзницу во владѣніи ея «землями.

«Эта армія, которая съ такимъ же хвостов- «ствомъ, какъ и неблагоразуміемъ вздумала по- «дойти къ границамъ нашимъ, уничтожена.

«Но что до этого нужды Англіи! цѣль ея «выполнена: мы уже болѣе не въ Булонн, и «обѣщанная ею вспомогательная сумма чрезъ «это не увеличится и не уменьшится.

«Изъ ста тысячъ, составлявшихъ эту армію, «шестдесятъ тысячъ взято нами въ плѣнъ: они «пойдутъ замѣнить нашихъ конскриптовъ въ «сельскихъ работахъ.

«Двѣсти пушекъ, весь паркъ, девяносто зна- «менъ и всѣ Генералы въ нашей власти. Изъ «этой арміи не ушло и пятнадцати тысячъ че- «ловѣкъ.

«Солдаты, я возвѣстилъ вамъ большую би- «ству; но благодаря дурнымъ соображеніямъ не- «пріятеля, дѣло обошлось безъ оной, между «тѣмъ какъ мы приобрѣли тѣ же выгоды; и, «что безпримѣрно въ исторіи, приобрѣтеніе

«этихъ выгодъ не стоило намъ и пятнадцати тысячъ человекъ, выбывшими изъ строя.

«Солдаты! вы приобрѣли этотъ успѣхъ неограниченною вашею довѣренностью къ вашему Императору, вашимъ терпѣніемъ при перенесеніи усталостей и великаго рода лишеній и вашею рѣдкою храбростью.

«Но мы на этомъ не остановимся. Вы съ истерпѣніемъ желаете начать вторую кампанію. Мы подвергнемъ тому же жребію эту Русскую армію, которая въ слѣдствіе прощелковъ Англіи пришла *съ конца свѣта*.

«Съ этою битвою въ особенности связана честь Французской пѣхоты; тамъ-то вторично рѣшится вопросъ, который былъ уже рѣшенъ въ Швейцаріи и въ Голландіи, вопросъ о томъ первое или второе мѣсто въ Европѣ должна занимать Французская пѣхота.

«Тамъ нѣтъ такихъ Генераловъ, противъ которыхъ я бы могъ приобрести сію славу. Все мои старанія ограничатся тѣмъ, чтобы получить побѣду съ наименьшимъ пролитіемъ крови: мои солдаты мнѣ дѣти.»

Это воззваніе всегда казалось мнѣ образцемъ военнаго краснорѣчія; Наполеонъ хвали солдатъ своихъ, съ тѣмъ вмѣстѣ возбуждалъ въ нихъ самолюбіе, представляя имъ Русскихъ способными оспорить у нихъ первенство между солдатами Европы, и въ заключеніе называлъ ихъ

своими дѣтьми. Надобно было видѣть самому необычайный восторгъ, производимый словами Наполеона на его войска для того, чтобы вообразить себѣ оный.

Между тѣмъ вторая кампанія, которую они, по словамъ Наполеона горѣли желаніемъ начать, не замедлилась: и враждебныя дѣйствія производились на всѣхъ точкахъ съ тѣмъ восторгомъ и ревностью, которыя одушевляли армію. Богъ знаетъ также какія нелѣпыя сказки сочиняли о Русскихъ, которыхъ Бонапарте высокопарно приводилъ съ конца свѣта: они были полунагіе дикіе, грабившіе и сожигавшіе все; они убивали и ѣли дѣтей, и такъ далѣе. Въ эту же эпоху придумано столь прославившееся въ послѣдствіи названіе сѣверныхъ варваровъ. Какъ бы то ни было, а черезъ два дня послѣ сдачи Ульма, Мюратъ также принудилъ къ сдачѣ Генерала Вирнека, запертаго въ крѣпости Трохтельфингенъ и взялъ у него десять тысячъ плѣнныхъ такъ что, не считая убитыхъ и раненыхъ, Австрійская армія уменьшилась уже болѣе чѣмъ пятидесятью тысячами послѣ двадцатидневнаго похода. 27 Октябрю Французская армія перешла чрезъ Иннъ и, вступивъ на Австрійскія земли, немедленно овладѣла Зальцбургомъ и Браунау. Во всѣхъ, доходившихъ ко мнѣ изъ арміи извѣстіяхъ, говорили о невѣроятномъ восторгѣ, одушевлявшемъ вой-

ска и о производимыхъ ими вездѣ чудесахъ. Итальянская армія, подъ предводительствомъ Массены, также пріобрѣтала большія выгоды. Въ то самое время, какъ Большая Армія овладѣла упомянутыми мною двумя крѣпостями, Итальянская армія, перешедъ чрезъ Адикъ, вступила при Кальдіеро въ кровавый бой и взяла у Австрійцевъ пять тысячъ плѣнныхъ.

Безъ преувеличенія можно сказать, что въ этой знаменитой кампаніи, которую привыкли называть Аустерлицкою, подвиги нашихъ войскъ свершались быстрѣе самой мысли. Каждый, получаемый мною курьеръ привозилъ мнѣ извѣстія, еще болѣе благоприятныя, чѣмъ какихъ я надѣялся. Хотя уже я зналъ о занятіи Линца и о смѣломъ движеніи Нея на Иншбрукъ, что дѣлало насъ повелителями Тироля, а признаюсь, что я столько же удивился, какъ и обрадовался, получивъ съ нарочнымъ письмомъ отъ Дюрока, который вкратцѣ сообщалъ мнѣ: «Мы въ Вѣнѣ; Императоръ здоровъ, и въ наилучшемъ расположеніи духа; онъ очень доволенъ услугами, которыя ты оказываешь ему въ Гамбургѣ, а также и порученіемъ, съ которымъ я ѣздилъ въ Берлинъ, хотя тебѣ извѣстно, что я ни въ чемъ не могъ успѣть; но онъ не сомнѣвается въ моемъ усердіи. Онъ ждетъ меня съ нетерпѣніемъ, и я донесъ ему обо всѣхъ уверткахъ, которыхъ я былъ сви-

«дктелемъ. Старайся по возможности узнавать
«о происходящемъ въ Пруссiи и извѣщай меня.»

Письмо Дюрока было отъ 15 Октября и сло-
ва: *мы въ Вiеннѣ*, показались мнѣ знакомы. Сто-
лица Австрiи, этотъ городъ, съ незапамятныхъ
временъ не бывшій занятъ иноземцами; этотъ
городъ, спасенный Собіесскимъ отъ храбрости
Оттомановъ, сдѣлался добычею Императорскаго
Французскаго Ора, который симъ отместилъ
чрезъ три вѣка, и послѣ сорокадвухъ кампа-
нiи, за уничтоженіе причиненное некогда Фран-
циску I Карломъ V (*).

Дюрокъ разстался съ Наполеономъ прежде
снятія Будонскаго лагеря; по окончанiи пору-
ченiя своего въ Берлинѣ, онъ прибылъ къ Им-
ператору въ Лицъ. Дюрокъ очень образовался
въ дипломатiи со времени первой своей пору-
ченности въ началѣ Консульства; порученность,
которая, какъ читатели вѣномятъ, состояла въ
томъ, чтобы некусно рассказать Королю Прус-
скому о главныхъ событіяхъ Египетскаго по-
хода. Если послѣднее его порученіе и не имѣ-
ло успѣха, то онъ по крайней мѣрѣ могъ замѣ-
тить, что не смотря на наклонность Берлинс-

(*) Наполеонъ, сдѣлавшись Императоромъ объявилъ, что къ
нему относятся всѣ оскорбленія, нанесенныя Королямъ, ко-
торыхъ онъ называлъ своими предшественниками. Все, со-
ставлявшее Францію, было для него священно, и въ послѣд-
ствiи увидать съ какою радостью онъ и охотилъ Росбах-
скую колонну съ земли Прусской.

каго кабинета присоединиться къ Австріи и къ Россіи, въ немъ царствовала еще какаѣ то нерѣшимость, пренятствовавшая ему объявить свои намѣренія, въ случаѣ если успѣхъ окажется на сторонѣ Наполеона; но по сдачѣ Ульма, Бонапарте успокоился на счетъ Берлина. Въ Ливнцѣ же посетилъ Императора Курфирстъ Баварскій, который не возвращался еще въ свою столицу, тогда какъ Бонапарте туда прибылъ. Пруссія, какъ видѣли, изъявила сильное неудовольствіе за нарушеніе поземельныхъ правъ Маркграфствъ Барейтскаго и Аншпахскаго, но это дѣло устроилось потому, что Король Прусскій не посмѣлъ рѣшиться; думали было что онъ возстанетъ противъ Французовъ, и Г. Делафоре сообщилъ уже о томъ Императору; но Наполеонъ, какъ сказано, успокоился чрезъ одержанный имъ успѣхъ. Пруссія не тронулась съ мѣста и какъ ниже увидать, дорого заплатила за свои колебанія.

Прежде чѣмъ займусь страннымъ порученіемъ Г-на Гаугвица къ Императору Наполеону и послѣдствіями этого порученія, которое обстоятельства сдѣлали совершенно противнымъ первоначальной его цѣли, я долженъ разсказать то, что я узналъ о другихъ переговорахъ, заведенныхъ съ Наполеономъ Австрією съ цѣлью замедлить ходъ его, слишкомъ очевидно, дабы онъ могъ дать въ обманъ. Г. Гюлай,

одинъ изъ Генераловъ, находившихся при сдачѣ Ульма, отправился къ своему Императору для донесенія ему объ этомъ бѣдственномъ событіи. Онъ не скрываетъ отъ Императора Франциска и отъ Вѣнскаго кабинета уничтоженіе Австрійской арміи и невозможность остановить быетрый ходъ Французскихъ войскъ. Въ слѣдствіе этого донесенія, Генераль Гюлай былъ посланъ переговорщикомъ въ Главную Квартіру Наполеона для увѣренія его въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ его Государя и для испрошенія перемирія. Свѣти были слишкомъ очевидны для того, чтобы столь прозорливый человѣкъ, какъ Наполеонъ, тотчасъ ихъ не увидѣлъ. Бонапарте, всегда желавшій внушать мысль о искренней его любви къ миру, хотя онъ и всхлищался при одной мысли продолжать войну, столь хорошо начатую и разбитъ Русскихъ,—поручилъ Генералу Гюлаю увѣрить Императора, что онъ не менѣе его желаетъ мира и что готовъ договариваться объ ономъ; но не прерывая для сего военныхъ дѣйствій. Бонапарте точно не могъ, безъ неблагоразумія, ему несвойственнаго, согласиться на перемиріе, ибо Г. Гюлай, уполномоченный отъ Австрій, не былъ уполномоченъ Россією, которая могла не признать перемирія и подоспѣть во время для защиты Вѣны, коей занятіе должно было быть столь важно для Французской арміи. Русскіе дѣйст-

вигельно шли на встрѣчу къ нашимъ войскамъ, и корпусъ нашей арміи, состоящій подъ начальствомъ Маршала Мортъе на лѣвомъ берегу Дуная, при первой встрѣчѣ съ ними даже подвергся урогу, который очень разсердилъ Императора. Первый разъ еще въ эту кампанію Фортуна показала ему сопротивленіе, правда что весьма незначительное; но взятіе Русскими трехъ орловъ причинило ему сильную досаду и заставило его пробить въ Сен-Польтенѣ гдѣ онъ тогда находился, нѣсколько дней долѣе, чѣмъ онъ полагалъ.

Взятіемъ Вьны мы были обязаны счастливой отвагѣ двухъ человѣкъ, нисколько неуступавшихъ другъ другу въ храбрости и смѣлости, Мюрату и Ланну. Въ то время много толковали объ отважной хитрости этихъ двухъ Маршаловъ, которые воспрепятствовали неминуемому разрушенію Вьнскаго моста, называемаго Таборскизмъ, безъ котораго армія не могла бы проникнуть въ столицу Австріи иначе, какъ съ наибольшими трудностями, ибо Вьна тогда была бы защищена Дунаемъ. Вотъ какимъ образомъ это дѣло, неполное мужества и присутствія духа и имѣвшее столь большое вліяніе на послѣдствія кампаніи, было мнѣ послѣ пересказано Ланпомъ, который говоритъ о немъ весело, вовсе себя не выставляя и скорѣе какъ о шуткѣ, сыгранной имъ съ Австрійцами, чѣмъ

какъ о блистательномъ подвигѣ. Предпріятія самыя отважныя, казались ему столь простыми, столь естественными, что часто одинъ только онъ не видѣлъ въ нихъ ничего необыкновеннаго. Какіе люди сдѣлались жертвами Наполеонова честолюбія!

И такъ Ланнъ сказалъ мнѣ однажды, кажется, что это было во время Прусской кампаніи: «Вообрази себѣ, что прогуливаясь одинъ разъ съ Мюратомъ по правому берегу Дуная, гдѣ стояли наши войска и дошедъ до оконечности Таборскаго моста, мы увидѣли, что на лѣвомъ берегу, занятомъ Австрійцами, производятъ работы съ очевидною цѣлью взорвать мостъ на воздухъ при подходѣ нашихъ войскъ. Эти бездѣльщики вздумали работать у насъ подъ носомъ; но мы славно ихъ проучили. Согласясь и условясь хорошенько въ нашемъ планѣ, мы воротились для того, чтобы отдать приказанія, и я ввѣрилъ начальство надъ моею Гренадерскою колонною Офицеру, котораго я зналъ храбрость и смѣливость. Сдѣлавъ все распоряженія, я воротился къ мосту съ Мюратомъ и еще съ двумя или съ тремя Офицерами. Мы потихоньку подвигались впередъ съ такимъ спокойствіемъ, что насъ приняли за простыхъ Офицеровъ. Мы вступили въ разговоръ съ начальникомъ поста, находившагося посреди моста и старались непримѣтнымъ образомъ

поддержать въ немъ мысль о скоромъ заключеніи перемирія (*). Продолжая разговаривать съ Австрійскими Офицерами, мы обратили ихъ вниманіе на лѣвый берегъ, и когда они туда засмотрѣлись, то колонна монахъ гренадеръ вступила на мостъ. Австрійскіе артиллерійсты, видя своихъ Офицеровъ посреди насъ, не посмѣли стрѣлять; а моя колонна быстро двинулась впередъ; мы съ Мюратомъ шли предъ оною и такимъ образомъ достигли лѣваго берега. Всѣ снаряды, приготовленные для взорванія моста, были побросаны въ рѣку; и люди мои овладѣли защищаемыми мостъ батареями. Наконецъ, бѣдные Австрійскіе Офицеры совершенно ошеломѣли, когда я сказалъ имъ, что они наши пѣшники.»

Такъ, если память моя меня не обманываетъ, пересказывалъ мнѣ это дѣло Ланцъ, который отъ чистаго сердца смѣялся, говоря мнѣ о томъ, какъ смутились Австрійскіе Офицеры, когда они замѣтили сдѣланную нами глупость. Ланцъ вовсе не думалъ о важности своего предиріятія въ ту минуту, какъ онъ его исполнилъ, но она въ скоромъ времени обшаружилась. Онъ не только обесчечилъ Французской арміи вѣр-

(*) Въ Вѣнѣ тѣмъ болѣе вѣрили заключенію перемирія, что увидѣли Барона Гюлаа, протѣжавшаго въ главную квартиру Императора и что онъ оттуда еще не возвращался въ то время, какъ Ланцъ и Мюратъ сдѣлали свою, столь же удачную какъ и дерзкую попытку.

ный и легкій способъ вступленія въ Вѣну; но поставилъ, и самъ того не зная, непреодолимую преграду присоединенію къ Русской арміи Австрійскаго корпуса, которымъ предводительствовалъ Эрцгерцогъ Карлъ и который Принцъ сей, тѣснимый Массеною, велъ съ наибольшаго успѣхомъ въ сердце наслѣдственныхъ владѣній, гдѣ онъ предвидѣлъ, что должна произойти большая битва. Принцъ Карлъ, многоходомъ сказать, находился весьма въ непріятномъ положеніи; принужденный принять участіе въ войнѣ, явно имъ неодобримой, онъ получилъ себя подъ начальство только второстепенный корпусъ, коему было предназначено наблюдать Италію; послѣдствія войны могли повредить его славу, справедливо имъ приобретенной: этого не случилось, потому что ему не пришлось бороться съ самимъ Наполеономъ, но съ тѣхъ поръ онъ отказался отъ принятія начальства въ Австрійской арміи.

Какъ только корпуса Мюрата и Ланна овладѣли Вѣною, то Императоръ приказалъ всѣмъ дивизіямъ арміи двинуться къ этой столицѣ, которая сдѣлалась какъ бы столицей Французской арміи, а Императоръ, какъ будто бы живя въ Сен-Клу, учредилъ свою Главную Квартиру въ Шёнбруннѣ, предписывая оттуда движенія, которыя еще слѣдовало выполнить, какъ для того, чтобы принудить корпусъ Принца

Карла къ отступленію въ Венгерію, такъ и для посылки арміи на встрѣчу Русскимъ. Оставивъ въ Вьнѣ и въ окрестностяхъ только четыре дивіизи, подъ начальствомъ Маршала Мортъе и Генерала Мармонга, онъ двинулся по Знаимской дорогѣ, гдѣ, по полученнымъ Императоромъ донесеніямъ, сосредоточивались главныя силы Русской арміи; но какъ эта армія сдѣлала движеніе къ Брунну, то Наполеонъ, узнавъ о томъ, также направилъ путь въ эту сторону.

Мюрать и Лангъ постоянно начальствовали авангардомъ при этихъ ускоренныхъ и, такъ сказать чудесныхъ, маршахъ; высокая прозорливость казалась возрасла еще при распоряженіяхъ, предшествовавшихъ Аустерлицкой битвѣ; достоверно, и многіе бывшіе очевидцами Офицеры меня увѣряли, что онъ заблаговременно назначилъ мѣсто, куда ему хотѣлось завести Русскихъ, и что онъ приказалъ своимъ Генераламъ внимательное разсмотрѣть всѣ извилины почвы увѣряя ихъ, что имъ придется тутъ дѣйствовать.

Однакоже, дабы лучше увѣрить всѣхъ въ желаніи своемъ заключить миръ, какъ только ему будутъ предложены разсудительныя условія, Наполеонъ взялъ съ собою своего Министра Вишнихъ Свошеній, который расположился въ Вьнѣ съ Французскою канцелярією. Кларкъ былъ назначенъ Генераль-Губернато-

ромъ этого города. Императоръ, прежде чѣмъ начать сражаться, далъ Генералу Савари порученіе къ Императору Александру; это порученіе было мнѣ извѣстно еще въ то время, какъ обстоятельство, котораго я не могъ не знать въ моемъ тогдашнемъ положеніи; но обстоятельныя подробности онаго узналъ я только изъ разсказа объ ономъ Герцога Ровиго въ его защитительныхъ запискахъ. Какъ онъ ни старается увѣрить въ некрепости Наполеона при его миролюбивыхъ предложеніяхъ, а самыя обстоятельства, на коихъ онъ основываетъ свои заключенія, при ближайшемъ разсмотрѣніи оныхъ, приводятъ къ заключеніямъ, совершенно противнымъ. Наполеонъ хотѣлъ предписать свои условія тогда, какъ развязка битвы могла еще казаться сомнительною Россійскому Императору, и эти условія были таковы, какія онъ могъ предписать по одержаніи уже победы нашими орлами. Ясно, что предлагая ऐसा то, па что, какъ онъ знаетъ, нельзя было согласиться, онъ придавалъ себѣ видъ миротворца, доставляя себѣ удовольствіе войны. Герцогъ Ровиго невольно доказываетъ справедливость моего заключенія, приводя слѣдующія слова Императора Александра: «Должно быть, что предложенія, дѣлаемыя мнѣ вашимъ Государемъ согласуются съ чувствами, которыя внушили ему приелать васъ ко мнѣ. Это дѣлаетъ величай-

ную честь его умѣренности; но значить ли желать мира, предлагая оный на такихъ гибельныхъ для Государства условіяхъ, какія предложены Императору Франциску?»

Императоръ Александръ равномерно не ошибался и тогда, какъ на сдѣланное Герцогомъ Ровино замѣчаніе, что весьма естественно стараться уменьшить могущество своего непріятеля, онъ отвѣтствовалъ: «Это то расположеніе уменьшать могущество своихъ сосѣдовъ, увеличивая свое собственное, и вовлекаетъ его въ безпрестанныя войны. Ваше Государство безъ того уже столь сильно само собою, соединеніемъ своимъ подъ одними законами, единообразіемъ обычаевъ и языка, что оно естественнымъ образомъ внушаетъ страхъ. За чѣмъ вамъ стараться безпрестанно увеличиваться?»

Не правъ ли былъ Государь, такимъ образомъ изъяснявшійся? и чтобы подумали о немъ, еслибъ для избежанія битвы, которую была надежда выиграть, онъ заключилъ отдѣльный договоръ, покинуть свою союзницу, и предоставить Австрію на произволь взыскательнаго побѣдителя?

Г Л А В А IV.

Обязанности мои въ Гамбургѣ.— Король Шведскій въ Стральзундѣ.— Бюлетень мой о позиціи Русскихъ армій.— Высадка Англичанъ на Эльбѣ и Везерѣ. — Причина того, что Императоръ доволенъ моею службою.— Дюрокъ въ Берлинѣ.— Дюмурье и Сен-Мартенъ.— Наборъ войскъ Англичанами въ Гаюврѣ.— Анекдотъ, разсказанный Ранномъ.— Дочь Г. Марбѣжа.— Измѣна Короля Неаполитанскаго.— Аустерлицкое сраженіе.— Князь Долгорукій и Монмартрскія высоты.— Разсказъ Ранна объ Аустерлицкомъ сраженіи.— Смерть Полковника Моранда.— Рашъ подъ Аустерлицемъ и Келлерманъ при Маренго.— Раневый Рашъ и картина Жерарда.

Я уже сообщилъ часть того, что мнѣ было извѣстно о событіяхъ, происшедшихъ на театрѣ войны предъ Аустерлицкимъ сраженіемъ. Теперь я разскажу, что я дѣлалъ въ Гамбургѣ, для содѣйствія успѣхамъ Французской арміи, по смыслу данныхъ мнѣ наставленій; а потомъ опишу то, что я могъ узнать объ этомъ достопа-

мятномъ событіи и о Прессбургскомъ трактатѣ, который переѣмили политическую форму Европы, создавъ новыя Королевства.

Я послалъ агента на встрѣчу Русскимъ войскамъ, которыя шли ускоренными маршами по берегамъ Эльбы. Агентъ сей написалъ мнѣ изъ Гадбунна, что Русская колонна, слѣдуя по Виженбургской дорогѣ перейдетъ чрезъ Эльбу въ Бѣтцембургъ; другая колонна, идущая чрезъ Рену и Шлацбургъ, долженствовала переправиться чрезъ рѣку сію въ Лауенбургъ; третья колонна, идущая чрезъ Гюстринь и Грабо намѣревалась переправиться въ Домитцъ. Тогда полагали, что эти войска, идуть въ Голландію чрезъ Герцогства Бременское и Ольденбургское. Но получениі этихъ извѣстій, Курфиршерство ГанOVERское было очищено Французами, и начальствовавшій тамъ Генераль Барбу сосредоточилъ силы свои въ Гамельнъ.

2 Ноября 1805 года, Король Шведскій прибылъ въ Стральзундъ. Я предупредилъ Правительство, что его армія вѣроятно дастъ другой оборотъ движеніямъ союзной арміи; ибо до сихъ поръ, первинтельность въ ея маршахъ, не дозволяли замѣтить никакого положительнаго плана. Сначала казалось, что все Шведско-Россійскія войска перейдутъ чрезъ Эльбу, въ одной точкѣ въ Лауенбургъ въ шести миляхъ отъ

Гамбурга, и 5 Ноября не было еще ни одного Русскаго на южномъ берегу Эльбы.

Первая колонна Большой Русской Арміи прошла чрезъ Варшаву 4 Ноября; 2 ожидали Великаго Князя Константина съ Гвардією. Эта колонна, состоявшая изъ шести тысячъ человѣкъ, первая еще проходила чрезъ Прусскую Польшу.

Въ эту минуту намъ еще угрожала скорая высадка въ Везеръ и на Эльбу Гановрекой арміи, усиленной нѣсколькими тысячами Англичанъ. Намѣреніе ихъ вѣроятно состояло въ томъ, чтобы атаковать Голландію, или покуситься на какое либо дѣйствіе въ тылу Большой Французской Арміи.

Французское Правительство очень желало имѣть точныя свѣдѣнія о движеніяхъ Шведско-Русскихъ войскъ въ Гановръ и Россійской арміи въ Польшѣ. Мои агенты въ Варшавѣ и въ Стральзундѣ отлично хорошо дѣйствовали. Я посылалъ слѣдующій бюлетень:

«Русскія войска находятся на маршѣ въ Гановръ; онѣ переходятъ чрезъ Эльбу въ двухъ мѣстахъ на разстояніи трехъ миль, въ Лаусенбургъ и Болцбургъ. Шведы придутъ въ свѣдъ за ними.

«Король Шведскій также отправился въ Гановръ. Онъ выехалъ изъ Стральзунда 9 Ноября.

«Въ Гановръ терять большой недостатокъ

«въ хлѣбѣ и во всѣхъ прочихъ необходимѣйшихъ предметахъ. Тамъ нѣтъ никакихъ магазиновъ, и я не знаю, какимъ образомъ Англичане, Шведы и Русскіе долго тамъ продержатся; тѣмъ болѣе, что Прусскія войска увеличиваютъ потребленіе и дороговизну съѣстныхъ припасовъ.

«Первая колонна третьей Русской арміи, идущей чрезъ Варшаву, прошла чрезъ этотъ городъ 2 Маября; она состояла изъ четырехъ тысячъ человекъ и при ней находилась: Генераль Князь Волконскій, Генераль-Лейтенантъ Фонъ Эссенъ, Принцъ Мекленбургскій и другіе Генералы. Эта колонна имѣла при себѣ двѣнадцать пушекъ 12-ти фунтовыхъ, четырнадцать 9-ти фунтовыхъ, двадцать двѣ 6-ти фунтовыхъ; всего 48 орудій. Триста человекъ легкой артиллеріи.

«Вторая колонна прошла чрезъ Варшаву 4 числа. Она состоитъ изъ 2400 Гренадеръ изъ 2000 пѣхоты, 500 казаковъ, десяти орудій и 70 фуръ.

Сила соединенныхъ арлій съ Гановъ.

«Пятнадцать тысячъ Русскихъ, восемь тысячъ Шведовъ, двѣнадцать тысячъ Англичанъ, всего 35,000. Вотъ сколько чрезъ двѣ недѣли будетъ собрано войскъ въ Курфирнствѣ. По общему мнѣнію, эти войска назначены для произведенія диверсіи въ Голландію

«Англичане дѣлають высадку въ Эльбъ и на Везеръ, куда они приплыли на сто шести судахъ. Но причинивъ слишкомъ продолжительнаго переезда, большая часть лошадей пала отъ недостатка фуража; транспортное судно съ двумястами челоуѣкъ потонуло въ устьѣ Везера; никого не могли спасти.

«Короли Шведскаго ожидаютъ въ Люнебургъ «сегодня или завтра»

Вѣроятно въ слѣдствіе этого бюлетеня, Наполеонъ сказалъ Дюроку, что онъ доволенъ моею службою; изъ другаго письма его, писаннаго прежде того, которое я помѣстилъ выше, читатели увидятъ, отъ чего Императоръ, отозвавъ Дюрока, не обнаружилъ ему никакого безпокойства на счетъ Пруссіи; ибо Дюрокъ надѣялся еще на возможность соглашенія, выѣзжая изъ Берлина. Пруссія совершенно рѣшилась воевать, но имѣя въ виду непріятели, колебалась еще на счетъ принятія мѣръ. Вотъ это письмо:

«Любезный Буріениъ, Его Величество, считая службу мою нужною въ арміи, отозвалъ меня къ себѣ. Я вчера имѣлъ прощальную аудіенцію у Короля и Королевы, и удостоился чрезвычайной благосклонности. Его Величество пожаловалъ мнѣ свой портретъ, осыпанный бриллиантами.

«Императоръ Александръ выѣдетъ вѣроятно

«завтра и Эрцгерцогъ Антоиъ также въ непродолжительномъ времени. Мы не можемъ не надеяться, что съездъ ихъ здѣсь будетъ содѣйствовать всеобщему соглашенію.

«ДЮРОКЪ.»

Всякой разъ, какъ иноземныя арміи выступали противъ Французовъ, эмигранты одушевлялись надеждою, воображая себѣ, что соединившіеся противъ Наполеона державы, воевали за ихъ дѣло; многіе даже вступили въ службу въ арміи Россійскую и Австрійскую. Генераль Дюмурье находился въ этомъ числѣ. Я узналъ, что онъ вышелъ на берегъ въ Стадъ 21 Ноября; неизвѣстно было, куда онъ намѣревается ѣхать. Но нѣкто Сен-Мартенъ, котораго жена жила съ Дюмурье, и который прибылъ съ этимъ Генераломъ изъ Англии въ Стадъ, пріѣхалъ съ большою осторожностью и скрытностью въ Гамбургъ для покупки подъ чужимъ именемъ двухъ каретъ, которыя онъ немедленно отправилъ въ Стадъ, куда и самъ тотчасъ возвратился. Мнѣ были сдѣланы нѣкоторые упрёки за то, что я не задержалъ этого Сен-Мартена, но онъ былъ снабженъ свидѣтельствомъ, что онъ состоитъ въ Англійской службѣ, и я уже сказалъ, что это одно обстоятельство было въ Гамбургѣ охраною, противъ которой ничего нельзя было сдѣлать.

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1805 года наборъ Англи-

чанами войскъ въ Гановръ, продолжался безпрерывно и съ чрезвычайнымъ успѣхомъ. Были дни, въ которые захватывали по сту чело-вѣкъ. Великая нищета, царствовавшая въ Гер-мани, опустошаемой войною и пребываніемъ столькихъ армій, ненависть къ Французамъ и высокая цѣна за вступленіе въ службу, достав-ляли Англичанамъ столько людей, сколько имъ было угодно.

Король Шведскій, выступая на войну въ Га-новръ, имѣлъ съ собою походную типографію для печатанія бюлетеней *Большой Шведской Арміи*. Первый изъ этихъ бюлетеней возвѣщала *Евро-пѣ*, что Его Шведское Величество отпривает-ся изъ Стральзунда, и что армія его займетъ позицію, частью между Нельсеномъ и Гарбургомъ; а частью между Домитцомъ и граница-ми Гамбурга.

7 Декабря 1805 года начались враждебныя дѣйствія между Русскими и гарнизономъ Га-мельна, куда удалился Генераль Барбу. Англи-чане имѣли въ это время нѣсколько судовъ, нагруженныхъ деньгами для набора войскъ.

Я узналъ 20 Декабря, что Дюмурье отпра-вился въ Моравію. Со времени прибытія его въ Стадъ, о немъ не было слуха. Полагали, что онъ будетъ употребленъ въ Русской арміи въ Моравіи; другіе говорили, что его назначать *предводителемъ той*, которая шла изъ Вар-

шавы. Наконецъ многіе увѣрили, что онъ отпра-вился въ Моравію для соглашенія о планѣ экспедиціи, предположенной въ Голландіи, куда онъ возвратится для начальствованія надъ этою экспедиціею.

Возвращаясь къ имѣвшимся у меня свидѣніямъ о дѣйствіяхъ Большой Арміи, ибо послѣднія извѣстія о надеждахъ, или лучше сказать, о козняхъ Дюмурье, были получены мною, если сравнить числа, послѣ уже Аустерлицкой битвы, впрошедшей 2 Декабря, въ день, соотвѣтствующій коронаціи Наполеона.

Нѣкоторые анекдоты о Бонапартѣ относятся къ этому походу: одинъ изъ нихъ былъ пересказанъ мнѣ Раппомъ. За нѣсколько дней до вступленія своего въ Вѣну, Наполеонъ, взявъ верхомъ въ обыкновенной своей походной одеждѣ, въ Полковничьемъ мундирѣ Гвардейскихъ Егерей, повстрѣчался съ коляскою, въ которой сидѣла заливающаяся слезами дама со священникомъ. Наполеонъ, остановясь, спросилъ у этой дамы, куда она ѣдетъ и какаѣ причины слезъ ея. Не зная Императора, она сказала ему: «Ахъ! Милостивый Государь, меня ограбили на дачѣ въ двухъ миляхъ отсюда солдаты, убившіе моего садовника. Я ѣду искать вашего Императора, который очень зналъ мое семейство и много ему были обязаць. Ваше имя?—Де Бювви; я дочь Г. Марбѣфа, бывшаго Губернато-

ромъ въ Корсику.» Я очень радъ сударыня, отвѣчалъ Наполеонъ, «что имѣю случай сдѣлать вамъ пріятное. Я Императоръ.»

«Ты не можешь себя представить,» сказала мнѣ Раппъ, «какое отличіе Императоръ показаль Г-жѣ де Бюсси: онъ успокоиваль ее, сожалѣль о ней, даже почти извинялся о случившемся съ нею несчастіи. «Прошу васъ Милостивая Государыня,» сказалъ онъ ей, «ѣхать въ мою Главную Квартиру и подождать тамъ меня; я скоро туда буду; все, принадлежащее Г-ну Марбѣфу, имѣть право на мое уваженіе.» Императоръ тотчасъ приказаль дать ей для охраны отрядъ своихъ Егерей, увидѣлся съ нею въ тотъ же день, удостоилъ ее особеннаго вниманія и щедро вознаградилъ ее за понесенную ею потерю.

Въ продолженіе времени, предшествовавшаго Аустерлицкой битвѣ, разные корпусы армій, проходили чрезъ Германію и Италію по всемъ направленіямъ, двигаясь къ Вѣнѣ, какъ къ общему средоточію. Въ первыхъ числахъ Ноября, корпусъ подъ начальствомъ Маршала Бернадотта, прибыль въ Зальцбургъ въ ту минуту, когда Императоръ подвинуль свою Главную Квартиру въ Браунау, гдѣ нашли многочисленныя артиллерійскіе магазины и великое количество всякаго рода запасовъ. Присоединеніе Бернадоттова корпуса было для Наполеона очень важно-

почему онъ приказалъ Бернадоту идти къ нему какъ можно поближе, и следовательно ближайшимъ путемъ, что и принудило Маршала пройти чрезъ землю двухъ Маркграфствъ.

Въ эту эпоху мы находились въ мирѣ съ Наполеемъ; Императоръ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ даже заключилъ съ Фердинандомъ IV-мъ нейтральный договоръ; этотъ договоръ дозволялъ Генералу Гувюанъ Сен-Сиру, занимавшему Неаполь, выйти изъ этого города, присоединить свои войска къ корпусу Массены въ верхней Италіи и слѣдовать съ нимъ къ Большой Арміи, куда они прибыли 28 Ноября. Однакоже, едва только войска Гувюанъ Сен-Сира вышли изъ Неаполитанскихъ владѣній, какъ Фердинандъ IV, внявъ совѣтамъ своихъ Министровъ, а въ особенности Королевы Каролины, нарушилъ нейтральный договоръ, повелѣлъ вооружиться противъ Франціи, открылъ ворота неприятелямъ Императора и принять въ свои владѣнія 12,000 Русскихъ и 8,000 Англичанъ. Узнавъ объ этомъ Наполеонъ, въ одномъ изъ своихъ самыхъ замѣчливыхъ бюлетеней, назвалъ Королеву Неаполитанскую новою Фредегондою; когда же выигравъ Аустерлицкаго сраженія придалъ ея угрозамъ всемогущество, то жребій Неаполя былъ рѣшенъ, и вскорѣ послѣ того Иосифъ вступилъ въ первый Королевскій санъ на Неаполитанскомъ престолѣ.

Наконецъ наступилъ великій день, когда, по выраженію Наполеона, взошло Аустерлицкое солнце. Всѣ наши силы были сосредоточены въ одномъ мѣстѣ, около сорока миль отъ Вѣны. Существовали одни только незамѣтные остатки Австрійской арміи, ибо корпусъ Принца Карла не могъ преодолѣть искусныхъ движеній, державшихъ его въ отдаленности отъ операціонной линіи; но Русскіе сами превосходили насъ числомъ, и армія ихъ была составлена почти вся изъ свѣжихъ войскъ. Непріятельскій лагерь питалъ большія надежды. Когда наканунѣ сраженія Императоръ Александръ прислалъ къ Наполеону одного изъ своихъ Адъютантовъ, Князя Долгорукаго, то сей послѣдній не могъ не похвастать даже въ присутствіи самаго Императора; такъ какъ они были наединѣ, то никто не слыхалъ словъ Адъютанта, но отпуская его, Наполеонъ воскликнулъ: «Хотя бы вы были на Монмартрскихъ высотахъ, то и тогда я не иначе какъ пушиками отвѣчалъ бы на такія предложенія!» Достопримѣчательныя слова, если мысленно перенестись къ той эпохѣ, когда они въ самомъ дѣлѣ сбылись.

Что касается до самого сраженія, то я могу говорить объ ономъ почти какъ очевидецъ, ибо черезъ нѣсколько времени послѣ того, я имѣлъ удовольствіе увидѣться въ Гамбургѣ съ другомъ моимъ Ранпомъ, получившимъ отъ

Императора въ Пруссію порученіе, о предметъ, коего я буду говорить ниже. Я съ радостію поздравилъ его съ участіемъ, которое, какъ мнѣ было уже извѣстно, онъ принялъ въ успѣхъ этого достопамятнаго дня.

«Когда мы пришли въ Аустерлицъ,» сказалъ мнѣ Раннъ, «то Русскимъ неизвѣстны были искусныя распоряженія, сдѣланныя Императоромъ для того, чтобы привлечь ихъ на мѣста, заранѣе имъ назначенныя, и видя что наши передовыя посты отступаютъ предъ ихъ авангардомъ, они уже заранѣе считали себя побѣдителями. Но ихъ словамъ, одной ихъ Гвардіи было достаточно для одержанія полного успѣха, но дѣло завязалось, и они повсюду встрѣчали сильное сопротивленіе. Въ часъ побѣда была еще не рѣшена; ибо они отлично дрались. Они хотѣли сдѣлать послѣднюю попытку, направя сильныя громады войскъ на нашъ центръ. Императорская Гвардія деплонировала; артиллерія, кавалерія и пѣхота, двинулись на атакуемый Русскими мостъ, и это движеніе, скрытое неровностію почвы отъ Наполеона, не было замѣчено нами. Я въ ту минуту находился при немъ, ожидая его приказаній. Вдругъ мы услышали сильную ружейную пальбу: это была одна изъ нашихъ бригадъ, которую Рускіе опрокинули. Тогда Императоръ приказалъ мнѣ взять Мамелюковъ, два эскадрона

конныхъ Егерей, одинъ Гвардейскихъ Гренадеръ и отправиться для обозрѣнія, въ какомъ положеніи находятся дѣла. Я поскакалъ во весь духъ, и не отъѣхалъ еще на пушечный выстрѣлъ, какъ увидѣлъ бѣду. Русская конница врубилась въ наши каре, и поражала нашихъ солдатъ. Вдали усмотрѣлъ я громады Кавалеріи и Инфантеріи, составившія резервъ Русскихъ. Въ эту минуту непріятель двинулся къ намъ на встрѣчу, четыре орудія конной Артиллеріи првскакали въ галопъ, и тотчасъ выстроили батарею. По лѣвую меня сторону находился храбрый Морланъ, а по правую Генераль Альманъ: «Пойдемте дѣти мои!» вскричалъ я моему отряду; видите ли, какъ бьютъ вашихъ братьевъ, вашихъ друзей; отметимъ за ихъ, отметимъ за наши знамена! «впередъ!» Эти слова воспламенили солдатъ моихъ; мы быстро ударили на Артиллерію и захватили ее. Непріятельская конница, съ твердостью насъ ожидавшая, была опрокинута силою того же натиска; она въ безпорядкѣ отступила, прошедь подобно намъ чрезъ разбитыя наши каре. Однакоже Русскіе опять построились, но подосѣвшіи ко мнѣ на подкрѣпленіе эскадронъ конныхъ Гренадеръ, далъ мнѣ возможность твердо выждать резервы Русской Гвардіи. Мы сдѣлали новую атаку, и атака сія была ужасна;

храбрый Морланъ убить подлѣ меня; это была настоящая рѣзня, гдѣ мы сражались въ рукопашь, и такъ перемѣшались, что пѣхота ни съ той ни другой стороны не смѣла стрѣлять для того, чтобы не пересбить своихъ. Наконецъ храбрость нашихъ войскъ испровергла все препоны, и Русскіе въ разстройствѣ отступили при глазахъ Императоровъ Россійскаго и Австрійскаго, которые стояли на возвышеніи, дабы видѣть сраженіе. Они конечно остались довольными,» прибавилъ Раппъ, «ибо видѣли славный бой. Что касается до меня, любезный другъ, то я еще никогда не видывалъ такого прекраснаго дня. Императоръ осыпалъ меня похвалами. Когда я прискакалъ къ нему для донесенія о выигрышѣ битвы, то сабля моя была переломлена, и самъ я былъ обогреть кровью, текущею изъ раны, полученной мною въ голову. Императоръ сдѣлалъ меня Дивизионнымъ Генераломъ. Русскіе не возобновили боя; мы взяли у нихъ пушки, обозы, и Князь Репнинъ шаходится въ числѣ плѣнныхъ.»

Такъ рассказывалъ мнѣ Раппъ и въ длинныхъ, занимательныхъ моихъ съ нимъ разговорахъ, я узналъ много другихъ подробностей, которыя помѣщу ниже. Здѣсь я хотѣлъ только сообщить сказанное имъ мнѣ о знаменитой битвѣ, которой онъ былъ героемъ, подобно

какъ Келлерманъ при Маренго. Что теперь остается отъ Аустерлица? воспоминаніе, слава и безподобная картина Жерара, коей содержаніе внушиль Императору видъ Ганна, обогрениаго кровью.

Г Л А В А V.

Конецъ враждебныхъ дѣйствій съ Австріею.—Пріѣздъ къ Императору Князя Лихтенштейна.—Свиданіе двухъ Императоровъ.—Порученія Савари къ Императорамъ Франциску II и Александру.—Пресбургскій трактатъ.—Король Италіи не связанъ обѣщаніями Императора Французовъ.—Баварія и Виртембергъ, возведенныя въ Королевства.—Г. Гаувицъ въ Шёнбруннѣ.—Надменность и суровость Наполеона.—Договоръ, заключенный Г-мъ Гаувицемъ безъ уполномочія.—Второй договоръ Пруссіи, заключенный въ Берлинѣ съ Англичанами.—Затруднительное положеніе Короля Прусскаго и неудовольствіе на Г. Гаувица.—Отказъ Александра въ Императорскомъ титулѣ Наполеону.—Власть Наполеона надъ самимъ собою.—Повѣдка Ранна послѣ Аустерлицъ.—Бракъ Евгенія.

Ранцъ пріѣхалъ изъ Вены въ Гамбургъ, не тотчасъ послѣ Аустерлицкаго сраженія. Наполеонъ посылалъ его въ замокъ Аустерлицъ лечиться отъ полученной имъ въ голову, пикою раны, которая къ счастію была не опасна. Война была кончена съ Австріею, но не съ

Россію, которая имѣла еще довольно сносовъ для продолженія войны.

На другой день послѣ битвы, въ Аустерлицскій замокъ, гдѣ тогда находился Императоръ, пріѣхалъ вечеромъ Князь Лихтенштейнъ, тотъ самый, котораго Макъ присылалъ переговорщикомъ подъ стѣнами Ульма. Въ этотъ разъ онъ имѣлъ порученіе отъ Императора Франциска, состоявшее въ томъ, чтобы просить у Наполеона свиданія. Просьба была принята и немедленно опредѣлили церемоніаль для завтрашняго дня. 4 Декабря, Наполеонъ отпавился верхомъ въ условленное мѣсто, т. е. на мельницу, находящуюся въ трехъ миляхъ отъ Аустерлица. Наполеонъ первый явился на мѣсто свиданія, куда скоро пріѣхалъ въ коляскѣ и Императоръ Австрійскій. Увидѣвъ его, Наполеонъ съѣзъ съ лошади и пошелъ къ нему на встрѣчу окруженный своими Адыютангами. Дористонъ, сообщившій мнѣ эти подробности, имѣвъ счастье, какъ онъ мнѣ говорилъ, поспѣть въ Большую Армію во время для того, чтобы быть участникомъ Аустерлицкаго дѣла. Наполеонъ, подошедъ къ Франциску II-му, обнялъ его. Въ продолженіе свиданія, Наполеонъ имѣлъ при себѣ одного только Бертье, а Императоръ Австрійскій только Князя Юанна Лихтенштейна, такъ что Адыютангы не могли слышать разговора, который легко себѣ вообразить. Мнѣ

кажется, я будто вижу, какь Бонапарте старается преклонить своего побужденнаго непріятеля увлекательными рѣчами, конхъ тайною онъ въ такой высокой степени обладать, и заставить его нѣкоторымъ образомъ простить ему его славу наружнымъ видомъ притворной скромности. Императоры пробыли вмѣстѣ около двухъ часовъ, и опять обнялись при разставаньи. Наполеонъ, тихо возвращаясь къ своей арміи, долженъ былъ внутренно наслаждаться удовлетвореніемъ своей гордости; но не теряя на минуту выгоды своей политики, онъ прервалъ размышленія, въ которыя казался погруженнымъ, и послалъ одного изъ своихъ Адьютантовъ къ Императору Австрійскому.

Адьютантъ сей былъ Савари: Бонапарте приказалъ ему донести Императору Франциску, что прямо отъ него, онъ по волю Наполеона ѣдетъ въ Главную Квартіру Императора Александра ожидать его соображенія на счетъ касающагося до него въ условіяхъ, положенныхъ при свиданіи Императоровъ Французскаго и Австрійскаго. Александръ согласился на все, сказавъ, что если Императоръ Австрійскій доволенъ обещаніями Наполеона, то пришедеъ единственно для сего Монарха, онъ свободенъ отъ своихъ съ нимъ обязательствъ, а собственно для себя не имѣетъ никакихъ требованій. Такимъ образомъ кончилися враждебныя дѣй-

ствія этой кампаніи, коей развязка вознесла славу Наполеона на высочайшую степень блеска.

Канцеляріи Французская и Австрійская съѣхались въ Пресбургъ, и имъ не трудно было вести переговоры; ибо одна изъ сторонъ могла все требовать, а другая почти ни въ чемъ не могла отказать; посему эти переговоры были непродолжительны, и все кончилось къ 25 Декабрю, т. е. ровно черезъ три мѣсяца по выгѣздѣ Наполеона изъ Парижа. Россія, принявшая участіе въ войнѣ, не приняла никакого въ переговорахъ; враждебныя дѣйствія между ея и Франціею прекратились, но безъ заключенія мирнаго договора.

Императоръ торжественно объявилъ Сенату, что онъ не хочетъ никакого распространенія владеній Франціи, и на эту минуту онъ сдержалъ слово, вотъ какимъ образомъ: разсудивъ вѣроятно, что обѣщанія Императора Французовъ ни къ чему не обязывали Короля Италіи, онъ заставилъ Австрію Пресбургскимъ трактатомъ уступить, не Франціи, а Королевству Италіи древнія Венеціанскія владѣнія, Далмацію и Венеціанскую Албанію. Въ силу того же трактата, Курфиреть Баварскій получили, съ титуломъ Короля, Княжество Ейхштетское, часть земли Нассау, Тироль и важный городъ Аугсбургъ. Курфиреть Виртембергскій былъ также возведенъ въ Королевское достоинство, и все Австрійскія вла-

дѣнія въ Швабїи, въ Бригавѣ и въ Ортенау были раздѣлены между этимъ Государемъ, новымъ Королемъ Баварскимъ и Курфиретомъ Баденскимъ, пожалованнымъ въ Великіе Герцоги. Дабы показать видъ нѣкотораго вознагражденія Австріи, ей дали Зальцбургъ и Берхтольсгаденъ. Княжество Вюрцбургъ, сдѣланное Великимъ Герцогствомъ, было обмѣнено Энекону Зальцбургскому, въ замѣну его Энеконства. Такимъ образомъ Наполеонъ вознаграждалъ его пожалованіемъ области за хороній прїемъ, сдѣланный ему на пути его въ Вѣну. Въ то же время Бонапарте заставлялъ Пресбургскимъ трактатомъ признать независимость Республикъ Батавской и Гельветической. Довольствуюсь приведеніемъ здѣсь только главныхъ статей сего трактата, по коему Тевтонскій орденъ былъ уничтоженъ. Эти великія перемѣны въ земельныхъ разграниченіяхъ Европейскихъ Государствъ и распространеніе второстепенныхъ Державъ на счетъ Австріи, не мало объяснили мнѣ то, что Бонапарте, въ послѣднемъ нашемъ съ нимъ разговорѣ, сказалъ мнѣ о видахъ своихъ на Германію; и можно навѣрно заключить, что Аустерлицкая кампанія внушила Наполеону мысль о протекторствѣ Рейнскаго Союза.

Послѣ Аустерлицкаго сраженія, Наполеонъ расположился въ Бруннѣ, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько дней для ближайшаго наблюденія за

исполненіемъ приказовъ его, касательно расположенія войскъ. Онъ приказалъ освѣдѣтельствовать понесенныя имъ потери, и послать своихъ Адыютантовъ по госпиталямъ, приказавъ имъ вручить по Наполеондору каждому раненому солдату. Всѣмъ раненымъ Офицерамъ, онъ также пожаловалъ награды по чинамъ, отъ пяти сотъ до трехъ тысячъ франковъ; послѣ сего онъ отправился въ Шейбруннъ, куда прибылъ не останавливаясь въ Вѣнѣ, чрезъ которую онъ проѣхалъ ночью. Здѣсь, на другой день по прибытв своемъ, онъ въ первый разъ принялъ Г. Гаугвица, который нѣсколько времени уже былъ въ Вѣнѣ, гдѣ онъ производилъ переговоры съ Г. Талейраномъ и Прусскимъ Министромъ, находясь, надобно сознаться, въ самомъ затруднительномъ для дипломата положеніи.

Г. Гаугвицъ, какъ можно себя представить, былъ очень дурно принятъ. Онъ пріѣхалъ въ Вѣну съ тѣмъ, чтобы ожидать развязки событій, и событія сіи не приняли оборота, благоприятнаго для намѣреній Пруссіи. Наполеонъ, поставленный побѣдою въ самое блистательное положеніе, обомелелъ съ Берлинскимъ Посланникомъ чрезвычайно надменно и сурово. Види что Пруссія останется одна противъ побѣдоносной Франціи, и что миръ безъ сомнѣнія скоро будетъ заключенъ, утраченный притомъ грозными словами Наполеона, Г. Гаугвицъ не

находя ниаго средства отклонить бурю, готовую разрушиться надъ Пруссією, взявъ на себя, не будучи къ тому уполномоченъ, подписать договоръ, въ силу коего Маркграфства Барейтъ и Аншнахъ, были обмѣнены на Гановръ.

Я не имѣю никакой побудительной причины стараться оправдывать поступокъ Г. Гаугвица; говорю только то, что я думаю, и что тогда думалъ. Безъ всякаго сомнѣнія, еслибъ Г. Гаугвицъ находился въ положеніи обыкновеннаго уполномоченнаго, то его можно бы осыпать навѣсничайшими упреками за важную ошибку, которую онъ бы сдѣлалъ, промѣнявъ два Маркграфства на область, принадлежащую Англій, съ которою наконецъ пришлось бы еще рассчитывать.

Но если надежда существовала еще въ Берлинѣ, то Прусскій Посланнѣй видѣлъ въ Вѣнѣ одно только отчаяніе и думалъ спасти все, пожертвовавъ частію.

Между тѣмъ какъ это происходило въ Вѣнѣ, я получилъ изъ Берлина извѣстіе, что Г. Барденбергъ подписалъ, *по волю своего Государя* другой договоръ съ Англією, что поставило Пруссію, относительно двухъ одновременныхъ ея союзниковъ, въ положеніе, чрезвычайно затруднительное и запутанное. Надобно было выйти изъ этого замѣшательства, а между тѣмъ не представлялось никакого пути къ спасенію;

однакожь неизбежно слѣдовало объявить что нибудь рѣшительное; ибо съ Наполеономъ не было никакой надежды укрыться въ сомнительномъ положеніи нейтралитета. Такимъ образомъ Пруссія не могла избѣгнуть войны, и ей оставался только выборъ, вести оную противъ Франціи, или противъ Англіи. Чрезъ договоръ свой съ Англіею Пруссія получала 4.500.000 фунтовъ стерлинговъ денежнаго пособія и между тѣмъ какъ въ Главной Французской квартирѣ совершенно не знали объ этомъ второмъ договорѣ и нисколько не сомнѣвались въ дѣйствительности договора, къ которому необходимость принудила Г. Гаугвица—Русскій Генераль Букергевденъ, перешедъ чрезъ Вислу въ Варшавѣ, направлялъ путь свой чрезъ Бреслау въ Богемію. Это было слѣдствіемъ повѣдки Императора Александра въ Берлинъ; Государь сей преклонилъ Пруссію воевать заодно съ нимъ, съ Австріею и съ Англіею, не предполагая чтобы Франція могла восторжествовать надъ столь грознымъ союзомъ; но судьба Наполеона опредѣлила иначе. Дюрокъ находился въ это время въ Берлинѣ, но политическіе переговоры двухъ Государей были такъ искусно скрыты подъ видомъ дружескихъ свиданій, и съ Дюрокомъ продолжали такъ хорошо обходиться, что ни ему, ни Г. Делафоре, не смотря на ихъ рѣдкую прозорливость, не

возможно было открыть ничего положительнаго относительно того, на что рѣшится Берлинскій кабинетъ. Можетъ быть и самъ Король Прусскій въ точности того еще не зналъ, а притомъ существовало разногласіе въ кабинетѣ, гдѣ Королева и Г. Гарденбергъ склонялись противъ Франціи болѣе чѣмъ Фридрихъ Вильгельмъ.

Заклучивъ въ Вѣнѣ договоръ, о которомъ я говорилъ, Г. Гаугвицъ тотчасъ отправился обратно въ Берлинъ. Дорогою онъ встрѣтилъ Г. Пфуля, главнаго въ Вѣнѣ, съ коимъ онъ опять туда воротился. Въ эту минуту все дипломатіи находилась въ движеніи, хотя Бонапарте привелъ чрезвычайно въ простой видъ пружины оныхъ: дѣйствительно для него весь дипломатическій уставъ ограничивался двумя словами: «Моя воля, или война.»

Но прибытіи Г. Гаугвица въ Берлинъ Король изъявилъ ему сильное неудовольствіе за договоръ, заключенный имъ въ Вѣнѣ. Дѣйствительно никакому еще Государю не случалось быть въ такомъ жестокомъ недоумѣніи. Что онъ могъ сдѣлать? Воевать съ Франціею? но послѣ одержанныхъ нашими арміями побѣдъ, благоразуміе повелѣвало ему удержаться. Съ другой стороны, какъ раздѣлаться съ Англіею? какъ столь внезапно разорвать договоръ, только что съ нею заключенный.

Въ этомъ затруднительномъ положеніи прибѣгли къ одной изъ тѣхъ политическихъ уловокъ, которыя могутъ замедлить опасность, но не устранить ее. Придумали отказаться отъ утвержденія статьи договора, отдававшей Пруссіи во владѣніе Гановръ, до тѣхъ поръ, пока на сіе воспослѣдуетъ согласіе Англіи, чего, какъ знали, не могло произойти. Пожертвовали двумя Маркграфствами для того, чтобы избѣгнуть Наполеонова гнѣва, и Гановръ былъ принятъ только въ видѣ залога до заключенія общаго мира. Впрочемъ, Императоръ, отдавая Гановръ Пруссіи, ничего не давалъ ей, ибо сіе Королевство, принадлежавшее ему только по праву занятія онаго его войсками, не было болѣе занято съ той минуты, какъ Наполеонъ при началѣ Вѣнскаго похода, отозвалъ оттуда корпусъ, предводительствуемый Бернадотомъ.

Полковникъ Пфуль былъ посланъ въ Вѣну для сообщенія Г. Гаугвицу извѣстія о договорѣ, заключенномъ съ Англіею, но побѣда подъ нашими знаменами шла быстрѣе чѣмъ переговоры Берлинскаго кабинета. Однакоже Русскіе, послѣ Аустерлицкой битвы, не совершенно отказались отъ враждебныхъ дѣйствій; Императоръ Александръ не соглашался признать Наполеона, ни Императоромъ Французовъ, ни Королемъ Италіи; даже помнится, мнѣ разсказывали, что имѣвъ случай писать къ Наполеону

до Аустерлицкаго сраженія, Александръ поставилъ написьмъ своемъ только: *Главлъ Французскаго Правительства.*

Императоръ получилъ въ Вѣнѣ бѣдственную вѣсть о Трафальгарской битвѣ, вѣсть, которую узнали только по слухамъ и изъ иностранныхъ газетъ, съ трудомъ доходившихъ тогда во Францію; ибо онъ такъ сильно желалъ погребсти въ забвѣніи эту бѣду, что никакой журналъ на всемъ пространствѣ Имперіи, не осмѣлился говорить о ней до самаго возвращенія Бурбоновъ. Подробности оной не были однако же тайною въ Гамбургѣ; первая вѣсть оныхъ пришла чрезъ купцевъ; и я узналъ объ оныхъ изъ дописаній моихъ агентовъ прежде, чѣмъ получилъ офиціальное подтвержденіе денешною отъ Министра Вѣнскихъ Сношеній, бывшаго тогда въ Вѣнѣ. Адмиралъ Вильиѣвъ, начальствовавшій съ Уравною соединенными флотами Франціи и Италіи, вышелъ изъ Кадикса съ тою цѣлю, чтобы атаковать Англійскій флотъ, предводительствуемый Нельсономъ. Мы имѣли тридцать одинъ корабль, Англичаше тридцать три, и несчастный Вильиѣвъ былъ разбитъ, также какъ и прежде того, Адмираломъ Кальдеромъ. Никогда еще столь великая битва не обограла кровью морей со времени знаменитой Армады. Развязка сраженія почти совершенно уничтожила нашу флотъ, ибо мы потеряли осмнад-

цать кораблей; остальные тринадцать пришли обратно въ Кадиксъ, но чрезвычайно поврежденные. Этотъ день былъ пагубенъ тремъ Адмираламъ: Нельсонъ лишился жизни, Гравина былъ тяжело раненъ, и умеръ отъ ранъ своихъ, а Вильнёвъ, взятый въ плѣнъ Англичанами, былъ отвезенъ въ Англію и наконецъ лишилъ себя жизни.

Наполеонъ былъ сильно огорченъ этимъ извѣстіемъ, но не показавъ того въ первую минуту, и я легко повѣрилъ сказанному мнѣ объ этомъ, ибо я зналъ, что Бонапарте никогда не занимался двумя вещами вдругъ съ равнымъ участіемъ. Когда какія нибудь событія дѣлали ему помѣху, то онъ, такъ сказать, оставлялъ ихъ въ запасъ на будущее время, дабы возвратиться къ нимъ на досугъ; но онъ съ невѣроятною властью надъ самимъ собою, изгонялъ изъ ума своего все, что могло отвлечь его отъ господствовавшей въ немъ въ ту минуту мысли. Такимъ-то образомъ, совершенно занятый надеждою окончить великимъ ударомъ Вискую кампанію, онъ оставилъ Трафальгаръ на время въ сторонѣ; сія-то способность устремляться къ одной цѣли, столь часто способствовала ему къ достиженію оной, а въ настоящемъ случаѣ, я долженъ прибавить, что гордость Наполеона, пріобрѣтшаго столь великую славу на землѣ, не позволяла ему признать море стихією, до-

стойною вступить въ соперничество съ землею. Еслибъ онъ въ самомъ дѣлѣ вздумалъ преобразовать Французскій флотъ, то сталъ ли бы онъ такъ долго держать Декре Министромъ?

Точно также какъ съ Трафальгарскимъ сраженіемъ было, и касательно неблагопріятныхъ извѣстій, дошедшихъ до Наполеона изъ Парижа въ Вѣну о переворотѣ въ финансахъ, ознаменовавшемъ его отсутствіе, онъ отложилъ занятіе онымъ до своего возвращенія, и я самъ отлагаю до слѣдующей главы то, что имѣю объ этомъ сказать; а сообщу о томъ, что я узналъ отъ Ранна о поѣздкѣ его по выздоровленіи отъ раны и о происшедшемъ въ Минхенѣ при бракосочетаніи Евгенія съ Принцессою Августою Баварскою; Раннъ присутствовалъ при ономъ, а въ слѣдъ за тѣмъ получилъ отъ Императора порученіе въ Пруссію, что доставило мнѣ живѣйшее удовольствіе его опять увидѣть. Я часто упоминаю о дружбѣ моей къ Ранну, ибо она была между нами полна и совершенна; онъ даже не скрывалъ этого отъ Наполеона тогда, какъ я былъ въ немилости, а служившіе при Императорскомъ дворѣ, знаютъ, что для того было нужно еще болѣе мужества, чѣмъ для взятія редута, или для блистательнаго кавалерійскаго натиска. Раннъ былъ одаренъ этими двумя родами храбрости, отли-

чался сверхъ того чрезвычайною добротою и искренностью, которая также однажды привела его на время въ немилость у Наполеона. Одно только, въ чемъ Ранна можно упрекнуть, было чрезвычайное его предубѣжденіе противъ дворянъ; и я увѣренъ, что если онъ въ послѣдствіи не былъ сдѣланъ Герцогомъ, то горячность, съ которою онъ часто изъяслялъ мнѣніе свое о дворянствѣ, была единственною тому причиною. Императоръ пожаловалъ его Графомъ только потому, что онъ хотѣлъ, чтобы Адыютанты его имѣли титулы.

«Мы двѣ недѣли паходились уже въ Шенбруннѣ,» сказалъ мнѣ Раннъ, «но я еще не вступалъ въ должность, какъ вдругъ Императоръ потребовалъ меня къ себѣ. Онъ спросилъ меня, въ состоянн ли я отіраться въ дорогу; и когда я увѣрвалъ его, что могу: «Если такъ,» сказалъ онъ мнѣ, «повѣжай къ Мармонту и перекажи ему подробности Аустерлицкой битвы, для того, чтобы побѣдить его тѣмъ, что онъ въ ней не участвовалъ.» Я отірвился въ Грець, гдѣ нашелъ Мармонта, который дѣйствительно былъ въ отчаянн, что ему не удалось найдтись на этомъ великомъ сраженн. Но воля Императора, я сказалъ ему, что переговоры начались, но что ничего еще не кончено, и что посему на всякій случай, онъ долженъ быть въ готовности. Я освѣдомился о положенн его въ

Стиріи съ армією и о числѣ непріятелей, противъ него находившихся. Императоръ желать, чтобы онъ отравилъ нѣсколько шпионовъ въ Венгрію и подробно донесъ бы ему о свѣдѣніяхъ, которыя онъ черезъ нихъ получить. Послеъ этого я поѣхалъ въ Лейбахъ, гдѣ нашелъ Массену съ осьмымъ корпусомъ, и сообщилъ ему приказъ Императора, немедленно идти къ Вѣгъ, въ случаѣ, если онъ узнаеть о прерваніи переговоровъ. Я продолжалъ предписанную мнѣ поѣздку до Венеціи, а потомъ на встрѣчу къ войскамъ Гувіонъ Сен-Сира, которому было дано повелѣніе вернуться и опять идти на Неаполь, какъ только Императоръ узналъ объ измѣнѣ Короля Неаполитанскаго и о высадкѣ Англичанъ и Русскихъ. Исполнивъ все эти различныя порученія, я поѣхалъ чрезъ Клагенфуртъ, гдѣ видѣлся съ Маршаломъ Неемъ, и наконецъ прибылъ къ Императору въ Минхенъ. Съ большимъ удовольствіемъ нашелъ я тамъ нашихъ друзей и добрую Юзефину, которая все также ласкова, какою ты ее зналъ. Что касается до меня, то я очень обрадовался, узнавъ по пріѣздѣ моемъ, что Императоръ уступилъ Евгенія. Я присутствовалъ на празднествахъ бракосочетанія его съ Принцессою Августою. Впрочемъ, ты знаешь, что я не большой охотникъ до праздниковъ, и Императору слѣдовало бы уволить насъ отъ должности Ка-

мергеровъ. Евгенийъ ничего не зналъ, когда Императоръ послалъ ему приказаніе, какъ можно скорѣе явиться; онъ также не перемѣнился: это все тотъ же нашъ прежній товарищъ; онъ сначала не очень было обрадовался тому, что его женятъ изъ политики; но увидѣвъ свою невесту, онъ восхитился ею, и онъ правъ, ибо увѣряю тебя, что она прелестна.

Г Л А В А VI.

Высшій походъ.—Упадокъ курса банковыхъ билетовъ.—Неблагодарныя выдачи денегъ Казначействомъ.— Г. Увраръ.— Шестидесять миліоновъ до 18 Брюмера. — Невзволтная скромность Г. Уврара и нетерпѣніе Наполеона—Воспоминанія о Консульствѣ.—Мнѣніе Бонапарте о богатыхъ людяхъ.— Несправдливость его противъ подрядчиковъ и поставщиковъ.—Деньги, данныя въ заемъ Г-жѣ Бонапарте. — Бертье и Г-жа Висконти.—Договоръ между Королемъ и частнымъ лицомъ.—Любопытныя подробности, сообщенныя мнѣ Г-мъ Увраромъ въ Гамбургѣ.—Гг. Барбе-Марбуа, Десре и Ванлербергъ.— Поездки Г. Уврара.— Возвращеніе Наполеона въ Парижъ.— Суровое отрпшеніе Г. Барбе-Марбуа. — Восемдесятъ семь миліоновъ, требуемые Наполеономъ.— Неудача большого дѣла.

Я сказалъ, что посвящу эту главу финансовому перевороту, произведшему столь великое разстройство въ Парижѣ и распространившему безпокойство во всѣхъ городахъ, которые находились въ прямыхъ сношеніяхъ со столицею

Французской Имперіи; не буду при этомъ случаѣ входить въ техническія подробности о финансахъ вообще, а скажу только, что я узналъ положительнаго, и какое дѣйствіе этотъ переворотъ произвелъ въ Ганзейскихъ земляхъ, которія мнѣ уже хорошо были извѣстны послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ Гамбургѣ. Можетъ однако же случиться, что я брошу нѣсколько взглядовъ обратно на событія, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, и которыя относятся къ финансовымъ затрудненіямъ 1805 года.

Въ ту минуту, какъ Императоръ долженъ былъ надѣяться, что извѣстіе о блистательныхъ его успѣхахъ подниметъ во Франціи общественный духъ, онъ получилъ извѣстіе, что распространяются безпокойства, и что банкъ былъ осажденъ людьми, желавшими обмѣнить свои билеты, которые всякой старался сбывать, и которые въ короткое время потеряли болѣе, чѣмъ по пятидесяти на тысячу. Фонды понизились и Императоръ чрезвычайно какъ досадовалъ; читатели уже видѣли, что его не много столько безпокою, какъ измѣненія этого термометра общественнаго мнѣнія; я также сказалъ, почему при этомъ случаѣ, онъ скрылъ свою досаду: другая вещь его занимала.

Изъ перенески Парижа съ городомъ, въ которомъ я жилъ, и который по производимой имъ обширной торговлѣ, принималъ большое

участіе въ томъ, чтобы знать финансовыя распоряженія Правительства, я узналъ, что огромное предпріятіе, устроенное Г-мъ Увваромъ съ Испанією, и чрезъ которое онъ долженствовалъ пріобрѣсть гораздо дешевле настоящей цѣны піастры Испанской Америки, побудило его обратить на это дѣло деньги, употребляемыя имъ и его сотоварищами на подряды по поставкѣ продовольствія. Понадобились другіе капиталы, ибо подрядъ сей, въ большомъ объемъ, требуетъ много задатковъ, а всемъ извѣстно, какъ медленно въ это время выдавались деньги изъ Казначейства. Кажется что Казначейство согласилось на сдѣлку, не долженствовавшую, впрочемъ, обратиться къ ущербу казны. Дѣло приняли въ другую сторону и сочли пагубными преждевременныя выдачи по поставкамъ. Дабы этому помочь, приняли мѣры, которыя удались.

Теперь увидятъ, какое вліяніе могутъ имѣть смѣлые обороты предпріимчиваго человѣка на положеніе финансовъ Государства. Притомъ же то, что я имѣю сказать о биржевомъ переворотѣ, такъ сильно встревожившемъ Наполеона, покажетъ вполне опасности, которыя могутъ произойти отъ излишней довѣренности къ незаслуживающимъ снѣгъ и разстройство, которое чрезъ это можетъ произойти въ дѣлахъ.

Я очень хорошо зналъ Г. Уввара и въ томъ, что я о немъ скажу, не можетъ быть для него

ничего оскорбительнаго и непріятнаго. Я видѣлъ самъ большую часть ниже помѣщенныхъ событій; прочія сообщены мнѣ самимъ Г-мъ Уваромъ, который въ бытность свою въ 1808 году въ Гамбургѣ, очень подробно разсказывалъ мнѣ о своемъ огромномъ дѣлѣ съ Королемъ Испанскимъ. Я совершенно убѣжденъ, что если бы это дѣло получило свой надлежащій ходъ, то не только оно доставило бы большія выгоды Г. Увару, но было бы весьма полезно, какъ Испаніи, которую оно извлекало бы изъ нищеты, такъ и Франціи, которой оно бы подняло и поддержало поколебавшійся кредитъ. Г. Уваръ сказалъ мнѣ, что до 18 Брюмера онъ имѣлъ у себя шестьдесятъ миліоновъ, не будучи никому долженъ.

Много было говорено объ этомъ знаменитомъ по финансамъ человѣкѣ: чрезвычайныя перевороты въ его фортунѣ, волненія его жизни, огромныя дѣла, которыя онъ производилъ, движеніе оныхъ и наконецъ смѣлость его предпріятій, требуютъ много зрѣлости и размысленія для того, чтобы сдѣлать заключеніе о Г. Уварѣ. Не возможно, чтобы сынъ бумажнаго торговца, достигшій одними своими талантами важной роли, которую онъ занималъ, былъ человѣкъ обыкновенный. О Г. Уварѣ можно тоже сказать, что Бонапарте говорить о самомъ себѣ: жизнь его была дѣйствительно борьбою.

Я давно зналъ его, и видѣлъ его сношенія съ Иозефиною; я всегда замѣчалъ въ немъ съ отличнымъ знаніемъ дѣла, большое правдолюбіе и великодушіе, которыя еще болѣе были возвышаемы рѣдкимъ достоинствомъ благороднѣйшей скромности. Никакая человѣческая сила, никакія уважительныя причины, даже самая неблагодарность людей, имъ одолженныхъ, не въ состояніи были заставить его признаться, что кто либо взялъ съ него взятку въ эпоху Директоріи, когда все казенныя сдѣлки производились не иначе какъ съ деньгами въ рукахъ. Я всегда приписывалъ этой увѣренности въ Г-нѣ Уврарѣ тѣхъ людей, которые оказывали ему услуги, предоставленіемъ ему столькихъ подрядовъ, которые производили въ его фортушъ такіе различные обороты. Кажется я упомянулъ уже о досадѣ, которую скромность Г-на Уврара причинила Первому Консулу; онъ всячески старался вывѣдать у Г-на Уврара имена лицъ, которыя получили отъ него пособія, называемыя въ просторѣчій *взятками*; много разъ видѣлъ я, что Бонапарте употреблялъ всевозможныя средства для достиженія своей цѣли: онъ старался устрасить Г. Уврара угрозами, потомъ думалъ преклонить его лживыми обѣщаніями; но никакъ не могъ исторгнуть у него ни малѣйшаго признанія, могущаго кому либо повредить.

Здѣсь я необходимо долженъ обратиться къ моимъ прежнимъ воспоминаніямъ, дабы постепенно дойти до причинъ, производившихъ финансовый переворотъ 1805 года. Во время нахождения нашего еще въ Люксембургѣ, какъ мнѣ помнится 25 Генваря 1800 года, Бонапартъ сказалъ мнѣ за завтракомъ: «Буріеннъ, я рѣшился: прикажу взять подъ стражу Уврара. — Генераль, имѣете ли вы противъ него доказательства? — Доказательства? . . . Это пройдоха, барышникъ, изъ него надобно выжать сокъ. Всѣ подрядчики, всѣ поставщики плуты. Какъ они обогащаются на счетъ казны. Я не долженъ терпѣть такого безпорядка. У нихъ были миліоны; они нагло роскошничали тогда, какъ у монахъ солдатъ не было ни хлѣба, ни сапоговъ! Не хочу этого больше. Впрочемъ я сегодня же поговорю объ этомъ въ совѣтъ, и увижу, что надобно сдѣлать.»

Я нетерпѣливо ожидалъ возвращенія его изъ совѣта, дабы узнать о томъ, что произошло. «Ну что Генераль?» спросилъ я у него. «Приказъ отданъ.» Я очень безпокоился о судьбѣ Г. Уврара, съ которымъ поступили больше по Турецки, чѣмъ какъ съ Гражданиномъ Ресублики; но вечеромъ я узналъ, что приказъ не могъ быть исполненъ потому, что его не нашли.

На другой день мнѣ сообщили за вѣрное, что

одинъ человекъ, котораго я не хочу назвать, который присутствовалъ въ совѣтъ, и вѣроятно былъ обязанъ Г-ну Увару, а такихъ нашлось бы много, написалъ ему карандашомъ записку, коею уведомилъ о принятомъ Первымъ Консуломъ намѣреніи, взять его подъ стражу. Этотъ человекъ, вышедъ на минуту, отослалъ записку со своимъ слугою. Это обстоятельство должно быть извѣстно многимъ изъ пережившихъ эпоху, мною описываемую; ибо я помню, что я нѣсколькимъ объ этомъ тогда рассказывалъ.

Избѣгнувъ отъ приказа о задержаніи, Г. Уваръ чрезъ нѣсколько дней самъ явился въ тюрьму. Бонапарте, въ первую минуту ужасно какъ взбѣсился за то, что онъ избѣгнулъ его гнѣва; досада его опять вспыхнула, тогда какъ ему бы слѣдовало удовольствоваться, ибо извѣстивъ меня, что Г. Уваръ добровольно явился въ заключеніе, онъ вскричалъ: «Безумецъ! онъ еще не знаетъ, что его ждетъ. Онъ хочетъ этимъ показать публикѣ, что ему нечего бояться, что у него руки чисты; но это вздоръ; со мною ему плохая игра. Пусть говорятъ, что хотятъ. Будь увѣренъ, Буріеннъ, если у человека столько денегъ, то онъ не могъ приобрести ихъ законнымъ образомъ; . . . а притомъ всѣ эти люди опасны съ ихъ богатствомъ. Во времена Революцій не должно, чтобы частный

человѣкъ имѣлъ больше трехъ миліоновъ, и то еще много.»

Прежде чѣмъ явился въ тюрьму, Г. Уврарь имѣлъ время спрятать отъ обыска Полиціи тѣ изъ бумагъ своихъ, чрезъ которыя могли обнаружиться имена лицъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло, и я даже полагаю, что и въ самой Полиціи нѣкоторые люди не подосадовали на то, что Г. Уврарь успѣлъ предупредить ихъ усердіе въ исполненіи воли Перваго Консула. Бумаги были опечатаны; въ нихъ не нашли ничего, могущаго сообщить Наполеону тѣ свѣдѣнія, которыхъ онъ непремѣнно желалъ. Однако же по одной статьѣ, любопытство его удовлетворилось; между бумагами Г. Уврара нашли нѣкоторыя, доказывавшія, что онъ давалъ деньги *съ заездъ* Г-жѣ Бонапарте.

Такъ какъ Уврарь имѣлъ много друзей, то они употребили все усилія, дабы найти человѣка, который могъ бы переговорить въ его пользу съ Первымъ Консуломъ; но это было такое порученіе, котораго никто не смѣлъ взять на себя, потому что Бонапарте, будучи предубѣжденъ, счелъ бы всякую попытку, основанною на корыстолюбіи; это было такъ справедливо, что Бертъ, котораго никто весьма убѣдительно упрашивалъ вступиться за Г. Уврара, отвѣчалъ: «Никакъ нельзя; онъ скажетъ, что

подъ этимъ скрываются деньги для Г-жи Винсконти.»

Непомино, какому обстоятельству Г. Уваръ былъ обязанъ своею свободою, но достовѣрно, что онъ не долго находился въ заключеніи. При выпускѣ его изъ тюрьмы, Бонапарте потребовалъ у него двѣнадцать миліоновъ, въ коихъ Г. Уваръ отказалъ.

Сдѣлавшись Консуломъ, Бонапарте засталъ Г. Увара въ подрядѣ на все продовольствіе Испанскаго флота, предводительствуемаго Г-мъ Малоредо. Это дѣло ввело его въ сношенія со знаменитымъ Княземъ Мира. Подрядъ сей продолжался три года и доставилъ Г. Увару 15 миліоновъ чистой выгоды. Эта сумма состояла изъ четырехъ миліоновъ піастровъ, полагая по три франка и нѣсколько сантимовъ за піастръ, стояцій 5 франковъ и сорокъ сантимовъ; но для полученія оныхъ по этой цѣнѣ, Г-ну Увару следовало ѣхать самому въ Мекенку, что онъ очень готовъ былъ сдѣлать, но опасая пренятствій со стороны Перваго Консула, и не смотря на свою всегдашнюю смѣтливость, пострадать чрезъ свои излишнія предосторожности. По просьбѣ его, Г. Талейранъ взялся пеходатайствовать у Перваго Консула дозволеніе, дать ему паспортъ. Я былъ въ кабинетѣ, и кажется какъ будто теперь слышу сухое *нѣтъ*, которое Г. Талейранъ по-

лучить вмѣсто всякаго отвѣта. Когда мы остались одни съ Первымъ Консуломъ, то онъ сказалъ мнѣ: «Не правда ли Бургеннъ, что Увраръ славно бы устроилъ дѣла свои съ Княземъ Мира? Но за чѣмъ этотъ глупецъ сталъ просить у меня паспорта чрезъ Талейрана? Это возбудило во мнѣ недоумѣчивость. За чѣмъ было ему не взять паспорта, какъ все дѣлаютъ? Развѣ я даю ихъ. Онъ глупъ, тѣмъ хуже для него.»

Меня тѣмъ болѣе огорчили этотъ отказъ, что Г. Увраръ намекнулъ мнѣ, что онъ возьметъ меня въ долю по дѣламъ своимъ въ Испаніи, и что они будутъ обширны.

Г. Увраръ, задержанный обстоятельствами въ Парижѣ, не могъ ѣхать въ Испанію, и следовательно въ Мекенку. Онъ послалъ своего брата, съ которымъ я видѣлся по его возвращеніи, и который очень основательно разсказалъ мнѣ о томъ, что онъ видѣлъ. Онъ говорилъ мнѣ, что въ казны было семьдесятъ одинъ миліонъ денегъ, принадлежащихъ Испанской коронѣ. Приведенное имъ обстоятельство, оправдываетъ то, что до сихъ поръ могло быть сказано объ Испанской честности: четыре миліона шестротовъ, назначенные Г. Уврару въ уплату, за поставки его для Испанской эскадры въ Брестъ, лежали въ особыхъ сундукахъ, на конхъ было надписано, что они принадлежатъ его брату.

Въ 1802 году, ужасный голодъ постигъ Францію; надобно было этому помочь, и Г. Увръръ, вмѣстѣ съ Г-мъ Ванлербергомъ, взялся вынести изъ за границы хлѣба для предупрежденія бунтовъ, столь легко возникающихъ при недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ. Въ уплату за этотъ хлѣбъ, торговые дома, оный доставившіе, потребовали съ казны двадцать шесть миліоновъ, по заключенному ими на счетъ сего съ Правительствомъ условію; но по наступленіи срока, Казначейство отказалось платить, отговариваясь неимѣніемъ денегъ. Черезъ полгода имъ предложили сдѣлать уплату, но съ тѣмъ, чтобы Правительство удержало въ свою пользу половину денегъ за коммисію. Поставщики на это не согласились, а Казначейство сочло болѣе выгоднымъ ничего не платить, и такимъ образомъ деньги остались въ долгу.

Связанный столькими выгодами, которыя воля Перваго Консула могла совершенно испровергнуть, не взирая на употребленія для поставокъ суммы, Г. Увръръ, чтобы не поссориться съ Наполеономъ, принялъ еще на себя вмѣстѣ съ Г-мъ Ванлербергомъ поставку для флота въ продолженіе шести лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ; такъ что за все эти поставки, накопилось на казнѣ долгу шестьдесятъ восемь миліоновъ.

Это замѣденіе въ уплатѣ денегъ Казначей-

ствомъ, торговыя издержки и проценты на задатки, возвысши болѣе, чѣмъ до сорока миліоновъ суммы, выданныя поставщиками; все это произвелъ ужасный упадокъ кредита въ сношеніяхъ второстепенныхъ поставщиковъ съ тѣми, которые производили дѣла прямо съ Правительствомъ, и этотъ упадокъ кредита, распространился на Казначейство, причинилъ затрудненія, которыя возрасли вмѣстѣ съ общимъ безпокойствомъ. Уваръ, Ванлербергъ и Сегенъ своими огромными капиталами, своимъ кредитомъ и своими сношеніями, успѣвшие всѣхъ могли помочь бѣдѣ Казначейства. Уваръ на свою часть далъ въ заемъ пятьдесятъ миліоновъ, не задолго до учрежденія Имперіи, но онъ включилъ въ эту сумму двадцать миліоновъ незаплаченныхъ обязательствъ, и сверхъ того потребовалъ по три четверти процента со ста сѣмки съ существоваваемаго тогда курса. Въ Конѣ, почти черезъ мѣсяць послѣ того, какъ первый Консулъ принялъ титулъ Императора, Министръ Государственнаго Казначейства опять потребовалъ ста пятидесяти миліоновъ. Уваръ прибѣгнулъ къ Ванлербергу и Сегену для удовлетворенія этимъ новымъ требованіямъ Императорскаго Правительства; и это обстоятельство доставило ему случай, помѣстивъ въ значительной суммѣ слѣдующія ему уплаты по флоту и по Военному Министер-

ству, которыхъ ему не выдавали. Три товарища внесли такимъ образомъ въ Казначейство сто два миліона, и получили за сіе сто пятьдесятъ миліоновъ облигаціями. Г-нъ Денре взялся получить сто два миліона, и три сотоварища продали ему имѣвшіеся у нихъ облигаціи. Эта передача, не могла быть сдѣлана безъ значительныхъ пожертвованій; но понесенный ими чрезъ сіе убытокъ, ничего не значилъ въ сравненіи съ сорока осмью миліонами обязательствъ, которые они выдали за наличныя деньги, и которые могли не быть полученными, принудивъ тѣмъ Правительство уплатить долговъ для сдѣланія другаго, болѣе значительнаго.

Г. Уваровъ заключилъ потомъ съ Министромъ Казначейства на 1805 годъ договоръ, по которому онъ обязался на суммы, доходившія до четырехъ сотъ миліоновъ. Г. Уваровъ имѣлъ въ этомъ дѣлѣ еще болѣе счастья, но крайней мѣрѣ по наружности, чѣмъ въ тѣхъ, о которыхъ я говорилъ выше, ибо онъ могъ представлять вмѣсто наличныхъ денегъ, обязательства, получаемыя имъ по поставкамъ флота и Военнаго Министерства, которыя онъ продолжалъ удерживать.

Надобно вѣдомнить, что Испанія заключила съ Франціею договоръ, которымъ она обязалась заплатить намъ пособіи 72 миліона франковъ. Тридцати двумъ миліонамъ миновалъ срокъ,

и какъ Испанія не платила денегъ, то хотѣли было послать Г. Уврара въ Мадридъ для полученія оныхъ. Г. Увраръ, удерживаемый въ Парижѣ такимъ множествомъ связей по дѣламъ, боялся, чтобы отсутствіе его въ особенности не повредило сдѣлкѣ его съ Денре, и ссылаясь на необходимость быть въ Парижѣ для предупрежденія всего, могущаго случиться. Его успѣли успокоить на счетъ Денре; тогда онъ рѣшился ѣхать въ Мадридъ для полученія тридцати двухъ миліоновъ, о которыхъ я говорилъ. Ихъ перевели на его имя, и онъ до отъезда своего внесъ ихъ въ Казначейство. Эта рѣшимость была слѣдствіемъ удостовѣренія, которое далъ Уврару, Г. Барбе-Марбуа, человѣкъ отлично честный въ томъ, что договоръ съ Денре будетъ въ точности выполненъ; и при этой-то повѣздкѣ въ Мадридъ, началось огромное Американское дѣло.

Испанія сама очень бы желала заплатить тридцать два миліона, конемъ минулъ срокъ; Испанская честность даже страдала отъ этой неустойки; но казна была пуста, а доброй воли о уплаты долга, было недостаточно для того, чтобы ее наполнить; къ довершенію несчастія, Испанія претерпѣвала въ это время ужаснѣйшій голодъ. Въ этомъ положеніи вещей, Увраръ предложилъ Испанскому Правительству, уплатить Франціи вышеупомянутые 52 миліона, прекратить го-

лодь и дать еще денегъ Испанской казнѣ. За се онъ требовалъ двухъ условий: 1-е. Исключительной торговли съ Америкою и 2-е Права добывать для себя все золото и серебро, принадлежащее Правительству и дѣлать займы, обеспечиваемые и уличиваемые Испанскимъ Казначействомъ.

Въ концѣ Июли 1805 года, стѣсненіе, ощущаемое съ нѣкотораго времени въ финансахъ Европы, страшнымъ образомъ усилилось. При такихъ обстоятельствахъ Уврару тѣмъ болѣе было желательно скорѣе получить уплату тридцати двухъ миліоновъ, выданныхъ имъ Императорскому Казначейству, что съ одной стороны ему сочли только въ три франка піастры, которые стоили по пяти франковъ сорока сантимовъ, а съ другой ему было объявлено, что Казначейство не дастъ ему никакого другаго обеспеченія въ уплатѣ, кромѣ перевода этого долга на Испанію. Увраръ зналъ свое положеніе, ибо уже въ Августѣ мѣсяцѣ Г. Барбе-Марбуа торжесиль его кончить съ Испанією, говоря ему, что это непосредственно касается его выгоды. Министръ Казначейства съ благородною своею вѣжливостію, прибавилъ къ тому, что безъ успѣха Американскаго дѣла, онъ не видитъ никакого средства къ удовлетворенію его за выданныя имъ суммы. Испуганный этимъ извѣщеніемъ Увраръ, удвоилъ усилія и успѣлъ

заклѣчить съ Королемъ Карломъ IV-мъ договоръ, въ коемъ было сказано: «Уврару и компаніи предоставляется право ввозить во *всѣ* «порты Новаго Свѣта *всѣ* товары и припасы, «нужныя для потребленія; равно какъ вывозить изъ *всѣхъ* Испанскихъ колоній, во *все* «продолженіе войны съ Англією, *всѣ* произведенія колоній и все золото и серебро, въ иныхъ добываемое.» Договоръ сей долженствоваль существовать только въ продолженіе войны съ Англією; при чемъ было условлено, чтобы выгоды, получаемыя отъ дѣйствій Общества, были раздѣляемы по поламъ между нимъ и Королемъ Карломъ IV.

Читатели увидятъ послѣдствія этого удивительнаго договора между Государемъ и частнымъ человѣкомъ. Въ слѣдъ за подписаніемъ этого акта, Увраръ получилъ изъ Мадридскаго Казначейства облигацій на 52,500,000 піастровъ, составляющихъ 262,500,000 франковъ; по эти піастры слѣдовало получить въ Америкѣ; а по договору должно было удовлетворить необходимѣйшимъ нуждамъ Испанскаго Правительства, а въ особенности положить конецъ голоду, что требовало новыхъ выдачъ, и выдачъ огромныхъ, ибо Г. Увраръ былъ обязанъ начать поставкою двухъ миліоновъ центнеровъ хлѣба, стоившаго по 26 франковъ за центнеръ. Почему, дабы воспользоваться этими выгодами и

Часть VII.

15

получить уплату выдачь, сдѣланныхъ Парижскому Казначейству, слѣдовало перевезти піастры въ Европу. Послѣ нѣсколькихъ затрудненій, Англійское Правительство согласилось содѣйствовать исполненію этой операціи, давъ четыре фрегата для перевозки піастровъ.

Увраръ сдѣлалъ еще только начертаніе этимъ огромнымъ операціямъ, когда Императоръ двинулся изъ Булонскаго лагеря на Германію. Можно себѣ представить, какъ Г-ну Уврару было необходимо присутствовать въ Мадридѣ; онъ былъ отозванъ въ Парижъ Министромъ Казначейства, съ коимъ онъ привелъ къ окончанію свои счеты. Императору понадобились деньги на войну, имъ начинаемую; для доставленія оныхъ Казначейству, Увраръ былъ посланъ въ Амстердамъ для заключенія договора съ торговымъ домомъ Гоппе; онъ въ этомъ успѣлъ и Г. Давыдъ Паришъ сдѣлался агентомъ этой компаніи.

По исполненіи сего, Увраръ поспѣшилъ возвратиться въ Мадридъ; но посреди самыхъ лестныхъ надеждъ, самыхъ неполнѣшкихъ замысловъ, самыхъ огромныхъ предпріятій, онъ вдругъ подвергся опасности ужаснаго перелома. Г. Денре, доуценный, какъ сказано, къ этому дѣлу Казначействомъ, взялъ на свою отвѣтственность и безъ поручительства Уврара исполнить вышеупомянутый договоръ, касатель-

но выдачи 150,000,000 въ 1804 и 400,000 въ 1805 году. Въ этомъ положеніи Министръ Казначейства счелъ себя въ правѣ потребовать у Г. Уврара отдачи въ его распоряженіе десяти миліоновъ піастровъ, изъ числа полученныхъ имъ отъ Испаніи, Министръ прибавилъ, что этимъ деньгамъ сдѣлано уже назначеніе, и что средства, доставленные имъ его товарищамъ для облегченія имъ поставки по флоту и по сухопутной части, должны преклонить его къ выдачѣ Казначейству этой суммы 50,000,000 Франковъ; что наконецъ, находясь въ такой крайней нуждѣ, онъ могъ считать его согласіе какъ бы даннымъ, надѣясь, что онъ ему не откажетъ.

Затрудненіе Казначейства и честность Министра, побудили Уврара послать 10,000,000 піастровъ. Но чрезъ нѣсколько дней послѣ этой посылки, къ Уврару въ Мадридъ пріѣхалъ чиновникъ Казначейства съ денешею отъ Министра, кою его просили выдать этому чиновнику *всѣ* имѣвшіяся у него въ распоряженіихъ деньги, и въ тоже время пригласили его въ Парижъ.

Казначейство находилось тогда въ величайшемъ затрудненіи, и тревога сдѣлалась общемою. Вотъ тому причинно: Казначейство, извѣстиво, циркуляромъ, Государственныхъ сборщиковъ, что Г-ву Дебре переданы всѣ ихъ облигаціи.

Имъ предоставлялось выслать къ нему въ счетъ всё деньги, бывшія въ ихъ распоряженіи. Можетъ быть этимъ сдѣлали большую ошибку; какъ бы то ни было, а Депре, ободренный снисходительностью Казначейства, пригласилъ Государственныхъ сборщиковъ выслать къ нему всё деньги, которыя они могли получить съ учетомъ менѣ осми на сто, предлагая сдѣлать имъ изъ этого еще уступку процентовъ. Можно себѣ представить, что на такихъ условіяхъ, и при чрезвычайномъ кредитѣ, коимъ пользовался тогда домъ Депре, имѣвшій притомъ у себя всё ихъ облигаціи, Государственные сборщики отправили къ нему значительныя суммы, привезенныя изъ всѣхъ частей Франціи въ сундукахъ. Увоенный этимъ успѣхомъ, Депре пустился въ дѣла, неостижимыя въ его положеніи; онъ далъ въ заемъ Парижскому кунечеству болѣе пятидесяти миліоновъ, что произвело въ его кассѣ большой недостатокъ наличныхъ денегъ. Въ необходимости достать ихъ, онъ внесъ въ банкъ тѣ самыя облигаціи сборщиковъ, о которыхъ я говорилъ и которыя были уплачены высланными ему въ счетъ оныхъ суммами. Банкъ обратился къ сборщикамъ, будучи въ необходимости это сдѣлать, когда Депре, вмѣсто наличныхъ денегъ представилъ облигаціи. Не получивъ удовольственія, банкъ, столь благородно, столь честно

управляемый, справедливо встревожился и потребовалъ у Деспре отчета о его положеніи. Опасенія банка, усилились, и безпокойство его скоро было раздѣлено публикою; наконецъ какой-то финансовый ужасъ овладѣлъ всеми умами, когда увидѣли, что банкъ остановилъ свои уплаты, и билеты его вдругъ понизились двѣнадцатью на сто.

Устрашенный, какъ можно повѣрить, такимъ положеніемъ дѣлъ въ отсутствіе Императора, Министръ Казначейства составилъ подъ председательствомъ Юсефа Бонапарте совѣтъ, въ который были призваны Деспре и Ванлербергъ. Узнавъ все эти обстоятельства, Увраръ немедленно пріѣхалъ изъ Мадрита въ Парижъ, и обратился къ дому Голе, который предложилъ ему купить у него пятнадцать миліоновъ піастровъ по 5 франка, 75 сантимовъ за каждый. Увраръ, получившій оныя отъ Испаніи по 5 франка, охотно бы отдалъ ихъ по этой цѣнѣ; но положеніе, въ которое онъ былъ приведенъ послѣднимъ его отъѣздомъ изъ Мадрита и финансовыя происшествія въ Парижѣ, такъ перемѣнили все отношенія его съ Испанскимъ Казначействомъ, что онъ не могъ сдѣлать никакой выдачи Казначейству Франціи, и эта финансовая тревога продолжилась до тѣхъ поръ, пока вѣсть объ Аустерлицкой битвѣ и надежда скорого мира успокоили умы. Банкротство Де-

пре было ужасно и причинило несостоятельность многих торговых домовъ въ столицѣ, которые считались самыми надежными, и которые большею частію по справедливости заслуживали славу отличной честности, какъ на примѣръ домъ Г. Герваса, Дюрокова тестя.

Какъ будто для того, чтобы умѣрить гордость, которую долженствовало возбудить въ Императорѣ одержавшая имъ побѣда, онъ именно на другой день послѣ Аустерлицкой битвы получить вѣсть о плохомъ положеніи Казначейства и Банка. Ему уже было известно, что въ финансахъ существуютъ нѣкоторыя затрудненія; но тогда только онъ узналъ всю великость бѣды. Получаемыя имъ многочисленныя, неблагоприятныя донесенія ускорили возвращеніе его во Францію; и въ самый день прибытія его въ Парижъ, онъ отрѣшилъ Г-на Барбе-Марбуа. Строгость этого Министра вооружила противъ него много враговъ, и онъ палъ, обвиненный въ томъ, что подвергъ опасности благосостояніе Государства, тогда какъ онъ могъ упрекнуть себя только въ оказанной имъ поставщикамъ снисходительности, которую сочли тогда за слабость. Даже сама Г-жа Сталь въ эту эпоху сказала въ одномъ обществѣ, гдѣ говорили о строгости Г-на Барбе-Марбуа. «Онъ! это тростникъ, только выкрашенный подъ бронзу!» Какъ бы то ни было, а Наполеонъ ужас-

но прогнѣвался на Г-на Барбе - Марбуа, по отрѣшеніи коего, мѣсто его заступилъ Г. Молліанъ.

Такова была эта страшная финансовая бѣда, которая въ продолженіе Вѣнской кампаніи представляла столь великую противоположность между внутреннею тревогою и видными побѣдами или по крайней мѣрѣ, вотъ то, что я могъ узнать о ней положительнаго. Но для Г. Уврара этимъ еще не кончилось; и при столь великой борьбѣ дѣль трудно было чтобы онъ нѣсколько не ощутилъ на себѣ руку Императора, которая не всегда была рукою правосудія.

Въ Февраль 1806 года Императоръ двумя указами объявилъ Уврарда, Ваилерберга и Мишеля старшаго, поставщиковъ 1804 года и Депре агента по этому дѣлу—должными казнѣ восемьдесятъ семь милліоновъ, которыя были получены ими съ 19 Августа на поставки и употреблены на частные обороты и на личныя ихъ сдѣлки съ Испанією. Кто послѣ этого не подумаетъ, что Наполеонъ не принималъ никакого участія въ обширномъ Американскомъ дѣлѣ. Уже конечно онъ зналъ объ ономъ и сильно, *лично* въ немъ участвовать; но по его понятіямъ онъ никогда не могъ быть участникомъ ни въ какомъ дѣлѣ, которое не увѣчалось полнымъ и совершеннымъ успѣхомъ. На основаніи изданныхъ имъ указовъ, Императоръ по-

вельмъ захватывать все пиастры, все переводы денегъ, принадлежащія вышеупомянутымъ лицамъ, чрезъ что онъ получилъ большія выгоды, если только такія выгоды могутъ быть сочтены вознагражденіемъ за печальное состояніе, въ которомъ находился нѣсколько времени общественный кредитъ.

Такимъ образомъ въ мгновеніе ока было испровергнуто одно изъ величайшихъ коммерческихъ предпріятій, которое могло составить желаніе выигрыша при содѣйствіи чрезвычайной смѣлости и большого некуства. По сколькимъ неудачамъ подвергаются честолюбцы финансовъ точно такъ, какъ и честолюбцы славы и завоеваній. Товарищъ Короля, готовившійся завладѣть торговлею обонхъ полушарій, мѣлѣе чѣмъ въ два года былъ доведенъ до необходимости пасть подъ ударами жестокаго противъ него гоненія и наконецъ объявить себя несостоятельнымъ, въ одно время со своимъ товарищемъ Ваилербергомъ. Все, что въ бытность свою въ Гамбургѣ, Г. Уваръ разсказалъ мнѣ о своемъ отважномъ поприщѣ и особенно о его больномъ Американскомъ дѣлѣ, показалось мнѣ чрезвычайно занимательнымъ. Сначала проектъ его показался мнѣ столь гигантскимъ, что я былъ утрашенъ имъ, но признаюсь, что когда Г. Уваръ объяснилъ мнѣ все выгоды онаго и все устроившія имъ средства

къ исполненію, то я совершенно увлекся. Я не видалъ Г. Уврарда съ 1802 года, когда ему предстояло только ѣхать для полученія упомянутыхъ выше пяти миліоновъ піастровъ, которые Испанія была ему должна за разныя поставки для Испанскаго флота въ Брестъ.

Г Л А В А VII

Декларация Людовика XVIII.—Пересылка оной чрез почту.—
Требование Фуше о доставленіи ему конвертовъ.— Ответъ
мой Министру Полиціи.—Надзоръ за Дюмурье.—Гнусная
сатира.—Типографія Фюшъ-Борея.—Вершаръ.— Два досто-
примѣчательныя мошенника.—Донось соучастника.— Бой
на кладбищѣ.—Лесемплъ.—Бумаги, необычайнымъ образомъ
спрятанныя.—Мошенникъ, шпіонъ, поддѣльщикъ и убійца,
отправленъ въ Парижъ.— Искусный шпіонъ.—Замѣчатель-
ная черта мужества и присутствія духа шпіона.— Шевиѣ.
—Приказъ Фуше о наблюденіи за Г. де ла Ферроние и о
взятіи его подъ стражу.—Г. де ла Ферроние въ Гамбург-
скомъ театрѣ.—Предостереженіе, во время сдѣланное.

Я нѣсколько распространился объ огромныхъ
предпріятіяхъ Г. Уврарда и бѣдѣ, происшедшей
въ финансахъ въ продолженіи Вѣнской кампа-
ніи. Возвращусь теперь въ мой кабинетъ пол-
номочнаго Министра, въ которомъ, могу ска-
зать, что произошли довольно любопытныя
вещи. Оставляю предметы, помѣщенныя въ от-

дальней съ тѣмъ однако же, чтобы послѣ сообщитъ то, что я узналъ изъ моей переноски и отъ Французскихъ путешественниковъ, которыхъ я очень любилъ приглашать къ себѣ, когда они проѣзжали чрезъ мое мѣстопробываніе. Пронесшества не всегда будутъ между собою связаны по той, весьма естественной причинѣ, что между получаемыми о разныхъ вещахъ донесеніями не болѣе существуетъ соотношеній какъ и по вступающимъ въ судъ просьбамъ разныхъ челобитчиковъ.

2 Января 1806 года, я узналъ о деклараціи Людовика XVIII, которую многіе Гамбургскіе дома получили чрезъ почту въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Карета Домурье была наполнена ими при проѣздѣ его чрезъ Брауншвейгъ. Въ одномъ этомъ небольшомъ городкѣ было распространено до трехъ тысячъ экземпляровъ. Форматъ этого воззванія доставлялъ большое удобство пересылать оное по почтѣ даже во Францію. Полагаю, что даже прежде чѣмъ Французское Правительство было уведомлено объ этомъ объявленіи почта повсемѣстно развезла оное; ибо я получилъ отъ Фуше письмо отъ 16 Января, при коемъ были приложены три обертки, заключающія въ себѣ декларацію *Претидента*. Министръ просилъ меня чтобы я прислалъ ему какъ можно побольше такихъ обертокъ. Предвидя, что это требованіе Мини-

стра Полиции имѣеть ту цѣль, чтобы приваить въ послѣдствіи суровыя мѣры противъ людей, которые провинятся только тѣмъ, что распечатываютъ надписанный на ихъ имя пакетъ, не зная о содержаніи онаго,— я отвѣчалъ Фуше, что нахожусь въ невозможности прислать ему такихъ обертокъ и увѣдомить его, въ какихъ городахъ онѣ были заклеиваемы, ибо 1-е при разсылкѣ этой прокламаціи поостерегитесь прямо адресовать ее; 2-е не водится беречь съ писемъ конверты, особенно если много ихъ получаешь; и 3-е въ Германіи много есть городовъ, которые не имѣютъ особаго клейма для писемъ, адресованныхъ въ другой городъ той же земли, а клеймо прикладывается только на тѣхъ письмахъ, которыя идутъ за границу.

Что касается до Дюмурье, за всеми дѣйствіями косяго Министръ въ письмахъ своихъ подтверждалъ мнѣ наблюдать, о немъ также мало было слышно, какъ будто бы онъ во все не существовалъ. Роля его ограничивалась распро­страненіемъ разныхъ книжекъ, болѣе или менѣе важныхъ.

Уже въ концѣ 1805 года Германія, а особенно Ганзейскія области были наводнены брачными сочиненіями. Въ эту эпоху и прежде воззванія Лудовика XVIII, являлась противъ Императора гнусная сатира подъ заглавіемъ: *Bona-
parte der du bist im Himmel, geheiligt werde*

dein Nahme. Rome, in der Pabstlichen Buchdruckery.

Но моему требованію Сенать отдалъ строжайшія приказанія, дабы воспрепятствовать распространенію этой позорной книжки, которой нельзя привести выражений, не оскорбиль въсхъ приличій. Я никакъ не могъ узнать сочинителя этой гнусной сатиры.

Фонъ-Борель печаталъ почти всѣ издаваемые въ Берлинѣ бранныя сочиненія противъ Франціи. Я имѣлъ повелѣніе непремѣнно настаивать, чтобы Сенать приказалъ взять его подъ стражу, въ случаѣ еслибы онъ пріѣхалъ въ Гамбургъ. Фонъ-Борель былъ представленъ человѣкомъ безпокойнымъ, дѣйствующимъ всегда противъ Франціи, подъ предлогомъ услуги Бурбонамъ, и какъ козлодей, тѣмъ болѣе опасный, что его никакъ невозможно было захватить; — его недурно изобразили.

Въ этихъ обстоятельствахъ, Министръ Полиціи уведомилъ меня, что нѣкто Дранобъ писемно просилъ у него позволенія, сообщить ему важныя открытія; Министръ желалъ, чтобы я осведомился объ этомъ человѣкѣ. Два мѣсяца я не отвѣчалъ ему; надобно было времени чтобы хорошенько все развѣдать. Наконецъ 25 Февраля 1806 года, я могъ подробно сообщить ему о *Леселлѣ* и *Дранобѣ*, составившихъ заговоръ противъ жизни Императора.

Представляю исторію этихъ двухъ человекъ вниманію моихъ читателей ибо думаю, что мало есть примѣровъ болѣе смѣлыхъ и столь искусныхъ плутовъ.

Имя *Дранобъ* было анаграмою его настоящаго имени *Бонардъ*; сверхъ того онъ назывался *Рандоболь*, *Бардоноль* и разными другими именами. Вѣроятно, узнавъ, что я вельбъ его отыскивать, онъ явился ко мнѣ съ доносомъ на сообщника своего Лесемпля. Этотъ Бонардъ назывался въ Англіи Деклеркомъ, а въ Гамбургѣ принялъ имя Делона. Въ 1797 или въ 1798 году, онъ убѣжалъ въ женскомъ платьѣ изъ тюрьмы Консіержери; мнѣ онъ выдалъ себя за отставнаго Офицера легкой Артиллеріи; я рѣдко видывалъ такого хитраго мошенника.

Пріѣхавъ въ Гамбургъ въ началѣ 1805 года для исполненія, по словамъ его, обязательствъ, заключенныхъ имъ и Лесемплемъ съ Англійскимъ Правительствомъ, Бонардъ счелъ, что довести на своего товарища, будетъ для него выгоднѣе и вѣрнѣе, чѣмъ подвергаться съ нимъ опасностямъ заговора. Онъ представилъ мнѣ многія бумаги, долгое время имъ скрываемыя. Эти бумаги, весьма легко написанныя, хранились въ небольшой очень тонкой и очень искусно сдѣланной жестяной трубочкѣ, длиною въ шесть дюймовъ. Трубочка пряталась въ такое мѣсто, гдѣ ее невозможно было отыскать,

и которое я даже не смѣю означить. Въ ней была также изъ закаленного металла шпилька, которая рѣзала желѣзо, какъ ножъ рѣжетъ бумагу. Парижская Полиція открыла это средство многихъ мошенниковъ. Всѣ бумаги, представленныя мнѣ Бонардомъ, были писаны рукою Лесемпль и доказывали его преступныя замыслы. Онѣ заключали извлеченія изъ переписки, которую имѣли между собою Лесемпль и Бонаръ; а дабы довършить изображеніе союза этихъ двухъ злодѣевъ Бонаръ рассказывалъ мнѣ, что поссорясь съ Лесемплемъ предъ отиравленіемъ своимъ изъ Гарвича, они подрались на городскомъ кладбищѣ ножами, которые имъ подали въ шинкѣ. Пересказывая мнѣ объ этой ужасной сценѣ, Бонаръ вдругъ сдернулъ съ себя платье и показалъ мнѣ у себя на правомъ боку большую рану, изъ которой текла еще кровь. Я содрогнулся. Представьте себѣ человека чрезвычайно сильнаго, ростомъ пяти футъ семи дюймовъ, показывающаго мнѣ окровавленную грудь свою, открывающаго ужасный замыселъ, отъ котораго онъ отказался, не по причинѣ раскаянія, но отъ мысли, что доносъ будетъ для него выгоднѣе чѣмъ исполненіе; читающаго мнѣ бумаги, спрятанныя такимъ необычайнымъ образомъ;— и посудите въ какомъ положеніи я находился.

Въ то время, когда Бонаръ донесъ мнѣ на

Лесемпль, этотъ послѣдній отправился въ Голландію. По увѣренію Бонарда, что Лесемпль скоро возвратится въ Гамбургъ, я принялъ всѣ возможныя предосторожности, дабы задержать его тотчасъ по прибытіи. Отсутствіе его было очень продолжительно и я началъ уже безпокоиться о томъ, что онъ вовсе не пріѣдетъ, когда узналъ, что при проѣздѣ чрезъ Русскую и Англійскую армію, онъ былъ задержанъ по подозрѣнію въ шпионствѣ. Наконецъ 17 Февраля вечеромъ Лесемпль пріѣхалъ въ Гамбургъ, а 19 былъ взятъ подъ стражу подъ именемъ Дреша, которое онъ носилъ при своихъ поѣздкахъ. Всѣ его бумаги, изъ которыхъ онъ ни одной не успѣлъ скрыть, были опечатаны. Я самъ допросилъ его, и показанія его удостовѣрили меня въ точности ужасныхъ подробностей, сообщенныхъ мнѣ Бонардомъ. Въ портфель Лесемпль, между прочими бумагами находились три написанные имъ самимъ паспорта, которые онъ употреблялъ въ своихъ путешествіяхъ; и вексель, также имъ сдѣланный. Сверхъ того нашли у него множество свертковъ съ надписью 50 *лудоровъ*, плотно запечатанныхъ, но наполненныхъ мѣдью и кошелекъ съ жетонами тогоже металла. Онъ употреблялъ ихъ для обмана банкометовъ на игрѣ. Онъ вмѣстѣ былъ мошенникъ, шпионъ, поддѣльщикъ и убійца.

Я обѣщаль Бонарду отправить его свободнымъ въ Парижъ для личнаго допесенія Министру Полиціи. Но такіе люди не проводятъ для въ какомъ нибудь мѣстѣ не оскраивъ себя преступленіемъ. Бонарь, обвиненный въ соучастіи по многимъ, провешедшимъ въ Гамбургѣ кражамъ, былъ потребованъ къ Начальнику Полиціи, и какъ онъ имѣлъ причины бояться этого свиданія, то скрылся, но былъ чрезъ нѣсколько дней пойманъ и подъ крѣпкою стражею отправленъ въ Парижъ.

Трудно себѣ вообразить какое мужество и присутствіе духа можно найти въ этихъ презрѣнныхъ людяхъ, посвятившихъ себя шпионскому ремеслу. У меня былъ агентъ по имени Шефнѣ, всегда отличавшійся своимъ искусствомъ и точностью. Долго не получая отъ него извѣстій, я началъ безпокоиться и не безъ основанія. Онъ точно былъ задержанъ въ Маусбургѣ и со связанными руками и ногами отвезенъ Козаками въ Ленебургъ. При немъ нацѣли допесеніе, которое онъ собрался ко мнѣ отправить и онъ спасся отъ вѣрной смерти, единственно потому что имѣлъ одобрительное письмо отъ одного Гамбургскаго купца, хорошо извѣстнаго Г-ну Алонеусу, Русскому Министру въ Гамбургѣ. Эта, взятая мною предосторожность спасла ему жизнь. Г. Алонеусъ написалъ къ этому купцу, что по его письму шпионъ освобожденъ, по

что въ другой разъ какъ онъ, такъ и тотъ кто за него поручится, такъ дешево не отдѣлаются. Не смотря на это одобрительное письмо Шефнѣ заплатилъ бы головою за свое опасное ремесло, елибѣ его не снаело непостижимое хладнокровіе, обнаруженное имъ при этомъ ужасномъ случаѣ. Хотя найденное при немъ донесеніе и было выдвинуто на имя купца Шрамма, но возмѣли сильное подозрѣніе, что оно назначалось мнѣ. На вопросъ, знаетъ ли онъ меня, Шефнѣ смѣло отвѣчалъ, что никогда меня не видывалъ. Старался всеми возможными средствами исторгнуть у него это признаніе, но не успѣли въ этомъ. Это постоянное запирательство и имя Г-на Шрамма заставило усомниться тѣхъ, которые допрашивали Шефнѣ: они боялись осудить невиннаго. Однакожъ испытали еще послѣдній способъ для узнанія истины. Шефнѣ, приговоренный къ разстрѣлянію былъ выведенъ на поле близъ Люнебурга; въ ту минуту, какъ стоя съ завязанными глазами, онъ услышалъ уже предварительную команду стрѣлять по нему, къ нему подошелъ человекъ и тихо сказалъ ему на ухо, показывающимъ участіе, дружескимъ голосомъ: «Сей часъ выстрѣлять; но я твой другъ; скажи только, что ты знаешь Г. Еуріенна, и ты спасенъ. — Нѣтъ,» отвѣчалъ Шефнѣ твердымъ голосомъ, «я бы солгалъ.» Въ эту минуту повязка спала съ

глазъ его и онъ получилъ свободу. Трудно найти черту присутствія духа, болѣе необычайную.

Не все пріятно въ дипломатической должности, даже въ самой возвышенной. Если хоть не много имѣть философін, то дорого платишь за блестящей по наружности видъ, въ коемъ являешься предъ глазами публики. Въ этомъ званіи, еще болѣе тягостномъ, чѣмъ высокое, находишь однакоже позитивное утѣшеніе когда имѣешь случай сдѣлать добро, или по крайней мѣрѣ устранить зло. Даже еще и выше съ удовольствіемъ воспоминаю о томъ, что я бралъ на себя въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Фуне отъ 17 Марта 1806 года, строжайше предписалъ мнѣ наблюдать за Г-мъ де ла Ферроне. Мнѣ представляли его человѣкомъ очень предприимчивымъ и очень опаснымъ, совершенно преданнымъ Дому Бурбоновъ. Вышеупомянутый агентъ мой Шефнѣ отправился въ Парижъ, куда его потребовалъ Министръ Полиціи, которому расхвалили его способности. Онъ былъ отправленъ изъ Парижа въ Брауншвейгъ, мѣстопробываніе Г-на де ла Ферроне. Онъ долженъ былъ наблюдать за его поступками и ежедневно доносить мнѣ объ оныхъ. Этотъ шпионъ скоро поддѣлался къ Г. де ла Ферроне и къ друзьямъ его. Мнѣ предписано было сообщать Иравительству всеъ получаемыя отъ

него свидѣнія и я давалъ ему по 500 франковъ въ мѣсяць. Шеффѣ довелъ прямо Министру Полиціи, что Г. де ла Ферроне собирается въ Англію и что онъ проѣдетъ чрезъ Гамбургъ. Я тотчасъ получилъ приказаніе задержать Г. де ла Ферроне при проѣздѣ и отправить его во Францію. Погибель его была неизбежна, еслибъ я исполнилъ это приказаніе. Г. де ла Ферроне взялъ три хорошія предосторожности: во первыхъ онъ ѣхалъ не подъ своимъ именемъ; выдавалъ себя за Секретаря Лорда Киннерда, дѣйствительно признавнаго его въ этомъ званіи; и наконецъ, онъ только проѣхалъ чрезъ Гамбургъ, поспѣшно отправясь въ Альтону. Г. де ла Ферроне, о которомъ многіе бывшіе въ Гамбургъ эмигранты съ похвалою отзывались, возбуждалъ во мнѣ большое участіе; я очень обрадовался, узнавъ что онъ въ Альтонѣ, въ безопасности отъ мѣръ, принятыхъ противъ него Полиціею; но онъ сдѣлалъ неосторожность, которая едва его не погубила и могла бы очень мнѣ повредить. Однажды, когда я находился въ театрѣ, Начальникъ Полиціи, которому я сообщилъ примѣты Г. де ла Ферроне, прося его извѣстить меня предъ взятіемъ его подъ стражу, если онъ гдѣ нибудь покажется, подошедъ ко мнѣ сказать, что Г. де ла Ферроне въ театрѣ и что онъ намѣренъ его задержать; тогда онъ указалъ мнѣ близь оркестра молодого че-

ловѣка въ нудрѣ, котораго мнѣ легко было узнать по описанію, сдѣланному мнѣ моимъ агентомъ Шеффѣ. Я желалъ спасти его; но какъ было успѣть въ томъ послѣ такого неосторожнаго поступка? Я сказалъ Начальнику Полиціи, что его должно задержать но чтобы вѣрнѣе успѣть въ томъ, не помышавъ представленію, я пойдю самъ для взятія нѣкоторыхъ предосторожностей, а его, Начальника Полиціи, прошу обождать въ моей ложѣ. Я тотчасъ вышелъ и попросилъ одного вѣрнаго человѣка сказать незамѣтнымъ образомъ Г-ну де ла Ферроне, чтобы онъ какъ можно скорѣе вышелъ изъ театра. Возвратясь въ мою ложу, я увидѣлъ, что Г. де ла Ферроне получилъ извѣщеніе, отъ меня ему сообщенное. «Теперь,» сказалъ я Начальнику Полиціи, «исполняйте вашу обязанность.» Онъ вышелъ для того, чтобы отдать ему приказаніе, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ затворить дверь моей ложи, Г. де ла Ферроне былъ уже на Альтонской дорогѣ.

Г Л А В А VIII.

Необходимость бдительнаго надзора въ Гамбургѣ. — Сосѣдство Короля Шведскаго. — Дѣнь-Кихоть Вестфальскаго трактата. — Гибель Короля Шведскаго и бюлетени его *большой арміи*. — Докторъ Галль. — Пруссія желаетъ получить Гамбургъ. — Англо-Россіянѣ и замыслы на Голландію. — Частая посылка курьеровъ. — Непріязненное расположеніе Россіи къ Франціи. — Донесеніе мое Г-ну Талейрану. — Гг. Форшманъ и Алопеусъ. — Попытки къ восстановленію мира. — Необходимость войны. — Неблагопріятственное расположеніе къ Французамъ. — Г. Фоксъ, правящій Британскимъ кабинетомъ. — Убийца, обнаруженный Наполеону Г-мъ Фоксомъ. — Порученіе, данное Лорду Ярмуту. — Оцѣнка предложеній Наполеона. — Возрастающее его честолюбіе. — Порученныя мнѣ переговоры безъ надежды успѣха. — Покровительство Наполеона, предложенное Ганзейскимъ городамъ. — Требованіе шести миліоновъ. — Вежливый отказъ. — Размышленія о Ганзейскихъ городахъ. — Гамбургъ и Эльба. — Честность Гамбургцевъ.

Глушась шпіонствомъ и шпіонами, я не могу однакоже не признать, что Императоръ

Быль въ необходимости поддерживать самый дѣятельный надзоръ посреди козней, устроиваемыхъ въ окрестностяхъ Гамбурга особенно тогда какъ Англичане, Шведы и Русскіе находились еще подъ ружьемъ и когда было столько причинъ сомнѣваться въ искренности Пруссіи. Дѣйствительно вотъ обзоръ положенія этихъ Державъ относительно земель, коихъ Гамбургъ могъ считаться какъ бы средоточіемъ.

Пятаго Генваря 1806 года Король Шведскій находился съ войсками своими у воротъ Гамбурга. Сенатъ этого города, окруженнаго со всѣхъ сторонъ Англо-Шведо-Русскими, опредѣлилъ послать къ Королю Депутатовъ съ поздравленіемъ. Государь сей долго не рѣшался, принять ли ему покорность города Гамбурга. Тамъ страшались получить отказъ, за которымъ вѣроятно послѣдовала бы какая нибудь жасливственная выходка Короля Шведскаго. Наконецъ Депутатамъ было позволено явиться. Они тотчасъ отиравились и воротились довольными.

Тогда Король Шведскій офиціально объявилъ, *что всѣ сдѣланныя на счетъ Ганновера распоряженія, (*) до него не относятся ибо Шведская армія состоитъ подъ непосредственнымъ предводительствомъ своего Августѣйшаго Государя.*

(*) Речь шла объ уступкѣ сей области Королю Прусскому въ замѣну двухъ Маркграфствъ.

Казалось, что Король вознамѣрился, со всемидесятью тысячами человекъ играть ролю возстановителя Германіи и сдѣлаться Донъ Кихотомъ Вестфальскаго трактата. Онъ грозилъ Гамбургскому Сенату всемъ своимъ гнѣвомъ за снятіе по моему требованію надписи съ дома Австрійскихъ наборщиковъ. Этотъ бѣдный Гамбургскій Сенатъ былъ въ безпрестанной тревогѣ имѣя такого опаснаго сосѣда.

Король Шведскій продолжалъ держать свою главную квартиру въ Бѣтценбургѣ на сѣверномъ берегу Эльбы. Для разсѣянья онъ пригласилъ къ себѣ Доктора Галла, который находился въ Гамбургѣ, гдѣ онъ излагалъ свою систему, отвергнутую сначала лжемудріемъ и предразсудками но принятую потомъ въ слѣдствіе его доводовъ, по моему мнѣнію неоспоримыхъ, объ устройствѣ мозговыхъ органовъ. Я имѣлъ удовольствіе жить нѣсколько времени съ Докторомъ Галломъ и думаю, что существовавшей между нами дружбѣ я обязанъ за честь, которую онъ мнѣ сдѣлалъ посвященіемъ мнѣ своихъ сочиненій. Я сказалъ ему, при отправленіи его въ главную квартиру Короля Шведскаго: «Любезный Докторъ, вы вѣрно найдете у него огромный органъ тцеславія.» По правдѣ сказать, еслибъ ученому Доктору было дозволено ощущать головы тогдашнихъ Государей

Европы, то онъ бы могъ прекрасно изучить по онымъ чернословіе.

Король Шведскій былъ не одинъ соседь, возбуждавшій безпокойство въ Гамбургѣ: Король Пруссскій угрожалъ овладѣть онымъ, и Министръ его вездѣ открыто говорилъ, что этотъ городъ скоро будетъ принадлежать его Государю. Онъ выхвалявалъ выгоды для Гамбурга этого занятія: тогда Король уплатитъ значительные долги города; подѣ его покровительствомъ онъ не будетъ уже претерпѣвать притѣсеній, коиъ онъ безпрестанно подвергался. Не смотря на эти прекрасныя рѣчи, Гамбургцы сильно огорчались этою угрозою и дѣйствительно, этотъ торговый городъ болѣе всего долженъ былъ страшиться потери своей независимости. Притомъ же Англія никогда бы не согласилась на такое занятіе, которое заперло бы для нея Эльбу, лишивъ ее чрезъ то одной изъ богатѣйшихъ конторъ и одной изъ важнѣйшихъ точекъ, откуда она приводила въ дѣйствіе пружины своей политики. Съ тѣхъ поръ какъ Гановръ не былъ болѣе занятъ Французскими войсками, онъ сдѣлался для Англіи какъ бы торжищемъ набора рекрутъ, гдѣ Англичане вербовали всѣхъ людей являвшихся для наполненія Гановрскаго Легіона, ими вновь составленнаго. Они сыпали золото полными руками, и устроили обозъ изъ ста пятидесяти фуръ въ шесть лошадей, что утвер-

дило меня въ мысли, которую я уже прежде имѣлъ, что Англичане вмѣстѣ съ Русскими собираются идти на Голландію. При первыхъ признакахъ, я извѣстилъ о томъ Императора съ нарочнымъ курьеромъ. Мнѣ было приказано нѣсколько не скупиться на счетъ этого способа быстрѣйшей переписки, и Богъ знаетъ сколько нарочныхъ я отправилъ и получилъ въ продолженіе бытности моей въ Гамбургъ. Цѣль Англо-Россійскъ состояла въ томъ, чтобы сдѣлать диверсію движеніямъ Французскихъ войскъ въ Германію; ибо они еще не знали о заключенномъ въ Прессбургъ мирѣ, а притомъ Русскіе послѣ Аустерлицкой битвы не объявили о прекращеніи непріязненныхъ дѣйствій. Голова Русской арміи скоро достигла Аффереберга въ четырехъ миляхъ отъ Бремена; всѣ эти соединенныя войска шли чрезъ Энисконство Оснабрукское; посему не должно было терять ни минуты для принятія всѣхъ оборонительныхъ мѣръ, какія имѣлись въ Голландіи. Но не этого экспедиціею я долженъ теперь заняться; я стараюсь только дать понятіе о нашемъ положеніи въ Гамбургъ посреди Шведскихъ, Англійскихъ и Русскихъ войскъ, которыя облегли насъ со всѣхъ сторонъ.

Россія въ эту эпоху находилась въ самомъ непріязненномъ расположеніи къ Франціи; но Наполеонъ бодрствовалъ, и его не легко было

захватить въ расцлохъ. Все видѣнные агенты безпреставно извѣщали Правительство о непріятельскихъ движеніяхъ. 40 Марта я послалъ Г. Талейрану донесеніе о движеніяхъ Россіянъ въ Бродахъ, въ Вильгъ, въ Австрійской Молдавіи и въ Прусской Польшѣ; означивъ въ ономъ мѣста гдѣ Русскіе съ наибольшаю дѣятельностью устроивали укрѣпленія, равно какъ имена начальствующихъ Генераловъ, число людей въ Корпусахъ и словомъ сказать все свѣдѣнія, которыя можно было достать. Все, происходившее тогда на Сѣверѣ доказывало, что Германія скоро будетъ театромъ новой войны.

Въ эту эпоху Русскій Министръ въ Гамбургѣ былъ смѣненъ. Мѣсто Формана заступилъ Г. Алоуеусъ, Россійскій Министръ въ Берлинѣ, человекъ отлично умный и искусный.

Не смотря на предстоящую войну, которую я считалъ не избѣжною, я узналъ, что были сдѣланы нѣкоторыя попытки къ заключенію всеобщаго мира; но я слишкомъ близки видѣлъ вещи для того, чтобы хотя на минугу возымѣть какую либо надежду въ этомъ отношеніи. Въ самыхъ не важныхъ дѣлахъ я видѣлъ доказательства непріязни, внушаемой Франціею всемъ иностранцамъ.

Я часто получалъ отъ Морскаго Министра письма и пакеты для отсылки на Ниде-Франсъ, о сохраненіи коего Императоръ очень заботилъ.

ся. Мнѣ очень было трудно склонять корабельщиковъ, отирававшихся въ эту колонию, къ исполненію порученій Декре. Что же касается до мира, то мысль о возможности онаго была возбуждена смертью Питта, а особенно вступленіемъ Г. Фокса въ Министерство. Вѣсьмъ было извѣстно, что этотъ сановникъ, наследовавъ портфель Питта, не наследовалъ съ тѣмъ вмѣстѣ жестокой ненависти его къ Франціи и къ Императору; между ими существовало взаимное уваженіе и дѣйствительно Г. Фоксъ показавъ нескрѣпное расположеніе договариваться о мирѣ. Возможность достигнуть онаго, всегда его занимала, даже и тогда какъ онъ былъ въ оппозиціи съ Г-мъ Питтомъ. Самъ Бонапартъ, движимый высокимъ своимъ уваженіемъ къ Фоксу, могъ бы быть преклоненъ къ сдѣланію какихъ нибудь уступокъ. Но встрѣчались два, почти непредвидимыя препятствія. Первымъ изъ оныхъ было убѣжденіе со стороны Англіи въ томъ, что этотъ миръ будетъ только болѣе или менѣе продолжительнымъ перемиріемъ, и что Бонапартъ не переставеть каждый день стараться о достиженіи своей очевидной цѣли, всемирнаго владычества. Съ другой стороны полагали, что Наполеонъ имѣеть намѣреніе вторгнуться въ Англію. Еслибъ онъ могъ сіе сдѣлать, то это было бы менѣе для пораженія въ самое сердце ея торговли и для уменьшенія ея мор-

ской силы, превосходившей Французскую — чѣмъ для уничтоженія тамъ свободы тишенія, которую онъ искоренилъ на другой сторонѣ пролива. Зрѣлище свободнаго народа, отдѣляемаго только шестью млями моря, было по его мнѣнію всегда соблазнительно для Французовъ и безпрестанно подстрекало тѣхъ, которые не охотно покорялись его игу.

Въ первые дни Министерства Фокса явился къ нему одинъ Французъ съ предложеніемъ умертвить Императора. Министръ сей, тотчасъ извѣстивъ о томъ Г. Талейрана, призовавъ, что Англійскіе законы не дозволяютъ долго держать въ тюрьмѣ иностранца, не сдѣлавшаго никакого преступленія; но что онъ беретъ на себя задержать этого бездѣльника столько чтобы Глава Французскаго Правительства, извѣщенный объ этомъ, могъ имѣть время для принятія мѣръ противъ его злодѣйскихъ покушеній. Г. Фоксъ, въ письмѣ своемъ къ Талейрану, между прочимъ говорилъ, что онъ сначала сдѣлалъ было этому человѣку *гестъ*, *принявъ его за шпиона*: — слова, довольно показывавшія неодобреніе Англійскаго Министра. Это благородное извѣщеніе сдѣлалось ключемъ, открывшимъ врата къ новымъ переговорамъ. Императоръ приказалъ Талейрану отвѣчать Г. Фокеу, сообщивъ Англійскому Министру, что онъ вполне чувствуетъ всю цѣну его воступка, показываю-

цаго чего можно ожидать отъ кабинета, управляемаго на основаніи такихъ правилъ. Наполеонъ не ограничился этою дипломатическою вѣжливостію; онъ счелъ этотъ случай благопріятнымъ, дабы заставить еще разъ повѣрить искренней его любви къ миру. Онъ призвалъ въ Парижъ Лорда Ярмута одного изъ знатнѣйшихъ Англичанъ въ числѣ тѣхъ, которые столь несправедливо были задержаны плѣнниками въ Вердѣнѣ при разрывѣ Аміенскаго мира. Онъ поручилъ ему предложить Британскому Правительству вступить въ переговоры, вызываясь самъ признать въ пользу Англіи владѣніе мысомъ Доброй Надежды и островомъ Мальтою. Эта сговорчивость подала инымъ поводъ къ превознесенію умѣренности Наполеона; между тѣмъ какъ другіе порицали его за сдѣланную имъ столь большую уступку, какъ будто бы Мысъ Доброй Надежды и островъ Мальта могли служить вознагражденіемъ за Императорскій титулъ, за основаніе Королевства Италіи, за пріобрѣтеніе Геспун и всѣхъ Венеціанскихъ владѣній, за лишеніе Короля Неаполитанскаго престола, отдачу онаго Иосифу, и наконецъ за данное Германіи новое устройство, что все было сдѣлано послѣ Аміенскаго трактата. Объ этихъ вещахъ Наполеонъ ни слова не упоминалъ и уже конечно не захотѣлъ бы отъ нихъ отступиться.

Въ письмахъ, получаемыхъ мною изъ Парижа, часто излагалась надежда на миръ; но я не могъ раздѣлять ихъ: я слишкомъ хорошо зналъ Наполеона для того, чтобы вѣрить искренности Императора, особенно послѣ успѣха Виллской кампаніи, который еще болѣе усилилъ его честолюбіе, ибо оно возрастало въ соразмѣрности съ тѣмъ, какъ было удовлетворяемо.

Каждый день я видѣлъ новыя доказательства этого ненасытнаго честолюбія. Дѣйствительно Наполеонъ тогда уже возымѣлъ желаніе овладѣть Ганзейскими городами; видя Бремень, Любекъ и Гамбургъ беззащитными посреди Державъ, которыя не производя существенно войны могли питать мысль объ овладѣніи этими тремя городами, послѣдними убѣжищами оставленными свободѣ во всей Германіи; зная, какую цѣну будетъ имѣть, въ особенности городъ столь богатый, столь цвѣтущій какъ Гамбургъ, онъ вздумалъ, не вдругъ овладѣть ими, а предложить или лучше сказать, продать имъ свое покровительство. И такъ сначала мнѣ поручено было вступитъ въ переговоры съ Сенатами трехъ Ганзейскихъ городовъ, давъ имъ почувствовать, сколь для нихъ будетъ выгодно, если въ замѣну покровительства Наполеона, эти города согласятся сдѣлать въ его пользу небольшое пожертвованіе шестью миліонами. Я не упустилъ ничего для успѣха въ этихъ перего-

ворахъ, хотя зная расположеніе умовъ и имѣлъ никакой надежды на удачное окончаніе оныхъ. Я долженъ былъ съ важностью увѣрять Гамбургскихъ сановниковъ въ томъ, что они выиграютъ все чрезъ покровительство Императора; что безопасность ихъ на вѣки утвердится подъ защитою столь могущественнаго покровителя, и что небольшое пожертвованіе, котораго онъ отъ нихъ требовалъ, ничего не значило въ сравненіи со спокойствіемъ которымъ они будутъ пользоваться. Я имѣлъ по этому предмету много совѣщаній съ градоначальниками; сначала они нашли, что сумма слишкомъ велика; они представляли мнѣ, что богатство города очень уменьшилось съ тѣхъ поръ, какъ война стѣсняла его торговлю, наконецъ Сенатъ заключилъ тѣмъ, что и я бы на его мѣстѣ сдѣлалъ: онъ со всевозможною осторожностію объявилъ мнѣ, что обстоятельства не позволяютъ ему принять *великодушное* предложеніе Императора.

Я признаться самъ не постигалъ, какъ могли дать мнѣ такое порученіе, ибо ничего нельзя было привести основательнаго на счетъ пользы его для Ганзейскихъ городовъ. Противъ кого Бонапарте предлагалъ имъ покровительствовать? Пруссія, Швеція, Россія и Англія конечно могли имѣть и вѣроятно имѣли желаніе овладѣть ими, но это самое желаніе общее всѣмъ четь-

ремь Державамъ, составляло ихъ безопасность : еслибъ одна изъ нихъ покусилась овладѣть ими, то очевидно, что прочія три тому бы воспротивились. Самая Франція, занимающая уже Ганзейскіе города представляла обеспечение равное тому, которое могло имъ доставить открытое и довольно дорого заплаченное покровительство. Главное дѣло было въ томъ, что Наполеону тогда уже хотѣлось овладѣть Ганзейскими городами, что онъ и исполнилъ черезъ четыре года послѣ того.

Въ продолженіе пяти лѣтъ видѣлъ я, сколь важны Ганзейскіе города, а особенно Гамбургъ. Я убѣдился, что географическое его положеніе; выгоды доставляемыя оному большою рѣкою, его орошающею; плаваніе по оной большихъ кораблей до самаго города въ тридцати миляхъ отъ устья Эльбы; совершенная независимость, тамъ царствующая; и гражданское, отеческое его Правительство были причинами, коихъ совокупность возвысила Гамбургъ на ту степень удивительнаго благосостоянія, до которой достигъ этотъ городъ. Дѣйствительно, какое было народонаселеніе Гамбурга, Бремена и Любека, остатковъ великаго раздѣленія Ганзы въ среднихъ вѣкахъ? Въ бытность мою тамъ, въ Гамбургъ было девяносто тысячъ жителей, а на небольшомъ пространствѣ земли ему принадлежащей двадцать пять тысячъ. Въ Бreme-

нѣ считалось тридцать шесть тысячъ душъ, а на землѣ его восемь тысячъ. Въ Любекѣ, гдѣ городъ менѣ великъ, а земля болѣе обширна чѣмъ въ Бременѣ, было двадцать четыре тысячи жителей внутри стѣнъ и шестнадцать тысячъ внѣ оныхъ. Такимъ образомъ народонаселеніе всѣхъ Ганзейскихъ городовъ ограничивалось двумястами тысячами жителей и эта горсть людей, раздѣленныхъ на три небольшихъ области, производила необъятную торговлю, коей купеческіе корабли плавали по всѣмъ морямъ до такой степени, что поѣздка въ Индію или опасная экспедиція въ моряхъ Гренландскихъ считалась тамъ не больше какъ прогулкою.

Злѣба сдѣлала Гамбургъ самымъ удобнымъ мѣстомъ складки товаровъ Германіи. Эта прекрасная рѣка доставляла туда всѣ произведенія промышленности и земледѣлія Востока и Юга; въ обменъ чего промышленность и земледѣліе получали тамъ всѣ произведенія земли, которыя вкусь къ роскоши и къ излишествамъ сдѣлать необходимыми для потомковъ древнихъ Германцевъ, также какъ и для всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ. Отличнѣйшая честность въ торговыхъ сношеніяхъ, въ ручательствахъ и въ товариществѣ внушила общую довѣренность всѣмъ, производившимъ дѣла съ жителями Ганзейскихъ городовъ. Когда увидятъ добровольныя, а чаще

того принужденныя пожертвованія, которые эти небольшія области дѣлали до присоединенія ихъ къ Великой Имперіи, то нельзя не подивиться, какъ при такомъ малолюдствѣ оныя могли быть произведены.

Г Л А В А IX.

Пожалованіе новыхъ Принцевъ. — Благоволеніе Императорской фамилии. — Ни миръ, ни война. — Себастьянъ въ Константинополѣ и успѣхъ его порученій. — Лордъ Лаудердакъ въ Парижѣ. — Г. де Шамаши и Кларкъ въ Лондонѣ. — Вознагражденіе за Пресбургскій трактатъ. — Вексель въ семь миліоновъ. — Прекращеніе паціоновъ эмигрантамъ. — Козли Дюмурье. — Первенство Принца Меклембургъ. — Шверинскаго. — Графъ Паоли, Питтъ и Фоксъ. — Луазо. — Умысль убійства, отвергнутый Графомъ Жимелемъ. — Задержаніе Луазо. — Отсылка его въ Парижъ. — Приказъ о строгомъ наблюденіи за Мартелли. — Я беру его къ себѣ въ агенты. — Аббатъ Лажарръ. — Услуги и некуство Мартелли.

Императоръ прибылъ въ Парижъ въ концѣ Генваря 1806 года. По пріѣздѣ своемъ онъ узналъ, что войска его занимаютъ Мальту. Надѣлавъ Королей въ Германіи, онъ счелъ что пора уже ему окружить свой престолъ новыми Принцами. Въ эту то эпоху онъ пожаловалъ Мюрата Великимъ Герцогомъ Клевскимъ и Бере-

скимъ, Бернадота Княземъ Понте-Корво, Талейрана Герцогомъ Беневентскимъ, а двухъ прежнихъ своихъ товарищей Камбасереса и Лебрёна Герцогами Пармскимъ и Пиаченскимъ. Сестры своей Полины, недавно вышедшей вторично за мужъ за Принца Боргезе, онъ далъ Герцогство Гвасталу. Дивное стеченіе обстоятельствъ! Кто бы могъ тогда предвидѣть, что Герцогство Камбасереса, сдѣлается убѣжищемъ Принцессы Австрійской, вдовы Наполеона прежде его смерти?

Посреди благосостоянія Императорскаго Дома, когда старшій братъ Наполеона готовился уже возсѣсть на Неаполитанскій престолъ, въ ожиданіи пока Лудовикъ получитъ Голландію, а Иеронимъ обмѣнитъ свою законную жену на незаконный Вестфальскій престолъ, нѣкоторые безпокойства посѣтили изголовье Императора. Война не существовала на дѣлѣ между Державами твердой земли, ибо съ той и съ другой стороны не дрались, а только наблюдали другъ за другомъ. Однакоже это положеніе временнаго отдыха не имѣло въ себѣ ничего похожаго на спокойствіе мира. Франція была въ войнѣ съ Россією и съ Англією. Положеніе твердой земли казалось очень ненадежнымъ. Русскіе потихоньку вооружались. Вѣнскій договоръ былъ только отчасти исполненъ. Наполеонъ обратилъ взоры на Востокъ. Въ началѣ Маія онъ послалъ Генс-

рала Себастиани въ Константинополь. Мъры, принятыя Генераломъ и искусное его поведеніе оправдали выборъ Императора. Онъ обладалъ ловкостью и даромъ убѣжденія: миръ съ Турками былъ слѣдствіемъ его поѣздки. Переговоры съ Англією не имѣли столь же счастливой развязки, хотя однако же послѣ перваго донесенія Лорда Ярмута, Лордъ Лаудердаль былъ посланъ въ Парижъ Г-мъ Фоксомъ, а Гг. Шампианьи и Кларкъ отправились въ Парижъ для мирныхъ переговоровъ. Изъ этихъ переговоровъ ничего не воспослѣдовало.

Императоръ получилъ отъ Австріи огромныя суммы не считая вазъ, статуй и картинъ, коими онъ украсилъ Лувръ, и бронзы, облекшей колонну Вандейской площади, прекраенѣйшаго по моему мнѣнію, памятника его царствованія. Такъ какъ Австрія была истощена, то все наложенныя на нея подати не могли быть уплачены наличными деньгами и Императоръ получилъ часть оныхъ векселями. Ко мнѣ былъ присланъ одинъ, почти въ семь миліоновъ на Гамбургъ, данный въ слѣдствіе условій Пресбургскаго договора. Императоръ повелѣлъ мнѣ, получивъ по оному деньги, прислать ихъ въ Парижъ. Генераль Барбу, думая что эти деньги собраны съ Гамбурга, сталъ жаловаться на то, что я оставляю его въ нуждѣ; я сообщилъ ему изъ какого источника шли эти деньги, присо-

вокупивъ что мнѣ именно приказано тотчасъ отправить ихъ въ Парижъ. Въ тоже время я уведомилъ его что Король Шведскій все еще находится въ Ратицбургъ, но что комедія, которую онъ уже четыре мѣсяца играеть, приходитъ къ концу и что онъ скоро возвратится въ Швецію, потерявъ болѣе трети своей арміи чрезъ побѣги.

Дѣла Французскихъ Принцевъ Бурбонскаго Дома становились день отъ дня менѣе благоприятными и финансы ихъ такъ были стѣснены, что Брауншвейгскимъ эмигрантамъ было объявлено, что Претендентъ не имѣеть болѣе средствъ производить имъ пансіоны, которые съ этой минуты были все прекращены, что чрезвычайно огорчило эмигрантовъ, изъ коихъ нѣкоторые не имѣли другихъ средствъ къ существованію и не смотря на преданность свою къ Королю, не были недовольны тѣмъ, что она поддерживалась платою.

Между этими эмигрантами находился одинъ, коего имя займетъ мѣстечко въ исторіи. Я говорилъ уже о немъ: это былъ Дюмурье, который устроивалъ козни и распространялъ повсюду бранныя сочиненія. Онъ находился тогда въ Стральзундѣ, и полагали что Король Шведскій дастъ ему начальство. Бродяжничество этого Генерала, который бѣгалъ повсюду, прося какъ милостины оружія противъ своего отс-

чества и ни отъ кого не получая онаго, сдѣлало его предметомъ посмѣянiя.

Дабы прекратить споры на счетъ Голландiи, которую Дюмурье мечталъ завоевать съ мнимою арміею, Императоръ, будучи при томъ не доволенъ и тѣмъ что Голландцы не запирали портовъ своихъ отъ Англичанъ съ тою строгостью, какой онъ требовалъ,—отдалъ Голландское Королевство брату своему Лудовику, о чемъ я буду подробнѣе говорить при описанiи сношенiй моихъ въ послѣдствiи съ Гортензіею, которая разсказала мнѣ всѣ огорченiя Лудовика и свои собственныя.

Когда я сообщилъ всѣмъ Государствамъ Нижне-Саксонскаго Округа о восшествiи Лудовика на Голландскій престоль и о назначенiи Кардинала Феша помощникомъ и преемникомъ Архиканцлера Германской Имперiи, то одинъ только Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій не отвѣчалъ мнѣ и я узналъ, что онъ на счетъ сего испрашивалъ разрѣшенiя въ С. Петербургѣ. Въ тоже время онъ сообщилъ Императору о бракосочетанiи своей дочери Принцессы Шарлотты-Фридерики съ Принцемъ Христіаномъ-Фридрихомъ Датскимъ.

Трудно было въ эту эпоху предвидѣть, какой оборотъ получитъ союзъ сей. Принцъ, молодой, прiятный и красивый наружностью былъ одаренъ превосходнымъ характеромъ и все возвышало въ немъ хорошаго мужа. Что касается

до Принцессы, то она была мила какъ ангельно нѣсколько легкомысленна и избалована; она обожала своего мужа и союзъ ихъ былъ много лѣтъ очень счастливъ. Я имѣлъ честь знать ихъ въ ту эпоху, когда Герцогъ Меклембургскій прѣѣхалъ некая убожица въ Альтону со всѣмъ своимъ семействомъ. Герцогиня Меклембургская, Принцесса Саксонская посетила жену мою и очень благосклонно обошлась съ нею. Эта Принцесса заслужила общую любовь и всѣ жалѣли когда черезъ два года послѣ того, смерть похитила ее у ея семейства. Передъ выѣздомъ изъ Альтоны Герцогъ Меклембургскій давалъ праздники, прощаясь съ Голштейномъ, гдѣ онъ такъ хорошо былъ принятъ. Миѣ и женѣ моеѣ предоставлялись первыя мѣста: словомъ сказать мы были осыпаны знаками благосклонности всей этой фамилиі; ее составляли наследный Принцъ, отличавшійся своимъ умомъ и свѣдѣніями; онъ овдовѣлъ имѣвъ въ супружествѣ Великую Княжну Россійскую, сестру Императора Александра; Принцъ Густавъ, исполненный пріятностей и любезности; наконецъ Принцесса Шарлотта и мужъ ея наследный Принцъ Датскій. Эта счастливая чета никакъ не предвидѣла, что черезъ два года она навсегда разлучится. Принцесса находилась тогда въ полномъ блескѣ красоты своей; для нея дали на берегу Эльбы нѣсколько праздниковъ;

на которыхъ Принцъ открывалъ балъ съ Г-жею Буріеннъ Принцесса Шарлотта, не смотря на свою любезность, не могла приобрѣсти любви Датскаго Двора; противъ нея стали устронять придворныя козни.

Возвращаюсь къ эпохѣ 1806 года. Издавіе оскорбительныхъ для Франціи сочиненій, все еще поощрялось. Графъ Наоли-Шапьи издавалъ на Сѣверѣ журналъ подъ заглавіемъ: *Политическія Лѣтописи ХІХ вѣка*. Пока Г. Ниттъ былъ Министромъ, Графъ Наоли получалъ ежегодно 500 фунтовъ стерлинговъ за редакцію этого журнала; но когда мѣсто Нитта заступилъ Фоксъ, то издателю *Лѣтописей* было объявлено, что съ 1 Июля 1806 года пансіонъ, выдаваемый ему Г-мъ Ниттомъ, прекратится, и что онъ ничего не будетъ получать за изданіе своего журнала. Графъ Наоли подавъ на Англійскаго Министра просьбу, ссылаясь на условіе свое съ Г. Ниттомъ, по которому онъ долженъ былъ получать по 500 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, пока будетъ издавать этотъ журналъ. Но просьба его не была уважена и лишась средствъ къ изданію своихъ бранныхъ статей, онъ припужденнымъ нашелся замолчать.

Враги Французскаго Правительства не ограничивались одними только письменными и печатными ругательствами. Не одинъ бездѣльникъ точилъ кинжалъ на Императора. Въ числѣ ихъ

былъ нѣкто Лудовикъ Луазо. Недавно прїѣхавъ изъ Лондона, онъ поселился въ Альтонъ, дабы воспользоваться страннымъ преимуществомъ этого города давать убѣжище всемъ разбойникамъ, ворами и банкротамъ, которые хотѣли спастись отъ правосудія своего Правительства. 17 Июля Луазо явился къ Графу де Жимели, жившему въ Альтонъ и повѣренному въ дѣлахъ Графа Лилъскаго. Онъ предложилъ ему отправиться въ Парижъ для умерщвленія Императора. Графъ Жимель съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе и отвѣчалъ Луазо, что если онъ не имѣетъ другихъ средствъ служить Бурбонамъ кромѣ подлаго убійства, то отправился бы искать себѣ другихъ сообщниковъ. Это обстоятельство, о которомъ я узналъ навѣрное отъ одного изъ друзей Графа Жимеля, слышавшаго объ ономъ отъ него самого, равно какъ и буйныя рѣчи Луазо, заставили меня рѣшиться взять его подъ стражу. Не имѣя для исполненія сего никакихъ Полицейскихъ средствъ, я приказалъ надежному агенту безпрестанно находиться на гульбищѣ, отдѣляющемъ Гамбургъ отъ Альтоны и когда Луазо перейдетъ на Гамбургскій участокъ земли, то чтобы онъ постарался завести съ нимъ ссору, за которую ихъ бы взяли обоихъ въ ближайшую Гамбургскую караульню. Луазо дался въ обманъ, но увидѣвъ, что его собираются вести изъ караульни въ Гам-

бургскую тюрьму и узнавъ, что онъ взять подъ стражу по моему требованію, онъ тотчасъ снялъ съ себя галстукъ, изорвалъ зубами бывшія въ немъ бумаги и проглотилъ часть оныхъ. У него были также бумаги подъ мышками; онъ покушался было также ихъ изорвать, но не успѣлъ; пятеро солдатъ, составлявшіе его стражу, бросишсь на него; раздраженный Луазо началъ противъ нихъ защищаться, нанесъ имъ нѣсколько жестокихъ ударовъ и былъ отведенъ въ тюрьму не прежде, какъ по полученіи легкой раны. При входѣ въ тюрьму, первое его слово было: *Я погибъ!*

Луазо говорилъ въ письмѣ своемъ къ Г. Бово, которому онъ писалъ на имя Аббата Сента, на Кинзингтонской площади No 5, что онъ не хотѣлъ явиться къ повѣренному Претендента; но такъ хорошо былъ имъ принятъ, что даже не смѣлъ признаться въ томъ своему Корреспонденту. Луазо былъ препровожденъ въ Парижскую Полицію. Не знаю, какому жребію подвергся этотъ бездѣльникъ; но можно понадеяться, что Фуше привелъ его въ невозможность вредить.

По отсылкѣ Луазо въ Парижъ, я получилъ оттуда приказаніе имѣть строгое наблюденіе и даже задержать человека, по имени Мартелин, котораго обвиняли въ сочиненіи сатиры на Императора и на Французскихъ Генераловъ. Ему

также приписывали участіе въ сдачу Тулона Англичанамъ. Потребовавъ къ себѣ Мартелли, я сообщилъ ему, въ чемъ его обвиняютъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ никогда не былъ въ Тулонѣ, что уѣхалъ за границу изъ Марсели; чтоже касается до сатиры, то ее сочинилъ братъ его, находившійся тогда въ Португаліи. Я сдѣлалъ ему пространный допросъ и узнать, что онъ долго жилъ въ Англии. Замѣтивъ его смѣтливость, я намекнулъ ему, что онъ можетъ оказать Франціи услуги въ Англии. Я остался доволенъ, сообщенными мнѣ мнѣ свѣдѣніями, хотя онъ объяснялся сомнительно, приписывая это времени, протекшему съ отъезда его изъ Лондона.

Удостоверясь, сколько при такихъ обстоятельствахъ было возможно, въ его вѣрности, я рѣшился послать его въ Лондонъ и сообщить ему то, о чемъ Французское Министерство желало узнать. Передъ отъездомъ своимъ, Мартелли сказалъ мнѣ, чтобы я не удивлялся если найду въ Англійскихъ журналахъ, что либо въ его пользу или противъ его; что все это будетъ клониться къ достиженію цѣли его порученія. Онъ объявилъ также, что по его мнѣнію нужно было бы очень наблюдать въ Парижѣ за Аббатомъ *Лажарроль*, служащимъ по Министерству Внѣшнихъ Сношеній. Этотъ Лажарръ, бывший любовникъ Графини Сен-Мартень, ко-

торая потомъ жила съ Дюмурье, имѣль съ него перешиску и черезъ него то узнавали въ Англии обо всемъ, происходящемъ во Франціи. Мартелли желалъ, чтобы Лажарра не обнаруживали до возвращенія его изъ Лондона. Человѣкъ, съ которымъ Мартелли имѣль знакомство въ Лондонѣ и отъ котораго онъ получилъ это свѣдѣніе, былъ Адыютантъ Дюмурье, Кавалеръ Дюбленъ, который наскучивъ своимъ образомъ жизни, пламенно желалъ помириться со своимъ отечествомъ и опять туда прѣхать. Къ нему то Мартелли собирался отправиться. Въ минуту отъѣзда своего въ Гузумъ, Мартелли получилъ отъ Кавалера Дюблена письмо, которое онъ далъ мнѣ прочесть. Этого послѣдній писалъ ему, что Дюмурье скоро возвратится на твердую землю (*), и что готовится большая экспедиція въ Голландію или въ Гановръ, по вѣроятію въ послѣдній. Мартелли видѣлся со многими Французскими эмигрантами въ Альтонѣ и даже получалъ отъ нихъ въ Лондонѣ письма, коими его поручали нѣкоторымъ изъ главныхъ особъ этой партіи. Мартелли отправился въ Лондонъ. Я многое чрезъ него узналъ и не смотря на подозрѣнія, сообщенныя мнѣ на его счетъ Министеромъ Полиціи, онъ служилъ мнѣ съ большою вѣрностью и съ рѣдкимъ искусствомъ.

(*) Дюмурье дѣлалъ частыя поездки въ Англію.

Г Л А В А X.

Угрозы Пруссии. — Несовместность предложенныхъ условий. —
Статья о возвращеніи Гановра Англіи. — Воинственный
духъ Пруссии. — Разрывъ переговоровъ съ Англіею. — Пер-
вый Полководецъ повѣйшихъ временъ. — Г. Якоби въ Гам-
бургъ. — Полученный имъ приказъ отправиться въ Лондонъ.
— Начало враждебныхъ дѣйствій между Франціею и Прус-
сіею. — Вѣсть о великой побѣдѣ, полученная въ Гамбургъ.
— Ауерштедтская битва. — Прибытіе Герцога Брауншвейска-
го въ Гамбургъ. — Герцогиня Брауншвейская. — Огорченіе
эмигрантовъ. — Бернадотъ въ Гамбургъ — Дау и Бернадотъ.
— Росбахская колонна. — Шведы въ Любекъ. — Маіоръ
Амслъ. — Изъявленіе мнѣ признательности Гамбургскимъ
Сенатомъ.

Мы приближались къ той минутѣ, когда война долженствовала вновь обагрить кровью Германію и, по мѣрѣ какъ надежды на миръ исчезали, Пруссія усиливала свои угрозы. Воспоминанія о Фридрихѣ Великомъ волновали ее; миръ былъ для нея ненавистенъ; мѣры ея,

до тѣхъ поръ довольно скромныя, вдругъ сдѣлались грозными, какъ только она узнала что Министры Англійскаго Короля объявили въ Парламентъ, что Франція отдастъ ему обратно Гановръ. Французское Министерство старалось внушить Пруссіи, что эта отдача есть новый шагъ къ миру и ей обѣщали за то полное вознагражденіе. Но Прусскій Король, зная сколь Гановрекій Домъ жаждетъ владѣть этою древнею областью, доставлявшею Англійи весь въ Германіи, счелъ себя обманутымъ и рѣшился воевать. Въ эту эпоху Пруссія дышала войною. Общественный духъ, особенно у молодежи былъ сильно раздраженъ. Король желалъ сдѣлаться освободителемъ Германіи; поему Пруссія отвергла все предложенія о вознагражденіи ее за Гановръ. Она знала, что Наполеонъ двадцать разъ пожертвуетъ ею дабы получить миръ съ Англіею, которая всегда вооружала противъ него твердую землю; и что даже самый этотъ миръ, которому Пруссія содѣйствовала бы чрезъ уступку Гановра, обратился бы противъ нея, доставя Наполеону удобнѣйшія средства, послѣ угнетать ее.

Въ этихъ обстоятельствахъ, какъ Лордъ Лаудердакъ былъ отозванъ изъ Парижа своимъ Правительствомъ, не взиралъ на личное уваженіе Питтова преемника къ Императору, то мы остались въ войнѣ съ Англіею и были близки

къ войнѣ съ Пруссією. Берлинскій кабинетъ даже прислалъ свои условія, заключающія въ себѣ очень неосторожныя выраженія и почти могущія бытъ принятыми за вызовъ на бой. Характеръ Наполеона извѣстенъ, а потому можно себѣ представить, какъ раздражили его эти условія. Бертъ, находившійся въ Минхенѣ, убѣждалъ его ѣхать для предубѣжденія Пруссіи. Императоръ, послѣ осмимѣсячнаго пребыванія въ Парижѣ, проведеннаго въ надеждахъ на миръ и въ сомнительныхъ переговорахъ, отправился 25 Сентября на Рейнъ.

Мы имѣемъ такіа превосходныя сочиненія объ этомъ знаменитомъ Саксонскомъ походѣ, что мнѣ нѣтъ нужды входить въ подробности объ этихъ великихъ воинскихъ подвигахъ. Я скажу о нихъ только то, что относится къ общественымъ событіямъ и къ некоторымъ особеннымъ обстоятельствамъ. Кто не вспомнитъ, какими исполненскими шагами первый полководецъ повѣнннхъ временъ прошелъ чрезъ Пруссію и водрузилъ свое знамя въ столицу Фридрига Великаго?

Г. Якоби, Прусскій Министръ въ Лондонѣ, оставался въ Гамбургѣ съ явнымъ безпокойствомъ. Видя, что переломъ между Францією и Пруссією приближается, Г. Якоби чувствовалъ необходимость союза Пруссіи съ Англією, дабы имѣть подпору и особенно денежныя пособія.

Англія была тогда, какъ будто банкомъ, открытымъ для всехъ нашихъ непріятелей. Г. Якоби надѣялся, что онъ учредитъ Конгрессъ съ Г. Алопеусомъ Русскимъ Министромъ въ Штокгольмъ и съ Г-мъ Піернонгомъ, Англійскимъ Министромъ при томъ же дворѣ; но Г. Алопеусъ не пріѣхалъ въ Гамбургъ, Г. Піернонтъ отбылъ въ Швецію и Конгрессъ не состоялся.

1 Октября, пріѣхавшій изъ главной квартиры курьеръ привезъ Г-ну Якоби приказаніе немедленно отправиться въ Лондонъ. Онъ на другой же день уѣхалъ на вутерь, нарочно для того присланный; предъ отъѣздомъ своимъ онъ увѣрялъ меня, что пособіе, которое получить Пруссія, будетъ состоятъ изъ шестнадцати миліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Онъ не имѣлъ благопріятнаго мнѣнія о предстоящей борьбѣ съ Франціею. Когда я заговорилъ съ нимъ о Ганноврѣ, то онъ сказалъ мнѣ, что однимъ изъ условій сближенія Пруссіи съ Англіею, будетъ *возвращеніе* этой области Англіи.

Враждебныя дѣйствія между Франціею и Пруссіею начались 10 Октября 1806 года. Я потребовалъ у Сената запрещенія набора рекрутъ Прусаками. Извѣстіе о новой большой побѣдѣ, одержанной Императоромъ 14 Октября надъ Прусскою арміею, пришло въ Гамбургъ 19 числа чрезъ частныя письма и чрезъ бѣглецовъ, но съ подробностями, столь темными и

столь противорѣчащими, съ такимъ преувеличеніемъ сдѣланной Французами потери Генераловъ, Офицеровъ и солдатъ, что до 28 Октября, пока пришло офиціальное извѣстіе, ибо всѣ пути сообщенія были занерты, мы не знали, должно ли намъ радоваться или скорбѣть о Іенской побѣдѣ. Мы однакоже могли заключить о бѣдственномъ положеніи Прусской арміи по всеобщему бѣгству на Сѣверъ Германіи изъ тѣхъ земель, которыя занимали побѣжденные войска. Альтона была наполнена бѣглецами, которые даже и въ Гамбургъ не считали себя безопасными.

Герцогъ Брауншвейскій, тяжело раненый въ Ауерштадтской битвѣ, прибылъ 29 Октября въ Альтону; онъ былъ семидесяти двухъ лѣтъ и отягченъ немощами. Вступленіе его въ этотъ городъ было новымъ разительнымъ примѣромъ превратности фортуны. Увидѣли Владѣтельнаго Принца, пользовавшагося высокою военною славою, нѣкогда могущественнаго и спокойнаго въ своей столицѣ, а теперь побѣжденнаго и смертельно раненаго, ввезеннаго въ Альтону на жалкомъ одрѣ десятю чловѣками, безъ Офицеровъ, безъ слугъ; сопровождаемаго толпою ребятишекъ и бродягъ, бѣгущихъ за нимъ изъ любопытства; положеннаго въ дурномъ трактирѣ и до такой степени убитаго горестью и утомленіемъ, что на другой день по его прибытіи, вездѣ распространил-

ся слухъ о его смерти. Несчастнѣй Герцогъ приказалъ тотчасъ пригласить къ себѣ доктора Ушера для облегченія жестокихъ страданій, причиняемыхъ ему ранюю. Въ немногіе дни, которые Герцогъ Брауншвейгскій прожилъ послѣ полученія имъ ранъ, онъ не допускалъ къ себѣ никого, кромѣ своей супруги, прѣхавшей къ нему 4-го Октяб. Онъ скончался 10 числа этого мѣсяца.

Смерть сего Принца мало сдѣлала впечатлѣнія: производимая въ Германіи великая война занимала все умы. Немногіе Французскіе эмигранты, пользовавшіеся благодѣяніями Герцога, были въ отчаяніи. Со дня Іенской битвы, способности этого Принца очень ослабли. Онъ служилъ Пруссіи съ 1792 года, и съ сего времени никогда не отставалъ отъ системы этого двора. Жестокія воззванія, изданныя имъ противъ Франціи заставили считать его однимъ изъ непримиримѣйшихъ нашихъ враговъ.

Г. Монжуа расположился по сосѣдству съ Герцогомъ Брауншвейгскимъ. Онъ очень сожалѣвалъ о положеніи этого Принца равно какъ и Г. де ла Ферроне, возвратившійся въ Альтону вѣроятно для того чтобы этимъ доказать Герцогу свою признательность за благородное гостепріимство, оказанное ему этимъ Принцемъ. Въ этотъ разъ Г. де ла Ферроне не прѣзжалъ въ Гамбургъ, чему я очень былъ радъ; ибо

вряд ли бы ему удалось также счастливо отдѣлаться какъ въ первый прїѣздъ его.

Въ эту эпоху Бернадотъ возвратился въ Гамбургъ. Я спросилъ его объяснить мнѣ, правда ли будто бы онъ отказался идти съ Даву изъ Наумбурга для нападенія на Прусскую армію, а послѣ не пошелъ къ нему на помощь при атакѣ Пруссаковъ на Веймарской дорогѣ. «Мнѣ писали» сказалъ я Бернадоту, «что вы не участвовали въ Ауерштедтской битвѣ; я этому не повѣрилъ. Но вы читали бюлетень, въ которомъ помѣщено будто бы Бонапартъ сказалъ о васъ въ Наумбургѣ при многихъ Офицерахъ: *Еслибъ за это дѣло я отдалъ его подѣ военный судъ, то онъ былъ бы разстрѣлянъ. Не буду говорить ему объ этомъ, но не скрою отъ него мнѣй сбразъ мыслей. Онъ слишкомъ благороденъ, для того чтобы не сознаться, что онъ сдѣлалъ постыдное дѣло.*»—«Очень вѣрю,» отвѣчалъ мнѣ Бернадотъ, «что онъ способенъ сказать эти слова. Онъ меня ненавидитъ, потому что знаетъ, что я не люблю его; но пусть онъ только заговоритъ мнѣ объ этомъ: я ему отвѣчу. Я Гасконецъ, но онъ еще больше меня Я могъ обидѣться тѣмъ, что Даву вздумалъ мною почти новелѣвать; но я исполнилъ долгъ свой.»

Говорятъ, что Императоръ, по прибытіи на поле Россбакскаго сраженія, слѣдуя изъ Мененбурга въ Гамль, означилъ точку, гдѣ долженъ

сговора находилась колонна, воздвигнутая Фридрихомъ Великимъ и направление, которое сдѣлало взять для того, чтобы оной достигнуть. Я легко этому вѣрю: онъ въ высшей степени обладалъ совершеннымъ знаніемъ взаимной позиціи двухъ армій въ день битвы. Онъ приказалъ снять колонну. Признаюсь, что это противно чувствамъ, которыя мнѣ въ немъ были извѣстны. Онъ надѣялся когда я еще былъ при немъ, что памятники побѣдъ его будутъ поощрены.

Въ началѣ Мая Шведы вступили въ Любекъ; но 8 числа того же мѣсяца городъ былъ взятъ приступомъ и какъ эти Шведы, такъ остатки корпуса уцѣлѣвшіе отъ Іенскаго сраженія, попали въ плѣнь.

Прусскій отрядъ подошелъ на четыре мили къ Гамбургу и городъ сей уже готовился къ сильному сопротивленію, еслибъ Пруссаки вздумали вступить въ оный, какъ Маіоръ Амель атаковалъ ихъ въ Цолленспикеръ и многихъ взялъ въ плѣнь. Но городъ Гамбургъ былъ вновь встревоженъ намѣреніемъ Маіора Амеля вступить въ оный со всеми его плѣнниками, несмотря на признанный нейтралитетъ этого города.

Услуга, которую я оказалъ при этомъ случаѣ жителямъ Гамбурга, могу сказать немало важна. Судьба Любека очень была способна

устрашить всякой разъ когда возвѣщали о приближеніи Французскихъ войскъ. Этотъ несчастный городъ, по взятіи его обратно, былъ преданъ ужасамъ разграбленія, да и на самого Маіора Амеля нельзя было много понадѣяться. Онъ былъ партизанскій вождь, въ полномъ смыслѣ этого слова, и восвалъ болѣе для своихъ собственныхъ выгодъ, чѣмъ для содѣйствія успѣхамъ арміи. Отрядъ его состоялъ только изъ сорока человекъ; но ихъ очень было достаточно для приведенія въ ужасъ и для разграбленія сосѣдственныхъ деревень. Притомъ же онъ былъ чрезвычайно смѣль, и когда, съ этою горстью людей онъ бросился въ Гамбургъ, то добрые жители подумали что за нимъ слѣдуетъ двадцатитысячный корпусъ. Онъ забиралъ и грабилъ все по дорогѣ, имъ проходимою; онъ велъ съ собою триста пѣшниковъ и множество лошадей, отнятыхъ дорогою. Вечеромъ явился онъ у городскихъ воротъ. Оставивъ своихъ людей и добычу въ послѣдней деревнѣ, онъ одинъ вѣхалъ въ городъ и явился въ домъ Французскаго Посольства. Меня не было дома; но за мною тотчасъ послали и часовъ въ семь вечера я увидѣлся съ Маіоромъ. Никогда невидывалъ я человека, могущаго служить живонису лучшимъ образцемъ для изображенія разбойника. Я не удивился, узнавъ, что при входѣ его ко мнѣ, видъ его, голосъ и

длинные усы, перенутали всѣхъ бывшихъ въ комнатѣ. Онъ разсказалъ мнѣ подвиги свои по большимъ дорогамъ и не скрылъ отъ меня замысла своего на другой день ввести шайку свою въ Гамбургъ; онъ упоминалъ о баакѣ, о разграбленіи; долгое время я тщательно старался отклонить его отъ мысли грабежа, льстившей его воображенію, но наконецъ рѣшительно сказалъ ему: Знаете ли вы, Милостивый Государь, что это будетъ негодно Императору: въ продолженіе семи лѣтъ, проведенныхъ мною при его особѣ, я всегда видѣлъ его негодующимъ на тѣхъ, которые увеличивали для несчастныхъ жителей бѣдствія, неразлучныя съ войною. Воля Императора есть, чтобы не было дѣлаемо никакого вреда, никакого уцербъ городу Гамбургу и землямъ его. Этотъ краткій окрикъ подѣйствовалъ сильнее всѣхъ моихъ увѣщаній, ибо одно имя Императора приводило въ трепетъ самыхъ храбрыхъ. Тогда Маіоръ Амель заговорилъ о желаніи продать свою добычу, для полученія вмѣсто оной денегъ. Это касалось Сената, который по совѣщаніи имѣлъ слабость дозволить ему продать съ публичнаго торга лошадей и все имъ награбленное, на другой день въ ближайшей отъ Гамбурга деревнѣ. Сенату такъ хотѣлось поскорѣе избавиться отъ названнаго гостя, что онъ самъ купилъ у него часть добычи и далъ ему людей для препро-

вождеія пѣхннхъ. Я уже послѣ узналъ, что между лошадьми, похищенными на дорогѣ были лошади Графини Вальмодеи; еслибъ меня заранѣе о томъ увѣдомили, то я бы заставилъ возвратить ихъ ей. Г-жа Вальмодеи жила тогда въ Гамбургѣ, и семейство мое было съ нею очень дружно. На другой день по уходѣ Маіора Амеля, Сенатъ написалъ мнѣ слѣдующее письмо:

«Сенатъ чрезвычайно чувствителенъ къ безпокойству, которое Его Превосходительству «Г-ну Бургенну, Французскому Министру, угодно «было принять на себя при содѣйствіи ему для «устраненія всякихъ непріятностей, которыя «могли произойти во время нахождения отряда «Маіора Амеля съ большимъ числомъ пѣхннхъ «въ нашихъ окрестностяхъ.

«Чѣмъ болѣе слѣдствія какого либо насилія «или безпорядка отъ войскъ, незнающихъ на- «шего языка могли повредить нейтралитету сего «города и сдѣлаться оному пагубными, тѣмъ «сильнѣе Сенатъ чувствуетъ цѣну дружбы Его «Превосходительства, коего великодушныя уси- «лія столь усильно помогли старанію Сената «поддержатъ свой нейтралитетъ и предупредить «всякій непріятный случай, могущій нарушить «спокойствіе города. Сенатъ за удовольствіе по- «ставляетъ увѣрить Его Превосходительство, что «чувство признательности за сего одолженія, «раздѣляемо всеми гражданами сего города и

«что совѣтъ Старѣйшинъ собрался въ Сенатъ именно для того чтобы изъяснить свою благодарность Его Превосходительству.

«Сенатъ съ радостью, представляя Его Превосходительству это изъясненіе чувствъ, столь ко же искреннее, какъ всеобщее, проситъ не оставить его своимъ содѣйствіемъ и въ другихъ случаяхъ, касающихся поддержанія его нейтралитета. Онъ имѣетъ честь засвидѣтельствовать Его Превосходительству; и проч. и проч.

Г Л А В А XI.

Нужда въ покровительствѣ и пожертвованіи Гамбурга.—Послѣдствія, извѣстныя прежде причинъ.—Затруднительность моего положенія.—Свѣдѣнія, сообщенныя мною Правительству.—Услуги, оказанныя Англійскому Министру.—Наименованіе меня Министромъ Короля Неаполитанскаго.—Подчищеніе почтъ Французскому управленію.—Благоволеніе за то Наполеона.—Попытка Барона Грога у Ганзейскихъ городовъ.—Тщетный замыселъ Свѣрнаго Союза.—Дѣвизъ Ганзейскихъ городовъ.—Доброта ихъ Правительства.—Объявленіе въ Монитёръ.—Маршалъ Мортъе.—Запятіе Гамбурга именемъ Императора.—Берлинскій указъ.—Военное управленіе Гамбургомъ.—Поправленная ошибка на счетъ Маршала Брюна.—Генераль Мюно и Бригадотъ.—Строгости, смягченныя Княземъ Понте-Корво.

Вида приближеніе войны и страшась за свое политическое существованіе, Гамбургскій Сенатъ нѣсколько разъ обращался ко мнѣ съ просьбою о покровительствѣ Франціи, а я сказалъ, какую цѣну Императоръ за оное требо-

валъ. Я сдѣлалъ представленіе противъ этого требованія, истинно неисполнимаго; городъ Гамбургъ не могъ заплатить шести миліоновъ, послѣ сдѣланныхъ уже имъ огромныхъ пожертвованій, особенно тогда какъ въ слѣдствіе Императорскихъ указовъ, Эльба и Везеръ были занерты и блокированы и когда Англичане занимали Куксгавенскій портъ, что почти совершенно уничтожало торговлю Гамбурга, нѣкогда столь процвѣтавшую.

Въ предъидущей главѣ я упомянулъ о нѣкоторыхъ событіяхъ, происшедшихъ послѣ тѣхъ, кои я теперь намеренъ заняться. Если въ этомъ я не слѣдовалъ порядку времени, то по крайней мѣрѣ я слѣдовалъ порядку, предписываемому разсудкомъ; ибо хотя причины всегда предшествуютъ дѣйствіямъ, но почти всегда случается, что мы видимъ сперва дѣйствія, и время послѣ уже открываетъ намъ причины. Посему я обращаюсь къ обстоятельствамъ предшествовавшимъ Прусскому походу.

Между тѣмъ, какъ безноконился на счетъ намѣреній Берлинскаго кабинета, моя обязанность была не легка; я вѣчески старался сообщать Французскому Правительству все, что происходило или было замышляемо на рѣкѣ Шире. Я первый извѣстилъ о неожиданномъ движеніи Прусскихъ войскъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ Гамбурга. Они вдругъ выступили изъ

Лаусенбурга, Платцбурга, Гарбурга, Стада, Твинфельга и Куксгавена. Это необычайное движеніе подало поводъ ко множеству догадокъ. Я не ошибся, уведомивъ Французское Правительство, что по веѣмъ вѣроятностямъ Пруссія готовится открыто объявить себя противъ Франціи и соединиться съ Англіею. Я очень жалеть, что мое положеніе не позволяло мнѣ имѣть болѣе частыхъ сношеній съ Г-мъ Торнтономъ, Англійскимъ Министромъ при Пруссіи-Саксонскомъ Округѣ. Однакоже я иногда съ нимъ видался, и два раза имѣлъ случай ему услужить.

Г. Торнтонъ сообщилъ мнѣ просьбу по дѣлу, лично до него касавшемуся и коего усилья зависѣлъ отъ Императора. Я съ удовольствіемъ препроводилъ его просьбу, прибавивъ въ письмѣ моемъ къ Министру Иностранныхъ Дѣлъ, что поведеніе Г. Торнтона относительно Французовъ было всегда искренно и благородно и что мнѣ очень было бы пріятно объявить ему о усильяхъ его дѣла. Просьба была исполнена и Г. Торнтонъ остался очень за то благодаренъ.

При другомъ случаѣ, Г. Торнтонъ опять ко мнѣ обратился и мнѣ опять удалось ему услужить. Онъ желалъ получить свидѣнія объ одномъ изъ своихъ соотечественниковъ по имени Вильгельмъ Бакеръ. Отправясь къ морскимъ водамъ въ Террачину, онъ былъ взятъ подъ стражу

неизвѣстно за что, по приказанію начальника Французскихъ войскъ въ этомъ городѣ. Семейство его, не получая о немъ нѣсколько мѣсяцевъ извѣстія, и вовсе не зная что онъ подѣстражесю, сильно безпокоилось, о его жребіи. Родственники его прибѣгли къ Г. Торнтону, который не смотря на обстоятельства, препятствовавшія намъ имѣть болѣе частыя сношенія, обратился ко мнѣ съ просьбою постараться развѣдать о его соотечественникѣ. Я тотчасъ написалъ къ Г-ну Альбіс, бывшему тогда Посланникомъ въ Римѣ и доставилъ Г. Торнтону возможность успокоить родственниковъ Г. Бакера.

Мнѣ очень легко было узнавать о происходившемъ въ Италіи, ибо я недавно получилъ новое званіе. Иосифъ, новый Король Неаполитанскій, не имѣя Министра въ Нижней-Саксоніи, пожелалъ, чтобы я, въ качествѣ моемъ Министра Франціи, исполнялъ также должность Полномочнаго Министра Неаполитанскаго. Министры его получили приказаніе сношиться со мною по всемъ дѣламъ, касающимся его Правительства и подданныхъ. Сношенія между Гамбургомъ и Неаполемъ были весьма незначительны и новая моя должность не много дала мнѣ работы.

Я встрѣтилъ нѣсколько болѣе затрудненій въ присоединеніи всѣхъ Гамбургскихъ почтъ въ

конторъ Великаго Герцога Бергскаго, который писалъ мнѣ по этому случаю, убѣждая меня употребить всевозможное усердіе въ этомъ важномъ дѣлѣ. Давно уже я чувствовалъ необходимость подчинить все почты Французскому вліянію. Мнѣ больно было видѣть Французскую перенеску, предаваемую въ руки агентовъ Австрійскаго Дома конторами Латура и Такенса, названными такъ по имени Нѣмецкой фамиліи, которая очень давно пользовалась этимъ преимуществомъ и была предана Австрій. После многихъ переговоровъ, я наконецъ успѣлъ выхлопотать уничтоженіе этихъ конторъ и присоединеніе оныхъ къ конторѣ Великаго Герцогства Бергскаго, которая такимъ образомъ стала получать письма изъ Италіи, Венгрии, Германіи, Польши, части Россіи и изъ Англіи въ эти земли.

Это дѣло съ почтами заслужило мнѣ наибольше благоволенія отъ Наполеона; онъ приказалъ Дюроку изъяснить мнѣ письменно его удовольствіе, подтвердивъ мнѣ въ тоже время извѣщать его обо всемъ что говорилось и дѣлалось относительно проекта учрежденія Севернаго Союза. Это подтвержденіе было бесполезно ибо я очень хорошо зналъ, что этотъ союзъ не состоится. Однакоже я уведомилъ Правительство о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ, дошедшихъ до моего свѣдѣнія. Я написалъ Министру Внѣшнихъ Сно-

шений подробное письмо о поездкѣ, сдѣланной Прусскимъ Министромъ въ Гамбургъ Барономъ Гротомъ, въ Бременъ и въ Любекъ. Между людьми, ему сопутствовавшими былъ одинъ человекъ, совершенно мнѣ преданный, и я узналъ, что цѣлю его поездки было сдѣланіе этимъ городамъ словеснаго предложенія о присоединеніи къ *Съверному Союзу*, которой Прусскій Король хотѣлъ учредить для перевѣса *Рейнскаго Союза*, основаннаго Наполеономъ и кою онъ объявилъ себя протекторомъ; кажется это было одно только подражаніе. Онъ сдѣлалъ въ Гамбургѣ тѣже предложенія Синдику Сената Ванъ Синену, завѣдывавшему Прусскимъ Департаментомъ. Баронъ Гротъ дѣйствовалъ съ величайшею скрытностью. Онъ тайно показывалъ тѣмъ, къ которымъ обращался, письмо Министра Короля Прусскаго Барона Гаугвица, старавшагося дать почувствовать Ганзейскимъ городамъ, сколь Съверный Союзъ будетъ для нихъ выгоденъ, какъ единственное средство сохранить свою свободу чрезъ учрежденіе могущественной власти. Но съ самаго начала три города отвѣчали ему уклончиво. Сенатъ поручилъ Г-ну Ванъ - Синену объявить Прусскому Министру, что это дѣло требуетъ совѣщанія съ гражданствомъ, и что для представленія сего проекта, нужно знать основанія и условія онаго. Однакоже Синдикъ Дорманъ от-

правился въ Любекъ, куда пріѣхалъ также Депутатъ Бремена; но этотъ проектъ союза не имѣлъ никакихъ послѣдствій. Ганзейскіе города отвѣтствовали болѣе чѣмъ съ холодною на предложенія Пруссіи, которая нѣсколько времени тщетно старалась бороться противъ вліянія Франціи. *Сѣверный Союзъ* не состоялся.

Я съ точностью исполнялъ обязанности моего званія полномочнаго Министра Франціи въ Гамбургѣ; но признаюсь, что мнѣ иногда тяжело было исполнять даваемые мнѣ приказанія и я часто бралъ на свою отвѣтственность смягчать строгость оныхъ. Я любилъ искренній и правдолюбивый характеръ Гамбургцевъ и не могъ не сожалѣвать о жребіи Ганзейскихъ городовъ, въкогда столь счастливыхъ и отъ которыхъ Наполеонъ требовалъ огромныхъ пожертвованій.

Можно бы подумать, что онъ старается истощить ихъ прежде преднамѣреваемаго присоединенія къ Великой Имперіи. Правда, что Сенаты этихъ городовъ, считавшихся еще по названію вольными, совѣщались о всѣхъ дѣлаемыхъ Наполеономъ требованіяхъ; но что могли сдѣлать всѣ эти совѣщанія противъ воли такого человека, какъ онъ; особенно когда города сіи были устрашаемы грознымъ присутствіемъ въ Гановрѣ Французскихъ войскъ, которымъ стоило только перейти чрезъ Эльбу, для того чтобы предписать свои законы? Эти слабыя

Державы не имѣли возможности отказывать. Желаніе столь сильное и столь законное о сохраненіи своей независимости и нейтралитета, постояннаго источника ихъ благосостоянія, побуждала ихъ къ уступкамъ, которыя однакоже не спасли ни ихъ нейтралитета, ни ихъ независимости.

На главныхъ воротахъ этихъ городовъ находилась надпись, показывавшая миролюбивый духъ добрыхъ обывателей: *Da nobis pacem, Domine, in diebus nostris.* Отеческое и ими избираемое Правительство, не получавшее почти никакого возмездія за свою службу и дѣлавшее все для счастья этихъ городовъ думало, что наградою этихъ пожертвованій будетъ сохраненіе нейтралитета. Полагаясь на сдѣланныя Наполеономъ увѣренія, оно не имѣло никакой недовѣрчивости. Онъ приказалъ объявить въ Монитёрѣ, обыкновенномъ провозгласителѣ его видовъ и воли, что *Rheinische города не могутъ вступать ни въ какой особенный союзъ.* Это значило произнести смертной приговоръ противъ Сѣвернаго Союза, устроиваемаго Прусскимъ кабинетомъ и на который слабые города сѣн, принуждены были бы согласиться. Наполеонъ, двинувшись въ 1806 году противъ Пруссіи, отрядилъ Маршала Мортье отъ Большой Арміи по переходѣ оной чрезъ Рейнъ. Мортье получилъ приказъ вторгнуться въ Курфиршество Гессен-

ское и идти къ Гамбургу. 19 Ноября городъ былъ занятъ Французскою арміею во имя Императора. Величайшій порядокъ и спокойствіе были соблюдены при этомъ занятіи.

Неумолчу однакоже, сколько я онаго страшился. При извѣстіи о приближеніи Французской арміи, сильный и общій ужасъ распространился въ Гамбургъ, который такъ дорожилъ неприкосновенностью своего нейтралитета. Убѣждаемый начальниками города я не колебался принять на себя обязанность, не принадлежащую къ моему дипломатическому званію. Я сдѣлался некоторымъ образомъ какъ бы главнымъ сановникомъ города, гдѣ я былъ Министромъ Франціи; и выѣхавъ на встрѣчу къ Маршалу Мортье, старался отговорить его отъ вступленія въ Гамбургъ въ тѣхъ мысляхъ, что я этимъ болѣе услужу выгодамъ Франціи, чѣмъ содѣйствуя занятію нейтральнаго города войсками моего правительства; но всѣ мои убѣжденія были тщетны, ибо на это было именное повеленіе Императора. При описаніи выѣзда моего изъ Гамбурга на встрѣчу Маршалу, я вспомнилъ случай съ бѣднымъ маленькимъ Негромъ Селимомъ, весьма исправнымъ слугою, котораго мы очень любили. Ему было тогда лѣтъ двѣнадцать или тринадцать. Узнавъ, что Маршалъ прибудетъ со своимъ Штабомъ на другой день, я увидѣлъ, что нельзя терять

времени, и не смотря на ненастную погоду отправился въ каретѣ четверкою. Между Селимомъ и однимъ изъ моихъ служителей, который всегда со мною ѣздилъ, возникъ споръ. Я приказалъ Селиму остаться по причинѣ холода и недавняго выздоровленія его отъ простуды; но онъ не послушался, и опасаясь, чтобы я не встрѣтилъ какихъ опасностей, онъ вскарабкался за своимъ товарищемъ. Несчастный ребенокъ дорого заплатилъ за свою преданность: онъ возвратился ночью прозябнувъ, промокнувши до костей и сильно занемогъ грудью; я оказалъ ему всѣ возможные попеченія; послать его въ Парижъ, дабы лучше врачи могли лѣчить его; но болѣзнь была неизлѣнима, и черезъ три недѣли послѣ того, я узналъ, что онъ умеръ у меня въ домѣ въ Готвальдской улицѣ.

Такъ какъ въ Гамбургѣ ничего не было приготовлено для принятія Маршала Мортъе, то онъ пріѣхалъ у меня со своимъ Штабомъ. Бывшій съ нимъ небольшой отрядъ войска, расположился у меня на дворѣ, такъ, что домъ мирнаго Министра вдругъ превратился въ Главную Квартирную, что продолжилось до тѣхъ поръ, пока Маршалу отвели квартиру.

Требованія, которыя Маршалъ Мортъе долженствовалъ сдѣлать послѣ этого занятія, были очень суровы; но мои представленія вонервыхъ отклонили исполненіе даннаго Наполео-

номъ приказа о взятіи Гамбургскаго банка. Долгомъ считаю отдать полную справедливость честности, правотѣ и благородству Маршала. Наполеонъ, уваживъ замѣчанія, сообщенныя мною письменно Маршалу Мортъе, а отъ него отосланныя въ Берлинъ съ донесеніями, что онъ отложилъ исполненіе предписанныхъ ему мѣръ, въ ожиданіи новыхъ приказаній, — одобрилъ его поведеніе. Это было счастьемъ для Франціи и для Европы еще болѣе, чѣмъ для Гамбурга. Тѣ, которые внушили Императору мысль о разграбленіи этого превосходнаго заведенія, конечно вовсе не имѣли никакого понятія о его пользѣ; они думали только объ одномъ: о девяносто миліонахъ банковыхъ марокъ, лежащихъ въ погребахъ его.

Въ слѣдствіе знаменитаго Берлинскаго указа 21 Ноября 1806 года, Мортъе принужденъ былъ захватить всякаго рода Англійскіе товары, находившіеся въ Ганзейскихъ городахъ; но справедливость заставляетъ меня сказать, что слѣдуя внушеніямъ умѣренности, онъ показалъ при исполненіи этой мѣры только наружную строгость, необходимую, дабы привести себя въ возможность сказать, что онъ повиновался.

Въ эту эпоху Г. Керъ, былъ присланъ въ Любекъ Интендантомъ. Цѣль его обязанности состояла въ томъ, чтобы захватывать, оцѣнивать и наблюдать за выкупомъ товаровъ; но

она распространилась на все неприятельскіе корабли, на продажу ихъ грузовъ, а особенно огромнаго количества муки, составлявшей эти грузы. Любекъ долго будетъ помнить лихоимство Интенданта Кера. Онъ въ короткое время составилъ себѣ весьма значительное состояніе; но столь же скоро уничтожили его своимъ мотовствомъ и распутствомъ.

Когда Маршалъ Мортъ выступилъ изъ Гамбурга въ Мекленбургъ, то мѣсто его занялъ Генералъ Мишо, понесшій по слѣдамъ Маршала, о комъ жалѣли, страшась не имѣть уже такого отличнаго начальника, Мишо сдѣлалъ Гамбургцамъ только то зло, котораго онъ никакъ при своемъ благородствѣ не могъ избѣгнуть.

Начавъ уже говорить о Французскихъ Генералахъ, занимавшихъ съ войсками Гамбургъ, я скажу, что Маршалъ Брюнъ заступилъ мѣсто Генерала Мишо въ началѣ 1807 года; и очень радуюсь, что при этомъ случаѣ могу выставить заблужденія, въ которыя было вовлечено общественное мнѣніе. Я долженъ сказать правду: во все время своего управленія, Маршалъ Брюнъ постоянно старался, сколько въ его положеніи было возможно, смягчать получасмыя имъ приказанія. Онъ даже иногда ожидалъ подтвержденій для того, чтобы рѣшиться содѣйствовать строгимъ мѣрамъ таможни. Умѣренность его не понравилась и онъ былъ отозванъ.

Бернадотъ заступилъ его мѣсто тогда, какъ въ слѣдствіе Венской битвы, Наполеонъ сдѣлался властелиномъ Пруссіи и Сѣверной Германіи. Побѣдитель не сталъ болѣе надѣть области, составляющей часть оной, и предается невѣроятнѣйшимъ требованіямъ, не встрѣчая сопротивленія, ибо слабость воспринимала дѣлать оное. Денежныя налоги, поставка всякаго рода продовольствій, безпрерывный военный постоя и значительныя столовыя деньги, — вотъ каковы были эти требованія. Долгое время начальствующему войскамъ Генералу выдавалось по 4200 франковъ въ день. Голландцы, подъ начальствомъ Генерала Граціана, пользовались по соразмѣрности тѣми же выгодами въ Любекѣ и тоже самое было въ Бременѣ.

Князь Понте - Корво смягчалъ и умѣрялъ сколько могъ эти несправедливыя, тяжкіе налоги, и благородный характеръ его избавилъ Гамбургъ отъ болѣе еще бѣды, угрожавшей сему несчастному городу. Никогда онъ не отказывалъ мнѣ въ своемъ содѣйствіи для принятія мѣръ противъ системы разоренія и гоненія. Онъ часто оказывалъ Гамбургу покровительство противъ непомѣрныхъ требованій. Ганзейскіе города нѣсколько отдохнули подъ его управленіемъ, которое было продолжительнѣе управленія Моргье, Мишо и Брюна. Воспоминаніе о Бернадотѣ будетъ всегда драгоцѣнно Гамбург-

цать и я увѣренъ, что они произносятся его имя не иначе какъ съ признательностью. Онъ въ особенности обращалъ постоянное вниманіе на чрезмерную строгость таможи. И можно сказать, что это поведеніе не погрѣдило тому мнѣнію, которое, черезъ четыре года послѣ того, провозгласило его Наслѣднымъ Принцемъ Швеціи.

Г Л А В А XII.

Генералъ Перропъ и Г. Бургіанъ.—Дѣти Г. Перрона и золотыя ожерелья.—Взаимная ненависть и богатство Гг. Перрона и Бургіана.—Участіе, принимаемое мною въ эмиграціяхъ. — Исключеніе изъ числа опытовъ Г-на Буало. — Признаки войны съ Россією. — Указъ Императора Александра.—Порученіе Дюрока въ Веймаръ.—Восторгъ Пруссаковъ.—Неудача Дюрока и двуличность Наполеона.—Побѣда, одержанная Французскою армією. — Сдача Князя Гозилоз.—Любопытныя письма Мюрата.—Генералъ Моро и Фюшъ-Борель. — Подати нашихъ Генераловъ. — Взятіе Любека.—Ложныя слухи о Моро.—Разбитіе Блюхера. — Изъясненіе сказки на счетъ Моро.

Нѣтъ человѣка, который бы не слыхалъ о знаменитомъ Генералѣ Перроне, игравшемъ столь важную роль у Мараттовъ и у Принца Синдійскаго. Почти черезъ годъ по прибытіи моемъ въ Гамбургъ, онъ туда пріѣхалъ. Онъ явился ко мнѣ за паспортомъ, и я имѣлъ съ нимъ

самые занимательные разговоры о его приключеніяхъ, дѣйствительно необычайныхъ. Онъ сказалъ мнѣ, что у него было до пятидесяти миліоновъ, но что за отправление свое на корабль изъ одного изъ портовъ Восточной Индіи, онъ принужденъ былъ заплатить Англичанамъ столь огромныя суммы, что это стоило ему почти трехъ четвертей его сокровищъ. Нѣсколько его чемодановъ было наполнено великолѣпными шальями. Онъ сдѣлать мнѣ подарокъ ими.

Генералъ Перронъ былъ безъ руки. Онъ привезъ съ собою двухъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, рожденныхъ отъ Индіанки и которыхъ смуглая кожа напоминала о происхожденіи ихъ по матери. Нарядъ этихъ дѣтей былъ такъ необычаенъ, что они нѣсколько разъ обращали на себя общее вниманіе вездѣ, гдѣ ни показывались. На шеѣ и на рукахъ у нихъ были надѣты огромныя кольца изъ чистаго золота, но эти ожерелья и браслеты вовсе не походили на носимыя Европейскими женщинами, которые можно по произволу надѣвать и снимать; они были наглухо заперты и съ такимъ искусствомъ, что невозможно было разсмотрѣть сная. Эти малютки ни слова не знали по Французски; отецъ казался очень любить ихъ и безпрестанно ихъ ласкалъ.

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ Генерала Перрона прибылъ изъ Бенгала Г. Бургіанъ, ко-

торый также взялъ паспортъ во Францію. Онъ былъ въ открытой войнѣ съ Г-мъ Перрономъ, который въ томъ же смыслѣ мнѣ о немъ отзывался. Они нитали другъ къ другу сильнѣйшее презрѣніе, съ ожесточеніемъ обвиняя одинъ другаго въ разореніи Маратовъ; а между тѣмъ оба чрезвычайно обогатились. Я незнаю куда дѣлся Г. Бургенъ; что касается до Генерала Перрона, то онъ живетъ въ великолѣпномъ помѣстьѣ, купленномъ имъ въ окрестностяхъ Вандома. Онъ женился вторично и имѣлъ отъ втораго брака другихъ дѣтей, отлично имъ воспитанныхъ. Одна изъ дочерей его, милая какъ ангель, нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышла за мужа за Г. де ла Рошфуко; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ брака, смерть похитила ее у обожанія всѣхъ, кто только былъ съ нею знакомъ. Я знаю мужа ея, Подъ-Презекта въ Санѣ.

Не смотря на то, что я былъ Министромъ Императора въ Гамбургѣ, и на мою искреннюю преданность къ выгодамъ Франціи, я немогъ забыть, что я самъ былъ эмигрантомъ и ощущалъ живѣйшее удовольствіе всякой разы, когда не вреди себѣ, а могъ быть полезенъ эмигрантамъ. Между тѣми, которыми я имѣлъ счастье оказать услуги я помню Г-на Буало, бывшаго прежде Камердинеромъ у одной изъ сестеръ Лудовика XVI-го. Г. Буало, явись ко мнѣ съ

одобрительнымъ письмомъ отъ Г. Ласнеда, объявилъ мнѣ о своемъ положеніи и о желаніи своемъ возвратиться во Францію; я отвѣчала Г. Ласнеду, что я благодарю его за доставленіе мнѣ случая оказать ему услугу и сдѣлать что нибудь, для него пріятно; я безъ труда неходатайствовала исключеніе изъ списковъ Г. Буало. Въ эту-то эпоху отправилъ я къ Г-ну Поцебуту Секретарю Виленской Академіи, рукопись которую поручилъ мнѣ переслать къ нему Г. Ласнедъ, прося какъ можно поспѣшить, чтобы она поспѣла къ торжественному собранію.

Въ Сентябрь мѣсяцъ 1806 года можно было увѣрительно сказать, что какъ скоро война возгорится между Франціею и Пруссіею, то Россія не замедлитъ принять въ оной участіе, присоединясь къ Пруссіи. Миръ между Наполеономъ и Александромъ былъ однакоже установленъ въ слѣдствіе договора, подписаннаго Г-мъ Убри въ Парижѣ. Россія должнаствовала вывести свои войска изъ Бокко ди-Катара, чего она вовсе не торопилась сдѣлать. Еще того болѣе, я получилъ номеръ Санктпетербургской газеты, въ коемъ былъ помѣщенъ указъ Императора Россійскаго. Александръ излагалъ въ немъ опасности, которыя вновь угрожали Европѣ и доказывалъ необходимость охранять общее спокойствіе и безопасность его Имперіи,

что побудило его, не только пополнить, но и увеличить свою армию.

До начала враждебных действий, Дюроку было дано поручение къ Королю Прусскому, дабы все хорошенько развѣдать и узнать, имѣли ли средства завести новые переговоры; но дѣла были уже слишкомъ запутаны; всѣ попытки Дюрока остались безуспѣшными, и можетъ быть уже не отъ Короля Прусскаго зависѣло не воевать съ Франціею. Во время бытности Дюрока въ Берлинѣ восторгъ Прусаковъ на счетъ сохраненія своей независимости, имѣлъ въ себѣ нѣчто подобное тому буйному наступленію, которое при началѣ Революціи, создало армию. Притомъ же, Король Прусскій имѣлъ законныя причины жаловаться на Императора. Хотя сей послѣдній, какъ выше сказано, и далъ ему Гановръ въ вознагражденіе двухъ Маркграфствъ, но онъ тѣмъ не менѣе предложилъ возвращеніе сей области однимъ изъ условій переговоровъ начатыхъ съ Г-мъ Фоксомъ. Всѣ эти продѣлки были извѣстны въ Берлинскомъ кабинетѣ, и эта-то двулличность Наполеона была причиною неуспѣха порученія Дюрока. Король Прусскій находился тогда въ Веймарѣ.

Я уже предупредилъ, что я вовсе не намѣренъ входить въ военныя подробности о Прусской кампаніи. Приведу только нѣкоторыя обстоятельства, дошедшія до моего свѣдѣнія и нѣко-

торыя письма, полученныя мною въ то время отъ главныхъ вождей Французской арміи, а именно отъ Мюрата и Бернадота.

Побѣда вездѣ оказалась на сторонѣ Французскаго оружія, Князь Гошлоэ, начальствовавшій Прусскимъ корпусомъ, принужденнымъ пришелся сдаться въ Прентцлау. Послѣ этой сдачи, Генераль Блюхеръ принялъ начальство надъ остатками корпуса, присоединивъ къ онымъ тѣ войска, которыя чрезъ благовременный выходъ изъ Прентцлау избавились отъ сдачи. Эти войска съ тѣми, которыя Блюхеръ имѣлъ въ Ауерштедтѣ составляли почти единственный оплотъ Прусской Монархіи. Сультъ и Бернадотъ получили отъ Мюрата приказаніе немедленно преслѣдовать партизана Блюхера, который вселчески старался удалить отъ Берлина войска этихъ двухъ Генераловъ. Блюхеръ пошелъ къ Любеку и овладѣлъ онымъ. Ниже увидать съ нѣкоторыми подробностями, какимъ образомъ дѣло кончилось.

Генераль Мюратъ преслѣдовалъ остатки Прусской арміи, ушедшіе изъ Саксоніи чрезъ Магдебургъ. Блюхеръ стоялъ подъ Любекомъ. Выгоды арміи, находившейся въ Берлинѣ, требовали дабы уничтожить корпусъ, довольно значительный и предводительствуемый искуснымъ, храбрымъ Генераломъ, отдаленнымъ отъ центра военныхъ дѣйствій многочисленныя вой-

ска, съ которыми онъ могъ уйти въ Гановръ, въ Гессенъ или даже въ Голландію и соединясь съ Англійскими войсками много безпокоить тылъ Большой Арміи. Великій Герцогъ Бергскій объявилъ мнѣ о своихъ намѣреніяхъ и надеждахъ, а векоръ послѣ того и объ усилкахъ, слѣдующими письмами:

«Господинъ Министръ, спѣшу извѣстать васъ «о прибытіи моемъ сюда съ корпусами Гв. «Маршаловъ Сульта и Бернадота и съ частью «кавалерійскаго резерва. Завтра я буду подъ «Любекомъ, гдѣ надѣюсь нанести смертельный «ударъ Генералу Блюхеру, если онъ вступитъ «со мною въ бой. Мнѣ доносятъ будто бы онъ «намѣревается съѣхать тамъ на суда, но я не ду- «маю, что онъ будетъ имѣть на то время, и «надѣюсь, еслибъ даже онъ и успѣлъ, то сдѣ- «лать, что Богъ покровительствующій оружію «Его Величество наслетъ ему противный вѣ- «стеръ.

«Еслибъ Пруссаки подошли къ Гамбургу, съ «тѣмъ чтобы вступить въ оный, то подтверди- «те градоначальникамъ, чтобы они заперли для «нихъ ворота; въ противномъ случаѣ они при- «зываютъ къ себѣ насъ.

«Бывшій Генералъ Моро проѣхалъ 12 Октяб- «ря чрезъ Парижъ, а 28 чрезъ Гамбургъ, отку- «да отправился въ Россію. Фонтъ-Борель нахо-

«идется теперь въ Гамбургъ; постарайтесь отыскать его и взять подъ стражу.

«Пропну васъ сообщить мнѣ въ Любекъ все «свѣдѣнія, которыя вы можете получить о замыслахъ Генерала Блюхера.

«Объявляю вамъ о разбитіи Князя Гоэнлоэ. «28 числа я взялъ въ плѣнъ весь его корпусъ «въ Прентцлау; Гусары взяли Штетинъ 29 числа въ 11 часовъ вечера, между тѣмъ какъ Генераль Мишо, котораго я послалъ въ Пассе-«валькъ, заставилъ четырехтысячный корпусъ «положить предъ нимъ оружіе, а Генераль Бен-«скеръ въ Дукланъ принудилъ къ сдачѣ такой «же корпусъ. Кюстринъ сдался третьяго дня; «наконецъ изъ всей Прусской арміи остается «только отъ двадцати до двадцати пяти тысячъ «человѣкъ, которые конечно также отъ насъ не «уйдутъ.

«Примите, Г. Министръ, увѣреніе въ моемъ «высокомъ уваженіи,

ЮАХИМЪ.»

Въ Шлатцбургъ, 5 Ноября въ восемь съ половиною часовъ вечера.

«Желаю, любезный Буріеннъ, чтобы обстоятельства доставили мнѣ удовольствіе васъ увидѣть.

«Господниѣ Министръ, я сію минуту, сядясь
«на лошадь, получилъ письмо ваше и то, ко-
«торое вы прислали ко мнѣ для отправленія
«къ Императору. Благодарю васъ за свѣдѣнія,
«вами мнѣ сообщенныя.

«Корпусъ, подъ предводительствомъ Принца
«Брауншвейгскаго и Генерала Блюхера состоя-
«щій изъ 25,000 человекъ, дождался войскъ
«Его Величества въ Любекѣ. Городъ сей взятъ
«приступомъ: 6,000 пѣхотныхъ, 5 Генерала, 50
«орудій, штандарты и знамены были блиста-
«тельнымъ приобрѣтеніемъ этого дня. Остатокъ
«этого корпуса разсѣялся, и если, какъ говорятъ
«и какъ кажется, Датчане рѣшились соблюсти
«свой нейтралитетъ, то должно предполагать,
«что Генераль Блюхеръ, сего дня или завтра
«будетъ принужденъ положить оружіе. Такимъ
«образомъ кончится слава этой арміи, произ-
«ведшей столько чудесъ при Фридрихѣ Великомъ
«Примите Г. Министръ, увѣреніе въ моемъ
«уваженіи

ЮАХИМЪ »

«P. S. Вы ничего не упоминаете о полученіи
«письма моего отъ 5 числа изъ Ратцбурга, въ
«которомъ я извѣщалъ васъ о блистательныхъ
«успѣхахъ кампаніи; между прочимъ о разбитіи
«и сдачѣ всей арміи Принца Гоэнлоэ, о взятіи
«Штеттина и Кюстрива, о движеніи части арміи
«къ Польской арміи и проч.

Часть VII.

25

«Надѣюсь, что въ эту минуту сообщенія между Гамбургомъ и Берлиномъ возстановлены.

I.»

Мюратъ сообщилъ мнѣ еще нѣкоторыя подробности въ слѣдующемъ письмѣ:

9 Ноября.

«Господинъ Министръ, я получилъ письмо ваше отъ 8 Ноября въ 4 часу утра. Я не получалъ отвѣта вашего на письмо мое изъ Ратцбургга; вы говорите, что вы отправили его съ «остафетою. Надѣюсь, что вы получили писанные мною къ вамъ вчера два письма, изъ коихъ въ одномъ я извѣщалъ васъ о взятіи приступомъ города Любека, а въ другомъ объ «овладѣніи всемъ Корпусомъ Блюхера. Такимъ «образомъ исчезли остатки Прусской арміи.

«Стану теперь отвѣчать на вопросы, сдѣланные мнѣ Вашимъ Превосходительствомъ; но «что я говорю? Разбитіе Блюхерова корпуса уже «на нихъ отвѣствовало и конечно совершенно «разсѣяло опасенія Гамбургскаго Сената. Отрядъ «дѣйствительно былъ посланъ къ Гамбургу «для наблюденія за движеніями Блюхера въ «той сторонѣ; но начальникъ сего отряда «не получалъ приказанія вступать на землю «Гамбургга и не имѣлъ права брать контрибу- «цію съ жителей: я приказалъ возвратити соб- «ранныя суммы, а отряду сему присоединиться «къ арміи.

«Мы открыли слѣды Вестфальскаго серебра, которое должно находиться еще въ Любекѣ. Благодарю васъ за сообщенное мнѣ по сему предмету извѣстіе.

«Письмо Фошъ-Борея изъ Гамбурга открыло мнѣ провѣзь чрезъ этотъ городъ бывшаго Генерала Моро; вотъ всѣ свѣдѣнія, которыя я смогу вамъ сообщить.

«Я завтра ѣду въ Шверинъ, гдѣ надѣюсь найти повелѣнія Императора и оттуда отправлюсь въ Берлинъ.

«Городъ Любекъ много пострадалъ, но я класкаю себя надеждою, что Сенать и несчастные жители этого города отдадутъ справедливость усиліямъ, которыя были сдѣланы мною для предохраненія ихъ отъ бѣдствій, неизбежныхъ для взятаго приступомъ города. Я искренно соболѣзновалъ о происшедшихъ безпорядкахъ и сдѣлалъ все, что человеку возможно для прекращенія оныхъ.

«Повторяю, Г. Министръ, увѣреніе въ моемъ полномъ къ вамъ уваженіи.

ІОАХИМЪ.»

«Наконецъ, любезный Буріениъ, бой окончивается за немѣнѣемъ бойцевъ; я бы желалъ свасъ увидѣть, но знаю что занятія ваши удерживаютъ васъ при вашемъ мѣстѣ; примите увѣреніе въ моей дружбѣ.

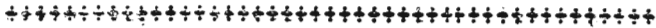
І.»

Въ письмахъ Мюрата читатели замѣтили, что вѣроятно обманутой своими агентами онъ извѣщалъ меня, что Генераль Моро проѣзжалъ чрезъ Гамбургъ, и даже, будто бы, 28 Октября онъ проѣхалъ чрезъ Парижъ. Единственнымъ свидѣніемъ, на которомъ Мюратъ основался, было перехваченное письмо Фопъ - Бореля. Я помню довольно любопытное обстоятельство, которое объясняетъ эту сказку и доказываетъ, какъ должно недовѣрять неосновательности, съ кою иногда сообщаются свидѣнія Правительству.

За двѣ недѣли до полученія мною перваго письма отъ Мюрата вѣкто пришелъ ко мнѣ съ донесеніемъ, что Генераль Моро находится въ Гамбургъ; я нисколько не повѣрилъ этому извѣстію; однакоже принялъ всѣ мѣры, дабы удостовѣриться въ неосновательности онаго; ничего не открылось. Черезъ день послѣ того меня начали увѣрять, будто бы кто-то встрѣтилъ Генерала Моро; будто бы этотъ кто-то говорилъ съ нимъ, очень хорошо его зная, ибо служилъ у него подъ начальствомъ и множество другихъ свидѣній, столь же повидимому положительныхъ. Я тотчасъ потребовалъ къ себѣ этого человѣка, который повторилъ мнѣ, что онъ знаетъ Моро, что онъ съ нимъ повстрѣчался, что Генераль спросилъ у него о дорогѣ въ *Юлсферитсгейс*, (Гамбургское гульбище), что

указавъ ему ее, онъ спросилъ: «Не съ Генераломъ ли Моро я имѣю честь говорить?» и что незнакомецъ отвѣчалъ: Точно такъ, но не сказывайте никому, я здѣсь тайно» Все это показало мнѣ столь нелѣпнымъ, что притворившись будто бы не знаю Моро, я сталъ разспрашивать у этого человѣка о его примѣтахъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ описаніе незнакомца, съ нимъ разговаривавшаго, не имѣющее никакого сходства съ Моро и прибавилъ, что на немъ были шитый Французскій кафтанъ, шляпа и національная кокарда. Я тогчасъ увидѣлъ обманъ и выгналъ отъ себя бездѣльника, который думалъ этимъ средствомъ достать денегъ. Но черезъ четверть часа явился ко мнѣ Г. Билло, Французскій Консулъ въ Штетинѣ, онъ былъ въ шитомъ кафтанѣ и имѣлъ на шляпѣ Французскую кокарду; онъ то послужилъ предлогомъ къ сказкѣ, съ важностью мнѣ сообщенной. Небольшое сходство Штетинскаго Консула съ Французскимъ Генераломъ вовлекло многихъ въ заблужденіе.

Г Л А В А XIII.

Великодушный поступок Наполеона.— Обычай его съ почтовыми конторами.— Письмо Князя Гатцфельда къ Королю Прусскому, перехваченное въ Берлинѣ.— Военный судъ.— Княгиня Гатцфельдъ, представленная Императору Дюрочкомъ.— Письмо Бонапарте къ Иозефинѣ.— Помилваніе, дарованное Императоромъ.— Письма Бернадота.— Блюхеръ въ плѣну.— Характеръ этого страшнаго человека.— Склонность его къ удовольствіямъ.— Увѣренность Блюхера въ будущей судьбѣ Германіи.— Предвидѣніе того, что случилось.— Желаніе мира и сходство мнѣній.— Принцъ Навель Виртембергскій въ плѣну.— Стеченіе знатныхъ эмигрантовъ въ Альтоу.— Продолженіе пребыванія Императора въ Берлинѣ.— Депутатія Сената и дурной пріемъ оной.— Германскіе Принцы, удалившіеся въ Альтоу.— Фопъ Борель, выгнанной отъ Г. Жимеля.— Смерть сего послѣдняго.

Въ продолженіе Прусскаго похода, и во всей Германіи говорили о великодушномъ поступкѣ Наполеона съ Княземъ Гатцфельдомъ. Я досталъ объ этомъ происшествіи очень любо-

пытныя подробности и въ числѣ ихъ ниже помещенное письмо отъ Императора къ Иозе-Фингъ.

Надобно знать, что по Инквизиціонной системѣ, слишкомъ часто обнаруживавшейся въ Императорскомъ правленіи и распространяемой на всѣ земли, которыя занимали Французскія войска, но вступленіи оныхъ въ городъ прежде всего захватывали письменную почту и Богу извѣстно, сколь тогда была уважена тайна писемъ. Точно такъ поступили и въ Берлинѣ. Между перехваченными и представленными Наполеону письмами, находилось одно отъ Князя Гатцфельда къ Королю Прусскому. Князь доносилъ своему Государю обо всемъ, происшедшемъ въ его столицѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ принужденнымъ нашелся изъ нея выѣхать; сообщая ему въ тоже время извѣстія о силѣ и расположеніи корпусовъ составлявшихъ эту армію. Прочитавъ это письмо, Императоръ приказалъ взять Князя подъ стражу и предать его военному суду, какъ шпиона. Судъ уже собрался и не было никакого сомнѣнія на счетъ приговора, который онъ бы произнесъ, когда Княгиня Гатцфельдъ пріѣхала къ Дюроку, который въ подобныхъ обстоятельствахъ очень охотно сѣдѣствовалъ къ допущенію предъ Императора. Въ этотъ день Наполеонъ дѣлать за городомъ смотръ войскамъ.

Дюрокъ зналъ Княгиню Гатцфельдъ, которую онъ нѣсколько разъ видалъ при поѣздкахъ своихъ въ Берлинъ. Онъ остался во дворцѣ ожидать Императора. Наполеонъ, возвратясь, былъ очень удивленъ встрѣтивъ въ этотъ часъ Дюрока у себя на дорогѣ и спросилъ у него, нѣтъ ли чего новаго. Ответъ былъ утвердительный и Дюрокъ, послѣдовавъ за Императоромъ въ кабинетъ, скоро ввелъ туда Г-жу Гатцфельдъ. Остальная часть этой сцены разсказана въ письмѣ Наполеона, мною упомянутомъ. Легко увидѣть, что это отвѣтъ на письмо Юзефины, въ которомъ она жаловалась на отзывы его о женщинахъ и особенно о прекрасной и злополучной Королевѣ Прусской, которую онъ мало пощадилъ въ своихъ бюлетеняхъ. Вотъ какъ выражался Наполеонъ.

«Я получилъ письмо твое и ты, кажется «огорчена неблагопріятнымъ моимъ отзывомъ о «женщинахъ. Правда, что я болѣе всего ненавижу тѣхъ женщинъ, которыя заводятъ козни. «Я привыкъ къ женщинамъ добрымъ, кроткимъ «и миролюбивымъ: ихъ люблю я. Если онѣ «меня избаловали, то это не моя вина, а твоя. «Впрочемъ ты увидишь, что я былъ очень «добръ съ одною, которая показала себѣ чув- «ствительною и доброю, съ Г-жею Гатцфельдъ. «Когда я показалъ ей письмо съ мужа, то она «сказала мнѣ рыдая, съ живѣйшею чувствитель-

«постыю и искренностью. Такъ это его рука. Голосъ ея проникалъ въ душу: она привела меня въ жалость и я сказалъ ей: Такъ и быть «Княгиня, бросьте это письмо въ огонь, и я не въ правѣ уже буду осудить вашего мужа. Она сожгла письмо, и чрезвычайно какъ обрадовалась, а мужъ ея теперь спокоенъ; двумя часами позже, онъ бы погибъ. И такъ ты видишь, что я люблю женщинъ добрыхъ, искренныхъ и кроткихъ; но это потому, что только такія на тебя походятъ.»

«6 Ноября 1806, въ 9 часовъ вечера.»

Пока Императоръ находился въ Берлинѣ, гдѣ онъ издалъ свой знаменитый указъ о Континентальной Системѣ, о которой я скоро буду имѣть случай говорить, я ниталъ надежду въ концѣ Ноября увидѣть Бернадота въ Гамбургѣ, ко-его онъ въ послѣдствіи былъ сдѣланъ Губернаторомъ. Получивъ повелѣніе присоединиться къ Большой Арміи, онъ не могъ туда прѣхать, и извѣстилъ меня о томъ слѣдующею запискою:

«Я очень жалую, любезный Министръ о томъ, что обстоятельства и нездоровье лишаютъ меня удовольствія васъ обнять. Я завтра отправляюсь къ Большой Арміи, идущей противъ Русскихъ; войска мои уже нѣсколько дней какъ двинулись.»

«Прощайте, любезный Буріенинъ, сохраните ко мнѣ вашу дружбу и будьте увѣрены, что моя

«къ вамъ не измѣнится ни при какихъ обстоятельствахъ моей жизни. Обвиняю васъ и увѣряю, что по прїѣздѣ моемъ въ Берлинъ постараюсь сдѣлать то, что вы желаете.

І. БЕРНАДОТЪ.»

«20 Октября 1806».

Когда Маршалъ Бернадотъ разбилъ Блюхера въ Любекѣ и взялъ въ плѣнъ этого Генерала, который въ послѣдствіи сдѣлался столь знаменитымъ, но тогда былъ лишь Партизанскимъ вождемъ, то онъ извѣстилъ меня о томъ слѣдующими словами :

«Прилагая присемъ нѣсколько подробностей о блистательномъ дѣлѣ, происшедшемъ 6 числа между корпусами моимъ и Генерала Блюхера, прошу васъ приказать помѣстить ихъ въ Гамбургскомъ журналѣ.

«Другъ вашъ располагаетъ прїѣхать въ Гамбургъ единственно для того, чтобы увидѣть васъ и обнять. . . .»

Черезъ нѣсколько дней послѣ сего, я получилъ еще отъ Бернадота третью записку слѣдующаго содержанія:

«Я писалъ къ вамъ два письма въ продолженіе послѣдняго мѣсяца; незнаю дошли ли они до васъ. Пишу къ вамъ два слова въ ожиданіи пока съ вами увижусь и увѣрю васъ, что я весь вашъ

І. БЕРНАДОТЪ.»

Когда Бернадотъ увѣдомилъ меня о взятіи Любека и Блюхера, то я во все не думалъ, что этотъ плѣнникъ будетъ отданъ мнѣ подь стражу; это однакоже случилось. После сдачи своей, онъ былъ отправленъ въ Гамбургъ, который назначили мѣстомъ его содержанія. Мнѣ, какъ можно себѣ представитъ, было предписано имѣть за нимъ бдительнѣйшій надзоръ. Я даже получилъ приказаніе, при малѣйшемъ съ его стороны покушеніи къ побѣгу употребитъ строгія мѣры, къ которымъ я всегда очень не любилъ прибѣгать. Во все, довольно продолжительное время, пока Блюхеръ былъ моимъ плѣнникомъ, я не только не увеличивалъ суровости его плѣна но избавлялъ его отъ всѣхъ полицейскихъ прижимокъ, предписанныхъ въ данныхъ мнѣ наставленіяхъ. Блюхеръ показался мнѣ очень любопытною особою, и мы часто съ нимъ видались. Я нашелъ въ немъ восторженнаго Прусскаго патріота; человека храбраго, смѣлаго, предпримчиваго до дерзости, но не имѣющаго большихъ свѣдѣній и чрезвычайно склоннаго къ удовольствіямъ; могу увѣрить, что во время пребыванія своего въ Гамбургъ, онъ не пропускалъ случая въ онымъ предаваться. Онъ любилъ по нѣсколькимъ часамъ сидѣть за столомъ, и не смотря на пламенный свой патріотизмъ, отдавалъ весьма часто полную справедливость добротѣ Французскихъ винъ. Страсть его къ

женщинамъ была, можно сказать необузданна; послѣ чего, пріятнѣйшимъ препровожденіемъ времени считалъ онъ то, чтобы сидѣть за зеленымъ столомъ, отдавая или получая золото, смотря по расположенію фортуны.

Блюхеръ имѣлъ чрезвычайно веселый нравъ и въ обществѣ былъ очень любезенъ; оригинальность его разговора весьма мнѣ нравилась. Онъ такъ былъ увѣренъ въ освобожденіи Германіи, что даже самыя бѣдствія Прусской арміи несколько не поколебали его въ этомъ мнѣніи. Онъ часто говорилъ мнѣ: «Я много надѣюсь на общественный духъ Германіи. Успѣхи войны перемѣнчивы, но даже самое разбитіе арміи поощряетъ въ народахъ чувство національной чести и славы. Не сомнѣвайтесь, что у насъ образуется ополченіе, какому никогда уже не бывать у покорныхъ пинѣ духомъ Французовъ. Англія будетъ давать намъ помощь флотомъ и деньгами; и мы возобновимъ союзы съ Россією и съ Австрією.

«Ручаюсь,» прибавлялъ Блюхеръ, «и вы можете мнѣ повѣрить, что ни одна изъ союзныхъ Державъ не имѣла въ пинѣннѣю войну замысловъ завоспавій. Все онѣ съ общаго согласія желаютъ только положить конецъ системѣ набѣговъ, принятой вашимъ Императоромъ и продолжаемой имъ съ ужасною быстротою. Въ первый нашъ войны противъ Франціи, при

началъ вашей Революціи, мы дрались за права Государей; но теперь уже со вѣсь не то: цѣлое народовасселеніе Пруссіи ополчается вмѣстѣ со своимъ Правительствомъ; дѣло идетъ о защитѣ нашихъ пенелницъ; и пораженія истребляютъ арміи, не перемежая духа цѣлаго народа. Я спокойно полагаюсь на будущее ибо предвижу, что фортуна не всегда будетъ благопріятствовать вашему Императору. Невозможно, чтобы не пришло время когда вся Европа, раздраженная его взысканіи и негодующая на его грабительства, возстанетъ противъ него. Чѣмъ болѣе онъ окуетъ народы, тѣмъ ужаснѣе будетъ взрывъ народовъ, расторгающихъ свои оковы. Кто осмѣлится оспорить, что онъ безпрестанно томимъ ненасытною потребностью поглочать новыя области? За войною 1805 года съ Австріею и съ Россіею почти непосредственно послѣдовала нынѣшняя война. Мы налі: Пруссія завоевана; но остается еще сразиться съ Россіею. Мы не дано способности предвидѣть, какая будетъ развязка войны; но даже и предположивъ ее для васъ благопріятною, но окончаніи оной скоро начнутся новыя войны; если мы станемъ крѣпко держаться, то Франція, истощенная своими завоеваніями, наконецъ падетъ, будьте въ томъ увѣрены. Вы желаете мира? . . . посоветуйте заключить его; вы пред-

ставите этимъ сильное доказательство любви вашей къ отечеству.»

Такъ мнѣ безпрестанно твердилъ Блюхеръ, и не полагая чтобы въ обществѣ также должно было исполнять обязанность Посланника, я отвѣчалъ ему съ искренностью, но однакоже съ тою осторожностью, которая была по моему положенію необходима. Я не говорилъ и не могъ сказать, до какой степени мои предвидѣнія часто соглашались съ тѣмъ, что онъ предсказывалъ; но никогда не боялся объявлять ему, сколь пламенно я бы желалъ заключенія разсудительнаго мира, т. е. такого мира, въ которомъ побѣжденная Держава не была бы поражена правомъ сильнаго и угнетена подъ игомъ унижительныхъ условій. Уже конечно еслибъ это сколько нибудь отъ меня зависѣло, то Императоръ давно бы прекратилъ свои ужасныя вторженія, при конхъ не смотря на строжайшую дисциплину, народы всегда угнетаются и которыя возбуждаютъ ненависть, странную тогда какъ воспольдуеть взрывъ ся при первомъ переворотѣ судьбы.

Прежде прибытія Блюхера въ Гамбургъ, туда пріѣхалъ Принцъ Павелъ Виртембергскій, второй сынъ одного изъ Королей, которые были возведены въ этотъ санъ Наполеонъ, меньше года тому назадъ, въ силу Пресбургскаго трактата. Юный Принцъ сей, наиганной понятіями о

свободѣ и независимости, господствовавшими тогда въ Германіи, сдѣлалъ опрометчивый поступокъ: онъ уѣхалъ безъ дозволенія своего родителя изъ Штутгарда, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать Прусскую кампанію, чрезъ что Король Виртембергскій могъ подвергнуться гнѣву Наполеона. Король Прусскій сдѣлалъ Принца Павла Генераломъ, но онъ былъ взятъ въ плѣнъ при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій. Не въ Штутгардѣ, какъ ошибкою гдѣ то сказано, былъ отвезенъ Принцъ Жандармскимъ Капитаномъ. Онъ пріѣхалъ въ Гамбургъ, гдѣ часто посѣщалъ меня. Онъ еще не имѣлъ опредѣлительныхъ мыслей о томъ, что ему дѣлать, но послѣ взятія его въ плѣнъ съ Прусаками, онъ изъявлялъ мнѣ живѣйшее желаніе вступить во Французскую службу и нѣсколько разъ просилъ меня исходатайствовать ему аудіенцію у Императора; онъ получилъ ее, и долго пробылъ въ Парижѣ, гдѣ онъ часто жилъ и по возстановленіи Бурбоновъ.

Люди, за которыми мнѣ было приказано наблюдать въ самомъ городѣ Гамбургѣ, гораздо менѣ занимали меня, чѣмъ наши Альтонскіе сосѣды.

Число ихъ значительно увеличилось съ тѣхъ поръ какъ военныя происшествія принудили весьма многихъ эмигрантовъ, жившихъ въ Мюнстерѣ, выѣхать изъ этого города: всѣ они сте-

кались въ Альтону. Завоеванныя области дѣлались для нихъ столь же опасными, какъ отечественная земля, ими оставленная. Еслибъ судьба всегда благопріятствовала честолюбивымъ замысламъ Наполеона, то я право незнаю, гдѣ бы наконецъ эмигранты могли найтти убѣжище въ Европѣ. Мы шли отъ побѣды къ побѣдѣ съ такою быстротою, что они были принуждены поспѣшно удалиться при малѣйшемъ слухѣ о приближеніи Французскихъ армій. Извѣстнѣйшія лица изъ нашедшихъ себѣ убѣжище въ Альтонѣ были: Викоитъ де Семезонъ, Баронъ Готфѣль, Герцогиня Люксембургская, Маркизь де Боншаръ, Герцогъ Вилькье, супруга Маршала Броли съ дочерью, Кардиналь Монморанси, Г-жа де Коссе съ двумя дочерьми и сыномъ, Эпископъ Булонскій.

Бонапарте пробылъ въ Берлинѣ, гдѣ онъ сдѣлалъ Губернаторомъ неизбѣжнаго Кларка, столько времени, что депутація Сената успѣла пріѣхать изъ Парижа въ столицу Пруссіи для того, чтобы поздравить его съ первыми успѣхами. Я узналъ отъ вѣрныхъ людей, что Гг. Сенатскіе Депутаты, отсутствуя при этомъ случаѣ отъ своей обыкновенной снисходительности, дерзнули не ограничиться однимъ только привѣтствіями и поздравленіями: они простерли свою смѣлость до того, что вздумали вмѣшиваться въ планы кампаніи Императора, упомянули объ опасности перехода чрезъ Одеръ и

наконецъ изъявили свое желаніе о заключеніи мира. Наполеонъ очень дурно принялъ эту выходку и нашелъ, что Сенаторы очень дерзки, позволяя себѣ вмѣшиваться въ его дѣла, что они поступили безразсудно и необдуманно; онъ по обыкновенію началъ ссылаться на свое искреннее желаніе мира и сказалъ Депутации, что не онъ, а Пруссія, поддержанная Россією, хочетъ войны. Какъ Императоръ не посоветился объявить предъ Депутациею Сената, будто бы Пруссія хочетъ войны? Правда, что она при началѣ желала оной; правда, что при выступленіи въ походъ, лелѣемая мечтами, она предалась обманчивымъ надеждамъ; но послѣ Октябрскихъ происшествій, все очень перемѣнилось видъ. Какое-то электрическое опѣмнѣніе убило все эти мечты независимости и поразило все умы. Все, возставшіе противъ Наполеона Германскіе Принцы, послѣ Йенскаго сраженія съ такою же носившностью убралась въ Альтону, какъ и сами эмигранты; это походило на всеобщее бѣгство къ единственному уголку земли представлявшему еще нѣкоторую безопасность. Замки Герцогствъ Веймарскаго, Готскаго, Брауншвейгскаго и Курфиртшества Гановрскаго, въ одну минуту опустѣли или были заняты Французскими войсками. Почти въ одно время пріѣхали Наслѣдный Принцъ Веймарскій, Герцогиня Голштейнская, Князь

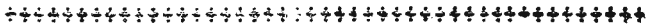
Бельмонъ-Пиниатели и множество другихъ знатныхъ особь. Между Французами послѣдовавшими этому общему бѣгству находился Г де Преси. Четыре года уже онъ спокойно жилъ въ Вольфенбютелѣ; онъ очень желалъ возвратиться во Францію и просилъ меня исходатайствовать ему эту милость, что мнѣ къ счастью и удалось.

Кромѣ почтенныхъ людей, удалившихся въ Альтопу, туда прѣхало нѣсколько пройдохъ, въ числѣ коихъ находился Фонъ-Борель. Мнѣ донесли о сильномъ спорѣ, который Фонъ-Борель осмѣлился завести съ Графомъ Жимелемъ за то, что онъ не могъ взять съ него денегъ на свои козны. Г. де Жимель имѣлъ деньги только для выдачи пансіоновъ; а притомъ онъ слишкомъ былъ разсудителенъ для того чтобы повѣрить пользѣ грубыхъ сатиръ Фонъ-Бореля и потому, онъ отфѣлалъ его отказомъ. Фонъ осмѣлился показать наглость, что привело Г Жимеля въ необходимость выпнать его отъ себя довольно сурово, чего онъ заслуживалъ. Фонъ-Борель только пробѣжалъ чрезъ Гамбургъ и отправился въ Англію на одномъ кораблѣ съ Лордомъ Морпетою.

Пребываніе Графа де Жимеля въ Альтопѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ наиболѣе доставляло занятія Парижской Полиціи. Дѣйствительно онъ возбуждалъ собою важное безпеч-

койство; но наконецъ Полиція отъ него избавилась: послѣ краткой поѣздки въ Англію, онъ умеръ въ 1807 году. Г. де Жимель заслужилъ гоненія Полиціи, только тѣмъ, что онъ съ чрезвычайною честностью и благорасположеніемъ исполнялъ человеколюбивую обязанность, ввѣренную ему его бывшими повелителями, которые не могли бы сдѣлать лучшаго выбора.

Г Л А В А XIV.

Независть къ притѣвительному самовластию и польза правосудія—Вознагражденіе Г. Грасплея за причиненный ему ущербъ.—Опасенія города Гамбурга.—Французы въ Бердереѣ.—Письмо Бернадота.—Невероятныя притѣсенія въ Пруссіи—Поддѣльныя вѣдѣнія на вѣкселяхъ.—Воспоминаніе о Кларкѣ въ Берлинѣ.—Ихонство Голландцевъ.—Король Голландскій и осада Гамельна.—Попеченія Наполеона о раненыхъ.—Порученіе Дюрюка.—Обюдная необходимость въ мирѣ.—Неожиданныя требованія.—Дюрюкъ въ Остеродъ, и отказъ Короля Прусскаго.—Печальное положеніе Пруссіи.—Переговоръ, порученный мнѣ въ Гамбургъ.—Соглашеніе между Министрами и гильею Короля Шведскаго.—Г. Петцель и Ветеринедтъ.

Иногда очень малаго достаточно для того, чтобы заслужить о себѣ хорошее или дурное мнѣніе въ городѣ, гдѣ находишься въ должности иностраннаго Министра; особенно если Правительство, которое имѣешь честь представлять, вооружено такимъ всемогуществомъ, ка-

кимъ обладало Императорское Правительство послѣ разбитія Прусской арміи. Въ такомъ положеніи, малѣйшій самовластный поступокъ тѣмъ ненавистнѣе, что онъ кажется происходящимъ отъ злоупотребленія власти, и могу сказать, что я никогда не прибѣгалъ къ средствамъ, которые осуждаются правдивостью и мудрою, искусною политикою. Если же напротивъ того, стараются смягчать или исправлять несправедливости и насилія, то жители считаютъ почти милостью вознагражденіе уцербъ, даже и тогда, когда Министръ поступилъ только по законамъ строгаго правосудія. Я нѣсколько разъ видѣлъ доказательство сего во время пребыванія моего въ Гамбургъ и особенно при одномъ случаѣ, который приметъ мнѣ на память. Французскій отрядъ, откинутый Прусаками почти подъ самыя стѣны Гамбурга, расположился биваками близъ дома Г. Граенеля, одного изъ почтеннѣйшихъ членовъ Сената. Французскія войска, не смотря на дисциплину и порядокъ, которые имъ было приказано наблюдать, причинили Г. Граенелю нѣкоторый уцербъ. Узнавъ объ этомъ я поспѣшилъ не ожидая отъ него требованія, самъ предложить ему вознагражденіе понесеннаго имъ убытка. Этотъ, самъ по себѣ простой поступокъ, содѣйствовалъ болѣе чѣмъ когда либо къ пріобрѣтенію мнѣ дружбы и уваженія Гамбургцевъ и даже имѣлъ вліяніе на

благопріятное къ Французскому Правительству расположеніе, которое Гамбургскій Сенатъ обнаружилъ въ важныхъ обстоятельствахъ, какъ ниже увидятъ.

Въ эти минуты переворотовъ, городъ Гамбургъ былъ со всѣхъ сторонъ угрожаемъ. Французы даже заняли часть земли его. Эти отряды къ счастью для этой страны, принадлежали къ корпусу Князя Понте-Корво. Это занятіе устранило городъ Гамбургъ, и дѣйствительно оно было для него очень вредно. Я написалъ къ Маршалу Бернадоту. Причины, по которымъ Сенатъ просилъ о выведеніи этихъ войскъ, были слишкомъ основательны для того, чтобы Бернадотъ ихъ не уважилъ. Продолжительное пребываніе Французскихъ войскъ въ Бергдорфскомъ округѣ; пребываніе, которому начальникъ сихъ войскъ далъ совершенный видъ занятія, могло быть причиною конфискаціи всѣхъ Гамбургскихъ имуществъ въ Англіи, наложенія запрещенія на все корабли Республики и следовательно разоренія большой части торговли Франціи и Голландіи, которая свершала дальнія плаванія подъ Гамбургскимъ флагомъ. Причина занимать Бергдорфской округъ уже не существовала когда не стало болѣе Прусаковъ въ этой сторонѣ. Жаль было бы, еслибъ восемьдесятъ человекъ, расположившіеся въ этомъ округѣ сдѣлались причиною взятія Гамбургскаго,

Французскаго и Голландскаго имущества болѣе чѣмъ на восемьдесятъ миліоновъ.

Маршалъ отвѣчалъ мнѣ 16 Ноября:

«Я получилъ, любезный Буріеннъ, письмо «ваше и ноту Гамбургскаго Сената, при ономъ «приложенную. Спѣшу васъ увѣдомить, что я «далъ приказаніе очистить Бергдорфскій округъ «и всѣ Гамбургскія земли. Вы можете увѣрять «въ этомъ Сенатъ; я за большое удовольствіе «считаю дѣлать то, что вы находите справед- «ливымъ.

«Повторяю вамъ, любезный Министръ, увѣ- «реніе въ моей искренней привязанности. Вы «знаете мои къ вамъ чувства. Они основаны на «самой истинной привязанности и на самой «искренней дружбѣ.

«Еслибъ вы могли получить отъ Гамбургска- «го Сената къ 19 числу сего мѣсяца, двѣ или «три тысячи паръ башмаковъ, то я очень былъ «бы вамъ благодаренъ. За эту поставку было «бы заплачено припасами или деньгами.

«БЕРНАДОТЪ.»

Я получилъ отъ Сената просимое Бернадотомъ; ибо Сенатъ зналъ его благородство; но какъ мало этого благородства показывали прочіе предводители Французскихъ армій! Сколько было сдѣлано притѣвленій во время занятія Пруссіи? Вотъ между прочимъ одно изъ *самыхъ простыхъ* средствъ, которыя употребляли въ

Берлинь для того, чтобы достать денегъ. Захвативъ сплюю векселя, дѣлали на нихъ фальшивыя надписи и потомъ осмѣливались предъявлять эти векселя банкирамъ, на имя которыхъ они были написаны. Однажды такіе векселя на большую сумму были предъявлены Гг. Маттесену и Силенну; узнавъ поддѣльныя подписи, они отказались платить. Безстыдство простерли до того, что къ нимъ поставили Жандармовъ; но банкиры упорствовали въ своемъ отказѣ. Меня уведомили объ этомъ насиліи, которое привлекало толпу любопытныхъ. Вознегодовавъ на такое дерзкое воровство, я тотчасъ отправился на мѣсто этой сцены и отослалъ прочь Жандармовъ, съ сердцемъ сказавъ имъ, что обязанность ихъ не въ томъ состоитъ, чтобы поддерживать воровъ, и что я нахожусь въ Гамбургѣ для выслушанія требованій, еслибъ кто счелъ нужнымъ ихъ сдѣлать.

Подъ управленіемъ Кларка въ Берлинь, жители были угнетаемы всякаго рода притѣвленіями и налогами. При исполненіи всѣхъ этихъ мѣръ, работъ много слѣдовали приказаніямъ Наполеона; и потому имя Кларка заслужило ненависть цѣлой Пруссіи.

Посреди всѣхъ этихъ притѣвленій и позорныхъ дѣйствій, которыя вовсе не составляютъ неизбѣжныхъ послѣдствій войны, — Голландскіе Генералы отличались жадностью, напоминав-

шею прекрасныя времена хищничества въ Ита-
ліи. Уже конечно не новый Король ихъ пода-
валъ имъ примѣръ къ такому поведенію; умѣ-
ренность его была извѣстна и она пронесла
столько же отъ его характера, какъ и отъ
честныхъ его правилъ. Сдѣлавшій Королемъ
противъ воли, Лудовикъ былъ предназначенъ
показать собою примѣръ того, что честный
человѣкъ можетъ претерпѣть на заемномъ пре-
столѣ; притомъ же онъ принялъ очень малое
участіе въ Прусскомъ походѣ. Правда, что по
требованію Наполеона, онъ принялъ главное
начальство надъ корпусомъ, составленнымъ изъ
Голландскихъ войскъ, и сдѣлалъ начало осады
Гамельна; но онъ не успѣлъ даже сдѣлать этой
крѣпости требованіе о сдачѣ, ибо чрезъ нѣ-
сколько дней сдѣлался боленъ и принужденъ
былъ уѣхать; этимъ ограничили все его воин-
скіе подвиги. Гамельнъ сдался чрезъ нѣсколько
времени послѣ того на капитуляцію Савари, ко-
торого Императоръ послалъ для наблюденія за
дѣйствіями осады. Одна статья можетъ дать
понятіе объ условіяхъ предписанныхъ побѣж-
деннымъ: между прочими распоряженіями на-
чальствовавшій въ Гамельнѣ Генераль испра-
шивалъ, чтобы Прусскимъ Офицерамъ были
оставлены башмаки и чулки. Имъ кажется бы-
ло дано полутора-мѣсячное жалованье для того,
чтобы они могли возвратиться домой.

Когда Король Прусскій увидѣлъ разбитіе на всѣхъ точкахъ войскъ своихъ, то онъ не могъ не пожалѣть о томъ, что началъ войну, которая предала его Государство власти Наполеона еще въ меньшее время, чѣмъ въ прошломъ году пала предъ нимъ Австрія. Онъ написалъ къ Императору, прося его о прекращеніи враждебныхъ дѣйствій. Раннѣе присутствовать при полученіи Наполеономъ письма отъ Короля Прусскаго. «Теперь уже поздно,» сказалъ Императоръ. «Однакоже такъ и быть, я прекращу пролитіе крови. Я готовъ согласиться на все, что не коснется чести и выгодъ націи.» Тогда онъ кликнулъ Дюрока и приказалъ ему тотчасъ отправиться, осмотрѣвъ сперва раненыхъ и принявъ мѣры, чтобы они ни въ чемъ не имѣли нужды. «Новѣсти каждаго изъ нихъ отъ моего имени,» прибавилъ Наполеонъ; «и сообщи имъ всевозможныя утѣшенія. Послѣ этого поѣзжай къ Прусскому Королю пока его сыщешь и если онъ сдѣлаетъ разсудительныя предложенія, то донеси мнѣ онихъ.»

Дѣйствительно пора было, чтобы послѣ столькихъ успѣховъ съ одной стороны, столькихъ пораженій съ другой, столькихъ трудовъ и истощенія силъ съ обѣихъ сторонъ, побѣдители ощутили нужду насладиться своимъ торжествомъ, а побѣжденные позаботились бы объ излеченіи своихъ ранъ. Эти взаимныя потреб-

ности побудили Наполеона громко изъяснить желаніе вступитъ въ переговоры; и такъ переговоры начали, но съ такими условіями со стороны Наполеона, на которыя согласиться было сочтено невозможнымъ ибо Пруссія должна была еще надѣяться на содѣйствіе Русскихъ армій; а притомъ требованія Императора распространились и на Англію, которая въ эту минуту не имѣла никакихъ причинъ соглашаться на притязанія Франціи Императоръ хотѣлъ, чтобы Англія отдала обратно Франціи колоніи, взятыя у нея съ начала войны, чтобы Россія возвратила Портъ Молдавію и Валахію, ею занимаемая; наконецъ онъ поступалъ какъ Государь въ какой-то трагедіи, приказывающій своему Посланнику, «чтобы онъ настаивалъ, требовалъ всего для того, чтобы ничего не получать.» Дѣйствительно, требованія Императора были такъ ценомѣрны, что никакой разсудительный человѣкъ не могъ бы подуматъ, что самъ онъ питаетъ надежду видѣть ихъ принятыми. Эти переговоры, прерываемые и опять возобновляемые, продолжались со взаимною холодностью до тѣхъ поръ пока Англія склонилась Россію присоединиться къ Пруссіи противъ Франціи; тогда они совершенно прекративсь и для того, чтобы показать видъ желанія возобновить оныя на условіяхъ, еще болѣе благоприятныхъ для Франціи, Наполеонъ послалъ

Дюрокъ къ Королю Прусскому. Дюрокъ нашель сего Государя въ Остеродъ за Вислою и получиль отъ него въ отвѣтъ: «Теперь уже не время!» Подобно тому какъ видѣли выше, что Наполеонъ сказать: «Теперь ужь поздно.»

Суди безпристрастно, всякой согласится, что Король Прусскій, въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находился, не могъ отвѣчать иначе. Ему нечего было болѣе терять и онъ могъ надеяться на благопріятный для себя оборотъ въ случаѣ, если фортуна окажется благосклонною къ Русскимъ войскамъ, исполненнымъ восторга и надеждъ.

Между тѣмъ какъ Дюрокъ исполняль свое порученіе у Короля Прусскаго, мнѣ также были поручены переговоры въ Гамбургѣ. Наполеону очень хотѣлось отдѣлать Швецію отъ союза и положить конецъ войнѣ съ нею особымъ договоромъ. Швеція дѣйствительно могла быть ему очень полезнаю, тогда какъ Пруссія, Россія и Англія составляли на Сѣверѣ значительную громаду силъ. Мы уже имѣли на своей сторонѣ Данію, и еслибъ мы могли присоединить къ ней Швецію, то совокупленіе этихъ двухъ Державъ составило бы диверсію, довольно значительную для того, чтобы внушить важныя безпокойства союзу, обязанному собрать свои главныя силы для противопоставленія оныхъ Большой Арміи въ Польшѣ.

Чувства Г-на Пейрона, Шведскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Гамбургѣ, были очень противоположны войнѣ, которую Король его велъ съ Франціею. Онъ думалъ и часто открыто говорилъ, что каковы бы ни были послѣдствія этого союза, а они не принесутъ никакой пользы его Государю, который теряетъ значительное число людей и денегъ безъ всякой надежды на вознагражденіе; и простирая свои виды далѣе настоящаго положенія дѣлъ, Г. Пейронъ основательно заключалъ, что одна только Франція могла оказать покровительство Финляндіи противъ Россіи. Мнѣ очень было жаль, что онъ уѣхалъ изъ Гамбурга на годъ въ отпусекъ въ ту самую минуту какъ я получилъ отъ Императора наставленія относительно дѣла, мною упомянутаго. Притомъ же Г. Пейронъ былъ чрезвычайно какъ любезенъ и расположеніе его къ Французамъ облегчило бы и сдѣлало бы болѣе приятными переговоры, мнѣ порученные. Мѣсто его заступилъ Г. Петцель, повѣренный въ дѣлахъ Швеціи въ Дрезденѣ, и я вскорѣ имѣлъ удовольствіе удостовѣриться, что образъ мыслей его былъ совершенно тотъ же какъ у его предшественника, съ которымъ онъ также равнялся любезностью своего характера.

Въ первые дни своего прибытія, Г. Петцель непросилъ у меня свиданіе для переговоровъ о Шведсахъ, взятыхъ въ плѣнъ на Гравѣ. Онъ про-

силъ меня отпустить Офицеровъ въ Швецію, гдѣ бы они остались пѣвниками на честное слово. Постаравшись исполнить желаемое Г-мъ Нетцелемъ, я воспользовался этимъ случаемъ для того, чтобы постепенно расположить его къ предмету, мнѣ порученному. Я остался чрезвычайно довольнымъ тѣмъ, какъ онъ принялъ мой первый приступъ къ дѣлу; и не могъ сказать ему ничего такого, въ чемъ бы онъ самъ не былъ заранѣе убѣжденъ. Онъ понималъ, что Государь его выиграетъ все чрезъ сближеніе съ Франціею, и сказалъ мнѣ, что вся Швеція требуетъ мира. Ободренный такимъ успешнымъ началомъ, я откровенно изложилъ ему дѣло, о которомъ мнѣ было поручено съ нимъ договариваться. Отвѣтствуя на изъявленную мною довѣренность, Г. Нетцель увѣрилъ меня, что Г. Веттерштедтъ, Королевскій Секретарь, съ которымъ онъ находился въ дружескихъ связяхъ и котораго онъ показалъ мнѣ многія письма, былъ одного съ нимъ мнѣнія. Онъ прибавилъ, что имѣетъ дозволеніе переписываться съ Королемъ, и что онъ въ тогъ же вечеръ сообщитъ своему Государю и Г. Веттерштедту содержаніе нашего разговора.

Изъ сказаннаго мною видно, что никогда еще переговоры не начинались болѣе благопріятнымъ образомъ; но кто могъ предвидѣть, что у Короля Шведскаго вѣтеръ вдругъ переменитъ

ся? Этотъ несчастный Монархъ очень дурно принялъ письмо Г. Нетцеля и Г. Веттерштедтъ получилъ приказаніе изъявить Г. Нетцелю неудовольствіе его Государя за то, что онъ осмѣлился посѣтить Французскаго Министра, а еще того болѣе, вступать съ этимъ Министромъ въ политическій разговоръ, который впрочемъ былъ одинъ только *разговоръ*. Король этимъ не ограничился: Г. Нетцель со слезами на глазахъ увѣдомилъ меня о полученномъ имъ приказаніи немедленно выѣхать изъ Гамбурга, не ожидая себѣ пресмычка; онъ считалъ себя впадшимъ въ совершенную не милость.

Я имѣлъ удовольствіе въ 1809 году опять увидѣть Г. Нетцеля въ Гамбургѣ, куда онъ пріѣхалъ съ порученіемъ отъ Короля Карла XIII.

Г Л А В А XV.

Рожденіе Континентальной системы. — Берлинскій указъ. — Система безумія и тираніи. — Товары, бросаемыя въ море. — Смертная казнь за голову сахару. — Война противъ ревеня. — Наущенія Советниковъ Наполеона. — Фонтенблоссскій лъсъ засыпанный свекловичною. — Суровость исполненія Континентальной системы. — Всеобщее негодованіе. — Золото и обманъ. — Гамбургскія таможи. — Частное письмо мое къ Императору. — Советы мои, принятыя Императоромъ и полученные имъ шестьдесятъ миліоновъ выгоды. — Политическое вліяніе и причина разрыва съ Россією. — Дозволенія на вывозъ товаровъ. — Проѣздъ чрезъ Гамбургъ Бернадота Наслѣднаго Принца Шведскаго. — Советы на счетъ таможенъ. — Невозможность исполненія. — Вліяніе Континентальной системы на паденіе Наполеона.

Теперь я займусь знаменитою Континентальною системою, о которой столько говорили; можетъ быть лучше всякаго другаго я былъ въ состояніи узнать все плутовство оной и оцѣнить ея пагубныя послѣдствія. Эта система

родилась во время войны 1806 года, и была утсановлена указомъ изъ Берлина 21 Ноября (*). Неспособные совѣтники изобрѣли оный и видя справедливое негодованіе Императора на двуличность Англіи и на ея нехотѣніе дойти до настоящихъ съ нею переговоровъ; наконецъ

(*) Вальтеръ Скоттъ упоминаетъ объ указѣ изъ Гамбурга 1807 года. Наполеонъ никогда не пріѣзжалъ въ Гамбургъ. Чтоже касается до знаменитаго Берлинскаго указа, то вотъ онъ:

Въ лагерь Императорскомъ въ Берлинѣ,
21 Ноября 1806.

Наполеонъ, Императоръ Французовъ и Король Італіи, принималъ въ соображеніе:

1. Что Англія не признаетъ правъ чловѣка, наблюдаемыхъ всеми просвѣщенными народами.

2. Что она считаетъ непріателемъ всякое лице принадлежащее непріятельскому Государству и въ слѣдствіе сего беретъ военноплатыными не только экипажи торговыхъ кораблей и купеческихъ судовъ, но даже самихъ купцовъ и прикащиковъ, вдущихъ по своимъ торговымъ дѣламъ;

3. Что она распространяетъ на купеческія суда и товары и на частную собственность право завоеванія, могущее применяться только къ тому, что принадлежитъ непріятельскому Правительству;

4. Что она распространяетъ на неукрѣпленные коммерческіе города и гавани, на порты и устья рѣкъ право блокады, которое по разуму и по обычаю просвѣщенныхъ народовъ применяется только къ крѣпостямъ;

5. Что она объявляетъ состоящими въ блокадѣ такія мѣста, предъ коими не имѣетъ ни одного военного судна, хотя блокадою считается только то, когда мѣсто такъ окружено, что къ нему нельзя приблизиться, не подвергаясь очевидной опасности;

6. Что она даже объявляетъ состоящими въ блокадѣ такія мѣста, которыхъ она не могла бы обложить всеми соединен-

на непріятелей, которыхъ она безпрестанно возстаноуляла противъ него на твердой землѣ, они склонили его издать указъ, который я не могу считать иначе, какъ дѣйствиємъ безумія и Европейской тираніи. Не указъ, а флоты были нужны; безъ флотовъ странно было объ-

ними своими силами весь приморскія берега и цѣлую Имперію;

7. Что это чудовищное злоупотребленіе права блокады не имѣеть другой цѣли, кромѣ той, чтобы воспрепятствовать сообщеніямъ между народами и воздвигнуть торговлю и промышленность Англіи на развалинахъ промышленности твердой земли;

8. Что при такой цѣли Англіи, тотъ кто производитъ на твердой землѣ торговлю Англійскими товарами благопріятствуетъ темъ же измѣреніямъ и дѣлается соучастникомъ оныхъ;

9. Что такое поведеніе Англіи, достойное по всему первымъ вѣковъ варварства, доставило сей Державѣ пользу съ ущербомъ для всѣхъ прочихъ;

10. Что естественное право предписываетъ противопоставлять врагу тоже оружіе, которое онъ употребляетъ и сражается съ нимъ, такъ же какъ онъ сражается, если онъ не признаетъ всѣхъ понятія о правосудіи и всѣхъ свободномысленныхъ чувства, слѣдствія просвѣщенія человѣческаго:

Мы рѣшились применить къ Англіи законы, постановленные ею въ ея Морскомъ Уставѣ.

Распоряженія сего указа будутъ считаться основнымъ правиломъ Имперіи до тѣхъ поръ, пока Англія признаетъ, что право войны есть одно и тоже на сухомъ пути и на морѣ; что оно не можетъ распространяться на какую-то ни было частную собственность, ни на особу людей, не принадлежащихъ къ военному званію; и что право блокады должно быть ограничено укрепленными мѣстами, дѣйствительно обложенными достаточными силами.

Въ слѣдствіе сего мы опредѣлили и опредѣляемъ слѣдующее:

Статья 1-я «Британскіе острова объявляются состоящими въ блокадѣ.

являть состоящими въ блокадѣ Британскіе острова между тѣмъ какъ Англійскіе флоты дѣйствительно содержали въ блокадѣ всѣ Французскіе порты. Однакоже Наполеонъ сдѣлалъ это своимъ Берлинскимъ указомъ; и вотъ что называли Континентальною Системою! систему денегъ, плутовства и грабительства!

Ст. 2-я «Всякая торговля и всякая переписка съ Британскими островами воспрещается. Въ слѣдствіе сего всѣ письма или пакеты, адресованные въ Англію или Англичанину, или писанное на Англійскомъ языкѣ, не будутъ отсылаемы почтою а будутъ перехватываемы

Ст. 3-я «Всякій Англичанинъ, какого бы званія или сословія онъ ни былъ, находящійся въ земляхъ, занятыхъ нашими войсками, или войсками нашихъ союзниковъ, будетъ взятъ военнопленнымъ.

Ст. 4-я «Всякой магазинъ, всякой товаръ, всякая собственность, какого бы то ни было рода, принадлежащая подданному Англіи, или происходящая съ ея фабрикъ, или изъ ея колоній объявляется законною добычею.

Ст. 5-я «Торговля Англійскими товарами запрещена; и всякой товаръ, принадлежащій Англіи или происходящій съ ея фабрикъ или изъ ея колоній, объявляется законною добычею.

Ст. 6-я «Половина выручки отъ конфискованныхъ товаровъ и имущества, объявленныхъ предыдущими статьями законною добычею, будетъ употреблена на вознагражденіе купцовъ, за потери понесенныя ими чрезъ взятіе торговыхъ судовъ Англійскими крейсерами.

Ст. 7-я «Никакое судно, идущее прямо изъ Англіи или изъ Англійскихъ колоній, или бывшее въ оныхъ послѣ обнародованія сего указа, не будетъ допущено ни въ какой портъ.

Ст. 8-я Всякое судно, которое посредствомъ ложнаго объявленія уклонится отъ вышеизложенныхъ правилъ, будетъ захвачено; корабль и грузъ конфискуются, какъ еслибы оныя составляли Англійскую собственность.

Трудно теперь постигнуть, какимъ образомъ Европа могла допустить хотя на одинъ день эту притеснительную систему, заставляющую платить непомерную цѣну за привасы, которые трехвѣковая привычка сдѣлала необходимыми бѣдымъ и богатымъ. Вовсе несправедливо будто бы при этомъ имѣли единственною, исключительною цѣлью воспрепятствовать Англіи продавать свои товары; ибо можно было цѣною золота покупать дозволенія съ невѣроятною наглостью увеличивать количество и качество предметовъ вывозимыхъ изъ Франціи. Дѣйствительно надобно было покупать эти предметы для того, чтобы исполнить волю Императора но ими нагружались только для

Ст. 9-я «Нашему Парижекому Суду Призовъ поручается окончательный разборъ всехъ споровъ могущихъ возникнуть въ нашей Имперіи или въ земляхъ, занятыхъ Французскою арміею, относительно исполненія настоящаго указа. Нашему Миланскому Суду Призовъ поручается окончательный разборъ всехъ вышеупомянутыхъ споровъ могущихъ возникнуть въ пространствѣ нашего Королевства Италіи.

Ст. 10-я «Указъ сей будетъ сообщенъ нашимъ Министрамъ Внѣшнихъ Сношеній Королямъ Испанскому, Неаполитанскому, Голландскому и Этрурскому, и прочимъ нашимъ союзникамъ, коихъ подданные, подобно нашимъ содѣлываются жертвами несправедливости и варварства морскаго законодательства Англіи.

Ст. 11-я Нашимъ Министрамъ Внѣшнихъ Сношеній, Военному, Морскому, Финансовъ, Полиціи и нашимъ Ночдиректорамъ предписывается, каждому въ чемъ до него будетъ касаться, исполненіе сего указа.»

Подписано: *НАПОЛЕОНЪ.*

того чтобы бросать ихъ въ море. И никто не нашелся могущій сказать Императору, что Англія продавала Твердой Землѣ, не что она у нея почти ничего не покупала!

Выдача дозволеній доходила до сѣблзвизна, дѣлаясь для того, чтобы обогатить нѣсколько льстецовъ и удовлетворить видамъ и зирямству дѣльцовъ.

Эта система доказываетъ написанное въ лѣтописяхъ сердца и ума человѣческаго, что корыстолюбіе перваго ненасытно а заблужденіе послѣдняго неисправимо. Я приведу тому примѣръ, хотя случившійся и послѣ эпохи, видѣнней рожденіе адской Континентальной системы. Въ Гамбургъ въ 1811 году при управленіи Даву одинъ бѣдный отецъ семейства едва не былъ разстрѣлянъ за то, что онъ ввезъ въ Эльбскій Департаментъ не большую голову сахара, необходимую для его семейства, между тѣмъ какъ Наполеонъ, можетъ быть, въ ту же самую минуту подписывалъ дозволеніе на ввозъ миліона головъ. Малая контрабанда была наказывасма смертью, и само Правительство производило оную въ большомъ объемѣ; также самая причина наполняла сундуки деньгами, а тюрьмы несчастными.

Таможенный уставъ этого времени, этотъ уголовный уставъ, бывшій въ открытой войнѣ съ ревенемъ и вооружавшій морскіе берега про-

тивъ ввоза Англійскихъ товаровъ не воспрепятствовалъ Континентальной системѣ пасть. Смыслио было учрежденіе независимыхъ таможенныхъ судовъ. Въ Гамбургѣ, Предѣдатель сего суда произнесъ рѣчь, въ которой онъ старался доказать, что со времени *Июлиосевъ* существовали чрезвычайныя таможенныя судилища, и что этому учрежденію *Елисетъ* обязанъ своимъ благосостояніемъ. Такимъ образомъ ввели ужасъ посредствомъ самой нелюбимой наемъшки и едупости. Превжніа таможеннн, сильно уже ненавидимыя въ этой странѣ, громко и основательно говорили, что скоро о нихъ стануть жалѣть и почувствуютъ разницу между ими и вновь учрежденными чрезвычайными Таможенными судами.

Совѣтники Наполеона довели его до глупаго, бесполезнаго требованія, чтобы корабль, для котораго было дано дозволеніе, быть нагружаемъ вывозными товарами на такую же цѣну, на которую дозволеніемъ разрешалось ввозить колоніальныя произведенія. Что же дѣлали? Покупали за бѣзцѣнокъ какіе нибудь старыя запасы шелковыхъ тканей, совершенно вышедшіе изъ моды; и какъ эти предметы были запрещены въ Англіи, то ихъ бросали въ море, и небольшая потеря не причинила почти никакаго ущерба обороту. Барышъ отъ даннаго дозволенія многимъ еще превосходилъ легкое

пожертвованіе, которое возбуждало собою только смѣхъ. Объявивши, кажется по приказанію Наполеона, что Фонтенблосскій дѣлъ засыланный свекловицею, доставить сахаръ цѣлой Европѣ. Непонимаю, какъ онъ могъ допустить нанечатаніе такой нелѣпности въ Монитёрѣ. Впрочемъ я вовсе не хочу этимъ сказать чтобы пронзращеніе свекловицы не заслуживало ободренія.

Эта несправедливая и грубая система, достойная времянь невѣжества и варварства, которая хотябы и могла быть допущена въ теоріи, никогда бы не могла сдѣлаться удобоисполнимою на дѣлѣ, не была еще довольно опозорена. Имѣли глупость говорить, будто бы блокада твердой земли наконецъ заставила бы Англію пасть подъ громадою своихъ собственныхъ произведеній! Какая нелѣпность! Тѣ, которые изобрѣли эту систему, тѣ которые привели ее въ дѣйствіе, заслужили презрѣніе и негодованіе своихъ современниковъ; ибо пошество не займется ихъ бреднями; очень мало любили Императора люди присовѣтовавшіе ему эту съумазбродную систему, которая раздраживъ и возстановивъ противъ себя всю Европу, не могла не довести ее до противодѣйствія бичу, ее оустопававшему. Притѣснять родъ человѣческій и хотѣть чтобы онъ безпрестанно удивлялся и уступалъ, значило бы требовать невозможнаго! Кажалось, что судьба, предназначав-

ная Наполеону еще нѣсколько большихъ торжествъ, хотѣла заблаговременно приготовить стихинъ причинъ долженствовавшихъ вдругъ похитить у него все оныя и низвергнуть его въ бѣдствіе, превыщающее даже великое счастье, которое благоприятствовало его возвышенію.

Развъ этимъ роковымъ совѣтникамъ были неизвѣстны могущество золота, увѣреній и безчисленнаго средства плутовства! Потребности цѣлаго общества боролись съ успѣхомъ противъ этихъ пагубныхъ мѣръ.

Запрещеніе тарга, и жестокая строгость при наблюденіи за исполненіемъ этого ненавистнаго постановленія, составляли въ существѣ только налогъ на твердую землю. Вотъ тому доказательство: однакоже я говорю только о томъ, что самъ видѣлъ.

Таможни были очень строги въ Гамбургъ и на двухъ линіяхъ Кукегавенской и Травемондской. Г. Эйдель, Директоръ этого управленія, исполнялъ свою обязанность съ усердіемъ и безкорыстіемъ. Огромныя количества Англійскихъ товаровъ и колоніальныхъ произведеній другихъ земель, были привозимы въ Голландію, большею частью чрезъ Киль и Гудзумъ и пропускаясь чрезъ черту съ платою отъ тридцати трехъ до сорока со ста. Убѣжденный въ этомъ тысячною доказательствомъ и наскучивъ таможенными притѣвленіями, я рѣшился соб-

нить Императору мои размышленія. Онъ позволилъ мнѣ обращаться къ нему *прямо* безъ всякаго посредничества во всемъ, что я сочту необходимымъ для его службы. Я послалъ къ нему нарочно въ Фонтенбло, гдѣ онъ тогда находился, и въ денешъ моей объявилъ, что все будетъ провозимо не смотря на его таможи, ибо барыни отъ продажи въ Германіи, въ Польнѣ, въ Итали и даже во Франціи, куда товары успѣвали провозить, слишкомъ были значительны для того чтобы не пускаться на всякія опасности; я предложилъ ему въ эпоху присоединенія Ганзейскихъ городовъ къ Французской Имперіи, дозволить свободный ввозъ этихъ товаровъ съ платою тридцати трехъ со ета. Императоръ, колеблясь вѣлять мнѣ совѣтамъ и въ продолженіи 1811 года, это распоряженіе доставило болѣе 60 миліоновъ; а между тѣмъ льстецы Панолеова продолжали кричать, что Англію разорять, запрещая ввозъ ея произведеній. Въ послѣдствіи такимъ же образомъ поступили съ товарами, захваченными и сложенными въ портахъ и въ большихъ городахъ Пруссіи, что также доставило значительныя суммы. Континентальная система тѣмъ не менѣе существовала и была превозношена похвалями.

Эта система поспорилла насъ со Швеціею и съ Россіею, которыя не могли стерпеть чтобы

Наполеонъ требовалъ строгой блокады, раздавая самъ дозволенія на ввозъ товаровъ, и сердился когда онѣ давали ихъ сами. — Бернадотъ, отправляясь въ Швецію, проѣхалъ чрезъ Гамбургъ въ Октябрѣ мѣсяцъ 1810 года. Онъ пробылъ со мною три дня, которые мы провели въ величайшей короткости. Онъ не хотѣлъ ни съ кѣмъ видѣться. Онъ совѣтовался со мною, что ему дѣлать относительно Континентальной Системы. Я не колебался объявить ему, не какъ Министръ Франціи, но какъ человѣкъ и какъ другъ его, что на его мѣстѣ, правя Государствомъ бѣднымъ и могущимъ существовать только обменомъ произведеній своей земли съ Англіею, я бы открылъ мои гавани и безденежно далъ бы Шведамъ общее дозволеніе, которое Бонапарте продавалъ по частямъ корысти и пронкамъ.

Безразсудный Берлинскій указъ смѣлъ всего долженствовалъ возбудить противодѣйствіе фортуны Императора, возстановляя противъ него цѣлыя народонаселенія. Низверженіе съ престола двадцати Государей мѣше бы возбудило противъ него ненависти, чѣмъ навлекло ему оной презрѣніе пужды народовъ. Это совершенное незнаніе правилъ политической экономіи причинило общую нищету и лишения, которыя въ свою очередь произвели неизбежное возстаніе.

Эта система могла бы имѣть успѣхъ только въ такомъ невозможномъ случаѣ, еслибъ всѣ Державы Европы, искренно приняли оную. Одна гавань, оставшаяся открытою, уничтожила оную. Для совершеннаго успѣха оной надобно было бы безпрестанно побѣждать, занимать всѣ земли войсками и никогда не выводить ихъ. Какъ средство разорить Англію, это была совершенная глупость; ибо запрещеніе всякой перенески и всякой торговли съ этою землею, вредило выводамъ всѣхъ. Надобно было чтобы мечь принудилъ всю Европу войти въ этотъ недѣльный союзъ и чтобы таже сила постоянно ее въ немъ удерживала. Было ли это возможно?

Какъ подать, она могла быть исполнена; но подать сія была слишкомъ тяжела, слишкомъ притѣснительна въ способъ собиранія оной. Нѣкто назвалъ Континентальную Систему *Матеріализмомъ върховной власти*: это выраженіе совершенно ее означаетъ.

Для помѣщенія великаго числа таможенныхъ войскъ надобно было очистить многія тюрьмы. Остальныя такъ были набиты, что половина заключенныхъ принужденною находилась стоять на ногахъ, пока другая половина ихъ спала.

Одинъ Капитанъ простилъ понапавшаго къ нему подъ судъ бѣднаго крестьянина, который былъ пойманъ съ головою сахару, купленою имъ

виѣ таможенной заставы. Этотъ Офицеръ находился за большимъ обѣдомъ у Маршала Даву. «Вы слишкомъ советливы господинъ Капитанъ!» сказалъ ему Даву въ половинѣ стола.—«Но, Г. Маршаль. . . . —Явитесь въ Шгабъ, тамъ есть вамъ предписаніе.» Этимъ предписаніемъ Капитанъ былъ отправленъ за 80 миль отъ Гамбурга. Надобно было, подобно мнѣ, быть свидѣтелемъ столькихъ притѣсеній, столькихъ бѣдствій причиненныхъ роковою Континентальною Системою, для того чтобы постигнуть, сколько изобрѣтатели оной сдѣлали зла Европѣ, сколько они возбудили ненависти, навлекли мщенія и споспѣшествовали къ паденію Наполеона.

Г Л А В А XVI.

Величайшій полководецъ.— Новая система войны. — Прежнія зимнія квартиры. — Движеніе противъ Русскимъ.— Воззваніе Императора.— Перечень военныхъ дѣйствій. — Четыре сраженія и одна большая битва.— Новая армія, составленная внутри Государства. — Мечты Прусаковъ. — Необходимость идти на встрѣчу къ Русскимъ.— Гений завоеваній и гений истребленій.— Жалобы и бѣдствія Ганзейскихъ областей.— Пятьдесять тысячъ плащей, поставленные мною для арміи. — Русскій хлѣбъ, найденный въ Магдебургѣ.— Гожное усердіе слишкомъ преданныхъ агентовъ.— Полковникъ Клеманъ въ Бременѣ.— Нециличное воззваніе, представленное мною къ Правительству.— Прибавки къ строгостямъ Континентальной системы.— Быстрота похода Мюрата и вступленіе его въ Варшаву.— Депутація Поляковъ.— Нервительность Наполеона на счетъ Польши. Дюрокъ и переломленная рука.— Завязная въ грязи карета Г. Талейрана и солдатскія рычьи.— Уничженіе войскъ.— Средство Наполеона для того чтобы *разбудить* своихъ солдатъ.— Бонапарте импровизаторъ.

Бонапарте не только былъ, безъ всякаго сравненія величайшимъ полководцемъ повѣйшихъ временъ, но можно сказать, что онъ преобра-

зовалъ искусство войны. Онъ сдѣлалъ изъ нея ужасную игру, не подчиненную болѣе препятствіямъ времени года. Самые искусные воины всегда подчиняли время правильной рѣзни раздѣленіямъ календаря и прежде въ Европѣ было обычаемъ ходить безъ страха противъ ружей и пушекъ съ первыхъ дней весны до послѣдней хорошей погоды осенью; потомъ клали съ обѣихъ сторонъ оружіе предъ дождемъ, снѣгомъ и холодомъ, располагаясь на такъ называемыхъ зимнихъ квартирахъ. Пиннегрю въ Голландіи подавъ уже примѣръ пренебреженія погоды; Бонапартъ подъ Аустерлицемъ также не убоился зимнихъ льдовъ; это ему удалось и онъ сдѣлалъ тоже при наступленіи зимы съ 1806 на 1807 годъ; воинскій его гений и невѣроятная дѣятельность, казалось удвоили свои силы, и гордась своими солдатами, онъ рѣшился выступить въ зимній походъ, въ страну имѣющую климатъ суровѣе чѣмъ въ тѣхъ, гдѣ онъ прежде сражался. Онъ хотѣлъ, чтобы люди, прикованные къ его судьбинѣ также могли переносить Сѣверные вѣтры, какъ они переносили зной Египетскаго солнца. Искусный между всѣми воинами въ выборѣ боевыхъ полей, онъ не желалъ спокойно ждать, чтобы Русская армія подходившая къ Германіи произвела съ нимъ борьбу на поляхъ зевованной Пруссіи; онъ рѣшился идти къ ней на встрѣчу и остановить

ее прежде чѣмъ она перейдетъ чрезъ Вислу. По предѣ выѣздомъ своимъ изъ Берлина къ границамъ Россіи, онъ сказалъ своимъ солдатамъ:

«Вы оправдали мое ожиданіе и достойно отвѣтствовали довѣрію Французскаго народа. Вы перенесли усталости и лишенія съ такимъ же мужествомъ, какія вы показали непоколебимость и хладнокровіе въ битвахъ. Вы достойные защитники чести моей короны и славы великаго народа. Пока вы будете одушевляемы этими чувствами, ни что не въ состояніи будетъ вамъ противостоять. Не знаю теперь, какому оружію отдать преимущество. Все вы славные солдаты. Вотъ плоды нашихъ подвиговъ.

«Одна изъ первыхъ Европейскихъ Державъ, которая нѣкогда дерзнула предложить намъ постыдныя условія, уничтожена. Луса, тѣснины Франконіи, Салы и Эльбы, которые предки наши не прошли бы въ семь лѣтъ, мы прошли въ семь дней, давъ въ теченіи этого времени четыре сраженія и одну большую битву. Мы предупредили въ Постдамѣ, въ Берлинѣ, славу о нашихъ побѣдахъ. Мы взяли шестьдесятъ тысячъ плѣнныхъ, шестьдесятъ пять знаменъ, между коими находятся знамена Гвардіи Короля Прусскаго, шесть сотъ пушекъ, три крѣпости и болѣе двадцати Генераловъ; однакоже болѣе половины изъ васъ жалуютъ, что имъ не удалось ни разу встрѣнить изъ ружья. Все

области Прусской Монархіи до Одера, въ нашей власти.

«Солдаты! Россіяне хвалятся, что они идутъ на насъ; мы пойдемъ къ нимъ на встрѣчу, мы сократимъ въ половину путь ихъ; они не будутъ имѣть успѣха въ борьбѣ съ нами.

«Однакоже между тѣмъ какъ мы идемъ противъ Русскихъ, новыя арміи, набранныя внутри Имперіи, идутъ занять мѣста наши для того, чтобы охранить наши побѣды. Весь народъ мой ополчился, устыдясь постыдныхъ условій, которыя Прусскіе Министры возмечтали намъ предложить (*). Наши дороги и пограничныя города наполнены Конскриптами, которые горятъ желаніемъ идти по слѣдамъ великимъ. Мы не будемъ болѣе нерушкою вѣроломнаго мира и не положимъ, оружія до тѣхъ поръ, пока не принудимъ Англичанъ, этихъ вѣчныхъ враговъ нашего народа, отказаться отъ замысла тревожить твердую землю и отъ самовластнаго владычества надъ морями.

«Солдаты, я не могу лучше выразить чувства, мною къ вамъ ощущаемыя, какъ сказавъ, что я пошу въ сердце любовь, которую вы каждый день мнѣ показываете.»

(*) Когда Наполеонъ готовился выступить въ походъ, то на первые его переговоры отвѣтствовали, что Пруссія, для заключенія мира *нуждается*, чтобы Императоръ отказался отъ всехъ своихъ завоеваній и угрожаетъ намъ своимъ гнѣвомъ, если Французскія войска перейдутъ чрезъ Рейвъ.

Это воззваніе было уже не первымъ, изъ сдѣланныхъ Наполеономъ въ продолженіе Прусской кампаніи; и счесть нужнымъ помѣстить его потому, что находясь, такъ сказать въ срединѣ его похода, оно напоминаетъ то, что Французскія арміи уже сдѣлали при изданіи онаго, возвѣщая въ тоже время будущія намѣренія Императора. Все побуждало его тогда идти впередъ, ибо еслибъ онъ сталъ дожидаться пока Русскіе перейдутъ чрезъ Вислу, то вѣроятно не было бы зимней кампаніи и сила обстоятельствъ принудила бы его расположиться на печальныхъ зимнихъ квартирахъ между этою рѣкою и Одеромъ или перейти обратно за Одеръ для того, чтобы встрѣтить непріятеля въ Пруссіи. Военный его геній и неутомимая дѣятельность, никогда его не оставлявшія, удивительно помогли ему при этомъ обстоятельствѣ; и вышепомященное воззваніе, изданное въ Берлинѣ предъ отъѣздомъ его въ Шарлотенбургъ, доказываетъ, что онъ дѣйствовалъ не на удачу, какъ это съ нимъ часто случалось; но что расчисленія его были заблаговременно сдѣланы.

Этотъ геній завоеваній можетъ имѣть прелесть на полѣ битвы, быстрое, необъятное движеніе, сообщенное громадамъ силъ волею одного человѣка можетъ сверкать подобно молніи преходящимъ блескамъ и ослѣплять глаза толпы; но когда находишься вдалекѣ отъ театра

славы, когда видишь, какъ печальныя послѣдствія оной угнетаютъ народы, то гений завоеванія кажется уже только гениемъ истребленія. Какое зрѣлище я имѣлъ передъ глазами! Я безпрестанно принужденъ былъ слушать жалобы на всеобщее бѣдствіе и исполнять приказы, прибавлющіе новыя великія пожертвованія къ тѣмъ которыя городъ Гамбургъ уже сдѣлалъ. Такъ наиримѣръ Императоръ потребовалъ у меня пятьдесятъ тысячъ плащей, которые тогда были мною поставлены. Я чувствовалъ важность этой поставки при наступленіи зимы въ такомъ климатѣ, котораго наши солдаты не испытали еще суровости. Я также получилъ приказаніе захватить въ Любекѣ, подвергнувшемуся нѣсколько разъ бѣдствіямъ осады, четыреста тысячъ ластовъ муки и прислать ее въ Магдебургъ. Эта мука принадлежала Россіи. Маршалъ Мортъе съ своей стороны захватилъ строевой дѣсь, также принадлежацій Россіи и оцененный въ 4,400,000 Фривковъ. Наконецъ, съ Ганзейскими городами поступали какъ съ дойными коровами; изъ нихъ всякими средствами выжимали все, между тѣмъ какъ въ тоже время Континентальная система начала изсушать источники ихъ благосостоянія.

При этихъ угнетавшихъ народы притѣсненіяхъ, при этихъ бѣдствіяхъ, — были Императорскіе агенты, которые желая себя выказать,

дѣлали эти притѣсенія и эти бѣдствія еще больше тяжкими. Такъ на примѣръ я помню, что одинъ Полковникъ по имени Клеманъ, человекъ старавшійся прикрыть свое посредственность доказательствами сѣбною преданности, занявъ военною рукою городъ Бременъ издалъ такое воззваніе, которое я принужденнымъ нашелся представить Правительству. Эти воззванія были до чрезвычайности непринличны. Полковникъ Клеманъ дозволилъ себѣ безъ всякаго на то приказанія и уполномочія, сдѣлать жестокія прибавки къ Императорскому Берлинскому указу, касательно Англійскихъ товаровъ. При занятіи Бремена онъ далеко превзошелъ Маршала Мортъе, тогда какъ этотъ послѣдній исполнялъ приказаніе занять землю и городъ Гамбургъ. Признаюсь мнѣ больно было видѣть, что такими злоупотребленіями власти раздражаютъ ненависть жителей противъ Франціи. Я сдѣлалъ Маршалу Мортъе сильное представленіе о поступкахъ Полковника; и Маршалъ тотчасъ приказалъ ему возстановить вещи въ Бременъ на тойже самой ногѣ, какъ она были въ Гамбургъ, строжайше ограничась смысломъ Берлинскаго указа. Этотъ духъ притѣсенія слишкомъ часто былъ обнаруживаемъ второстепенными начальниками арміи; и какъ эти притѣсенія это разореніе жителей городовъ и деревень, эти общія повсемѣстныя жалобы въ эпоху павес-

литайшей славы Императора, не ваушили ему, что эти народы, тогда безоружные, черезъ нѣсколько годовъ ополчатся поголовно для того, чтобы положить конецъ своимъ страданіямъ и отомстить за свои бѣдствія?

Однакоже войска наши все шли впередъ съ такою быстротою, что Миорать, болѣе всѣхъ другихъ имѣвшій страсть къ войнѣ, пришелъ прежде конца Ноября въ Варшаву съ авангардомъ Большой Арміи, которымъ онъ предводительствовалъ. Тогда Главная Квартира Императора находилась въ Познани и къ нему со всѣхъ сторонъ являлись депутаты, съ просьбою о возстановленіи Королевства Польши и его независимости. Я узналъ отъ Ранпа, что принявъ депутатовъ города Варшавы, онъ сказалъ ему: «Я люблю Поляковъ; ревность ихъ мнѣ нравится. Я желалъ бы сдѣлать ихъ независимымъ народомъ, но это очень трудно. Слишкомъ много тому воспротивятся. Австрія, Россія, Пруссія; а когда зажжешь фитиль, то кто знаетъ, на чемъ пожаръ остановится. Мой первый долгъ есть къ Франціи и я не долженъ жертвовать ею для Польши; это завело бы насъ слишкомъ далеко. А притомъ надобно предоставить это властителю всѣхъ вещей—времени, оно въ послѣдствіи научитъ насъ, что должно дѣлать.» Еслибъ Сулковскій былъ живъ, то Наполеонъ вспомнилъ бы, что онъ говорилъ въ Египтѣ и

вѣроятно возстановилъ бы державу, которой раздѣленіе начало въ концѣ прошедшаго столѣтія разстроивать это политическое равновѣсіе, которое существовало въ Европѣ со времени Вестфальскаго трактата.

Въ Главную Квартуру въ Познани возвратился къ Императору Дюрюкъ послѣ упомянутаго мною порученія своего къ Королю Прусскому. Я съ огорченіемъ узналъ, что дорогою онъ опрокинулся и переломилъ себѣ руку. Всѣ получаемыя мною письма были наполнены жалобами на дурное состояніе дорогъ; дрались такъ сказать въ грязи и не иначе какъ съ наивеличайшимъ трудомъ могли перевозить артиллерію и обозныя фуры арміи. Мнѣ послѣ рассказывали, что карета Г. Талейрана, котораго Императоръ потребовалъ въ Главную Квартуру на случай переговоровъ о мирѣ, такъ завязла въ грязи, что Министръ просидѣлъ около двѣнадцати часовъ на одномъ мѣстѣ. Солдаты очень были не въ духѣ идя по колѣно въ водѣ и въ грязи и когда нѣкоторые изъ нихъ спросили у людей Г. Талейрана, кто это такой, то имъ отвѣчали, что Министръ Иностранныхъ Дѣлъ. «Но дѣломъ,» сказалъ одинъ путешникъ, «не ѣздить бы ему со своею дипломатіею въ такую собачью землю!»

Императоръ имѣлъ въѣздъ въ Варшаву перваго Генваря; большая часть полученныхъ имъ донесеній согласно описывали ему неудовольст-

віе войскъ, съ нѣкотораго времени много потерпѣвшихъ отъ непаствой погоды, отъ дурныхъ дорогъ и всякаго рода лишеній. Тогда Бонапарте сказалъ Генераламъ, доносившимъ ему объ уныніи, которое заступило мѣсто восторга въ умѣ его войскъ: «Говорилили вы имъ о непріятель? Не ужели они не показываютъ порывовъ, увидя его?—Нѣтъ, Государь.— Я былъ въ этомъ увѣренъ: войска мои всѣ тѣ же.» Потомъ онъ сказалъ Ранну: «*Я ихъ разбудю!*» И продиктовалъ слѣдующее воззваніе:

«Солдаты!

«Сего дня годъ тому, какъ въ самый этотъ часъ вы находились на полѣ Аустерлицкой битвы. Устрашенныя непріятельскія войска въ безпорядкѣ предъ вами отступали или, будучи окружаемы, клали оружіе предъ побѣдителями. На другой день они заговорили о мирѣ; но слова эти были обманчивы: едва избѣгнувъ бѣдствій третьяго союза, они замыслили четвертый; но союзникъ, на коего они полагали свою главную надежду, уже болѣе не существовалъ: его укрѣпленныя мѣста, столицы, магазины, арсеналы, двѣсти восьмидесятъ знаменъ, семь сотъ орудій и пять большихъ крѣпостей, въ нашей власти. Одеръ, Варта, пустыни Польши, непогоды, ничто ни на минуту васъ не остановило; вы всемъ пренебрегли, все преодолѣли; все бѣжитъ предъ вами. Французскій орелъ на-

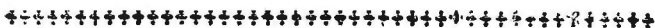
рить надъ Вислою. Храбрый и несчастный Полякъ, види вась мнить зрѣть легіоны Собіесскаго, возвращающіеся изъ ихъ достопамятнаго похода.

«Солдаты, мы не положимъ оружія до тѣхъ поръ, пока общій миръ не утвердитъ и не обеспечитъ могущества нашихъ союзниковъ, не возвратитъ нашей торговлѣ ея свободы и колоній. Мы завоевали на Эльбѣ и на Одерѣ — Пондинери, наши заведенія въ Индіи, Мысль Доброй Надежды и Пенапекія колоніи; кто дастъ Русскимъ право располагать судьбами? кто дастъ имъ право ниспровергать столь справедливыя намѣренія?»

Когда Бонапарте диктовалъ свои воззванія, а Богъ знаетъ сколько я переписалъ ихъ со словъ его, то онъ иногда имѣлъ вдохновенный видъ; голова его воспалялась подобно какъ у Итальянскихъ импровизаторовъ; онъ стоялъ такъ сказать на треножникѣ и надобно было писать съ невѣроятною скоростью для того, чтобы за нимъ поспѣвать ибо диктовка его была импровизаціею; онъ имѣлъ тогда важный видъ и приказывалъ прочитывать себѣ то, что было имъ надиктовано; неоднократно видалъ я, какъ онъ восхищался дѣйствіемъ, которое долженствовало произвести то или другое выраженіе. Вообще воззванія его основывались на трехъ статьяхъ: хвалить солдатъ за то, что они сдѣ-

дали; показывать имъ то, что имъ предстоитъ еще сдѣлать и хулить своихъ неприятелей. Последнее воззваніе, мною приведенное, было распространено по всей Германіи, и, не бывъ очевидцемъ, нельзя представить себѣ непостижимаго дѣйствія, произведеннаго онымъ на армію Корнуса, стоявшаго назади, горѣли желаніемъ перейти ускоренными маршами пространство, отдѣлявшее ихъ отъ Главной Квартіры, а тѣ, которые находились ближе къ Императору, забывали свою усталость, бѣдствія и лишения, нетерпѣливо ожидая боя. Большею частью они не понимали того, что говорили имъ Наполеонъ: не думаю, наиримѣрь, чтобы они поняли, какимъ образомъ они завоевали Пондишери и Мысль Доброй Надежды на Эльбѣ и на Одерѣ, но они говорили между собою. «Императоръ сказалъ это.» Они вспомнили сраженія, въ которыхъ находились; шли весело безъ баушковъ; и проводили многіе часы безъ съѣстныхъ припасовъ, не жалуясь; такъ великъ былъ восторгъ или лучше сказать изступленіе, которое Наполеонъ умѣлъ внушать своимъ солдатамъ, когда онъ чувствовалъ нужду ихъ *разбудить*.

Г Л А В А XVII.

Воспоминаніе о Герцогѣ Меклембургскомъ.—Цѣль его приездъ въ Гамбургъ.—Дача моя въ Голштиніи.—Сношенія мои съ Герцогомъ Веймарскимъ.—Исходатайствованіе мною возвращенія ему владѣній.—Благодарственное письмо.—Тильзитскій трактатъ и Герцогъ Меклембургскій.—Посвященіе, сдѣланное мнѣ наследнымъ Принцемъ и повѣдка его въ Парижъ.—Списки представлений и разрядная книга знатныхъ особъ Европы.—Письмо послѣдняго Герцога Баденскаго.—Моя гостиная и мой кабинетъ.—Предложеніе Бѣтлера, Англійскаго шпіона.—Осторожность его.—Бѣтлеръ въ Парижъ и въ Лондонѣ, и странная статья въ журналахъ.—Опасеніе Воппарте на счетъ сношеній между Франціею и Англіею.—Неудовольствіе Императора противъ Фуше.—Страхъ внѣшней купеческии путешественниками *Commis-voyagers*).—Упадокъ торговли Голландіи.—Тщательное сопротивленіе Лудовика Берлинскому указу.—Наблюденіе за подозрительными людьми.—Невозможность исполненія.

Я выше упомянулъ о Герцогѣ Меклембургъ-Шверинскомъ, о его фамиліи и въ особенности

о дочери его Принцессѣ Шарлоттѣ, бывшей въ супружествѣ за наследнымъ Принцемъ Датскимъ; я забылъ одно обстоятельство, пришедшее мнѣ теперь на память, касательно моихъ съ нимъ сношеній. Будучи изгнанъ изъ своихъ владѣній послѣ Иенской битвы, онъ удалился въ Альтону, откуда чрезъ Министра своего въ Гамбургъ Графа Плессена, просилъ у меня позволенія пріѣзжать иногда въ этотъ послѣдній городъ: я охотно согласился, но какъ онъ при поѣздкахъ своихъ не бралъ никакихъ предосторожностей, то я сдѣлалъ ему нѣсколько дружескихъ замѣчаній. Мнѣ была известна цѣль этихъ посѣщеній: дѣло состояло въ тайной связи; но въ свѣдѣствіе моихъ замѣчаній, онъ перемѣстилъ въ Альтону особу, привлекающую его въ Гамбургъ и очень обязательно увѣрялъ меня, что онъ сдѣлалъ это для большей увѣренности въ томъ, чтобы не навлечь мнѣ собою какой либо непріятности. Послѣ этого онъ сталъ рѣдко ѣздить въ Гамбургъ; но какъ мы находились съ Данією въ наилучшемъ согласіи, то я продолжалъ видаться съ его зятемъ и дочерью, часто пріѣзжавшими въ загородный домъ, который я имѣлъ въ Голштиніи, близъ Альтоны. Я также принималъ тамъ почти каждый день Герцога Веймарскаго, человека добраго, любезнаго, превосходнаго, одареннаго самыми счастливыми качествами. Я имѣлъ

счастіе находится съ нимъ въ такой короткой связи, что домъ мой сдѣлался для него какъ бы его собственнымъ. Онъ также потерялъ свои владѣнія, но положеніе въ которомъ я находился и обстоятельства пребыванія моего въ Гамбургъ позволяли мнѣ имѣть нѣкоторое вліяніе на политическую снисходительность или строгость моего правительства и я имѣлъ счастье содѣйствовать къ возвращенію ему его владѣній. Я столь искренно былъ къ нему привязанъ, что отъѣздъ его очень меня огорчилъ. По пріѣздѣ своемъ въ Берлинъ, онъ написалъ ко мнѣ письмо, сильно меня тронувшее.

«Милостивый Государь,

«Примите увѣренія въ моей живѣйшей признательности за все знаки расположенія, оказаннаго вами мнѣ въ Гамбургъ и за гостепріимство, которымъ я пользовался въ вашемъ домѣ. Ваши личныя достоинства, Милостивый Государь, сильно меня поразили, и я считаю однимъ изъ счастливѣйшихъ дней моей жизни тотъ, въ который я имѣлъ удовольствіе съ вами познакомиться.

«Позвольте мнѣ засвидѣтельствовать Г-жѣ Буфрешъ мое почтеніе, и какъ я чрезвычайно желаю, чтобы воспоминаніе обо мнѣ сохранилось въ вашемъ любезномъ семействѣ, то предлагаю при семь бриллиантъ, который прошу

«отъ меня принять и хранить, какъ залогъ моеѣ
«совершенной благодарности и желанія не быть
«изглаженнымъ изъ вашей памяти.

«Съ чувствами особеннаго уваженія имѣю
«честь быть и проч.

Герцогу ВЕЙМАРСКОМУ.

Берлинъ, 7 Декабря 1806.

Герцогъ Меклембургскій былъ менѣе счастливъ, чѣмъ Герцогъ Веймарскій, не смотря на свое родство съ царствующимъ Датскимъ Домомъ; онъ принужденнымъ нашелся прожить въ Альтопъ до Июля мѣсяца слѣдующаго года, ибо владѣнїя его были ему возвращены не прежде, какъ по заключенїи Тильзитскаго трактата. Какъ только узнали о возвращенїи Императора въ Парижъ, то сынъ его, наследный Принцъ, прїѣхалъ ко мнѣ въ Гамбургъ спросить моего мнѣнїя, можно ли ему будетя ѣхать туда повергнуть къ стопамъ Императора изъясненїе признательности отца его и его собственной; это былъ молодой человекъ, очень хорошо воспитанный и подававший большія надежды; онъ отправленъ въ сопровожденїи Г. Ертцена и Барона Бранцштена. Черезъ нѣсколько времени я увидѣлъ имя его въ Монитѣрѣ въ одномъ изъ списковъ представлявшихся Наполеону особъ, списковъ конхъ собранїе въ эпоху Имперїи мо-

жетъ служить разрядною книгою знатнѣйшихъ особъ почти всей Европы.

Вовсе не изъ тиеславія привожу я на память нѣкоторыя изъ связей моихъ со многими Принцами Германіи; я слишкомъ вблизи видѣлъ, какъ возвышались и унижались челоѳеческія величія, для того чтобы ими обольщаться. Я хочу только доказать, какимъ образомъ посредствомъ умѣренности, даже исполняя волю желѣзнаго Правительства, я успѣлъ внушить довѣренность нѣкоторымъ за-Рейнскимъ Принцамъ; и при этомъ случаѣ приведу еще письмо написанное ко мнѣ въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1806 года Принцемъ Карломъ, Великимъ Герцогомъ Баденскимъ, по случаю отправленія сестры его въ Гамбургъ.

«Имѣю честь извѣстить васъ снмъ письмомъ, что я присовѣтовала сестрѣ моей ѳхать въ Гамбургъ для того, чтобы находиться ближе къ своему мужу, Принцу Брауншвейгъ Эльскому. Прошу васъ Г. Министръ оказать ей «ваше участіе во время пребыванія ея въ Гамбургъ, за что я буду чрезвычайно вамъ обязана и вы этимъ успокоите меня на счетъ «того, что она будетъ тамъ совершенно одна. «Пользуюсь этимъ случаемъ для засвидѣтельствованія вамъ отличнаго уваженія, съ которымъ я имѣю честь быть и проч. и проч.

Не всѣ мои сношенія были столь приятны

какъ то, о которомъ я упомянулъ, и могу сказать, что существовала величайшая противоположность между особами, посвящавшими мою гостинную и людьми, которыхъ я по обязанности моей долженъ былъ допускать къ себѣ въ кабинетъ. Говорятъ, что ко всему можно привыкнуть; но для меня это правило подлежить исключеніямъ, ибо не смотря на необходимость, часто заставлявшую меня употреблять шпіоновъ, я никогда не могъ смотрѣть на нихъ иначе какъ съ ужасомъ, особенно же когда люди, рожденные для занятія въ обществѣ почетнаго мѣста унижаютъ себя производя это постыдное ремесло и являютя съ предложеніемъ услугъ своихъ. Нельзя повѣрить къ какимъ средствамъ такіе люди способны прибѣгать для того, чтобы прикрыться личиною и внушить къ себѣ довѣренность тѣмъ, которыхъ они собираются предать. Мнѣ примель теперь на память примѣръ, который заслуживаетъ быть извѣстнымъ.

Одинъ изъ этихъ бездѣльниковъ, явился однажды предлагать мнѣ свои услуги. Его звали Бѣтлеромъ и онъ былъ посланъ изъ Англїи на твердую землю въ качествѣ шпіона при Французскомъ Правительствѣ. Онъ тотчасъ открылся мнѣ во всемъ; потомъ началъ жаловаться на мнимыхъ враговъ, на сдѣланныя ему несправедливости и наконецъ сказалъ мнѣ, что

имѣеть величайшее желаніе служить дѣлу Императора и что не подорожитъ ничемъ для доказанія своей преданности. Настоящею причиною этого перехода на другую сторону, какъ и у всѣхъ этихъ людей, была только надежда получить лучшую награду. Какъ бы то ни было, а я не думаю, что какой либо другой пніонъ такъ далеко простеръ свои предосторожности, дабы не возбудить въ прежней своей партіи подозрѣній, что онъ служитъ другой; мнѣ онъ безпрестанно твердилъ, какъ бы онъ былъ счастливъ, еслибъ могъ отмстить своимъ Лондонскимъ врагамъ. Онъ просилъ меня отправить его въ Парижъ для освидѣтельствованія его лично Министромъ Полиціи. Для бѣльшей вѣрности, онъ потребовалъ, чтобы по приѣздѣ туда, его посадили въ Тамбль и чтобы въ Англійскихъ журналахъ помѣстили слѣдующую статью: «Джонъ Бѣтлеръ, называющійся Графомъ Бѣтлеромъ, задержанъ и отправленъ въ Парижъ подъ крѣпкою стражею Французскимъ Министромъ въ Гамбургъ.» Черезъ нѣсколько недель Бѣтлеръ, получивъ отъ Министра Полиціи пужныя наставленія, отправился въ Лондонъ; но въ слѣдствіе своей осторожной системы и говоря, что его должно какъ можно болѣе обезславить для того, чтобы онъ могъ быть полезнымъ и отмстить своимъ неприятелямъ, Бѣтлеръ потребовалъ, чтобы въ журналахъ была

нанечатана другая статья слѣдующаго содержания: «Человѣку, по имени Бѣтлеру, задержанному въ Гамбургѣ въ качествѣ агента Англійскаго Правительства, и привезенному въ Парижъ, приказано выѣхать изъ Франціи и изъ земель, занятыхъ Французскими арміями и ихъ союзниками, съ запрещеніемъ возвращаться сюда прежде заключенія общаго мира.» Бѣтлеръ воспользовался въ Англіи почестію Французскаго гонимца; въ немъ видѣли жертву, достойную полной довѣренности испрителей Франціи; Фуше получилъ чрезъ него много свѣдѣній, и онъ не былъ повѣщенъ! Дѣйствительно, кто бы не былъ обманутъ такимъ смѣлымъ извѣтствомъ? Право есть вещи, къ которымъ надобно быть почти самому способнымъ для того чтобы подозрѣвать ихъ!

Не смотря на зримую необходимость употребить тайныхъ агентовъ, Бонапарте не любилъ, чтобы заводилъ, даже подъ этимъ предлогомъ, слишкомъ много сношеній между Франціею и Англіею; но Фуше тѣмъ не менѣе двигалъ во мракѣ свои подземныя силы. Фуше, въ продолженіе Прусской кампаніи, возбудилъ противъ себя сильное неудовольствіе Императора по одному дѣлу, о которомъ я уже говорилъ. Онъ очень сердился на Министра Полиціи за допущеніе имъ посланки къ нему отъ Сената въ Берлинъ депутаціи съ увѣщаніями не пере-

ходить чрезъ Одеръ. Онъ сказалъ, что Фуше долженъ бы какъ Сенаторъ, отклонить Сенать отъ такого поступка безъ его на то соизволенія, и что еслибъ Сенать продолжалъ настаивать въ своемъ мнѣнїи, то ему слѣдовало бы воспрепятствовать депутаціи отправиться, бившими въ его власти средствами. Фуше имѣлъ много оныхъ; ибо почти можно сказать, что въ отсутствіе Наполеона, Полиція управляла Франціею. Всегда готовый благопріятствовать тому, что могло придать Полиціи важность и угодить подозрительной недовѣрчивости Императора, Фуше написалъ мнѣ, что многіе Французы, путешествующіе отъ торговыхъ домовъ Франціи, ѣздили въ Манчестеръ покупать предметы Англійскаго издѣлія. Это была правда; но было ли средство тому воспрепятствовать? эти коммерческіе агенты проѣзжали чрезъ Голландію, откуда имъ не трудно было отправляться на корабляхъ. Частныя извѣстія, получаемыя мною изъ этой земли, согласно описывали упадокъ сея торговли, со времени возведенія ея на степенъ Королевства въ пользу Лудовика Бонапарте. Еслибъ роковой Берлинскій указъ могъ быть въ точности исполненъ, то онъ совершенно бы разорилъ эту страну, для которой вѣсть о Континентальной Системѣ была громовымъ ударомъ.

Лудовикъ, при извѣстной его честности, не

Часть VII.

51

думая чтобы Король Голландскій былъ обязанъ жертвовать выгодами своихъ новыхъ подданныхъ волю своего брата, въ началѣ слегка и только для вида привелъ въ исполненіе бѣдственную Систему; но Наполеонъ изъявилъ ему гнѣвъ свой такъ, что въ концѣ 1806 года, онъ принужденнымъ нашелся повелѣть строгое исполненіе блокады. Я узналъ, что разсердясь Императоръ сказалъ, что если братъ его не покорился его волю, то онъ прикажетъ сдѣлать обыскъ домовъ во всей Голландіи. Какое славное средство привязывать народы къ своей пожирающей политикѣ, начиная тѣмъ, чтобы разорять и унижать ихъ! Удобство, съ которымъ купеческіе прикащики ѣздили изъ Голландіи въ Англію возбуждало во Французскомъ Правительствѣ еще другаго рода ужасъ. Говорили: Если Французы могутъ такъ легко переѣзжать съ твердой земли въ Великобританію, то по тойже причинѣ агенты Англійскаго кабинета могутъ пробираться на твердую землю. Въ слѣдствіе этого, по приказанію Полиціи, Консулы были обязаны наблюдать не только за тѣми лицами, которыя очевидно возвращались изъ Англіи, но и за тѣми, которыя можетъ быть могли оттуда возвратиться. Это, какъ читатели видятъ, былъ законъ о подозрительныхъ людяхъ, относительно путешествующихъ коммерческихъ агентовъ, заслуживающій быть постав-

леннымъ на ряду съ Континентальною Системою. Все это было прекрасно соображено; но исполненіе! . . . Что ни дѣлали, и не смотря ни на какіе обыски, угрозы, шпионства и ободреніе доносовъ, твердая земля тѣмъ не менѣе была наводняема издѣліями Англійскихъ фабрикъ, по той весьма простой причинѣ, что сколько ни сильна была воля Наполеона, а она уступала потребностямъ народовъ и не могла имѣть такой же какъ онѣ продолжительности. Континентальная Система напомнила мнѣ законъ какого-то законодавца, осуждавшій за преступленіе, считаемое имъ невозможнымъ того, кто окажется въ ономъ виновнымъ, перекинуть быка чрезъ гору Тавръ.

Г Л А В А XVIII.

Извлеченія изъ переписки.—Пробываніе Нанолсона въ Пизнани.—Учрежденіе Королевства Саксонскаго.—Уваженіе Германіи къ Королю Саксонскому.—Первоначность Императора на счетъ Польши. — Праздники и смотры въ Варшавѣ.—Способъ продовольствія арміи.—Франція въ Главной Квартирѣ.—Аудиторы и портфели Министровъ.—Военныя распоряженія. — Кампанія Вѣнскаго и Прусскаго. — Извѣстія, мною получаема и отъ меня посылаема. — Вооруженія Австріи въ Богеміи.—Поведеніе Вѣнскаго кабинета, подобное поведенію Берлинскаго кабинета.—Необходимость дѣйствовать поспѣшно.—Французы предупреждены Русскими. — День Эйлаузскій. — Корпусъ Бернадота опаздываетъ. — Клевета, на него введенная.—Смерть Генерала Гюбульта — Бонапарте ссылается на мертвыхъ.—Оправданіе Бернадота.

Я не имѣю, ни притязанія, ни даже намѣренія, начертать здѣсь картину Европы въ концѣ 1806 года. Хочу только собрать здѣсь нѣсколько событій, о которыхъ я тогда узналъ и ко-

торія нахожу въ перенесѣ мой того времени, относительно эпохи, мною упомянутой. Я сказалъ, что Императоръ прѣхалъ въ Варшаву 1 Января. Въ продолженіе пребыванія своего въ Познани, всегда стараясь извлекать выгоды изъ побѣдъ своихъ, онъ заключилъ съ Курфюрстомъ Саксонскимъ договоръ, коимъ основалъ новое Королевство и слѣдовательно распространилъ власть свою въ Германіи, присоединеніемъ новаго Королевства Саксоніи къ Рейнскому Союзу. Въ силу этого договора, Саксонія, справедливо славящаяся своею кавалеріею, обязывалась дать Императору двадцать тысячъ вспомогательнаго войска. Этою помощью не должно было пренебрегать, не относительно людей, но относительно лошадей, которыми Саксонія, могла изобильно снабдить и снабдила Французскую армію.

Для Германскихъ Привлещъ, привыкшихъ къ стариннымъ правиламъ этикета, было совершенно новымъ зрѣлищемъ видѣть Государя, поступающаго съ ними какъ съ подданными и принудившаго ихъ своею смѣлостью считать себя таковыми. Эти знаменитые Саксонцы, заставлявшіе трепетать Карломана, предавались покровительству Императора, и Наполеонъ конечно не могъ быть равнодушенъ къ тому, что глава Саксонскаго дома соединилъ съ нимъ свою судьбину, ибо новый Король Саксонскій по лѣ-

тамъ своимъ, качествамъ и характеру быть Государемъ, наиболее уважаемымъ во всей Германіи.

Въ Варшавѣ, съ самой минуты пріѣзда своего туда и до начатія съ Русскими военныхъ дѣйствій, Императоръ безпрестанно получалъ просьбы о возстановленіи Польскаго престола и о возвращеніи рыцарской независимости древней державы Ягеллоновъ. Человѣкъ, бывший тогда въ Варшавѣ, сказывалъ мнѣ, что Императоръ находился въ величайшей нерѣшимости на счетъ того, что онъ хотѣлъ сдѣлать для Польши: его всеячески удержали, дабы онъ возстановилъ это древнее, геройское Королевство, но онъ не объявилъ впередъ никакого рѣшенія, следуя привычкѣ своей покоряться обстоятельствамъ, дабы лучше имѣть видъ, что онъ повѣлываетъ ими. Въ Варшавѣ Императоръ проводилъ часть своего времени въ удовольствіяхъ, въ праздникахъ, въ торжествахъ и въ приятии представлявшихся ему особъ, что однакоже не мѣшало ему орлинымъ окомъ наблюдать, чтобы ни въ какой части управленія, какъ внутренняго, такъ и вѣншняго, не было несправностей. Самъ онъ былъ въ столицѣ Польши, но обширный гений его повсюду присутствовалъ. Я слышалъ отъ Дюрока, при разговорѣ моемъ съ нимъ о Тильзитскомъ походѣ, что никогда еще Наполеонъ не показывалъ се-

бя въ такой полнотѣ. Онъ являлся на разводахъ и смотряхъ глазамъ одушевляемыхъ восторгомъ солдатъ своихъ; принималъ къ себѣ Принцева, съ робостью просящихъ его о возвращеніи имъ владѣній; потомъ являлся на благотѣльныхъ сѣздахъ, а послѣ того составлялъ пензенскіе замыслы касательно Востока. Война Турціи съ Россією представляла въ этомъ отношеніи благопріятныя вѣроятности, или лучше сказать химеры его честолюбію. Однакоже всеобъемлющій умъ его, занимаясь важными соображеніями, спускался и до подробностей; такъ на примѣръ, нельзя не признать образцовымъ произведеніемъ учрежденнаго Императоромъ въ Варшавѣ способа продовольствія его арміи, терпѣвшей во всемъ недостатокъ.

Другою весьма достопримѣчательною вещью въ Императорскихъ войскахъ было то, что за исключеніемъ внутренней Польши, кою душою былъ Фунге, — все управленіе Франціи сосредоточивалось въ Главной Квартирѣ Императора. Не только Наполеонъ занимался въ Варшавѣ нуждами своей арміи, но онъ управлялъ Франціею, какъ будто находился въ Парижѣ. Каждый день эстафеты, а по временамъ безполезныя его аудиторы Государственнаго Совѣта, привозили ему денги отъ тѣхъ Правительствъ, оставленныхъ имъ въ Парижѣ, равно какъ очень любопытныя донесенія, часто выдумываемыя Поль-

цією; портфёли Министровъ получались каждую недѣлю, за исключеніемъ Министра Вѣнскихъ Сношеній, который оставившись сперва въ Манцицѣ съ Императрицею, былъ призванъ въ Варшаву, и Военнаго Министра Кларка, который къ несчастію Берлина былъ въ немъ Губернаторомъ. Этотъ порядокъ вещей продолжился во все десять мѣсяцевъ отсутствія Императора изъ Парижа. Лудовикъ XIV сказалъ: «Государство составляю я.» Наполеонъ этого не говорилъ, но на дѣлѣ, въ его царствованіе, Правительство Франціи всегда находилось въ его Главной Квартирѣ; что едва было несдѣлалось для него пагубнымъ, какъ ниже увидать при описаніи мною заговора Малета, который, можетъ быть, одному мнѣ хорошо извѣстенъ.

Императоръ провелъ Генварь мѣсяць въ востаныхъ распоряженіяхъ для предстоящаго нападенія на Русскихъ, но не оставляя въ тоже время и кабинетскихъ занятій; у него все пло рядомъ. Меня не удивляло ничто, сообщаемое мнѣ изъ Варшавы, ибо все что говорили о его дѣятельности, о его предвидѣніи и о его невѣроятныхъ ко всему способностяхъ, было мнѣ очень хорошо извѣстно; и зная лучше всякаго другаго его привычки и характеръ, я вполнѣ могъ судить о его дѣйствіяхъ, не только по одной ихъ вѣнности, но и по изображенію его мыслей. Я часто видалъ его на по-

ляхъ битвы, для того чтобы не удивляться разсказамъ о его мгновенныхъ приказанiяхъ, и если положенiе его въ Варшавѣ было затруднительно, то я видѣлъ оное еще болѣе труднымъ подъ Сен-Жанъ д'Акрою и при Маренго, до тѣхъ поръ, пока сраженiе не было выиграно.

Я очень хорошо знаю, что во время битности Императора въ Варшавѣ, рѣчь шла не объ одномъ только сраженiи; дѣла были гораздо многосложнѣе чѣмъ въ Вiенскую кампанiю: надобно было съ одной стороны наблюдать Пруссiю, занимаемую Французскими войсками, а съ другой предупредить Русскихъ, коихъ движенiи и распоряженiя показывали, что они рѣшились приступить къ дѣлу. Въ предъидущую кампанiю, Австрiя до взятiя Вiны одна только дѣйствовала; но тутъ дѣло было совсѣмъ иное: Австрiя имѣла только солдатъ, а Пруссiя, какъ говорилъ мнѣ Блюхеръ, начинала уже имѣть гражданъ. Возвратиться изъ Вiны было нѣсколько не трудно; но къ возвращенiю изъ Варшавы, въ случаѣ неудачи, представлялись большiя затрудненiя, не смотря на основанiе Саксонскаго Королевства и на образованiе временнаго управленiя Пруссiею и другихъ Германскихъ Государствъ, нами завоеванныхъ. Ничто изъ всего этого не избѣгло прозорливости Наполеона; ничто не было забыто въ нотахъ, письмахъ, запискахъ и оффицiальной перепискѣ, отсюда мною полу-

чаемой. Обстоятельно извѣщаемый моими собственными агентами обо всемъ, пропеходящемъ въ Германіи, я часто представлялъ Правительству тѣ самыя свѣдѣнія, которыя оно съ своей стороны мнѣ сообщало, не полагая чтобы оныя были мнѣ извѣстны. Такимъ образомъ напри- мѣръ я думалъ, что извѣщу Правительство о вооруженіи Австріи, о которомъ я получилъ отъ него чрезъ нѣсколько дней уведомленіе.

Австрія, въ продолженіи Прусской кампаніи играла ту самую роль, которую Пруссія играла въ Австрійскую кампанію. Первѣнственность какъ той, такъ и другой, была совершенно одинакова. Подобно какъ Пруссія ожидала успѣха или разбитія Французскихъ армій до Аустерлица, дабы остаться нейтральною или объявить себя противъ Франціи; такъ и Австрія, вѣроятно полагая, что Россія будетъ счастливѣе, имѣя союзницею Пруссію, чѣмъ тогда какъ она сама была ея союзницею, собрала въ Богеміи сорокъ-тысячный корпусъ. Этотъ корпусъ былъ названъ обсерваціонною арміею; но извѣстно, какъ должно считать этого рода обсерваціонныя войска; они тоже самое, что вооруженный нейтралитетъ или хитрое изобрѣтеніе карантинныхъ кордоповъ. Въ самомъ же дѣлѣ, эти сорокъ тысячъ Австрійцевъ, собранные въ Богеміи, назначались въ случаѣ успѣха со стороны Русскихъ, къ оказанію имъ помощи и содѣйствія; и ка-

кой разсудительный человекъ станетъ порицать Австрійское Правительство, за то, что оно надѣялось имѣть случай законнымъ образомъ отмстить за стыдъ Прессбургскаго трактата?

Въ этомъ положеніи вещей, при этомъ соединеніи непріязненныхъ чувствъ, не поддѣкавшихъ никакому сомнѣнію, хотя по возможности скрываемыхъ, Наполеону не слѣдовало терять ни минуты, а нетерпѣливость его гения не требовали побужденій къ дѣятельности. Также какъ онъ посильнымъ Аустерлицемъ для предупрежденія Пруссіи, ему слѣдовало предупредить Россію для поддержанія Австріи въ ея первыи-тельности.

И такъ Императоръ отправился изъ Варшавы въ концѣ Генваря, отдавъ приказаніе дабы сойтись съ Русскою армією въ первыхъ числахъ Февраля. Но не смотря на свое желаніе атаковать, Императоръ былъ предупрежденъ. Русская армія напала на него 8 Февраля въ семь часовъ утра въ самую ненастную погоду. Не смотря на сильный, густой снѣгъ, Русскіе все шли впередъ; они подходили къ Прейснитцъ-Эйлау гдѣ былъ Императоръ и Императорская Гвардія остановила Русскую колонну. Почти вся Французская армія приняла участіе въ этой битвѣ, одной изъ самыхъ кровопролитныхъ, которыя до тѣхъ поръ были даны въ Европѣ. Корпусъ Бернадота не сражался, ибо онъ былъ вѣдь

въ Морунгенъ, откуда угрожалъ Данцигу. Развязка битвы была бы совсѣмъ иная, еслибѣ четыре дивизіи пѣхоты и двѣ дивизіи коинницы, изъ которыхъ состоялъ корпусъ Бернадота, могли поспѣть во время; но по несчастію Офицеръ, посланный къ нему съ приказаніемъ какъ можно поспѣшнѣе итти къ Прейсишъ-Эйлау былъ взятъ Козаками, такъ что Бернадотъ не пришелъ. Бонапарте, всегда любившій сваливать вину на когонибудь другаго, если дѣла не совершались точно такъ, какъ ему хотѣлось, приписалъ не успѣхъ этого дня отсутствію Бернадота, что было правда; но въ тоже время онъ съ ужасною несправедливостью вмѣнилъ это Маршалу въ упрекъ. Его обвинили, будто бы онъ не захотѣлъ итти къ Прейсишъ-Эйлау, хотя, какъ увѣряли, Генераль Гопуль увѣдомилъ его о нуждѣ, которую въ немъ имѣли. Но какъ это доказать, когда Генераль Гопуль былъ убитъ въ этотъ самый день? Кто могъ увѣрить, что этотъ Генераль видѣлся лично съ Маршаломъ Бернадотомъ? Всякой, знавшій Наполеона, его хитрость и выгоды, которыя онъ умѣлъ извлекать изъ словъ, помѣщаемыхъ имъ въ уста мертвыхъ, легко угадаетъ эту загадку; притомъ же для этого достаточно было бы вспомнить, какъ онъ обвинилъ Адмирала Брюйсса въ потерю морской битвы при Абукирѣ и въ истребленіи нашего флота, потому что Адмираль

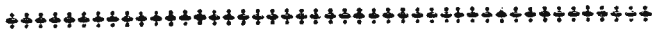
будучи убитъ, не могъ его опровергнуть. Точно также было при Эйлау относительно Генерала Гюпюльта.

Какъ бы то ни было, а Эйлаускій день былъ ужасенъ; кое какъ прѣдержались до ночи, всё еще поджидая, но тщетно. Бернадотова корпуса и послѣ значительной потери, Французская армія имѣла печальную честь ночевать на полѣ битвы. Бернадотъ пришелъ уже поздно и встрѣтилъ непріятеля отступающаго, безъ опасенія быть потревоженнымъ, къ Кенигсбергу, единственной столицѣ, оставшейся у Пруссіи. Король Прусскій находился тогда въ Мемель, небольшой гавани на Балтійскомъ морѣ въ тридцати миляхъ отъ Кенигсберга.

Когда послѣ того, въ бытность Бернадота въ Гамбургѣ, я заговорилъ съ нимъ объ упрекахъ, которыми Бонапарте осыпалъ его относительно Эйлаускаго дня, то онъ сказалъ мнѣ: «Вы видите, что этотъ человѣкъ всегда готовъ на меня клеветать; но мнѣ это все равно, я на него плюю!» Я прочиталъ Бернадоту полученный мною изъ Главной Квартиры бюлетень, въ которомъ Бонапарте еще жаловался на Бернадота подобно какъ онъ сдѣлалъ послѣ Ауерштадтскаго сраженія и упрекалъ его въ томъ, что онъ его оставилъ. Бернадотъ объяснилъ мнѣ всё движенія совершенно въ его пользу и даже

прибавилъ о нѣсколькихъ Генералахъ, которые еще живы, очень неблагопріятныя замѣчанія, о которыхъ я умалчиваю для того, чтобы не поссорить ихъ съ бывшимъ ихъ товарищемъ, Королемъ Шведскимъ.

Г Л А В А XIX.

Эйлауская битва. — Константинопольскій бунтъ. — Посольство Себастиана въ Константинополь. — Новые престолы въ Европѣ. — Порученіе Гардинна въ Персію. — Воспоминаніе о Иозефинѣ. — Письмо ея о Г-нѣ Фази. — Статья предназначенная для журнала. — Дѣйствіе, произведенное въ Берлинѣ вѣстью о смерти Герцога Ангискаго. — Французскій Посланникъ и Французы, оставленные въѣми. — Пруская Королева, обожаемая своимъ супругомъ и подданными, и неприличные относительно ея поступки Наполеона. — Г. Тюреншъ въ Гамбургѣ. — Маршалъ Викторъ въ плѣну. — Новые затрудненія моего положенія. — Злоупотребленія военной власти. — Поддержаніе дипломатическихъ правъ. — Допада на меня Маршала Брюна.

По завладѣніи Эйлаускимъ полемъ сраженія, усѣяннымъ убитыми, обѣ стороны пробывши некоторое время въ бездѣйствіи и нѣсколько дней прошло безъ важныхъ событій; предложенія Императора о мирѣ, правда что не очень

искренно сдѣланнѣи, были приняты съ гордымъ пренебреженіемъ. Казалось, что побѣда, оспоренная у Наполеона, должна уже была считаться торжествомъ и Русскіе отслужили за нея благодарственный молебенъ; но между тѣмъ какъ Императоръ дѣлалъ новыя распоряженія для того чтобы итти впередъ, дипломатія его дѣйствовала вдали и вооружала противъ Россіи новаго врага, долгое время ее устрашавшаго: Турція объявила ей войну. Эта важная диверсія принуждала Россію вывести войска съ западныхъ границъ своихъ для того чтобы обеспечить себѣ оборонительную линію на южныхъ границахъ, столь далеко отодвинутыхъ со времени Петра Великаго до Екатерины. Наполеонъ отправился въ Финкенштейнъ ожидать минуты, когда ему будетъ пужно принять начальство надъ арміею. Во время пребыванія своего въ этомъ городѣ, онъ узналъ о Константинопольскомъ бунтѣ, который стоилъ жизни сперва Султану Селиму, потомъ знаменитому Визирю Мустафѣ Барайктару, и наконецъ возвелъ на Оттоманскій престолъ Султана Махмуда. Порта, исторгнутая изъ подъ Англійскаго вліянія некусными переговорами Генерала Себастьяни, съ величайшею торжественностью сдѣлала объявленіе войны Россіи, развернувъ при этомъ случаѣ знамя Пророка.

Въ то же время какъ Французскій Посланникъ

въ Константиноелѣ успѣть вооружить Турцію противъ Союза, Императоръ потребовалъ отъ Пешави, въ силу договора существовавшаго между сею Державою и Франціею корпусъ вспомогательнаго войска. Императоръ назначилъ его для занятія лиши Эльбы, и ниже будетъ сказано, что произошло отъ исполненія воли Императора.

Черезъ нѣсколько времени воспослѣдовало знаменитое Посольство въ Персію Генерала Гардана, посольство къ коему путь былъ предложенъ удачнымъ исполненіемъ порученія, даннаго другу моему Амедю Жоберту; и читатель вспомнитъ о желаніи моемъ ему соупствовать, изъявленномъ мною Императору при послѣднемъ свиданіи моемъ съ нимъ предъ отъѣздомъ его на коронацію въ Италію. Съ того времени не прошло еще и двухъ лѣтъ, а сколько уже свершилось событій. Австрія была завоевана, Пруссія занята, Россія угрожаема, Неаполь отпалъ у Бурбонскаго Дома, Батавская Республика преобразована въ Голландское Королевство, и три Королевства возникли изъ ложа древняго Германскаго Корпуса, въ коемъ скоро еще должноствовало основаться Королевство Вестфальское, вопреки договору его имени. Всё это сдѣлалось какъ бы волшебствомъ: старой Европейской Дипломатии за сто лѣтъ передъ симъ гораздо больше этого стоило

дать титулъ Короля Прусскаго Маркизамъ Брандебургскимъ. Люди, которымъ Императоръ давалъ наиболѣ занятія, были конечно Географы; имъ бы должно чрезвычайно скоро работать, для того чтобы успѣть составить политическую карту Европы, прежде чѣмъ Наполеонъ сдѣлаетъ въ ней новыя перемѣны.

Посольство Горданна въ Персію, не было только однимъ пышнымъ поѣздомъ, подобно посольствамъ, отправленнымъ къ Карломану и къ Лудовику XIV Императрицею Ирною и Королемъ Сіамскимъ; а къ Лудовику XVI-му Типпо-Санбомъ. Это посольство имѣло связь съ первыми мыслями, родившимися въ головѣ Наполеона на самой зарѣ его могущества. Дѣйствительно свѣтъ Востока первоначально озарилъ предъ его глазами будущее его величіе. Свѣтъ сей не переставалъ обращать на себя его вниманія. Я даже навѣрное узналъ, что посольство Горданна въ Персію было сначала предположено Императоромъ гораздо въ большемъ объемѣ, нежели какъ оно исполнилось. Онъ рѣшился послать къ Персидскому Шаху четыре тысячи человекъ пѣхоты подъ начальствомъ избранныхъ, опытныхъ Офицеровъ, десять тысячъ ружей и пятьдесятъ пушекъ; даже и приказанія на счетъ сего были уже отданы. Цѣль, которую предположилъ себѣ Императоръ и въ которой онъ сознавался, состояла въ томъ,

чтобы привести Шаха въ возможность сдѣлать важную диверсію съ осмьюдесятью тысячами человекъ въ областяхъ Восточной Россіи. Но онъ имѣлъ еще и другую мысль давнюю, настоящую, постоянную безпрестанно царствовавшую въ умѣ его, а именно желаніе поразить Англію въ сердце ея Азіатскихъ владѣній. Такова была главная причина Гарданнова посольства, но обстоятельства не позволили Императору дать оному всю желаемую имъ важность; онъ удовольствовался посылкою нѣсколькихъ Инженерныхъ и Артиллерійскихъ Офицеровъ, которые удивились множеству Англичанъ, найденныхъ ими въ Персіи.

Отлагая мои замѣчанія и политическія воспоминанія о эпохѣ мною описываемой, я обращаюсь теперь къ вещамъ, лично до меня относящимся. Юзефина проводила Императора до Маннца и остались тамъ нѣсколько времени послѣ него, кажется до тѣхъ поръ, пока Г. Талейранъ, также находившійся въ Маннцѣ, былъ потребованъ въ Варшаву; послѣ чего она возвратилась въ Парижъ. Совершенно увѣренная въ томъ, что я за счастье почту въ чемъ нибудь угодить ей, Юзефина писала мнѣ въ пользу нѣсколькихъ человекъ, въ которыхъ она принимала участіе и не нужно говорить, съ какимъ усердіемъ я всегда старался дѣлать все, что отъ меня зависѣло въ пользу покро-

вигельствуемыхъ сю. Вотъ одно изъ этихъ одобрительныхъ писемъ, доказывающихъ, что со времени моего удаленія изъ Парижа, она не перемѣнила относительно меня чувствъ своихъ.

«Господинъ Бурисвнн! Женевскій уроженецъ «Г. Фази ѣдетъ въ Гамбургъ по дѣлу о наследствѣ, у него оспориваеомъ. Онъ желаетъ, чтобы я поручила его вашему расположенію и я «пишу къ вамъ въ его пользу тѣмъ охотнѣе, «что пользуюсь этимъ случаемъ, дабы возобновить вамъ увѣреніе въ моей дружбѣ.

«ЮЗЕФИННА.»

Парижъ, 11 Февраля 1807.

Съ этимъ письмомъ Г. Фази явился ко мнѣ и я принялъ его какъ требовало такое покровительство, котораго впрочемъ онъ лично заслуживалъ.

Въ бумагахъ моихъ этой эпохи отыскалъ я незнаю кѣмъ и какимъ образомъ сообщенную мнѣ записку, относительно того, какое дѣйствіе произвела въ Пруссіи смерть Герцога Ангесскаго и вражды Прусаковъ къ Французамъ при начатіи Іенской кампаніи. Впрочемъ я могу поручиться за справедливость обстоятельствъ, въ ней содержащихся. Вѣроятно, что это статья, назначенная для Гамбургскаго Корреспондента, которая была перехвачена и потому въ немъ

не напечатана. Какъ бы то ни было, а вотъ она:

«Въ тотъ день, какъ узнали въ Берлинѣ о смерти Герцога Ангенскаго, то при Дворѣ было назначено собраніе. Когда прѣѣхалъ курьеръ съ этимъ ужаснымъ извѣстіемъ, то уже поздно было отменить собраніе. Большое затрудненіе встрѣтили вечеромъ тѣ, кому было поручено принимать гостей и устроить партіи. Какъ только вѣсть о смерти умерщвленнаго юнаго Принца была узнава, то умы пришли въ такое раздраженіе, что большая часть находившихся въ Берлинѣ Французовъ, сдѣлались предметами ненависти, или по крайней мѣрѣ отвращенія. Это конечно было чувство несоблюданное, несправедливое, но добровольное. Наконецъ вечеромъ, когда пришлось устраивать партіи, не нашли никого, кто бы захотѣлъ сѣсть за одинъ столъ съ Французскимъ Посланникомъ и играть съ нимъ. Объ этомъ заранее условились всѣ представленные ко Двору особы. Въ этомъ не было ничего лично оскорбительнаго для Г. де Лафоре, ибо все относилось къ представителю того, который столь безчестно умертвилъ Принца Бурбонскаго Дома. Не смотря на уваженіе, питаемое къ его особѣ и имъ заслуживаемое, какъ только онъ прѣѣхалъ во дворецъ, то всѣ обернулись къ нему снисною и отказались играть съ нимъ и съ

«принадлежащими къ его посольству. Составлявшій партіи былъ въ жестокомъ замѣнательствѣ ибо, по причинѣ положенія Короля, онъ не могъ оставить Посланника въ бездѣйствіи тамъ гдѣ всѣ играли и наконецъ принужденнымъ нашелся составить ему партію изъ его «же приближенныхъ.»

Эта статья, за исключеніемъ нѣсколькихъ словъ, которыхъ я не хотѣлъ смягчить, дабы ничего въ ней не перемѣнять, безъ большаго преувеличенія выражала мнѣніе всей Пруссіи о смерти Герцога Ангенскаго; невозможно себѣ вообразить ненависти, которую съ этой эпохи чувствовали къ Императору Прусаки и которая превратилась почти въ ярость. Вотъ вообще какіе плоды приносятъ оскорбленія; рѣдко чтобы оныя наконецъ не обратились ко вреду тѣхъ, которые ихъ причиняютъ.

Я невольно увлекся размышленіями, внутренними мнѣ вышеприведенною статьею; обращаюсь теперь къ нѣкоторымъ происшествіямъ. Между особами, видѣнными мною въ Гамбургѣ въ началѣ 1807 года, я помню Г. Тиоренна, Императорскаго ординарца. Онъ-то увѣдомилъ меня, что Маршалъ Викторъ взятъ въ плѣнъ близъ Колберга и что онъ, какъ полагаютъ отвезенъ въ Петербургъ. Эта вѣсть очень насъ опечалила.

Между тѣмъ внутреннія дѣла городовъ, на

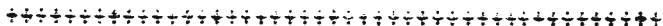
которые распространялось мое дипломатическое вліяніе, обременяли меня болѣе чѣмъ когда либо занятіями. Мое положеніе Министра въ Гамбургѣ и при Ганзейскихъ городахъ было чрезвычайно затруднительно, ибо я хотѣлъ по возможности поддержать и сохранить права этихъ нейтральныхъ городовъ во всей ихъ неприкосновенности. Для сего я часто долженъ былъ бороться, не противъ этихъ городовъ, столь различнымъ образомъ притѣсняемыхъ, но за нихъ съ Французскими начальствами и въ особенности съ военными. Величайшимъ несчастіемъ Имперіи, по моему мнѣнію было злоупотребленіе власти, присвоенной себѣ Генералами. Другой на моемъ мѣстѣ не могъ бы сдѣлать того же, что я дѣлалъ; я говорю это съ увѣренностью, ибо дѣйствительно я находился совсѣмъ въ *особомъ положеніи*, какъ мнѣ то сказалъ Императоръ. Зная, что мнѣ разрѣшено писать прямо къ нему, военные начальники, не исполнявшіе моихъ справедливыхъ представленій боялись, чтобы я не донесъ о томъ Наполеону; и этотъ спасительный страхъ иногда удивительнымъ образомъ помогалъ мнѣ поддерживать права городовъ, принявшихъ меня въ званіе своего перваго гражданина.

Встрѣтилось обстоятельство, при которомъ я долженъ былъ поддерживать права дипломатическихъ и коммерческихъ агентовъ противъ

притязаній военнои власти. Маршалъ Брюль, во время управленія его Гамбургомъ отпра-вился въ Бременъ для наблюдений за строгимъ исполненіемъ знаменитой и мечтательной блокады противъ Англіи, о которой я уже говорю, не сказавъ однакоже всего, что она имѣла въ себѣ ненавистнаго при ближайшемъ ея разсмотрѣніи. Вотъ что тогда произошло: Маршалъ Брюль, вѣроятно по наставленіямъ Кларка, бывшаго тогда Военнымъ Министромъ и Берлинскимъ Губернаторомъ, вздумалъ присвоить себѣ право разрѣшенія о призахъ, взятыхъ Корсарами. Онъ хотѣлъ отнять у Консула Лаго право продажи конфискованныхъ судовъ, для того чтобы продавать ихъ самому. Г. Лаго обратился ко мнѣ съ жалобою, и не тщетно. Чѣмъ болѣе военные начальники старались захватить себѣ власти, тѣмъ я считалъ приличнѣе поддерживать права Консуловъ и благопріятствовать ихъ вліянію, безъ чего они бы лишились всякаго уваженія. На жалобы Г. Лаго, я отвѣчалъ, что ему одному принадлежитъ право произносить въ первой инстанціи рѣшенія на счетъ жребія судовъ; что это право не будетъ у него отнято если не перемѣнится на счетъ сего законъ; что онъ властенъ продавать конфискованные Прусскіе корабли; что Маршалъ Брюль находится въ Бременѣ только для исполненія указа о блокадѣ Англіи; и что онъ не долженъ

мѣшаться въ дѣла, посторонній этому указу. — Даго показалъ это письмо Маршалу Брюну, который оставилъ его въ покоѣ; но дѣло тутъ шло о деньгахъ и Маршалъ долго на меня сердился.

Бернадотъ былъ очень безкорыстенъ, но очень любилъ заставлять о себѣ говорить. Чѣмъ болѣе Императоръ старался очернить его, тѣмъ болѣе онъ употреблялъ усилій къ обнародованію своихъ дѣлъ. Онъ прислалъ ко мнѣ реляцію о блистательномъ Браунсбургскомъ дѣлѣ, въ которомъ одна дивизія перваго корпуса въ особенности отличилась. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ, онъ изъявлялъ мнѣ свое желаніе о напечатаніи этой реляціи: «Посылаю вамъ любезный Министръ статью о Браунсбургскомъ дѣлѣ; вы можете быть найдете нужнымъ объявить ее; въ такомъ случаѣ я буду вамъ обязанъ, если вы прикажете помѣстить ее въ Гамбургскихъ журналахъ.» Я исполнилъ желаніе Бернадота, котораго дѣйствительно, несправедливость Императора и неблагопріятные о немъ отзывы, приводили въ необходимость, для своей собственной чести, выставить дѣла въ настоящемъ ихъ видѣ.

Г Л А В А XX.

Требования разных поставок для армій.—Англійскія сукна и кожи.—Уклоненіе отъ Берлинскаго договора.—Императорскія таможи.—Пseudобонисполнимый законъ.—Выгоды для Франціи свободной торговли съ Гамбургомъ.—Затрудненія, ко мнѣ предстоящія.—Правительство беретъ мою сторону.— Мои главныя занятія въ Гамбургѣ.—Преемникъ Г. де Жимеля.—Двойное назначеніе изъ Лондона и изъ Митавы.— Отзывъ Графа Дюмутье о Маліарѣ — Г. Гю, камердинеръ Людовика XVI.—Неисповательныя свѣдѣнія отъ Парижской Полиціи.—Кавалеръ Валіоль.—Неисполненіе слишкомъ нелыныхъ приказаній. — Освобожденіе мною типографика, напечатавшаго Пемецкую сатиру.— Прибытіе Г-на Гю въ Альтопу.—Нѣкоторые новые эмигранты.—Баронъ д'Эмбергъ и Генералъ Дашиканъ.—Полковникъ Блакасъ. — Дюмутье вступается въ службу. — Движеніе Большой Арміи.—Снодвизники Императора.

Я кратко упомяну о поставленныхъ мною для арміи пятидесяти тысячахъ плащахъ; къ этой поставкѣ, которая не одна только была

мнѣ поручена, относится нѣкоторыя обстоятельства, заставляющія меня къ оной возвратиться, что я тотчасъ и сдѣлаю.

Императоръ требовалъ у меня столько вещей для одежды его войскъ, что всего содержащагося въ Гамбургѣ и того, что могли доставить города Бременъ и Любекъ, не было бы достаточно. Я заключилъ съ однимъ Гамбургскимъ торговымъ домомъ договоръ, которымъ я предоставлялъ ему, не смотря на Берлинской указъ, право выписывать изъ Англіи сукна и кожъ, чрезъ что я получалъ ихъ вѣрнымъ образомъ и за половинную цѣну. Солдаты наши перемерли бы отъ холода, еслибъ во всей строгости придерживались Контигентальной системы и неисполнимыхъ постановленій объ Англійскихъ товарахъ. Директоръ таможи въ Гамбургѣ разсердился; но я устоялъ на своемъ; мои сукна и кожи прибыли; плащи, мушкетеры, башмаки были поспѣшно изготовлены и наши солдаты защитились такимъ образомъ отъ суроваго времени года. Дабы сохранить миръ съ Императорскими таможами, я написалъ къ Г. Колленю, бывшему тогда Главнымъ Директоромъ, что Г. Эйдель, желая привести въ исполненіе законъ 10 Брюмера 5 года, возбудилъ тѣмъ многочисленныя требованія со всѣхъ сторонъ: что Маршалъ Брюнь спросилъ у меня мнѣнія, и что я объявилъ ему оное; наконецъ я сказалъ Г. Кол-

лено, что строгое исполненіе закона 31 Октяб-
ря 1796 года, было совершенно невозможно,
вредно Франціи и Ганзейскимъ городамъ, не
причинная ущерба Англіи. Дѣйствительно, что
было сказано въ 5-й Статѣе этого закона?
»Считать издѣльями Англійскихъ фабрикъ все
ввозимые изъ чужихъ краевъ предметы, ка-
кое бы ни было ихъ происхожденіе.» По этой
статѣе Франція дѣлалась для Ганзейскихъ горо-
довъ *гужиль краемъ*, и ни одинъ изъ предме-
товъ, перечисленныхъ въ этой статѣе не должен-
ствовалъ быть ввозимъ въ Гамбургъ. По этотъ
городъ получалъ изъ Франціи большое количе-
ство тонкихъ суконъ, нуговиць, мелочныхъ то-
варовъ, токарныхъ издѣлій, фарфора; и изъ одной
только Франціи часы, бронзы, драгоценныя
вещи, ленты, шляпы, газы и перчатки. Пусть
спросятъ у Парижской таможи, говорилъ я Г.
Эйделю, сколько вывозится изъ одного Парижа
предметовъ этого рода и тогда увидать, сколь
важно не останавливать торговли, тѣмъ болѣе
выгодной для Франціи, что работа составляетъ
главную цѣль предметовъ, заключающихся въ
этой торговлѣ. Что произойдетъ если совершен-
но запретить ввозъ этихъ предметовъ въ Гам-
бургъ? Заказы прекратятся и скоро исчезнетъ
одинъ изъ самыхъ прибыльныхъ источниковъ
для торговли Франціи и въ особенности Парижа.
Въ это время, ни въ Гамбургѣ, ни на земляхъ

его не было суконныхъ фабрикъ ибо всякія шерстяныя матеріи, по мнѣнію Г. Эйделя, запрещались; а между тѣмъ я долженъ былъ поставить и поставилъ пятьдесятъ тысячъ плащей Большой Арміи. Новый Императорскій указъ повелѣвалъ мнѣ немедленно изготovitъ шестнадцатъ тысячъ мушкетовъ и тридцать семь тысячъ куртокъ; Императоръ требовалъ у меня двѣсти тысячъ паръ башмаковъ, кромѣ сорока тысячъ паръ, которыя я ему уже послалъ и Г. Эйдель говорилъ, что выдѣланныя кожи не должныствовали быть ввозимы въ Гамбургъ. Еслибъ сдѣлали такое странное примѣненіе закона 1796 года, то это значило бы обратитъ его противъ Франціи, не исполнивъ цѣли указа 21 Ноября 1806.

Эти размысленія, къ которымъ я присовокупилъ еще нѣсколько подробностей, заставили Правительство взять мою сторону и я завелъ торговъ съ Англіею къ великой выгодѣ нашихъ армій, которыя были одѣты и обуты. Не можетъ ли быть, что либо въ свѣтъ страннѣе торговыхъ законовъ, исполняемыхъ къ собственному ущербу?

Въ первые мѣсяцы 1807 года, мои главныя занятія въ Гамбургѣ разделялись между требованіями поставокъ, безпрестанно возобновлявшимися, и проклятымъ надзоромъ за эмигрантами, которыхъ Фуше показывалъ видъ будто

боятся для того, чтобы придать болѣе важности своему Министерству. Узнавъ черезъ меня о смерти Г. Жимселя и полагая, что онъ непременно будетъ имѣть себѣ преемника, Фуше потребовалъ отъ меня свѣдѣній обо всемъ, относящемся къ человѣку, который будетъ назначенъ на его мѣсто. Г. Малиаръ былъ избранъ Г-мъ де ла Шанеллемъ и какъ только я объ этомъ узналъ, то не ожидая приказаній Фуше, тотчасъ послалъ ему записку о Г. Малиарѣ, котораго изображенію невозможно было бы польстить, не лишивъ его всякаго сходства. Изъ письма Графа Дюмутъе, находившагося тогда въ Англіи, я узналъ что этотъ Малиаръ былъ начальникомъ Жакармовъ въ Валансіеннѣ и уголовнымъ судьей арміи Конде. Графъ Дюмутъе опивевалъ его человѣкомъ занальчивымъ, упрямымъ, грубымъ и чрезвычайно ограниченаго ума, замѣтивъ что партія Короля должна быть въ весьма отчаянномъ положеніи, когда избираеть такихъ людей.

Между тѣмъ, какъ Малиара отправляли изъ Лондона къ Альтонскимъ эмигрантамъ для замѣщенія Г. Жимселя въ качествѣ агента эмигрантовъ, Лудовикъ XVIII, съ своей стороны, назначилъ въ ту же должность Г. Греміона, Голландскаго жителя и имѣвшаго тамъ собственность. Впрочемъ оба эти назначенія были только временныя и я положительнымъ образомъ

узнать, что Г. Гю былъ окончательно назначенъ для управленія дѣлами эмигрантовъ вмѣсто Графа де Жимеля. Г-на Гю ожидали въ Альтону въ первыхъ числахъ Маія мѣсяца. Это былъ тотъ вѣрный камердинеръ Людовика XVI, который раздѣлялъ заключеніе своего злополучнаго Государя и котораго имени сообщено почтѣннѣе безмертвіе въ завѣщаніи Людовика XVI. Это имя должноствовало возбудить въ Фуше странныя воспоминанія; почему онъ и хотѣлъ чтобы я удвоилъ мою бдительность. Недовѣрчивость, истинная или притворная, этого Министра къ эмигрантамъ была такова, что онъ часто присылалъ мнѣ приказанія о надзорѣ за такими людьми, которые вовсе и не подозрѣвали, что они могутъ сдѣлаться предметомъ малѣйшихъ розысковъ. Такимъ образомъ однажды Фуше сообщилъ мнѣ о Г. Баліоль, какъ объ Англійскомъ агентѣ для устроенія козней. Я собралъ всевозможныя свѣдѣнія и удостовѣрился, что Кавалеръ Баліоль не выѣзжалъ изъ Митавы, гдѣ онъ оставался даже послѣ отъѣзда отсюда Графа Лильскаго, будучи принужденъ по болѣзни продолжать пребываніе свое въ этомъ городѣ: на основаніи такихъ-то достовѣрныхъ свѣдѣній, иногда очень дорого продаваемыхъ самому Фуше, Французскіе Посланники принуждены были вооружаться строгостью или терять время въ отысканіи отсутствующихъ людей.

Я никогда не пропускалъ случая смягчать строгость приказаній Фунис; я даже иногда вовсе не исполнялъ ихъ, когда они слишкомъ были пелъны, и могу привести этому примѣръ, пришедшій мнѣ на память. Въ Гамбургѣ взяли подъ стражу одного типографщика, за то что въ его типографіи была напечатана сатира на Нѣмецкомъ языкѣ. Почувствовавъ жалость къ этому человѣку, который настоятельно увѣрялъ въ своей невинности и котораго держали въ тюрьмѣ только за то, что онъ не хотѣлъ объявить имени человѣка, принесшаго ему рукопись, я велѣлъ привести этого типографщика ко мнѣ и допросилъ его. Онъ съ такою, повидимому, искренностью объявилъ мнѣ, что онъ только одинъ разъ видѣлъ принесшаго рукопись сатиры, что я убѣдился въ его невинности. Я приказалъ выпустить его изъ тюрьмы, а дабы не противить этимъ Министру Полиціи, я написалъ къ нему слѣдующія строки: «Эта сатира есть самая жалкая пелъность, когда либо чиганная. Авторъ, вѣроятно для того, чтобы книжка его лучше продалась въ Голштиніи, предсказываетъ что Данія побѣдитъ всѣ народы и сдѣлается величайшимъ Государствомъ на землѣ. Одной этой черты достаточно для того, чтобы доказать вамъ, сколь мало опасны подобныя глупости.»

Я сказалъ, что ожидали Г-на Гю въ Альтоцу

въ началѣ Мая мѣсяца; онъ прѣхать не прѣиде какъ 20 числа утромъ, отираясь изъ Лондона 15 числа. Меня увѣряли, что многіе эмигранты воспользовались привезеннымъ его пакетомъ для перѣзда на твердую землю. Это оказалось справедливимъ: съ нимъ дѣйствительно прѣхало нѣсколько эмигрантовъ, и въ числѣ ихъ нѣкто Баронъ д'Эмберъ съ Секретаремъ своимъ Г. Луи и съ эмигрантами Г. Платиссомъ и Бартелеми. Въ присланномъ мнѣ отъ Фуше спискѣ, Платиссъ былъ означенъ Офицеромъ Морскихъ войскъ, а Бартелеми таможеннымъ чиновникомъ. Д'Эмберъ утверждалъ, что онъ былъ высланъ изъ Англіи съ этими тремя людьми за требованіе отъ Г. Кука, Помощника Государственнаго Секретаря по Военному Министерству 5000 фунтовъ стерлинговъ, выданныхъ агентамъ, которыхъ онъ отиравилъ во Францію по приказанію Министерства; и что не желая заплатить ему этой суммы, нашли гораздо удобнѣе выслать его, не объявивъ тому причины. Дѣйствительно я почти въ тоже время прочиталъ въ Англійскихъ журналахъ, что два Французскіе эмигранта Маргелло и Дюблисъ содержатся въ Лондонѣ, и что человекъ тридцать Французскихъ эмигрантовъ будутъ высланы изъ Англіи. Между ними были наименованы Баронъ д'Эмберъ и Даниканъ, сражавшійся противъ Конвента съ частями города, которыя на-

зывали бунтующими 13 Вандеміера. Извѣстно, какимъ образомъ Даниканъ палъ предъ тактикою и отважностью молодаго Генерала Бонапарте. Онъ спасся бѣгствомъ отъ приговора, произнесеннаго противъ него заочно военнымъ Совѣтомъ, собраннымъ по этому случаю въ залѣ Французскаго театра. Съ тѣхъ поръ онъ былъ постояннымъ, но мало искуснымъ агентомъ Королевскаго двора. 20 Мая Даниканъ пріѣхалъ изъ Лондона въ Альтону. Какъ вѣроятно было, что онъ пріѣдетъ въ Гамбургъ свидѣться съ однимъ изъ его пріятелей, то я сообщилъ его пріѣзды Начальнику Жандармовъ.

Даниканъ говорилъ, что онъ ѣдетъ въ Швецію, по приглашенію Короля, который всячески старался собрать къ себѣ враговъ Франціи. Онъ видѣлъ отправленіе Нѣмецкаго легіона; тридцать человекъ этого легіона хотѣли было бѣжать и были отправлены въ Лондонъ со скованными ногами и руками. По мнѣнію Даникана, духъ этого легіона былъ, для Англичанъ очень неблагопріятенъ и болѣе склонялся въ пользу Французовъ. Я узналъ также отъ Даникана, рассказывавшаго все эти обстоятельства въ трактирѣ, въ присутствіи одного человека, который сообщилъ мнѣ, что Дероль, повѣренный Графа д'Артуа укралъ 30,000 франковъ изъ наслѣдства Пиннегрю и подвергшись за это преслѣдованію Графа де ла Шапелля,

причинилъ тѣмъ раздоръ въ партіи, ибо Графъ д'Артуа хотѣлъ защитить своего любимца. Даниканъ сдѣлалъ отъ имени Англійскаго Правительства нѣкоторыя предложенія Г. Велькомбу (Аббату Деламарру). Этого послѣдній, отвергнувъ оныя, сказавъ ему: *Можно ли имѣть какую либо довѣренность къ Правительству, которое беретъ себя въ главные агенты такого человека, какъ Фошъ-Борель?* Это относилось къ сказанному ему за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ Даниканомъ, что *Г. Галлюндъ видитъ только глазами Фошъ-Бореля и дѣйствуетъ только по его совѣтамъ.*

Даниканъ пріѣзжалъ однажды въ Гамбургъ, но Жандармы не захватили его, а задержали другаго Француза, принятаго ими за него. Онъ уѣхалъ обратно въ Англію 29 Іюля; и не знаю почему онъ не отправился къ Королю Шведскому, какъ онъ сперва это объявилъ. Въ пылкомъ своемъ рвеніи противъ *Господина Бонапарте*, Король Шведскій объявлялъ о всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ Бурбонами. Я читалъ въ одномъ бюлетенѣ изъ Стральзунда: «Полковникъ Блакасъ, присланный съ особымъ порученіемъ отъ Короля Лудовика XVIII, прибылъ сюда изъ Митавы и имѣлъ сегодня аудіенцію у его Величества.»

Я не хотѣлъ отдѣлять одно отъ другаго различныя обстоятельства относительно нѣкото-

рыхъ, вновь прибывшихъ эмигрантовъ. Между ними былъ еще человекъ, имѣвшій по ролю, которую онъ игралъ при началѣ Революціи, гораздо болѣе вѣсу, чѣмъ Баронъ д'Эмбергъ. О немъ часто упоминалось въ моихъ Запискахъ: дѣло идетъ о Дюмурье. Генераль сей, какъ видѣли, долго былъ главнымъ начальникомъ жестокой войны бранными сочиненіями противъ Французскаго Правительства. Наконецъ онъ рѣшился опять приняться за свое прежнее оружіе. Одинъ изъ моихъ агентовъ въ Лондонѣ, уведомилъ меня, что послѣ многихъ увертокъ, Дюмурье принялъ начальство надъ Шведскими войсками, предназначенными къ высадкѣ въ Стральзундъ и къ коимъ долженствовалъ присоединиться Гановскій легіонъ, бывшій уже въ морѣ. Но въ продолженіе всѣхъ этихъ колебаній, Наполеонъ, дѣйствовавшій рѣшительно, шелъ непоколебимыми шагами, хотя и не безъ затрудненій, къ границамъ Россіи, между тѣмъ какъ искусные его сподвижники быстро завоевывали сѣверныя области Пруссіи на обширной операціонной линіи.

Г Л А В А XXI.

Депеша Г. Талейрана. — Требованіе Императора о напечатаніи реллиѣи Эйлауской битвы. — Письмо ко мнѣ Владѣтельнаго Герцога Веймарскаго. — Высшая степень славы Наполеона. — Рангъ отправленъ въ Данцигъ. — Князь Витгенштейнъ. — Большое мѣсто въ моей памяти. — Извѣстія изъ Лондона, привезенныя Княземъ Витгенштейномъ. — Взаимная довѣренность. — Г. Алопеусъ, и лаконическая депеша изъ Тильзита. — Торговый договоръ между Англіею и Россіею. — Объясненіе сговорчивости Англійскаго Министерства. — Посредство Россіи, предложенное Англій Г-мъ Алопеусомъ. — Замѣчательный словесный отвѣтъ Г. Каннинга. — Расположеніе къ миру Принца Валлійскаго и Г. Каннинга. — Жестокое положеніе Пруссіи между Франціею и Англіею. — Лестъ нѣкоторыхъ неувѣдущихъ писателей. — Невозможность возстановленія Польши въ 1807 году. — Русскіе и Австрійцы. — Основаніе Вестфальскаго Королевства. — Великое Герцогство Варшавское и Король Саксонскій. — Признаніе въ совокупности Королевскихъ титуловъ.

Послѣ Эйлаускаго сраженія, я получилъ отъ Г. Талейрана депешу съ приложеніемъ на Фран-

цузскомъ языкѣ реляціи объ этомъ достопамятномъ сраженіи, въ которомъ Русскихъ я не могу назвать побѣжденными, ибо очень помню принятія въ цѣлой Германіи предосторожности, дабы Французская реляція сдѣлалась извѣстною прежде Русской. Императоръ считалъ очень важнымъ, чтобы объ этомъ днѣ судили такъ, какъ онъ самъ о немъ судилъ. Другія реляціи, кромѣ составленной имъ, могли произвести на Северѣ неблагопріятное впечатлѣніе и потому мнѣ приказано было немедленно напечатать эту реляцію; я напечатала 2,000 экземпляровъ оной, чего было очень достаточно для распространенія въ Ганзейскихъ городахъ и земляхъ.

Владѣтельный Герцогъ Саксенъ-Вермарскій прислалъ ко мнѣ въ Апрѣль мѣсяцъ одного изъ своихъ Шталмейстеровъ для вытребованія довольно большаго числа молодыхъ лошадей, которыя въ суматоху Октября мѣсяца прошедшаго года, были забраны въ Веймаръ и уведены въ Голштинію. Шталмейстеръ привезъ мнѣ отъ Герцога слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь,

«Шталмейстеръ мой Мюллеръ, вручить вамъ это письмо. Въ суматохѣ Октября мѣсяца прошедшаго года, принадлежащія мнѣ молодыя лошади были уведены отсюда въ Голштейнъ, гдѣ онѣ и донинѣ находятся, ибо дурная погода не позволяла ихъ перевести. При насту-

«плении весны и при водвореніи у насъ спокой-
«ствіа, надѣюсь теперь, что мнѣ можно будетъ
«съ безопасностью перевести мое стадо. На сей
«конецъ я поручилъ Шталмейстеру моему Мюл-
«леру, условиться съ вашимъ Превосходитель-
«ствомъ касательно необходимыхъ для сего ра-
«споряженій, покорнѣйше прося васъ, Милости-
«вѣй Государь о исполненіи моихъ и его
«просьбъ. Съ удовольствіемъ пользуюсь этимъ
«случаемъ, дабы напомнить о себѣ Вашему
«Превосходительству и поручить себя вашей
«дружбѣ. Свидѣтельствуя мое почтеніе и при-
«вязанность Г-жѣ де Буріеннѣ, имѣю честь
«быть съ чувствами особеннаго уваженія и
«проч.

Герцогъ ВЕЙМАРСКІЙ»

«Веймаръ, 31 Марта 1807.

Читатель можетъ быть пожалуется на то,
что я почти совершенно умалчиваю о великихъ
дѣйствіяхъ Французской арміи съ Эйлаускаго
дня, до Фриландской битвы, коей успѣхъ въ
нашу пользу былъ уже оспоримъ. Не было
нужды печатать о ней снисходительныя реля-
ціи, а притомъ и важныя послѣдствія этой по-
бѣды, скоро распространились по всей Европѣ.
Свиданіе въ Тильзитѣ есть одно изъ замѣча-
тельнѣйшихъ обстоятельствъ новѣйшей исторіи

и воды Немана отразили въ себѣ образъ Наполеона на высшей степенн его славы. До тѣхъ поръ онъ все возвышался; нѣсколько лѣтъ послѣ того умѣлъ еще поддерживать; но потомъ!... Я не видалъ всѣхъ этихъ чудесъ и кромѣ извѣстныхъ всѣмъ подробностей о свиданіи двухъ Императоровъ въ Тильзитѣ и о печальномъ положеніи Короля Прусскаго, мало узналъ особенныхъ вещей, ибо Рангъ былъ тогда отправленъ въ Данцигъ, а онъ то охотнѣе всѣхъ пересказывалъ мнѣ все что дѣлалъ, все что говорилъ Императоръ и все что вокругъ него происходило.

Однакоже я узналъ одно достойное вниманія обстоятельство касательно того, что произошло въ покояхъ Императора въ Тильзитѣ при первомъ посѣщеніи его Королемъ Прусскимъ. Этотъ Государь, съ коимъ находилась и Королева Вильгельмина, жилъ внѣ города, пока два Императора занимали противоположные берега, раздѣляемые Неманомъ. Нижеприведенное обстоятельство сообщено мнѣ однимъ человекомъ, который слышалъ объ ономъ отъ очевидца Офицера Императорской Гвардіи, бывшаго въ тотъ день дежурнымъ во внутреннихъ покояхъ Наполеоновыхъ; посему я сообщаю его съ увѣренностью тѣмъ болѣе, что оно кажется мнѣ совершенно свойственнымъ характеру Бонапарте. Когда Императоръ Александръ

прѣхалъ къ Наполеону, то они долго разговаривали на балконѣ, подъ коимъ безчисленныя толпы людей, приветствовали ихъ свиданію радостными кликами. Наполеонъ, подобно какъ въ прошломъ году съ Императоромъ Австрійскимъ, началъ тѣмъ, что сказалъ Александру нѣсколько обязательныхъ словъ на счетъ перемѣнчивости судьбы оружія. Между тѣмъ какъ они разговаривали, было доложено о Королѣ Прусскомъ. Наполеонъ, пригласилъ его съ Королевою къ себѣ обѣдать; а сядя за столъ Наполеонъ съ большою обязанностью объявилъ Королевѣ, что онъ возвращаетъ ей Силезію, которую она очень желала удержать за собою при предстоящихъ распоряженіяхъ. Если впрочемъ я мало узналъ подробностей о пребываніи въ Тильзитѣ, то въ замѣну того имѣю обстоятельныя свѣдѣнія о дѣйствіи произведенномъ Тильзитскимъ свиданіемъ въ другихъ мѣстахъ и о заключеніи договора, бывшаго слѣдствіемъ оного. Это сей часъ увидать, но я не могу достигнуть моей цѣли иначе какъ сдѣлавъ небольшое отступленіе.

Я еще не упоминалъ о человѣкѣ, о которомъ часто буду говорить съ читателемъ при любопытныхъ обстоятельствахъ, — о Князѣ Витгенштейнѣ, или, если имя его и было произнесено въ моихъ Запискахъ, то развѣ при какихъ нибудь невозможныхъ случаяхъ; не то

будетъ, когда я дойду до эпохи гнусныхъ кововъ, коихъ онъ былъ предметомъ и коихъ едва было не сдѣлался жертвою. Князь Витгенштейнъ занимаетъ большое мѣсто въ моей памяти и есть одинъ изъ тѣхъ людей, о которыхъ я воспоминаю съ наибольшимъ удовольствіемъ. Мы имѣли съ нимъ частыя сношенія въ обществѣ и даже могу сказать, что жили въ тѣсной дружбѣ во время пребыванія его въ Гамбургъ. Не будучи облеченъ никакимъ явнымъ порученіемъ, онъ тѣмъ не менѣе пользовался полною довѣренностью Короля Прусскаго, которому во многихъ случаяхъ политическіе его таланты и мудрые еѳо совѣты принесли большую пользу.

Лѣтомъ 1807 года Князь Витгенштейнъ ѣздилъ въ Англію. Возвратясь оттуда, онъ навѣстилъ меня; разговоръ нашъ, весьма естественно обратился на великія политическія дѣла, вокругъ насъ происходившія; и какъ онъ имѣлъ ко мнѣ величайшую довѣренность, то я узналъ отъ него много любопытныхъ вещей касательно Англійскаго кабинета. Князь Витгенштейнъ сказалъ мнѣ, что Русскій курьеръ отправленный изъ Тауропена, привезъ 50 Іюля Г-ну Алопеусу, Россійскому Министру въ Лондонѣ, очень важныя депешы. Въ одной изъ этихъ депешей, которую Князь Витгенштейнъ самъ читалъ, было сказано, что время слишкомъ ко-

ротко для присылки копій съ договоровъ, подписанныхъ въ Тильзитъ. Въ тотъ же самый день, Г. Алопеусъ отпразднать курьера въ Россію съ торговымъ договоромъ, имъ заключеннымъ и подписаннымъ. Говоря объ этомъ торговомъ договорѣ между Англією и Россією, мнѣ кажется кстажи замѣтить одно обстоятельство, къ оному относящееся; конечно не потому чтобы этотъ договоръ могъ нынѣ возбуждать собою участіе, но потому что въ немъ увидать довольно разительный примѣръ Британской политики. Договоръ сей есть тотъ самый, который Г. Алопеусъ предложилъ, по пріѣздѣ своемъ въ Лондонъ, въ началѣ Марта мѣсяца. Тогда не хотѣли о немъ и слышать; но по мѣрѣ какъ въ Лондонѣ получались извѣстія изъ Французской арміи, Англійское Министерство дѣлало уступки, такъ что отъ побѣды къ побѣдѣ съ одной стороны, и отъ уступки, къ уступкѣ съ другой, договоръ былъ заключенъ точно такой, какъ предложила его Россія. Впрочемъ я право не знаю, для чего было Англій такъ затрудняться на счетъ условій, ибо когда того требуютъ выгоды, это ни къ чему се не обязываетъ.

Продолжаю сообщать сказанное мнѣ Княземъ Витгенштейномъ о томъ, что онъ видѣлъ или узналъ въ Англій. На другой день послѣ того какъ Г. Алопеусъ получалъ изъ окрестностей

Тильзита лаконическую депешу, мною приведенную, онъ официально предложилъ Лондонскому двору посредство Россіи для заключенія новаго мирнаго договора между Франціею и Англіею и для достиженія общаго мира. Перваго Августа, былъ въ Виндзоръ большой совѣтъ, въ коемъ присутствовалъ Георгъ III. Черезъ два дня послѣ того Г. Каннингъ отвѣчалъ Г. Алонсузу, но *словесно*, а довольно извѣстна существующая въ дипломатіи разница между вещами сказанными и вещами написанными; и такъ Г. Каннингъ сказалъ, «что Лондонскій Дворъ принимаетъ посредство Россіи, но съ условіемъ, чтобы ему сообщили конію съ заключеннаго договора, ибо Король желаетъ удостовѣриться не содержится ли въ немъ чего либо противнаго выгодамъ его короны и народа.» Г. Каннингъ прибавилъ: «что какъ Австрія до начатія кампаніи предлагала свое посредство воюющимъ державамъ, то справедливость требуетъ, чтобы она дѣйствовала совокупно съ Россіею въ нынѣ предлагаемомъ посредствѣ, и что это посредство тѣмъ болѣе прилично Вѣнскому Двору, что онъ тогда добровольно принималъ на себя оное.»

9 Августа курьеръ Г. Алонсуса отправился въ С. Петербургъ, съ донесеніемъ объ этомъ словесномъ отвѣтѣ Г. Каннинга.

Г. Каннингъ сверхъ того объявилъ Г-ну Яко-

би, Пруссескому Министру въ Лондонѣ, «что Король соболъзнуеть о бѣдствіяхъ, постигшихъ его Государя и принимаетъ въ нихъ величайшее участіе; но какъ Пруссія гавани закрыты для Англійскихъ кораблей, то выгоды его народа и честь его флага, принуждаютъ его принять враждебныя мѣры противъ Пруссіи.» Г. Якоби отиравилъ съ нарочнымъ этотъ отзывъ къ своему Королю.

Ко всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ Князь Витгенштейнъ прибавилъ, что Принцъ Валлійскій и въ особенности Г. Каппингъ очень расположены къ миру и что большая часть Англійскаго народа пламенно онаго желаетъ.

Можно ли себѣ представить, каково было при этомъ случаѣ положеніе Пруссіи и являлась ли когда либо Британская гордость въ болѣе жестокомъ видѣ, какъ угрожая Пруссіи враждебными мѣрами, за то что она не открыва ей портовъ своихъ? Такимъ образомъ двѣ Державы, столь другъ противъ друга ожесточенныя, казалось соглашались только въ одной статьѣ — въ угнетеніи Пруссіи. Франція занимала всея владѣнія твердой земли, а Англія хотѣла захватить ея гавани въ отмщеніе за вину, которую невозможно было принести ничему иному, кромѣ какъ непреклонному закону необходимости.

Тильзитскій мирный договоръ, между Фран-

цією и Россією, заключенный 7 Июля и на другой день ратификованный, не менѣе измѣнилъ карту Европы, какъ и въ прошедшемъ году Пресбургскій трактатъ. Тильзитскій договоръ не имѣлъ ничего постыднаго для Россіи, кося земли остались неприкосновенными; но несчастная Пруссія! какъ съ нею было поступлено!... Есть историки, которые вовсе не зная прошедшаго, не предвидя ничего на счетъ будущаго,— изъ суетнаго желанія осѣнать похвалами мнимую увѣренность Наполеона, почти упрекають его въ томъ, что онъ дозволилъ еще существовать нѣкоторымъ остаткомъ Монархїи Фридриха Великаго!—Хвалите его славу, его геній, мгновенность его рѣшеній, быстроту ума его и всякой пойметъ васъ; но хвалите умѣренность его въ Тильзитѣ!... Право вы подвергаетесь опасности, что надъ вами стануть смѣяться вѣтъ, которые знали его, такъ какъ я. Есть впрочемъ одна статья, въ которой его несправедливо обвиняють; по крайней мѣрѣ въ эпоху кампанїи 1807 года. Говорять, что ему тогда же бы слѣдовало возстановить Польское Королевство. Да позволено мнѣ будетъ, сказать, что это требованіе могло быть слѣдствіемъ одного толь Французскаго легкомыслія; я самъ желалъ чтобы Польское Королевство было возстановлено; но изъ того что желаніе, хотя бы и основательно, не исполнилось, развѣ слѣдуетъ заклю-

чать, что оно должно было исполниться не смотря ни на какія препятствія? Тогда, то есть въ Тильзитскую кампанію, эти препятствія были непреодолимы. Не ужели должно было, возмутить Поляковъ, блеснувъ предъ ихъ глазами лучемъ близкой независимости, объявить себя ихъ защитникомъ? Но вся Польша не принадлежала Пруссіи; многія изъ областей ея достались въ удѣлъ Австрійскому Дому, а большая часть, Россіи, при послѣдовательныхъ раздѣлахъ сего Королевства. Тогда сорокъ тысячъ обсерваціонныхъ войскъ, которыя Австрія имѣла въ Богеміи, пошли бы противъ насъ и стѣснили бы правый флангъ нашей арміи. Но наиболѣе воспріяетствовало Императору объявить возстановленіе независимости Польши, желаніе не помѣшать тѣмъ заключенію мира съ Россіею, до перехода чрезъ Неманъ. Весьма было очевидно, что еслибъ нѣкоторыя изъ областей, принадлежащихъ великой Россійской Имперіи, были бы отдѣлены отъ оной Императорскимъ опредѣленіемъ, то Наполеону пришлось бы, или отменить свое опредѣленіе или поддержать оное съ оружіемъ въ рукахъ и ни въ томъ, ни въ другомъ изъ этихъ случаевъ, не было бы Тильзитскаго договора. Эти размышленія, надобно замѣтить, относятся къ эпохѣ, о которой я говорю, и не къ возстановленію Польши. Послѣ

какъ увидать, *когда груша созрѣла*, козни второстепенныхъ сподвижниковъ и честолюбцевъ воспрепятствовали Наполеону исполнить мысли, всегда имъ питаемыя и выведя изъ рядовъ своей Гвардіи героя Понятовскаго, сдѣлать его главою Поляковъ.

Впрочемъ, если Тильзитскимъ договоромъ Польскій тронъ не былъ возстановленъ, съ тѣмъ чтобы сдѣлаться преградой между старою Европою и Россійскою Имперіею, то Наполеонъ, какъ выше сказано, основалъ Вестфальское Королевство, коего Монархомъ онъ сдѣлалъ того молодого Флотскаго Мичмана, котораго онъ журилъ какъ школьника и котораго онъ тогда пожаловалъ въ Короли для того, чтобы имѣть въ своихъ повелѣніяхъ еще одного коронованнаго Префекта. Вестфальское Королевство было сначала составлено изъ владѣній Гессенъ - Кассельскихъ, послужившихъ ему основаніемъ; изъ части областей, исторгнутыхъ у Пруссіи *уль-ренностью* Императора, изъ земель Подерборна, Фульды, Брауншвейга и изъ части Гановрскаго Курфиршества. Въ то же время Наполеонъ, хотя и не любившій полу-мѣрь, дабы не прикоснуться къ Русскимъ и Австрійскимъ областямъ старой Польши, *основалъ* на берегахъ Вислы Великое Герцогство Варшавское, которое онъ отдалъ Королю Саксонскому, предоставивъ себѣ

въ послѣдствіе распространить оное, или вовсе уничтожить. Этимъ онъ позволялъ Полякамъ надѣяться лучшаго въ будущемъ и обеспечивалъ себѣ приверженцевъ на Сѣверѣ, въ случаѣ еслибъ судьба опять привела его туда.

Г Л А В А XXII.

Мои замѣтки и воспоминанія.—Дѣйствіе, произведенное въ Альтонѣ Тильзитскимъ договоромъ.—Два гудора присланные ко мнѣ эмигрантомъ.—Пруссія въ полномъ распоряженіи Императора.—Отъѣздъ Герцога Мекленбургскаго.—Проходъ чрезъ Зундъ Англійскаго флота.—Г. Дидло въ Гамбургъ.—Бомбардированіе Копенгагена.—Взрѣомство Англичанъ.—Презрѣе воспоминаніе и слова Наполеона Г-ву Темеревъ.—Пруссія, вычеркнутая съ ландкарты.—Во-вращеніе Наполеона въ Парижъ.—Запутанныя дѣла.—Вліяніе Англи на диванъ.—Новая политика.—Уничтоженіе Трибуната.—Пьяные и угодники.—Упорство Мустафы Байрактара.—Требованіе Россіи.—Грабежъ въ управленіи.—Конфискація Англійскихъ товаровъ.—Я доставляю Франціи девять миліоновъ выгоды.—Князь Непчателъскій и Г. Дарсо.—Прибыльныя пожертвованія.

Теперь я займусь частными подробностями относительно вещей, о которыхъ я только упомянулъ въ предыдущей главѣ. Полагаясь единственно на мои собственныя замѣтки, на воспоминанія, въ конхъ я увѣренъ, и на то, чего

я самъ былъ очевидцемъ, я конечно принужденъ умолчать о предметахъ, болѣе важныхъ чѣмъ тѣ, которые могу изложить съ совершеннымъ знаніемъ оныхъ; но покрайней мѣрѣ никто не упрекнетъ меня въ неосновательномъ разсказѣ и читатели могли замѣтить, что я не замѣтую изъ другихъ книгъ, а если дѣлаю это, то единственно для исправленія слишкомъ явныхъ ошибокъ и лживости. Словомъ сказать мнѣ столько же желательно представить въ истинномъ видѣ, то что я видѣлъ и узналъ въ Гамбургѣ, какъ и то что я видѣлъ и узналъ въ Италіи, въ Египтѣ, въ Парижѣ, въ Люксембургѣ, въ Тюліери, въ Мальмезонѣ и въ Сен-Клу.

Тильзитскій договоръ, сдѣлавшись извѣстнымъ въ Альгонѣ, распространилъ ужасъ между эмигрантами. Одинъ изъ нихъ однакоже, не объявившій своего имени и котораго я никакъ не могъ открыть, прислалъ мнѣ два лундора для выдачи двумъ Французскимъ солдатамъ, раненымъ въ продолженіе кампаніи (*).

Что касается до Пьемонтскихъ Принцевъ прѣзавинныхъ въ Альгону и въ Гамбургъ ожидать развязки пророчествій, когда они узнали, что начались уже окончательные переговоры о ми-

*) Я не хотѣлъ умолчать объ этомъ обстоятельстве; но разсматривая число, когда оно у меня было записано, я вижу, что оно должно относиться къ эпохѣ, послѣдовавшей за Аустерлицкою битвою.

рь между Францією и Россією, и что Пруссія черезъ два дня послѣ заключенія Тильзитскаго договора находилась въ полномъ распоряженіи у Наполеона, то каждый прѣвѣзжавшій курьеръ повергалъ ихъ въ невыразимый ужасъ: отъ воли Наполеона зависѣло, чтобы они были или не были.

Герцогъ Меклембургъ - Шверинскій, какъ выше сказано, не былъ подобно Герцогу Веймарскому возстановленъ въ своихъ владѣніяхъ, чрезъ сдѣланное для него исключеніе; но наконецъ онъ получилъ ихъ обратно по ходатайству за него Императора Александра и 28 Июли выѣхалъ изъ Гамбурга съ тѣмъ, чтобы возвратиться въ свое Герцогство.

Около этого времени Датскій повѣренный въ дѣлахъ сообщилъ мнѣ оффиціальное объявленіе своего Правительства. Въ немъ было сказано, что въ Понедѣльникъ 5 Августа, дивизія изъ двѣнадцати линейныхъ кораблей и изъ двѣнадцати фрегатовъ подъ начальствомъ Адмирала Гамбіе, прошла чрезъ Зундъ; остальная часть эскадры находилась въ Категатъ. Въ то же время Англійскія войска, бывшія на островѣ Рюгенъ, съѣли на суда. Мы не могли тогда угадать, что предпримуть столь значительныя силы; увы! наше недоумѣніе скоро прекратилось: Г. Дидло, Французскій Министръ въ Копенгагенъ, прибылъ въ Гамбургъ 12 Августа въ девять

часовъ вечера. Ему посчастливилось пробхать чрезъ Большой Бесъ, не будучи задержаннымъ Англичанами. Я послалъ его донесенія въ Парижъ съ нарочивымъ.

Англичане послани въ Балтику двадцать тысячъ человекъ и двадцать семь судовъ; Лордъ Каткартъ ими предводительствовалъ. Берега Зеландіи были блокированы девятию судами; Г. Джакеонъ, посланный Англіею для переговоровъ съ Данією, въ которую первая онасалась вторженіи Французскихъ войскъ, — былъ подкреплень этими значительными силами въ требованіи, которое ему поручено было сдѣлать Даніи. Это требованіе заключалось не менше какъ въ томъ, чтобы Король Датскій отдалъ весь свой флотъ съ принадлежностями. Правда, что его брали только на сохраненіе, какъ залогъ, но въ условіи было слово не успокоивавшее на счетъ будущаго; сказано было *до тѣхъ поръ* пока не будетъ болѣе нужды въ такомъ обезпеченіи. Угроза и исполненіе оной послѣдовали непосредственно за этимъ наглымъ требованіемъ. Послѣ благороднаго, но тщетнаго сопротивленія, Копенгагенъ сдался, и Датскій флотъ былъ уничтоженъ. Трудно найти въ исторіи болѣе низкое, болѣе невинное злоупотребленіе силы противъ слабости. Черезъ нѣсколько времени явилась книжка подъ заглавіемъ *Германія*, которую я перевелъ, и послалъ прямо къ Импера-

тору. Она была написана съ большимъ краснорѣчіемъ и съ исогодованіемъ, возбужденнымъ въ сочинителѣ, равно какъ и во всѣхъ, поступкомъ Англичанъ.

Я сказалъ, какія были главныя послѣдствія Тильзитскаго договора; весьма вѣроятно, что еслибъ бомбардированіе Копенгагена случилось прежде заключенія оного, то Императоръ еще хуже бы поступилъ съ Пруссією. Онъ могъ исключить ее изъ числа Державъ по не сдѣлать сего изъ уваженія къ ходатайству Императора Александра; впрочемъ уничтоженіе Пруссіи было не новымъ замысломъ въ умѣ Императора и я помню, что Бонапарте сказалъ на этотъ счетъ Г-ну Демерсе въ первые дни пребыванія нашего въ Мальмезонь. Демерсе прочиталъ Первому Консулу не помню какую-то поэму, въ которой упоминалось о Фридрихѣ Великомъ. «Такъ вы очень ему удивляетесь,» сказалъ Бонапарте Г-ну Демерсе. «Чтоже вы находите въ немъ столь удивительнаго? Онъ не равняется съ Тиореннемъ.—Генераль,» отвѣчалъ Демерсе, «я уважаю въ Фридрихѣ не одного только воина; но вы конечно не запретите намъ удивляться человеку, который и на престолѣ показалъ философію. — Итъ, мой добрый Демерсе,» возразилъ Бонапарте, «я вовсе не имѣю этого намѣренія . . . но это не помѣшаетъ мнѣ исключить съ карты его Королевство. Если Г.

Лемерсье прочтеть это, то я увѣренъ, что онъ подтвердитъ совершенную точность словъ моихъ. И такъ Королевство Фридриха Великаго не было исключено съ карты потому, что Императоръ Россійскій не захотѣлъ покинуть вѣрнаго союзника, который вмѣстѣ съ нимъ подвергался случайностямъ судьбы. Тогда-то Прусскому Кабинету пришлось пожалѣть о перфшительности, воспрепятствовавшей ему объявить себя противъ Франціи въ Аустерлицкую кампанію.

Наполеонъ возвратился въ Парижъ въ концѣ Июля, послѣ десятилѣтняго отсутствія, самаго продолжительнаго съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ главою Французскаго Правительства, какъ въ званіи Консула, такъ и Императора. Свиданіе въ Тильзитѣ, о которомъ вездѣ говорили съ большими преувеличеніями и заключенный на твердой землѣ миръ, придали ему въ общемъ мнѣніи правящую силу, которой онъ еще не имѣлъ со времени своего коронованія. Ни что въ продолженіе Прусской и Польской кампаній не возмутило спокойствія въ Парижѣ, также какъ и въ продолженіе предшествовавшаго Австрійскаго похода. Однакоже дѣла были еще во многихъ отношеніяхъ запутаны. Война съ Англією находилась въ полной дѣятельности, а Шведскій Король, послѣ заключеннаго имъ перемирія, опять принялся за свои

ратные подвиги. Это конечно ничего не значило и вовсе не могло тревожить Наполеона, но на политическую его раздражительность, очень подѣйствовала перемена въ расположеніи Дивана, который, по смерти Султана Селима, сблизился съ Англіею. Лондонскій кабинетъ очень былъ расположенъ помирить Турцію съ Россіею; и должно сказать, что это была совершенно новая для Англіи политика. Привыкшая разбѣвать семія раздора и раздѣлять между собою другіе народы, Англія оказывалась миротворною, но единственно для того, чтобы съ бѣльшею дѣйствительностію сразиться со страшнымъ врагомъ, занимавшимъ всея мысли.

Но возвращеніи въ Парижъ, Наполеонъ, продолжая питать всегдашнюю свою ненависть къ совѣщательнымъ собраніямъ, составленнымъ по его словамъ изъ говоруновъ, изъ пустомель и изъ адвокатовъ, уничтожилъ наконецъ Трибунатъ, надѣвавшій ему съ самой минуты учрежденія онаго. Императоръ, умѣвшій некусне всякаго другаго извлекать выгоды изъ благопріятнаго расположенія общаго мнѣнія, воспользовался при этомъ случаѣ восторгомъ, возбужденнымъ свиданіемъ его съ Александромъ на Гьманъ. Такимъ образомъ исчезло изъ коренныхъ правительственныхъ учрежденій то, которое могло еще представить хоть тѣнь народности. Надобно сознаться, что это была со

стороны Наполеона большая неблагодарность; ибо Трибунату онъ былъ обязанъ какъ за пожизненное Консульство, такъ и за Императорскій санъ; но ему нужно было чтобы остался одинъ только Сенатъ для опредѣленія наборовъ людей и нѣмой Законодательный Корпусъ для доставленія денегъ. Никакого сопротивленія въ одномъ, никакихъ размышленій со стороны другаго; никакой ни отъ кого повѣрки; возможность дѣлать все, что заблагоразсудится и ограниченіе свободы тисненія: вотъ чего желалъ Наполеонъ. Онъ получилъ все это; но Мартъ мѣсяць 1814 года рѣшилъ вопросъ его самовластія.

Въ необычайной запутанности, въ коей находились дѣла Европы послѣ Тильзитскаго мира, не лѣзя было не удивляться, видя что вліяніе Императора на Турцію, столь удачно вооружившее ее противъ Русскихъ, не смотря на все его успія, совершенно уничтожилось и разрушенное онымъ доброе согласіе возстановилось. Все покушенія у Мустафы-Байрактара въ продолженіе кратковременнаго его царствованія, были тщетны; Гиліемино не могъ поправить того, что запугалъ Себастьяни, и Турки упорствовали въ томъ, чтобы воевать съ Россією. Дѣйствительно легко себя представить, что Англія не имѣла нужды прибѣгать къ слѣшкомъ сильнымъ убѣжденіямъ, дабы вразумить

Мустафу, что Россіи послѣ борьбы съ Франціею не совмѣстно уже настаивать въ требованіи объ уступкѣ двухъ Княжествъ, орошаемыхъ Дунаемъ. Султанъ началъ самъ почти требовать, а Императоръ Александръ не хотѣлъ склониться ни на какія распоряженія, не бывшія совершенно въ его пользу. Наполеонъ обѣщаль Александру употребить посредство всей своей власти для возстановленія мира; и дабы доказать свою искренность, онъ далъ Гиліемпю сообразныя съ тѣмъ повелѣнія; но все было тщетно: Мустафа оказался непреклоннымъ, война продолжалась, и вскорѣ сдѣлалась еще болѣе запутанною, когда злосчастная звѣзда Императора вовлекла его въ роковое дѣло Испаніи. Хотя будучи въ отдаленіи, я имѣлъ случай собрать объ этомъ дѣлѣ любопытныя свѣдѣнія, которыя представляю съ увѣренностью; ибо не могу имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ чистоты источника, изъ котораго я почерпнулъ оныя.

Между тѣмъ, какъ производились эти великія дѣла, и какъ Наполеонъ мечталъ о всемирной Монархіи, я видѣлъ въ кругу менѣе обширномъ, неизбѣжныя послѣдствія честолюбія одного человека. Грабили, воровали повсемѣстно въ несчастныхъ земляхъ, на которыя распространялось мое дипломатическое вліяніе. Грабежъ былъ такъ сказать введенъ въ самое

управленіе и производимъ неистовствомъ; а притомъ съ такимъ невѣжествомъ, что часто даже незнами цѣны вещей, которыя забирали. Такимъ образомъ, на примѣръ, Императоръ велѣлъ захватить въ Гамбургъ, въ Берлинъ и въ Любекъ всѣ Англіійскіе товары, какого бы рода и какого бы происхожденія оныя ни были. Князь Пфендальскій написалъ мнѣ отъ имени Императора, что я долженъ вытребовать отъ трехъ Ганзейскихъ городовъ десять тысячъ франковъ. Генераль-Интендантъ Арміи Дарю, имѣвшій порученіе принимать этого рода взятки, къ которымъ Наполеонъ сдѣлалъ привычку въ Египтѣ, написалъ мнѣ съ своей стороны, прося объ исходатайствованіи скораго и благопріятнаго по сему рѣшенія. Эти несчастные города, которые мнѣ предписывалось такимъ образомъ притѣснять, и безъ того уже довольно перенесли прижимокъ. Посредствомъ переговоровъ, я получилъ болѣе чѣмъ требовалось за выкупъ Англіійскихъ товаровъ, которые было приказано захватить. Еще до полученія писемъ отъ Князя Пфендальскаго и отъ Г. Дарю, я исходатайствовалъ отъ Гамбурга шестнадцать миліоновъ вмѣсто десяти, и сверхъ того около трехъ миліоновъ отъ Бремена и отъ Любека; такимъ образомъ я доставилъ Правительству девятью миліонами болѣе противъ того, сколько оно полагало, и старался устроить это та-

кимъ образомъ, что бы эти огромныя пожертвованія не были тягостны для тѣхъ, которые оныя дѣлали. Я посѣщивалъ опредѣлить цѣну Англійскимъ товарамъ; ибо зналъ, что высокая цѣна этихъ товаровъ на твердой землѣ, не только вознаградитъ выкупъ, за оныя требуемый, но и доставитъ приличный барынь. Таково было странное дѣйствіе континентальной системы, что когда конфисковали какой либо товаръ и потомъ выдавали за деньги позволеніе свободно продать оный, то цѣна при продажѣ была столь велика, что вознаграждала ущербъ и приносила еще значительную прибыль.

Г Л А В А XXIII.

Коленкуръ назначенъ Посланникомъ въ Россію. — Уничтоженное предубѣжденіе и расположеніе Императора Александра. — Затруднительность порученія Коленкура. — Отыраченіе Англіи къ посредству Россіи. — Португальскія дѣла. — Странный выборъ предводителя арміею. — Желаніе избавиться отъ Жюно. — Легкое вторженіе и объявленіе Принца Регента. — Взятіе Гельгоlanda Англичанами. — Существенная выгода этого внезапнаго удара. — Приказъ о взятіи подъ стражу Г-на Гю — Графъ Бентинкъ, и желаніе его попасть въ Адьютанты къ Императору. — Обнародованіе Наполеонова уложенія, объявленнаго Государственнымъ Уставомъ. — Введеніе Французскихъ законовъ въ Германіи. — Снисходительность присяжныхъ въ Гамбургѣ. — Украденный плащъ, Спидингъ Дорманъ и оправданіе. — Законы Беккарія и воспоминаніе о мятежѣ въ Италіи. — Имперія Римская и Имперія Французская. — Невѣжество нѣкоторыхъ председателей судовъ. — Французское легкомысліе и сираведливое пудовольствіе.

По заключеніи мира съ Россіею, надобно было избрать Посланника, не только для поддер-

жанія новыхъ дружественныхъ сношеній между Наполеономъ и Александромъ, но въ особенноти дабы выхлопотать обѣщанное Россією у Англій посредство для заключенія наконецъ мира между кабинетами Парижскимъ и Лондонскимъ. Императоръ далъ это порученіе Коленкура, на счетъ коего существовали неосновательныя предубѣжденія, относительно нѣкоторыхъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ смерти Герцога Ангенскаго. Это мнѣніе неблагопріятное и несправедливое упредило имя Коленкура въ С. Петербургъ, и опасались, что онъ не будетъ тамъ такъ хорошо принятъ, какъ слѣдовало Французскому Посланнику, и какъ онъ заслуживалъ своими личными качествами. Я въ то время положительнымъ образомъ узналъ, что послѣ краткаго розговора съ Императоромъ Александромъ, Монархъ сей не могъ уже сохранить никакого неблагопріятнаго подозрѣнія на счетъ нашего Посланника, который заслужилъ его расположеніе и уваженіе.

Порученіе Коленкура не во всѣхъ отношеніяхъ было легко къ исполненію, ибо къ числу замѣчательныхъ вещей въ политикѣ того времени, можно причестъ непреодолимое отвращеніе и постоянные отказы Англій, вступити въ переговоры съ Францією, чрезъ посредство Россіи. Я положительно узналъ, что Англія рѣшилась никогда не допускать завладѣнія

Твердою Землею, которое Наполеонъ замышлялъ съ такою малою скрытностью, что ни кто не могъ въ томъ ошибаться. Два года уже какъ онъ дѣйствительно шелъ большими шагами; но Англія не унывала; надѣясь на раздраженіе Государей и на не удовольствіе народовъ, она была увѣрена, что когда захочетъ,—ея золотые рычаги вновь вооружать твердую землю и заставятъ ее возстать противъ притѣснительнаго могущества Наполеона. Онъ же, видя что всѣ попытки его бесполезны и что Англія ничему не внимаетъ, вооружился новыми соображеніями, и сталъ помышлять о возстановленіи противъ Англіи новыхъ враговъ.

Читатели помнятъ, что въ 1801 году Франція принудила Португаллію воевать съ нею противъ Англіи. Въ 1807 году Императоръ возобновилъ, то что сдѣлалъ Первый Консулъ. По непостижимой случайности Жюно сдѣлался предводителемъ войскъ, шедшихъ противъ Португалліи. Я говорю противъ, потому что это дѣйствительно было, хотя онъ и шелъ какъ покровитель, дабы избавить Португаллію отъ вліянія Англичанъ. Какъ бы то ни было, а сдѣланный Императоромъ выборъ удивилъ весь свѣтъ. Не ужели Жюно, заключавшему въ себѣ странную смѣсь гордости съ посредственностью, слѣдовало ввѣрять начальство надъ арміею въ отдаленной странѣ, гдѣ политика предводител

оной, долженствовала соединиться съ великими воинскими талантами. Что касается до меня, знавшаго Жюно, то признаюсь, что этотъ выборъ поразилъ меня совершеннымъ изумленіемъ; однажды, когда я заговорилъ объ этомъ съ Бернадотомъ, онъ показалъ мнѣ письмо, въ которомъ было сказано, что Императоръ послалъ Жюно въ Парижъ, единственно для того чтобы найти предлогъ взять у него Парижское Губернаторство. Жюно надоѣлъ Императору своимъ дурнымъ поведеніемъ, своими безразсудствами и невѣроятною расточительностью. Жюно не имѣлъ ни осязки, ни достоинства, ни возвышенныхъ чувствъ. Такимъ образомъ Португалія два раза сдѣлалась мѣстомъ ссылки, выбраннымъ прихотью Консула и Императора: — тогда какъ надобно было удалить Ланна, говорившаго Первому Консулу *ты*, и тогда какъ Императору надоѣло дурное поведеніе и расточительность его любимца.

Вторженіе въ Португалію не представило никакого затрудненія; это была вооруженная прогулка а не война; но сколько происшествій сдѣлялось съ этимъ занятіемъ. Не хотя измѣнить Англій, съ косою онъ былъ соединенъ договорами и не въ состояніи будучи воспротивиться всемогуществу Наполеона, Принцъ Регентъ Португальскій, отъѣзжая въ Бразилію объявилъ, что всякая оборона будетъ бесполез-

на; онъ въ то же время приказывалъ дѣлать хорошій пріемъ Французскимъ войскамъ и говорилъ, что уповаетъ на провидѣніе касательно послѣдствій вторженія, къ которому онъ ничѣмъ не подалъ причины. Ему отвѣчали отъ имени Императора, что какъ Португаллія была союзницею Англіи, то Французы вели войну съ Англіею, занимая Португальскія владѣнія. Но между тѣмъ какъ наши орлы приближались къ Лиссабону, Англія овладѣла островомъ Гейльголандомъ. Этому подвигу придали гораздо болѣе важности, чѣмъ онъ въ самомъ дѣлѣ заслуживалъ. Гарнизонъ, приведенной въ Глюхштадтъ, состоялъ только изъ тридцати Инвалидовъ. Единственная вещь, придающая нѣкоторую важность небольшому островку Гейльголанду, есть положеніе его при устьѣ Эльбы и Эйдера; съ него берутъ лоцмановъ на суда, желаніица войти въ которую либо изъ этихъ двухъ рѣкъ.

Поступокъ Англіи съ Даніею и бомбардированіе Копенгагена, возбуждали всеобщее негодованіе даже въ людяхъ, нерасположенныхъ въ пользу Наполеонова дѣла, къ коему Данія присоединилась съ большою искренностью и благородствомъ. Желая отмстить за жестокую обиду, нанесенную его столицѣ, Пслѣдній Принцъ Датскій сталъ считать не иначе какъ своими врагами, всѣхъ бывшихъ за одно съ Англіею и

отдалъ приказъ взять подъ стражу Г-на Гю. Ему предложили отправиться въ Россію или въ Выборгъ къ Англичанамъ, содержащимся тамъ до отсылки ихъ въ Англію. Это кажется было исполнено Г-мъ Гю, весьма всѣми уважаемымъ.

Когда Германія начала нѣсколько успокаиваться послѣ событій, коихъ она была поприщемъ и жертвою, то многіе Нѣмецкіе Принцы захотѣли вѣхать во Францію; между ими и долженъ упомянуть о Графѣ Бентинкѣ, котораго очень много видали во время Имперіи. Онъ былъ владѣлецъ Кнингаузенскій и Варельскій; пріѣхавъ ко мнѣ, съ просьбою о паспортъ для проѣзда въ Парижъ, онъ сказалъ, что путешествіе его не имѣетъ другой цѣли кромѣ того, чтобы представиться Его Величеству Императору и Королю, и засвидѣтельствовать ему свое глубочайшее уваженіе. Графъ Бентинкъ всѣми средствами старался понасть къ Императору въ Адъютанты, но никакъ не могъ успѣть въ томъ. Наполеону подобны были не готовые Принцы, а люди, коихъ лучъ его славы могъ бы возвысить на степень Принцевъ.

Въ Полюбрѣ мѣсяцъ, Сводъ Французскихъ Законовъ, надъ которымъ самыя свѣдущіе люди съ неутомимою ревностью трудились съ самаго начала Консульства, былъ объявленъ Государственнымъ Уставомъ и обнародованъ подъ именемъ Наполеонова Уложенія.

Конечно этотъ памятникъ законодательства сдѣлаетъ честь Наполеону въ исторіи, но неужели полагають, что одни и тѣже законы могли быть примѣнены повсемѣстно въ такомъ обширномъ Государствѣ, каковымъ сдѣлалась Французская Имперія? не думаю. Не возможно, чтобы тѣже самыя законы были приличны и утонченности Генуезцевъ и доброй искренности обитателей Гамбурга; однакоже, тотчасъ по обнародованіи Наполеонова Уложенія, я получилъ приказъ ввести его въ Ганзейскихъ городахъ. Продолжительные и частые разговоры, которые я имѣлъ объ этомъ предметѣ съ Сенаторами и съ искусѣйшими законовѣдцами того края, убѣдили меня въ чрезвычайныхъ затрудненіяхъ, долженствовавшихъ встрѣтиться, и въ опасности вдругъ круто повернуть старинныя нравы и обычаи, не измѣненныя еще временемъ. Сверхъ того, для исполненія этого Уложенія, надобно было учредить много должностей, которыя не существовали. Гражданское управленіе, столь отечественное и столь любимое жителями этихъ городовъ, находилось въ противоположности съ новыми законами. Торговля имѣла совсѣмъ не тѣ обычаи и правила, какъ у насъ. Одно и тоже платье не всякому бываетъ въ пору. Я сдѣлалъ много замѣчаній; мнѣ не отвѣчали, и дѣло осталось нерѣшеннымъ. Но едва только произошло присоединеніе, какъ сдѣлали попытку ввести это преобразование. Такъ какъ

попытка сія не имѣла послѣдствій по причинѣ обстоятельствъ, то я скажу о ней лишь нѣсколько словъ.

Учрежденіе присяжныхъ оказалось довольно удачнымъ; но жители, привыкшіе видѣть назначеніе наказаній, гораздо менѣ строгихъ, чѣмъ предписанныя въ Уложеніи за нѣкоторыя вины и преступленія, отказывались соглашаться на это отягченіе; изъ чего происходило весьма частое и весьма важное злоупотребленіе, что оправдывали такихъ людей, коихъ вина была доказана Присяжнымъ. Они лучше хотѣли объявить ихъ невинными, чѣмъ осудить ихъ къ такому наказанію, которое по ихъ привычкамъ они считали слишкомъ тяжкимъ. Снисходительность ихъ сверхъ того основывалась и на той причинѣ, что граждане, незная еще новыхъ законовъ, не полагали за такое-то преступленіе подвергнуться такому-то наказанію. Я помню, что одинъ человекъ, обвиненный въ кражѣ плаща, оправдывался предъ Гамбургскими присяжными тѣмъ, что онъ сдѣлалъ это преступленіе, будучи пьянъ; когда начали отбирать мнѣнія, то Г. фонъ Эйнинггенъ, объявилъ его не виновнымъ; потому, сказалъ онъ, что однажды Сидикъ Дорманъ, обѣдал у него и выпивъ нѣсколько болѣе обыкновеннаго, унесъ у него плащъ. Это забавное защищеніе имѣло полный успѣхъ; доводъ, основанный на сходствѣ между обвиненнымъ и Сидикомъ, дѣй-

ствительно долженствовали восторжествовать, безъ чего небольшая шалость Синдика, была осуждена въ особѣ другаго челоуѣка. Говоря безъ шутокъ, это дѣло, столь забавнымъ образомъ оконченное, тѣмъ не менѣе доказываетъ, что лучшія постановленія, заключающія въ себѣ наиболѣе важности, могутъ часто быть обращаемы въ смѣхъ, если ихъ вдругъ ввести въ такія земли, гдѣ нравы не расположены еще къ принятію оныхъ.

Я узналъ уже въ послѣдствіи, сколько надобно было употреблять строгостей въ несчастной Италіи, и какая предстояла опасность повсемѣстныхъ бунтовъ въ странѣ, которой хотѣли предписать Французскій уставъ тамъ, гдѣ царствовали отеческіе законы Беккарія. Въ этихъ законахъ не было смертной казни, а вездѣ гдѣ они находились въ употребленіи, менѣе чѣмъ гдѣ либо происходило убійство, и въ день первой смертной казни въ Піаченцѣ, весь городъ вдругъ опустѣлъ; какъ будто бы небесный огонь готовился разразиться надъ несчастными его жителями.

То, что я видѣлъ въ Гамбургѣ, напоминало мнѣ узнанное мною изъ донесеній о возмущеніи Піаченцы; не потому, чтобы добрые Гамбургцы были склонны къ бунтамъ; но, по истинѣ, очень безразсудно было думать, что можно привязать къ себѣ народы, сокрушая всѣ ихъ привычки и всѣ ихъ понятія. Римляне

были гораздо искуснее въ своемъ владычествѣ: они всегда имѣли въ Капитолѣ запасное мѣсто для боговъ побѣжденнаго ими народа. Римляне желали присовокуплять области и Гоеударства къ Имперіи; Наполеонъ хотѣлъ болѣе; онъ хотѣлъ напротивъ того раздвинуть свою Имперію и осуществить невозможную мысль превращенія въ одинъ народъ десяти народовъ, имѣющихъ разные нравы и нарѣчія. Какъ напримѣръ правосудіе, эта охрана правъ человеческихъ, могло быть оказываемо въ Ганзейскихъ городахъ, когда изъ нихъ сдѣлали Французскіе Департаменты? Въ эти Департаменты назначили множество судей, неговорившихъ нислова по Нѣмецки и совершенно незнавшихъ правовѣднія. Предсѣдатели судовъ въ Любекѣ, Стадѣ, Бремерле и Минденѣ, такъ мало понимали по Нѣмецки, что имъ надобно было объяснять всѣ обстоятельства дѣлъ. Не нелѣпо ли было вводить такое судопроизводство, а особенно назначать такихъ людей, въ столь важныя для Франціи страны, какъ Гамбургъ и Ганзейскіе города? Прибавьте къ этому легкомысленную наглость нѣкоторыхъ молодыхъ выскочекъ, которыхъ посылали изъ Парижа учиться управленію или судопроизводству въ завоеванныя области, и можно заключить, какова была любовь обитателей оныхъ къ великому Наполеону.

Г Л А В А XXIV.

Начало Испанскихъ дѣлъ.—Преображеніе на оныя въ началѣ Наполеоновомъ вниманіи — Годой и любимцы. — Неправильность Испанцевъ къ Князю Миря.—Взаимныя обвиненія между Королемъ и его сыномъ.—Испанія, предложенная .Лудовику.—Живое обещаніе Наполеона.—Всегообщее негодованіе , возбужденное присутствіемъ Французовъ — Отреченіе Карла IV-го.—Князь Миря подѣ стражею.—Мюратъ въ Мадридѣ. —Важное извѣстіе, сообщенное купеческимъ письмомъ. — Агенты правительства, вводимые въ заблужденіе.—Необузданное честолюбіе Мюрата. — Взлѣтъ имъ Годоя подѣ свое покровительство.—Отреченіе, приписанное насилію.—Наполеонъ посредникъ между отцемъ и сыномъ.—Разставленные свѣти.—Испанскій престолъ, назначенный Иосифу. — Всеобщее порицаніе поступка Наполеона.

Въ концѣ 1807 года, начались Испанскія дѣла, которыя въ скоромъ времени такимъ ужаснымъ образомъ запутались. Хотя и удаленный отъ мѣста происшествій, я однакоже узналъ о нихъ тогда и въ послѣдствіи, положительнымъ

образомъ; одинъ Гамбургскій кунецъ сообщилъ мнѣ первыя о нихъ извѣстія, которыя вскорѣ официально подтвердились, а потомъ я часто имѣлъ случай разговаривать о нихъ съ однимъ человѣкомъ, находившимся при Французскомъ Посольствѣ въ Мадридѣ. Нашимъ Посланникомъ былъ тогда Г. Богарне. Однакоже, такъ какъ эта статья нашей исторіи есть одна изъ наиболѣе и можно сказать наилучше извѣстныхъ, то я исключу изъ моихъ записокъ и воспоминаній многія вещи, которыя были бы только повтореніемъ для всякаго, кто хотя не много читалъ. Довольно важное обстоятельство, которое я могу засвидѣтельствовать, состоитъ въ томъ, что Бонапарте, имѣвшій попеременно виды на все Государства Европы, никогда не занимался Испаніею, пока величіе его основывалось еще на однихъ только предположеніяхъ; во всемъ, что онъ говорилъ мнѣ о своей будущности, о своей судьбѣ, о своихъ намѣреніяхъ, о своей звѣздѣ — рѣчь всегда шла объ Италіи, о Германіи, о Востокѣ и о уничтоженіи Англійскаго могущества; но никогда объ Испаніи; а потому, когда онъ узналъ о первыхъ признакахъ безпорядковъ, то онъ сначала не обратилъ на это большаго вниманія и пропустилъ нѣсколько времени прежде чѣмъ принялъ дѣятельное участіе въ событіяхъ, долженствовавшихъ имѣть столь большое вліяніе на судьбу его.

Въ какомъ положеніи находились дѣла? Годой царствовалъ въ Испаніи подъ именемъ слабаго Карла IV. Этотъ любимецъ сдѣлался предметомъ ненависти всѣхъ, которые не были его тварями, и даже сами приставшіе къ его судьбинѣ, питали къ нему глубочайшее презрѣніе. Ненависть народа почти всегда бываетъ праведною мздою любимцевъ, ибо эта роль почти всегда возвышаетъ нѣчто низкое и подлое въ душѣ и въ чувствахъ. Если это можно примѣнить ко всѣмъ любимцамъ вообще, то какія чувства долженствовали внушать человѣкъ, который съ вѣдома всей Европы, былъ обязанъ за благоволеніе Короля, благосклонности къ нему Королевы. Годой былъ пагубный человѣкъ, имѣвшій не ограниченное вліяніе на Королевскую фамилію; власть его была самодержавна; сокровища Америки находились въ его распоряженіяхъ, и онъ употреблялъ ихъ на подлые подкупы; наконецъ онъ превратилъ Мадридскій дворъ въ одно изъ тѣхъ мѣстъ, куда негодующая муза Ювенала привела мать Британика. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Годой былъ одною изъ главныхъ причинъ всѣхъ бѣдствій, которыя въ послѣдствіи не переставали удручать Испанію подъ разными видами.

Ненависть Испанцевъ противъ Князя Мира, была всеобщая. Принцъ Астурійскій раздѣлялъ одну и открыто объявилъ себя непріателемъ

Годоя. Этотъ послѣдній присоединился къ Франціи, отъ которой онъ надѣялся могущественнаго покровительства противъ многочисленныхъ враговъ своихъ; это присоединеніе не поправилось Испаніи и заставило смотрѣть на Францію неблагопріятнымъ окомъ. Принца Астурійскаго поощрили и поддержали жалобы Испанцевъ, желавшихъ погибели Годоя.

Карль IV со своей стороны считалъ умысломъ противъ себя все, что дѣлали противъ Князя Мира, и въ Ноябрь мѣсяць 1807 года, обвинилъ сына своего въ намѣреніи свергнуть его съ престола.

Г. Богарне, родственникъ перваго мужа Иозефины, былъ челоуѣкъ весьма осторожный. Какъ тогда положеніе его въ Мадридѣ сдѣлалось нектогливо и затруднительно! отдавая полную справедливость его прекраснымъ общественнымъ качествамъ, я долженъ сознаться, что это положеніе было сверхъ силы его. Однакоже, не обладая высокимъ умомъ, Г. Богарне былъ одаренъ смѣтливостью, которая показывала ему вещи въ настоящемъ ихъ видѣ и онъ прежде всего увѣдомилъ Иравительство о несогласіяхъ, существовавшихъ между Королемъ Испанскимъ и Принцемъ Астурійскимъ. Онъ дѣйствительно не могъ не увѣдомить свой Дворъ обо всемъ чего онъ былъ свидѣтелемъ; нѣсколько разъ онъ старался войти въ посредничество всею властью,

которую давало ему его положеніе, прежде чѣмъ донесъ объ этомъ Императору; но наконецъ дѣла дошли до того, что дальнѣйшее его молчаніе было бы важною ошибкою. Можно ли было скрыть отъ Императора, что въ порывѣ раздраженія своего противъ сына, Карль IV громогласно изъявилъ желаніе объ отмѣнѣ закона, призывавшаго Принца Астурийскаго къ наслѣдію Испанскимъ престоломъ? Карль IV не ограничился одними жалобами и словеснымъ изъясненіемъ своего гнѣва:—онъ сталъ дѣйствовать или лучше сказать, Князь Мира сталъ дѣйствовать отъ его имени, и ревностнѣйшіе приверженцы Принца Астурийскаго были взяты подъ стражу. Этотъ послѣдній, совершенно узнавъ о чувствахъ отца своего, писалъ къ Наполеону, прося у него пособія. Тогда увидѣли отца и сына, въ явной враждѣ, просящихъ одинъ противъ другаго помощи у того, который желалъ только отдѣлаться отъ обонхъ для того, чтобы посадить на ихъ мѣсто своего брата, и имѣть еще одного родственника въ числѣ Государей Европы; но какъ уже сказано, это новос честолюбіе не было прежде у него въ мысляхъ, и если какъ ниже увидать, онъ отдалъ Испанскій престолъ брату своему Иосифу, то это было въ слѣдствіе отказа брата его Людовика, бывшаго уже Королемъ Голландскимъ. Я читалъ письмо Наполсона къ Людовику по это-

му случаю; я даже сохранилъ съ онаго копію, но здѣсь не мѣсто приводить ее.

Какъ бы то ни было, а Императоръ обѣщаль Карлу IV поддержать его противъ сына; не желая унижать себя вмѣшиваясь въ эти гадкія семейныя дѣла, онъ не отвѣчалъ на первыя письма Принца Астурійскаго. Но видя, что Мадридскія козни становятся важными, онъ началъ тѣмъ, что послалъ въ Испанію свои войска. Это поразило Испанцевъ. И точно Испанскій народъ не имѣлъ никакого спорнаго дѣла съ Франціею. Испанцы не были соучастниками мерзостей Годоя и несогласій Короля съ его сыномъ. Въ областяхъ, чрезъ которыя проходили Французскія войска, спрашивали другъ друга за чѣмъ дѣлается это нашествіе; смотря потому, кто какой держался партіи, одни приписывали его Князю Мира, другіе Принцу Астурійскому; но всея пероговали на оное и мятежь вспыхнуль въ Мадридъ съ пылкостью, свойственною Испанскому характеру.

Въ этихъ ужасныхъ обстоятельствахъ, угрожавшихъ еще большаго бѣдою въ будущемъ, Годой предложиль Карлу IV отвезти его въ Севилу, откуда ему будетъ удобнѣе принять строгія мѣры противъ бунтовщиковъ. Предложеніе Годоя его Государю было менѣе совѣтомъ, чѣмъ приказаніемъ. И такъ Карлъ IV рѣшился ѣхать; но съ этой минуты, народъ счелъ Годоя

измѣнникомъ. Народъ взбунтовался, ворвался во дворецъ и едва не умертвилъ Князя Мира, скрывшагося на чердакъ. Одно только имя Принца Астурійскаго, въ пользу его приведенное, спасло его отъ вѣрной смерти.

Однакоже Карль IV не сохранилъ своего престола; зная, какъ легко его устранить, воспользовался минутою ужаса для того, чтобы потребовать у него отреченія, въ которомъ отказать онъ не имѣлъ ни мужества, ни силы. Онъ уступилъ права свои сыну, и съ этой поры исчезло наглое могущество Князя Мира; его посадили подъ стражу, и народъ Испанскій, легко возмущающійся подобно всѣмъ невѣжествующимъ народамъ, изъявилъ свою радость свирѣпымъ восторгомъ. Въ продолженіе сего времени, несчастный Король, спасшійся чрезъ свою слабость отъ насильствъ и опасностей, болѣе мнимыхъ, чѣмъ существенныхъ и довольный тѣмъ, что пріобрѣлъ право жить въ замѣну своей короны, перемѣнилъ мысли, какъ только увидѣлъ себя въ безопасности. Охота царствовать къ нему возвратилась, и онъ написалъ къ Императору протестуя противъ своего отреченія. Онъ дѣлалъ его судьей и предоставлялъ ему рѣшеніе будущей судьбы своей.

Въ продолженіе этихъ внутреннихъ раздоровъ, Французская армія подвигалась къ Пиренеямъ, вскорѣ перешла чрезъ эти горы, и Мю-

рате вступилъ въ Мадридъ въ началѣ Апрѣля 1808 года. Очень чувствую, что я излагаю здѣсь происшествія, случившіеся послѣ разныхъ вещей, къ которымъ я долженъ буду возвратиться; но читатель конечно уже привыкъ къ такимъ моимъ переходамъ, а потому я продолжаю рассказывать здѣсь то, что мнѣ извѣстно о предварительныхъ дѣйствіяхъ предъ Испанскою войною. Я узналъ напримѣръ, не получивъ еще въ Гамбургѣ никакой депеши отъ Правительства, что присутствіе Мюрата въ Мадридѣ не только не произвело благоприятнаго дѣйствія, но напротивъ того еще болѣе увеличило безпорядки. Это извѣстіе было мнѣ сообщено однимъ Любекскимъ купцомъ, который изъ угожденія ко мнѣ, нарочно пріѣхалъ въ Гамбургъ для того, чтобы показать мнѣ письмо, полученное имъ отъ его корреспондента изъ Мадрита. Я уже выше говорилъ, что купеческіе дома Ганзейскихъ городовъ, всегда прежде всѣхъ получали важныя извѣстія, могу прибавить, что первина этихъ извѣстій, не составляла еще единственнаго ихъ достоинства; они были точнѣе самихъ официальныхъ извѣстій и я не одинъ разъ имѣлъ случай удостовѣриться, что Французское Правительство не совѣтилось вводить въ заблужденіе своихъ собственныхъ агентовъ. Фуше именно отличался этимъ въ своей перенискѣ. Что же касается до письма,

мною упомянутого, то испанія была представлена въ немъ добычею, которую Мюратъ хотѣлъ захватить для себя, и все, узнанное мною въ послѣдствіи, доказало мнѣ основательность показаній, написавшаго оное. Дѣйствительно правда, что Мюратъ не думалъ завоевывать Испанію ни для кого другаго, кромѣ какъ для себя, и не удивительно что Мадридскіе жители узнали о его замыслахъ, ибо онъ былъ такъ нескромнъ, что громогласно объявлялъ желаніе свое сдѣлаться Королемъ Испаніи. Императоръ, узнавъ объ этомъ, очень ясно далъ ему уразумѣть, что тронъ Испаніи и Индіи не ему назначается, но что онъ объ немъ подумаетъ. И такъ Мюратъ, Великій Герцогъ Бергскій, Клевскій и Жюліерскій, былъ недоволенъ! Право, когда я нынче хладнокровно подумаю объ этой горячкѣ честолюбія, которой сѣмя возродилось въ самомъ Наполеонѣ, и которою онъ заразилъ своихъ сподвижниковъ, то я теряюсь въ моихъ воспоминаніяхъ!

Какъ бы то ни было, а сдѣланныя Наполеономъ замѣчанія, не имѣли довольно дѣйствительности, дабы удержатъ Мюрата въ его безразсудномъ поведеніи, и если чрезъ свою наглость онъ не пріобрѣлъ Испанской короны, то онъ сильно содѣйствовалъ къ потерѣ оной Карломъ IV-мъ. Монархъ сей, привязанный къ старой привычкѣ къ Князю Мира, ходатайство-

валь у Императора о возвращеніи свободы его любимцу, и потомокъ Людовика XIV, преемникъ Карла Анжуйскаго, рѣшился испрашивать какъ милости дозволенія отправиться жить со своимъ семействомъ въ безопасное мѣсто, лишь бы только Годой былъ съ нимъ. Злополучный Карль IV достигъ до той точки, когда отвращеніе къ величію становится неограниченнымъ, какъ будто бы существовало отрицательное честолюбіе, которое столь же трудно удовлетворить какъ и обыкновенное честолюбіе.

Король и Королева убѣдительнѣйшимъ образомъ просили Мюрата объ освобожденіи Годоя; Мюратъ, когдo тщеславіе было пріятнымъ образомъ польщено Королевскими просьбами, взялъ Князя Мира подъ свое покровительство; но въ тоже время объявилъ, что не смотря на отреченіе Карла IV, онъ не признаетъ никого кромѣ его Королемъ Испаніи, до тѣхъ поръ, пока не получитъ отъ Императора противныя сему приказанія. Это объявленіе поставило Мюрата въ явное противорѣчіе съ Испанскимъ народомъ, который смертельно ненавидѣлъ Князя Мира, и въ слѣдствіе этого чувства, принималъ сторону наследства короны, въ пользу коего Карль IV отрекся отъ престола.

Говорятъ, будто бы Наполеонъ находился въ затруднительномъ положеніи посреди этой борьбы отца съ сыномъ. Это несправедливо: Ко-

роль Карль, хотя онъ и говорилъ послѣ своего отреченія, что оно исторгнуто у него насильемъ и угрозами, тѣмъ не менѣе сдѣлалъ оно, и Наполеонъ могъ основываться на этомъ первомъ актѣ.

По этому акту, Фердинандъ дѣйствительно былъ Королемъ; но Карль IV говоритъ, что это сдѣлалось противъ его воли и отрекался; надобно было утвержденіе Императора: онъ былъ властенъ дать его и отказать въ немъ. Ему оставалось только завладѣть обонми Королями, сказать имъ, что ни одинъ изъ нихъ не будетъ царствовать и прислать въ Мадридъ того, кого ему будетъ угодно посадить на престолъ. Этому-то онъ и добивался. Аранжусекій бунтъ былъ весьма одобренъ, и еслибъ принять послѣдствія онаго, то Іосифу пришлось бы проститься съ Испанією.

При такомъ положеніи вещей, Наполеонъ прибылъ въ Байону. Фердинанда уговорили пріѣхать туда же для того, чтобы вмѣстѣ съ Императоромъ распорядиться на счетъ несогласій, существовавшихъ у него съ отцемъ. Онъ нѣсколько времени на это не рѣшался; но наконецъ обманутые друзья преклонили его, и онъ отправился въ Байону. По пріѣздѣ въ Витарию онъ одумался, началъ недоувѣрять намѣреніямъ Императора и возымѣлъ подозрѣніе что ему разставляютъ какія нибудь сѣти. При-

томъ же Г. Урквико увѣрилъ юнаго Короля, что Императоръ хочетъ захватить его особу и возложить Испанскую корону на главу одного изъ членовъ своей фамилии. Тогда Фердинандъ увидѣлъ сдѣланную имъ ошибку. Онъ уже находился почти посреди Французскихъ войскъ; воля его не была уже свободна; онъ колебался и хотѣлъ остаться въ Витторіи, устрашаемый мыслію, что по прибытіи его въ Байонну, ему уже нельзя будетъ оттуда выѣхать. Всѣ друзья его и многія особы, пріѣхавшія для свиданія съ нимъ въ Витторію, совѣтовали ему тамъ остаться. Надобно было послать въ Байонну за новыми приказаніями и совѣтами Императора.

Тотъ, которому было дано это порученіе, возвратился въ Витторію. Онъ вручилъ Фердинанду отъ Наполеона письмо, наполненное самыми вѣроломными увѣреніями, самыми хитрыми обѣщаніями и въ которомъ Наполеонъ намекалъ, что Испанскій престолъ будетъ принадлежать Карлу или Фердинанду, смотря по убѣжденію его въ истинѣ того, что говорили ему Фердинандъ или въ насиліи, на которое ссылался Карлъ IV. Неостережимо, какимъ образомъ разсудительный человѣкъ могъ вѣдаться въ такія свѣти. Къ письму Наполеона, посланный присовокупилъ словесно самыя положительныя увѣренія въ томъ, что Испанская ко-

рона будетъ возложена на главу Фердинанда и что къ этому сдѣланы уже въ Байонѣ всѣ распоряженія. Извѣстно, какимъ образомъ онъ сдѣлался жертвою вѣроломства и какъ поступлено съ отцемъ его Карломъ IV-мъ, который пріѣхалъ въ Байону послѣ него, со своимъ неразлучнымъ Годосемъ. Онъ прибылъ съ тѣмъ, чтобы взять назадъ свое отреченіе и въ Байонѣ увидѣлъ Карла, сошедшаго съ престола по своей волѣ, отъ которой онъ отпирался; сына его, Короля по праву наслѣдія, и Наполеона, посредника между ими обоими, отдающаго для соглашенія ихъ престолъ Иосифа. Это очень походило бы на басню о двухъ тяжущихся, еслибъ эти два Принца имѣли только каждый по раковинѣ. Бунтъ 2 Маія въ Мадридѣ, ускоришь жребій Фердинанда, котораго въ немъ обвинили; по крайней мѣрѣ подозрѣніе падало на друзей его и приверженцевъ.

Карлъ IV, какъ было сказано, не захотѣлъ возвратиться въ Испанію и не просилъ себѣ убѣжища во Франціи. Онъ поднесалъ отреченіе отъ правъ своихъ на Испанію; это отреченіе было подписано и Инфантами.

Наслѣдній Принцъ Шведскій, находившійся тогда въ Гамбургѣ и Министры всѣхъ Державъ, громогласно порицали поступокъ Наполеона съ Испанією. Не могу увѣрительно сказать, чтобы Г. Талейранъ старался отклонить это

низверженіе отрасли Бурбонскаго дома; здравый умъ его и возвышенныя его виды заставляютъ это думать; но могу сказать, согласно съ общимъ мнѣніемъ, что еслибъ онъ оставался Министромъ Иностранныхъ дѣлъ, то эта Революція кончилась бы съ большимъ приличіемъ, съ большею правотою и болѣе благородными средствами, чѣмъ траги-комедія, сыгранная въ Мадридѣ и въ Байонѣ.

Вотъ что я узналъ положительнаго объ Испанскихъ дѣлахъ, начиная съ первыхъ признаковъ несогласія, возникшаго между отцемъ и сыномъ, относительно Князя Мира, до той минуты, пока Императоръ вздумалъ повесить Иосифа, переведя его съ Неаполитанскаго на Испанскій престолъ, на которомъ онъ никогда не могъ твердо усидѣть. Я буду имѣть случай говорить объ этомъ во многихъ обстоятельствахъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

ДОКЛАДЪ

МИНИСТРА ВНЕШНИХЪ СНОШЕНІЙ О ВЗАИМНОМЪ ПОВЕДЕНІИ ФРАНЦІИ И АВСТРИИ СО ВРЕМЕНИ ЛОНЕВИЛЬСКАГО МИРА (*).

Вся Европа знаетъ, что въ войнѣ, даже посреди успѣховъ самыхъ отличныхъ, и самыхъ рѣшительныхъ, Императоръ Французовъ не переставалъ желать мира; что онъ часто предлагалъ его своимъ непріятелемъ; что принудивъ ихъ принять оный какъ благодѣяніе, онъ даровалъ имъ его на такихъ условіяхъ, которыхъ бы они не смѣли надѣяться и которыя сдѣлали его умѣренность не менѣе блистательною, какъ и его победы. Онъ чувствуетъ всю цѣну славы, приобретенной въ войнѣ, столь справедливой и столь необходимой; но есть слава, болѣе пріятная и болѣе драгоценная его сердцу: первымъ его желаніемъ, всегдашнюю цѣлью его усилій, были всегда спокойствіе Европы, миръ и благоденствіе народовъ.

Австрія, испытавъ дважды, при развязкѣ двухъ несчастныхъ войнъ, въ эпоху трактатовъ Кампо-Формійскаго и Лоневильскаго, до какой степени Франція любитъ показываться великодушною предъ побѣжденнымъ непріятелемъ,—не исполнила въ точности подобно Франціи, своихъ договоровъ. Не смотря на формальныя условія; долгъ Венеціи не былъ уплаченъ; его даже объявили уничтоженнымъ. Императоръ знаетъ, что его Миланскимъ и Мантуйскимъ подданнымъ отказывали въ правосудіи и что Венскій Дворъ никому изъ нихъ не платилъ и не взирая на самыя торжественныя его обязательства.

[*] Докладъ сей чрезвычайно длиненъ, а потому мы исключили изъ него все что не относится непосредственно къ вѣщамъ о коихъ упоминаютъ въ текстѣ сихъ Записокъ.

При раздѣлѣ вознагражденій въ Германіи, Австріи была оказана такая благосклонность, которая долженствовала удовлетворить ея желаніямъ и даже превзойти ея надежды. Однакоже поступки ея показывали, что самолюбіе ея не удовольствовалося.

Средствомъ къ распространенію, она не убоилась употребить самыхъ очевидныхъ хищеній, стараясь прикрыть оныя законными формами. Такимъ-то образомъ она присвоила себѣ помѣстья, подъ предлогомъ немѣншія законныхъ наследниковъ, хотя именно было постановлено причислить оныя къ раздѣлу возмездій.

Постановленіе Имперіи, слѣдствіе и дополненіе Люневильскаго трактата имѣло цѣлю, независимо отъ распределенія возмездій, учредить для сего самаго распределенія на югъ Германіи, равновѣсіе, которое обезпечило бы независимость оной и предупредило бы предварительныя причины раздоровъ и войны, которыя могли бы часто возражаться отъ непосредственной смежности земель Франціи и Австріи.

И такъ Австрія испровергла то, что столь мудро было постановлено, когда своими пріобрѣтеніями въ Швабіи, она ослабляла границу, долженствовавшую отдѣлять ее отъ Франціи, когда она старалась войти въ посредничество между Франціею и главными Державами Южной Германіи, и когда чрезъ секвестры, притязанія, ласки и угрозы она усиленно добивалась исключительнаго вліянія на эту часть Германской Имперіи. И такъ она очевидно нарушала всѣ договоры. . . .

Со времени разрыва Амьнскаго мира, Австрія неоднократно показывала пристрастіе въ пользу Англіи.

Всѣ эти дѣла были известны Императору: многія требовали его попеченій. Они моглибы сдѣлаться справедливыми причинами къ войнѣ; но по любви своей къ миру, Императоръ воздержался отъ всякихъ жалобъ, и Вѣнскій Дворъ увидѣлъ отъ него только новыя знаки уваженія.

Австрія отвѣтствовала столь же дружескими, миролюбивыми обнадеживаніями и Императоръ оставилъ Италію съ пріятною увѣренностью, что миръ твердой земли сохранится.

Каково же было его удивленіе, когда по возвращеніи своемъ во Францію, находясь въ Булони, слыша пріуготовленіями къ экспедиціи, которую онъ наконецъ готовился привести въ испол-

веніе,—онъ получилъ со всѣхъ сторонъ извѣстія, что вообще движеніе произошло во всѣхъ силахъ Австрійской Монархіи; что онъ идетъ ускоренными маршами къ Адиджу, въ Тироль, къ берегамъ Инна, и что устроятся магазины.

Сначала Императоръ никакъ не могъ повѣрить, чтобы Австрія въ самомъ дѣлѣ хотѣла войны. . . .

Имѣвъ два раза власть лишить Австрійскій Домъ навсегда его наследственныхъ владѣній, онъ не только не уменьшилъ его могущества, но еще увеличилъ оное: если онъ не могъ надѣяться на его признательность, то по крайней мѣрѣ полагаея на его правоту.

Императоръ за удовольствіе считалъ питать эти благопріятныя предложенія. Австрійскій Дворъ не пощадилъ ничего для того, чтобы продолжитъ ослабленіе; онъ умножилъ миролюбивыя объявленія; старался правдоподобными объясненіями или явными отрицаніями разсѣять подозрѣнія, которыя могли быть возбуждены этими мѣрами.

Однакоже вскорѣ сдѣлалось труднѣе оправдывать враждебныя пріуготовленія, конхъ дѣятельность и объемъ, съ каждымъ днемъ возрастали. Четыре дня съ ряду Г. Кобенцель, по приглашенію Императора ѣздилъ къ Министру Внѣшнихъ Сношеній, который сообщалъ ему для прочтенія депеши, прежде полученныя и вновь получаемыя изъ всѣхъ мѣстъ Германіи и Италіи. Императоръ не могъ дать болѣе убѣдительнаго доказательства своей искренности. Высшій Посланникъ видѣлъ самыя положительныя допесенія, отовсюду возвыщавшія скорое возгорѣніе войны, безпрестанно пріуготовляемой и столь тщательно скрываемой. . . .

Не смотря на сіе Императоръ не хотѣлъ еще оставить всю надежду къ сближенію. Онъ представлялъ себѣ, что Австрія могла быть увлечена чуждыми внушеніями; онъ представилъ ей, что если она не желаетъ войны, то всѣ ея пріуготовленія были дѣлаемы безъ цели: ибо всѣ ея сосѣди находились въ мирѣ; что чрезъ сіе она, сама того не вѣдая, услуживала Англіи, дѣлая въ ея пользу диверсію, не менѣе могущественную и болѣе вредную для Франціи, чѣмъ моглабы быть открытая война. . . .

Поведеніе Выскаго Двора съ каждымъ днемъ ослабляло на

дежду. Не только не прекращая своих приготовлений, онъ ихъ увеличивалъ. Онъ устранилъ своими вооруженіями народы Баваріи и Швабіи; онъ заставилъ обитателей Гельвеціи опасаться похищенія у нихъ спокойствія, дарованнаго имъ актомъ посредничества. Всѣ призывали Францію, какъ свою подпору, какъ охранительницу правъ своихъ.

Однакоже Австрія все еще притворалась, и въ залогъ своихъ миролюбивыхъ намѣреній, предлагала родъ посредничества, коего трудно обозначить свойства, по которому, разсматривая видный предметъ онаго, могло быть счтено пустымъ и ничтожнымъ. Императоръ Россійскій потребовалъ паспортовъ для одного изъ своихъ Камергеровъ, котораго онъ намѣревался послать въ Парижъ. Императору неизвѣстно было, какіе виды имѣлъ присемъ Петербургскій кабинетъ; но всегда готовый дѣлать все, могшее привести къ сближенію, онъ далъ паспорта немедленно и безъ объясненій. Намѣреніе Россійскаго Двора состояло въ томъ, чтобы употребить въ Парижъ посредство, по коему она въ тоже время договаривалась и для себя и для Англіи, по упомощію сей последней. . . .

Наконецъ Австрія, въ поздомъ отвѣтъ объявила на словахъ то, что она возвыщала своими приготовленіями; она начала оправдывать Англію и объявить, что открываетъ свои владѣнія двумъ Русскимъ арміямъ, явно призналась въ соглашеніи, въ которое она вступила съ Россією въ пользу Англіи.

Этотъ отвѣтъ Вѣнскаго Двора, долженствовалъ естественнымъ образомъ возбудить негодованіе Императора; но усматривалъ еще сквозь эти оскорбленія и угрозы нѣкоторыя мысли, позволяющія, какъ казалось, надѣяться возможности соглашенія, Императоръ принудилъ врожденную свою гордость уступить отношеніямъ, все могущимъ надъ его сердцемъ. . . .

Онъ рѣшился еще ждать отъ Вѣнскаго Двора объясненія касательно основаній, на которыхъ можно будетъ договариваться. Онъ приказалъ Министру Вѣнскихъ Сношеній приготовить по сему предмету депешу: курьеръ, долженствовавшій отвезти оную, собрался уже въ путь, какъ въ самую эту минуту, Императоръ узналъ о вторженіи въ Баварію. . . .

Послѣ такого поступка Вѣнскаго Двора, Императоръ не могъ уже ничего болѣе у него просить. Очевидно стало, что самый

Конгрессъ, столь повелительно предложенный, былъ только новою сѣтью, разставленною его правдолюбію. Черемна курса во всехъ мѣстахъ очевидно доказывала, что часть суммъ, предложенныхъ Англійскому Министру для употребленія по его видамъ на Твердой Земль, достигла своего назначенія.

Послѣству всякое объясненіе съ Венскимъ Дворомъ сдѣлалось чрезъ сіе невозможнымъ, то одинъ только путь оружія остается совмѣстнымъ съ честью.

Пусть Англія радуется тому, что она нашла себѣ союзниковъ; и потому, что кровь прольется на Твердой Земль; пусть она ласкаетъ себя тѣмъ, что ея кровь будетъ сохранена; пусть она надбегаетъ обрѣсти свою безонасность въ раздорахъ прочихъ Державъ;—радость ея будетъ кратковременна; надежды ея будутъ тщетны и не далекъ уже день, когда права народовъ наконецъ отомстятся.

Императоръ, принужденный отразить несправедливое нападеніе, которое онъ тщательно старался предупредить, долженъ отмѣнить исполненіе своихъ первыхъ намѣреній. Онъ отозвалъ съ береговъ Океана свои старыя войска, столько разъ побѣждавшія и принимаетъ надъ ними начальство. Онъ не положитъ оружія до тѣхъ поръ, пока не получитъ полного, совершеннаго удовлетворенія и не утвердитъ безонасности, какъ своихъ собственныхъ владѣній, такъ и земель своихъ союзниковъ.

КОНЕЦЪ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

Стр.

Г Л А В А I.

Первое время пребывания моего в Гамбургѣ. — Уничтоженіе Республканскаго словаря. — Вооруженія Австріи. — Сообщеніе Дипломатической ноты — Жалобы Наполеона противъ Императора Австрійскаго. — Бонапарте выхваляетъ самъ свое поведеніе. — Императоръ въ Сенатѣ. — Проектъ учрежденія Национальной Гвардіи. — Наполеонъ въ Стразбургѣ. — Отзывъ его о Макѣ. — Воззваніе Императора. — Желаніе Наполеона выставлять себя всегда атакованнымъ. — Реконструкция подъ стѣнами Вьны. — Планъ кампаніи. — Притворный гнѣвъ и внутреннее удовольствіе Императора. — Капитанъ Бернаръ въ Пиллири. — Продолжительное забвеніе. — Пужда узнать Рагузу. — Полковникъ Бернаръ, Адыютантъ Наполеона. — Быстрое и заслуженное повышеніе. — Первый Инженеръ и клоупость Кларка. 1

Г Л А В А II.

Каждый день по побѣдѣ. — Быстрота Наполеонова похода. — Мирать въ Вертингель. — Завосваніе Цеева Герцогства. — Французская армія предъ Ульмомъ. — Извлеченіе изъ моей перенески. — Порученіе Генерала Сегюра. — Непастиная погода. — Генераль Сегюръ у Мака. — Странное унорегво Мака, и заблужденіе его на счетъ движенія Русскихъ. — Образъ поюженія Ульма. — Жалобы Мака, на Целя. — Отчаяніе и твердость Мака. — Восемь дней или смерть. — Князь Лихтенштейнъ въ главной квартирѣ Императора. — Отвергнутое предложеніе и надменность Наполеона. —

Договоръ, подписанный Бертье и макомъ.—Непостижимая беспечность Вѣнскаго кабинета.— Лютъ, обещанный Королю Сардинскому. — Бонапарте предъ побѣдою и постъ оной. — Пльзньные Генералы предъ Императоромъ.—Слова, сказанія въ утѣшеніе. . . . 48

Г Л А В А III.

Снисходительность къ плѣннымъ Офицерамъ. — Воззваніе Императора къ его солдатамъ.—Важныя послѣдствія пятнадцати-дневнаго похода. — Военное краснорѣчіе Наполеона. — Французскіе и Русскіе солдаты.—Конецъ свѣта, и превеличешья. — Десять тысячъ плѣнныхъ, взятыхъ Мюратомъ. — Битва при Кальдіеро въ Италіи.—Письмо Дюрока. — Францискъ І-й отмищень Наполеономъ.—Дѣдо Маркграфствъ.—Безполезныя попытки замедлить походъ Императора и Г. Пугай.—Первые Французскіе орудя, взятые Русскими. — Досада Наполеона.—Вѣнскій мостъ. — Счастливая отвага Ланна и Мюрата.—Взятіе Вѣны хитростью.—Разсказъ Ланна, его храбрость и веселость.—Вліяніе подвига Ланна и Мюрата на слѣдствія Аустерлицкой кампаніи. — Посылка Савари къ Императору Александру.—Основагельныя разсужденія Александра. . . 56

Г Л А В А IV.

Обязанности мои въ Гамбургѣ. — Король Шведскій въ Стральзундѣ. — Бюлетень мой о позиціи Русскихъ армій. — Высадка Англичашъ на Эльбѣ и Везерѣ.—Причина того, что Императоръ доволенъ моею службою.—Дюрокъ въ Берлинѣ. — Дюмурье и Сен-Мартенъ. — Наборъ войскъ Англичашами въ Гановрѣ.—Анекдотъ, разсказанный Рашиномъ.—Дочь Г. Марбѣжа.—Пльзньна Короля Неаполитанскаго.—Аустерлицкое солнце.—Князь Долгорукій и Монмартскія высоты.—Разсказъ Рашина объ Аустерлицкомъ сраженіи.

— Смерть Пожовника Мориаца. — Рангъ подъ Аустерлицемъ и Келлерманъ при Маренно. — Раневый Рангъ и картина Жерарда. 51

Г Л А В А V.

Конецъ враждебныхъ дѣйствій съ Австрією.—Пріѣздъ къ Императору Князя Лихтенштейна - Свиданіе двухъ Императоровъ.—Порученія Савари къ Императорамъ Франциску II и Александру. — Пресбургскій трактатъ.—Король Италіи не связанъ обещаніями Императора Французовъ — Баварія и Виртембергъ, возведенныя въ Королевства.— Г. Гаувицъ въ Шёнбрунн.—Надменность и суровость Наполеона. — Договоръ, заключенный Г-мъ Гаувицемъ безъ унопомощія.—Второй договоръ Пруссій, заключенный въ Берлинѣ съ Англичанами. — Затруднительное положеніе Короля Прусскаго и неудовольствіе на Г. Гаувица. — Отказъ Александра въ Императорскомъ титулѣ Наполеону.—Власть Наполеона надъ самимъ собою. — Поездка Ранца послѣ Аустерлица.—Бракъ Евгенія. 56

Г Л А В А VI.

Висскій походъ.—Упадокъ курса банковыхъ билетовъ.—Неблагодарныя выдачи денегъ Казначействомъ.—Г. Уваръ.—Шестидесять миліоновъ до 18 Брюмера.—Цѣльротная скромность Г. Увара и истеричіе Наполеона.—Воспоминанія о Консульствѣ.—Мнѣніе Бонапарте о богатыхъ людяхъ.—Цинизмъ его противъ подрячниковъ и поставщиковъ. — Деньги, данныя въ заемъ Г-жѣ Бонапарте. — Бертье и Г-жа Висконти. — Договоръ между Королемъ и частнымъ лицомъ.—Любопытныя подробности, сообщенныя мнѣ Г-мъ Уваромъ въ Гамбургъ.—Гг. Барбе-Марбуа, Денре и Ванлербергъ.—Поездки Г. Увара. — Возвращеніе Наполеона въ Парижъ.—Суровое отрѣшеніе Г. Бар-

бе-Марбуа.—Восемдесятъ семь миліоновъ, требуемые
Наполеономъ.—Неудача большого дѣла. 82

Г Л А В А VII.

Декларация Людовика XVIII. — Пересылка оной чрезъ
почту.—Требованіе Фуше о доставленіи ему конвер-
товъ.—Ответъ мой Министру Полиціи.—Надзоръ за
Дюмурье.—Гуспал сатира. — Типографія Фоншъ-Бо-
рели.—Бернаръ.—Два достопримѣчательныя мошен-
ника.—Доносъ соучастника.— Война на кладбищѣ.—
Лесемиль.—Бумаги, необычайнымъ образомъ спрятан-
ныя.—Мошенникъ, шпіонъ, поддвѣльникъ и убійца,
отравленъ въ Парижѣ.—Искусный шпіонъ.—Замѣ-
чательная черта мужества и присутствія духа шпіо-
на. — Шеффи — Приказъ Фуше о наблюденіи за Г.
де ла Ферронне и о взятіи его подъ стражу.—Г. де
ла Ферронне въ Гамбургскомъ театрѣ.—Предостере-
женіе, во время сдѣланное. 106

Г Л А В А VIII.

Необходимость бдительнаго надзора въ Гамбургѣ. — Со-
сѣдство Короля Шведскаго.—Донъ-Кихоть Вестфаль-
скаго трактата.—Гивви Короля Шведскаго и бюле-
тени его *большой армии* — Докторъ Галль.—Прус-
сія желаетъ получить Гамбургъ. — Англо-Россіане и
замыслы на Голландію.—Частая посылка курьеровъ.
— Неприязненное расположеніе Россіи къ Франціи.—
Донесеніе мое Г-ну Талейрану. — Г. Форманъ и
Алонсусъ.— Попытки къ восстановленію мира.—Не-
избѣжность войны. — Неблагопріятственное распо-
ложеніе къ Французамъ. — Г. Фоксъ, управлцій Брита-
нскимъ кабинетомъ.—Убійца, обнаруженный Наполе-
ону Г-мъ Фоксомъ.—Порученіе, данное Лорду Ярму-
ту.—Отъика предложеній Наполеона.—Возрастающее
его честолюбіе. — Порученныя мнѣ переговоры безъ

Стр.

надежды успеха.—Покровительство Наполеона, предложенное Гаисейскимъ городамъ.—Требованіе шести миліоновъ.—Вежливый отказъ.—Размышленія о Гаисейскихъ городахъ.—Гамбургъ и Эльба.—Честность Гамбургцевъ. 418

Г Л А В А IX.

Пожалованіе новыхъ Принцевъ.—Благосостояніе Императорской фамилии.—Ни миръ, ни война.—Себастиани въ Константинополѣ и успѣхъ его порученія.—Лордъ Лаудердадь въ Парижѣ.—Г. де Шампаньи и Кларкъ въ Лондонѣ.—Вознагражденіе за Пресбургскій трактатъ.—Вексель въ семь миліоновъ.—Прекращеніе пансіоновъ эмигрантамъ.—Козин Дюмурье.—Першинность Принца Мекленбургъ — Шверинскаго.—Графъ Паоли, Шитъ и Фоксъ.—Луазо.—Умысль убійства, отвергнутый Графомъ Якимелемъ.—Задержаніе Луазо.—Отсылка его въ Парижъ.—Приказъ о строгомъ наблюденіи за Мартелли.—Я беру его къ себѣ въ агенты.—Аббатъ Лажарръ.—Услуги и искусство Мартелли. 452

Г Л А В А X.

Угрозы Пруссіи.—Несовмѣстность предложенныхъ условий.—Статья о возвращеніи Гановра Англіи.—Воинственный духъ Пруссіи.—Разрывъ переговоровъ съ Англіею.—Первый Полководецъ новѣйшихъ временъ.—Г. Якоби въ Гамбургѣ.—Полученный имъ приказъ отправиться въ Лондонъ.—Начало враждебныхъ дѣйствій между Франціею и Пруссіею.—Вѣсть о великой побѣдѣ, полученная въ Гамбургѣ.—Аусрюттеская битва.—Прибытіе Герцога Брауншвейскаго въ Гамбургъ.—Герцогиня Брауншвейскаго.—Огорченіе эмигрантовъ.—Бернадотъ въ Гамбургѣ.—Даву и Бернадотъ.—Росбахская колона.—Шведы въ Лю-
Часть VII. 45

Стр.

бекъ.— Маіоръ Амелъ.—Появленіе мнѣ признательности Гамбургскимъ Сенатомъ. 445

Г Л А В А XI.

Сужда въ покровительствѣ и пожертвованія Гамбурга.— Послѣдствія, известныя прежде причинъ.—Затруднительность моего положенія.—Сведѣнія, сообщенныя мною Правительству. — Услуги, оказанныя Англійскому Министру.—Наименованіе меня Министромъ Короля Неаполитанскаго.—Подчиненіе почтъ Французскому управленію. — Благоволеніе за то Наполеона.—Попытка Барона Грога у Гаусейскихъ городовъ.—Тихій замыселъ Севернаго Союза.—Девизъ Гаусейскихъ городовъ.—Доброта ихъ Правительства.—Объявленіе въ Монитёръ.—Маршалъ Мортъ.—Занятіе Гамбурга имеемъ Императора.—Берлинскій указъ. — Военное управленіе Гамбургомъ.—Поправленная ошибка на счетъ Маршала Брюна. — Генераль Мино и Бернадотъ. — Строгости, смягченныя Княземъ Понте-Корво. 455

Г Л А В А XII.

Генераль Перронъ и Г. Бургіанъ.—Дѣти Г. Перрона и золотыя ожерелья. —Взаимная ненависть и богатство Гг. Перрона и Бургіана. — Участіе, принимаемое мною въ эмигрантахъ.—Исключеніе изъ числа опытыхъ Г-ня Буало.—Признаки войны съ Россією.—Указъ Императора Александра. — Порученіе Дюроку въ Веймаръ. —Восторгъ Пруссаковъ. — Неудача Дюрока и двуличность Наполеона. — Победа, одержанная Французскою армією.—Сдача Князя Гозвлозъ.—Любопытныя письма Мюрата.—Генераль Моро и Фонъ-Борель. — Подати нашихъ Генераловъ.—Взятіе Любека.—Ложныя слухи о Моро.—Разбитіе Блюхера. —Поясненіе сказки на счетъ Моро. 469

Г Л А В А XIII.

Великодушный поступок Наполеона. — Обычай его съ почтовыми конторами. — Письмо Князя Гатцфельда къ Королю Прусскому, перехваченное въ Берлинѣ. — Военный судъ. — Княгиня Гатцфельдъ, представленная Императору Дюрокомъ. — Письмо Бонапарте къ Лозефинѣ. — Помилованіе, дарованное Императоромъ. — Письма Бернадота. — Блюхеръ въ плѣну. — Характеръ этого страннаго челоуѣка. — Склонность его къ удовольствіямъ. — Уверенность Блюхера въ будущей судьбѣ Германіи. — Предвидѣніе того, что случилось. — Желаніе мира и сходство мнѣній. — Принцъ Павелъ Виртембергскій въ плѣну. — Стеченіе знатныхъ эмигрантовъ въ Альтоунъ. — Продолженіе пребыванія Императора въ Берлинѣ. — Дипутація Сената и дурной пріемъ оной. — Германскіе Принцы, удалившіеся въ Альтоунъ. — Фощъ Борель выгнанной отъ Г. Жюмелла. — Смерть сего послѣдняго. 182

Г Л А В А XIV.

Непавиеть къ притѣснительному самовластію и польза правоеудія — Вознагражденіе Г. Граешеля за причиненный ему ущербъ. — Опасенія города Гамбурга. — Французы въ Бергдорфѣ. — Письмо Бернадота. — Невѣроятныя притѣсенія въ Пруссіи. — Поддѣльныя подписи на векселяхъ. — Воспоминаніе о Кларкѣ въ Берлинѣ. — Лихометво Голландцевъ. — Король Голландскій и осада Гамельна. — Попеченія Наполеона о равныхъ. — Порученіе Дюрока. — Обоюдная необходимость въ мирѣ. — Непомѣрныя требованія Дюрокъ въ Остеродѣ, и отказъ Короля Прусскаго. — Печальное положеніе Пруссіи. — Переговоры, порученный мѣ въ Гамбургѣ. — Соглашеніе между Министрами и гвѣвъ Короля Шведскаго. — Гг. Нейцель и Ветерштедтъ. 196

Г Л А В А XV.

Рожденіе Континентальной системы.— Берлинскій указъ.
 — Система безумія и тираніи. — Товары, бросаемыя
 въ море.—Смертная казнь за голову сахару. — Война
 противъ ревеля.—Наущенія Советниковъ Наполеона.
 —Фонтенблосскій лъсъ застѣянный свекловницею.—Су-
 ровость исполненія Континентальной системы. — Все-
 общее негодованіе. —Золото и обманъ.— Гамбургскія
 таможи. — Частное письмо мое къ Императору. —
 Советы мои, принятые Императоромъ и получен-
 ные имъ шестьдесятъ миліоновъ выгоды.—Политиче-
 ское вліяніе и причина разрыва съ Россією. — Доз-
 воленія на вывозъ товаровъ. — Провъздъ черезъ Гам-
 бургъ Бернадота Наслѣднаго Принца Шведскаго.—
 Советы на счетъ таможенъ.—Невозможность исполне-
 нія. — Вліяніе Континентальной системы на паденіе
 Наполеона. 208

Г Л А В А XVI.

Величайшій полководецъ.—Новая система войны.—Преж-
 нія зимнія квартиры.—Движеніе противъ Русскихъ.
 —Воззваніе Императора.— Перечень военныхъ дѣй-
 ствій. — Четыре сраженія и одна большая битва.—
 Новыя арміи, составленныя внутри Государства. —
 Мечты Прусаковъ.—Необходимость идти на встрѣчу
 къ Русскимъ.—Геній завоеваній и геній потребленій.
 —Жалобы и бѣдствія Ганзейскихъ областей.—Пять-
 десять тысячъ пленныхъ, поставленные мною для ар-
 міи. — Русскій хлѣбъ, найденный въ Магдебургѣ.—
 Ложное усердіе слишкомъ преданныхъ агентовъ. —
 Полковникъ Клеманъ въ Бремене. — Непримичное
 воззваніе, представленное мною къ Правительству.—
 Прибавки къ строгостямъ Континентальной системы.
 —Быстрота похода Мюрата и вступленіе его въ Вар-
 шаву.—Депутация Поляковъ.—Червьшительность Па-

Стр.

полсона на счетъ Польши.— Дюрокъ и переломлен-
ная рука.— Завязная въ грязи карета Г. Талейрана
и солдатскія рѣчи.—Уныніе войскъ.—Средство Напо-
леона для того чтобы *разбудить* своихъ солдатъ.—
Бонапарте импровизаторъ. 221

Г Л А В Л А XVII.

Воспоминаніе о Герцогѣ Меклембургскомъ. — Цѣль его
пріѣздовъ въ Гамбургъ.—Дача моя въ Голштиніи. —
Сношенія мои съ Герцогомъ Веймарскимъ — Исхода-
тайствованіе мною возвращенія ему владѣній.— Бла-
годарственное письмо.—Тильзитскій трактатъ и Гер-
цогъ Меклембургскій. — Посѣщеніе, сдѣланное мнѣ
наслѣднымъ Принцемъ и повѣдка его въ Парижъ.
—Списки представлений и разрядная книга знатныхъ
особъ Европы.—Письмо наслѣднаго Герцога Баден-
скаго.—Моя гостиная и мой кабинетъ.—Предложе-
ніе Бѣтлера, Англійскаго иміона. — Осторожность
его.—Бѣтлеръ въ Парижъ и въ Лондонѣ, и странная
статья въ журналѣхъ.—Опасеніе Бонапарте на счетъ
сношеній между Франціею и Англіею.—Неудовольст-
віе Императора противъ Фуше.—Страхъ внѣшній
куческыми путешественниками (Commis-voageurs).
—Упадокъ торговли Голландіи.—Тщательное сопро-
тивленіе Людовика Берлинскому указу.—Наблюденіе
за подозрительными людьми.—Невозможность испол-
ненія. 235

Г Л А В Л А XVIII.

Извлеченія изъ переписки. — Пребываніе Наполеона въ
Познани. — Учрежденіе Королевства Саксонскаго.—
Уваженіе Германіи къ Королю Саксонскому.—Нерѣ-
шимость Императора на счетъ Польши. — Праздни-
ки и смотры въ Варшавѣ.—Способъ продовольствія
арміи.—Франція въ Главной Квартирѣ.—Аудиторы и

портреты Министровъ. — Военныя распоряженія. — Кампанія Вѣнская и Прусская. — Извѣстія многа получаемыя и отъ меня посылаемыя. — Вооруженія Австрій въ Богеміи. — Поведеніе Вѣнскаго кабинета, подобное поведенію Берлинскаго кабинета. — Необходимость дѣйствовать послѣдно. — Французы предупреждены Русскими. — День Эйлаузскій. — Корпусъ Бернадота опаздываетъ. — Клевета, на него взведенная. — Смерть Генерала Гоульта. — Бонапарте ссылается на мертвыхъ. — Оправданіе Бернадота. 244

Г Л А В А XIX.

Эйлаузская битва. — Константинопольскій бунтъ. — Посольство Себастіани въ Константинополь. — Новые престолы въ Европѣ. — Порученіе Гарданна въ Персію. — Воспоминаніе о Йозефинѣ. — Письмо ея о Г-нѣ Фази. — Статья предназначенная для журнала. — Дѣйствіе, произведенное въ Берлинѣ вѣстью о смерти Герцога Ангесскаго. — Французскій Посланникъ и Французы, оставленные въми. — Прусская Королева, обожаемая своимъ супругомъ и подданными, и неприличныя относительно ея поступки Панаполеона. — Г. Тюреншъ въ Гамбургъ. — Маршалъ Викторъ въ плѣну. — Новыя затрудненія моего положенія. — Злоупотребленія военной власти. — Поддержаніе дипломатическихъ правъ. — Досада на меня Маршала Брюна. 255

Г Л А В А XX.

Требованія разныхъ поставокъ для арміи. — Англійскія сукна и кожи. — Уклоненіе отъ Берлинскаго договора. — Императорскія таможи. — Пseudобонеполнимый законъ. — Выгоды для Франціи свободной торговли съ Гамбургомъ. — Затрудненія, воми предлеж-

Стр.

ція. — Правительство беретъ мою сторону. — Мои главные занятія въ Гамбургѣ. — Пресмишкъ Г. де Жимсля. — Двойное назначеніе изъ Лондона и изъ Митавы. — Отзывъ Графа Дюмутье о Малларв. — Г. Гю, камердниерь Людовика XVI. — Неосновательныя свидѣнія отъ Парижской Полиціи. — Кавалеръ Балиоль. — Неисполненіе слишкомъ нелѣпыхъ приказаній. — Освобожденіе мною типографчика, напечатавшаго Нѣмецкую сатиру. — Прибытіе Г-на Гю въ Альтону. — Нѣкоторые новыя эмигранты. — Баронъ д'Эмбергъ и Генераль Даникашъ. — Полковникъ Блакашъ. — Дюмурье вѣстуетъ въ службу. — Движеніе Большой Арміи. — Сюдвижники Императора. 266

Г Л А В А XXI.

Депеша Г. Талейрана. — Требованіе Императора о напечатаніи реляціи Эйлауской битвы. — Письмо ко мнѣ Владѣтельнаго Герцога Веймарскаго. — Высшая степень славы Наполеона. — Рангъ отправленъ въ Данцигъ. — Князь Витгенштейнъ. — Большое мѣсто въ моей памяти. — Извѣстія изъ Лондона, привезенныя Княземъ Витгенштейномъ. — Взаимная доверенность. — Г. Алопеусъ, и лакомическая депеша изъ Тильзита. — Торговый договоръ между Англіею и Россіею. — Объявленіе стоворчivosti Англійскаго Министерства. — Посредство Россіи, предложенное Англій Г-мъ Алопеусомъ. — Замѣчательный словесный отвѣтъ Г. Каннинга. — Расположеніе къ миру Принца Валлійскаго и Г. Каннинга. — Жестокое положеніе Пруссіи между Франціею и Англіею. — Тѣсть некоторыхъ иссвѣдующихъ писателей. — Невозможность возстановленія Польши въ 1807 году. — Русскіе и Австрійцы. — Основаніе Вестфальскаго Королевства. — Великое Герцогство Варшавское и Король Саксонскій. — Признаніе въ совокунности Королевскихъ титуловъ. 277

Г Л А В А XXII.

Мои замѣтки и воспоминанія. — Дѣйствіе, произведенное въ Альтопѣ Тильзитскимъ договоромъ — Два лудора присланные ко мнѣ эмигрантомъ. — Пруссія въ полномъ распоряженіи Императора. — Отъѣздъ Герцога Мекленбургскаго. — Проходъ чрезъ Зундъ Англійскаго флота. — Г. Дидло въ Гамбургѣ. — Бомбардированіе Консигатена. — Вѣроломство Англичанъ. — Прѣжнее воспоминаніе и слова Наполеона Г-цу Лемерсье. — Пруссія, вычеркнутая съ ландкарты. — Возвращеніе Наполеона въ Парижъ. — Запутанныя дѣла. — Вліяніе Англіи на диванъ. — Новая политика. — Уничтоженіе Трибунала. — Пѣмье и угодинки. — Упорство Мустафы Байрактара. — Требованіе Россіи. — Грабежъ въ управленіи. — Конфискація Англійскихъ товаровъ — Я доставляю Франціи девять миліоновъ выгоды. — Князь Пешательскій и Г. Дарсо. — Прибыльныя пожертвованія. 290

Г Л А В А XXIII.

Коллектуръ назначенъ Посланникомъ въ Россію. — Уничтоженное предубѣжденіе и расположеніе Императора Александра. — Затруднительность порученія Коллектура. — Отвращеніе Англіи къ посредству Россіи. — Португальскія дѣла. — Странный выборъ предводителя армію. — Желаніе избавиться отъ Юно. — Легкое вторженіе и объявленіе Принца Регента. — Взятіе Гельголаанда Англичанами. — Существенная выгода этого внезапнаго удара. — Приказъ о взятіи подъ стражу Г-ца Гю. — Графъ Бенгтикъ, и желаніе его попасть въ Адъютанты къ Императору. — Обнародованіе Наполеонова уложенія, объявленнаго Государственнымъ Уставомъ. — Введеніе Французскихъ законовъ въ Германіи. — Снисходительность присяжныхъ

Стр.

въ Гамбургѣ. — Украденный плащъ, Сиддикъ Дорманъ и оправданіе. — Законы Беккарія и воспоминаніе о мятежѣ въ Италіи. — Имперія Римская и Имперія Французская. — Невѣжество некоторыхъ председателей судовъ. — Французское легкомысліе и справедливое неудовольствіе.	301
---	-----

Г Л А В А XXIV.

Начало Испанскихъ дѣлъ. — Необращеніе на оныя въ началѣ Наполеономъ вниманія. — Годой и любимцы. — Зависть Испанцевъ къ Князю Мира. — Взаимныя обвиненія между Королемъ и его сыномъ. — Испанія, предложенная Лудовику. — Живое обѣщаніе Наполеона. — Всеобщее негодованіе, возбужденное присутствіемъ Французовъ. — Отреченіе Карла IV-го. — Князь Мира подѣ стражею. — Мюрать въ Мадридѣ. — Важное извѣстіе, сообщенное купеческимъ письмомъ. — Агенты правительства, вводимые въ заблужденіе. — Необузданное честолюбіе Мюрата. — Взятіе имъ Годоя подѣ свое покровительство. — Отреченіе, приписанное наслѣдо. — Наполеонъ посредникъ между отцемъ и сыномъ. — Разставленные сѣти. — Испанскій престолъ, назначенный Иосифу — Всеобщее порицаніе поступка Наполеона.	311
--	-----

П Р И Л О Ж Е Н І Я

къ

СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

Докладъ Министра Вѣнскихъ Сношеній о взаимномъ поведеніи Франціи и Австріи со времени Люневильскаго мира.	327
---	-----

З А П И С К И

Г. БУРИЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННОГО МИНИСТРА

О

НАПОЛЕОНѢ,

ДИРЕКТОРН, КОНСУЛЬСТВѢ, ИМПЕРИИ И

ВОЗСТАНОВЛЕНИИ БУРБОУОВЪ.

Перевелъ съ Французскаго
С. ДЕ ШАПМЕТЪ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЧАСТЬ VIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней
Стражи.

1834.

Печатать Позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были
въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. С. Пе-
тербургъ 11 Октября 1834 года.

Цензоръ *П. Гаевскій.*

ЗАПИСКИ

Г. БУРИЕННА,

ГОСУДАРСТВЕННОГО МИНИСТРА.

Г Л А В А I.

Потеря повидимому дѣла Бурбоновъ. — Собранныя мною оцидентальныя подробности о Лудовикѣ XVIII со времени выезда его изъ Франціи. — Графъ Прованскій дурно принять въ Кобленцѣ. — Желаніе приблизиться къ Франціи. — Графъ Прованскій высланъ изъ Туринна своимъ тестемъ. — Опасеніе Герцога Пармскаго. — Убѣжище въ Венеціанскихъ владѣніяхъ. — Прѣбываніе въ Веронѣ. — Смерть Лудовика XVI. — Отъездъ и золотая книга. — Слова Лудовика XVIII. — Отказъ дать убѣжище въ Австріи, Саксоніи и въ Пруссіи. — Убѣжище предложенное Павломъ 4-мъ въ Митавѣ и выездъ оттуда. — Прѣбываніе въ Варшавѣ. — Александръ и Лудовикъ XVIII. — Отъездъ изъ Митавы и отплытіе въ Англію. — Прибытіе Короля въ Ярмутъ. — Золото и вѣрность. — Письма Аббата Булона и Герцога д'Омонта. — Секретарь Г. Кашинга. — Изъясненіе поведенія Англійскаго Министерства. — Странное предеказаніе Г-на Лемерсе Шанолсону.

Послѣ Тильзитскаго договора и связей, повидимому надолго соединившихъ Императоровъ
Часть VIII. 1

Россійскаго и Французскаго, дѣло Бурбоновъ долженствовало казаться безвозвратно потеряннымъ; у нихъ дѣйствительно не оставалось другой основательной надежды, кромѣ какъ на обширныя сьумазбродства того, который завладѣлъ ихъ престоломъ не похитивъ онаго у нихъ; ибо, какъ очень хорошо было сказано, Бонапарте, достигнувъ власти, свергнулъ одно только безначаліе. Эта надежда не долженствовала измѣнить имъ. Здѣсь я займусь нѣсколько минутъ подробностями, которыя я могъ собрать о томъ, что дѣлалъ Лудовикъ XVIII со времени выѣзда своего изъ Франціи, что естественнымъ образомъ приведетъ меня къ концу Ноября 1807 года, эпохѣ, когда въ Сѣверной Пчелѣ 9 числа сего мѣсяца я прочиталъ, что Графъ Лильскій и Герцогъ Ангулемскій отправились въ Англію.

Графъ Прованскій выѣхалъ изъ Парижа 21 Июня 1791 года. Онъ не переставалъ изъяслять тѣмъ, которые его къ себѣ принимали, желанія своего по возможности приблизиться къ границамъ Франціи. Онъ сначала остановился въ Коблемцѣ, и я узналъ отъ вѣрныхъ людей, что эмигранты не слишкомъ благопріятно на него смотрѣли, ибо не могли простить ему того, что онъ столь долго медлилъ присоединиться къ нимъ, а въ особенности мудрыхъ правилъ, обнаруженныхъ имъ въ такую

эпоху, когда еще можно было искренними и разсудительными уступками отвратить несчастья, которыя неблагоразумная и необдуманная раздражительность долженствовала навлечь на Францію. Думаю, что какъ эмигранту, мнѣ дозволено сказать, что между нами существовало много перазсудительности. Когда послѣ кампаніи 1792 года перешли за Рейнь, то Графъ Прованскій жилъ въ небольшомъ городѣ Гамь на Лицпъ, гдѣ онъ пробылъ до тѣхъ поръ, пока его увѣрили, что желанія Тулонцевъ призываютъ его въ Провансъ. Зная невозможность проѣхать чрезъ Францію, Графъ Прованскій отправился ко двору своего тестя Короля Сардинскаго, въ надеждѣ сѣсть на корабль въ Генуѣ и приплыть оттуда моремъ къ берегамъ Прованса; но какъ взятіе Тулона,—гдѣ имя Бонапарте еще въ первый разъ ознаменовалось славою,—произошло прежде, чѣмъ онъ собрался выѣхать изъ Турина, то Графъ Прованскій пробылъ тамъ четыре мѣсяца, по истеченіи коихъ тесть его объявилъ ему, что онъ не можетъ долѣе оставаться въ его владѣніяхъ. Герцогъ Пармскій, родственникъ Бурбонскаго Дома, не посмѣлъ сдѣлать того, чего не сдѣлалъ Король Сардинскій и первый Принцъ Королевской фамиліи, остался бы безъ убѣжища, еслибы Венеціанская Республика не дозволила ему поселиться въ Вероннѣ. Въ Вероннѣ Графъ

Прованскій узналъ о смерти Лудовика XVI; но онъ не могъ еще принять Королевскаго титула, ибо несчастный Дофинъ не палъ еще подъ угнетеніями палачей своихъ; черезъ два года жительства его въ этомъ городѣ, Венціанскій Сенатъ воспретилъ ему дальнѣйшее пребываніе въ Венеціанскихъ областяхъ и всѣмъ извѣстна исторія съ золотою книгою. Всѣ эти области Италіи были въ послѣдствіи, по справедливому наказанію Провидѣнія, выключены изъ списка Державъ. Будучи принужденъ выѣхать изъ Италіи, наслѣдникъ Короля—ребенка, находившагося въ оковахъ, отправился въ армію Принца Конде, которая показала столько храбрости и падѣлала столько дурачества.

Холодная политика Австрійскаго кабинета не представляла убѣжища Графу Прованскому, который принужденъ былъ проѣхать чрезъ Германію, и притомъ, какъ Лудовикъ XVIII неоднократно повторялъ даже и послѣ своего возстановленія: «онъ никогда не имѣлъ намѣренія проливать въ Германіи Французскую кровь за чуждыя выгоды.» Графъ Прованскій дѣйствительно имѣлъ слишкомъ много разсудка для того, чтобы не видѣть, что дѣлю его есть только предлогъ для Державъ, воюющихъ съ Франціею; эти кабинеты, холодные къ несчастію, надѣялись только прикрыть свое честолюбіе и ненависть свою къ Франціи наружнымъ ви-

домъ притворнаго усердія къ Бурбонскому дому.

Дофинъ умеръ, Лудовикъ XVIII принялъ титулъ Короля Франціи и отправился въ Пруссію, гдѣ онъ получилъ убѣжище и, довольно извѣстно какъ подъ Бланкенбургомъ его ранило пулею въ лобъ и какое приличное Государю философу слово, онъ сказалъ при этомъ случаѣ. По судьба, преслѣдовавшая искателя Французскаго Престола, недовольно еще надъ нимъ отяготѣла. Послѣ 18 Фруктидора, Директорія, столь же трусливая, какъ и жестокая, потребовала отъ Короля Прусскаго высылки Лудовика XVIII и надобно сознаться, что Берлинскій кабинетъ не находился тогда въ такомъ положеніи, чтобы воспротивиться тому, чего требовало Французское Правительство, ко-его воля была приказаніемъ. Тщетно Лудовикъ XVIII просилъ убѣжища во владѣніяхъ Короля Саксонскаго: въѣздъ въ оныя былъ ему военпрещенъ и во всей Европѣ осталась одна только Россія, которая дерзнула предложить послѣднее убѣжище потомку Лудовика XIV. Пылкій во всемъ и находясь тогда во враждѣ съ Франціею, Императоръ Павелъ весьма охотно предложилъ Лудовику XVIII жить въ Митавѣ; онъ повелѣлъ принять его, какъ Короля и осыпалъ его вѣжливостями и уваженіемъ; но по прошествіи трехъ лѣтъ, когда Павелъ 4 сблизилъ

ся съ человѣкомъ, долженствовавшимъ черезъ двѣнадцать лѣтъ разорить его древнюю столицу, то Лудовикъ принужденнымъ нашелся выѣхать изъ владѣній сего Государя.

Въ продолженіе сего-то трехлѣтняго пребыванія въ Митавѣ, Лудовикъ XVIII, котораго мы называли тогда Графомъ Лильскимъ, написалъ къ Первому Консулу письма, приведенныя мною въ своемъ мѣстѣ. Пруссія, въ слѣдствіе новой просьбы, согласилась наконецъ на то, чтобы Лудовикъ XVI отправился на жительство въ Варшаву; но при возшествіи Наполеона на Императорскій престолъ Король выѣхалъ изъ сей столицы и отправился для совѣщанія о новомъ своемъ положеніи съ единственнымъ Государемъ, неизмѣнчившимъ ему въ несчастіи, съ Королемъ Шведскимъ; они имѣли съ нимъ свиданіе въ Кальмарѣ и изъ сего то города былъ написанъ протестъ, также выше мною помѣщенный. Онъ не долго пробылъ во владѣніяхъ Короля Шведскаго; въ то время какъ Россія готовилась присоединить орлы свои къ орламъ Австріи, для того чтобы сразиться съ новыми орлами Французской Имперіи, Александръ вновь предложилъ Графу Лильскому прежде его въ Россіи убѣжище; но по случаю заключенія Тильзитскаго мира, Лудовикъ XVIII, опасался чтобы опять не вышло тоже что и прежде, увидѣлъ, что ему должно отказаться отъ жи-

тельства на Твердой Земль, и тогда то я прочиталъ въ Сѣверной Пчелѣ статью, выше мною упомянутую.

Какой обширный предметъ для размышленій представляеть это пятнадцатилѣтнее волненіе; что касается до меня, то всякой разъ, когда который нибудь изъ монахъ агентовъ извѣщаль меня о томъ, что дѣлалъ и что говорилъ Графъ Лильскій, я не могъ не ощущать сильнаго волненія. Это было предметомъ самыхъ обыкновенныхъ вопросовъ Фуше въ его переннскѣ. Сколько сокровищъ Полиція истратила на то, чтобы быть извѣщаемою о малѣйшихъ поступкахъ Бурбоновъ; и сколько она заплатила денегъ за то, чтобы ничего изъ оныхъ не обнаружилось публикѣ. Увы! поступки ихъ слишкомъ хорошо были всеъ пересказываемы и золото развязало у многихъ языки, которые считали скованными вѣрностью.

Есть одно обстоятельство, которое я считаю долгомъ выставить, ибо я въ немъ удостовѣрился; а именно, что Лудовикъ XVIII вдругъ и совершенно по своей волѣ выѣхалъ изъ Мн-тавы, и если, какъ я сказала, онъ могъ опасаться чтобы его оттуда не выслали, то этотъ страхъ не имѣлъ совершенно никакого основанія. Императору Александру вовсе даже не было извѣстно намѣреніе Короля относительно его отъѣзда, и онъ узналъ объ ономъ только чрезъ

превосходнаго Барона Дризена, Митавскаго Губернатора. Объяснивъ эту статью мнѣ остается исправить еще важное заблужденіе, если только это было заблужденіе, въ которое впади многіе историки. Неправедливо сказано, будто бы Король выѣхалъ изъ Митавы только съ тѣмъ, чтобы устроить новыя волненія во Франціи; я осмѣливаюсь рѣшительно опровергнуть такое показаніе; еслибы это такъ было, то я бы о томъ узналъ, ибо не считая извѣстій, благосклонно сообщаемыхъ мнѣ нѣкоторыми почетными эмигрантами, я не имѣлъ недостатка ни въ глазахъ, ни въ ушахъ для того чтобы далеко видѣть и слышать. Притомъ здравый разумъ достаточно доказываетъ, сколь такое предположеніе было ложно и даже странно. Притомъ же и время къ тому было бы очень дурно выбрано, ибо тогда объ Испанскомъ дѣлѣ еще и не подозрѣвали, и со времени Тильзитскаго мира до начатія этой бѣдственной кампаніи, Императоръ Наполеонъ наиболѣе пользовался любовью во Франціи. Приближенные Лудовика XVIII, присовѣтовавшіе ему выѣхать изъ Митавы, много надѣялись на послѣднюю войну; они еще болѣе надѣялись на новыя войны, которыя честолюбіе Наполеона непременно должно было возжечь; но имъ слишкомъ хорошо было извѣстно внутреннее положеніе Франціи для того, чтобы они могли ожидать

хотя чего либо отъ волненій во Франціи или отъ возможности устроить оныя. Для Людовика XVIII-го также, *груша не была еще спѣла.*

Г-ну Гю совершенно были извѣстны намѣренія Людовика XVIII даже лучше чѣмъ Графу д'Авере. Мнѣ показывали въ Гамбургѣ письмо Аббата де Булоня къ Герцогу д'Омонту, которое совершенно открыло мнѣ истину о предположеніяхъ Короля. Это письмо было писано отъ 22 Октября, слѣдовательно за короткое время передъ его отъездомъ. Аббатъ Булонь говорилъ въ немъ, что Король собирается ѣхать въ Англію съ Герцогомъ Ангулемскимъ; что онъ приглашаетъ туда все свое семейство; что эта рѣшимость Короля повергла родственниковъ его въ неописанное уныніе; что ихъ утѣшала одна только надежда, что Король скорѣе успѣетъ составить въ Англіи союзъ противъ Главы Французскаго Правительства. Баронъ д'Эмберъ, видѣвшій отвѣтъ Герцога д'Омонта, увѣрялъ меня, что по содержанию онаго, легко было видѣть, что партія Графа Дильскаго не перестаетъ питаться самыми обманчивыми надеждами. Я легко этому повѣрилъ, ибо во многихъ обстоятельствахъ видѣлъ, что одною изъ характерическихъ чертъ эмигрантовъ вообще, была непостижимая склонность вѣрить тому, чего они желали.

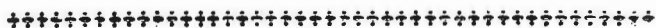
29 Ноября мнѣ сообщили еще письмо изъ

Лондона, полученное чрезъ Швецію; оно было отъ 3 Ноября и содержало въ себѣ нѣкоторыя подробности о прибытіи Графа Лильскаго въ Англію. Король пріѣхалъ въ Ярмутъ 31 Октябрю и принужденъ былъ дожидаться нѣсколько времени, пока были устранены затрудненія касательно выхода его на берегъ и продолженія, равно какъ и направленія, пути его. Въ этомъ письмѣ было сказано, что Король Англійскій заблагоразсудилъ отказать Графу Лильскому въ дозволеніи пріѣхать въ Лондонъ или въ его окрестности. Ему назначили для жительства Голи-Гудской дворецъ въ Едимбургѣ. Г-ну Россу, Секретарю Г. Каннинга было поручено отвезти Лудовику XVIII въ Ярмутъ рѣшеніе, принятое Королемъ Англійскимъ.

Предосторожность, взятая Англійскимъ Министерствомъ недозволеніемъ бѣгствующему Королю приближаться къ Лондону, показалась мнѣ довольно замѣчательнымъ обстоятельствомъ при взаимномъ положеніи Правительствъ Французскаго и Англійскаго; и я увидѣлъ въ этомъ доказательство сказаннаго мнѣ Княземъ Витгенштейномъ и приведеннаго мною въ предъидущей части, на счетъ расположенія Г. Каннинга къ тому, чтобы достигнуть соглашения. Но приближалась минута, когда Испанскія дѣла должныствовали положить тому непреодолимое препятствіе, затруднить еще болѣе и безъ того

уже чрезвычайно покривленные и спутанные выгоды всѣхъ Европейскихъ Державъ и открыть наконецъ Наполеону то обширное поприще, которое долженствовало погубить его. Самъ онъ не захотѣлъ чтобы надежды эмигрантовъ на долгое время оставались мечтательными и мы по счастью увидѣли въ 1814 году, исполненіе пророческаго и удачнаго изреченія, сказаннаго ему Г-мъ Лемерсье, въ разговоръ, происходившемъ за нѣсколько дней до учрежденія Имперіи: «Если вы перестелете постелю Бурбоновъ, Генераль, то вы не просните въ ней и десяти лѣтъ (*).»

(*) Онъ проспалъ въ ней девять лѣтъ и девять мѣсяцовъ.

Г Л А В А II.

Великій открыватель тайнъ. — Г. Ректернъ въ Гамбургъ. — Сообщенныя мною о немъ свѣдѣнiя. — Письмо отъ Юзефины. — Новыя требованiя Императора у Ганзейскихъ городовъ. — Уклончивыя отвѣты. — Извѣстность мнѣ замысловъ Наполеона касательно Германiи. — Неудобносполнимыя приказанiя. — Три тысячъ матросовъ, требуемыя у Гамбурга. — Истощенiе средствъ. — Отъездъ Князя Понте-Корво. — Предсказанный Королевскiй санъ и суевѣрiе. — Письмо Бернадота. — Перехваченныя письма. — Ла Романа и Романковость.

Великій открыватель тайнъ Европы, Фунис, при первой молвѣ о возникшихъ въ Испанiи движенiяхъ, началъ присылать ко мнѣ вопросъ за вопросомъ о Графѣ Ректернѣ, бывшемъ Министрѣ Мадридскаго Двора въ Гамбургъ, и который выѣхалъ оттуда, по волѣ двора своего, черезъ четыре мѣсяца по прибытiи моемъ въ этотъ городъ. Это значило слишкомъ далеко

братся за прежнее для полученія свѣдѣній о настоящихъ дѣлахъ. Хотя большею частью я старался уклоняться отъ этого рода вопросовъ объ особахъ, занимавшихъ почетныя мѣста въ дипломатическомъ Корпусѣ; но при такихъ важныхъ обстоятельствахъ и предъ грозою, которая собиралась на Югѣ Европы, я счелъ долгомъ сообщить Министру Полиціи то, что мнѣ было извѣстно о Г. Ректернѣ. Я имѣлъ съ нимъ частыя сношенія, и мы даже подружились въ продолженіи короткаго времени пребыванія нашего вмѣстѣ въ Гамбургѣ. Г. Ректернъ былъ превосходный, честный человекъ, исполненный благородства, врагъ всякихъ козней, любившій Францію и Французовъ, но нескрывавшій, сколько онъ не одобряетъ систему нашествій, безпрестанно побуждавшую Императора къ новымъ предпріятіямъ. Онъ охотно въ этомъ открывался, когда могъ сіе безопасно дѣлать. Вотъ все, что я зналъ объ этомъ Посланникѣ и что могъ отвѣчать Министру Полиціи.

Въ ту самую минуту, какъ я отправлялъ къ Фуше свѣдѣнія, которыя конечно должны были показаться ему неудовлетворительными, ибо не сообщали ему ничего подозрительнаго на счетъ личныхъ поступковъ Г. Ректерна, я получилъ новый знакъ памяти отъ доброй Юзефины. Она прислала мнѣ слѣдующую записку: «Г. Милость, находящійся теперь въ Гамбургѣ»

«гъ, желаетъ, любезный Буріеншъ, чтобы я просила васъ объ оказаніи ему вашего расположенія и участія. Мнѣ тѣмъ пріятнѣе писать вамъ о немъ, что это доставляетъ мнѣ случай возобновить увѣреніе въ чувствахъ моихъ къ вамъ.»

Письмо Иозефины было написано изъ Фонтенбло, куда Императоръ возобновилъ поѣздки почти по образцу стариннаго этикета Французскаго Двора. Онъ иногда забавлялся тамъ охотою, единственно для того, чтобы дѣлать тоже, что дѣлалось прежде, ибо эта забава не болѣе правилась ему какъ Монтену шахматная игра; но онъ занимался такъ какъ и вездѣ попеченіями о своемъ величій, придумывая къ несчастію требованія съ отдаленныхъ земель, весьма способныя лишить его расположенія народовъ. Такъ напримѣръ Генераль Интендантъ арміи Дарю, сообщилъ мнѣ волю Наполеона, дабы жалованье всѣхъ войскъ, стоящихъ въ Ганзейскихъ городахъ, было выдаваемо этими городами. Мнѣ очень больно было сообщать такія вещи Бременскому, Любекскому и Гамбургскому Сенатамъ, но долгу мой того требовалъ и я давно уже привыкъ къ исполненію еще болѣе тягостныхъ обязанностей. И такъ я обратился ко всѣмъ Сенатамъ, не совокупно, но къ каждому порознь, въ надеждѣ, что согласіе одного изъ нихъ послужитъ мнѣ къ преклошенію двухъ

другихъ; но они какъ будто сговорились, и я получилъ отъ нихъ только уклончивые отвѣты съ жалобами на свое стѣсненное положеніе. Я исполнилъ мою обязанность, начавъ переговоры, коихъ я предвидѣлъ развязку; и потомъ счелъ долгомъ подтвердить предъ Правительствомъ ихъ доводы, коихъ основательность очень была мнѣ известна.

Совершенно,—и могу сказать, лучше всякаго другаго, зная надежды и замыслы Бонапарте касательно Сѣверной Германіи, я съ живѣйшимъ огорченіемъ и даже не безъ страха видѣлъ его дѣлающаго все возможное для превращенія во враговъ жителей страны, которая всегда пре- была бы спокойною, еслибъ ей только дозво- лили сохранить ея нейтралитетъ. Послѣ столь- кихъ великихъ жертвованій, которыя Ганзей- скіе города уже сдѣлали, мнѣ всякой разъ очень многого стоило требовать у нихъ опять но- выхъ. Я считалъ жесточайшею несправедли- востью всякой налогъ, которымъ хотѣли обре- мѣнить ихъ и требованіе о уплатѣ жалованья Французскимъ войскамъ, состоящимъ въ зем- ляхъ ихъ, было не только ужасно тяжело, но сверхъ того это требованіе заключало въ себѣ нѣчто унижительное, а униженіе меньше всего прощается.

Между получаемыми мною приказаніями, нѣ- которыя были совершенно неудобносполнимы:

напримѣръ, я однажды получилъ приказъ набрать три тысячи матросовъ въ Ганзейскихъ городахъ!... Какой неискусный дѣлецъ, какой безумный совѣтникъ, могъ внушить Наполеону такую глупость? Это было все равно, какъ еслибъ во Франціи захотѣли набрать пять сотъ тысячъ матросовъ. Этотъ замыселъ, какъ неудобноисполнимый, не исполнился и я съ трудомъ могъ увѣрить, что шестая часть требуемаго Императоромъ, была все, что позволяли выполнить истощенныя средства Ганзейскихъ городовъ. И такъ они доставили 500 матросовъ; да и тутъ еще для пополненія сего числа, принуждены были включить въ этотъ наборъ людей вовсе неспособныхъ къ морской военной службѣ. Но что нужды, это были люди; они составляли число; а ихъ такое ужасное множество истреблялось!

Весною 1808 года, я очень былъ огорченъ тѣмъ, что Князь Пошге-Корво который всегда такъ охотно соглашался по возможности облегчать требованія людьми и деньгами, которыми Правительство безпрестанно обременяло Ганзейскіе города, получилъ приказаніе отправиться въ Копенгагенъ (*). Онъ выѣхалъ изъ Гамбурга 8 Марта дабы прибыть къ мѣсту своего назна-

(*) Онъ ѣхалъ для принятія начальства надъ Французскими войсками, которыя Императоръ послалъ въ Данію послѣ бомбардированія Копенгагена Англичанами.

ченія 14 числа того же мѣсяца; Датскій Повѣреннѣй въ дѣлахъ получалъ приказаніе также ѣхать съ Княземъ, въ званіи при немъ Королевскаго Комисара. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что во время начальства своего въ Гамбургѣ и во время пребыванія въ Ютландіи, Бернадотъ неумышленно приуготовилъ себѣ путь къ Шведскому престолу. Бернадотъ, какъ мнѣ помнится, также вѣрилъ нѣкоторымъ пророчествамъ и предопредѣленію, однимъ словомъ онъ вѣрилъ Астрологіи, и я не могу забыть, что онъ однажды вовсе не шутя сказалъ мнѣ: «Повѣрите ли вы, любезный другъ, что мнѣ предсказывали въ Парижѣ, что я буду Королемъ, но что для этого мнѣ надобно переѣхать черезъ море.» Я смѣялся съ нимъ надъ этою умственною слабостью, которой самъ Наполеонъ не былъ чуждъ; и очень знаю не сверхъестественное вліяніе, а его добрый, благолюбивый характеръ возвели его на степень Государей Европы; онъ не имѣлъ другаго талисмана, кромѣ мудрости своего управленія, и готовности его противиться несправедливымъ мѣрамъ: вотъ что соединило всѣ мнѣнія въ его пользу. Я имѣлъ счастье жить съ нимъ, особенно въ Гамбургѣ, въ самыхъ короткихъ связяхъ и вѣчно сохраняю о томъ воспоминаніе. Я еще неоднократно буду имѣть случай говорить объ этомъ превосходномъ человѣкѣ, особенно въ ту эпоху когда мы

увидимъ его призваннаго въ званіе Паслѣднаго Принца Швеціи, по добровольному желанію Шведовъ.

Затруднительность Сѣверныхъ дорогъ заставила Бернадота проѣхать однимъ днемъ долѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Въместо 14 числа, онъ прибылъ въ Копенгагенъ 15-го, ровно за два часа до смерти Датскаго Короля Христіана, о которой онъ сообщилъ мнѣ слѣдующимъ письмомъ, написаннымъ черезъ день послѣ его пріѣзда.

«Не хочу отправить этого курьера, любезный мой Министръ, неприбавивъ къ моей официальной депешѣ нѣсколькихъ дружескихъ словъ. Я пріѣхалъ третьяго дня вечеромъ въ Копенгагенъ, за нѣсколько часовъ до распространенія извѣстія о смерти Короля. Войска наши были вездѣ отлично хорошо приняты. Мнѣ оказываютъ невозможное вниманіе и уваженіе, и я еще могу нахвалиться обхожденіемъ со мною Новаго Короля. Голова нашихъ колоннъ находится въ Фіоніи; новыя распоряженія нѣсколько замедлили переходъ арміи. Впрочемъ погода очень намъ благопріятствуетъ; холодъ весьма силенъ; Зундъ и Категатъ еще покрыты льдомъ.

«Вы будете обстоятельно увѣдомлены, любезный Министръ, обо всемъ, что здѣсь произойдетъ; поверьте, что я всегда буду считать

«истиннымъ удовольствіемъ сообщать вамъ извѣстія и возобновлять вамъ увѣренія въ моей привязанности.

«Прошу васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе Г-жѣ Бургенъ и не забыть напомнить обо мнѣ всему вашему любезному семейству.

«Обнимаю васъ

І. БЕРНАДОТЪ.»

Копенгагенъ, 18 Марта 1808.

6 числа слѣдующаго Апрѣля мѣсяца, я получилъ отъ Бернадота другое письмо, въ которомъ онъ просилъ меня приказать Почтъ-Директору задерживать всѣ письма, присылаемыя на имя Испанскихъ войскъ, которыя состояли подъ его начальствомъ и въ числѣ коихъ находился корпусъ де ла Романы, о которомъ мнѣ скоро придется говорить. Почтъ-Директоръ долженъ былъ оставить эти письма у себя до тѣхъ поръ, пока получитъ приказаніе послать ихъ въ армию. Бернадотъ счелъ эту мѣру необходимою для предупрежденія замысла взбунтовать Испанцевъ, бывшихъ подъ его начальствомъ. Изъ депешъ его я увидѣлъ, что онъ боится козней Романильоса, Секретаря Испанскаго Посольства въ Гамбургѣ, гдѣ ему были поручены дѣла его Правительства со времени отъѣзда Г. Рехтерна; но Бернадотъ напрасно его

опасался. Романилосьъ былъ одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ людей, и рѣчи его равно какъ сочиненія были слишкомъ невинны для того, чтобы онъ могъ имѣть какое либо вліяніе на общественное мнѣніе.

Г Л А В А III.

Адьютантъ Герцога Зюдерманландскаго. — Охранная стража, данная Г. Сурмену. — Я назначенъ Генеральнымъ Консуломъ въ Гамбургъ. — Невъстивность судебныхъ приговоровъ. — Глухой ковъ. — Отрывокъ изъ одного сочиненія. — Клевета на Г. Штейна, на Князя Витгенштейна и на меня — Любовь Г-на Штейна къ свободѣ и ненависть Наполеона къ этому Министру. — Бонапарте читаетъ въ будущемъ. — Политическое завѣщаніе Барона Штейна. — Опроверженіе клеветы. — Обвиненіе, сдѣланное противъ Князя Витгенштейна. — Поддѣльная копія съ письма Графини Воссъ. — Умѣренность Бернадота. — Огорченіе и признательность Князя Витгенштейна. — Необходимая мѣра. — Письмо Бернадота къ Императору. — Офиціальная нота Прусскаго Министра въ Гамбургъ. — Оправданіе, затрудненное доносами. — Французскіе козни въ Берлинѣ. — Письменный отзывъ Князя Витгенштейна. — Дѣльное письмо Короля Прусскаго.

Должность Полномочнаго Министра въ такомъ проѣздемъ мѣсть, какимъ былъ Гамбургъ во все время моего тамъ пребыванія, достав-

лгать случай узнать множество разныхъ людей и еслибъ возможно было посвятить наблюденію то время, которое слѣдуетъ употребить для дѣль, то очень удобно было бы заняться нравственными и политическими изслѣдованіями. Я болѣе любилъ тѣхъ, которые проживали нѣсколько времени, чѣмъ тѣхъ, которые только проѣзжали черезъ Гамбургъ. Между этими послѣдними, я помню Полковника Сюрмена, Старшаго Адъютанта Герцога Зюдерманландскаго. Г. Сурмень пріѣхалъ ко мнѣ однажды вечеромъ и на другой же день отправился въ Парижъ; это было, кажется въ концѣ Марта 1808 года. Онъ имѣлъ письмо отъ Герцога къ Министру Иностранныхъ Дѣль. Съ Г-мъ Сурменемъ былъ Адъютантъ его Драгунскій Поручикъ Графъ Ернемурдъ. Датскій Офицеръ провожалъ его отъ Копенгагена до Гамбурга. Я отправилъ съ нимъ Французскаго Офицера, для сопровожденія его до Гановра. Предъ отъездомъ своимъ Г. Сурмень объявилъ мнѣ также, что онъ имѣетъ письма отъ Г. Ернштейма, Президента Канцелляріи къ Министру Иностранныхъ Дѣль и отъ Герцога къ Императору.

Я помню, что около этой же эпохи, по присоединеніи званія Генеральнаго Консула Франціи къ той должности, которая первоначально была мнѣ ввѣрена Императоромъ, я принужденнымъ нашлся по этому званію сдѣлать Министру

Вышшихъ Сношеній довольно странное представление: дѣло состояло въ просьбѣ, чтобы судебныя приговоры, которые мнѣ, какъ Генераль-Консулу поручалось объявлять Гамбургцамъ, были писаны появственнѣе. Я не могъ этого не сдѣлать, ибо многіе изъ этихъ приговоровъ не были принимаемы по причинѣ невозможности разобрать ихъ; одинъ изъ нихъ былъ такъ неявственно написанъ, что даже затруднились различить къ Нѣмецкому, къ Французскому или къ Китайскому языку принадлежали его буквы.

Это дѣло было только забавно, и мнѣ легко удалось выпросить, чтобы приговоры впредь писали явственнѣе, но въ теченіе 1808 года случилось другое чрезвычайно важное, въ которомъ я принялъ живѣйшее участіе, и которое доказываетъ до какой степени лживости и, можно сказать бездѣльничества, могутъ унижаться злобные люди, безпрестанно занимающіея тѣмъ, чтобы устроить свою судьбу по средствомъ клеветы. То что я говорю относится къ ковамъ, которые были устраиваемы противъ Князя Витгенштейна, о которомъ я скажаль, что буду еще говорить подробнѣе. Дабы вполне выставить эти адскіе ковы, да позволено мнѣ будетъ привести отрывокъ изъ одного сочиненія, которое я послѣ назову. Вотъ что я прочталь въ немъ.

«Права человека и народовъ были нарушены самымъ необычайнымъ и самымъ бесчеловечнымъ образомъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1808 года, въ особѣ Князя Витгенштейна, Прусскаго Министра въ Гамбургѣ и какъ это послѣдствие причинило ссылку Г. Штейна на-полеономъ, то его кетати здѣсь привести.

«Князь Витгенштейнъ обыкновенно получалъ свои денегн чрезъ Г. Штейна, Прусскаго Министра, находившагося въ Кенигсбергѣ съ Кофелемъ. Бонапарте полюбопытетствовалъ узнать содержаніе этихъ денегей. Для сего онъ приказалъ задержать курьера и разсмотрѣвъ его денегн отпавилъ ихъ по принадлежности къ Князю Витгенштейну въ Гамбургѣ. Онъ содержали суровыя размышленія о поведеніи Бонапарте въ Испаніи и въ Вестфаліи. Онъ послалъ потомъ нѣсколько писемъ, поддѣльныхъ подъ руку Г. Штейна къ Князю въ Гамбургѣ. Эти письма приглашали его прислать планъ для возмущенія Вестфаліи. Князь Витгенштейнъ, вѣдая что думать о несвязномъ слогѣ этихъ писемъ, написалъ къ Графу Гольцу и къ Министру Короля Прусскаго, находившагося въ Кенигсбергѣ касательно странныхъ посланій, получаемыхъ имъ отъ Г. Штейна. Французскіе агенты перехватили это письмо, и опасаясь, чтобы истина не открылась, прибѣгли къ новымъ средствамъ.

«Въ слѣдствіе сего Князь Витгенштейнъ былъ задержанъ въ Гамбургъ и отвезенъ въ домъ Наполеонова Министра Буріенна. Его принудили написать къ Графу Гольцу касательно: безчестнаго поведенія съ нимъ Г. Штейна, «будто бы Штейнъ старался взбунтовать Вестфалію противъ ея Государя и другія, столь же безстыдныя лжи. Эти письма были отосланы для напечатанія въ Монитёръ, гдѣ явились «7 Сентября 1808 года. Бонапарте не смотря на всю свою хитрость не умѣлъ сохранять своихъ собственныхъ тайнъ. Изъ самыхъ этихъ писемъ очевидно, что Князь Витгенштейнъ былъ принужденъ написать ихъ, ибо онъ вѣрно не послалъ бы ихъ въ Монитёръ. Что касается до Графа Гольца, то онъ никогда не получилъ ихъ; подлинники были отосланы въ Парижъ, гдѣ они и остались. Послѣ этого-то соблазнительнаго дѣла, Г. Штейнъ былъ лишень покровительства законовъ.»

Разсмотримъ сей отрывокъ, въ которомъ мое имя упомянуто, и всякой ясно увидитъ, какъ дѣло происходило. Г. Штейнъ былъ слишкомъ мало извѣстенъ. Будучи Министромъ Короля Прусскаго, онъ отличался между чинами Берлинскаго кабинета, содѣйствовавшими всюю своею силою возрожденію народа и воспламененію общественнаго духа, составляющаго жизнь и охрану Государствъ. Онъ хотѣлъ на-

питать всѣ души тою блистательною мыслью, что подданные и Правительство должны соединяться узами общей выгоды. Этого было достаточно для того, чтобы Наполеонъ возненавидѣлъ Г. Штейна. Не терпя во Франціи этихъ патріотическихъ чувствъ, которыя однакоже приуготовили и отверзли ему путь къ Французскому престолу, могъ ли онъ допустить ихъ у народа, съ которымъ онъ находился въ войнѣ, тогда въ особенности, какъ онъ видѣлъ, что національное воспламененіе, обнаруживавшееся въ Пруссіи, могло положить оплотъ его честолюбію? Бонапарте приписалъ Г-ну Штейну и его системѣ, патріотическій ропотъ, сперва глухо распространившійся во владѣніяхъ Фридриха Вильгельма, а въ послѣдствіи долженствовавшій вспыхнуть. Г. Штейнъ, какъ Наполеону было извѣстно, содѣйствовалъ къ пробужденію въ Прусскомъ народѣ чувства къ обидамъ, нанесеннымъ его Правительству до 1806 года, равно и къ сдѣланному ему оскорбленію чрезъ нарушеніе поземельныхъ правъ Маркграфствъ Барейтскаго и Аншахскаго. Причемъ ненависть Наполеона съ этой поры къ Г. Штейну доказываетъ обширность и прозорливость его взгляда. Онъ читалъ въ будущемъ то, что должно было произойти, и я нисколько не сомнѣваюсь, что это первоначальное внушеніе, сообщенное умамъ въ Пруссіи, произвело въ по-

слѣдствіи тотъ великодушный порывъ, по которому Генераль Іоркъ отдѣлился отъ Французскихъ войскъ, не ожидая согласія Короля Прусскаго. Это событіе, къ которому я въ послѣдствіи еще возвращусь, конечно наибольше содѣйствовало къ освобожденію Германіи отъ Французскаго ига.

Въ Ноябрь мѣсяцѣ Г. Штейнъ издалъ въ Кенигсбергѣ, гдѣ онъ тогда находился, циркулярное посланіе къ великимъ сановникамъ Прусскаго Королевства: это посланіе было извѣстно подъ именемъ *Политическаго завѣщанія Барона Штейна*. Вотъ въ короткихъ словахъ, то что я зналъ относительно Барона Штейна, и слѣдовательно все то, что я могу о немъ сказать. Я никогда не зналъ его лично; не имѣлъ съ нимъ никакой перенески и вызываю всякаго оспорить, что между нами никогда не существовало даже тѣни какихъ либо сношеній. Имя его есть для меня историческое, вотъ и всё. Но я имѣю право спросить, возможно ли позволять себѣ съ такою живостью искажать событія, какъ то сдѣлано въ приведенномъ мною отрывкѣ? Повторяю, что я не могу оставить безъ отвѣта такую клевету. Обвиненіе слишкомъ важно для того, чтобы мнѣ дозволено было сохранить молчаніе, тѣмъ болѣе, что это статья о Г. Штейнѣ, поддѣлана слогомъ истины и правдолюбія, могущемъ убѣдить тѣхъ

людей, которые не имѣют нужды разыскивать внутренности вещей. Клевета всегда любит нападать на сановниковъ Правительства; но эти послѣдніе должны въ свою очередь имѣть полное право защищаться и называть клеветниками тѣхъ, которые на нихъ клеветаютъ.

Вотъ истинна, основанная на достовѣрныхъ бумагахъ; изъ сравненія этихъ двухъ рассказовъ всякой увидитъ, что одинъ изъ нихъ есть чистая выдумка, ибо они во всемъ между собою различествуютъ; но есть судья, котораго здравый его разсудокъ рѣдко обманываетъ; этотъ судья—публика и она рѣшитъ дѣло.

Графиня де Воссъ, Оберъ-Гофмейстерина двора Королевы Прусской, написала въ Гамбургъ къ Князю Сайнъ-Витгенштейну, своему пріятелю письмо безъ означенія числа и мѣста. Это письмо пришло, какъ говорятъ въ Гамбургъ 16 Ноября; я привожу число ибо ничемъ не должно пренебрегать тогда какъ дѣло идетъ о томъ, чтобы доставить торжество истины.

Читатели вѣроятно не забыли сказаннаго мною выше о Князѣ Витгенштейнѣ; они видѣли, что онъ жилъ въ Гамбургѣ не какъ Прусскій Министръ, а какъ частный человекъ; Министромъ же этой Державы при Ганзейскихъ городахъ, былъ тогда Баронъ Гротъ. — Около того же времени, какъ письмо Графини де Воссъ

пришло въ Гамбургъ, Маршалъ Бернадотъ, находившійся тогда тамъ, получилъ отъ Г. Дарю письмо отъ 14 Полбря, съ приложеніемъ *копіи* съ письма Г-жи Воссъ, распечатаннаго въ Берлинѣ. Эта копія была на Французскомъ языкѣ по переводу оной съ Нѣмецкаго. При сообщеніи сей копіи, Принца Нонге-Корво просили задержать Князя Сайнъ-Витгенштейна. Но нѣкоторымъ выраженіямъ, употребленнымъ въ *переводной копіи* съ письма Г-жи Воссъ, показали видъ, будто бы думаютъ, что Князь Витгенштейнъ устроняетъ заговоръ, коего цѣль есть возмутить Вестфалію и наконецъ, умертвить Императора!

Бернадотъ тотчасъ пріѣхалъ ко мнѣ, дабы сообщить мнѣ эту непостижимую депешу. Съ самой первой минуты, я разсудилъ, что тутъ скрывается какой либо гнусный ковъ и замѣтилъ Маршалу, что находясь очень часто съ Княземъ и хорошо его зналъ, я считаю его неспособнымъ войти въ такіе умыслы; что онъ часто говорилъ мнѣ о Графинѣ де Воссъ, какъ о самой почтенной женщинѣ; что по моему мнѣнію его не слѣдовало задерживать, или по крайней мѣрѣ не дѣлать непріятной огласки. «Позъдемте къ нему,» сказала я Маршалу. «Онъ не ожидаетъ нашего посѣщенія; мы увидимъ какое дѣйствіе оно на него произведетъ и во всякомъ случаѣ потребуемъ отъ него честное слово не-

выѣзжать изъ Гамбурга до приведенія въ ясность этого дѣла.» Превосходный Бернадотъ, всегда расположенный къ добрымъ дѣламъ, склонился на мою просьбу. Тогда былъ одиннадцатый часъ вечера, и не прошло еще двухъ часовъ съ полученія изъ Берлина письма, какъ мы отправились вмѣстѣ къ Князю Витгенштейну. Мы застали его въ спальномъ платьѣ, очень спокойно сидящаго за чаемъ. Онъ принялъ нашу прїѣздъ за дружеское посѣщеніе, очень извинялся въ томъ, что мы нашли его не одѣтаго и замѣтилъ, что этому виною поздняя пора, въ которую мы къ нему пожаловали. Онъ былъ по обыкновенію свосму учтивъ и любезенъ, и намъ съ Бернадотомъ невозможно было предполагать, чтобы Г. Витгенштейнъ хоть что нибудь зналъ. Маршалъ со всевозможною осторожностью объявилъ ему цель нашего посѣщенія, ибо наконецъ надобно было дойти до того. Сначала онъ подумалъ, что мы для забавы сочинили шутку, но нашей съ нимъ короткости позволительную; но когда онъ увидѣлъ, что мы говоримъ не шутя, когда Бернадотъ далъ ему прочесть переводную копию съ письма Графини де Воссъ, то изумленіе и негодованіе Князя достигли высшей степени. Бернадотъ потребовалъ съ него слово не выѣзжать изъ Гамбурга безъ его разрѣшенія. Князь далъ его съ удовольствіемъ, не заинялся и объявилъ намъ, что

онъ не получилъ подлинника письма, нами ему сообщеннаго.

На другой день 17 Полября, Князь Витгенштейнъ прїѣхалъ ко мнѣ рано утромъ. Онъ былъ внѣ себя. Мнѣ слишкомъ хорошо были извѣстны прямота его и благородство характера, для того чтобы онъ имѣлъ нужду увѣрять меня, что онъ ни возмутитель, ни убійца. Я сдѣлалъ все, отъ меня зависѣвшее, дабы его успокоить и присовѣтовалъ ему потребовать, чтобы къ нему было доставлено подлинное письмо Графини де Воссъ.

Ни дружба, ни убѣжденіе не принимались въ уваженіе при столь строгомъ Правительствѣ, каково было Наполеоново; мы не могли не осмотрѣть бумагъ Князя; но всѣ изслѣдованія, сдѣланныя мною вмѣстѣ съ Генераломъ Жерардомъ, не открыли ничего, могущаго возбудить противъ Князя малѣйшее подозрѣніе; Маршалъ, въ слѣдствіе моего ходатайства и лично убѣдясь въ невинности Г. Витгенштейна, остался при прежней своей рѣшимости не брать его подъ стражу и положиться на слово его, что онъ не выйдетъ изъ Гамбурга, которое онъ далъ намъ въ тотъ вечеръ какъ мы внезапно его постигли. Дабы не навлечь на себя порицанія, Князь Понте-Корво написалъ слѣдующее письмо къ Императору, находившемуся тогда въ Испаніи.

«Государь,

«Имѣю честь представить присемь Вашему
«Величеству письмо, писанное ко мнѣ Генераль-
«Интендантомъ Дарю вмѣстѣ съ бумагою, кото-
«рая была къ оному приложена. Я тотчасъ при-
«казалъ раземотрѣть бумаги Князя Витгенштей-
«на Г-ну Министру Буріенну и Генералу Же-
«рарду, Начальнику Штаба моего Корпуса: ме-
«жду оными найдены только прилагаемыя при-
«семь три письма, подъ No 1, 2 и 3 заслужи-
«ваюція нѣкоторое вниманіе.

«На другой день, прибыли курьеры Берлин-
«скій и Кенигсбергскій; привезенныя ими дене-
«щи были распечатаны при Г. Буріеннѣ и при
«Почтъ-Директорѣ; найдено на имя Князя Вит-
«генштейна одно только письмо, адресованное
«черезъ здѣшняго банкира и прилагаемое при-
«семь подъ No 4 (*). Все, тѣ, которыя впредь
«получатся, равномерно будутъ перехвачены.

«Все это было сдѣлано безъ огласки и съ
«спадающею осторожностью.

«Считаю также долгомъ представить Вашему
«Величеству письмо, которое Князь Витгенш-
«тейнъ писалъ мнѣ въ свое оправданіе, присо-
«вокупивъ и копію съ того, которое онъ писалъ
«къ Министру Короля Вестфальскаго. По раз-
«емотрѣніи сего письма, равно какъ и всѣхъ
«бумагъ его, я не рѣшился взять подъ стражу

(*) Все эти письма были незначительны.

»Князя Витгенштейна, опасаясь сдѣлать неугодное Вашему Величеству. Но всѣ мѣры приняты для задержанія его, въ случаѣ нужды. «На счетъ сего я буду ожидать повелѣнія Вашего Величества.»

«При этомъ случаѣ, равно какъ и во всемъ, касающемся Вашего Величества, я всѣми силами буду стараться доказать мою преданность и усердіе.

«БЕРНАДОТЪ.»

Гамбургъ, 19 Ноября 1808.

Я продолжалъ уговаривать Князя Витгенштейна, чтобы онъ настоятельно требовалъ подлинника письма Графини де Воссъ, ксого переводъ навлекать на него такое подозрѣніе. Графъ Дарю отвѣчалъ 21 Ноября, что подлинникъ отосланъ къ Королю Прусскому въ Кенигсбергъ. Съ другой стороны Даву утверждалъ, будто бы подлинникъ отосланъ къ Князю, который съжгетъ его, и теперь будетъ отпираться отъ составленнаго заговора и отъ замысла убійства.

22 Ноября, Г. де Воссъ, племянникъ Графини де Воссъ, имѣлъ въ Берлинѣ разговоръ съ Графомъ Дарю, который увѣрялъ меня, что письмо было только списано и потомъ отправлено чрезъ почту по принадлежности. Но Князь

зналъ отъ Г. де Восса, что 20 числа, ему обѣщали показать подлинное письмо двадцать третьяго.

Такое непостижимое краснорѣчіе очень доказывало, что подлинное письмо еще существуетъ, и что кому нибудь желательно, чтобы его нельзя было сличить съ переводною копіею. Но этотъ подлинникъ былъ необходимъ Князю, который, будучи убѣжденъ въ своей невинности и коротко зная Графиню де Воссъ, утверждалъ что копія невѣрна и что невозможно, чтобы переводчикъ не перспичилъ смыслъ подлинника. До тѣхъ поръ, пока онъ не могъ сдѣлать этой повѣрки, онъ все оставался подъ важнымъ обвиненіемъ и былъ бы взятъ подъ стражу, еслибъ не прекрасная душа Бернадота, еслибъ не ходатайство мое въ его пользу и не короткое его знакомство съ нами.

Это дѣло заняло Гамбургскую дипломатію, и я получилъ 26 Ноября слѣдующую ноту отъ Барона Грота, Министра Короля Прусскаго.

«Нижеподписавшійся, чрезвычайный Посланникъ и Полномочный Министръ Е. В. Короля Прусскаго, отлучась по несчастію на нѣскольکو дней, съ позволенія двора своего, въ недавнемъ только времени узналъ о произшествіи, а столь же неожиданномъ, какъ и необычайномъ, причиненномъ офиціальнымъ доносомъ сдѣланымъ Его Свѣтлости Князю Понте-Корво, на

«Его Свѣтлость Князя Витгенштейна, Министра
«Е. В. Короля Прусскаго.

«Нижеподписавшійся измѣнилъ бы своему
«долгу, еслибъ онъ не протестовалъ официально
«противъ мѣръ, которыя въ слѣдствіе ужасной
«клеветы, были приняты относительно Князя
«Витгенштейна, Министра дружественной съ
«Францією Державы, и онъ проситъ Его Пре-
«восходительства Г. Бургенна, Полномочнаго
«Министра Е. В. Императора Французовъ, Ко-
«роля Италіи, Протектора Рейнскаго Союза, о
«содѣйствіи къ немедленному прекращенію мѣръ
«принятыхъ противъ Князя. Не только не ра-
«сполагая отсюда удалиться, Его Свѣтлость
«Князь Витгенштейнъ напротивъ того очень
«желаетъ продолжить здѣсь свое пребываніе,
«дабы привести въ ясность это дѣло и открыть
«черезъ то, если возможно, первый источникъ
«сей безчестной клеветы. Даже если физическая
«невозможность такого покушенія и не была
«очевидна, еслибъ такой замыселъ и могъ войти
«въ голову человѣка, нелишеннаго разсудка;
«еслибъ не было неподлежащимъ никакому со-
«мнѣнію, что Графиня де Воссъ не написала и
«не могла написать ни строчки изъ письма, ей
«приписаннаго, то мнѣ было бы неприлично
«обратиться оправдывать почетныхъ особъ, къ ко-
«чимъ это относится. Графиня де Воссъ, равно
«какъ и Князь Витгенштейнъ, имѣютъ честь

«пользоваться особеннымъ расположеніемъ Ихъ
«Велічествъ Короля и Королевы Прусскихъ;
«посему одного уже этого уваженія, оказывас-
«маго имъ Государями, коихъ великій, правдо-
«любивый характеръ извѣстенъ Европѣ, — доста-
«точно, дабы предохранить ихъ отъ малѣйшаго
«подозрѣнія въ томъ, что они даже могли пи-
«тать мысль о такомъ гнусномъ злодѣйствѣ,
«которое заставляетъ содрогаться, и о которомъ
«даже предположеніе кажется уже преступле-
«ніемъ противъ общества. Однакоже достоин-
«ство моего Двора было оскорблено мѣрами,
«принятыми относительно сего дѣла, и мудрость,
«равно какъ правосудіе Е. В. Императора Фран-
«цузовъ, не дозволяютъ мнѣ нисколько сомнѣ-
«ваться въ полномъ удовлетвореніи, которое онъ
«признаетъ нужнымъ сдѣлать въ столь важномъ
«случаѣ Е. В. Королю, моему Государю.

«Нижеподписавшійся проситъ Е. П. Г. Буріен-
«на содѣйствовать тому, представя на благо-
«усмотреніе сего великаго и Августѣйшаго Мо-
«нарха все, относящееся къ этому дѣлу.

«Нижеподписавшійся равномѣрно донесетъ
«объ этомъ своему Двору, представя копію съ
«сей ноты.

«Онъ имѣетъ честь повторить Е. П. Г. Бу-
«ріенну, Полномочному Министру Е. В. Импе-
«ратора Французовъ, Короля Италіи и Про-

«тектора Рейнского Союза, увѣреніе въ своемъ
«глубочайшемъ почтеніи и преданности.

«АВГУСТЪ, БАРОНЪ ГРОТЪ.»

Въ Гамбургъ, 26 Ноября 1808.

Между тѣмъ дни проходили, и не взирая на неоднократныя просьбы Князя Витгенштейна, подлиннаго письма не доставляли. Наконецъ, на другой день послѣ того какъ Г. Гротъ сообщилъ мнѣ вышеприведенную ноту и чрезъ тринадцать дней по полученіи *переводной копии*, Князь написалъ мнѣ по Шьмецки письмо, въ слѣдъ за симъ помѣщаемое, которое я самъ перевелъ на Французскій языкъ, и котораго подлинникъ у меня хранится.

«Вы получите при семъ, любезный другъ, подлинное письмо Графини де Воссъ, другое къ Князю Понте-Корво и третье отъ Министра де Восса. Если вамъ нужно что либо еще, то я немедленно приѣду къ вамъ.

«Если, какъ не могу отираться, я провинился сегодня передъ вами, не являсь къ вамъ лично (*), то вы должны видѣть въ этомъ

(*) Было условлено, чтобы Князь Витгенштейнъ каждый день пріѣзжалъ ко мнѣ, для доказательства присутствія своего въ Гамбургъ; но я требовалъ сего единственно для того, чтобы имѣть удовольствіе видѣть его у себя; и отсутствіе его никогда не возбуждало во мнѣ ни малѣйшаго беспокойства; я слишкомъ хорошо зналъ благородство его характера.

«только цѣну, которую я полагаю вашей *редкой* дружбѣ; одни только умѣющіе оцѣнивать «слабости своихъ ближнихъ могутъ внушать «высокое уваженіе, которое я къ вамъ питаю. «Мысль, потерять вашу дружбу и ваше расположеніе, провиниться въ нескромности и въ «неблагодарности, привела меня въ такое смущеніе, какого со мною никогда еще не случалось. Я былъ въ такомъ положеніи, котораго не могу вамъ описать.

«Вашъ вѣчно признательный

«ВИТГЕНШТЕЙНЪ.»

Гамбургъ, 27 Ноября 1808.

«P. S. Я не оставилъ у себя копій съ письма Г. де Восса. Если Князю угодно имѣть «длинное письмо его, которое я вчера вамъ читалъ, то оно завтра можетъ быть списано.»

Нравственное положеніе Князя Витгенштейна не улучшилось чрезъ полученіе подлиннаго письма. Онъ до такой степени безпокоился, что 29 Ноября написалъ мнѣ еще слѣдующую записку:

«Проспавъ девять часовъ и теперь только «вставъ, я забылъ мои огорченія, которыя вчера доходили до отчаянія. При пробужденіи моемъ, первая моя мысль была та, чтобы Богъ «благословилъ васъ и дѣтей вашихъ и доста-

«Видь бы мнѣ случай доказать вамъ, что я не
«недостойнъ вашей дружбы.

«Отъ всего сердца вашъ преданный
ВИТГЕНШТЕЙНЪ.»

Подлинникъ вышеупомянутаго письма, пере-
водная копія присланная изъ Берлина, и сдѣ-
ланный мною переводъ онаго, были отправле-
ны къ Императору. Онъ легко увидѣлъ разницу,
существующую между двумя переводами и не
нашелъ ни въ нотѣ, ни въ подлинникѣ, ника-
кого достаточнаго обозначенія умысла, въ ко-
емъ хотѣли было обвинить Князя Витгенштейна.

Спрашиваю теперь съ увѣренностью: послѣ
настоящаго изложенія того, какъ было дѣло,
подтвержденнаго неоспоримыми доказательства-
ми, что должно думать о написанной противъ
меня, вышеприведенной статьѣ? Когда она до-
шла до моего свѣдѣнія, то я уже занимался со-
ставленіемъ этихъ Записокъ, не зная еще точ-
но, когда издамъ ихъ въ свѣтъ; я уже имѣлъ у
себя всѣ вышепомѣщенныя бумаги и этого
было конечно болѣе, чѣмъ достаточно для опро-
верженія всѣхъ ложныхъ истолкованій, даже
зложелательства. Однакоже, дабы сколько мож-
но болѣе пояснить это дѣло, я написалъ къ
Князю Витгенштейну, Прусскому Кабинетному
Министру и получилъ отъ него, отъ 29 Июня 1828
года отвѣтъ, который прошу позволенія здѣсь

помѣстить, хотя по времени, когда отвѣтъ сей былъ написанъ, онъ и не относится къ времени, заключающемуся въ моихъ Запискахъ.

«Маршалъ Даву былъ Губернаторомъ въ Берлинѣ, тогда какъ на меня сдѣлали доносъ и вѣроятно, что по его требованію я былъ задержанъ. Ваши чувства и поведеніе ваше въ это время не могутъ никому болѣе какъ мнѣ быть извѣстны; а потому и никто болѣе меня не отдастъ вамъ справедливости.

«Когда я былъ задержанъ въ Гамбургѣ и угрожаемъ взятіемъ подъ стражу, то Французское Начальство, и въ особенности вы, показали ко мнѣ особенное участіе.

«Если вы намѣреваетесь издать Записки касательно сношеній вашихъ во время вашего пребыванія въ Гамбургѣ, то вы имѣете полное право сказать, что вы никогда не принуждали меня писать письма къ Министру Барону Штейну того содержанія и въ томъ смыслѣ, какъ сіе изложено Авторомъ книги: *Наши воспоминанія или грѣхи Наполеона*.

«Напротивъ того, я содержу въ живѣйшей памяти всѣ ваши пріязненные со мною поступки въ продолженіе этой весьма затруднительной эпохи. Я готовъ объявить это всякому ктобы вздумалъ усомниться въ чувствахъ моихъ по сему предмету. Я увѣренъ, что этого

«будетъ достаточно, дабы выставить въ настоящемъ видѣ ваше тогдашнее поведеніе.

«Думаю, любезный другъ, что вы отразите «этимъ взводимое на васъ обвиненіе. Одна только клевета могла подвергнуть васъ какому либо порицанію, на счетъ сношеній вашихъ въ это время со мною. Дѣлаемое мною вамъ объявленіе и увѣреніе въ моей живѣйшей, неизмѣнной признательности за все, сдѣланное вами въ мою пользу, представляютъ довольно «доказательствъ благороднаго вашего со мною «поведенія. Съ удовольствіемъ повторяю, что «все сдѣланное вами для меня въ ту эпоху, никогда не изгладится изъ моего сердца, и что «я сохраняю о томъ воспоминаніе до послѣдней «минуты моей жизни; считаю всегда долгомъ «выводить изъ заблужденія тѣхъ, которые усомнились бы въ благородствѣ вашихъ со мною «поступковъ. Пусть они ко мнѣ обратятся и я «дамъ имъ отвѣтъ.

«Вотъ, любезный другъ, то что я имѣлъ отвѣчать вамъ; присоединяю къ тому изъясненіе «моей искренней привязанности и моего совершеннаго уваженія.

«ВИТГЕНШТЕЙНЪ.»

Берлинъ, 29 Іюня 1828.

Мнѣ еще остается сообщить письмо Короля Прусскаго, которое я получилъ чрезъ Князя

Витгенштейна еще прежде подлой выдумки, ко- ей онъ едва было не сдѣлаемъ жертвою. Я нарочно помѣщаю его въ концѣ этой главы ибо эпоха, къ которой оно относится, приведетъ насъ къ самой той точкѣ, откуда мы опять отпра- вимся въ путь, намъ еще остающійся. Я считалъ это письмо почетною наградою за по- стоянныя мои усилія, по возможности смягчить зло, въ продолженіи безчисленныхъ бѣдъ и угнетеній, поражавшихъ Пруссію съ 1805 года до написанія этого письма и еще долгое время послѣ того. Я имѣю и тщательно берегу под- линникъ этого письма, написанный собственною рукою Прусскаго Короля; и вовсе не принимая на себя вида притворной скромности, я напро- тивъ того искренно признаюсь, что не безъ гордости представляю его моимъ читателямъ. Вотъ оно:

«Господинъ Посланникъ Буріеннъ. Я извѣстил- ся о чувствахъ справедливости и обязательна- го участія, которыя вы показывали къ моему Государству и къ моимъ подданнымъ, великой «разъ, когда вы имѣли къ тому случай и когда «ваши отношенія и обстоятельства дозволяли «вамъ онымъ предаваться. За удовольствіе счи- «таю благодарить васъ за то и прошу васъ «продолжать обнаруживать тѣже чувства при «случаяхъ, которыя безъ всякаго сомнѣнія еще «представятся. Будьте увѣрены, что я сохранио

«о томъ признательное воспоминаніе и самъ
«буду очень радъ всѣми зависящими отъ меня
«средствами доказать отдаваемую мною вамъ
«справедливость. За симъ, молю Бога и проч.

«ФРИДРИХЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ.»

Кенигсбергъ, 18 Марта 1808.

Я не скрылъ живѣйшаго удовольствія, даже
чувства гордости, ощущаемаго мною при пред-
ставленіи читателямъ этого письма; и кажется
позволительно замѣтить, что такое засвидѣтель-
ствованіе, когда оно дано добровольно Госуда-
ремъ болѣе имѣетъ вѣса, чѣмъ показанія клеветы,
разсѣваемыя въ бранныхъ сочиненіяхъ.

Г Л А В А IV.

Европа, Крещенскій пирогъ — Принцъ Шаумбургъ - Липпе и Герцогъ Голштинскій. — Письма ко мнѣ Германскихъ Принцевъ. — Желаніе участвовать въ Рейпскомъ союзѣ. — Клевета на меня относительно Г-на Гю. — Вѣрность службы Наполеону и поведеніе мое съ эмигрантами. — Принятое обвиненіе. — Предвидѣніе возврата Бурбоповъ. — Преемникъ Бернадота въ Гамбургъ. — Поведеніе Геперала Дюпа. — Требования и притѣсненія. — Народное волненіе у воротъ Гамбурга, запертыхъ прежде определеннаго времени. — Отецъ пятерыхъ дѣтей убитъ на бочкѣ. — Сходство между Дюпа и Кларкомъ. — Бѣшенство Дюпа и разбитыя тарелки. — Письмо мое къ Бернадоту. — Благородный и примѣчательный отвѣтъ. — Возвращеніе Бернадота въ Гамбургъ, а Дюпа въ Любекъ. — Новыя притѣсненія и Сенаторъ Нольтингъ. — Прекрасный поступокъ Адыютанта Баррала.

Читатели видѣли, какаѧ политическая ловушка была разставлена Князю Витгенштейну Не стану изображать картину всѣхъ мерзостей,

которымъ предавались второстепенные честолюбцы, въ надеждѣ получить себѣ хорошую долю при раздѣлѣ Европы, которую полководцы Императора считали какъ бы крещенскимъ пирогомъ, но которой бѣда никто не дерзаетъ у него оспорить. Утомительно было бы исчислять здѣсь все подлости, сдѣланныя съ тѣмъ, чтобы обогатиться или для того, чтобы выставить себя передъ вождемъ, который желалъ имѣть Королей своими первыми подданными. Не стану также увеличивать и числа помѣщаемыхъ мною писемъ; но за удовольствіе себѣ сочту представить публикѣ нѣкоторыя изъ нихъ, въ томъ числѣ два нижепомѣщаемыя, которыя лучше чѣмъ что либо докажутъ неопостижимое стремленіе, съ какимъ Германскіе Принцы сѣбѣ стали подъ покровительство Наполеона, вступивъ въ Рейнскій союзъ. Итакъ вотъ эти два письма, полученные мною во время пребыванія моего въ Гамбургѣ.

«Милостивый Государь,

«Вашему Превосходительству конечно уже извѣстно, что Его Величеству Императору и Королю было благоугодно Высочайше утвердить актъ присоединенія меня къ числу союзныхъ Рейнскихъ Принцевъ, подписанный въ Варшавѣ Его Свѣтлостью Княземъ Беневентскимъ и Барономъ Гагерномъ.

«Съ признательностью вспоминая о благосклонномъ приемѣ, сдѣланномъ мнѣ Вашимъ Превосходительствомъ во время бытности моея въ Гамбургѣ, смѣю надѣяться, что Вы примете нѣкоторое участіе въ счастливомъ окончаніи этого дѣла; что вы сохраните такое же «благорасположеніе къ моимъ будущимъ выгодамъ, какое вы тогда показали и дозволите смѣ въ при случаѣ съ увѣренностью обратиться къ оному.

«Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ уваженіи съ каковымъ имѣю честь быть, и проч.

ГЕОРГЪ - ВИЛЬГЕЛЬМЪ

Принцъ Шаумбургъ-Липпе.»

Буксбургъ, 14 Іюля 1807.

Это письмо писано гораздо прежде того, которое за нимъ слѣдуетъ. Второе получено мною уже послѣ Эрфуртскаго свиданія, которымъ и скоро долженъ буду заняться.

«Имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что я присоединился къ Рейнскому союзу 14 Октября въ минуту достопамятнаго свиданія въ Эрфуртѣ.

«Утвержденіе воспослѣдовало чрезъ определенный срокъ и вчера я получилъ подлинный

«актъ за подписаніемъ Его Величества Импера-
тора и Короля.

«Слѣшу имѣть честь сообщить о томъ Ваше-
му Превосходительству, полагая что съ одной
«стороны исполняю тѣмъ обязанность къ Ми-
«нистру Е. В. Императора и Короля, а съ дру-
«гой надѣясь что я приобрѣлъ право въ случаѣ
«нужды обращаться къ вашему благорасполо-
«женію.

«Съ совершеннымъ уваженіемъ имѣю честь
«быть и проч.

«ПЕТРЪ, Герцогъ ГОЛШТИНСКІЙ.»

Ольденбургъ, 25 Ноября 1808.

Эти письма, безпрестанно мною получаемыя
доказывали только одно: вліяніе, которое могу-
щество Наполеона имѣло на Германію и готов-
ность людей покоряться игу новой власти. На
счетъ сего я долженъ сказать, что между эми-
грантами, въ небольшомъ числѣ оставшимися
вѣрными своему дѣлу, были нѣкоторые, пока-
завшіе менѣе гибкости характера, чѣмъ иност-
равные Принцы. Таковъ былъ напримѣръ Г.
Гю, Камердинеръ Людовика XVI, о которомъ я
уже имѣлъ случай говорить. Великое уваженіе,
питаемое мною къ этому послѣднему и вѣрно-
му слугѣ Государя — мученика, есть такая вещь,
отъ которой я не намѣренъ отрицаться; но

уваженіе, оказанное мною этому добродѣтельно-му челоуѣку не должно бы подать повода къ показаніямъ, которыя я не могу назвать иначе какъ лживыми.

Я читалъ въ одной книгѣ: «Г. Гю удалился въ Гамбургъ, гдѣ онъ провелъ девять мѣсяцевъ въ совершенной безвѣстности и откуда «потомъ отправился въ Голландію, снабженный «паспортомъ отъ Буріенна, который будучи «Министромъ Наполеона, хотя имъ отрѣшен- «ный, и заранѣе предвидя ходъ дѣлъ, старался «пріобрѣсть себѣ благоволеніе Бурбоновъ.»

Въ этой статьѣ столькоже лжей, сколько строчекъ. Г. Гю желалъ жить въ Гамбургѣ, но онъ вовсе тамъ не скрывался. Я съ удовольствіемъ позволялъ ему оставаться тамъ, не смотря на весьма строгія противъ того повелѣнія, мною ему сообщенныя. Пригласивъ его къ себѣ, я объявилъ ему, чтобы онъ несколько не беспокоился и оставался въ Гамбургѣ, соблюдая только осторожность въ своихъ поступкахъ; когда же онъ вздумалъ ѣхать въ Голландію, то я взялъ на себя снабдить его паспортомъ. Я предоставилъ Г-ну Гю полную свободу исправлять дѣла свои, которыя мнѣ очень хорошо были извѣстны и которыя я находилъ почетными, ибо ему было поручено выдавать пансіоны, производимые Людовикомъ XVIII эмигрантамъ. Я былъ уволенъ, какъ вы-

ше видѣли, отъ должности собственнаго Секретаря Наполеона и даже допустить, что я отъ этого званія былъ отрѣшенъ имъ, нельзя было примѣнять этого къ званію моему Министра и Генеральнаго-Консула въ Гамбургѣ. Обстоятельства, составляющія всё, сдѣлали это мѣсто, весьма незначительное до эпохи, въ которую я туда былъ назначенъ, очень важною точкою, откуда Правительство наблюдало за всеми движеніями, за всеми дѣлами Сѣверной Германіи и во все время пребыванія моего въ Ганзейскихъ областяхъ я безпрестанно чувствовала, что Бонапарте не обмануль меня сказавъ мнѣ на прощальной аудіенціи: «Твое мѣсто есть совсемъ особенное.»

Нельзя говорить, будто бы, обходясь хорошо съ Г. Гю, я старался *пріобрѣсть* себя *благоволеніе Бурбонсвѣ*. Сколько есть людей, которые теперь стали бы этимъ хвалиться и причли бы это къ правамъ своимъ! Но любя истину, я объявляю, что этого не было. Развѣ челоуѣколюбіе есть измѣна? Я не имѣлъ скрытныхъ помысловъ, лично до меня касавшихся; облегченный довѣренностью Наполеона, я служилъ только Наполеону и смѣю сказать, что смягчая сколько отъ меня завистла суровость его приказаній, я служилъ ему лучше, чѣмъ тѣ, которые во всей силѣ исполняли оныя, возбуждая тѣмъ ненависть къ Француз-

скому Правительству. Въ подтвержденіе сего ниже увидятъ слова, сказанныя мнѣ Королемъ Прусскимъ въ самомъ Тюліерійскомъ дворцѣ послѣ перваго возстановленія Бурбоновъ и совсѣмъ противоположный тому отзывъ его одному Герцогу Имперіи, почти подлѣ меня стоявшему. Неужели меня стануть обвинять въ томъ, что я, сколько могъ, старался оказывать вниманія несчастнымъ эмигрантамъ? Принимаю на себя это обвиненіе и не только не отрицаюсь отъ него, но поставляю его себѣ за славу. Смерть не похитила еще всѣхъ, жившихъ въ Амьенѣ и въ Гамбургѣ; пусть явится хотя одинъ изъ нихъ, могущій на меня пожаловаться и пусть хотя одинъ также скажетъ, чтобы въ какомъ бы то нибыло обстоятельстве, я измѣнялъ въ ихъ пользу тѣмъ выгодамъ, которыя мнѣ было поручено поддерживать! Не боюсь ничего такого. Люди, которые, правда и сами того не зная, способствовали дѣлу Бурбоновъ, были тѣ, которые побудили Наполеона овладѣть короною Франціи, а не я, который отклонялъ его отъ этого сколько могъ. По сдѣланіи этого шага, признаюсь, что я счелъ возвращеніе Бурбоновъ вѣрнымъ, и я это уже нѣсколько разъ говорилъ, не только въ моихъ Запискахъ, но могу привести многочисленныхъ свидѣтелей того, что я повторялъ, не по свершеніи дѣла а при учрежденіи Имперіи,

когда Бонапарте находился на высшей степени своего могущества; вотъ истина; но я не доволюсь безумень для того, чтобы утверждать, будто бы я предвидѣлъ эпоху паденія Наполеона и возвращенія Бурбоновъ; даже объявлю, что я не полагалъ оную столь близкою. И такъ если я оказывалъ уваженіе Г-ну Гю и товарищамъ его злополучія, то я поступалъ по чувству челоуѣчества, а не изъ какихъ либо расчетовъ; я сдѣлалъ это потому что свойства мои побуждали меня предпочитать хорошее дурному; и уже конечно не имѣлъ нужды читать въ будущемъ для того, чтобы обвиновать себя весьма естественному чувству. Не ставлю этого себѣ въ достоинство, ибо я поступилъ такъ потому что мнѣ то повелѣвали мои чувства, и болѣе жалю чѣмъ порицаю тѣхъ людей, которые не въ состояніи постигнуть въ другихъ тѣхъ чувствъ, къ коимъ сами они неспособны и которые дѣйствуя по расчетамъ и изъ политики, хотятъ видѣть расчеты и политику во всѣхъ челоуѣческихъ поступкахъ. Стало быть Бернадотъ, — который хорошо меня зналъ и отъ котораго я не скрывалъ самыхъ тайныхъ моихъ мыслей—также дѣйствовалъ по расчетамъ, стараясь смягчать суровость приказаній, даваемыхъ ему для исполненія! Тоже самое было бы сказать, что онъ трудился тогда для того, чтобы сдѣлаться Королемъ Шведскимъ.

Князь Понте-Корво отправился въ Данію для принятія начальства надъ корпусомъ Французскихъ и Испанскихъ войскъ, которыя были посланы изъ Ганзейскихъ областей для занятія этого Королевства, угрожаемаго Англичанами. Это была для меня большая потеря, ибо мы всегда соглашались съ нимъ на счетъ мѣръ, которыя слѣдовало принимать или лучше сказать, смягчать, и эта потеря сдѣлалась для меня еще болѣе ощутительною, когда мнѣ пришлось сравнивать его съ его преемникомъ. Мнѣ больно рассказывать подробности недостойнаго поведенія тѣхъ, которые позорили Французское имя въ несчастной Германіи, но я исполню до конца возложенную мною на себя обязанность говорить истину.

Генераль Дюпа пріѣхалъ въ Гамбургъ въ Апрель мѣсяць 1808 года для начальствованія тамъ, по подѣ командою Бернадота, сохранившаго главное начальство надъ Французскими войсками въ Ганзейскихъ областяхъ. Императоръ, назначивъ Генерала Дюпа, жестоко обмануль ожиданія и надежды несчастныхъ обитателей Нижней Саксоніи. Этотъ Генераль, пагубный для Гамбургцевъ, говорилъ о нихъ: *Пока эти бездѣльники будутъ ѣздить въ каретахъ, я могу требовать отъ нихъ денегъ.* Впрочемъ по всей справедливости его нельзя упрекнуть, чтобы онъ требовалъ ихъ, или получалъ

для себя. Все ужасныя его исторженія дѣлались въ пользу другаго челоуѣка, которому онъ всею былъ обязанъ и которому онъ какъ бы посвятилъ свое существованіе; для него то онъ былъ пѣвицею Ганзейскихъ городовъ.

Я войду теперь въ нѣкоторыя подробности на счетъ содержанія, получаемаго Генералами, которые начальствовали Французскими войсками; довольно любопытно видѣть, до какой степени доходили съ одной стороны покорность и щедрость, а съ другой требованія и родъ лихоимства, которыя должно назвать наглыми. Гамбургскій Сенатъ давалъ Маршаламъ по тридцати Фридрихсдоровъ въ день на столъ, не считая дома, отводимаго имъ городомъ для жительства; Дивизионные Генералы получали только двадцать Фридрихсдоровъ, Генераль Дюпа хотѣлъ имѣть тоже, что Маршалы. Когда Сенатъ справедливо отказалъ въ этомъ требованіи, то Дюпа разсердился, и дабы благородно за то отметить потребовалъ чтобы ему готовили всякой день завтракъ и обѣдъ на тридцать приборовъ. Это было такое притѣсеніе, что нельзя себя представить; и Генераль Дюпа стоилъ роду больше всѣхъ своихъ предшественниковъ.

Я видѣлъ счетъ издержекъ, для него сдѣланныхъ и этотъ счетъ простирался въ двадцать одну неделю, прожитую имъ въ Гамбургъ до 183,000 Франковъ. За столомъ Дюпа подавались одни

лучшія вина, и люди его даже на кухнѣ пили Шампанское и ѣли лучшіе плоды, выписываемые дорогою цѣною изъ Берлинскихъ оранжерей. Жители ощутили на себѣ досаду, которую причинилъ Генералу Дюпа отказъ Сената: между прочими притѣсненіями онъ сдѣлалъ одно, котораго они немогли вынести. Въ Гамбургѣ, городѣ нѣкогда укрепленномъ, но который въ эту эпоху имѣлъ только видъ Англійскаго сада, сохранили однакоже обыкновеніе запираеть ворота при наступленіи ночи; по Воскресеньямъ же, ихъ запирали тремя четвертями часа позже для того, чтобы продлить этимъ временемъ гулянье народа.

Происшествіе, могшее имѣть важныя послѣдствія, раздражило на нѣсколько времени общесмиреніе, которое всегда должно такъ падать, особенно въ земляхъ, занятыхъ иностранными войсками. Мятежъ, произведенный слишкомъ раннимъ запираніемъ воротъ былъ слѣдствіемъ злости Генерала Дюпа. Онъ вздумалъ приказать запираеть ворота въ семь часовъ вечера и слѣдовательно совсѣмъ еще засвѣтло, ибо это было около половины весны. Онъ не сдѣлалъ никакого исключенія для Воскресенья; когда наступилъ этотъ день, то миролюбивые жители въ обычный часъ направили обратный путь свой къ Альтонскимъ воротамъ, черезъ которыя обыкновенно входила домой большая часть

прогуливающихъ. Первые пришедшіе были очень удивлены нашедъ запертыми наиболѣе пробѣжаемая ворота Гамбурга; число онездавшихъ мгновенно увеличилось, и вскорѣ значительная толпа сконилась у воротъ ведущихъ въ Альтону. Послѣ безполезныхъ просьбъ къ начальнику караула, этотъ послѣдній наконецъ рѣшился послать за ключами къ Коменданту, который пришелъ самъ въ сопровожденіи Генерала. Увидя ихъ, никто не усомнился, что они пришли съ тѣмъ чтобы отворить ворота и въ этихъ мысляхъ, они были встрѣчены всеобщимъ *ура*, кликомъ означающимъ почти на всемъ Сѣверѣ удовольствіе народа. Генераль Дюпа, незная, что означаетъ этотъ крикъ, вообразилъ себя, что это знакъ бунта, и вмѣсто того чтобы отворить рѣшетку, приказалъ стрѣлять по нѣсколькимъ стамъ мирныхъ жителей, требовавшихъ только дозволенія возвратиться въ свои дома. Нѣсколько человекъ были убиты, и многіе другіе тяжело ранены. Несчастный Комисіонеръ, отецъ пятерыхъ дѣтей, возвращаясь изъ Альтоны, везя на тележкѣ бочку. Отъ спокойно сѣлъ на свою бочку ожидая открытія воротъ. Одна изъ первыхъ пуль повергла его мертвымъ. Къ счастью послѣ этого перваго выстрѣла, безразсудной гнѣвъ Дюпа нѣсколько утихъ; онъ не простеръ далѣе своей невѣроятной жестокости. Однакоже онъ поставилъ на

томъ чтобы не отпирать воротъ, которыя были открыты уже на другой день, и въ этотъ день онъ обнародовалъ свой приказъ, коимъ запрещалось кричать *ура*, подъ опасеніемъ строжайшаго за то наказанія. Онъ также запретилъ, чтобы болѣе трехъ человекъ показывались вмѣстѣ на улицахъ. Вотъ какъ нѣкоторые люди приготавливали города и области, прежде столь счастливыя, къ тому чтобы покориться Французскому игу! А потому Дюна былъ столькоже ненавидимъ въ Ганзейскихъ городахъ, сколько Кларкъ въ Берлинѣ, тогда какъ въ кампанію 1807 года, онъ былъ Губернаторомъ этого города. Кларкъ угнеталъ жителей Прусской столицы всеми родами притѣсненій и налоговъ. Онъ исполнялъ приказы Наполеона съ какою-то низкою угодливостью, съ какимъ-то подлымъ раболопіемъ къ малѣйшей прихоти тирани и Богъ знаетъ, какими прозвищами всегда сопровождалось имя Кларка, когда оно исходило изъ устъ Пруссака.

Дюна казалось взялъ себѣ Кларка за образецъ. Одинъ Артиллерійскій Офицеръ, бывшій тогда въ Гамбургѣ, рассказывалъ мнѣ, что исполнивъ его приказаніе поставить противъ Альтонскихъ воротъ два орудія легкой Артиллеріи, онъ явился къ Генералу Дюна для донесенія о томъ, и засталъ его въ ужасномъ бѣшенствѣ: Генералъ все ломалъ и колотилъ; въ

присутствіи этого Офицера, онъ разбилъ болѣе двухъ дюжинъ тарелокъ, которыя предъ нимъ находились и вѣрно не дорого ему стоили.

На другой день послѣ этого происшествія, страхась пагубныхъ слѣдствій, которое могло имѣть буйство солдатъ, предводительствуемыхъ такимъ начальникомъ, я донесъ объ ономъ Князю Понге-Корво. Я просилъ у него письмомъ моимъ уничтоженія чрезвычайнаго суда, наряженнаго Генераломъ Дюна. Правому здѣсь отвѣтъ Бериадота; онъ дастъ слишкомъ точное понятіе о душевной добротѣ будущаго наследнаго Принца Швеціи и въ тоже время оно слишкомъ замѣчательно для того, чтобы я не былъ увѣренъ въ томъ, что оно покажется любопытнымъ моимъ читателямъ. Вотъ оно:

«Отвѣчаю, любезный Министръ, на письмо, «вами мнѣ написанное. Читая его, я узналъ всю «вашу душу. Злоупотребленіе власти, угнетенія, «словомъ сказать все несущее на себѣ печать «притѣснительной строгости, составляетъ не- «счастіе вашей жизни. Я совершенно раздѣляю «въ этомъ вашъ образъ мыслей, и всякой разъ «огорчаюсь, когда вижу несправедливыя дѣй- «ствія; но при подробномъ разсмотрѣніи проис- «шествія, случившагося 9 числа, невозможно «мне признать, что не было вины, во первыхъ «со стороны Офицера, который занеръ ворота, «можетъ быть слишкомъ рано. Спрошу также

«почему, вмѣсто того чтобы стрѣлять, не от-
крыли ворота? но развѣ и народъ не показалъ
явной непокорности и упорства? развѣ онъ не
провинился, бросая камнями въ караульных,
вырываясь чрезъ полисады и не внимая гласу
даже своихъ градоначальниковъ? Безъ сомнѣнiя
болѣно, что онъ предался всѣмъ этимъ буй-
ствамъ, ибо оныя произошли только отъ того,
что ему не были объяснены его обязанности
его гражданскими начальниками, которые
должны быть его первыми охранителями; на-
добно сказать, любезный Министръ, что Се-
наторъ, который раздавалъ у Альтонскихъ во-
ротъ деньги для того, чтобы усмирить толпу,
гораздо лучше бы сдѣлалъ, еслибъ унялъ ея
броженiе, приказавъ ей терпѣливо ожидать
открытiя воротъ. Онъ кажется бы могъ по-
спѣшить къ Коменданту или къ Генералу для
исходатайствованiя открытiя оныхъ.

«Происшествiе, случившееся въ Гамбургѣ,
възволновало чернь; злоумышленники могли вос-
пользоваться ея расположенiемъ и совершенно
възбунтовать ее; а потому нужно было обу-
здать ее учрежденiемъ строгаго суда. Но какъ
судъ сей не представляетъ уже болѣе никакой
пользы, то Генералъ Дюпа получилъ приказанiе
его уничтожить и обыкновенное правосудiе
вступить въ права свои. Народъ, поставившiй
себя превыше онаго, тѣмъ самымъ лишилъ

«себя всѣхъ его выгоды и побудилъ къ принятію болѣе быстрыхъ, болѣе суровыхъ мѣръ, которыя по счастью не оказались нужными.

«Прощайте, любезный Министръ, будьте всегда убѣждены во взаимности моихъ чувствъ и вѣрьте, что никто не любитъ васъ болѣе.

«І. БЕРНАДОТЬ.»

Въ Дансэль, 4 Маія 1808.

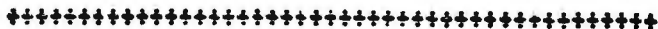
Когда Бернадотъ возвратился въ Гамбургъ, то онъ послалъ Дюна въ Любекъ. Этотъ несчастный городъ, гораздо менѣе богатый, чѣмъ Гамбургъ, жестоко пострадалъ отъ такого гостя. Надобно было доставлять ему все содержаніе, ибо при всѣхъ своихъ притѣсненіяхъ Дюна упрямо отказывался отъ полученія за все деньги. Это была по его словамъ такая вещь, о которой одно помышленіе раздражало его разборчивость. Но расходъ на его содержаніе сдѣлался столь непомернымъ, что городъ Любекъ дѣйствительно не могъ удовлетворить оному. Кромѣ стола, которой онъ хотѣлъ имѣть съ такою же роскошью какъ въ Гамбургѣ, ему слѣдовало еще поставлять бѣлье, посуду, дрова, восковыя свѣчи и словомъ сказать, до послѣднихъ мелочей, потребляемыхъ въ домѣ.

Сенатъ отправилъ къ честному, неподкупному Генералу Дюна почтеннаго старца Г-на Нольтинга, который съ кротостью представилъ ему

картину злоупотреблений, свершаемых повсюду его именем и убедительно просилъ его дозволить, чтобы на столь ему было отпускаемо деньгами по двадцати луйдоровъ въ день. При этомъ предложеніи Генераль Дюпа ужасно разгорячился: ему, ему предлагать деньги! . . . какой ужасъ! . . . Онъ съ бранью выгналъ отъ себя трепещущаго Сенатора, и тотчасъ приказалъ Адъютанту своему Барралю посадить его въ тюрьму. Г. Барраль, болѣе человѣколюбивый, чѣмъ грубый Генераль его, испугался столь необычайнаго приказа; онъ попытался сдѣлать своему Генералу нѣкоторыя представленія, но они были бесполезны и хотя противъ воли, а ему пришлось повиноваться. И такъ Адъютантъ отправился къ почтенному Сенатору Нольтингу, но преклоненный уваженіемъ, которое сѣдины всегда внушаютъ благовоспитанному молодому человѣку, вмѣсто того чтобы исполнить данный ему приказъ, онъ только упросилъ старца не выходить изъ дому до тѣхъ поръ, пока онъ успѣетъ исходатайствовать отмену оного. Не прежде какъ на другой день, посредствомъ убедительныхъ просьбъ, Г-ну Барралю удалось склонить своего Генерала къ милости, т. е. къ выпущенію изъ тюрьмы Сенатора, ибо его надобно было оставить въ тѣхъ мысляхъ, что Г. Нольтингъ точно подвергся наказанію, къ которому онъ осудилъ его въ своемъ собственномъ гнѣвѣ.

Кто бы тому повѣрилъ? Не смотря на свое отличное безкорыстіе, Генераль Дюпа укротился и принялъ двадцать луйдоровъ въ день на столъ, предложенные ему Г-мъ Польшингомъ отъ имени Любекскаго Сената; но онъ согласился на эту великодушную уступку не иначе, какъ произносилъ сквозь зубы жалобы и угрозы, и нѣсколько разъ вскричавъ: «*Эти бездѣльники совершенно обрѣзали мое содержаніе.*» Любекъ избавился отъ присутствія Генерала Дюпа не прежде, какъ въ Мартъ мѣсяцъ 1809 года, по назначеніи его Дивизіоннымъ Начальникомъ въ новую войну Императора противъ Австріи. Кто бы могъ подумать? Сколь ни было тягостно его присутствіе для Любека, а Ганзейскіе города скоро стали жалѣть о немъ, какъ ниже увидятъ.

Г Л А В А V.

Достопримѣчательныя событія 1808 года.—Обнародованіе Коммерческаго Устава.—Земли, завоеванныя Сенатскими Указами.—Важность Посланничьяго мѣста въ Гамбургѣ.—Дворецъ Элизе-Бурбоизъ и Неаполитанское Королевство.—Три событія въ одинъ день, въ Лиссабонѣ, въ Парижѣ и въ Римѣ.—Учрежденіе Генераль-Губернаторства за-Альпійскихъ Департаментовъ.—Воспоминаніе о времени Консульства.—Привѣщеніе одного Вольтерова стиха.—Учрежденіе Императорскаго Дворянства.—Возстановленіе Университета и перемѣна мыслей Наполеона на счетъ воспитаній.—Распространеніе Италійскаго Королевства на счетъ Римскихъ владѣній.—Выѣздъ изъ Парижа Кардинала Капрары — Безпокойства на счетъ Россіи.—Посредство Императора Александра между Франціею и Англіею.—Свиданіе въ Эрфуртѣ.—Письмо Императора Австрійскаго къ Наполеону.—Подозрѣнія относительно Финляндіи и Россіи.

1808 годъ изобилывалъ достопамятными событіями; занятый моею должностію, я одна-

коже посвящать иногда нѣсколько свободныхъ минутъ на обзоръ великихъ дѣйствій, конми Бонапарте любилъ ознаменовывать, такъ сказать, каждый день своей жизни. Люди, занимавшіе тогда хотя сколько нибудь значительныя мѣста въ Императорскомъ правленіи, должны помнить, что Императоръ и его дѣла служили всегдашнимъ предметомъ оффиціального удивленія во всѣхъ гостиницахъ. Въ началѣ года, мною упоминаемаго, я получилъ одинъ изъ первыхъ экземпляровъ Комерческаго Устава, обнародованнаго 4-го Генваря по волѣ Императора, что показалось мнѣ жестокою насмѣшкою, ибо странно было обнародовать Уставъ для такой вещи, которую всѣ Императорскіе указы старались уничтожать. Дѣйствительно, какая торговля была возможна съ гибельнымъ исполненіемъ Континентальной Системы и съ разорительною строгостью Таможенъ? Черта оной была уже довольно обширна, когда чрезъ Сенатскій указъ, она получила новое расширеніе; Императоръ, которому все повиновалось на Твердой Землѣ не прибѣгалъ къ другимъ обрядамъ для присоединенія къ Имперіи городовъ Келя, Касселя, Майнца, Везеля и Флелнига съ землями, отъ нихъ зависѣвшими. Эти завоеванія, чрезъ Сенатскіе указы имѣли по крайней мѣрѣ ту выгоду, что они дѣлались безъ пролитія крови. Всё, происходившее въ этомъ родѣ, было об-

стойательно сообщасмо мнѣ Министрами, съ которыми я находился въ перепискѣ; ибо послѣднее мѣсто въ Гамбургѣ приобрѣло такую важность, что я долженствоваль быть обо всемъ увѣдомляемъ. Я узналъ отъ самого Мюрата о заключеніи договора въ Парижѣ между Наполеономъ и имъ, въ качествѣ Великаго Герцога Бергскаго.—Маршалы, Генералы и все Штабъ-Офицеры Императорской Гвардіи получили щедрыя награды послѣ Тильзитской кампаніи; Мюратъ приобрѣлъ новыя земли. Договоромъ, о коемъ я упомянулъ, Наполеонъ уступилъ или лучше сказать пожаловалъ своему зятю, на счетъ побѣжденныхъ, области Эльтенъ, Эссенъ и Верденъ, Графство Ламаркъ съ городомъ Липштадтомъ, Княжество Мюнстеръ съ Канненбергомъ и Графства Текленбургъ, Лингенъ и Дорманъ; но, какъ я уже сказалъ, эти богатыя владѣнія не удовлетворили честолюбію Мюрата.

Въ эту эпоху, между извѣстіями, полученными мною черезъ нѣсколько времени одно послѣ другаго, я замѣтилъ странное соотношеніе чиселъ, которое стоило бы замѣтить авторамъ дневниковъ. Въ одинъ день, перваго Февраля, Парижъ, Лиссабонъ и Римъ были свидѣтелями событій различнаго свойства, но коихъ скопленіе въ одинъ день лучше всего доказываетъ быстроту и движеніе, которыя Бонапарте со-

общалъ своему царствованію. Въ Парижѣ племянница Іозефина, двица де Таше, которую Наполеонъ возвелъ въ санъ Принцессы, сочелась бракомъ съ владѣтельнымъ Княземъ д'Арамбергомъ; между тѣмъ, какъ въ ту же минуту Жюно объявлялъ Португаліи, что Браганцскій Домъ пересталъ царствовать, а Французскія войска подъ предводительствомъ Генерала Міолиса, вступали въ Римъ.—Это занятіе было началомъ продолжительныхъ мученій, которыми Пій VII долженствовалъ заплатить за снисходительность, съ кою онъ пріѣзжалъ короновать Наполеона въ Парижѣ.

Разсматривая мои замѣчанія и мою переписку я вижу, что на другой же день, послѣ того, въ которой случились три событія, мною упомянутыя, Бонапарте назначилъ своего шурина Князя Боргезе, Генераль-Губернаторомъ За-альпійскихъ Департаментовъ, каковой санъ онъ вновь учредилъ сдѣлавъ его осьмою изъ главныхъ степеней Имперіи. Генераль Мену, котораго я не видалъ послѣ бытности нашей въ Египтъ, принужденнымъ нашелся чрезъ это назначеніе, оставить Туринъ, гдѣ онъ всегда жилъ; Бонапарте, не желавшій дозволить ему возвратиться въ Парижъ, послалъ его во Флоренцію для предсѣтательства въ Юнтѣ Тосканы, изъ которой онъ скоро сдѣлалъ новое Генераль-

Часть VIII.

9

Губернаторство, вверивъ управленіе онымъ сестрѣ своей Элизѣ.

Переписка моя относительно происходившаго на Югѣ Франціи и Европы, имѣла для меня, если можно такъ выразиться, только анекдотическую занимательность; но не таковы были извѣстія, получаемыя мною съ Сѣвера. Я былъ въ Гамбургѣ, какъ часовой, безпрестанно бодрствующій на передовомъ посту; и неоднократно заранѣе уведомлялъ Правительство о томъ, что долженствовало произойти; такимъ образомъ, я одинъ изъ первыхъ узналъ о намѣреніяхъ Россіи относительно Швеціи. Курьеръ отпущенный мною съ этимъ извѣстіемъ въ Парижъ долженъ былъ пріѣхать туда въ ту самую минуту, какъ Россія объявила войну этой Державѣ. Русскія войска вступили въ концѣ Февраля въ Шведскую Финляндію и заняли Або, главный городъ этой области.

Перемѣщеніе Іосифа съ Неаполитанскаго на Испанскій престолъ принадлежитъ къ той эпохѣ, о которой я привожу здѣсь нѣсколько воспоминаній. Мюратъ, какъ извѣстно, заступилъ мѣсто его въ Неаполѣ и это вселенствіе Наполеонова зятя на одинъ изъ престоловъ Бурбонскаго дома, дало Бонапарту еще одного покорнаго члена въ соборѣ Государей, котораго онъ непременно сдѣлался бы главою, еслибы Высшій всегда оказывалъ ему содѣйствіе. Наз-

наченіе Міурата Королемъ обѣихъ Сицилій, хотя онъ царствовалъ на дѣлѣ только въ одной изъ нихъ, было однимъ изъ тѣхъ распоряженій, коихъ я хорошо знаю всѣ подробности, и гдѣ обнаружился духъ коварства и даже, можно сказать, скупости, отъ которыхъ Бонапарте никогда не умѣлъ освободиться, даже посреди своего величія. Онъ очень былъ доволенъ взять себѣ дворець Элизе-Бурбонъ и пожаловать подъ своимъ собственнымъ искусствомъ старшему сыну Лудовика Голландскаго, Великое Герцогство Бергское со всѣми землями, къ оному принадлежащими.

Не пропушу воспоминанія, которое пришло мнѣ въ эту минуту на умъ, по случаю Королей, пожалованныхъ Наполеономъ. Я помню, что во время пребыванія въ Парижѣ Короля Этрурскаго, Первый Консуль поѣхалъ съ этимъ Государемъ во Французской театръ, гдѣ играли Вольтера Эдипа, любимую піесу Наполеона, изъ всѣхъ сочиненныхъ Вольтеромъ. Я былъ въ театрѣ, но не въ одной ложѣ съ Первымъ Консуломъ и замѣтилъ, какъ вѣроятно и всѣ присутствующіе при этомъ блестящемъ представленіи, стараніе публики примѣнить къ двумъ особамъ, на коихъ были устремлены всѣ взоры, извѣстный стихъ Эпиктета:

И жаловать въ Цари, а самъ быть имъ нехотѣль.

Примѣненіе было слишкомъ ясно для того,

чтобы Первый Консуль не заговорилъ со мною объ этомъ вечеромъ. «Слышалъ ли ты ихъ Буриеннъ?—Да Генераль!—Глушцы! . . . Они увидятъ! они увидятъ! . . .» Мы дѣйствительно увидѣли; и Бонапарте, надѣвъ на себя двойную корону и пожаловавъ Князей, привелъ наконецъ въ исполненіе давно питаемый имъ замыселъ учрежденія новаго дворянства, которому онъ предоставилъ право наследства. Въ началѣ Марта мѣсяца 1808 года свершилось это предположеніе, и я увидѣлъ въ Мониторѣ длинный списокъ Князей, Герцоговъ, Графовъ, Бароновъ и Кавалеровъ Имперіи; недоставало только Виконтовъ и Маркизовъ.

Въ тоже время, какъ Бонапарте учреждалъ новое дворянство, онъ рѣшился воздвигнуть вновь старое зданіе Университета, но на другихъ основаніяхъ. Воспитаніе юношества было всегда одною изъ господствовавшихъ въ немъ мыслей, и я могъ посудить о томъ, сколько обладаніе самодержавіемъ его перемѣнило, когда прочиталъ уставъ сего новаго учрежденія Императора Французовъ и сличилъ его съ мыслями, которыя Бонапарте, Генераль и Первый Консуль, часто излагалъ мнѣ на счетъ воспитанія молодыхъ людей. Хотя Бонапарте всегда былъ природнымъ врагомъ свободы, но сначала онъ составилъ себѣ обширную систему воспитанія, заключающую въ себѣ обученіе исторіи и поло-

жительнымъ наукамъ, каковы геологія и астрономія, которыя до возможной степени развертываютъ способности челоуѣка; по сдѣлавшись Государемъ онъ отложилъ эти первоначальныя мысли, и Университетъ его, вѣтренный утопченною глбокости Г. Фонтана, сдѣлался только школою, способною образоватъ свѣдущихъ людей, но не ученыхъ.

Наполеонъ имѣлъ удивительную способность вести рядомъ самыя несходныя между собою вещи, и часто съ умысломъ мѣнялъ свои занятія, дабы показать тѣмъ плодovitость и разнообразіе своего генія; но если онъ заботился о томъ, чтобы выставить предъ публикою свои дѣйствія, то не терялъ изъ вида и удовлетворенія своего безпрестаннаго честолюбія, котораго ничто не могло насытить. Если употребленная имъ притомъ суровость возбуждала какое либо неудовольствіе, то онъ жаловался на тѣ самыя жалобы, коихъ былъ виновникомъ и требовалъ вознагражденій за ущербъ, имъ самимъ нанесенный. Посреди мира, безъ всякихъ причинъ онъ послалъ къ Риму корпусъ войскъ подъ начальствомъ Генерала Міюсса. За чѣмъ? на какой конецъ? За тѣмъ, что неудовольствовавшись присоединеніемъ Венеціанскихъ владѣній къ своему Королевству Італіи послѣ Пресбургскаго трактата — онъ захотѣлъ еще болѣе увеличить его послѣ Тильзитскаго мира и какъ

Пруссія ничего уже не могла уступить ему въ Италіи, то Папскій Престоль долженствоваль содѣйствовать къ расностранию его загорнаго Королевства.

Прежде совершеннаго овладѣнія Римомъ и превращенія его во второй городъ Имперіи, столь расхваленная умѣренность Наполеона удовольствовалась взятіемъ у Римской Державы Легатствъ Анконы, Урбино, Мацерато и Камерино, которыя были раздѣлены на три Департамента, присоединенные къ Королевству Италіи. Долготерпѣніе Папскаго престола не могло устоять противъ такого насильственнаго поступка и Кардиналь Капрара, жившій въ Парижѣ съ коронаціи, наконецъ выѣхалъ изъ этой столицы. Векорѣ послѣ того Великія Герцогства Парма и Пиаченца были присоединены къ Французской Имперіи и причислены къ За-альпійскимъ Департаментамъ. Все это происходило въ тоже самое время, какъ событія въ Испаніи и въ Байонѣ, выше мною изложенныя.

Послѣ Байонской ловушки, Императоръ возвратился въ Парижъ 14 Августа, наканунѣ своихъ именинъ, которые какъ извѣстно онъ помѣстилъ въ одинъ день съ своимъ рожденіемъ. По прибытіи своемъ въ столицу онъ вновь ощутилъ безпокойство касательно Россіи, которая, какъ выше сказано, объявила явную войну со Швеціею и не скрывала намѣренія своего

овладѣть Финляндією. Однакоже Бонапартъ, желая дѣятельно производить войну, завязавшуюся съ Испанцами, чувствовалъ необходимость вывести войска свои изъ Пруссіи, дабы обратити ихъ къ Ниринеймъ; тогда то онъ поспѣшилъ свидѣнїемъ въ Эрфуртъ, на которое Императоры Французскій и Россійскій условились съѣхаться. Онъ надѣялся чрезъ то пріобрѣсти увѣренность видѣть Твердую Землю спокойною, между тѣмъ, какъ онъ довершитъ покореніе Испаніи скипетру Юсяфа. Государсей было объявлено Королемъ 8 Іюня; 21 того же мѣсяца онъ въѣхалъ въ Мадридъ; но чрезъ десять дней послѣ того, получивъ извѣстіе о Байленскомъ пораженіи, онъ принужденнымъ нашелся оставить сію столицу.

Желанія Наполеона долженствовали бы въ эту минуту ограничиться спокойствіемъ Твердой Земли, ибо дѣло сильнѣе, чѣмъ когда либо завязалось между нимъ и Англією, послѣднюю войска въ Португалію подъ предводительствомъ Артура Веллсlea, сдѣлавшагося въ послѣдствіи Герцогомъ Веллингтономъ. Не было болѣе никакой надежды на соглашеніе съ Великобританією. Хотя Императоръ Александръ, желая сдержать данное имъ въ Тильзитѣ обѣщаніе о содѣйствіи къ сближенію двухъ Державъ, послалъ въ Парижъ, а потомъ въ Лондонъ, Графа Румянцева съ предложеніями посредничества

Императора Россійскаго; но эти предложенія были безуспѣшны. И дѣйствительно какимъ образомъ можно было бы ожидать успѣха при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыя Наполеонъ привелъ Европу, тогда какъ Англія отвергла ихъ при Тильзитскомъ договорѣ и когда послѣ того Бонапарте свергнувъ съ престола Короля Испанскаго, отдалъ Государство его брату своему Іосифу и основалъ въ Германіи другое Государство въ пользу брата своего Іеронима? Графъ Румянцовъ возвратился въ Санктпетербургъ, не пріобрѣтя успѣха.

По назначеніи времени для Эрфуртскаго свиданія, Императоръ, возвратившійся изъ Байоны въ Парижъ, выѣхалъ изъ столицы въ концѣ Сентября и прибылъ въ Мецъ, останавливаясь только для осмотра разставленныхъ по его дорогѣ полковъ, которые возвращались изъ Большой Арміи и шли въ Испанію.

Я уже зналъ объ этомъ достопамятномъ въ жизни Наполеона свиданіи, долженствовавшемъ вскорѣ произойти, и одна вѣсть объ этомъ происшествіи надѣлала столько шума въ цѣлой Германіи, что всѣ дороги были покрыты экипажами Принцевъ, ѣхавшихъ въ Эрфуртъ для присутствія при ономъ. Императоръ почевалъ во Франкфуртѣ у Князя Примаса, котораго я видѣлъ въ Парижѣ черезъ нѣсколько времени послѣ коронаціи; это былъ человекъ добрыйна-

го и отменно миролюбиваго нрава; Бонапартъ при разставаніи изъявилъ ему величайшіе знаки расположенія и не останавливался уже до Эрфурта, встрѣтивъ на пути новаго Короля Вестфальскаго. По примѣру Префектовъ, которые выѣзжали на встрѣчу къ Императору до границъ своихъ Департаментовъ, Иеронимъ также встрѣтилъ брата на рубежѣ своихъ владѣній. Императоръ прибылъ въ Эрфуртъ прежде Александра и выѣхалъ къ нему на встрѣчу за три мили, гдѣ они наконецъ сѣхались. Наполеонъ былъ верхомъ, а Александръ въ каретѣ; они обнялись, съ изъявленіемъ искреннѣйшаго расположенія. Я не буду повторять того, что всѣмъ уже извѣстно объ этомъ свиданіи, на которое собрались почти всѣ владѣтельные Принцы Германіи. Всякой знаетъ, что пребываніе двухъ Императоровъ было цѣпью празднествъ, на которыхъ Наполеонъ хозяйничалъ. Король Прусскій туда не пріѣхалъ, равно какъ и Императоръ Австрійскій; но мнѣ было сообщено письмо, написанное послѣднимъ изъ сихъ Государей къ Наполеону, съ котораго я сохранилъ копию, при семъ помѣщаемую:

«Милостивый Государь, братъ мой,

«Посланникъ мой въ Парижъ донесъ мнѣ, что
«Ваше Императорское Величество отправляетесь
«въ Эрфуртъ, для свиданія съ Императоромъ

«Александромъ. Съ удовольствіемъ пользуюсь случаемъ, приближающимъ Васъ къ моимъ графамъ для того, чтобы вновь засвидѣтельствовать Вамъ мое дружество и высокое уваженіе, и посылаю моего Генераль-Дейтсманга Барона Винцента для представленія Вамъ, Милостивый Государь, братъ мой, увѣренія въ этихъ неизмѣнныхъ чувствахъ. Ласкаю себя надеждою, что Ваше Величество не перестали быть въ оныхъ увѣренными и что если ложные толки, распространенные на счетъ сдѣланныхъ мною внутреннихъ органическихъ распоряженій въ моей Монархіи, могли возбудить минутное сомнѣніе на счетъ постоянства моихъ намереній, то объясненія, представленныя на этотъ счетъ Графомъ Метернихомъ вашему Министру, совершенно оныя разсѣяли. Баронъ Винцентъ можетъ подтвердить Вашему Величеству эти подробности, присовокупивъ къ онымъ все желаемыя объясненія. Прошу Васъ удостоить его тою же благосклонностью, съ какою вы благоволили принимать его въ Парижъ и въ Варшавѣ. Новые знаки оной, которые Вы ему окажете, послужатъ для меня надежнѣйшимъ залогомъ совершенной взаимности Вашихъ чувствъ и запечатлѣютъ полную довѣренность, послѣ коей ничего уже не останется прибавить къ обоюдному удовольствію.

«Благоволите принять увѣреніе въ неизмѣн-

«ной привязанности и уваженіи съ каковыми и
«есмы, Милостивый Государь братъ мой,

« Вашего Императорскаго и Королевскаго
« каго Величества добрый братъ и
« другъ

«ФРАНЦІСКЪ.»

Пресбургъ, 18 Сентября 1808.

Это письмо кажется мнѣ образцемъ запутанности слога, которымъ Наполеонъ, при его непостижимой прозорливости, не могъ ни на минуту быть обманутъ. Однакоже Бонапарте не подозрѣвалъ еще враждебныхъ дѣйствій, которыя Австрія не замедлила обнаружить; главною его цѣлью было тогда Испанское дѣло и какъ я уже замѣтилъ, одною изъ тайнъ гѣнія Наполеона было то, чтобы заниматься однимъ только дѣломъ за разъ. Въ Эрфуртѣ онъ достигъ главной цѣли, предлагаемой имъ чрезъ это свиданіе, ибо Александръ призналъ Иосифа въ новомъ его званіи Короля Испаніи и Индіи. Послѣ этого свиданія Бонапарте возвратился въ Парижъ, гдѣ онъ съ большою пышностью присутствовалъ при открытіи Законодательнаго Корпуса, а въ Ноябрь мѣсяцѣ опять отправился въ Испанію.

Г Л А В А VI.

Необходимость Эрфуртскаго свиданія. — Просимое Данією у Россіи посредничество. — Иосифъ признанъ Императоромъ Александромъ. — Притвсенія, дѣлаемыя Французами въ Копенгагенъ. — Маркизь де ла Романа. — Неудобство различія языковъ. — Испанскіе книжалы. — Изображеніе Маркиза де ла Романы. — Именины Короля Испанскаго. — Солидность де ла Романы. — Отправленіе въ Фіонію. — Невѣроятное притворство. — Именины Наполеона и лента Почетнаго Легіона. — Уходъ ла Романы и всеобщее удивленіе. — Желанія Германіи, неблагопріятныя для Наполеона. — Англійскіе агенты и Голландскія войска. — Усиленіе бдительности и необходимыя наказанія. — Удобство сообщеній съ твердою землею. — Замедленіе почтъ изъ Россіи. — Безпокойство и жалобы Гамбургскаго купечества. — Письма, распечатываемыя двумя агентами. — Пріятность жизни въ Гамбургъ. — Нравы Гамбургцевъ. — Монтескіе и Тосканскій Министръ. — Баронъ Фохтъ, — Точность Гамбургскихъ жителей. — Приглашеніе за шесть мѣсяцевъ впередъ.

То, что произошло на Сѣверѣ, такъ сказать при моихъ глазахъ, сдѣлало необходимымъ

Эрфуртское свиданіе. Россія не могла равнодушно смотрѣть на вторженіе въ Голштинію тридцати - тысячнаго корпуса Французовъ и Пепанцевъ и на разстановку онаго, подъ предводительствомъ Бериадота, въ Датскихъ владѣніяхъ. Этотъ необычайный поступокъ, произведенный одною волею Наполеона, не былъ предупрежденъ никакимъ договоромъ, никакимъ предварительнымъ объявленіемъ; мы находились въ совершенномъ мирѣ съ Данією, и Датское Правительство горько жаловалось на это злоупотребленіе силы и нарушеніе поземельныхъ правъ его. Копенгагенскій кабинетъ обратился къ посредничеству Санктпетербургскаго кабинета, съ которымъ мы были въ мирѣ со времени Тильзитскаго договора. Россія не могла отказать въ посредничествѣ, просимомъ у нея несчастнымъ сосѣдомъ, но она не обнаружила притомъ большой настойчивости, и Данія нечего было больше дѣлать, какъ покориться судьбѣ своей.

Въ продолженіе временнаго занятія Даніи Французскіе Начальники требовали большихъ издержекъ на столъ и огромныхъ суммъ на другіе расходы. Я получилъ отъ Даніи офиціальныи счетъ, съ требованіемъ уплаты онаго и дабы я могъ подкрѣпить его моимъ представленіемъ. Этотъ счетъ простирался до двадцати

трехъ съ половиною миліоновъ Франковъ (*).

До Эрфуртскаго свиданія случилось происшествіе, произведшее сильное ощущеніе въ Гамбургъ и векоръ во всей Европѣ; происшествіе, которое было обдуманно, ведено и исполнено съ невѣроятною скрытностью; я хочу говорить объ измѣнѣ Маркиза де ла Романы, кою я не хотѣлъ прежде заняться для того, чтобы не раздѣлять разныхъ свѣдѣній, узнанныхъ мною касательно этого дѣла и обстоятельствъ его сопровождавшихъ. Начнемъ рассказомъ о моихъ собственныхъ сношеніяхъ съ Испанскимъ Генераломъ.

Маркизь де ла Романа прибылъ въ Ганзейскія земли съ осмнадцатитысячнымъ корпусомъ, который Императоръ въ послѣднюю кампанію потребовалъ въ силу договора, заключеннаго имъ прежде съ Испанскимъ Правительствомъ. Это требованіе было сдѣлано тотчасъ послѣ Прейсишъ-Эйлаускаго сраженія. Испанцы, составлявшіе корпусъ де ла Романы, были очень

[*] Требованія о заплатѣ этой суммы продолжались до 1825 года; въ эту эпоху Г. Шатобрианъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, всегда движимый духомъ справедливости, парадилъ подъ предводительствомъ Г. Портаниса Комиссію, составленную изъ Гг. Барона Мунье, Гели д'Уасселя, Буржо и меня. Комиссія, по обстоятельному разсмотрѣніи дѣла, опредѣлила отказать въ требованіи Дани и Г-ну Гели, д'Уасселю было поручено представить о томъ докладъ; что онъ исполнилъ со свойственнымъ ему прямою.

хорошо приняты жителями Ганзейскихъ городовъ и областей, но различіе языковъ скоро произвело размолвку между ими и Гамбургцами. Когда Испанцы не могли чегонибудь растолковать, то они съ пагубною поспѣшностью обнажали свои кинжалы, что весьма естественнымъ образомъ приводило въ ужасъ обывателей спокойнаго характера и которыхъ тихіе нравы представляли страшную противоположность съ южною живостью. Впрочемъ это были со стороны Испанцевъ одни только приводящія въ ужасъ угрозы; узнавъ ихъ покороче увидѣли, что они не злые люди, и доброе согласіе скоро возстановилось между ими и жителями. Ихъ безпрестанно видали окруженными маленькими дѣтьми, которыхъ они любили забавлять—знакъ доброты, рѣдко обманчивый и при уходѣ ихъ о нихъ искренно жалѣли. Что касается до Маркиза де ла Романы, то это былъ небольшой, смуглый человекъ, не весьма пріятной наружности и очень простой съ вида, но одаренный большимъ умомъ и пріобрѣтшій обширныя свѣдѣнія. Маркизь де ла Романа объѣздилъ почти всѣ страны Европы и какъ онъ хорошо наблюдалъ, то разговоръ его былъ очень пріятенъ и очень занимателенъ.

Въ продолженіе бытности своей въ Гамбургѣ, Генераль де ла Романа почти каждый вечеръ бывалъ у меня, и каждый вечеръ засыпалъ за

вистомъ. Жена моя обыкновенно съ нимъ играла и я помню, что онъ безпрестанно извинялся въ этой невольной невѣжливости, что однакоже не мѣшала ему на другой день опять дѣлать тоже и читатели скоро увидятъ, какаа была причина этой совлности.

По случаю именинъ Короля Испанскаго, Маркизь де ла Романа далъ блестящій балъ, на которомъ всѣ украшенія праздника были составлены изъ военныхъ принадлежностей; онъ угостилъ всѣхъ съ чрезвычайною пріятностью и вообще такъ былъ предупредителенъ съ Французскими Генералами, отзывался объ Императорѣ въ такихъ приличныхъ выраженіяхъ, безъ всякой повидному принужденности, что никому невозможно было предположить въ немъ какой либо скрытнй умыселъ. Такимъ образомъ онъ сыгралъ свою роль до конца съ удивительнымъ искусствомъ. Уже до насъ дошли въ Гамбургъ вѣсти о пагубныхъ послѣдствіяхъ Сіерра-Моренской битвы и о капитуляціи Дюпона, которая подвергла его немилости въ ту минуту, когда вся армія считала его Офицеромъ долженствовавшимъ первымъ получить жезлъ Маршала Франціи.

Однакоже Маркизь де ла Романа отправился на Фіонскіе острова въ Данію сообразно съ приказомъ, полученнымъ имъ отъ Маршала Бернадота. Тамъ, также какъ въ Гамбургѣ

Испанцевъ очень полюбилн, ибо Генераль ихъ подчинялъ строжайшей дисциплинѣ. При приближеніи дня Святаго Наполеона, который праздновали тогда съ великою торжественностью во всѣхъ городахъ, гдѣ Франція имѣла представителей,—въ Гамбургѣ, какъ и повсюду, сдѣлали большія приуготовленія. Князь Понте-Корво пользовался въ это время морскими ваннами въ Травемюндѣ, небольшой гавани близъ Любека, что однакоже не помѣняло ему отдать приказанія на 18 число. Маркизь де ла Романа, дабы лучше обмануть Маршала, послалъ къ нему курьера съ просьбою о позволеніи отправиться на это празднество въ Гамбургъ, дабы присоединить свои желанія къ желаніямъ Французовъ, которые будутъ праздновать именины своего Императора и дабы получить при этомъ случаѣ изъ рукъ Князя ленту Почетнаго Легиона, которую онъ просилъ и которую Наполеонъ пожаловалъ ему по случаю дня своихъ именинъ. Черезъ три дня послѣ того, 17 Августа, Маршалъ получилъ извѣстіе о происшедшемъ; онъ узналъ что Маркизь собралъ у берега моря большое количество Англійскихъ судовъ, и что наконецъ бѣжалъ на оныхъ со всѣми своими войсками, кромѣ шести сотъ человекъ, оставшихся въ Альтонѣ. Въ послѣдствіи узнали, что онъ безпрепятственно совершилъ путь свой и вышелъ со своими войсками на берегъ въ Ко-

рошѣ. Тогда я также догадался, чему должно было приписать сопливость, одолѣвавшую Маркиза де ла Роману за вистомъ. Онъ вставалъ всякую ночь для того, чтобы заниматься приготовленіями къ этому отъѣзду, который онъ столь давно уже имѣлъ на умѣ; являлся вездѣ днемъ, какъ будто бы онъ спалъ ночью, и такимъ образомъ удачно привелъ къ концу свое предпріятіе. Отъѣздъ Генерала де ла Романы всѣхъ удивилъ; но могу сказать, что онъ огорчилъ однихъ только Французовъ, ибо между несчастными обитателями Германіи дѣла дошли до того, что имъ невозможно уже было желать тайно торжества Наполеона въ несправедливой войнѣ, въ которую Байонскія вѣроломства вовлекли его съ Испаніею и въ которой орлы его, непобѣдимые въ Германіи, подверглись двумъ важнымъ уронамъ: капитуляціи Дюпона, выше упомянутой и капитуляціи Жюно въ Португаліи.

Послѣ побѣга Испанскихъ войскъ я получилъ отъ Правительства повелѣніе удвоить бдительность и стараться открыть тѣхъ людей, которыхъ можно подозрѣвать въ соучастіи съ Маркизомъ де ла Романою на счетъ отъѣзда его съ войсками; я узналъ что Англійскіе агенты, разсыланные въ Голштейнъ и въ Ганзейскихъ земляхъ старались также посеять раздоръ и неудовольствіе въ войскахъ Короля Голландскаго. Эти ковы имѣли связь съ измѣною

Испанцевъ и съ прїѣздомъ Даникана на твердую землю. Неповиновеніе начало уже обнаруживаться; но оно скоро было усмирено. Два Голландскіе солдата, дерзнувшіе поднять руку на своихъ Офицеровъ, были разстрѣляны. Не смотря на эту строгость, побѣги учащались; неутомимые наборщики, состоящіе на жалованьи Англичанъ, безъ отдыха трудились надъ отвлеченіемъ отъ ихъ обязанностей Лудовиковыхъ солдатъ; нѣкоторые были приведены ко мнѣ; ихъ схватили почти на самомъ преступленіи; представили убѣдительныя доказательства вины ихъ и они были осуждены къ смерти.

Эти необходимыя примѣры строгости не прекратили козней Англіи; но много охладили усердіе тѣхъ, которые были къ онымъ употребляемы. Я не пренебрегала ничѣмъ для содѣйствія Князю Понте-Корво въ отысканіи Англійскихъ агентовъ. Наибольше съ островка Гейльгоанда разсѣвались они по твердой землѣ между Эмсомъ и Эльбою. Это сообщеніе было весьма удобно по множеству мелкихъ судовъ, находившихся на небольшихъ островахъ, концы этотъ берегъ усѣяны; за пять или за шесть золотыхъ монетъ ѣздили на Гейльгоандъ или возвращались оттуда. Такимъ-то образомъ были съ изобиліемъ разсѣваемы по сѣверной Германіи Испанскія новости, печатаемыя а часто и сочиняемыя въ Лондонѣ. Пакеты съ этими

печатными объявленіями, адресованные на нми купцевъ и извѣстнѣйшихъ особъ въ городахъ Германіи, были отдаваемы на почту въ Эмбденъ, Книгчаузенъ, Варенъ, Ольденбургъ, Дельменгоретъ и Бременъ. Вообще въ этой части морскаго берега было мало надзора за шпионами и за контрабандою; но относительно контрабанды, я долженъ замѣтить, что никакая власть не въ состояніи была бы вовсе ее уничтожить. Континентальная Система сдѣлала се такую необходимую потребность, что большая часть жителей извлекала изъ нея средства къ существованію, употребляя противъ бдительности таможенныхъ разныя хитрости, о которыхъ я скоро упомяну.

Въ началѣ Декабря 1808 года, мы замѣтили, что почта изъ Россіи, проходящая чрезъ Кенигсбергъ и Берлинъ, приходила въ Гамбургъ четырью, пятью и даже шестью часами позже обыкновеннаго. Купечество, всегда недовѣрчивое, встревожилось этимъ замедленіемъ, стало изыскивать причины онаго и вскорѣ ихъ открыло. Узнали, что Почтъ-Дерикторъ Великаго Герцогства Бергскаго въ Гамбургѣ, помѣстивъ двухъ чиновниковъ въ небольшой деревенькѣ Эшбургъ, принадлежащей къ Лауенбургской области. Тамъ они останавливали Берлинскую почту и распечатывали пакеты и письма. Какъ только эти обстоятельства сдѣлались извѣстны-

ми въ Гамбургѣ, то безпокойство распространилось у всего купечества, т. е. въ цѣломъ городѣ. Начали сильно и основательно жаловаться; нѣкоторыя письма были вовсе затеряны; документы вложены совсѣмъ не въ тѣ письма, къ которымъ они принадлежали и многіе векселя даже совершенно утрачены. Эти слухи дошли до свѣдѣнія Князя Понте-Корво и были подтверждены официальнымъ донесеніемъ столцаго при Императорскихъ и Королевскихъ почтахъ Комисара, который жаловался, какъ на замедленіе курьера, такъ на перемѣшаніе депешей и на малую довѣренность къ Императорской Почтовой Конторѣ. Безразсудно было помышлять такихъ чиновниковъ въ деревнѣ, гдѣ даже не было почтовой экспедиціи и гдѣ вскрытіе писемъ производилось въ трактирѣ безъ всякаго надзора. Притомъ же эта полицейская мѣра, иногда полезная, часто опасная и всегда очень щекотливая возбуждала общую тревогу по ненадежности чиновниковъ, коимъ было поручено исполненіе оной. Если Императоръ желалъ имѣть свѣдѣніе о перепискѣ нѣкоторыхъ лицъ на Сѣверѣ, то онъ бы конечно обратился къ своему Почтовому Начальству и къ Комисару своему въ Гамбургѣ, а не поручилъ бы этого двумъ неизвѣстнымъ чиновникамъ. Въ слѣдствіе моихъ замѣчаній и представлений, Князь Понте-Корво отдалъ приказъ прекратить

потайное Эмбургское распечатываніе писемъ. Производившіе оное два чиновника были привезены въ Гамбургъ и поведеніе ихъ разсмотрѣно; они подверглись строгому наказанію, коего однакоже менѣе заслуживали, чѣмъ употребившіе ихъ къ этой почетной должности.

Еслибъ не обязанность быть свидѣтелемъ столькихъ притѣсеній, которымъ я не всегда былъ въ состояніи воспрепятствовать, особенно по отъѣздѣ Бернадота, то я нашелъ бы пребываніе въ Гамбургѣ восхитительнымъ. Бывавшіе въ этомъ городѣ, знаютъ, какъ онъ замѣчательнень своимъ удивительнымъ положеніемъ на Эльбѣ, а въ особенности своими дачами, истинно очаровательными, которыя служатъ ему садомъ и простираются болѣе чѣмъ на милю по берегу Эйдера. Правы и обычаи жителей имѣютъ особенную печать; рѣдко услышишь шумъ и ссору; жители сидятъ днемъ передъ своими домами у столовъ; пожилые пьютъ чай, молодые люди работаютъ а дѣти играютъ. Эти различныя группы представляютъ живописную картину. Я очень любилъ видѣть ихъ предающимся этой безнечности жизни, которая не менѣе содѣйствуетъ къ счастью людей, какъ и блескъ, за которымъ бѣгаютъ и за который часто такъ дорого платятъ. Видя ихъ сидящихъ передъ домами, я вспомнилъ замѣчаніе Монтескіе, по моему мнѣнію прекрасное. Пріѣхавъ во Фло-

решію съ одобреннымъ письмомъ къ Первому Министру Великаго Герцогства Тосканскаго, — онъ засталъ его въ жилетѣ, сидящаго у порога своего дома, наслаждающагося вечернею прохладою и разговаривающаго съ нѣсколькими друзьями. « Вижу, » сказалъ ему Монтескіе, « что я у счастливаго народа, когда Первый Министръ имѣетъ время наслаждаться пріятнымъ досугомъ. » Въ Гамбургѣ нравы отзываются простотою, истинно патриархальною, но жители рѣдко бываютъ другъ у друга въ гостяхъ; однакоже когда они принимаютъ у себя посѣтителей, что никогда не дѣлается иначе какъ по приглашенію, то величайшая роскошь блеситъ среди этой, столь простой наружности. Гамбургцы добры, обязательны, услужливы и во всѣхъ вещахъ соблюдаютъ такую невѣроятную точность, которая доходитъ даже до страсти. Я помню разительный примѣръ оной. Я очень подружился съ Барономъ Фохтомъ, человекомъ чрезвычайно умнымъ, свѣдущимъ и любезнымъ. Однажды, когда онъ пришелъ къ намъ проститься по случаю отъѣзда своего въ Парижъ, то жена моя стала упрашивать его, чтобы онъ не продолжалъ своей поѣздки долѣе шести-мѣсячнаго срока, имъ назначеннаго. « Будьте покойны, Сударыня, » сказалъ онъ ей, « ничто не въ состояніи воспрепятствовать мнѣ воротиться сюда къ назначенному числу, ибо я

разослалъ уже приглашенія на обѣдъ, который я дамъ на другой день послѣ моего прїѣзда.» Баронъ дѣйствительно возвратился къ объявленному сроку, и ни одинъ изъ званыхъ къ нему гостей, безъ новаго напоминанія, не забылъ приглашенія сдѣланнаго за шесть мѣсяцевъ.

Г Л А В А VII

Дѣйствіе, производимое присутствіемъ Наполеона.—Поездка въ Италію.—Причины оной.—Усыновленіе Евгенія.—Свиданіе съ Луціаномъ. — Принцъ Астурійскій и дочь Луціана. — Разговоръ съ Дюрокомъ.—Замѣчательный случай на возвратномъ пути Наполеона.—Завтракъ въ Шамбери. — Г. Августъ Сталь.—Представленіе Императору.—Любопытный разговоръ.—Просьба объ отъѣздѣ изгнанія Г-жи Сталь. — Причины отказа.—Опасность пребыванія Г-жи Сталь въ Парижѣ.—Знамя Сеп-Жерменскаго предместья.—Последнее сочиненіе Г. Неккера.—Непависть Наполеона къ сочинителямъ системъ и къ экономистамъ.—Нужный человекъ. — Обвиненіе Неккера во всѣхъ бѣдствіяхъ Революціи. — Присутствіе духа молодого Сталя.—Престоль, доставленный Революціею.—Окончаніе завтрака и продолженіе разговора.—Лестныя слова Наполеона Г-ну Сталю.—Новыя просьбы и новый отказъ.—Политика во всемъ.—Неспособность Г. Неккера.—Священный долгъ. — Слова, сказанныя Наполеономъ Дюроку.—Размышленія.

Наполеонъ такъ хорошо зналъ дѣйствіе, производимое его присутствіемъ, что онъ любилъ

показываться народамъ, конхъ земли онъ чрезъ завоеваніе присоединялъ къ землямъ Имперіи. Тамъ онъ любилъ ослѣплять пышностью, его окружавшею, отличаться посреди блистательныхъ мушкетровъ своего Штаба исключительною простотою своего наряда, показывать строгость противъ открытыхъ враговъ его Правительства и употреблять обольстительныя рѣчи, конхъ онъ обладалъ тайною для того, чтобы привлекать къ себѣ высшія сословія общества, которыя вездѣ имѣютъ столько вліянія на низшія сословія. Эти поѣздки Наполеонъ могъ, нѣкоторымъ образомъ, называть поѣздками для удовольствія; онъ наслаждался тогда плодами трудовъ своихъ и присутствіе его придавало всему невѣроятную дѣятельность. Дюрокъ сопутствовалъ ему всякой разъ, если не бывалъ куда посылаемъ и я помню любопытный разговоръ, сдѣланный имъ мнѣ по возвращеніи въ Парижъ о поѣздкѣ Наполеона въ Ноябрь 1807 года для осмотра Венеціанскихъ владѣній и другихъ Италіанскихъ областей, которыя, по Пресбургскому договору были присоединены къ Королевству Италіи.

Поѣздка Наполеона въ Королевство Италіи имѣла многія важныя причины; онъ мечталъ о новомъ союзѣ и хотѣлъ, осыпая Евгенія своими милостями, извѣдать его и приготовить къ мыслямъ о разводѣ съ Юзефиною, которыя онъ

съ тѣхъ поръ уже началъ шгтать; въ тоже время онъ намѣревался повидаться съ братомъ своимъ Луціаномъ, ибо желая располагать рукою дочери своего брата, онъ хотѣлъ отдать ее за мужъ за Принца Асгурійскаго, который еще до Иенавской войны, при первыхъ несогласіяхъ, возникшихъ между отцемъ и сыномъ, испрашивалъ себѣ союза съ Императоромъ въ надеждѣ найти въ немъ чрезъ то опору. Это происходило вскорѣ послѣ смерти старшаго сына Лудовика Бонапарте, умершаго отъ крупа въ Голландіи. Очень несправедливо предполагали въ Наполеонѣ къ тому ребенку другую привязанность кромѣ той, какую имѣеть дядя къ племяннику. Я сказала уже на этотъ счетъ истину.

Какъ бы то ни было, а достоверно, что Бонапарте рѣшительно помышлялъ уже о разводѣ своемъ съ Юзефиною; за немѣніемъ же другихъ доказательствъ, по сдѣланной мною болышой привычкѣ читать мысли Наполеона въ его дѣйствіяхъ, я наложу достаточное тому доказательство въ Миланскомъ указѣ, которымъ Бонапарте, за немѣніемъ законныхъ дѣтей мужеска пола по прямой отъ него линіи, усыновилъ Евгенія назначивъ его наслѣдникомъ Италіанской короны. Луціанъ, по приглашенію своего брата отправился въ Мантуу, и это было послѣднее свиданіе, которое они имѣли до

эпохи ста дней. Луціанъ согласился отдать дочь свою за Принца Астурійскаго, но этотъ бракъ не состоялся. Я узналъ отъ Дюрока, до какой степени непріязнь Лудовика къ семейству Богарне, о которой я часто упоминалъ, при этомъ случаѣ возобновилась. Луціанъ не могъ простить Иозефинѣ того, что она съ негодованіемъ отвергла безчестные совѣты, имъ ей данныя; посему Луціанъ имѣлъ особую причину отдать дочь свою за Принца Астурійскаго, желая воспрепятствовать тѣмъ женидбѣ этого Принца на дѣвицѣ де Тапіс, племянницѣ Иозефины, что всѣми силами старался устроить Г. Богарне, Французскій Посланникъ въ Мадридѣ; притомъ же Луціанъ при всей своей Республиканской суровости, безъ большаго нехотѣнія покорялся мысли имѣть зятемъ Короля Бурбонскаго Дома. Въ эту же поѣздку Наполеонъ присоединилъ Тоскану къ Имперіи.

Нѣкоторыя изъ этихъ различныхъ подробностей узналъ я изъ полученныхъ мною тогда писемъ, а другіе уже въ послѣдствіи; а потому я принужденъ помѣстить въ одну эпоху воспоминанія, принадлежащія у меня къ разнымъ временамъ. Такимъ образомъ, уже по выѣздѣ моемъ изъ Гамбурга, думаю, что даже послѣ Московскаго похода, я узналъ отъ Дюрока сбировагося въ Дрезденскую кампанію, кося ему предназначено было сдѣлаться одною изъ жертвъ,

очень замѣчательное обстоятельство о возвращеніи Наполеона. Извѣстно, что онъ прибылъ въ Парижъ 1 Января 1808 года. За три дня предъ тѣмъ, въ проѣздъ его чрезъ Шамбери, гдѣ онъ на короткое время остановился, онъ засталъ тамъ одного молодаго человѣка, который уже нѣсколько дней его дождался. Этотъ молодой человѣкъ, движимый самымъ благороднымъ чувствомъ, хотѣлъ видѣть Императора и тронуть его въ пользу своей матери, осужденной къ изгнанію прихотью Наполеона. Это былъ сынъ Г-жи Сталь, имѣвшій тогда, много что, семнадцать лѣтъ. Г. Августъ Сталь расположился у Шамберійскаго почтоваго Смотрителя, и какъ Императора ожидали ночью, то онъ взялъ съ Смотрителя обѣщаніе извѣстить его тотчасъ, какъ пріѣдетъ передовой. Передовой, позамедливъ, пріѣхалъ не прежде шести часовъ утра и почти въ слѣдъ за нимъ явился самъ Императоръ, и Г. Сталь былъ разбуженъ кликами: *Да здравствуетъ Императоръ!* Онъ едва успѣлъ, какъ можно скорѣе, одѣться и броситься на встрѣчу къ Наполеону, дабы подать ему заблаговременно приготовленное имъ письмо, которымъ онъ испрашивалъ у него аудіенціи. Лористонъ, джурный-Адъютантъ, взялъ по обыкновенію письмо, какъ-то дѣлалось со всѣми просьбами, подаваемыми Наполеону вездѣ гдѣ онъ проѣзжалъ. Императоръ вошелъ въ комнату,

трактира, гдѣ для него былъ приготовленъ завтракъ. Сперва онъ ушелъ въ другую комнату для того, чтобы переодѣться и пробывъ тамъ около получаса, вышелъ чтобы сѣсть за столъ съ Оберъ-Гофъ-Маршаломъ, съ Лористономъ и съ двумя другими Офицерами своей свиты, которыхъ я забылъ имена. Рустанъ одинъ прислуживалъ у стола. Прежде чѣмъ Бонапарте началъ завтракать, онъ распечаталъ собранныя Лористономъ письма и взглянувъ только на подноси положилъ ихъ подлѣ себя на столъ. Остановясь на одномъ изъ этихъ писемъ: «А, а!» сказалъ онъ, Г. Сталь! онъ желаетъ меня видѣть? . . . чего онъ отъ меня хочетъ? Что общаго между этими Женевскими выходцами и мною?—Государь, «сказалъ ему Лористонъ,» это очень молодой человѣкъ; и, сколько я могъ заключить при свѣчахъ, и видѣвъ его одну только минуту, онъ показался мнѣ весьма привлекательнымъ. — Очень молодой человѣкъ говоришь ты? . . . Ну хорошо, я согласенъ его увидѣть. Рустанъ скажи ему, чтобы онъ сюда вошелъ.» Г. Сталь, введенный предъ Наполеона, представился ему со скромностью, но безъ робости. Послѣ сдѣланнаго имъ Императору поклона, между ими начался разговоръ, которымъ Дюрокъ былъ пораженъ и въ продолженіе котораго всѣ пренеуствовавшіе хранили глубокое

молчаніе. Онъ происходилъ почти слѣдующимъ образомъ.

Когда Г. Сталь подошелъ къ Императору, то Наполеонъ самъ началъ вопросомъ: «Откуда вы пріѣхали? — Изъ Женевы, Государь. — Гдѣ ваша матушка? — Она въ Вѣнѣ или скоро туда прибѣдетъ. — Ну, ей тамъ хорошо; чего она хочетъ? Она должна быть довольна въ Вѣнѣ; неправда ли; ей тамъ есть случай выучиться по Нѣмецки. — Государь, можете ли В. В. полагать, чтобы матери моей было хорошо, тогда какъ она удалена отъ своихъ привычекъ, отъ своихъ друзей и родины. Еслибъ мнѣ дозволено было представить В. В. искреннія письма моей матери, то вы бы увидѣли изъ нихъ, сколько она печальна и несчастна въ своемъ изгнаніи. — И пустое, чтобы ваша матушка была такова. Я не говорю, что она злая женщина она умна; очень умна, даже можетъ быть слишкомъ; но это умъ необузданный, непокорный. Она была воспитана въ хаосѣ разрушающейся Монархіи и Революціи; она составила изъ всего этого какую-то смѣсь! Все это можетъ сдѣлаться опаснымъ; съ ея пылкою головою она можетъ совратить къ себѣ другихъ; я долженъ за этимъ наблюдать; она меня не любитъ. Для пользы тѣхъ, которыхъ она могла бы погубить, я не долженъ позволять ей пріѣхать въ Парижъ.»

«Ты знаешь,» сказалъ мнѣ Дюрокъ «что когда Императоръ разъ уже начнетъ, то ничто не въ состояніи прервать его разговора; представъ же себѣ, что молодой Сталь нѣсколько разъ перебивалъ у него рѣчь, дабы объяснить ему то, что онъ имѣлъ ему сказать и Наполеонъ не сердился за эту смѣлость, которой онъ бы не стерпѣлъ на отъ кого изъ насъ; онъ выслушивалъ этого молодаго чловѣка и потомъ опять начиналъ говорить со спокойствіемъ, которое Г. Сталь могъ принять за кротость; но намъ, зная его, легко было угадать, что проситель ничего не получитъ. Впрочемъ, мы очень видѣли, что Императору было пріятно заставлятъ его говорить, ибо отъ времени до времени, онъ казался какъ будто убѣжденнымъ для того, чтобы поощрить его къ продолженію. Давъ ему время совершенно объяснить предметъ его просьбы и выслушавъ безъ истеривнія причины, имъ приводимыя, Императоръ сказалъ: «Но еслибъ, положимъ что я бы позволилъ вашей матушкѣ прѣхать въ Парижъ, то не прошло бы шести мѣсяцевъ, какъ я припужденнымъ бы нашелся отпривить ее въ Вистръ, или посадить въ Тамплъ; мнѣ бы это было очень жаль, ибо это надѣлало бы шуму и повредило бы мнѣ въ общемъ мнѣніи. Скажите вашей матушкѣ, что я рѣшился, и что рѣшеніе мое неизмѣнно. Пока я живъ, пока ея не будетъ въ

Парижъ. — Государь, я не думаю, чтобы В. В. самовластно заключили мою мать въ тюрьму если она не подастъ вамъ къ тому никакой причины. — Она подастъ мнѣ ихъ десять! . . . я се хорошо знаю. — Государь, позвольте доложить вамъ, я такъ увѣренъ въ томъ, что мать моя будетъ жить въ Парижѣ уединенно, не заслуживъ отъ васъ нисколько нареканія, видаясь только съ немногими друзьями, что я осмѣливаюсь, не смотря на отказъ Вашего Величества, еще разъ убѣдительно просить васъ о дозволеніи сдѣлать оныя хоть на шесть недѣль или на мѣсяцъ. Позвольте ей Государь пріѣхать на это время въ Парижъ; умоляю васъ до тѣхъ поръ ни на что опредѣлительно не рѣшаться. — Такъ и есть! поддамся я такимъ прекраснымъ обѣщаніямъ! . . . я вижу чего вы хотите, по говорю вамъ, что это невозможно. Она бы сдѣлалась знаменемъ Сен-Жерменскаго предместья, Ни съ кѣмъ не выдаться! обыточное ли это дѣло? Ее бы стали навѣщать; она бы начала платить посѣщенія; надѣлала бы тысячу дурачествъ, начались бы сборница, шутки; она ставитъ это ни во что, но я думаю иначе; мое Правительство не шуточное, и я всё считаю важнымъ; пусть всё это знаютъ и скажите это всѣмъ. — Государь, позвольте мнѣ повторить Вашему Величеству, что мать моя вовсе не желаетъ видаться со многими; она будетъ жить

въ небольшомъ кругу друзей, которыхъ даже можетъ представить Вашему Величеству списокъ; Вы Государь сами столько любите Францію, что не возможно чтобы Вы не постигли, какое мученіе быть отъ нея удаленнымъ; склонитесь на просьбы мои Государь и включите насъ въ число вѣрныхъ своихъ подданныхъ.— Васъ? — Да, Государь; еслиже Вашему Величеству угодно настаивать въ отказѣ Вашемъ, то дозвольте сыну спросить, что могло вооружить васъ такъ противъ его матери? Нѣкоторые люди говорили мнѣ, что этому виною послѣднее сочиненіе моего дѣда; я однакоже могу поклясться Вашему Величеству, что мать моя вовсе въ этомъ не участница.— Да, конечно, прибавилъ Наполеонъ съ бѣльшею досадою, чѣмъ какую онъ до тѣхъ поръ показывалъ да конечно, эта книга много виновата. Вашъ дѣдушка былъ идеологъ, глупецъ, старый съумазбродъ. Въ шестьдесятъ лѣтъ хотѣлъ ниспровергнуть мою Конституцію, сочинять Конституціонные планы; Государства, право, славно были бы управляемы систематиками, сочинителями пустыхъ теорій, которые судятъ о людяхъ по книгамъ, а о мірѣ по ландкартѣ!—Государь, если планы, начертанные моимъ дѣдомъ въ глазахъ Вашего Величества только пустыя теоріи, то я не постигаю, отъ чего Вы такъ изволите на нихъ гнѣваться? Нѣтъ ни

одного изъ экономистовъ, который нечертилъ бы плащовъ Конституцій. . . . — Да вѣрю, изъ экономистовъ! Это вралы, которые бредятъ финансовыми планами, а не въ состояніи были исполнить должности сборщика податей въ послѣдней деревнѣ моей Имперіи. Книга вашего дѣдушки есть сочиненіе стараго упряма, который умеръ безпрестанно болтая объ управленіи Государствъ. — Судя потому, какъ Ваше Величество о ней отзываетесь, мнѣ позволено думать, что Вамъ донесли объ этой книгѣ зложелательные люди и что Вы сами ее не читали. — Вы очень ошибаетесь; я самъ прочелъ ее съ начала до конца. — Следовательно Ваше Величество изволили видѣть, сколько мой дѣдъ отдастъ въ ней справедливости Вашему генію? — Да! прекрасная справедливость! . . . Онъ называетъ меня нужнымъ человѣкомъ! . . . нужнымъ человѣкомъ! а по его сочиненію, прежде всего надобно огрубить голову этому нужному человѣку. Да, я былъ нуженъ, необходимъ для того, чтобы поправить всѣ глупости вашего дѣда, для того чтобы загладить все зло причиненное имъ Франціи; онъ испровергнулъ Монархію и довелъ Людовика XVI до эшафота. — Государь, Вамъ не безызвѣстно, что имущество моего дѣда было описано за то, что онъ защищалъ Короля. — Защищалъ Короля! правду сказать, прекрасная защита! Господинъ Сталь...

еслибъ я далъ кому нибудь яду, а потомъ, когда бы онъ сталъ умирать, принесъ бы ему противодія, то вы бы сказали, что я хотѣлъ спасти этого человѣка? Вотъ какъ дѣдъ вашъ защищалъ Людовика XVI! . . . Чтоже касается до описанія имѣнія, о которомъ вы говорите, то оно ничего не доказываетъ: имѣніе Робеспьера также было описано! Да, говорю я вамъ, самъ Робеспьеръ, Марать и Дантонъ менѣе сдѣлали Франціи зла, чѣмъ Г. Неккеръ; онъ произвелъ Революцію; вы ее не видали, а я такъ былъ при ней; я видѣлъ, что значили эти времена общественныхъ ужасовъ и бѣдствій; но пока я живъ, эти времена не возвратятся, могу васъ въ томъ увѣрить; ваши сочинители сочиняютъ на бумагѣ бредни; дураки ихъ читаютъ и разглашаютъ; имъ вѣрятъ, всеобщее благодѣнствіе у всѣхъ на языкѣ, а вскорѣ послѣ того у народа нѣтъ хлѣба; онъ бунтуется и вотъ обыкновенные плоды всѣхъ этихъ прекрасныхъ теорій! Вашъ дѣдъ виновникъ всѣхъ бѣдствій, раздравшихъ Францію; вся пролитая во время Революціи кровь, должна пасть на главу его!»

«Произнося эти послѣднія слова,» сказалъ мнѣ Дюрокъ, «Императоръ до такой степени раздражился, что мы побоились за молодого Стали. Императоръ не видѣлъ лица его; но еслибъ онъ его видѣлъ, то вѣрно бы пощадить его; черты его находились въ жестокомъ напряже-

ніи и мы замѣтили, какія онъ дѣлать усилія для того, чтобы восторжествовать разсудкомъ надъ происходившею въ немъ внутреннею борьбою. Мы право бы желали бытъ въ состояніи его ободрить, но къ счастью онъ самъ умѣлъ воздержаться, дабы не выйти изъ себя и сохранивъ надъ собою власть спокойно, хотя нѣсколько нетвердымъ голосомъ отвѣчалъ Императору:» Государь, позвольте мнѣ надѣяться, что потомство будетъ болѣе благопріятно къ моему дѣду, чѣмъ Ваше Величество. Въ продолженіе его управленія, его ставили рядомъ съ Сюлли и съ Кольбертомъ, и повторяю Вашему Величеству надежды мои, что потомство отзовется о немъ съ бѣольшою справедливостію! —Такъ точно, потомство! Оно вовсе не будетъ говорить о немъ. —Смѣю надѣяться противнаго, Государь.»

«Тогда Императоръ обратившись къ намъ,» прибавилъ Диорекъ: «Вирочемъ Господа,» сказалъ онъ намъ улыбаясь, «мнѣ не слѣдуетъ слишкомъ дурно говорить о Революціи, потому что я чрезъ нее досталъ себѣ престолъ.» После сего обратясь опять къ Г. Сталю, онъ продолжалъ: «Царство смутовъ кончено; я требую повиновенія; уважайте власть, потому что она происходитъ отъ Бога. Вы молоды, хорошо воспитаны, избѣрите лучшій путь, сдѣлайте привычку къ послушанію; не слѣдуйте этимъ дурнымъ правнамъ, которыя для болтовства, под-

вергають опасности существованіе обществъ.— Государь, если я столь счастливъ, что Ваше Величество признаете меня хорошо воспитаннымъ, то вы не должны осуждать правила моего дѣда и моей матери, ибо я въ этихъ правилахъ воспитанъ.— Ну, такъ я совѣтую вамъ держаться прямой политики, ибо я не потеряю ничего, происходящаго отъ Г. Неккера; надобно, чтобы все держалось прямой политики.»

«Этотъ разговоръ,» сказала мнѣ Дюрокъ, «продолжился во все время пока мы сидѣли за столомъ; произнося же послѣднія слова свои: *надобно, чтобы все держалось прямой политики,* Императоръ всталъ въ ту минуту, когда Г. Сталь опять началъ настаивать о прекращеніи изгнанія его матери; но не отвѣчая на его новыя просьбы, онъ подошелъ къ нему и взялъ его за кончикъ уха, съ тѣмъ дружественнымъ видомъ, который тебѣ въ немъ извѣстенъ, когда онъ бываетъ веселъ или хочетъ показаться такимъ. Вы очень молоды,» сказала онъ ему, «еслибы вы имѣли мои лѣта и мою опытность, то лучше бы судили о вещахъ; ваша откровенность, не только меня не разсердила, но очень мнѣ понравилась: я люблю когда сынъ вступается за мать свою. Ваша матушка дала вамъ трудное порученіе и вы съ умомъ его выполнили. Я очень доволенъ, что съ вами поговорилъ; я люблю молодежь, когда она проста и не умни-

часть. Не смотря на все это не хочу обольщать васъ пустою надеждою и не скрою отъ васъ, что вы ничего отъ меня не получите. Мюрать говорилъ уже мнѣ объ этомъ дѣлѣ, и я сказала ему, какъ и вамъ, что воля моя непоколебима. Еслибъ ваша магушка была въ тюрьмѣ, то я не колеблюсь бы дать ей свободу, но она въ изгнаніи и ничто не заставитъ меня дозволить ей возвратиться.—Но, Государь, развѣ въ удаленіи отъ отчества и отъ друзей, человекъ не столько же несчастливъ, какъ и въ тюрьмѣ?— Все это мысли изъ романовъ; вы слышали это отъ вашей матери. Она право очень жалка!... За исключеніемъ Парижа, тюрьма ея есть цѣлая Европа — Но Государь, въ Парижѣ ея друзья. — Съ ея умомъ она вездѣ найдетъ себѣ друзей. Притомъ же я не постигаю, отъ чего она такъ дорожить возвращеніемъ въ Парижъ. За чѣмъ она такъ сильно желаетъ жить подь моею *тиранскою властью*? Вы видите, что я говорю безъ обвиняковъ: я право этого не постигаю. Развѣ она не можетъ ѣхать въ Римъ, въ Берлинъ, въ Вѣну, въ Миланъ, въ Лондонъ? Право! пусть она ѣдетъ въ Лондонъ, тамъ она можетъ, если захочетъ, писать пасквили. Вездѣ въ этихъ мѣстахъ ея прѣбываніе будетъ мнѣ пріятно; но Парижъ... извольте видѣть Г. Сталь, это моя столица, и я хочу видѣть въ ней только тѣхъ, которые меня любятъ Да будетъ это извѣстно.

Знаете ли вы, что произойду бы еслибъ я позволилъ вашей матушкѣ прѣхать въ Парижъ? Начались бы новыя проказы . . . и я говорю это по опыту; она избаловала бы людей, меня окружающихъ испортила бы Гарата. Она погубила Трибунать; она готова сулить золотыя горы, но не въ состояннн была бы воздержаться отъ разговоровъ о политикѣ. — Смѣю увѣрить Ваше Величество, что мать моя вовсе не занимается политикою; общество друзей и литература составляютъ ея единственную отраду. — Какъ же не такъ! литература, не правда ли? Этимъ меня не проведутъ! . . . политику вмѣниваютъ въ разговоры о литературѣ, о нравственности, объ искусствахъ и обо всемъ на свѣтъ. Женское дѣло вязать чулки. Еслибъ ваша матушка жила въ Парижѣ, то мнѣ бы доносили о всякихъ рѣчахъ ея; можетъ быть стали бы на нее и выдумывать; я не хочу этого въ томъ городѣ, гдѣ живу; посоветуйте ей ѣхать въ Лондонъ: это кажется будетъ лучше всего. Что касается до вашего дѣдушки, то я не скажу ничего лишняго. Нѣтъ, Г. Пеккеръ не имѣлъ никакихъ способностей для Государственнаго управленія. Я знаю, что это такое, послѣ того какъ я десять лѣтъ этимъ занимаюсь. — Весь свѣтъ, Государь, отдастъ должную справедливость генію Вашего Величества и нѣтъ человѣка, который бы не сознавался, что финансы Фран-

ціи въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, въ какомъ они до Вашего царствованія никогда еще не бывали, по Ваше Величество позвольте мнѣ замѣтить, что Вы конечно признали нѣкоторое достоинство въ финансовыхъ учрежденіяхъ моего дѣда, когда Вы удержали многія изъ нихъ въ удивительномъ порядкѣ, Вами введенномъ.—Это ничего не доказываетъ; ибо двѣ или три отдѣльныя мысли не составляютъ еще достоинства системы; какъ бы то ни было, а повторю вамъ еще, что я никогда не позволю вашей матушкѣ возвратиться въ Парижъ.—Однакоже, Государь, еслибъ священныя обязанности требовали ея тамъ приеутствія, хотя на нѣскольکو дней, неужели . . . Какъ! . . . священныя обязанности! . . . что вы подъ этимъ разумѣете? Да, Государь, если ей нельзя туда пріѣхать, то я долженъ буду отправиться одинъ, лишенный ея совѣтовъ для исходатайствованія у Вашего Правительства уплаты священнаго долга.—Вотъ еще, священнаго! . . . развѣ всѣ обязательства казны не священны? — Конечно Государь, но нашъ искъ, по обстоятельствамъ своимъ, есть совѣмъ особое дѣло.—Особое дѣло! . . . такъ и есть. Всякой Государственный Кредиторъ тоже самое говорить о своемъ искѣ. Впрочемъ мнѣ не очень извѣстно положеніе ваше относительно моего Правительства; это до меня не касается: я не хочу въ это вмѣшиваться. Если зако-

мы за васъ, то дѣлю сдѣлается само собою; но если нужно покровительство, то я не стану вмѣшиваться; ибо я скорѣе былъ бы противъ васъ, чѣмъ за васъ.—Государь, мы съ братомъ намѣревались основаться во Франціи; но какъ намъ жить въ этой землѣ, гдѣ нашей матери не позволено будетъ навѣщать насъ? — Я вовсе объ этомъ не забочусь; даже и не совѣтовалъ бы вамъ. Поѣзжайте въ Англію; тамъ любятъ Женевцовъ, спорщиковъ, комнатныхъ политиковъ; поѣзжайте туда, ибо объявляю вамъ, что во Франціи я скорѣе буду противъ васъ, чѣмъ за васъ.»

«Послѣ этого разговора,» сказалъ мнѣ Дюрокъ, «Императоръ сѣлъ со мною въ карету; онъ не обратилъ никакого вниманія на прочія поданные ему просьбы и хранилъ молчаніе до тѣхъ поръ, пока мы почти поравнялись съ водонадомъ, находящимся на лѣвой сторонѣ дороги въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Шамбери. Онъ казался погруженнымъ въ глубокую задумчивость.» Тамъ онъ сказалъ мнѣ: « Не слишкомъ ли я былъ суровъ съ этимъ молодымъ человекомъ? . . Кажется, что такъ; но я очень этимъ доволенъ—другимъ наука. Эти люди хулятъ все, что я дѣлаю; они меня не понимаютъ. Дюрокъ, ихъ мѣсто не во Франціи. Можетъ ли Неккеро-во семейство быть за Бурбоновъ, конхъ первый долгъ, еслибъ они когда либо воротились

во Францію, былъ бы перевѣшать всѣхъ его членовъ?»

Этотъ разговоръ, сообщенный мнѣ Дюрокомъ, показался мнѣ столь любопытнымъ, что я записалъ его послѣ нашего свиданія почти въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ здѣсь помѣщенъ; онъ однакоже возбуждалъ во мнѣ грустныя чувства, ибо если съ одной стороны я и видѣлъ въ немъ Наполеона со всѣми его мыслями, которыя онъ столь часто излагалъ мнѣ о Пеккерѣ; то я видѣлъ также Наполеона, привыкшаго къ самовластію до такой степени, что онъ самъ смѣялся надъ своею тиранією и такъ сказать игралъ превосходствомъ, которое случай, столько же какъ и геній, доставили ему надъ его современниками. Ниже увидать, въ какомъ расположеніи духа я находился тогда, какъ Дюрокъ сообщилъ мнѣ эти подробности и что мнѣ очень было извинительно не смотреть съ одной только выгодной стороны на всѣ поступки Императора.

Г Л А В А VIII.

Первый Консуль и Республики, Императоръ и Королевства.— Сравненіе Наполеона съ покупщиками имвий на чужое имя. — Положеніе Батавской Республики. — Депутація и предложенная Лудовику корона. — Обыкновенная форма и лесть. — Оtvѣтъ Наполеона и рѣчь Лудовика Императору. — Лудовикъ, Король Голландскій. — Безпокойство Лудовика и бѣдствія Континентальной Системы. — Предложеніе Испанской короны и отказъ принять оную. — Попытка Наполеона овладѣть Брабантомъ. — Притворное на счетъ сего равнодушіе и умеренность. — Достопримѣчателное письмо Наполеона. — Иновѣрія его объ обязанностяхъ къ нему Принцевъ его семейства. — Упреки и требованія. — Разорительныя условія или война. — Прекращеніе переноски между Лудовикомъ и Наполеономъ. — Лудовикъ призванъ въ Парижъ — Вассалы Имперіи. — Тщетное покушеніе ухватить. — Лудовикъ подъ надзоромъ Полиціи. — Твердость духа. — Непривычныя для Императора рѣчи. — Участиѣ, принимаемое мною въ Лудовикъ. — Гамбургъ и Голландія. — Возвращеніе Лудовика и письмо его къ Наполеону. — Основательныя представленія, принятыя съ гнѣвомъ. — Жестокое письмо Наполеона. — Лакейская ссора въ Амстердамъ обращенная въ важное дипломатическое дѣло. — Французскій Посланникъ и его кучеръ. — Гнѣвъ Наполеона и послѣднее письмо его къ Лудовику. — Волкъ и ягненокъ. — Жестокое положеніе Лудовика. — Намѣреніе отречься отъ

престола и манифестъ Законодательному Корпусу. — Отречение Лудовика въ пользу его сына. — Странное сближеніе. — Прощаніе Лудовика съ Голландцами. — Невполненіе условій акта отреченія и протестъ. — Письмо къ Лудовику Г-на Отто диктованное Императоромъ.

Я сначала думалъ было заняться тѣмъ, что я узналъ о происшедшемъ въ Гамбургѣ, не прежде какъ въ ту эпоху когда по прекращеніи моей должности Полномочнаго Министра въ слѣдствіе присоединенія Ганзейскихъ городовъ къ Имперіи, — я могъ узнать изъ устъ Гортензинъ и Иозефины нѣкоторыя подробности, не заключающіяся въ официальныхъ бумагахъ, получаемыхъ мною относительно Лудовика, истиннаго мученика честолюбія его брата и перенесшаго во всей полнотѣ несчастіе, неразлучное съ принужденнымъ величіемъ. Мнѣ кажется, я даже сказалъ, что таково было мое намѣреніе. Нынѣ мнѣ кажется болѣе удобнымъ помѣстить здѣсь вмѣстѣ узнанное мною, какъ чрезъ прямыя сношенія, такъ и чрезъ семейныя довѣренности объ огорченіяхъ, которымъ подвергался Лудовикъ, равно какъ и нѣкоторыя замѣчательныя письма, мнѣ сообщенныя.

Пока Бонапарте былъ главою Французской Республики, онъ находилъ приличнымъ чтобы на Сѣверѣ отъ Франціи существовала Республика Батавская также, какъ онъ терпѣлъ на

Югъ Республику Цизальпинскую, кося онъ былъ основателемъ. Но послѣ коронаціи, всѣ Республики, обращавшіяся подобно спутникамъ около главной Республики, были соприсчислены къ уставу Имперіи и должныствовали преобразиться въ Королевства, подчиненныя, ея власти, если не по признанному праву, то по крайней мѣрѣ въ существѣ дѣла. Въ этомъ отношеніи не было разницы между Республиками Батавскою и Цизальпинскою; а какъ послѣдняя преобразилась въ Королевство Италіи, то надобно было найти предлогъ къ тому, чтобы посредствомъ такого же преобразованія, первая изъ этихъ Республикъ сдѣлалась Королевствомъ Голландіи. Но соблюдая некоторую осторожность относительно прочихъ Европейскихъ Державъ, Бонапарте поступилъ подобно тѣмъ зажиточнымъ людямъ, которые желая скрыть часть своего богатства, покупаютъ себѣ имѣнія на чужое имя. Зная кроткій нравъ Лудовика, онъ избралъ его орудіемъ своего честолюбія вообразивъ себѣ, что честность никогда не можетъ замѣнить силы характера, и что новый Король безъ затрудненія согласится быть только коронованнымъ рабомъ его всемогущества. Ниже увидятъ, что случилось иначе.

Правительство Батавской Республики давно уже было однимъ только призракомъ; по оно

даже и въ покорности своей Франціи, сохранило тѣ формы внутренней свободы, которыя угнѣшаютъ народъ въ потерѣ его независимости. Въ этомъ положеніи вещей, начальники, коихъ честолюбіе ограничивалось тѣмъ, чтобы удержать при себѣ власть, не были способны показать сопротивленіе, моглисе повредить ихъ личному честолюбію; и какъ сверхъ того Императоръ имѣлъ въ Голландіи многочисленныя связи, то ему не трудно было довести Батавскую Республику до присылки къ нему Депутатіи съ просьбою о назначеніи ей Короля по его выбору, и эта покорная Депутатія дѣйствительно явилась въ Парижъ, въ Маѣ мѣсяцѣ 1806 года, просить у Императора какъ милости, чтобы онъ дозволилъ Принцу Лудовику царствовать надъ Голландцами (*).

По обыкновенной формулѣ людей, дѣйствующихъ не добровольно, въ рѣчи сказанной Депутатіею Наполеону, было объявлено, что представители свободнаго народа, извѣстнаго своимъ мужественнымъ постоянствомъ въ затруднительныя времена, дали Голландскимъ Депутатамъ *поетное порученіе* предстать предъ Наполеона. Потомъ слѣдовали жалобы на пре-

(*) Депутатія Батавской Республики состояла изъ Вице-Адмирала Фергюелла; Посланника при Наполеонѣ Брантцена; члена Высокихъ-Властителей Ван-Стирума; Министра финансовъ Гогелла; и Государственнаго Советника Вильгельма Сикса.

терпѣнныя Батавскою Республикою бѣдствія; а за симъ наконецъ краснорѣчивыя разглагольствія о необходимости привести сосѣдственную съ Франціею Державу въ согласное положеніе съ Государствомъ, которое одно только могло предохранить Голландію отъ опасностей рабства, или отъ погибелн. Поступокъ ихъ былъ свидѣтельствомъ торжественныхъ и свободныхъ совѣщаній. Въ заключеніе было сказано :

«Намъ поручено, Государь, изъяснить Вашему Величеству желаніе представителей нашего народа; мы просимъ васъ даровать намъ верховнымъ главою нашей Республики, Королемъ Голландіи, Принца Лудовика; брата Вашего Величества, коему мы вручаемъ съ полною и почтительною довѣренностью охраненіе нашихъ законовъ, защиту нашихъ политическихъ правъ и всѣхъ выгодъ нашего любезнаго отечества подъ священною свѣію Провидѣнія, подъ знаменитымъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Величества и наконецъ подъ властію отеческаго правительства, коего мы у Васъ испрашиваемъ. Смѣемъ надѣяться, Государь, что Голландія, навсегда съ сей поры обеспеченная въ благоволеніи къ ней величайшаго изъ Монарховъ и тѣсно соединенная одною судьбою съ вашею обширною и безсмертною Имперіею, узреть возрожденіе дней своей древней славы; спокойствіе, давно ею утраченное и благодѣнствіе

только временно разстроенное потерями, которыя не будутъ уже считаться невозвратными.»

Наполеонъ отвѣтствовалъ Депутаціи Республики: «Господа Представители Батавскаго народа. Я всегда считалъ первою выгодною моей короны, покровительствовать вашему отечеству. Всякой разъ, когда я долженъ былъ вступаться во внутреннія дѣла, меня поражали неудобства неопредѣленной формы вашего Правительства. Управляемое народнымъ собраніемъ, оно подверглось бы вліянію козней и было бы тревожимо сосѣдними державами. Вѣрненіе онаго избирательному сановнику, при всякой переменѣ его дѣлалось бы минутою перелома для Европы, и служило бы поводомъ къ новымъ морскимъ войнамъ. Всѣ эти неудобства не могли быть отвращены иначе, какъ послѣдственнымъ Правленіемъ. Я призвалъ оное въ ваше отечество при основаніи вашей послѣдней Конституціи, и дѣлаемое вами предложеніе Голландской короны Принцу Лудовику, сообразно съ выгодами вашего отечества, вашими собственными и моими; и способно доставить общее спокойствіе Европы. Франція была довольно великодушна для того, чтобы отказаться отъ всѣхъ правъ, дарованныхъ ей событіями войны; но я не могъ вручить начальство надъ крѣпостями, находящимися на моей Сѣверной границѣ, рукъ невѣрной или сомнительной. Господа Представители

Батавскаго народа, я соглашаюсь на желаніе ихъ Высокихъ-Властительствъ и провозглашаю Принца Лудовика Королемъ Голландіи Вы Принцъ, царствуйте надъ этими народами; предки ихъ пріобрѣли свою независимость только чрезъ содѣйствіе Франціи. Въ послѣдствіи Голландія сдѣлалась союзницею Англіи; она была завоевана; она еще разъ была обязана Франціи своимъ существованіемъ. Да будетъ она обязана вамъ Государями, которые станутъ покровительствовать ея свободѣ, законамъ и вѣрѣ; *но не переставайте никогда быть Французами. Санъ Коннетабля Имперіи сохранится для васъ и потомковъ вашихъ; онъ будетъ напоминать вамъ обязанности ваши относительно меня и важность, которую я полагаю въ охраненіи крѣпостей, обеспечивающихъ Сѣверъ моихъ владѣній и вамъ въпрямыхъ.* Принцъ, поддержите въ вашихъ войскахъ тотъ духъ, который я видѣлъ въ нихъ на полѣ битвы; поддержите въ вашихъ подданныхъ чувство союза и любви къ Франціи; будьте грозою злыхъ и отцемъ добрыхъ: это есть свойство великихъ Государей.»

Послѣ этого Наполеонова отвѣта Депутаціи Батавской Республ.ки, началъ говорить Лудовикъ, обращаясь, какъ увидать, болѣе къ своему брату, чѣмъ къ представителямъ своихъ новыхъ подданныхъ. Онъ сказалъ слѣдующее:

«Государь,

«Я полагалъ все мое честолюбіе въ томъ, чтобы пожертвовать моею жизнію службъ Вашего Величества. Все мое щастіе состояло въ томъ, чтобы вблизи удивляться качествамъ, столь драгоценнымъ для тѣхъ, которые подобно мнѣ были свидѣтелями могущества и дѣйствій вашего генія. Посему Ваше Величество дозволите мнѣ сожалѣть объ удаленіи отъ Васъ, но жизнь моя и воля, Вамъ принадлежать. Я буду царствовать надъ Голландіею, поелику народъ ея того желаетъ и Ваше Величество то повелѣваете. Государь, когда Ваше Величество оставили Францію отправляясь побѣждать ополчившуюся противъ Васъ Европу, то Вамъ угодно было возложить на меня охраненіе Голландіи отъ вторженія, ей угрожающаго. При этомъ случаѣ я оцѣнилъ характеръ ея народа и свойства, его отличающія. Такъ Государь, я буду гордиться царствуя надъ ними. Но сколь ни славно поприще, для меня открытое, а одно только увѣреніе во всегданшемъ покровительствѣ Вашего Величества, любовь и патриотизмъ моихъ новыхъ подданныхъ, могутъ внушить мнѣ надежду исцѣлить бѣдствія причиненныя столькими войнами и событіями, скопившимися въ столь немногіе годы.

«Государь, когда Ваше Величество окончательно запечатлѣете вашу славу, даровавъ свѣту

миръ, то крѣпости, которыя вы ввѣряете стра-
жѣ моей и моихъ дѣтей, Голландскихъ солдатъ,
сражавшихся при глазахъ вашихъ подъ Аустер-
лицемъ . . . эти крѣпости будутъ надежно
охранены.»

И такъ Лудовикъ сдѣлался Королемъ Голлан-
дѣн, и совершенно противъ воли, ибо онъ про-
тивился тому столько, сколько смѣлъ, ссылаясь
на свое здоровье, которому дѣйствительно та-
монній климатъ не благопріятствовалъ, но Бо-
напарте сурово сказалъ ему эти, совѣтъ не
братскія слова: «Лучше умереть Королемъ, чѣмъ
жить Принцемъ.» И такъ надобно было принять:
Лудовикъ отправился въ Голландію и взялъ съ
собою Гортензію, которая не долго тамъ про-
жила. Новый Король захотѣлъ быть любимымъ
своимъ народомъ и какъ нѣтъ другаго средства
къ пріобрѣтенію любви народа, исключительно
посвятившаго себя торговлѣ, кромѣ поощренія
оной, то Лудовикъ не принялъ строгости Напо-
леона противъ торговыхъ сношеній съ Англіею,
отъ чего возникла первая холодность между
двумя братьями; когда же гений зла вдохнулъ
Наполеону разорительный замыселъ Континен-
тальной Системы, то непріязнь Императора до-
стигла до такой степени, что Лудовикъ отрек-
ся отъ престола, дабы избавиться чрезъ то отъ
мщенія своего брата.

И не знаю, вспомнилъ ли Наполеонъ о при-

чинахъ, по которымъ Лудовикъ сначала отказывался было отъ престола Голландіи ссылаясь на пасмурный климатъ этой страны или онъ надѣялся на большую преданность другаго своего брата; но достоверно что Іосифъ былъ призванъ съ Испанскаго престола на Испанскій не прежде, какъ по отказѣ Короля Лудовика. У меня есть конія съ письма, которое Наполеонъ написалъ къ нему объ этомъ; на немъ не означено ни времени, ни мѣста; но по содержанию, его должно отнести къ Марту или къ Апрелью мѣсяцу 1808 года. Вотъ оно:

« Братецъ,

«Король Испанскій, Карлъ IV отрекся отъ престола. Народъ Испаніи громогласно меня призываетъ. Будучи увѣренъ, что я не достигну прочнаго мира съ Англіею иначе, какъ давъ большое движеніе Твердой Землѣ, я рѣшился возвести Французскаго Принца на Испанскій престоль. Климатъ Голландіи вамъ не благопріятствуетъ; притомъ же Голландія не можетъ возстать. Въ вихрѣ свѣта, воснослѣдуетъ или миръ, или нѣтъ, она не имѣетъ средствъ поддерживать. Въ этомъ положеніи вещей, я думаю отдать вамъ Испанскій престоль. Отвѣчайте мнѣ опредѣлительно, какого мнѣнія вы объ этомъ предложеніи. Если я назначу васъ Королемъ Испанскимъ, примете ли вы это? могу

«ли я на васъ положиться? Отвѣчайте мнѣ въ двухъ словахъ: «Я получилъ письмо ваше отъ такого-то числа и отвѣчаю да;» тогда я буду надѣяться, что вы сдѣлаете то, что я захочу; или напишите *«nihil»*, что будетъ значить что вы не принимаете моего предложенія. Не свѣряйте этого никому и, прошу васъ, ни съ кѣмъ не говорите о содержаніи этого письма; ибо надобно, чтобы дѣло было сдѣлано для того чтобы сознаться, что о немъ помышляли.

«НАПОЛЕОНЪ.»

Прежде окончательнаго завладѣнія Голландією, Наполеонъ вознамѣрился отдѣлить отъ нея Брабантъ и Зеландію въ замѣну другихъ областей, владѣніе коими было сомнительно; но Лудовикъ возсталъ противъ этого перваго дѣйствія хищничества; а Императоръ, слишкомъ озабоченный своимъ большимъ дѣломъ съ Испанією для того, чтобы подвергнуться опасности произвести какое либо движеніе на Сѣверъ, гдѣ уже ополченіе Россіи противъ Швеціи довольно его занимало, не сталъ настаивать, и даже показалъ родъ равнодушія касательно присоединенія, которое онъ хотѣлъ было сдѣлать къ землямъ Имперіи; такъ покрайней мѣрѣ кажется, судя по другому письму изъ Сен-Клу отъ 17 Августа, написанному Наполеономъ къ своему брату тогда какъ онъ

узналъ отъ Г. Ла Рошфуко, Посланника своего въ Голландіи, и отъ самого брата своего о сопротивленіи Лудовика. Бонапарте выражался слѣдующимъ образомъ:

«Братецъ, я получилъ письмо ваше касательно предложенія, сдѣланнаго вамъ Г-мъ Ла Рошфуко. Ему было поручено сдѣлать оное только «косвеннымъ образомъ, и если этотъ обменъ «вамъ не угоденъ, то объ немъ не будетъ болѣе рѣчи. Безполезно было распространяться «при этомъ на счетъ правилъ, хотя я и никогда «не говорилъ вамъ, чтобы вы не совѣтовались «съ Государствомъ. Свѣдущіе Голландцы сообщили мнѣ, что для Голландіи будетъ совершенно все равно отдать Брабантъ, устьянннй «крѣпостями дорого стоящими и имѣющій болѣе свойства съ Франціею, чѣмъ съ Голландіею, въ обменъ на Сѣверныя области, богатая и для васъ приличная. Еще разъ, если «такое распоряженіе вамъ не нравится, то это «дѣло кончено. Вамъ даже не нужно было говорить объ ономъ, ибо Г-ну Ла Рошфуко приказано было только развѣдать касательно этого дѣла.»

Хотя очень сильная досада выказывалась изъ подъ этой притворной снисходительности; однакоже слогъ этого письма былъ чрезвычайно умѣренъ и даже можно сказать ласковъ, если сравнить его съ другими письмами, которыя я

еще имѣю представить читателю. Правда, что вышензложенное происходило до Эрфуртскаго свиданія и что тогда Наполеонъ, дабы не возбудить безпокойства Россіи, хотѣлъ представить свое честолюбіе, какъ будто уснувшимъ; но когда братъ его Іосифъ былъ признанъ и когда самъ онъ нанесъ блистательный ударъ на Пиринейскомъ полуостровѣ, то онъ скоро переѣхалъ обхождение свое съ Лудовикомъ, хотя еще и не доходя до тѣхъ крайностей, на которыя онъ въ послѣдствіи рѣшился. Изъ Трианона отъ 20 Декабря написалъ онъ необычайно достопримѣчательное письмо, въ слѣдъ за симъ помѣщаемое; что касается до меня, то я нашелъ въ немъ Наполеона вполне, равно какъ искреннее выраженіе самовластія, коему онъ хотѣлъ поработить всѣхъ своихъ родныхъ, дабы сдѣлать ихъ орудіями своего честолюбія. Смѣю представить оное для наблюденія въ этомъ отношеніи тѣмъ, которые не знаютъ еще вполне Наполеона, паче всего славую и своимъ Императорскимъ всемогуществомъ.

»Милостивый Государь братецъ, я получилъ письмо Вашего Величества; вы желаете чтобы я объявилъ вамъ намѣренія мои касательно Голландіи; я сдѣлаю это съ откровенностью. Когда Ваше Величество вступили на Голландскій престолъ, то часть народа Голландскій желала присоединенія оной къ Франціи, уваже-

«ніе, внушенное мнѣ исторією къ этой отличной націи, побудило меня желать дабы она сохранила свое имя и свою независимость. Я самъ начерталъ ея Конституцію, должествовавшую быть основаніемъ престола Вашего Величества и помѣстилъ васъ на оный. Я надѣялся, что воспитанные при мнѣ, Вы сохраните къ Франціи ту привязанность, коей всякое Государство имѣетъ право ожидать отъ дѣтей своихъ, а тѣмъ болѣе отъ Принцовъ. Я надѣялся, что воспитанные въ правилахъ моеи политики, Вы почувствуете, что Голландія, бывъ завоевана моими народами, обязана своею независимостью только ихъ великодушію; что Голландія, слабая, безъ союзниковъ, безъ арміи, и должествовала быть завоевannoю въ тотъ же день какъ она прямо противостояла Франціи; что она не должна отдѣлять своей политики отъ моеи; что наконецъ Голландія связана договорами съ Францією. И такъ я надѣялся, что возведя на Голландскій престолъ Принца моеи крови, я нашелъ срединою мѣру, могшую согласить выгоды двухъ Государствъ, соединивъ ихъ въ чувство общей пользы и общей ненависти къ Англіи; и я гордился даровавъ Голландіи то, что ей было прилично также какъ чрезъ мой актъ посредничества я нашелъ то, что было прилично Швейцаріи, но я вскорѣ замѣтилъ, что я обольщался тщет-

«ною мечтою, надежды мои были обмануты. Ваше Величество, вступивъ на Голландскій престоль, забыли что вы Французъ и даже «напрягли все усилія своего разсудка, и мучили «свою совѣсть дабы убѣдить себя въ томъ что «вы Голландецъ. Голландцы, расположенные къ «Франціи, были пренебрежены и гонимы; тѣ- «же, которые служили Англіи, отличены. Фран- «цузы, начиная съ Офицеровъ до солдатъ, бы- «ли гонимы и лишены уваженія, и я къ огор- «ченію моему увидѣлъ въ Голландіи, при Госу- «дарѣ моей крови, Французское имя, подвергав- «шимся стыду. Однакоже я пошу въ моемъ «сердцѣ и я умѣлъ такъ высоко, на штыкахъ «солдатъ моихъ поддержать уваженіе и честь «Французскаго имени, что ни Голландіи, нико- «му бы то ни было, не дано право оскорблять «его безнаказанно. Речи Вашего Величества къ «вашему народу отзываются этимъ дурнымъ «расположеніемъ. Въ нихъ видны одни только «намекы на Францію; вмѣсто того, чтобы пода- «вать примѣръ забвенія прошедшаго, онѣ без- «престанно напоминаютъ его, льстя тѣмъ тай- «нымъ чувствомъ и страстямъ враговъ Фран- «ціи. И однакожъ, на что жалуются Голландцы? «Развѣ они не были завоеваны нашимъ оружи- «емъ? Развѣ они не обязаны своею независи- «мостью великодушію моихъ народовъ? не долж- «ны ли бы они благословлять великодушіе

«Франціи, которая постоянно открывала свои
«кашалаы и свои таможи ихъ торговль, кото-
«рая воспользовалась своимъ завоеваніемъ толь-
«ко для того, чтобы имъ покровительствовать
«и которая до сихъ поръ употребляла могущес-
«ство свое только для того, чтобы утвердить
«ихъ независимость? Чѣмъ же можетъ оправ-
«даться обидное для націи и оскорбительное
«для меня поведеніе Вашего Величества? Вы
«должны понимать, что я не отдѣляю себя отъ
«моихъ предшественниковъ и что начиная отъ
«Кловиса до Комитета Общественнаго Благосоес-
«стоянія, я считаю себя за все обязавшимся; и
«если говорятъ дурное о правительствахъ, мнѣ
«предшествовавшихъ, то я принимаю это за на-
«мѣреніе меня оскорбить. Я знаю, что у нѣкото-
«рыхъ людей вошло въ моду хвалить меня и
«спорицать Францію; но тѣ которые не любятъ
«Францію, не любятъ и меня; а тѣхъ которые
«говорятъ дурно о моихъ народахъ, я считаю
«величайшими моими врагами. Еслибъ у меня
«была одна только эта причина неудовольст-
«вія видѣть презрѣніе, коему подверглось Фран-
«цузское имя въ Голландіи, то и тогда права
«моей короны уполномочивали бы меня объ-
«явить войну Государю, моему сосѣду, во
«владѣніяхъ коего дозволяюся такія оскорбле-
«нія противъ моихъ народовъ; я сего не сдѣлалъ.

«Но Ваше Величество очень ошиблись на

«счетъ моего характера; вы составили себѣ сложное понятіе о моей добротѣ и о моихъ къ вамъ чувствахъ; вы нарушили договоры, вами со мною заключенные; вы разрушили свои «эскадры; распустили своихъ матросовъ и войска, такъ что Голландія находится безъ сухопутныхъ силъ и безъ флота; какъ будто бы магазины съ товарами, купцы и прикащики могутъ упрочить Державу; это составляетъ торговля Общества, но итъ Королей безъ финансовъ, безъ средствъ для наборовъ и безъ флотовъ.

«Ваше Величество сдѣлали больше: Вы воспользовались затрудненіями моими на Твердой Землѣ для того, чтобы возобновить сношенія Голландіи съ Англіею, и нарушить законы «блокады, единственнаго средства для нанесенія «существеннаго вреда этой Державѣ. Я изъявляю вамъ мое неудовольствіе за такое поведеніе, «воспротививъ въѣздъ во Францію и далъ вамъ «почувствовать, что даже безъ пособія моихъ «армій, закрывъ только Рейнъ, Везеръ, Шельду «и Маастъ для Голландіи, я приведу ее въ положеніе болѣе опасное, нежели тогда еслибъ я «объявилъ ей войну и я отдѣлилъ ее такимъ «образомъ, что она могла подвергнуться уничтоженію.

«Этотъ ударъ отозвался въ Голландіи. Ваше «Величество прибѣгли къ моему великодушію,

«обратились къ моимъ братскимъ чувствамъ и «объщали переменить поведеніе; я думалъ, что «этого опыта будетъ достаточно. Я снялъ на- «ложенныя моими таможами запрещенія; но «Ваше Величество обратились къ своей преж- «ней системѣ. Правда, что я находился тогда «въ Вѣнѣ и имѣлъ у себя на рукахъ тяжелую «войну. Всѣ Американскія суда, приходившія въ «порты Голландіи и не допускаемыя во Фран- «цузскія гавани, были принимаемы Вашимъ Ве- «личествомъ. Я былъ принужденъ вторично за- «крыть мои таможи Голландской торговлѣ; ко- «нечно трудно было бы сдѣлать болѣе суще- «ственное объявленіе войны. При такомъ поло- «женіи вещей, мы дѣйствительно могли считать «себя состоящими въ войнѣ. Въ рѣчи моеѣ За- «конодательному Корпусу, я далъ почувствовать «мое неудовольствіе; ибо не скрою отъ васъ, «что я намѣреваюсь присоединить Голландію «къ Франціи для нанесенія тѣмъ жестокаго «удара Англіи и дабы избавиться тѣмъ отъ вѣч- «ныхъ оскорбленій, наносимыхъ мнѣ управляю- «щими вашимъ кабинетомъ. Дѣйствительно устья «Рейна и Мааса должны мнѣ принадлежать. Су- «ществующее во Франціи правило, что бечевой «путь (Thalweg) Рейна долженъ быть нашею «границею, есть коренное правило. Ваше Вели- «чество пишетъ мнѣ въ письмѣ вашемъ отъ «17 числа, что вы увѣрены, что будете въ со-

«стояннiи воспрепятствовать всякой торговлѣ Голландіи съ Англією; что вы можете имѣть «флоты, финансы и арміи; что вы возстановите «правила Конституціи, не давая никакихъ пре- «имущества дворянству, уничтоживъ Земскую «Стражу, которая есть только одна карикатура «и несовмѣстна съ второстепенною Державою; «наконецъ что вы прикажете захватить всѣ «складочныя магазины колоніальныхъ товаровъ «и все привезенное на Американскихъ судахъ, «не долженствовавшихъ войти въ ваши гавани. «Мое мнѣніе таково, что Ваше Величество при- «нимаете на себя обязательства, которыхъ вы «не въ состояннiи выполнить и что присоеди- «неніе Голландіи къ Франціи чрезъ сіе только от- «срочивается. Признаюсь, что я не болѣе пахо- «жу выгодъ въ присоединеніи къ Франціи зе- «мель праваго берега Рейна, какъ и въ присое- «диненіи къ оной Великаго Герцогства Бергска- «го и Ганзейскихъ городовъ. И такъ я могу о- «ставить Голландіи правый берегъ Рейна и при- «кажу моимъ таможнямъ снять запрещенія ког- «да существующіе и возобновленные договоры «будутъ исполнены. Вотъ мои намѣренія:

«1. Запрещеніе всякой торговли и всякаго со- «общенія съ Англією.

«2. Флотъ изъ четырнадцати линейныхъ ко- «раблей, изъ семи фрегатовъ и изъ семи бриговъ «или корветъ, оснащенныхъ и вооруженныхъ.

«3. Сухопутная армія изъ двадцати пяти тысячъ человекъ.

«4. Уничтоженіе Земекой Стражи.

«5. Отмѣну всѣхъ преимуществъ дворянства, «противныхъ Конституціи, которую я далъ и «за которую я былъ порукою.

«Ваше Величество можете договариваться на «сихъ основаніяхъ съ Герцогомъ Кадорскимъ, «черезъ посредство вашего Министра; но вы мо- «жете быть увѣрены, что при первомъ пакет- «ботѣ, допущенномъ въ Голландію, я возобнов- «лю мои таможенныя запрещенія; что же ка- «сается до обиды, которая будетъ панесена мо- «ему флагу, то я прикажу схватить вооружен- «ною рукою и повѣсить на гротъ мачтъ Гол- «ландскаго Офицера, который дозволитъ себѣ «оскорбить орла моего. Ваше Величество най- «дете во мнѣ брата, если я найду въ васъ Фран- «цуза; но если вы забудете чувства, привязы- «ванности васъ къ общему отечеству, то вы не «осудите если и я забуду тѣ, коими природа «насъ соединила. Короче сказать, присоединеніе «Голландіи къ Франціи есть то, что можетъ «быть наиболѣе полезно для Франціи, для Гол- «ландіи, для Твердой Земли; ибо это наиболѣе «причинитъ вреда Англіи. Это присоединеніе мо- «жетъ быть произведено добровольно или си- «лою; я достаточно имѣю причинъ къ неудо- «вольствіямъ для того, чтобы объявить ей вой-

«пу. Впрочемъ я безъ затрудненія соглашусь на «распоряженіе, коимъ мнѣ уступится граница «Рейна и коимъ Голландія обязается исполнять «вышесказанныя условія.

«Преданный вамъ братъ

«НАПОЛЕОНЪ.»

Переписка между двумя братьями на нѣсколько времени оставовилась; но Лудовикъ тѣмъ не менѣе подвергался разнымъ досадамъ и притѣсненіямъ отъ Наполеона. Когда сей послѣдній въ концѣ 1809 года созвалъ въ Парижъ Государей, которыхъ очень можно назвать Вассалами его Имперіи, то онъ пригласилъ туда и Лудовика, которому вовсе не хотѣлось выѣзжать изъ своихъ владѣній. Онъ созвалъ на совѣтъ своихъ Министровъ, которые разсудили, что для выгоды Голландіи ему слѣдуетъ сдѣлать это новое пожертвованіе и онъ сдѣлалъ его съ готовностью, ибо жизнь Лудовика на престолѣ была цѣнью ежедневныхъ жертвованій.

Лудовикъ жилъ въ Парижѣ очень уединенно, наблюдаемый всеми Полиціями, ибо думали, что пріѣхавъ противъ воли, онъ не пробудетъ столько времени, сколько желать Наполеонъ. Въ этомъ отношеніи не ошибались, но всѣ попытки сдѣлались бесполезными. Даже самый надзоръ и хитрые ковы, которыхъ онъ былъ предметомъ, придали ему такую силу характе-

ра, къ коей его не считали способнымъ; и посреди всеобщаго безмолвія высшихъ сановниковъ Имперіи, Принцевъ и Королей, собравшихся въ столицѣ, — онъ дерзнулъ громко сказать: «Я былъ обманутъ обѣщаніями, которыя никогда не располагали исполнить; Голландіи надоѣло быть игрушкою Франціи!» Слухъ Императора, не привыкшій къ такимъ рѣчамъ, очень имъ оскорбился и съ тѣхъ поръ Лудовику осталось только на выборъ, или покориться безпрестанно возобновлявшимся требованіямъ Наполеона или увидѣть Голландію присоединенною къ Франціи. Лудовикъ наконецъ избралъ послѣднее; но не безъ борьбы всеми своими слабыми силами въ пользу подданныхъ, вѣрныхъ ему Наполеономъ, ибо онъ не желалъ быть соучастникомъ того, который хотѣлъ сдѣлать ихъ жертвою слѣпой своей ненависти противъ Англіи.—И дѣйствительно, какое ослѣпленіе! Надобно было закрыть глаза для того, чтобы не видѣть, что разореніе Твердой Земли, есть торжество Британской торговли. Что касается до меня, то находясь въ Гамбургѣ и видя тѣже причины, производящія тѣже бѣдствія, я душевно жалѣлъ о Лудовикѣ, ибо зная его хорошо, я воображалъ себѣ, сколько его должно огорчать зло, которому онъ еще менѣе меня былъ въ состояніи помогать.

Однакоже Лудовику позволили возвратиться
Число VIII.

въ свои владѣнія, дабы увидѣть бѣдствіе, конемъ Континентальная система какъ будто желѣзною сѣтью придавала свою промышленность, никогда столь дѣятельную, въ областяхъ Голландіи. Наконецъ, будучи не въ состояніи долге выдержать, съ растерзаннымъ сердцемъ при видѣ бѣдствій, противъ коихъ у него не было никакихъ средствъ, — онъ попытался умнымъ, осторожнымъ шельмомъ отклонить, угрожавшую Голландіи, совершенную гибель; 25 Марта 1810 года, онъ написалъ Наполеону:

«Если вы желаете утвердить настоящее состояніе Франціи и пріобрѣсть на моряхъ миръ или успѣшно напасть на Англію, то не такими мѣрами какъ блокада, вы въ томъ успѣете; «не уничтожая Государство, вами основанное; «не ослабляя вашихъ союзниковъ и не оказывая не уваженія къ ихъ священнѣйшимъ правамъ и къ первымъ началамъ правъ человечества и справедливости; но напротивъ того, «заставляя любить Францію, утверждая и усиливая союзниковъ столь надежныхъ, какъ ваши братья. Уничтоженіе Голландіи не только не повредитъ Англіи, но напротивъ того увеличитъ ея выгоды всего промышленностью и всеми богатствами, которыя будутъ нескать въ нейъ убѣжища. Къ пораженію Англіи есть только три способа, или отдѣлить отъ нея Ирландію, или завладѣть Восточною Индією, или

«сдѣлать высадку. Два послѣднія средства, хотя «наиболѣе дѣйствительныя, неудобносподобны «безъ флота; но я удивлюсь, почему такъ легко «отказались отъ перваго: это гораздо болѣе вѣр- «ный способъ пріобрѣсть миръ и выгодныя «условія, чѣмъ вредить самимъ себѣ и своимъ, «въ надеждѣ причинить тѣмъ болѣе зло не- «пріятелю.

«ЛУДОВИКЪ.»

Письменныя увѣщанія столь же мало прави- лись Наполеону, какъ и тѣ, которыя кто либо дозволялъ себѣ дѣлать ему словесно, въ ту эпоху когда никто уже не смѣлъ начинать съ нимъ разговора иначе, какъ для того, чтобы отвѣчать если онъ спрашивалъ. Камбассерезъ, который одинъ сохранилъ еще право дѣлать это публично въ качествѣ своего бывшаго то- варища по Консульству, лишился онаго подоб- но какъ и другіе, послѣ брака Наполеона съ Императорскою дочерью. И такъ письмо Лудо- вика, чрезвычайно его прогневило. Черезъ два мѣсяца, объѣзжалъ Сѣверъ онъ написалъ къ нему изъ Остенде письмо, истинно жестокое и коего чтеніе возбуждаетъ тяжкое чувство, когда по- думаешь о томъ, какъ слабы самыя священныя кровныя узы, когда они кладутся на вѣсы съ выгодами ненасытной политики. Вотъ это пись- мо, образецъ надмѣнности и злоупотребленія силы.

«Братецъ, въ положеніи, въ которомъ мы находимся, должно говорить откровенно: я знаю «ваши самыя тайныя чувства и все ваши воз- «раженія, ни къ чему бы не послужили. Что «Голландія находится въ затруднительномъ по- «ложеніи — это правда и я понимаю, что вы «желаете изъ онаго выйти; но не я могу это- «му чѣмъ нибудь помочь, — а вы и одни вы. «Когда вы поведете себя такимъ образомъ, что «Голландцы увѣрятся, что вы дѣйствуете по мо- «ему внушенію, что все ваши поступки, все ваши «чувства сообразны съ моими, тогда вы будете «любимы, вы будете уважаемы и приобрѣтете необ- «ходимую для возстановленія Голландіи самостоя- «тельность. Когда друзья Франціи и мои будутъ «въ милости при Дворѣ вашемъ, тогда вся Гол- «ландія придетъ въ свое естественное положе- «ніе. Со времени возвращенія вашего изъ Па- «рижа вы ничего не сдѣлали для этого. Какія «слѣдствія будетъ имѣть ваше поведеніе? ваши «подданные, находясь между Францією и Англи- «єю, въ затруднительномъ положеніи и желая «выйти изъ онаго, станутъ громогласно требо- «вать присоединенія. Если званіе моего харак- «тера, состоящаго въ томъ, чтобы идти прямо «къ цѣли, не смотря ни на какія препятст- «вія — до сихъ поръ васъ не научило, то что «прикажете мнѣ дѣлать? Я могу обойтись безъ «Голландіи, но Голландія не можетъ обойтись

«Безъ моего покровительства. Если, состоя подъ «владычествомъ одного изъ моихъ братьевъ, и «ожидая отъ меня только своего спасенія, она «ше найдетъ въ немъ моего образа, то вы истре- «бите всю довѣренность къ вашему управленію; «вы сами преломите свой скипетръ. Любите «Францію, любите мою славу; это единствен- «ное средство услужить Королю Голландскому. «Еслибъ вы были тѣмъ, чѣмъ вы долженство- «вали быть, то Голландія, ставъ частью моею «Имперіи, сдѣлалась бы для меня тѣмъ болѣе «драгоценною, что я далъ ей Государя, быв- «шаго почти моимъ сыномъ. Возведя васъ на «Голландскій престолъ я думалъ, что помѣщаю «на оный Французскаго гражданина; вы послѣ- «довали совершенно по противоположной сте- «нѣ; я принужденнымъ пашелся за переть для «васъ Францію и овладѣть частью земли вашей. «Являя себя дурнымъ Французомъ, вы менѣе «значите для Голландцевъ, чѣмъ Принцъ Оран- «скій, коему они обязаны за степень націи и «я за многія лѣта благоденствія и славы. Гол- «ландціи доказано, что ваше отдаленіе отъ Фран- «ціи лишило ее того, чего бы она не потеряла «если при Шиммельсейвикъ, вы при Принцѣ «Оранскомъ. Будьте прежде всего Французомъ «и братомъ Императора и вѣрьте, что вы этимъ «доставите выгоды Голландціи. Жребій брошенъ, «вы несправимы; вы уже хотите изгнать не-

«многихъ Французовъ, у васъ остающихся: не совѣты, не избыщія и не ласки вамъ нужны, а угрозы и силы. Что значать молитвы и «таинственные посты, которые вы поведали? «Лудовикъ, вы не хотите долго царствовать; «всѣ ваши поступки лучше чѣмъ письма «обнаруживаютъ чувства души вашей; покиньте «ложный путь; будьте въ сердцѣ Французомъ, или вашъ народъ васъ прогонитъ и вы «выѣдете изъ Голландіи, сдѣлавшись предметомъ «посмѣянія и посмѣянія Голландцевъ. (*)

«НАПОЛЕОНЪ»

Едва это письмо было написано и послано къ Лудовику, какъ Наполеонъ узналъ о лакейской ссорѣ, которой Графъ де ла Рошфуко, безъ сомнѣнія зная, что онъ угодитъ своему Государю доставя предлогъ его гибну, захотѣлъ придать дипломатическую важность; дѣйствительно было доказано, что честь его кучера пострадала отъ обиды, нанесенной ему Амстердамскимъ гражданиномъ. Оскорбленная ливрея потребовала удовлетворенія и изъ этого возникла ссора, которая могла бы имѣть дурныя послѣдствія, еслибъ дворцовая стража не поспѣшила раз-

(*) Напротивъ того, за то что Король Голландіи Лудовикъ, сдѣлался Голландцемъ, *народъ его* не выгналъ его, но обильно жалѣли въ Голландцы, имѣвшіе случай оценить его превосходныя качества и довольно разсудительные для того, чтобы видѣть, что не ему должно было приписывать бѣдствія, удручавшія Голландію.

нять противниковъ. Получивъ объ этомъ донесеніе отъ своего Посланника въ Лилль, черезъ три дня по отсылкѣ вышепомѣннаго письма къ брату, Наполеонъ на писалъ къ нему грозное посланіе единственно по случаю обиды, нанесенной кучеру Г-на Ла Ропфуко. Знаменитый сочинитель *Правилъ* не болѣе показывалъ взыскательности, возставая противъ Государей. Какъ бы то ни было, а Наполеонъ написалъ къ Лудовику въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Братецъ, въ ту самую минуту какъ вы разсыпаетесь предо мною въ увѣреніяхъ, я узнаю что люди моего Посланника были обижены въ Амстердамѣ. Я требую, чтобы тѣ, которые въ этомъ противъ меня провинились, были выданы мнѣ, дабы месть моя на нихъ, послужила примѣромъ. Г. Серюрье донесъ мнѣ о томъ, какъ вы поступили на дипломатической аудіенціи. Объявляю вамъ, что я не хочу имѣть болѣе Голландскаго Посланника въ Парижѣ; Адмиралу Вергюею приказано отправиться черезъ двадцать четыре часа. Мнѣ ужъ не нужны слова и увѣренія; пора мнѣ узнать, хотители вы сдѣлать несчастіе Голландіи и вашими безразсудствами погубить эту землю. Я также не хочу, чтобы вы посылали Министра въ Австрію; я также не хочу, чтобы вы отсылали Французовъ, находящихся въ вашей службѣ. Я отозвалъ моего Посланника; я буду имѣть

«въ Голландіи только повѣреннаго въ дѣлахъ. «Г. Серюрье, остающійся тамъ въ этомъ званіи, «сообщить вамъ мои намѣренія. Я не хочу бо- «лѣе подвергать Посланника вашимъ обидамъ. «Не пишите мнѣ вашихъ обыкновенныхъ дово- «довъ: вотъ уже три года, какъ вы мнѣ ихъ «повторяете и каждая минута доказываетъ ихъ «ложность.

«Это послѣднее письмо въ моей жизни, ко- «торое я пишу къ вамъ

«НАПОЛЕОНЪ.»

Нѣтъ нужды замѣчать, ибо это безъ сомнѣ- ній всякаго поразило, что поведеніе Наполеона съ братомъ показало на дѣлѣ басню *Волкъ и Яг- ненокъ*, съ тою только разницею, что при этомъ случаѣ ягненку Лудовику следовало бы сказать, когда ему приписывали несчастія Голландіи: «Если это не я, такъ братъ мой.»

Доведенный этимъ до послѣдней крайности, поставленный въ жестокою необходимость, или угнестн Голландію своими собственными рука- ми или предоставить сдѣлать это своему брату, Лудовикъ не сталъ колебаться, и рѣшился от- ложить скипетръ, который ему не дозволено было сдѣлать отеческимъ. Рѣшаясь на это, онъ написалъ манифестъ къ Законодательному Кор- пусу Голландскаго Королевства для объявленія ему весьма законныхъ причинъ своего отрече- нія. Дѣйствительно могло ли быть, что либо

законнѣ этого поступка, сдѣланнаго въ слѣдствіе занятія войсками земли, соединенной съ Имперією такъ называемымъ прежде семейнымъ союзомъ; но тогда ничто не останавливало Наполеона въ дѣйствіяхъ его воли. Подъ начальствомъ Герцога Реджіо Французскія войска вступили въ Голландію, и этотъ Маршалъ, бывшій тамъ болѣе Королемъ, чѣмъ самъ Король, грозилъ занять Амстердамъ, сдѣлавшійся тогда столицей Голландіи. И такъ Лудовикъ сошелъ со своего престола, а черезъ четыре года послѣ того, Наполеонъ былъ низверженъ со своего.

«Давно уже,» говорилъ Лудовикъ въ своемъ манифестѣ, «я предвижу крайность, до которой я доведенъ; но я не могъ избѣгнуть оной иначе, какъ измѣнивъ священнѣйшимъ изъ моихъ обязанностей, переставъ принимать участіе въ пользахъ земли моей и соединять мой жребій съ ея жребіемъ; я не въ состояніи былъ этого сдѣлать.»

Тутъ Лудовикъ намекаетъ на предложенный проектъ защиты Амстердама отъ Французскихъ войскъ, проектъ конечно безумный, но коему честный человекъ, Король Голландіи, не могъ первый воспротивиться. «Почему знать,» говорилъ Лудовикъ въ другомъ мѣстѣ, «можетъ быть я единственное препятствіе къ примиренію этой земли съ Францією; и если это такъ, то я бы могъ найти нѣкоторое утѣшеніе вла-

«ча страдательную и томительную жизнь въ судаленіи отъ первыхъ предметовъ моей живѣйшей привязанности.»

Послѣ этого манифеста, Лудовикъ обнародовалъ актъ своего отреченія; онъ ссылался на несчастное положеніе Королевства, которое онъ приписывалъ неблаговоленію къ нему его брата; на безполезность его усилій и пожертвованій для прекращенія такого состоянія вещей; наконецъ на то, что онъ считалъ себя причиною несогласій, безпрестанно возобновлявшихся между Французскою Имперіею и Голландіею. Но достойно замѣчанія, что Лудовикъ, отрекался отъ Голландской короны, счелъ себя въ правѣ отречься отъ оной въ пользу своего сына, точно также, какъ черезъ четыре года послѣ этого, Наполеонъ счелъ себя въ правѣ отречься отъ своей въ пользу Короля Римскаго. И если въ исторіи Наполеона поискать такихъ сближеній, то сколько разъ увидать, что подвергшись ужасному перевороту судьбы, онъ былъ пораженъ тѣми же самыми ударами, которыми онъ угнеталъ другихъ въ эпоху своего необъятнаго счастья.

Лудовикъ простился съ Голландцами прокламаціею, въ которой онъ говорилъ имъ:

«Искренно убѣжденный въ томъ, что я ничего уже не могу сдѣлать для вашей выгоды и для вашего благосостоянія, и считая себя на-

«противъ того преноюю къ возвращенію благорасположенія моего брата къ землѣ сей, я отрекся отъ престола въ пользу старшаго моего сына Наслѣднаго Принца Наполеона-Людвика и брата его Принца Карла-Людвика-Наполсона. Ея Величеству Королевѣ принадлежитъ по Конституціи право Регентства; до прибытія же ся, управленіе ввѣрено совѣту Министровъ.

«Голландцы! я никогда не забуду столь добраго и добродѣтельнаго народа, каковы вы; послѣдняя моя мысль и послѣдній вздохъ мой будутъ за ваше счастье. Разставаясь съ вами, я любѣдительно совѣтую вамъ оказать хорошій пріемъ Французскимъ солдатамъ и агентамъ: это лучшее средство угодить Его Величеству Императору, отъ котораго жребій вашъ, дѣтей вашихъ и земли вашей совершенно зависить.

«Теперь когда зложелательство и клевета не могутъ уже болѣе меня поражать, покрайній смѣрь въ томъ, что до васъ касается, я питаю справедливую надежду, что вы наконецъ обратите награду за все ваши пожертвованія и за вашу мужественную настойчивость и покорность судьбѣ.

«ЛУДОВИКЪ-НАПОЛЕОНЪ.»

Обнародовавъ это воззваніе въ видѣ прощанья съ Голландцами, Лудовикъ удалился къ Теплицкимъ водамъ. Онъ жилъ тамъ уединенно и покойно, когда узналъ что братъ его, не

уваживъ условій его отреченія, присоединилъ Голландію къ Имперіи. Тогда онъ обнародоваль протестъ, ниже помѣщенный. Мнѣ попался въ руки одинъ экземпляръ этого документа, строго запрещеннаго Полиціею:

«Обстоятельства, побудившія меня передать «корону Наслѣдному Принцу, почти извѣстны «Государямъ, съ которыми я находился въ сношеніяхъ. Не прежде какъ черезъ нѣсколько «времени, всѣ эти подробности могутъ быть «обнаружены. Удалясь къ Его Величеству Императору и Королю Франциску II-му, я хотѣлъ хранить молчаніе; но я принужденъ нынѣ «нарушить оное увидѣвъ въ журналахъ указъ 9 «Юля. Меня принуждаютъ къ тому выгоды «моей земли, мое оправданіе, и имя юнаго Кофроя, теперъ еще малолѣтнаго, но который «долженъ достигнуть совершеннолѣтія не лишась правъ на корону, дарованныхъ ему Богомъ и націею.

«Пышншія обстоятельства, дѣлающія невозможнымъ обнародованіе малѣйшихъ актовъ и «документовъ безъ воли Императора, моего «брата, сомнительное и уединенное положеніе, «въ которомъ я нахожусь, будучи окруженъ неиспытанными людьми, все затруднить доставку «и обнародованіе этого акта; но чувства, питаемая мною къ Императору Франциску и «къ Императору Александру, внушаютъ мнѣ

«надежду, что я нѣкогда найду случай вѣрно «вручить имъ оный и тѣмъ доставить націи и «сыну моему способъ къ отысканію ихъ правъ «и къ оправданію моей памяти, когда обстоя- «тельства то позволяютъ.

«Конституція Государства, утвержденная Им- «ператоромъ, моимъ братомъ, давала мнѣ право «отречься въ пользу дѣтей моихъ. Это отрече- «ніе было сдѣлано по смыслу и формамъ, пред- «писаннымъ Конституціею.

«Императоръ не имѣлъ никакого права объ- «явить войну Голландіи и онъ этого не сдѣ- «лалъ:

«Нѣтъ никакого акта, никакого соглашенія, «никакой просьбы Голландскаго народа, кото- «рые подали бы поводъ къ сему присоединенію.

«Мое отреченіе не оставляетъ престолъ «упраздненнымъ; я отрекся только въ пользу «дѣтей моихъ.

«Такъ какъ это отреченіе оставляло Голлан- «дію еще на двѣнадцать лѣтъ подъ регент- «ствомъ, т. е. подъ непосредственнымъ вліяні- «емъ Императора, на основаніяхъ Конституціи, «то ему не было никакой нужды въ этомъ при- «соединеніи для исполненія всей его воли про- «тивъ торговли и противъ Англій, поелику чрезъ «се въ Голландіи не было бы другой воли, «кромя его.

«По этому послѣднему отношенію дока-

зано предъ глазами цѣлаго свѣта, предъ глазами Государей, находящихся въ мирѣ съ Франціею и Голландіею и предъ глазами всѣхъ Французовъ, что ссоры, упреки и обвиненія, столь часто повторяемыя въ журналахъ и официальныхъ актахъ противъ Голландіи и противъ меня, были только клеветою и предлогомъ къ произведенію присоединенія. Еслибъ это не было съ давняго уже времени цѣлю политики противъ Голландскаго Короля, то конечно одобрили бы его отреченіе, которое доставляло Императору полную власть надъ Голландіею, ибо, по смыслу Конституціи, онъ имѣлъ право назначить Регента. Такимъ образомъ не побоялись изъ имени Императора и брата его, сдѣлать орудіе вѣроломства и смерти для всей націи.

«Такимъ образомъ доказано, что Король противъ воли долженъ былъ служить посредникомъ присоединенія; подобно какъ правленіе великаго Пансіонера служило посредникомъ для учрежденія Монархіи.

«Но я вступилъ на престолъ безъ всякихъ другихъ условій кромѣ тѣхъ, которыя налагали на меня, моя совѣсть, моя обязанности, выгоды и благосостояніе моего народа. Посему объявляю предъ Богомъ и предъ независимыми Государями, къ которымъ я обращаюсь:

«1. Что трактатъ 16 Марта 1810 года, по-

«давшій случай къ отдѣленію отъ Голландіи областей Зеландіи и Брабанта, былъ принять насильно и утверждень мною условно въ Парижѣ, гдѣ меня удерживали противъ моей воли; что сверхъ того, опъ никогда не былъ исполненъ со стороны Императора моего брата. Въмѣсто шести тысячъ Французовъ, которыхъ я обязанъ былъ содержать по смыслу договора, это число было болѣе чѣмъ удвоено; вмѣсто того, чтобы занимать только устья рѣкъ и морской берегъ, Французскіе таможенныя овладѣли внутренностью страны; вмѣсто того, чтобы принимать только мѣры касательно блокады Англіи, захватили Государственные магазины; самовластно заключили Голландцевъ; и наконецъ не сдержали ни одного изъ словесныхъ обѣщаній, сдѣланныхъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ Герцогомъ Кадорскимъ отъ имени Императора о вознагражденіяхъ за земли, уступленные вышеупомянутымъ договоромъ; о смягченіи исполненія онаго, если Король совершенно предоставитъ это Императору и проч. Объявляю отъ имени моего, націи и моего сына, предписанный мнѣ 16 Марта 1810 года Императоромъ трактатъ, недействительнымъ и неимѣющимъ никакой силы.

«2. Объявляю, что мое отреченіе сдѣлано только въ самой послѣдней крайности, когда

«Императоръ братъ мой принудилъ меня къ этому; что мнѣ слѣдовало соблюсти права Голландіи и дѣтей моихъ и что оно сдѣлано не иначе, какъ въ пользу сихъ послѣднихъ.

«3. Отъ имени моего, отъ имени несовершеннолѣтняго Короля и Голландской націи объявляю мнимое присоединеніе Голландіи къ Франціи, объявленное въ указѣ Императора моего брата отъ 9 прошедшаго Іюля, недѣйствительнымъ и неимѣющимъ никакой силы, незаконнымъ, несправедливымъ, самовластнымъ предъ Богомъ и предъ людьми, конхъ оно оскорбляетъ всѣ права; предоставляя націи и малолѣтнему Королю отыскивать справедливыя права свои, когда позволятъ обстоятельства.

«Дано въ Теплицѣ въ Богеміи. Актъ сей написанъ и подписанъ моею собственною рукою съ приложеніемъ Государственной печати «1 Августа 1810.»

«ЛУДОВИКЪ-НАПОЛЕОНЪ.»

Такимъ образомъ, казалось, долженствовали бы кончиться сношенія между двумя братьями столь противоположныхъ свойствъ. Но Наполеонъ, раздраженный тѣмъ, что Лудовикъ осмѣлился протестовать противъ присоединенія его Королевства къ Имперіи, что было сдѣлано, какъ видно въ сильныхъ выраженіяхъ, прика-

заль объявить ему, что онъ требуетъ его во Францію, по званію его Коннетабля и Французскаго Принца. Лудовикъ не заблагоразсудилъ повиноваться этому приказу и тогда-то Наполеонъ, въ гнѣвъ своемъ, держа однакоже данное имъ въ послѣднемъ письмѣ слово не писать къ нему болѣе, приказалъ написать къ нему слѣдующее письмо Г-ну Отто, Посланнику своему въ Вѣнѣ, со времени недавняго еще брака Императора съ Марією Луизою.

«Государь,

«Императоръ повелѣлъ мнѣ написать къ Вашему Величеству слѣдующее:

«Велкій Французскій Принцъ и велкій членъ Императорскаго Дома обязанъ жить во Франціи и не долженъ выѣзжать изъ оной иначе, «какъ съ позволенія Императора. После присоединенія Голландіи къ Имперіи, Императоръ «допустилъ Королю жить въ Теплицъ въ Богеміи. Здоровье его казалось того требовало; но «нынѣ Императору благоугодно, чтобы Принцъ «Лудовикъ, какъ Французскій Принцъ и какъ «Сановникъ Имперіи, прибылъ въ оную не «позже 1 числа будущаго Декабря мѣсяца, подъ «опасеніемъ, что онъ будетъ сочтенъ ослушникомъ Конституціи Имперіи и главы его семейства, и что съ нимъ будетъ поступлено «какъ съ таковымъ.

Часть VIII.

«Я исполняю Государь, слово въ слово данное мнѣ порученіе и посылаю перваго Секретаря Посольства, для удостовѣренія въ исправномъ доставленіи сего письма.

«Прошу Ваше Величество принять изъявленіе моего глубочайшаго почтенія.

*«Французскій Посланникъ при Вѣнскомъ
«Дворѣ ОТТО.»*

Каково это письмо, написанное поданнымъ къ Прищцу, который былъ сдѣланъ Королемъ! — Когда мнѣ случилось въ послѣдствіи увидѣться съ Г-мъ Отто въ Парижѣ, то зналъ какъ я люблю Лудовика, онъ заговорилъ со мною о немъ и сказалъ: какъ ему дорого стоило написать столь мало почтительное письмо къ брату Императора; но что онъ употребилъ тѣ самыя слова, которыя Наполеонъ продиктовалъ ему въ своемъ раздраженіи, овладѣвавшемъ имъ тогда, какъ не покорялись игу его воли. Я еще буду говорить о Лудовикѣ Бонапарте и въ особенноти о Гортензій, въ послѣдней части моихъ Записокъ, но я не имѣю ничего уже болѣе сказать о Королѣ Голландскомъ.

Г Л А В А IX.

Мечъ Бонапарте, основаніе его Имперіи.—Требованіе войскъ у Державъ, при конхъ я былъ Посланникомъ.—Неудача.—Политика Меттерниха.—Тугуты и Кауниццы.—Россія относительно Франціи.—Связь Австріи и Россіи.—Возвращеніе Англичанъ въ Испанію.—Желаніе Сульта, сдѣлаться Королемъ Португальскимъ, а Мюрата, наследникомъ Императора.—Первый наборъ земскаго ополченія въ Австріи.—Гамбургскій Кореспондентъ и чиновникъ Военнаго Министерства въ Ввиѣ.—Прежнія обстоятельства кампаніи 1809 года.—Письмо Наполеона къ Императору Австрійскому.—Моя преждевременная увѣренность о неизбежности войны.—Мечты Австріи.—Нота Принца Карла, сообщенная въ Парижъ посредствомъ Телеграфа.—Невероятная быстрота Наполеона.—Принятіе начальства надъ Баварскими солдатами.—Воззваніе Императора къ войску.—Оссіанъ и Бонапарте.

И такъ Бонапарте, коего Имперія имѣла основаніемъ только мечъ его и побѣды, всегда занятый своими обширными замыслами, и безъ

престанно устремляющійся къ той минутѣ, когда все Государя Твердой Земли Европы сдѣлаются его *младшими*, потребовалъ, какъ выше сказано, участковъ вспомогательныхъ войскъ отъ Державъ, при конхъ я находился Посланникомъ. Мекленбургъ - Шверинское Герцогство должно было поставить полкъ изъ 1800 человекъ, другія малія державы какъ то Ольденбургъ, Мекленбургъ - Стрелицъ также обязывались поставить по соразмѣрности меньшіе отряды. Вся Европа долженствовала ополчиться для содѣйствія непоминнымъ замысламъ новаго владетельна. Это требованіе вспомогательныхъ войскъ и постоянность Императора по сему предмету подали поводъ къ огромной перепискѣ, неизмѣвшей никакихъ послѣдствій. Ноты и приказанія остались въ портфѣль, а вспомогательныя войска въ своемъ отечествѣ. У Сѣвера ли ему слѣдовало требовать солдатъ для того, чтобы идти противъ Сѣвера? Я уже сказала, какая иногда представлялась невозможность къ удовлетворенію этихъ непомѣрныхъ требованій, когда потребовавъ отъ Ганзейскихъ городовъ три тысячи матросовъ, онъ получилъ только пятую часть сего числа.

Г. Меттернихъ, кото въ послѣдствіи узнали рѣдкое искусство, былъ уже болѣе года Австрійскимъ Посланникомъ въ Парижѣ. Онъ тогда уже отличался умѣніемъ управлять умами и обра-

щать въ пользу своего положенія свои наружныя пріятности и успѣхи свои въ гостинныхъ. Отець его, человекъ искусный, воспитанный въ старинной политикѣ Тугутовъ и Кауницевъ, заблаговременно приучилъ его заставлять другія Правительства чрезъ своихъ агентовъ вѣрить тому, что могло ввести ихъ въ заблужденіе, полезное для того Правительства, которое производило съ ними дѣла. Сими способами онъ успѣлъ довести до того, что Австрія приняла непріязненный, надменный видъ; и желая—по словамъ ея, обезпечить свою независимость, она объявила, что приметъ мѣры для предохраненія себя отъ всякихъ предпріятій, противъ неустраиваемыхъ, и конхъ она часто была жертвою. Эти рѣчи, ободряемыя совершеннымъ выходомъ Французовъ изъ Германіи и Испанскою войною, коей вообще предвидѣли дурную развязку, говорили посреди мира, когда Франція вовсе не находилась на грозной военной ногѣ.

Г. Меттернихъ, имѣвшій наставленія отъ двора своего, не отвѣчалъ ничего опредѣлительнаго Императору, который вдругъ созвалъ Конскрипцію и приказалъ, какъ увидятъ воротиться своей арміи изъ Испаніи для того, чтобы обратить ее на Германію.

Нужно также было согласиться съ Россією, которая будучи занята своею войною съ Финляндією и съ Турцією, казалось не хотѣла всту-

нить въ союзъ съ Австрією, ни поддержать ее своимъ оружіемъ. И точно, каково было положеніе Императора Александра относительно Франціи? Онъ подписалъ въ Тильзитѣ миръ, который онъ считалъ принужденнымъ и былъ увѣренъ, что одно только время приведетъ возможность принять участіе въ борьбѣ, существовавшей, какъ по всему казалось, начатыя или противъ Россіи или противъ Австріи.

Для всякаго разсудительнаго человѣка было очевидно, что Австрія производя свое ополченіе надѣется если не на содѣйствіе, то по крайней мѣрѣ на нейтралитетъ Россіи. Держава сія имѣла тогда двухъ непріятелей: Шведовъ и Турокъ, съ кончи она надѣялась выгоднымъ образомъ кончить. Посему съ радостью видѣла Францію вступающую вновь въ ужасную борьбу съ Австрійскими силами, и не подлежало сомнѣнію, что она успѣшитъ воспользоваться благопріятными Австріи обстоятельствами, дабы присоединиться къ ней противъ посягательствъ Франціи. Я никогда не могъ постигнуть, какимъ образомъ, въ этомъ положеніи вещей Наполеонъ ослѣпился до того, что вздумалъ прибѣгнуть къ помощи Россіи въ распряхъ своихъ съ Австрією. Уже конечно онъ очень былъ обмануть на счетъ взаимныхъ отношеній этихъ двухъ Дворовъ, на счетъ существовавшаго между ими дружества и совершеннаго ихъ союза

для сопротивленія безпрестанно возраставшему честолюбію ихъ общаго непріятели, который овладѣлъ Испанією, что имѣло не малое вліяніе на рѣшимость Австріи. Согласіе на то въ Эрфуртѣ Императора Александра, было скорѣе дѣломъ вѣжливости, чѣмъ политики.

Вообще все, происходившее тогда на твердой землѣ было къ выгодѣ Англии. Державы твердой земли ослабѣвали, бѣдѣли чрезъ войны свои съ Францією, и сама Франція, не смотря на обширность своихъ способовъ и на неутомимую дѣятельность вождя своего также ослабѣвала посреди торжествъ своихъ. Англичане, которые были принуждены выйти изъ Испаніи, опять туда возвратились. Они избрали мѣстомъ своей высадки Португалію, которая была для нихъ колонією и пошли противъ Маршала Сульта, двинувшись изъ Испаніи къ нимъ на встрѣчу. Всякой другой, кромѣ Сульта, можетъ быть затруднился бы въ преодоленіи представлявшихся препятствій. Много было говорено о желаніи его сдѣлаться Португальскимъ Королемъ; Бернадотъ при проѣздѣ своемъ чрезъ Гамбургъ сказывалъ мнѣ, что объ этомъ была рѣчь въ главной квартирѣ послѣ Ваграмскаго сраженія. Бернадотъ тому не вѣрилъ, также какъ я полагаю, и самъ Наполеонъ. Султъ слишкомъ хорошо служилъ подъ Аустерлицемъ для того, чтобы Императоръ могъ повѣрить такимъ слу-

хамъ. Однакоже это дѣло все еще остается закрытымъ и не будетъ приведено въ ясность до тѣхъ поръ, пока кто либо, хорошо знающій оно, захочетъ искренно объясниться. Исторію должно писать основываясь на истинныхъ показаніяхъ и на засвидѣтельствованныхъ событіяхъ, а не на сомнѣніяхъ, утайкахъ и предположеніяхъ.

Коснувшись уже на счетъ Сульта статьи о честолюбивыхъ предположеніяхъ, я приведу здѣсь то, что мнѣ извѣстно положительнаго о честолюбіи Мюрата наследовать Императору. Вотъ какъ дѣло было. По возвращеніи Г. Румянцова изъ безполезной его поѣздки въ Лондонъ, Императоръ, какъ извѣстно, отправился въ Байону. Бернадотъ, имѣвшій въ Парижѣ агента, которому онъ очень дорого платилъ, сказалъ мнѣ однажды, что онъ получилъ отъ него извѣщеніе, что Мюратъ объявилъ надежду свою никогда наследовать Императору. Лестецы поддерживали Мюрата въ этомъ мечтательномъ упованіи, надѣясь извлечь изъ того для себя выгоды. Не знаю дошла ли эта вѣсть до Наполеона и какъ онъ о ней отзывался, но Бернадотъ сообщилъ мнѣ это за вѣрнос. Впрочемъ очень несправедливо было бы выводить великія послѣдствія изъ слова, вырвавшагося можетъ быть у Мюрата въ минуту пылкости, ибо эта пылкость доводила его иногда до неосторож-

ныхъ поступковъ очень опасныхъ, съ такимъ человекомъ какъ Наполеонъ, который, благодаря усердію слугъ своихъ, насквозь видѣлъ жизнь всѣхъ, хотя нѣсколько важныхъ людей.

Посреди расноряженій къ Испанской войнѣ, производимыхъ лично самимъ Наполеономъ онъ узналъ, что Австрія въ первый разъ собираетъ земское ополченіе (Landwehre).

Я получилъ весьма драгоценные документы объ этомъ вооруженіи Австріи чрезъ Директора Гамбургскаго Корреспондента. Этотъ журналъ, наиболѣе читаемый изъ всѣхъ повременныхъ изданій, когда либо существовавшихъ, ибо на оный было не менѣе 60,000 подписчиковъ, платилъ въ разныхъ мѣстахъ Европы значительныя суммы людямъ, сообщавшимъ въ оный разныя извѣстія; онъ выдавалъ въ Вѣнѣ 6,000 франковъ въ годъ одному чиновнику Военнаго Министерства, и этотъ чиновникъ сообщалъ, что Австрія вооружается и что повсюду рассылаются приказанія о сборѣ и движеніи всѣхъ силъ могущественной Австрійской Имперіи. Я донесъ объ этихъ расноряженіяхъ Французскому Правительству и довольно въ ясныхъ выраженіяхъ предупредилъ его, что надобно удвоить внимательность и взять свои мѣры. Должно было вспомнить прежнія нападенія а особенно сдѣланное въ 1805 году. Вѣроятно, что эти извѣстія пришли съ разныхъ сторонъ,

ибо Императоръ, предоставя своимъ Генераламъ военныя дѣла съ Испанією, отиравился въ Парижъ, куда онъ прибылъ въ концѣ Генваря 1809 года; онъ находился въ Испаніи только съ начала Ноября, и присутствіе его опять привело побѣду къ нашимъ знаменамъ; но если взбунтовавшіеся войска и были побѣждены, то жители, не только не покоряясь, оказывались болѣе и болѣе неблагопріятствующими дѣлу Юсефа, и нельзя было предпологать, что онъ когда либо спокойно возсядетъ на Мадридскій престоль.

Да будетъ мнѣ теперь позволено, прежде изложенія того, что я узналъ о предстоящей Германской кампаніи, обратиться къ одному весьма важному предвѣдущему обстоятельству. Говоря о Эрфуртекомъ свиданіи я привелъ нѣсколько запутанное по своему слогу письмо, которое Императоръ Францискъ послалъ къ Наполеону съ Барономъ Винцентомъ. Я не хотѣлъ въ слѣдъ за нимъ привести сдѣланный на оное отвѣтъ, ибо этотъ отвѣтъ, внушенный какимъ-то предвѣдѣніемъ, гораздо приличнѣе помѣтить здѣсь что-бы онъ служилъ вѣстунствомъ къ происшествіямъ 1809 года; вотъ отвѣтъ сей, написанный изъ Эрфурта:

«Милостивый Государь братецъ,

«Благодарю Ваше Императорское и Королев-

«ское Величество за письмо, которое вамъ благоугодно было написать ко мнѣ и которое мнѣ «вручилъ Баронъ Винцентъ. Я никогда не сомнѣ- «вался въ правдолюбивыхъ намѣреніяхъ Вашего «Величества, но тѣмъ не менѣе считалъ опасніе «о возобновеніи между нами непріязненныхъ «дѣйствій. Въ Вѣнѣ есть партія, которая пока- «зываетъ притворный страхъ, дабы вовлечь «вашъ кабинетъ въ насильственные мѣры, кото- «рыя содѣланы бы причиною бѣдствій, бѣль- «шихъ, чѣмъ тѣ, которыя предшествовали. Я «быть властенъ раздробить Монархію Вашего «Величества или по крайней мѣрѣ оставить ей «менѣе могущества, а не захотѣть этого. То, что «она есть, она есть по моему желанію; это самое «очевидное доказательство того, что счеты на- «ши кончены и что я ничего отъ нея не хо- «чу. Я всегда готовъ обеспечивать неприкосно- «венность ея Монархіи; я никогда ничего не «сдѣлаю противъ главныхъ выгодъ ея владѣній. «Но Ваше Величество не должны заводить «вновь преній о томъ, что рѣшено пятнадцатью «годами войны; вамъ слѣдуетъ воспретить вся- «кія объявленія или поступки, могущіе дове- «сти до войны. Последнее всеобщее ополченіе «причинило бы войну, еслибъ я могъ опасать- «ся, что этотъ наборъ и пріуготовленія сдѣла- «ны по соглашенію съ Россіею. Я недавно ра- «спустилъ дѣлеть Союза. Сто тысячъ войскъ

«моихъ идутъ въ Булонь для возобновленія на-
«мѣреній моихъ противъ Англии. Я долженъ
«быль полагать, когда я имѣлъ счастье видѣть
«Ваше Величество и когда я заключилъ Прес-
«бургскій трактатъ, что дѣла наши навсегда кон-
«чены и что я могу предаться морской войнѣ не
«будучи ни обеспокоенъ, ни отвлеченъ. Не довѣ-
«рять Ваше Величество тѣмъ, которые твердятъ
«вамъ объ опасностяхъ вашей Монархїи, нарушая
«тѣмъ счастье ваше, вашей фамилии и вашихъ на-
«родовъ; эти люди сами опасны; они навлекаютъ
«опасности, показывая видъ, будто бы страшатъ
«сея оныхъ. Ведя себя прямо, искренно и про-
«сто, Ваше Величество сдѣлаете народы ваши
«благополучными, будете сами наслаждаться
«счастьемъ, котораго вы должны чувствовать
«необходимость послѣ столькихъ волненій и
«прїобрѣтете увѣренность имѣть во мнѣ че-
«ловѣка, который рѣшился не дѣлать ничего
«противъ вашихъ главныхъ выгодъ. Да пока-
«жутъ ваши поступки довѣренность и они вну-
«шатъ ее. Лучшая пльнѣ политика есть просто-
«та и правда. Повѣрьте мнѣ безпокойства, если
«успѣютъ внушить вамъ оныя, и я тотчасъ
«ихъ разсѣю. Позвольте, Ваше Величество, сказать
«вамъ послѣднее слово: слушайте своего мнѣ-
«нія, своего чувства; они гораздо превосходятъ
«всѣхъ даваемыхъ вамъ совѣтовъ. Прошу Ваше
«Величество принять мое письмо въ благопрїят-

«номъ смыслѣ и не видѣть въ немъ ничего, «кромѣ клонящагося къ благу и къ спокойствію Европы и Вашего Величества.»

Прочитавъ это письмо Наполеона, я нисколько не усомнился, что новая война скоро возгорится между Франціею и Австріею. Принятое въ ономъ Наполеономъ превосходство, какъ будто бы онъ писалъ къ одному изъ покорныхъ ему Приицевъ Рейнскаго Союза, должно ствовало раздражить оскорбленную гордость наследника Цесарей. Нападки, сдѣланные въ немъ на Вѣнскій кабинетъ, вооружили всѣхъ членовъ онаго противъ Наполеона, а притомъ обманчивая надежда, послѣдняя отрада несчастія, представлялась подъ соблазнительными видами глазамъ Австріи; изъ того, что она была побѣждена, не слѣдовало еще, что она опять подвергнется тому же; она могла завоевать обратно потерянное сію, и война, которую Наполеонъ принужденъ былъ вести съ большою тратою людей и денегъ, представляла ей возможность успѣха, которой она не имѣла въ виду первый разъ; когда одна только Англія была въ войнѣ съ Франціею, а особливо когда Великобританія не имѣла, какъ при настоящихъ обстоятельствахъ, такой точки въ Европѣ, гдѣ бы она могла употреблять сухопутныя свои войска противъ магущества Наполеона.

Соблазненная этими мечтами Австрія не за-

медля сдѣлать приготовленія къ войнѣ; во
всѣхъ наследственныхъ владѣніяхъ начали опол-
чаться, между тѣмъ, какъ Графъ Меттернихъ
Австрійскій Посланникъ въ Парижѣ, согласно
съ данными ему отъ двора его приказаніями, про-
должалъ увѣрять въ расположеніи его Прави-
тельства къ миру. Я былъ извѣщаемъ моими
корреспондентами о враждебныхъ замыслахъ
Австріи и немедленно сообщалъ Правительству
получаемыя мною свѣдѣнія; но, по ослѣпленію
ли, или скорѣе потому, что Наполеонъ желалъ
новой войны, въ которой онъ весьма очевид-
но не былъ бы зачинщикомъ, онъ допустилъ
захватить себя въ распλοхъ. Австрія, не смо-
тря на подстреканія своихъ совѣтниковъ, сна-
чала колебалась сдѣлать самый приступъ; но
уступивъ внушеніямъ Англии и Россіи, а осо-
бенно прельстясь денежными пособіями Велико-
британіи, Австрія обнаружила себя и начала
непріязненные дѣйствія, сперва не противъ
Франціи; а противъ членовъ Рейнскаго Союза.
9 Апрѣля, Принцъ Карлъ, облеченный глав-
нымъ начальствомъ надъ Австрійскими войска-
ми, прислалъ къ Главнокомандующему Фран-
цузскою арміею въ Баваріи слѣдующую ноту.

«На основаніи деклараціи Его Величества Им-
ператора Австрійскаго Императору Наполеону, и
«предупреждаю Г. Главнокомандующаго Фран-
цузскими войсками, что мнѣ приказано идти

«съ моиими войсками впередъ и поступать какъ
«съ непріятелями со всѣми, кто окажетъ мнѣ
«сопротивленіе.»

Курьеръ поспѣшно отвезъ копію съ этой
ноты въ Стразбургъ, откуда она была сообще-
на въ Парижъ посредствомъ телеграфа.

Императоръ, удивленный но не приведенный
въ смущеніе этимъ извѣстіемъ, получилъ его
въ Сен-Клау 11 Августа, и чрезъ два часа послѣ
того, онъ находился уже на дорогѣ въ Гер-
манию. Многосложность дѣлъ, тогда его зани-
мавшихъ, казалось сообщила новую силу его
дѣятельности. Когда онъ явился въ армію, то
ни войска его, ни Гвардія не имѣли еще воз-
можности поспѣть туда, и при этомъ то случаѣ
онъ принялъ начальство надъ Баварцами, какъ
будто усыновивъ тѣмъ Максимилиановыхъ сол-
датъ. Черезъ шесть дней по отъѣздѣ его изъ
Парижа, армія Принца Карла была угрожаема.
Главная Квартира Императора находилась въ
Донавертѣ, откуда онъ издалъ къ своимъ солда-
тамъ одно изъ тѣхъ сильныхъ и краткихъ воз-
званій, которыя породили столько чудесъ.

«Солдаты,» говорилъ онъ имъ, «поземельныя
«права Рейпскаго союза нарушены. Австрійскій
«Генераль хочетъ, чтобы мы обратились въ
«бѣгство при видѣ его оружія и предали бы
«ему нашихъ союзниковъ. Я прибылъ сюда съ
«быстротою молніи. Солдаты, я былъ окруженъ

«вами тогда, какъ Австрійскій Государь прѣхалъ ко мнѣ на бивакъ въ Морави: вы слышали, какъ онъ умолялъ меня о милосердіи и клялся въ братскомъ дружествѣ. Побѣжденная въ трехъ войнахъ Австрія три раза была обязана всемъ нашему великодушію, и три раза она оказалась вѣроломною! Прошедшіе наши успѣхи служатъ намъ вѣрнымъ ручательствомъ въ побѣдѣ, насъ ожидающей. Пойдемъ же и да узнаетъ непріятель при видѣ нашихъ, своихъ побѣдителей.»

Это воззваніе, сообщенное мнѣ съ нарочнымъ курьеромъ, равно какъ и нѣкоторыя другіе документы о положеніи обѣихъ армій, прибыли очень кстати для того, чтобы уснокоить Сѣверь, всегда готовый объявить себя противъ Наполеона, но всегда удерживаемый страхомъ его мести. Тогда мнѣ объяснились причины нѣкоторыхъ приказаній, полученныхъ мною прежде, когда Французскія войска были выведены изъ земель союза, не для того чтобы составить новый лагерь въ Булони, какъ Наполеонъ объявилъ то въ письмѣ своемъ къ Императору Австрійскому, но дабы итти въ Испанію. Это объяснило мнѣ приказанія Февраля мѣсяца, мною упомянутыя, и по которымъ я долженъ былъ всѣми зависящими отъ меня средствами ускорить наборъ войскъ въ земляхъ, при коихъ я находился Посланникомъ. Всё это скопленіе

присшествій конечно было пагубно для Европы и для Франціи, каковы бы ни были ея усиѣхи; но оно доставляло благопріятный случай развернуться гению Императора. Подобно, какъ его любимый поэтъ Оссіанъ любилъ гремѣть на своей лирѣ, только посреди бурь, такъ и ему были нужны политическія бури; дабы дать полетъ его гению, нужно было стѣснить его со всѣхъ сторонъ необходимостью, и справедливость требуетъ сказать, что чѣмъ болѣе скопившіяся препятствія раздражали его нетерпѣніе, тѣмъ болѣе это подстрѣкало его исполнивскій гений, иногда столь мелочной.

Г Л А В А X.

Начало кампании 1809 года — Отъезд Бернадота в армию. —
Памятозлюбие Императора и неудовольствие Маршала. —
Письмо ко мнѣ Бернадота. — Быстрота похода Императора.
— Проектъ Англійской экспедиціи. — Планъ кампании Прин-
ца Карла. — Дипломатическія сношенія между Англіею и
Австріею. — Англичане въ Куксгафенѣ. — Выходъ изъ Ко-
пенгагена. — Г. Дезаръ, агентъ Гамбургскаго Консульства, и
Лордъ Стюартъ. — Безполезность козлей Англии. — Напо-
леонъ раненъ въ пятку. — Ратисбонское воззваніе. — Хвас-
товство, оправданное дѣломъ. — Маіоръ Шиль. — Хитрость
шпіона. — Гамбургъ, угрожаемый и спасенный. — Твердость
жителей. — Шиль въ Любекѣ. — Смерть Шила и уничто-
женіе его отряда. — Герцогъ Брауншвейгъ. — Эльскій подра-
жатель Шильо. — Генералъ Рейбель, лишенный начальства
Першимомъ. — Уходъ Англичанъ изъ Куксгафена.

Въ продолженіи кампаніи 1809 года и осо-
бенно при началѣ оной, походъ Наполеона
былъ еще быстрее, чѣмъ въ кампанію 1805

года. Каждый курьеръ, прїѣзжавшій въ Гамбургъ привозилъ намъ новыя вѣсти, или лучше сказать, чудеса. Какъ только Императоръ узналъ о нападѣнїи, сдѣланномъ Австрїйцами на Баварїю, то приказанїя тотчасъ были разосланы къ начальствующимъ войсками Генераламъ, дабы они какъ можно спѣшили къ театру войны. Князь Понте-Корво былъ потребованъ въ Большую-Армію съ Саксонцами, бывшими подъ его командою и временно сложилъ съ себя Генераль-Губернаторство Ганзейскихъ городовъ. Полковникъ Дамасъ заступилъ его мѣсто въ Гамбургъ, но просто въ званїи Коменданта. Этотъ Офицеръ, одаренный превосходными качествами, никогда не подалъ повода ни къ малѣйшему ропоту или жалобѣ. Бернадотъ не былъ доволенъ своимъ положенїемъ, и дѣйствительно Императоръ, никогда не старавшійся его выставить, потому что онъ не могъ простить ему сопротивленїя, обнаруженнаго имъ 18 Брюмера, всегда назначалъ его на такія мѣста, гдѣ было можно прїобрѣсть немного славы и давалъ ему какъ можно меньше войскъ подъ начальство. Я получилъ отъ него отъ 6 Апрѣля нисѣмо, котораго послѣднїя слова довольно показываютъ его неудовольствїе. Вотъ оно:

«Получивъ нисѣмо Ваше, любезный Министръ, «я тотчасъ приказалъ написать къ Гамеліне, «чтобы онъ окончилъ дѣло касательно театра;

«и самъ сверхъ того подтвердилъ ему тоже въ «инсьмѣ, написанномъ мною въ послѣдствіи; по- «сему я полагаю, что все теперь совершенно «кончено. Мы стоимъ предъ Австрійцами; они «очень сильны въ Богеміи и предъ моимъ фрон- «томъ; а у меня едва есть въ сборѣ пятнадцать «тысячь Саксонцевъ. Прочу Васъ представить, «и проч. . . .

«I. БЕРНАДОТЪ.»

Не стану входить здѣсь въ подробности о второмъ Вѣнскомъ походѣ; ограничусь какъ и прежде относительно Тильзитской кампаніи тѣми обстоятельствами, которыя дошли до моего свѣдѣнія во время пребыванія моего въ Гамбургѣ, гдѣ должность моя становилась болѣе и болѣе затруднительною по мѣрѣ какъ какое либо движеніе обнаруживалось въ Германіи. Могу только увѣрить, что въ 1809 году нужна была велъ быстрота, употребленная Императоромъ въ походѣ къ Вѣнѣ для того, чтобы предупредить козни, устрояемыя противъ его Правительства; ибо въ случаѣ неуспѣха нашего оружія, ударъ былъ хорошо подготовленъ. Англія, обольщенная нѣкоторыми первоначальными успѣхами въ Португаліи и въ Испаніи, употребила при этомъ случаѣ всевозможные происки и вскорѣ составила проектъ экспеди-

цин на Сѣверь, который ниспровергъ одинъ только успѣхъ Французскаго оружія.

Англійская экспедиція на Сѣверь Германіи долженствовала состоять изъ десяти тысячъ человекъ. Съ Іюня мѣсяца уже находилась въ Гейльголандѣ легкая артиллерія, одежда и ружья, довольно въ большемъ количествѣ; и я положительно узналъ, что Англійскій агентъ находившійся въ главной квартирѣ Австрійской арміи писалъ къ Г. Каннингу, чтобы онъ какъ можно поспѣшилъ общапною высадкою на Сѣверь.

Эрцгерцогъ Карлъ намѣревался собрать въ средоточіи Германіи большой корпусъ войскъ, составленный изъ отрядовъ Генерала Амь-Эйде и Радосовитца и изъ Англичанъ, присоединивъ къ нимъ тѣхъ людей, которыхъ надѣялись взбунтовать.

Англичане желали бы, чтобы Австрійскія войска нѣсколько болѣе вывели впередъ: Англійскій агентъ сдѣлалъ на этотъ счетъ нѣсколько замѣчаній Г. Стадіону, Австрійскому Министру; но Эрцгерцогъ лучше желалъ испытать эту диверсію, чѣмъ подвергнуть опасности Монархію, вышедъ изъ настоящаго своего бездѣйствія и покусясь перейти черезъ Дунай предъ непріятелемъ, который никогда не допускалъ захватить себя въраспихъ и напередъ уже рассчитать всѣ возможные случаи.

Дабы обеспечить успѣхъ этой экспедиціи, Фельдмаршалъ-Лейтенантъ Киннекеръ былъ посланъ съ большимъ подкрѣпленіемъ и съ многочисленнымъ Штабомъ для принятія главнаго начальства надъ войсками, вступившими въ Саксонію и во Франконію, съ приказаніемъ быстро идти впередъ.

Эрцгерцогъ, составляя этотъ планъ, надѣялся или, что Императоръ Австрійскій отдѣлитъ большой корпусъ на помощь своимъ союзникамъ, или что онъ предоставитъ ихъ своей собственной оборонѣ. Въ первомъ случаѣ Эрцгерцогъ имѣлъ бы большое превосходство; а въ послѣднемъ все было приготовлено въ Гессенѣ и въ Гановрѣ къ тому, чтобы жители при приближеніи Австрійскихъ и Англійскихъ войскъ ополчились за одно дѣло съ ними.

Я могу засвидѣтельствовать совершенную точность всѣхъ этихъ обстоятельствъ, ибо они дошли до меня чрезъ офиціальное письмо, мною полученное. Что касается до движеній на Сѣверѣ, то къ помѣщенному уже выше, я могу прибавить нѣкоторыя другія подробности, достовѣрность коихъ также не подлежитъ сомнѣнію. Въ началѣ Іюля, Англичане подошли къ Кукстафену на двѣнадцать мелкихъ военныхъ судахъ. Высадивъ четыреста или пять сотъ матросовъ и десятковъ пять морскихъ солдатъ, они водрузили знамя на одной изъ наружныхъ построскъ.

На другой же день послѣ этой высадки въ Куксгафенъ, Англичане находившіеся въ Даніи, очистили Копенгагенъ, уничтоживъ выстроенную флотскими батарею. При выступленіи изъ Куксгафена, они взяли подъ стражу Г-на Дезара, неправявшаго должность агента Гамбургскаго Консульства. Губернаторъ Ритцбуттель потребовалъ, чтобы его освободили, какъ гражданина этого города, но Англійскій Начальникъ Лордъ Стюартъ отвѣчалъ, что Г. Дезару будетъ оказано всевозможное уваженіе, хотя теперь еще и нельзя его освободить.

Для полученія себѣ отъ Англичанъ свободы, Г. Дезаръ обязался Лорду Стюарту не имѣть болѣе переписки, ни съ Французскимъ Правительствомъ, ни со своими агентами и являться на Англійскій фрегатъ великой разѣ, какъ Лордъ того потребуетъ. Г. Дезаръ самъ уведомилъ меня о томъ, что страхъ принудилъ его сдѣлать.

Всѣ козни и покушенія Англии остались на Твердой Землѣ безуспѣшными, ибо при новой системѣ войны Императора, состоявшей въ овладѣніи столицами—въ оныхъ не замедляли начинать переговоры о мирѣ. Онъ овладѣлъ Вѣною даже прежде, чѣмъ Англичане успѣли устроить упомянутую мною экспедицію. Выѣхавъ изъ Парика 11 Апрѣля, онъ былъ 17 въ Донавергѣ, а 23 овладѣлъ Ратисбономъ. Въ бою,

предшествовавшемъ вступленію въ этотъ городъ, Наполеонъ былъ раненъ въ пятку; но эта рана, правда что легкая, не заставила его ни на минуту отлучиться съ поля сраженія; между Данавертомъ и Ратисбономъ произошло также одно изъ знаменитѣйшихъ дѣлъ цѣлой кампаніи, столь изобильной блистательными подвигами. Даву, посредствомъ искусства и смѣлаго дѣйствія, достойно приобрѣлъ себѣ титулъ Князя Экмольскаго. Предъ выѣздомъ изъ Ратисбоно Императоръ издалъ къ своимъ солдатамъ еще краткій приказъ, въ которомъ, по обыкновенію своему напомнивъ имъ то, что они уже сдѣлали, онъ означалъ то, что имъ оставалось еще сдѣлать. Онъ говорилъ имъ: «Вы оправдали мои ожиданія. Вы замѣнили малодушество вашею храбростью. Въ немногіе дни вы одержали побѣды въ трехъ сраженіяхъ при Таннѣ, Абенебергѣ и Экмоль и въ трехъ битвахъ при Нейсеннгѣ, при Ладсугѣ и при Ратисбоннѣ. Пріятель, обольщенный вѣроломнымъ кабинетомъ, казалось не сохранилъ о насъ даже воспоминанія. Вы явились ему болѣе грозными, чѣмъ когда либо; недавно еще онъ нерешалъ чрезъ Инья и вторгнулся въ земли нашихъ союзниковъ; недавно еще онъ хвалился, что внесетъ войну въ сердце нашего отечества; нынѣ—разбитый, утраченный, онъ бѣжитъ въ безпорядкѣ. Уже мой авангардъ пе-

«решать чрезъ Пинь; прежде чѣмъ черезъ мѣ-
«сяцъ, мы будемъ въ Вѣнѣ

Фортуна казалась тогда столько покорствующею оружію Наполеона, что можно бы подумать, что она за удовольствіе считаетъ оправдывать даже самое хвастовство его; ибо дѣйствительно, не прошло мѣсяца между его воззваніемъ и вступленіемъ Французскихъ войскъ въ Вѣну. Но между тѣмъ какъ онъ, одерживая побѣды шель къ столицѣ Австріи, мы имѣли въ Гамбургѣ и въ окрестныхъ странахъ — сосѣда, возбуждившаго въ насъ безпокойство.

Знаменитый Прусскій партизанъ Маіоръ Шиль, поразбойничавъ въ Вестфалии, устремился на Меклембургъ откуда, какъ я узналъ, онъ намѣревался внезапно обратиться къ Гамбургу. Онъ сказалъ въ Вестфалии, что Гамбургъ заплатитъ за налоги, собранные имъ въ этой землѣ. Предводительствуя шестьюстами Гусаръ, хорошо снаряженныхъ и неполненныхъ смѣлости, и двумя тысячами человекъ пѣхоты, плохо вооруженной, онъ овладѣлъ 15 Мая небольшою крѣпостцою Домитцомъ въ Меклембургѣ; а оттуда послалъ по обонмъ берегамъ Эльбы отряды, которые брали контрибуціи, останавливали и грабили дилижансы, стараясь притомъ узнавать вѣсти объ Англіи. Этотъ партизанъ внушалъ страхъ на пути своемъ; онъ налагалъ въ Меклембургѣ разные поборы,

еслиже отказывали въ удовлетвореніи его требованіямъ, то онъ бралъ силою. Кромѣ состоявшаго у него подъ начальствомъ отряда, онъ имѣлъ съ собою довольно большое число Вестфальскихъ пѣхотниковъ; люди, которыхъ ему описали весьма преданными дѣлу Короля Прусскаго и Бурбоновъ, также къ нему присоединились. 19 Мая, отрядъ Шиллева корпуса, состоявшій изъ тридцати человекъ, вступилъ въ Висмаръ; имъ начальствовалъ пѣхото Графъ Молеке, который былъ прежде въ Прусской службѣ, а потомъ удалился въ свои земли, съ должностію, полученною имъ по милости Герцога. Забывъ то, чѣмъ былъ обязанъ своему благодѣтелю, онъ имѣлъ наглость послать къ нему съ требованіемъ о сдачѣ Стральзунда. Устрашенный приближеніемъ партизана Шилля, Герцогъ Меклембургскій выѣхалъ съ дворомъ своимъ изъ Лудвигебурга, своего обыкновеннаго мѣстопребыванія и удалился въ Доберанъ на берегу моря. Вышедъ изъ Меклембурга, Шилль достигъ до Бергдорфа, въ четырехъ миляхъ отъ Гамбурга. Въ этомъ послѣднемъ городѣ распространилась тревога: нѣкоторые заговаривали даже о томъ, чтобы вступить съ Шиллемъ въ договоръ и послать ему денегъ, съ тѣмъ чтобы онъ удалился; но твердость большаго числа жителей отвергла эти робкіе совѣты. Я сговорился съ Комендантомъ города; нѣкоторыя

предосторожности были уже приняты мы удвоили бдительность; таможенная казна, въ коей находилось болѣе милліона золотомъ, была отправлена подъ надежною стражею въ Гольштейнъ. Я принялъ эту мѣру для сбереженія казны, и отъ шайки Шилля и отъ тѣхъ людей, которые при подобныхъ обстоятельствахъ всегда легко предаются грабежу. Въ то же время я послалъ къ Шиллю искуснаго шпиона, который нануталъ его картиною оборонительныхъ средствъ Гамбурга. Шилль отказался отъ замысловъ своихъ противъ этого города и оставивъ его въ дѣвѣ, вступилъ въ Любекъ, который онъ нашелъ безъ всякой обороны.

Между тѣмъ, какъ Шилль подходилъ къ Любеку, одинъ изъ его Гусаровъ, явился къ воротамъ этого города и потребовалъ квартиръ для двухъ или трехъ тысячъ человекъ, идущихъ по словамъ его въ слѣдъ за нами. Таможенный приставъ хотѣлъ было выстрѣлить по этому смѣлому квартиргеру, но онъ во весь духъ ускорилъ обратню.

Однакоже Генераль-Лейтенантъ Грасіанъ выступившій изъ Берлина по приказанію Князя Пѣшательскаго съ 2500 человекъ Голландскихъ войскъ и 5000 Шведовъ, неутомимо преслѣдовалъ Маіора Шилля. Спокойствіе скоро было возстановлено во всей странѣ, приведенной въ тревогу этимъ смѣлымъ предиріятіемъ. Шилль,

прошатавшись еще нѣсколько дней по берегамъ Балтійскаго моря, былъ догнанъ Генераломъ Грасіаномъ въ Стральзундѣ, откуда онъ намѣревался уѣхать моремъ въ Швецію. Онъ защищался какъ бѣшеный и былъ убитъ послѣ двухъ часоваго боя, а найка его уничтожена. Триста его Гусарь и двѣсти человекъ нѣхоты, успѣвшіе убѣжать изъ города, просили позволенія возвратится въ Пруссію; ихъ отвели къ Прусскому Генералу, Коменданту сосѣдняго города. Такая разбойничья война, каковую вель Шилль, не можетъ быть съ честью признана никакою Державою, себя уважающею; однакоже Англійское Правительство, всегда старавшееся возжигать и поддерживать матежническія и разбойничьи войны, прислало Шиллю патентъ на Полковничій чинъ и полный мундиръ его новаго званія, съ увѣреніемъ, что все его войска будутъ впредь состоять на жалованіи Англіи.

Шиллю векорѣ явился подражатель высшаго званія; Герцогъ Брауншвейгъ-Эльскій въ Августѣ мѣсяцѣ 1809 года, некаль чести сдѣлаться преемникомъ этого знаменитаго партизана. Имѣя у себя подъ начальствомъ много что двѣ тысячи человекъ, онъ нѣсколько дней обеспокоивалъ лѣвый берегъ Эльбы и 5 числа вступилъ въ Бременъ. При его приближеніи Французскій Вице-Консуль удалился въ Остергульцъ. Офи-

церь Герцога, прозванный въ этомъ краю вторымъ Шиллемъ, явился въ домъ Вице-Консула и потребовалъ 200 лундоровъ. Повѣренный въ дѣлахъ Вице - Консула, устрашенный угрозою этого Офицера предать все на разграбленіе, вступилъ съ нимъ въ переговоры и съ большимъ трудомъ успѣлъ отдѣлаться отъ него 80 лунд., въ полученіи коихъ честный воръ далъ ему расписку отъ имени Герцога. Этотъ новый партизанъ не долго пробылъ въ Бременѣ; снѣша какъ можно скорѣе въ Голландію, онъ вышелъ изъ Бремена 6 числа вечеромъ, направя путь свой къ Дельменгорсту, гдѣ уже находился авангардъ его. Вестфальскія войска подъ начальствомъ Генерала Рейбеля вступили въ Бременъ 7 числа и не нашедъ тамъ Герцога Эльскаго, тотчасъ отпразднили за нимъ въ погоню. Датскимъ войскамъ, занимавшимъ Куксгафенъ, приказано было идти къ Бремерлеге для содѣйствія Вестфальцамъ и Голландцамъ. Въ это время Англичане подошли къ Куксгафену и высадили тамъ 3 или 4000 человекъ. Таможенные досмотрщицы и немногіе матросы, находившіеся въ Куксгафенѣ, ушли въ Гамбургъ. Герцогъ Брауншвейгскій, постоянно преслѣдуемый, прошелъ черезъ Германію отъ границъ Богеміи до Эльфлета, небольшою гавани на лѣвомъ берегу Везера, куда онъ прибылъ 7 числа, ушедъ только однимъ днемъ впередъ отъ тѣхъ, которые

его преслѣдовали. Тотчасъ овладѣвъ всѣми перевозными судами, находившимися въ Ельсфлетъ, онъ отплылъ на нихъ въ Гейльголандъ. Король Вестфальскій, приписавъ уходъ этого партизана небрежности Генерала Рейбеля, лишилъ его начальства надъ войсками. Этотъ поступокъ произвелъ дурное впечатлѣніе на общее мнѣніе.

Французскій Вице-Консулъ въ Бременѣ возвратился къ своему мѣсту. Чтоже касается до высадки, сдѣланной Англичанами въ Кукстафенъ между тѣмъ какъ Датчане, занимавшіе этотъ портъ отправились преслѣдовать Герцога Брауншвейгскаго, то она не имѣла никакихъ послѣдствій. Датчане, по уходъ Герцога, пришли обратно къ своему посту, откуда Англичане тотчасъ убрались. Такова была исторія двухъ человекъ, изъ которыхъ первый былъ дѣйствительно замѣчательнъ своею безпримѣрною смѣлостью. Они причинили много вреда жителямъ, возбудили важныя безпокойства и показали, что могутъ предпринять вольные отряды, когда наступитъ минута освобожденія Германіи.

Г Л А В А XI.

Проводникъ Наполеона и Диринштейнскій замокъ. — Магнитическое предвидѣнiе. — Ричардъ Львиное Сердце и Маршалъ Ланнъ. — Императоръ предъ вратами Вѣны. — Бомбардированiе и Эрцгерцогиня Марiа Луиза. — Новое воззванiе Наполеона. — Оскорбленiе Императора Австрiйскаго. — Воззванiе и Бюлетени. — Слишкомъ много дѣлъ за разъ. — Свободная торговля съ Англіею. — Удобство переписки. — Таможенные и перевозъ запрещенныхъ товаровъ въ Гамбургъ. — Шесть тысячъ котробандистовъ. — Сахарный песокъ. — Превозъ товаровъ подъ видомъ похоронъ. — Безнелезность наказанiй. — Наблюденiе за печатанiемъ новостей въ Гамбургскомъ корреспондентѣ. — Исключенiе статей.

Раппъ, возвратившійся къ Императору для исправленiя своей Адыутантской должности въ продолженiи Вѣнской кампанiи, рассказывалъ мнѣ одну черту, или лучше сказать, одно изъ тѣхъ сужденiй Наполеона, которыя кажутся, если сравнить тогдашнiя слова его съ событiями, въ послѣдствiи происшедшими, какимъ-то магнитическимъ предвидѣнiемъ будущей

судьбины. Раппъ сказывалъ мнѣ, что за нѣскольکو дней до взятія Вѣны, Императоръ велѣлъ своему проводнику говорить ему имена всѣхъ деревень и малѣйшихъ развалинъ, попадавшихся на пути; вдругъ проводникъ указалъ ему на возвышеніи остатки почти совершенно развалившагося укрѣпленнаго замка: «Вотъ остатки древняго Дирнштейнскаго замка,» сказалъ проводникъ. Наполеонъ вдругъ остановился, принялъ на себя задумчивый видъ и нѣскольکو минутъ неподвижно разсматривалъ эти развалины. Потомъ, обратясь къ Маршалу Ланну, ѣхавшему съ нимъ верхомъ: «Смотри,» сказалъ ему Императоръ, «вотъ темница Ричарда, Львиного Сердца. Онъ также какъ и мы, ѣздилъ въ Сирію и въ Палестину. Львиное Сердце, храбрый мой Ланнъ, не былъ храбрѣе тебя (*). Ему больше посчастливилось, чѣмъ мнѣ подѣ Сен-Жанъ д'Акрою. Австрійскій Герцогъ продалъ его Германскому Императору, который застоялъ его здѣсь. Это было время варварства. Какая разница съ нашею образованностью. Видѣли, какъ я поступилъ съ Императоромъ Австрійскимъ, котораго я могъ взять въ плѣнъ. И опять также поступлю. Не я хочу этого, а

(*) Надобно замѣтить, что съ тѣхъ поръ, какъ Ланнъ, послѣ изгнанія своего въ Португальское посольство, пересталъ говорить *ты* Наполеону, то этотъ послѣдній часто говорилъ ему *ты*, что онъ обыкновенно дѣлалъ съ тѣми Генералами, которымъ онъ хотѣлъ показать свое расположеніе.

«время того требует; надобно уважать коронованныя главы. Побѣдителя заточать въ замокъ!..»

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, Императоръ былъ уже предъ вратами Вѣны, но на этотъ разъ доступъ къ столицѣ не такъ былъ легокъ, какимъ его сдѣлала въ 1805 году искусная отвага Ланна. Эрцгерцогъ Максимилианъ, запершись въ городъ, хотѣлъ было защищать его, хотя Французская армія и занимала уже главныя предмѣстія. Тщетно посылали къ Эрцгерцогу одного переговорщика за другимъ; Французскіе Посланые не только не были принимаемы, но съ ними дурно обходились, и одного изъ нихъ чернь чуть не убила; тогда начали бомбардировать городъ, и скоро произвели въ немъ пожаръ; однакоже Наполеонъ узнавъ, что одна изъ Эрцгерцогинь за болѣзнию осталась въ Вѣнѣ, приказалъ прекратить бомбардированіе. Странность Наполеоновои судьбины: эта Эрцгерцогиня Марія Луиза! Наконецъ Вѣна открыла свои ворота Наполеону, который нѣсколько дней уже, какъ жилъ въ Шёнбруннскомъ дворцѣ; и Императоръ не пропустилъ этого случая напомнить своимъ солдатамъ новымъ воззваніемъ исполненіе, даже преждевременное, которымъ онъ окончилъ послѣднюю свою прокламацію, изданную въ Ратисбонѣ.

«Солдаты,» говорилъ онъ имъ, «черезъ мѣ-
Часть VIII. 23

«сѣлъ послѣ того, какъ непріятель перешель
«чрезъ Иннѣ, въ тотъ же самый день, въ тотъ
«же самый часъ, мы вступили въ Вѣну. Его
«земское войско, его поголовное ополченіе, его
«колоты противопоставленные вамъ безсильною
«яростью Принцевъ Лотарингскаго дома, не вы-
«держали вашихъ взглядовъ. Принцы этого до-
«ма оставили свою столицу, не какъ храбрые
«солдаты, уступающіе обстоятельствамъ войны,
«но какъ вѣроломцы, преслѣдуемые угрызеніями
«своей собственной совѣсти. Бѣжавъ изъ
«Вѣны, они простились съ жителями убійствомъ
«и пожарами. Подобно Медеръ, они убивали соб-
«ственныхъ дѣтей своихъ. Солдаты, народъ Вѣ-
«ны, по выраженію депутацій отъ ея предмѣ-
«стій оставленный и покинутый, да будетъ
«предметомъ вашего вниманія. Я беру добрыхъ
«ея жителей подъ мое особенное покровитель-
«ство: что касается до буйныхъ, злыхъ людей,
«то я покажу надъ ними примѣръ строгости.
«Солдаты, будьте добры для бѣдныхъ поселянъ,
«для этого добраго народа, имѣющаго столько
«правъ на наше уваженіе; не станемъ гордиться
«сѣ нашими успѣхами; а будемъ видѣть въ нихъ
«только правосудіе Божіе, наказывающее не-
«благодарныхъ и вѣроломныхъ.»

Кто бы подумалъ, судя по тому, какъ Наполеонъ отзывался въ этой прокламаціи объ Императорѣ Австрійскомъ, что кампанія кончится

предположеніемъ брака съ его дочерью! При томъ же мнѣ всегда казалось, что эта страсть Наполеона бранить своихъ непріятелей во все-народныхъ актахъ, была противна благоразумной политикѣ и не могла ничего прибавить къ его славѣ. Во время нашей съ нимъ дружбы, я часто позволялъ себѣ замѣчать ему это, и совѣты мои всегда были дурно принимаемы. Еслибъ впрочемъ кто либо сказалъ, что я охотно привожу воззванія Наполеона, то надобно также замѣтить, что я вовсе не помѣщаю его бюлетеней, и о причинѣ этого различія легко можно догадаться; воззванія его почти всегда были правдивы за исключеніемъ пророчествъ, которыя не всегда сбывались какъ послѣднее, о взятіи Вѣны. Они въ исторической своей части основывались на великихъ событіяхъ, свершившихся при глазахъ арміи, коей оныя были объявляемы; между тѣмъ какъ бюлетени его, предназначенные для обмана жителей внутренности Франціи и иноземцевъ, слишкомъ хорошо оправдали пословицу: *Лжетъ какъ Бюлетень*.

Императоръ началъ вдругъ слишкомъ много дѣлать для того, чтобы равно наблюдать за исполненіемъ всѣхъ оныхъ. Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ онъ горделиво торжествовалъ на поляхъ Австріи, любимая его Континентальная система подвергалась всякаго рода неудачамъ.

Торговля съ Англіею на Ольденбургскихъ берегахъ производилась точно какъ въ мирное время. Газеты и письма изъ Англіи приходили на Твердую Землю, и оттуда посылались въ Англію, какъ будто бы Франція была соединена съ Великобританіею узами наилучшаго согласія. Въ Гамбургъ продавались товары доставленные чрезъ Люнебургъ, Инбургъ или Гановръ по той же самой цѣнѣ, какъ и во время мира. Однимъ словомъ, дѣла были въ такомъ положеніи, что казалось, какъ будто не существуетъ никакого указа о блокадѣ относительно Британскихъ острововъ.

Когда таможеннымъ досмотрщикамъ удавалось захватить какіе либо товары, то у нихъ отнимали оныя вооруженною рукою. 2 Іюля произошло очень жаркое дѣло въ Бринскгамъ между таможенными и поселянами, и послѣдніе овладѣли осмнадцатью телѣгами, нагруженными Англійскими товарами. Съ обѣихъ сторонъ были ранены. Кромѣ того, что такое совершенное неисполненіе указовъ Императора было противно системѣ, принятой имъ относительно Англійской торговли, оно сдѣлалось опаснымъ въ ту минуту, когда болѣе, чѣмъ когда либо занялись Англійскою экспедиціею, мною упомянутою. Это удобство сношеній всѣхъ родовъ, съ большимъ пространствомъ морскаго берега между Эмсомъ и Везеромъ, доставляло

Англіи средства пріобрѣтать себѣ сообщниковъ и могло много помочь имъ въ исполненіи ихъ замысловъ.

Вирочемъ, хотя торговля съ Англіею пользовалась большою свободою на довольно значительномъ пространствѣ морскаго берега, но въ Гамбургъ Англіійскіе товары провозились не иначе, какъ обманомъ; и я не думаю, чтобы искусство запрещеннаго ввоза и хитрости контрабандистовъ для того, чтобы ускользнуть отъ таможеннаго досмотра, были когда либо доведены до такой степени. Болѣе шести тысячъ челоувѣкъ простаго народа проводили день въ ходьбѣ по двадцати разъ изъ Альтоны въ Гамбургъ; эта контрабанда производилась такими средствами, о которыхъ благопристойность заставляетъ меня умолчать. Но огромный барышъ, получаемый отъ того чрезъ возвышеніе цѣнъ на колоніальныя произведенія, побудилъ къ разнымъ изобрѣтеніямъ, дабы избавиться отъ таможеннаго досмотра. Я приведу здѣсь только два, довольно замѣчательныя.

На лѣвой сторонѣ короткой дороги, ведущей изъ Гамбурга въ Альтону, находятся ямы, изъ которыхъ доставали песокъ для постройки домовъ, а въ особенности для мощенія улицъ. Вздумали починивать широкую и длинную Гамбургскую улицу, ведущую къ Альтонскимъ воротамъ. Ночью наполняли ямы, изъ которыхъ

добывался песокъ и тѣ же небольшія тельги, на которыхъ онъ обыкновенно былъ привозимъ въ Гамбургъ, были нагружаемы сахарнымъ пескомъ походившимъ цвѣтомъ на простой песокъ; его только покрывали слоемъ настоящаго песку толщиной въ дюймъ. Щупы таможенныхъ досмотрщиковъ удобно проходили сквозь эту тонкую оболочку и покрытый оною сахарный песокъ. Эта продѣлка долго существовала; но монченіе улицы нисколько не подвигалось впередъ. Прежде, чѣмъ я узналъ настоящую причину этой медленности, я привесъ на нея жалобу, ибо эта улица вела на дачу, которую я имѣлъ близъ Альтоны и куда я всякой день ѣздилъ. Таможенные, наконецъ также какъ и я нашли, что монченіе елишкомъ долго тянется, и однажды тельги съ сахарнымъ пескомъ были остановлены и захвачены. Надобно было придумывать другое средство.

На пространствѣ, отдѣляющемъ Гамбургъ отъ Альтоны, находится небольшое предмѣстіе, расположенное на правомъ берегу Эльбы. Это предмѣстіе населено матросами, портовыми работниками и довольно большимъ числомъ хозяевъ домовъ. Жителей этого города хоронятъ на Гамбургскомъ кладбищѣ. Вотъ начали, чаще обыкновеннаго ѣздить дроги съ обычными украшениями, обрядами и погребальнымъ пѣніемъ. Удивленные такою необычайною и внезапною

смертностью Гамбургцевъ, таможенные наконецъ вздумали разсмотрѣть поближе одного изъ этихъ покойниковъ и открыли сахаръ, кофе, ваниль, индиго и проч. Принимось отказать и отъ этого средства, но принесли другія.

Виновные подвергались наказаніямъ и отобранію товаровъ; но это не мѣшало имъ безпрестанно бороться, болѣе хитростью но иногда и силою противъ притѣсненія, которое желая разорить Англію, разоряло Европу, заставляя ее платить за товары въ пятеро и въ шестеро противъ настоящей цѣны. Нельзя не удивляться тому, что эта вѣчная система такъ долго существовала; но Императоръ никогда не хотѣлъ открытъ глазъ на эту язву, грызущую торговлю Европы, безъ всякаго вреда для Англіи.

Будучи до чрезвычайности нескотливъ на счетъ всего, что могли объ немъ говорить и думать, Наполсонъ въ продолженіе Вѣнской кампаніи безпрестанно насылалъ мнѣ изъ Главной Квартіры приказанія наблюдать не за строгостію таможенъ, но за другимъ родомъ произведеній, гораздо болѣе утрацавшимъ Императора, чѣмъ ввозъ Англійскихъ товаровъ, за печатаніемъ и распространеніемъ новостей. Сообразно съ этими наставленіями, безпрестанно подтверждаемыми, я обращалъ особенное вни-

маніе на редакцію Корреспондента. Легко себѣ представить, какъ важенъ былъ этотъ журналъ съ его шестидесятью тысячами подписчиковъ. Я помѣщаль въ немъ все, что находилъ приличнымъ: всѣ бюлетени, всѣ воззванія, всѣ акты Французскаго Правительства, всѣ статьи изъ Монитёра и изъ другихъ Французскихъ журналовъ. Я часто исключаль изъ него противорѣчившія извѣстія, которыя хотя уже и всѣми знаемыя, получили бы большій вѣсъ чрезъ напечатаніе оныхъ въ такомъ вездѣ читаемомъ журналѣ; если иногда и былъ помѣщаемъ въ немъ какой нибудь Австрійскій бюлетень, извлеченный изъ другихъ Нѣмецкихъ газетъ, издаваемыхъ въ державахъ Рейнскаго Союза, то тутъ же печаталась статья, способная уничтожить, или покрайней мѣрѣ смягчить дѣйствіе этихъ бюлетеней. Этого было еще мало. Когда Король Виртембергскій, въ письмѣ своемъ къ Министру Внѣшнихъ Сношеній упрекнулъ Корреспондента въ томъ, что онъ распространяетъ всё, что Австрія угодно сдѣлать извѣстнымъ и издается въ духѣ, часто противномъ *правому дѣлу*, то я отвѣтствовалъ на эти несправедливыя упреки, исходатайствовавъ у Синдика Цензора повелѣніе, не помѣщать въ Гамбургскихъ журналахъ *никакого* приказа Австрійской арміи, *никакого* бюлетеня Эрцгерцога, *никакого*

письма изъ Праги, и словомъ сказать, ничего, почерпнутаго изъ другихъ Нѣмецкихъ журналовъ, если только эти статьи не были уже помѣщены во Французскихъ повременныхъ изданіяхъ.

Г Л А В А XII.

Именины Наполеона.—Невъроятная жестъ духовенства.—Изреченіе Плинія.— Великія дѣла, свершенныя Императоромъ.—Пожалованіе Князьми и Герцогами.—Поездка моя въ Любекъ.—Полковъ д'Аликсъ.—Оправдавшееся предчувствіе.—Извѣщеніе отъ Вестфальской Полиціи.—Взятіе д'Аликса подъ стражу и отсылка его въ Парижъ.—Путешествіе Короля Вестфальскаго.—Прѣжнее письмо Геронима и письмо Короля Вестфальскаго, содержащія въ себѣ требованія денегъ.—Не удавшійся заемъ.— Выдача въ долгъ трехъ сотъ тысячъ франковъ на уплату жалованья войскамъ и снабженіе ихъ необходимыми вещами.— Подарокъ, присланный мнѣ Геронимомъ.—Досада Императора.—Отосланный назадъ подарокъ.—Врожденная недовѣрчивость Наполеона.—Ложное предложеніе козней со стороны Геронима.—Правильный ходъ дѣла.— Причина охотной выдачи въ заемъ трехъ сотъ тысячъ франковъ.

Воспоминанія мои 1809 года въ Гамбургѣ, приводятъ меня къ празднику именинъ Наполеона. Извѣстно, что родясь 15 Августа, онъ вставилъ соименнаго себѣ Святаго въ Импера-

торскій календарь, въ самый день своего рожденія. Празднованіе въ то же число Успенія подало тогда поводъ къ непостижимымъ ласкательствамъ. Какъ, не имѣя очевиднѣйшихъ тому доказательствъ повѣрить, что слова, которыя я приведу ниже, были произнесены на кафедрѣ? Дѣйствительно церковныя рѣчи Имперіи составили бы любопытное собраніе хотя и не всѣ онѣ столь сильны, какъ слѣдующій отрывокъ: «Всевышній, въ свягомъ своемъ милосердіи, избралъ Наполеона въ представители свои «на земли. Царица Небесная ознаменовала великолѣпнѣйшимъ даромъ день достославнаго своего восшествія въ горнюю обитель. Святая «Дѣва! особенную любовь твою къ Французамъ «и всемогущее вліяніе твое у сына твоего доказываетъ то, что въ главный твой праздникъ «произошло рожденіе Наполеона. Богу было «угодно, дабы Успеніе твое породило сего героя.»

Это одно только извлеченіе изъ отвратительныхъ похвалъ, которыя расточались Наполеону, и точно должны были вскружить ему голову. Я помню, что тогда я очень негодовалъ на нихъ по причинѣ зла, ими причиняемаго. Лестцы Наполеона отодвинули для него предѣлы раболѣпія; эта постыдная лесть, часто даже походившая на насмѣшку, почти заставляла думать, что хотятъ оправдать сказанное Плиніемъ: *Что Государяль ненавидимыль всегда больше*

льстятъ. Однакоже я не думаю, чтобы здѣсь кстати было сдѣлать это примѣненіе. Наполеонъ сдѣлалъ слишкомъ много хорошихъ и великихъ вещей для того, чтобы можно было къ нему это примѣнить; но тѣмъ не менѣе придетъ время, а можетъ быть оно уже и пришло, когда назовутъ подлыми обманщиками тѣхъ-которые говорили, что Богъ избралъ Наполеона своимъ представителемъ на землѣ; что Богъ, сотворивъ Бонапарте, отдохнулъ; что онъ благополучнѣе Августа, добродѣтельнѣе Траяна; что онъ имѣетъ право на алтари, на храмы и проч.; — омерзеніе не дозволяетъ мнѣ продолжать.

Это 15 Августа, столь благопріятное для хвалителей было въ тотъ годъ очень счастливо для людей, пожалованныхъ Княземъ Ваграмскимъ, Княземъ Эссингскимъ, Княземъ Экмольскимъ и для семи другихъ, сдѣланныхъ Герцогами. Это было положительно. Что значать нелѣпницы при полученіи знатнаго титула и богатаго помѣстья? Сколь немногіе люди поклѣбались бы, еслибъ ихъ подвергнуть испытанію!

Въ Гамбургѣ, мы отираждновали день Св. Наполеона также, какъ и въ прошлые годы, большими обѣдами, плошками и нѣкоторыми общественными увеселеніями, что все ужасно какъ мнѣ надоѣло. За нѣсколько дней до этого праздника я ѣздилъ въ Любекъ, и во время кратка-

го моего тамъ пребыванія прѣвхаль туда нѣкто Поллонъ д'Аликсъ, называвшій себя де Пёшато. Его скрытные поступки, неосторожныя рѣчи и сношенія съ людьми извѣстными за враговъ Франціи, возбудили мое подозрѣніе, и я приказалъ взять его подъ стражу. По опечатаніи бумагъ его, онъ былъ отправленъ въ Гамбургъ и отданъ въ руки начальника тамошнихъ Жандармовъ. Донесеніе сего Офицера, и сдѣланный Поллону д'Аликсу, допросъ представили мнѣ его столь подозрительнымъ, что я принужденнымъ нашелея отправить его въ Парижъ. Впрочемъ я скоро увидѣлъ, что я не ошибся въ догадкахъ моихъ объ этомъ человѣкѣ. Не знаю, какое-то предчувствіе заставило меня употребить съ нимъ мѣру, къ которой я очень не любилъ прибѣгать безъ доказательства вины. Я однако же былъ радъ тому, что велѣлъ его задержать, ибо между тѣмъ какъ это по моему приказанію не исполнялось, въ Гамбургъ пришло на мое имя письмо отъ Главнаго Директора Полиціи Вестфальскаго Королевства, который сообщалъ мнѣ, что этотъ Поллонъ д'Аликсъ бродяга, и просилъ меня взять его подъ стражу. Письмо, по случаю моего отсутствія было вручено Начальнику Жандармовъ, который прислалъ въ Любекъ приказъ задержать его въ то время, какъ я уже принялъ эту мѣру. Директоръ Вестфальской Полиціи описывалъ этого человѣка

чрезвычайно опаснымъ; я не знаю, что съ нимъ сдѣлала Парижская Полиція.

Чрезъ нѣсколько времени по задержаніи Поллона д'Аликса, Король Вестфальскій объѣзжалъ свои владѣнія. Изъ братьевъ Наполеона я зналъ его меньше всѣхъ, и онъ очевидно имѣлъ менѣе всѣхъ ихъ личныхъ достоинствъ. Вся переписка его со мною ограничивается сохранившимися у меня двумя письмами, коихъ сближеніе кажется мнѣ такъ любопытнымъ, что я рѣшаюсь опять привести здѣсь то, которое онъ писалъ мнѣ будучи еще Флотскимъ Лейтенантомъ, Командиромъ Кончика, хотя я и помѣстилъ его уже въ моихъ Запискахъ. Онъ писалъ мнѣ тогда:

«Предупреждаю тебя, любезный Буріеннъ, что я далъ на твое имя заемное письмо въ *двадцать тысячъ* франковъ; я писалъ объ этомъ къ Первому Консулу съ послѣднимъ судномъ, и онъ вѣрно тебѣ уже объ этомъ говорилъ.

«Я встрѣтилъ одного изъ твоихъ друзей въ Сен-Пьеррѣ: это Генералъ Кастелла, здѣшній Начальникъ; я прибылъ сюда 15 Брюмера и провелъ только недѣлю въ Форъ-де-Фронсѣ.

«Прощай, любезный Буріеннъ, обнимаю тебя.

«J. БОНАПАРТЕ.»

Это письмо было отъ 23 Ноября 1802. То, которое помѣщается ниже, написано почти семью годами позже, ибо на немъ выставлено 6 Сентября 1809 года, въ четыре часа вечера. Вотъ оно:

«Господинъ Буріеннъ,

«Я буду десятого числа въ Гановръ; если вы можете пріѣхать туда на сутки, то мнѣ очень «будетъ пріятно. Вы мнѣ этимъ доставите воз- «можность устранить всѣ затрудненія, могущія «встрѣтиться при займѣ, который я желаю сдѣ- «лать у Гавзейскихъ городовъ. Мнѣ пріятно ду- «мать, что вы сдѣлаете все, отъ васъ завися- «щее, для доставленія мнѣ успѣха. Въ настоя- «щую минуту этотъ заёмъ для моего Государ- «ства чрезвычайно важенъ. Онъ представляетъ «болѣе чѣмъ достаточныя обезпеченія, но не «принесъ бы мнѣ никакой пользы, еслибъ не «былъ сдѣланъ по крайней мѣрѣ на два года.

«Какъ письмо сіе не имѣетъ другой цѣли, то «я молю Бога, Г. Буріеннъ да сохранить онъ «васъ подъ своимъ святымъ кровомъ.

«ИЕРОНИМЪ БОНАПАРТЕ.»

Спрашиваю теперь, если сравнить между со- бою эти два письма, не забавная ли въ самомъ дѣлѣ вещь, что Иеронимъ писалъ ко мнѣ два раза, будучи Флотскимъ Лейтенантомъ, а по- томъ Королемъ Вестфальскимъ и оба раза съ требованіемъ денегъ. Вексль Флотскаго Офице-

ра не очень меня затруднилъ; обошлось тѣмъ, что Бонапарте пожурилъ *маленькаго повѣсу*, какъ онъ тогда называлъ Иеронима; но дѣло относительно Его Величества Короля Вестфальскаго, было гораздо щекотливѣе. Я не смѣлъ содѣйствовать ему въ этомъ случаѣ безъ согласія на то Наполеона; а какъ Императоръ находился въ это время въ Шёнбруннѣ, то не имѣя возможности испросить его повелѣніе, я счелъ бесполезнымъ представлять ему объ этомъ, и отдѣлался отъ Иеронима уверткою.

Вотъ въ чемъ было дѣло: Иеронимъ желалъ занять въ Гамбургѣ три милліона франковъ; но заемодавцы не являлись; они не нашли, подобно какъ Его Вестфальское Величество, что заемъ его представляетъ *болѣе чѣмъ достаточную обеспеченія*; никто не хотѣлъ развязать кошелекъ своего, и заемъ не состоялся.

Не желая безъ соизволенія Императора употребить кредитъ, доставляемый мнѣ моимъ положеніемъ для успѣха Иеронимова дѣла, я однакоже старался быть ему полезнымъ и отчасти успѣлъ въ томъ; но все, что я могъ выхлопатать, состояло въ склоненіи Сената дать ему сто-тысячъ франковъ на уплату части невыданнаго имъ войскамъ жалованья и двухъ сотъ-тысячъ франковъ на необходимѣйшія издержки для снабженія сапогами, башмаками и сѣдлами дивизіи его арміи, оставленной имъ въ Гамбургѣ

гъ и терпящей во всемъ недостатокъ. Изъ этой же суммы онъ снарядилъ и снабдилъ лошадьми двадцать пять своихъ Лейбъ-Гвардейцовъ, которые находились въ большой нуждѣ. Вся Германія представляла повсюду картину нищеты, какъ у союзниковъ, такъ и у непріятелей Франціи.

Что касается до Иеронима, то онъ возвратился въ Кассель, весьма огорченный тѣмъ, что его попытка займа не имѣла успѣха. Однакоже черезъ нѣсколько дней по возвращеніи его въ столицу, я получилъ отъ него табакерку съ его портретомъ, осыпаннымъ бриліантами и письмо, въ которомъ онъ благодарилъ меня за то, что мнѣ удалось сдѣлать для вспоможенія его несчастнымъ солдатамъ. Подарокъ Иеронима, по истинѣ причинилъ мнѣ болѣе досады, чѣмъ удовольствія, ибо я не любилъ получать никакихъ одолженій отъ членовъ Наполеоновой фамиліи; однакоже мнѣ и въ голову не пришло, чтобы возможно было отказаться отъ знака воспоминанія, пожалованнаго коронованною главою. Наполеонъ, какъ увидѣтъ, судилъ иначе. Надобно знать, что я не донесъ Правительству о попыткѣ Короля Вестфальскаго сдѣлать заемъ; только въ донесеніи моемъ отъ 22 Сентября Министру Виѣшнихъ Сношеній, я сообщилъ къ свѣдѣнію, что дивизія Вестфальскихъ войскъ, простоявъ двѣ недѣли въ

Часть VIII.

25

Гамбургъ, выступила оттуда для занятія позиціи между Везеромъ и Эльбою, и что мнѣ удалось быть полезнымъ этимъ войскамъ. Въ томъ же донесеніи я извѣщалъ о подаркѣ, присланномъ мнѣ Іеронимомъ съ просьбою принять оный, *какъ знакъ особеннаго его уваженія.*

Не знаю, что именно въ этомъ *знакѣ особеннаго уваженія* могло такъ сильно раздражить Наполеона, но онъ прислалъ ко мнѣ курьера съ приказаніемъ, какъ можно скорѣе отослать къ Іерониму обратно сдѣланный имъ мнѣ подарокъ и съ сильнымъ упрекомъ за то, что я принялъ оный, безъ его на сіе соизволенія. Я отослалъ бриліанты, но оставилъ у себя портретъ. Изъ этого легко можно было видѣть, что дѣлая своихъ братьевъ Королями, Наполеонъ не хотѣлъ, чтобы они дѣйствовали по Царски, и что въ малѣйшихъ распоряженіяхъ по ихъ власти онъ желалъ держать ихъ у себя подъ опекою. Зная врожденную недовѣрчивость Бонапарте, я подумалъ и, вѣроятно не безъ основанія, что онъ вообразилъ себѣ, что Іеронимъ, подвинувъ войска свои до Гамбурга, употребилъ какія нибудь угрозы для успѣха займа своего, или покрайней мѣрѣ прибѣгнулъ къ какому нибудь средству соблазна. Я еще болѣе убѣдился въ этомъ предположеніи, когда Наполеонъ осыпалъ меня жесточайшими упреками за то, что я съ самага начала не донесъ ему

обо всѣхъ обстоятельствахъ этого дѣла; онъ также думалъ, что Иеронимъ повиновался чьимъ либо внушеніямъ и мнѣ чрезвычайно какъ было трудно убѣдигь его въ томъ, что заемъ, который Король Вестфальскій желалъ сдѣлать въ Гамбургъ, былъ слѣдствіемъ одной его собственной воли. Наконецъ, послѣ многихъ объясненій, Наполеонъ увидѣлъ, что все было сдѣлано въ совершенномъ порядкѣ; что Банкиръ Кассельскаго Двора пріѣзжалъ для этого дѣла въ Гамбургъ, и вступилъ объ ономъ въ переговоры съ двумя тамошними торговыми домами, которыхъ условія показались ему непомерными; почему заемъ не состоялся, и что словомъ сказать, все это дѣло произошло какъ будто между двумя частными лицами. Что же касается до трехъ сотъ тысячъ франковъ, которые по моему убѣжденію Сенатъ рѣшился дать въ заемъ Иерониму, то Сенатъ сдѣлалъ это безъ большихъ затрудненій и по весьма простой причинѣ, находя въ томъ свою выгоду, ибо чрезъ это онъ удалялъ отъ города Вестфальскую дивизію, которой присутствіе, вѣроятно обошлось бы ему гораздо дороже.

Г Л А В А XIII.

Дѣла Императора и замыслы Бонапарте. — Возвращеніе къ прежней мысли о возмущеніи Венгріи. — Посвященіе Ваграмскаго поля битвы. — Владвія Папы присоединены къ Имперіи, и Римъ объявленъ вторымъ Императорскимъ городомъ. — Папа на жаловань. — Несправедливость и неблагодарность. — Огорченіе Наполеона при извѣстїи о Талавейрской битвѣ. — Первые подвиги Артура Веллессея — Англичане въ Голландіи. — Замедлившіеся переговоры. — Желаніе Наполеона отомстить Испаніи. — Бѣдствія, претерпѣвасмыя Германією. — Опасность, кою Императоръ подвергся въ Шёйбруннѣ. — Штапсъ — Разсказъ Раппа. — Штапсъ въ Шёйбруннѣ. — Желаніе его переговорить съ Императоромъ — Открытый убійца. — Признаніе, и чрезвычайное хладнокровіе. — Штапсъ допрошенъ Наполеономъ — Общанное и отвергнутое помилованіе. — Изступленная любовь къ отечеству — Замѣчательныя отвѣты. — Призывъ Корвизара. — Новый допросъ. — Изумленіе Императора. — Выходка Наполеона противъ иллюминатовъ. — Обвиненіе дворовъ Берлинскаго и Веймарскаго. — Сравненіе между Шиллемъ и Штапсомъ. — Откровенность Раппа. — Штапсъ ни въ чемъ не признается. — Умъ Наполеона пораженъ этимъ молодымъ

человѣкомъ.—Подробности о смерти Штатса.—Вліяніе его попытки на заключеніе мира.—Приказанія Г. Шампаньи.—Счастливая поспѣшность этого Министра къ заключенію мира.

Каждое изъ дѣлъ Императора напоминало мнѣ одинъ изъ замысловъ Бонапарте, и откровенно признаюсь, что до тѣхъ поръ, пока Фортуна осуществила эти замыслы, я иногда считалъ ихъ мечтами, тогда какъ оныя были мнѣ вѣрными; даже самъ я думалъ, что вижу сонъ, когда гонецъ привозилъ мнѣ вѣсть о какойнибудь великой политической рѣшимости, принятой Наполеономъ и когда я вспоминалъ, что эта рѣшимость была только исполненіемъ слова, сказаннаго случайно въ нашихъ дружескихъ разговорахъ, тогда какъ онъ еще видѣлъ во мнѣ только соученика Бріенской Школы и показывалъ видъ, что имѣетъ ко мнѣ такую же привязанность, какую я дѣйствительно въ то время питалъ къ нему. Такимъ образомъ, на примѣръ, я помню, что до Кампо-Формійскаго трактата, Бонапарте сказалъ мнѣ однажды вечеромъ при Бертье: «Съ Венгеріею можно будетъ чтонибудь сдѣлать; если Австрійское Правительство не поторопится кончить дѣло, то бунтъ въ этомъ краю не сдѣлаегь дурнаго, а ничего нѣтъ легче: Венгерцы не такіе равнодушные люди, какъ жители прочихъ Австрійскихъ областей.» То что Бонапарте мелькомъ

сказать мнѣ въ 1797 году, въ самомъ дѣлѣ пришло ему на умъ черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ того, и это воспоминаніе меня поразило когда я узналъ, что послѣ Ваграмской битвы Наполеонъ, наскучивъ неизвѣстностью, царствовавшею еще на счетъ заключенія мира, вздумалъ возжечь и поддержать возмущеніе въ Венгріи. Бонапарте всегда полагалъ, что можно будетъ отдѣлать это Королевство отъ Австрійской Имперіи, и что онъ нанесетъ сильный ударъ этой Державѣ, сдѣлавъ изъ него особое Государство подъ управленіемъ Короля Венгерскаго. Однакоже, хорошенько это обдумавъ и почти рѣшившись, Императоръ отказался отъ этого замысла, который замедлил бы исполненіе другихъ бывшихъ у него на умѣ; онъ отказался отъ него болѣе потому, что такое предпріятіе отдалило бы эпоху заключенія мира и очень бы затруднило оное.

Пока продолжались переговоры, Наполеонъ осмотрѣлъ всѣ корпусы Арміи и побывалъ на полѣ Ваграмской битвы, бывшемъ за нѣсколько времени предъ тѣмъ свидѣтелемъ одного изъ тѣхъ великихъ сраженій, которыхъ выигрышъ былъ тѣмъ славнѣе, что оный съ болѣею храбростью оспаривался. Въ Вѣнскомъ лагерѣ, Наполеонъ учредилъ орденъ Трехъ-Овновъ, который никогда не имѣлъ существованія; но онъ не ограничился однимъ только проектами: онъ

привелъ въ исполненіе одинъ изъ нихъ, который охладилъ къ нему во Франціи великое количество умовъ, взявшихъ сторону его Правительства. Черезъ пять дней послѣ бомбардированія Вьны, т. е. 17 Маія, Императоръ издалъ указъ, въ силу коего владѣнія Папы присоединялись къ Французской Имперіи, а Римъ былъ объявленъ Императорскимъ городомъ. Такимъ образомъ всякой разъ, когда жребій оружія благоприятствовалъ ему въ одной точкѣ, онъ пользовался имъ для удовлетворенія своей потребности завладѣнія землями въ другомъ мѣстѣ. Въ продолженіе перваго Вьнскаго похода, онъ такимъ же образомъ распорядился на счетъ Неаполитанскаго Королевства; въ Тильзитскую кампанію онъ основалъ на счетъ Пруссіи Вестфальское Королевство и раздробилъ владѣнія Папы, дабы прибавить три Департамента къ Королевству Италіи. Въ этотъ разъ онъ совершенно исключилъ церковь изъ числа мірскихъ Державъ. Не стану разсуждать, хорошо ли это или дурно было въ политическомъ отношеніи, но нельзя назвать это со стороны Наполеона храбрымъ дѣломъ, ибо прошло уже то время, когда Юлій II-й отлагалъ ключи Св. Петра для того, чтобы препоясаться мечемъ Св. Павла. Сверхъ того, это была еще несправедливость, а послѣ снисходительности Папы, дѣло самой черной неблагодарности. Однакоже дѣтъ при-

соединенія не отнималъ у Папы его мѣстопробыванія; но онъ оставался только первымъ Эпископомъ Христіанства съ двумя милліонами жалованья. Извѣстно, какія гоненія послѣдовали за этимъ первымъ дѣйствіемъ, и такова сила уваженія, внушаемаго добродѣтелью старца, что даже въ Протестантскихъ земляхъ, все вообще вознегодовало на поступки Наполеона съ Нимъ VII-мъ.

Наполеонъ, будучи еще въ Вѣнѣ, узналъ о Талавейрскомъ дѣлѣ. Меня уведомили письмомъ изъ Главной Квартіры, что онъ очень былъ имъ огорченъ и не скрывъ сильной досады, имъ ощущенной. Я право думаю, что онъ привязался къ завоеванію Испаніи именно по причинѣ трудностей, къ тому представлявшихся, и онъ видѣлъ это завоеваніе, если не вовсе отъ него ускользнувшее, то по крайней мѣрѣ теряющееся въ случайностяхъ сомнительной будущности. При Талавейрѣ сдѣлалось первоначально извѣстнымъ имя человека, которое можетъ быть имѣло бы славу, еслибъ не слишкомъ старались превозносить оную. Это былъ первый блистательный подвигъ Артура Веллеса, коего послѣдніе успѣхи, какъ бы оныя ни были пріобрѣтены, имѣли столь обширныя послѣдствія.

Между тѣмъ, какъ мы подверглись этой неудачѣ въ Испаніи, Англичане сдѣлали попытку

экспедиціи въ Голландію, гдѣ они уже овладѣли островомъ Вальхерномъ; правда что они скоро принужденными нашлись оттуда выступить; но какъ въ эту минуту Французскія и Австрійскія арміи находились въ бездѣйствіи по перемирію, заключенному въ Знаймъ, въ Моравіи; то неблагопріятныя для Наполеона извѣстія оживляли нѣсколько надежды Австрійскихъ Дипломатовъ, которые нарочно тянули переговоры въ надеждѣ, что новыя неудачи доставятъ имъ болѣе благопріятныя условія. Эти замедленія выводили изъ терпѣнія Императора, который горѣлъ желаніемъ устремить все свои силы противъ Англіи и Испаніи, двухъ враговъ, коихъ ему оставалось еще преодолѣть послѣ заключенія мира. Испанія въ особенности привлекала къ себѣ его взоры, и ему очень хотѣлось поскорѣе отомстить ей за Талавейрское пораженіе. Однакожъ, какъ скоро увидятъ, не столько по этой причинѣ, какъ для того, чтобы поскорѣй кончить дѣло, Наполеонъ показалъ нѣсколько уступчивости въ своихъ требованіяхъ; причина, болѣе личная, чѣмъ политическая, подѣйствовала на умъ его и заставила его рѣшиться.

Въ продолженіе этихъ-то переговоровъ, коихъ конецъ какъ будто все далѣе и далѣе былъ отодвигаемъ, Наполеонъ подвергся опасности, болѣе существенной, чѣмъ его Ратисбонская

рана. Германія находилась въ такомъ страждущемъ положеніи, которое трудно бы описать, и которое еще болѣе было ощутительно чрезъ присутствіе значительнаго числа войскъ, всегда тяжкое и притѣснительное, какова бы ни была твердость начальниковъ къ поддержанію дисциплины; ученіе просвѣтителей (illuminiſme) дѣлало тамъ уже большіе успѣхи, а изступленная любовь къ отечеству овладѣла умами нѣкоторыхъ молодыхъ людей съ неменьшею силою, съ какою царствовалъ фанатизмъ въры, котораго Генрихъ IV палъ жертвою.

Одинъ молодой человекъ вознамѣрился умертвить Наполеона, дабы избавить Германію отъ того, котораго онъ считалъ бичемъ ея. Раппъ находился при Императорѣ, также какъ и Бертье, въ ту минуту, какъ онъ былъ взятъ подъ стражу, и я увѣренъ, что сообщу объ этомъ происшествіи самыя точныя, самыя достовѣрныя свѣдѣнія, помѣстивъ здѣсь разсказъ, мною слышанный; и при этомъ случаѣ я еще разъ могу порадоваться сдѣланной мною привычкѣ записывать самыя любопытныя происшествія. Разговаривая объ этомъ дѣлѣ съ Раппомъ, мы взаимно вѣрили другъ другу извѣстныя намъ обстоятельства этого же рода, и читатели ниже увидятъ, какой еще другой Германецъ, гораздо достопримѣчательнѣе Шёнбруннскаго изувѣра,

совѣтъ съ иною мыслью предпринять подобное же намѣреніе.

«Мы находились въ Шёнбруннѣ,» сказалъ мнѣ Рашиъ, «гдѣ Императоръ дѣлалъ смотръ войскамъ; я уже замѣтилъ въ концѣ одной колонны стоящаго молодого человѣка; когда же войска двинулись для прохожденія церемоніальнымъ маршемъ, то я увидѣлъ, что этотъ молодой человѣкъ подошелъ къ Императору, находившемуся въ эту минуту между Бертье и мною. Князь Пёшательскій, принявъ его за желающаго подать просьбу, двинулся впередъ, дабы сказать ему, что онъ мнѣ долженъ вручить ее, ибо я въ тотъ день былъ дежурнымъ Адъютантомъ. Онъ объявилъ, что желаетъ говорить съ самимъ Наполеономъ, и Бертье опять сказалъ ему, что онъ долженъ обратиться ко мнѣ. Онъ нѣсколько отдалился, повторяя, что хочетъ говорить съ Наполеономъ. Вскорѣ онъ опять подошелъ и очень близко къ Императору. Я удалилъ его, сказавъ ему по Пьемцки, чтобы онъ подождалъ до окончанія смотра, и что если онъ имѣетъ что нибудь сказать, то его выслушаютъ. Я внимательно наблюдалъ за нимъ, ибо настойчивость его начала казаться мнѣ подозрительною. Я замѣтилъ, что правая рука его лежала на лѣвой сторонѣ его сергучка у кармана, изъ котораго высовывался конецъ бумаги. Не знаю, какъ-то случайно гла-

за мои встрѣти нсь съ его глазами; но меня поразилъ взглядъ его и какой-то рѣшительный видъ, показавшійся мнѣ неестественнымъ. Увидѣвъ тогда находившагося неподалеку отъ насъ Жандармскаго Офицера, я подозвалъ его къ себѣ и приказалъ ему взять этого молодого человѣка, не дѣлать ему никакого насилія, но задержать его безъ шума во дворцѣ до окончанія смотра. Все это,» прибавилъ Рапшъ, «сдѣлалось въ меньшее время, чѣмъ пока я тебѣ рассказываю, и въ эту минуту всѣ такъ были заняты смотромъ, что никто не замѣтилъ происшедшей сцены. Мнѣ скоро пришли объявить, что у этого молодого человѣка, по имени Штапса, найденъ огромный кухонный ножъ. Я тотчасъ отыскалъ Дюрока, и мы вмѣстѣ съ нимъ отправились въ комнату, въ которую былъ отведенъ Штапсъ. Мы нашли его сидящимъ на постелѣ и погруженнымъ въ задумчивость, но не испуганнымъ. Онъ имѣлъ при себѣ портретъ молодой женщины, бумажникъ и кошелекъ, въ которомъ были только двѣ золотыя монеты, кажется, два старые Французскіе луйдора. Тогда я спросилъ у него объ имени, и онъ отвѣчалъ мнѣ, что можетъ сказать его только Наполеону. На вопросъ мой, какое употребленіе онъ хотѣлъ сдѣлать изъ ножа, при немъ найденнаго, онъ отвѣчалъ тоже самое: «Я могу сказать только Наполеону.— Назначали

«вы его,» прибавилъ я, «къ покушенію противъ его жизни?—Да, сударь.—Но какой причинѣ?— Я могу сказать только Наполеону.»

«Это происшествіе показалось мнѣ столь необычайнымъ, что я долгомъ счелъ донести объ ономъ Императору. Когда я пересказалъ ему случившееся, то онъ нѣсколько задумался, ибо ты знаешь, какъ мысли объ убійствѣ его тревожатъ; онъ велѣлъ мнѣ привести этого молодого человѣка къ нему въ кабинетъ; но отдалъ это приказаніе такимъ голосомъ, какого ни ты, ни я, никогда отъ него не слыхали; онъ безпрестанно водилъ правою рукою себѣ по лбу, и съ испугующимъ видомъ смотрѣлъ на всѣхъ присутствующихъ. Бертъ, Бернадотъ, Савари и Дюррокъ при томъ находились, и я замѣтилъ, что глаза Императора попеременно устремлялись то на того, то на другаго, хотя онъ бы долженъ былъ знать, что каждый изъ насъ готовъ бы пожертвовать своею жизнью для его службы. Два Жандарма, согласно съ отданнымъ мною имъ приказаніемъ, привели Штапса предъ Наполеона. Бѣдный молодой человѣкъ, не смотря на свой злодѣйскій умыселъ, имѣлъ въ лицѣ своемъ нѣчто привлекательное, невольное къ нему располагающее. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ могъ отпереться; но была ли возможность спасти молодого человѣка, который самъ хочетъ погубить себя? Императоръ, по

приведеніи предъ него Штауса, спросилъ у него, говоритъ ли онъ по Французски; Штаусъ отвѣчалъ, что очень мало, и какъ тебѣ извѣстно, что послѣ тебя, я больше всѣхъ знаю по Нѣмецки, то мнѣ приказано было допросить его на этомъ языкѣ, и вотъ точное изложеніе допроса, который я принужденнымъ нашелся ему сдѣлать. Впрочемъ, въ этомъ допросѣ я былъ только переводчикомъ: по введеніи Штауса, Наполеонъ такъ снѣшилъ узнать его отвѣты, что въ разговорѣ, который я тебѣ сообщу, я исполнялъ только должность Секретаря-Переводчика, ибо говорилъ самъ Императоръ.

ИМПЕРАТОРЪ.—Откуда ты?

ШТАУСЪ.—Изъ Норрембурга.

ИМПЕРАТОРЪ.—Что дѣлаетъ отецъ твой?

ШТАУСЪ.—Онъ Протестантскій Священникъ.

ИМПЕРАТОРЪ.—Который тебѣ годъ?

ШТАУСЪ.—Оснадцать лѣтъ.

ИМПЕРАТОРЪ.—Что ты хотѣлъ сдѣлать по жемъ своимъ?

ШТАУСЪ.—Убить васъ.

ИМПЕРАТОРЪ.—Ты сумасшедшій, молодой человекъ, ты иллюминать?

ШТАУСЪ.—Я не сумасшедшій, и не знаю, что значитъ быть иллюминатомъ.

ИМПЕРАТОРЪ.—Стало быть ты боленъ.

ШТАПСЪ.—Я не боленъ; я совершенно здоровъ.

ИМПЕРАТОРЪ.—За что же ты хочешь убить меня?

ШТАПСЪ.—За то, что вы дѣлаете несчастнымъ мое отечество.

ИМПЕРАТОРЪ.—Сдѣлалъ ли я тебѣ какоенибудь зло.

ШТАПСЪ.—Такое, же какъ и веѣмъ Нѣмцамъ.

ИМПЕРАТОРЪ.—Кто тебя послалъ? Кто тебя побудилъ къ этому злодѣйству?

ШТАПСЪ.—Никто; одно только внутреннее убѣжденіе, что убивъ васъ, я окажу величайшую услугу моему отечеству и Европѣ, вложило мнѣ въ руку оружіе.

ИМПЕРАТОРЪ.—Въ первый ли разъ ты меня видншь?

ШТАПСЪ.—Я видѣлъ васъ въ Эрфуртѣ, при свиданіи вашемъ съ Императоромъ Россійскимъ.

ИМПЕРАТОРЪ.—Не имѣлъ ли ты и тогда намѣренія убить меня?

ШТАПСЪ.—Нѣтъ; я думалъ, что вы не будете болѣе воевать съ Германіею; я былъ однимъ изъ величайшихъ вашихъ почитателей.

ИМПЕРАТОРЪ.—Давно ли ты въ Вѣнѣ?

ШТАПСЪ.—Десять дней.

ИМПЕРАТОРЪ.—Отъ чегожь ты такъ долго медлилъ въ исполненіи твоего умысла?

ШТАПСЪ.—Я пріѣхалъ въ Шенбруншъ, не-

дѣлю тому назадъ, съ намѣреніемъ убить васъ; но разводъ только что кончился и я отложила исполненіе моего намѣренія до нынѣшняго дня.

ИМПЕРАТОРЪ.—Ты съумасшедшій, говорю я тебѣ, или ты боленъ.

«Императоръ, въ этомъ мѣстѣ вопроса, приказалъ позвать Корвизара; Штапсъ спросилъ, кто такой Корвизаръ; и объявилъ ему, что это Докторъ, на что онъ сказалъ мнѣ: «Я не имѣю въ немъ нужды.» После сего мы до прихода Доктора хранили молчаніе, а Штапсъ въ продолженіе этого времени показывалъ величайшее безстрастіе. По приходѣ Корвизара, Императоръ приказалъ ему поцунать у молодого человека пульсъ, что онъ немедленно исполнилъ, а Штапсъ сказалъ ему съ большимъ хладнокровіемъ: «Не правдали, Сударь, что я не боленъ? — Онъ совершенно здоровъ,» отвѣчалъ Корвизаръ, обращаясь къ Императору. — «Я вамъ это сказывалъ,» подхватилъ Штапсъ, произнеся эти послѣднія слова съ какимъ-то удовольствіемъ.

«Я дѣйствительно былъ пораженъ хладнокровіемъ и безстрастіемъ Штапса; даже самого Императора, казалось, изумила увѣренность этого молодого человека. Черезъ нѣсколько секундъ, онъ опять заговорилъ съ нимъ:

ИМПЕРАТОРЪ.—У тебя восторженная голова, ты погубишь свое семейство. Я подарю тебѣ жизнь, если ты попросишь у меня проще-

нiя въ злодѣйствѣ, которое ты хотѣлъ свершить и которое должно тебя огорчать.

ИТАПСЬ.—Я не хочу прощенiя; мнѣ только очень больно, что мнѣ не удалось.

ИМПЕРАТОРЬ.—Прощу покорно! кажется, что преступленiе ничего для тебя не значитъ.

ИТАПСЬ.—Убить васъ не есть преступленiе: это долгъ.

ИМПЕРАТОРЬ.—Чей портретъ при тебѣ найденъ?

ИТАПСЬ.—Молодой дѣвушки, которую я люблю.

ИМПЕРАТОРЬ.—Ее конечно очень огорчить случившееся съ тобою?

ИТАПСЬ.—Ее огорчить то, что мнѣ не удалось; она столькоже васъ ненавидитъ, какъ и я.

ИМПЕРАТОРЬ.—Но наконецъ, если я тебя помилюю, будешь ли ты мнѣ за то благодаренъ?

ИТАПСЬ.—Я тѣмъ не менѣе убью васъ.

«Наполеонъ» продолжалъ Раши, «былъ въ такомъ изумленiи, въ какомъ я никогда его не видывалъ. Ответы Итаса и его непоколебимая рѣшительность до такой степени его поразили, что я не могу тебѣ описать. Онъ приказалъ увести плѣнника. По выходѣ его Наполеонъ обратился къ намъ: «Вотъ,» сказалъ онъ, «слѣдствiя этого ученiя просвѣтителей, за-

ражающаго Германію. Прекрасныя правила, могу сказать, и прекрасное просвѣщеніе! оно-то превращаетъ молодыхъ людей въ убійць; но съ иллюминатами нечего дѣлать; секту нельзя уничтожить пушечными выстрѣлами.»

«Побранивъ еще иллюминатовъ, Наполеонъ вошелъ въ свой кабинетъ съ Бертье, и это происшествіе, котораго старался не пускать въ огласку, сдѣлалось предметомъ разговоровъ между жителями Шёнбруннскаго замка. Вечеромъ, Императоръ приказалъ позвать меня къ себѣ: «Рашиъ,» сказалъ онъ мнѣ, «знаешь ли ты, что происшествіе, случившееся сегодня утромъ, очень необычайно. Я не могъ повѣрить, чтобы этотъ молодой человекъ былъ въ состояніи одинъ вознамѣрится меня убить. Подъ этимъ что нибудь кроется. Меня не увѣрять въ томъ, что Берлинскія и Веймарскія козни тутъ не участвуютъ.—Государь, позвольте мнѣ сказать Вашему Величеству, что эти подозрѣнія нимало не кажутся мнѣ основательными; Штансъ дѣйствовалъ самъ собою; его хладнокровный видъ и самое изувѣрство очевидно то доказываютъ.—Я тебѣ говорю, что тутъ участвуютъ женщины, жаждущія мести; еслибъ я въ томъ увѣрился, то похитилъ бы ихъ изъ среди Двора ихъ!—Ахъ, Государь, ни одна женщина и ни одинъ мужчина при этихъ двухъ Дворахъ, не въ состояніи возымѣть такой лютый умыселъ.

— Въ этомъ я нисколько не убѣжденъ.—«Ты знаешь,» продолжалъ Раппъ, «какъ Императоръ любитъ, чтобы соглашались съ нимъ тогда, какъ онъ уже составилъ себѣ мнѣніе, отъ котораго не хочетъ отстать. Я неспыталъ то въ этомъ мѣстѣ нашего разговора, ибо переставъ вдругъ говорить мнѣ *ты*, что онъ всегда дѣлаетъ, когда находится въ веселомъ расположеніи духа,— онъ прибавилъ, не перемѣняя впрочемъ тона: «Что вы ни говорите, господинъ Генералъ, а меня не любятъ ни въ Берлинѣ, ни въ Веймарѣ. — Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, Государь; но можете ли вы ожидать, чтобы васъ любили при этихъ двухъ Дворахъ; и изъ того, что васъ не любятъ, должно ли заключать, что васъ хотятъ убить? — Я знаю, какъ раздражены противъ меня эти женизны; но потерпимъ. Напиши къ Генералу Лауеру, что я поручаю ему допросить Штанса; и особенно скажи ему, чтобы онъ постарался склонить его къ какому нибудь признанію.

«Согласно съ волею Императора, я написалъ, но отъ Штанса не могли добиться никакого признанія; при допросѣ, сдѣланномъ ему Генераломъ Лауеромъ, онъ повторилъ почти тоже самое, что онъ сказалъ Наполеону; рѣшимость его и спокойствіе ни на минуту не измѣнились, и онъ настоятельно уверялъ, что онъ одинъ предпринялъ это дѣло, и не имѣлъ никого по-

вѣрнымъ; но Императоръ такъ былъ пораженъ умысломъ Штанса, что онъ опять заговорилъ со мною о немъ въ самый день отъѣзда нашего изъ Шёнбрунна. Мы были одни и онъ сказалъ мнѣ: «Этотъ несчастный Штансъ не выходитъ у меня изъ головы. Думая о немъ, я совершенно теряюсь въ мысляхъ; нѣтъ, я не могу вѣстигнуть, чтобы молодой человекъ такихъ лѣтъ, Немецъ, получившій воспитаніе и въ особенности Протестантъ, въ состояніи былъ предпринять и захотѣлъ бы исполнить такое злодѣйство. Посуди самъ; говорятъ объ Италіянцахъ, будто бы этотъ народъ склоненъ къ убійствамъ; а между тѣмъ ни одинъ Италіянецъ не покусился на жизнь мою; это свыше моихъ понятій. Освѣдомся, какимъ образомъ онъ умеръ и потомъ скажи мнѣ.»

«Генераль Лауръ сообщилъ мнѣ желаемыя Императоромъ свѣдѣнія, по которымъ, какъ я донесъ и Наполеону, Штансъ, сдѣлавшій свое покушеніе 25 Октября, былъ казненъ 27-го въ семь часовъ утра, не бѣвъ ничего съ 24 числа. Когда ему принесли пиццу, то онъ отказался, говоря: «У меня остается еще довольно силъ для того, чтобы дойти до мѣста казни.» Когда ему объявили, что миръ заключенъ, то онъ обнаружилъ сильное огорченіе и затрепеталъ всею тѣлою. Прибывъ на мѣсто казни, онъ воскликнулъ громкимъ голосомъ: «Да здравст-

вуетъ свобода! да здравствуетъ Германія! Смерть ея тирану! и палъ!»

Таково содержаніе записаннаго мною разговора, который я имѣлъ съ Ранномъ, прогуливаясь вмѣстѣ съ нимъ въ саду прежняго Монморенскаго отеля, въ которомъ жилъ Раннъ на углу Плюметской улицы и бульвара. Я помню что онъ показывалъ мнѣ и ножъ Шганса, отданный ему Императоромъ, и который былъ не что иное, какъ очень обыкновенный, большой кухонный ножъ. Къ этимъ подробностямъ я могу прибавить очень любопытное обстоятельство, почерпнутое мною изъ другаго, но столь же достовѣрнаго источника. Объ этомъ обстоятельствѣ я уже намекнулъ, упомянувъ о личныхъ Императору причинахъ, которыя ускорили заключеніе мира. Мнѣ доказано, что умыселъ новаго Нѣмецкаго Муція Сцеволы имѣлъ значительное вліяніе на сдѣланныя Императоромъ уступки, и что Наполеонъ боялся, чтобы Шгансу, подобно убійцѣ Порсенны, не нашлись подражатели между Германскими или номинатами. При этомъ случаѣ я сдѣлаю замѣчаніе на счетъ того, какъ должно было служить Императору, дабы въ тоже время служить и истиннымъ выгодамъ Франціи. Я уже довольно говорилъ о томъ, сколько разъ Наполеону служили съ тѣмъ излишнимъ рвеніемъ, которое можно назвать несчастнымъ; но если во многихъ обстоятельствахъ, непосредственные исполнители его

волн должны были бы избавлять его отъ опасностей торопливости, замедливая исполненіемъ приказовъ, отданныхъ въ первомъ движеніи, производимомъ тою раздражительностью, которая требуетъ, чтобы за приказаніемъ тотчасъ слѣдовало исполненіе,—то бывали и такіе случаи, въ которыхъ быстрота исполненія имѣла существенное достоинство; искусство состояло тогда въ томъ, что бы, такъ сказать, на лету ловить лучъ, исторгнувшійся у Наполеона въ минуту сильнаго, но преходящаго впечатлѣнія, — для того чтобы предохранить его отъ обращенія венаго, могшаго быть для него пагубнымъ. При различеніи обстоятельствъ, въ которыхъ слѣдовало замедлить или ускорить повиновеніемъ—въ особенности обнаруживалась прозорливость его Министровъ. Такимъ образомъ читатели видѣли, что Г. Талейранъ часто служивалъ Наполеону своими замедленіями; преемникъ его Г. Шампаньи не менѣе услужилъ ему въ Вѣнѣ въ эпоху, мною упоминаемую, схвативъ, какъ говорится, ядро на лету.

Извѣстно, что послѣ Ваграмскаго сраженія, переговоры открылись въ Раабѣ. Хотя миръ сдѣлался почти равно необходимымъ для обѣихъ Державъ, и хотя оба Императора, казалось, равно его желали, но онъ однакоже не заключался. Это происходило отъ того, что по возобновленіи непріязненныхъ дѣйствій послѣ Знаим-

скаго перемирія, продолжавшагося только мѣсяць, подобно какъ при переговорахъ, предшествовавшихъ знаменитому Вестфальскому трактату, требованія договаривавшихся сторонъ стали измѣняться сообразно съ судьбою ихъ оружія. Надобно сознаться, что при Раабскихъ переговорахъ положеніе обѣихъ сторонъ не было равно; однакоже Австрія, хотя и побѣжденная, спорила еще на счетъ нѣкоторыхъ условій. Г. Шампаньи съ рѣдкимъ счастіемъ успѣлъ склонить Австрійскаго уполномоченнаго, Князя Лихтенштейна, къ согласію на важнѣйшія изъ этихъ условій, на все тѣ, которыя относились къ новымъ разграниченіямъ Австрійскихъ земель; и достойно замѣчанія, что затрудненія происходили со стороны Наполеона. Требованія его возрастали въ прямомъ содержаніи съ готовностью Австріи согласиться на оныя; онъ неохотно утверждалъ статьи, выговоренныя его Министромъ, боясь заключенія акта, который положитъ конецъ его завоеваніямъ и распространенію его могущества. И такъ переговоры прервались, и Г. Шампаньи нѣсколько дней уже не видался съ Княземъ Лихтенштейномъ, тогда какъ Штансъ сдѣлалъ свое покушеніе.

Тотчасъ послѣ допроса, сдѣланнаго Наполеономъ этому молодому изувѣру, онъ послалъ за Г-мъ Шампаньи. «Въ какомъ положеніи пере-

говору?» спросилъ онъ у него. Когда же Министръ довелъ ему о томъ: «Я хочу», сказалъ Императоръ, «чтобы они тотчасъ были возобновлены; кончите, я желаю мира; не затруднитесь нѣсколькими миліонами болѣе или менѣе въ вознагражденіи, требуемомъ мною отъ Австріи; въ этой статьѣ вы можете сдѣлать уступку; я хочу конца и полагаюсь на васъ.»

Судя по этому, не очевидно ли, какъ я сказалъ, что покушеніе Штанса было причиною заключенія мира?

Тогда-то быстрота, съ кою Г. Шампани исполнилъ волю Императора, не дозволила ему послѣднему отдумать то, что ему внушило первое движеніе. Министръ успѣшилъ написать къ Князю Лихтенштейну; въ тотъ же вечеръ оба уполномоченные съѣхались въ Раабъ; статьи договора, оставшіяся нерѣшенными, были разсмотрѣны, соглашены и въ ту же ночь подписаны. Я узналъ отъ одной вѣрной особы, находившейся тогда въ Шёнбруннѣ, что когда на другой день утромъ Г. Шампани явился къ Императору съ заключеннымъ мирнымъ договоромъ, то Наполеонъ едва просмотрѣлъ его; одобрилъ его во всѣхъ частяхъ и изъявилъ Министру свою живѣйшую признательность за быстроту, съ которою заключеніе договора послѣдовало за изъявленною имъ волею. Для того, кто знаетъ Наполеона, оче-

виднымъ покажется, что еслибъ это дѣло продлилось нѣсколько дней, и въ это время Императоръ одержалъ бы какую нибудь значительную выгоду, то онъ не отступился бы ни отъ котораго изъ своихъ требованій, и гордость побѣдителя пересилила бы человѣческое благоразуміе. Сколько разъ я имѣлъ случай видѣть этому опыты! сколько разъ я видалъ, что Наполеонъ выходилъ изъ кабинета съ мудрыми, умѣренными мыслями; а потомъ, объѣхавъ ряды солдатъ, которыхъ онъ приучилъ побѣждать подъ его предводительствомъ, вдругъ былъ пораженъ какимъ-то упоеніемъ, возвращался къ исполнскимъ замысламъ, и оставя въ сторонѣ благоразумную свою рѣшимость, пускался въ неопредѣлительность будущности, которую воображеніе всегда показывало ему столь обширною и блистательною. А посему нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этомъ случаѣ усердіе Г-на Шампаньи было очень счастливымъ усердіемъ, которому Франція и Австрія были обязаны заключеніемъ мира.

Г Л А В А XIV.

Слѣдствія присоединенія Палеискихъ владѣній къ Имперіи.—Всеобщее неодобреніе. — Заблужденіе Императора на счетъ Римскаго Двора.—Указъ о взысканіи земель и булла отлученія отъ Церкви.—Безпокойство, причиненное Наполеону сопротивленіемъ Папы.—Папа увезенный и блуждающій по Италіи.—Сближеніе чисель.—Четырнадцатое Поля и Маршалъ Макдональдъ.—Маршалскій жезлъ, данный на полѣ битвы, и слова Наполеона.—Принцъ Мекленбургскій. Возвращеніе изъ Англіи и затрудненія при выходѣ на берегъ.—Строгость приказаній Наполеона.—Братъ и сестра. — Датская Наслѣдная Принцесса и разлука съ мужемъ. — Снисходительное письмо Короля Датскаго и отеческая строгость. — Свѣдѣніе, сообщенное мнѣ Барономъ Плессеномъ.—Поведеніе Наслѣдной Принцессы въ Альтонѣ.—Генераль Моранъ въ Гамбургѣ.—Общее о немъ сожалѣніе, и бичъ Гамбурга.

Возвращаюсь теперь къ тѣмъ событіямъ 1809 года, которыми я не хотѣлъ до сихъ поръ заняться изъ опасенія, чтобы не прервать разсказа о происшествіяхъ, изложенныхъ мною съ

моихъ записокъ или воспоминаній. Читатель конечно уже привыкъ къ моимъ переходамъ отъ одной эпохи къ другой, и если онъ видалъ что либо въ свѣтъ, то онъ знаетъ, что ничто столь неизмѣнчиво, какъ поле воспоминаній, гдѣ одна вещь призываетъ за собою другую, ей соответствующую, не заботясь о томъ, подходит ли она въ точности къ хронологическому порядку событій. Я сказалъ въ предъидущей главѣ то, что я узналъ отъ друга моего Раипа о покушеніи Штапса и о вліяніи этого злодѣйства на заключеніе мира. Императоръ внезапно выѣхалъ изъ своей Главной Квартиры въ Шёнбруннъ, не подписавъ даже предварительныхъ условій мира, долженствовавшихъ быть заключеннымъ съ Австріею; теперь я возвращусь къ невыгоднымъ послѣдствіямъ событія, мною упомянутого; я хочу говорить о присоединеніи по указу Папскихъ владѣній къ Французской Имперіи. Очевидно, что находясь въ Гамбургѣ, я не могъ видѣть того, что произошло тогда въ Италіи и въ Римѣ; но я довольно увѣренъ въ источникахъ, откуда получены эти свѣдѣнія, для того, чтобы поручиться за ихъ точность.

Выше сказано, что указомъ 17 Маія, изданнымъ Императоромъ въ Вѣнскомъ лагерѣ, владѣнія Папы были присоединены къ Имперіи, и что Святой Отецъ, съ дозволеніемъ жить въ Римѣ, долженствовалъ получать по два милліо-

на въ годъ содержанія. Я упомянулъ также о неблагопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ этою мѣрою даже на Германскихъ Протестантовъ, по той причинѣ, что сіи послѣдніе, хотя и не признавая духовной власти Папы, съ жадностью хваталась за все, подтверждавшее ихъ ненависть противъ Наполеона. Привыкшій къ безпрекословному, слѣпому повиновенію всего, его окружавашаго, Наполеонъ вообразилъ себѣ, что Римскій Дворъ смирится предъ новымъ могуществомъ короны Франціи, соединенной съ желѣзною короною; но Пій VII, считалъ себя охранителемъ мірской власти столько же, какъ и духовнаго владычества, передаваемого всемъ наследникамъ царства Св. Петра, не захотѣлъ благословить оковъ, коими Наполеону разсудилось обременить его. Указу объ отнятій земель, Пій VII противопоставилъ буллу отлученія отъ Церкви. Сообщенное мнѣ купеческое письмо извѣстило меня объ этой страшной рѣшимости Святаго Отца; но признаюсь, что видѣвшая мною самимъ покорность, или лучше сказать самоотверженіе Папы въ Парижѣ, не дозволило мнѣ тому повѣрить, когда одинъ изъ моихъ агентовъ, наблюдавшій въ Альтопфъ за духомъ и расположеніемъ эмигрантовъ, привезъ мнѣ списокъ съ буллы Пія VII, которую онъ досталъ у одного человѣка, имѣвшаго къ нему довѣренность. Не знаю, былъ ли гдѣ нибудь на-

печатанъ этотъ важный актъ; по крайней мѣрѣ, я не напелъ его ни въ одной книгѣ. Вотъ онъ:

«Властию Бога Всемогущаго, Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, и нашею собственною, мы объявляемъ, что вы и всѣ ваши сподвижники, за сдѣланное вами преступленіе,—заслужили отлученіе отъ Церкви, коему (сообразно съ формою нашихъ Апостольскихъ буллъ, выставляемыхъ въ извѣстныхъ мѣстахъ города), мы объявляемъ подлежащими всѣхъ тѣхъ, которые съ послѣдняго насильственного вторженія въ градъ нашъ, происшедшаго 22 Февраля прошедшаго года, свершили какъ въ Римѣ, такъ вообще въ Церковныхъ земляхъ, преступленія, противъ конхъ мы неоднократно протестовали, не только чрезъ нашихъ Государственныхъ Секретарей, но въ особенности въ нашихъ двухъ Консистоціальныхъ посланіяхъ отъ 14 Марта и отъ 14 Юля 1808 года. Мы равномѣрно объявляемъ отлученными отъ Церкви всѣхъ тѣхъ, которые были уполномоченными, исполнителями и совѣтниками, и вообще всѣхъ тѣхъ, которые содѣйствовали исполненію сихъ преступленій, или сами свершали оныя.»

Хотя я и довольно былъ увѣренъ въ агентъ, сообщившемъ мнѣ этотъ документъ, однакоже признаюсь, что въ первую минуту я счелъ его подложнымъ, такъ онъ былъ несообразенъ съ нравами того времени и, какъ я сказалъ, съ ха-

ракторомъ Пія VII-го. Въ этомъ предположеніи, я сообщилъ съ него копію Фуше, который отвѣтомъ своимъ разсѣялъ всѣ мои сомнѣнія на счетъ подлинности отлучительной буллы.

Я послѣ узналъ, что Императоръ, получивъ въ Вѣнѣ извѣстіе о нравственномъ сопротивленіи Папы и о употребленіи единственнаго оружія, которое Святой Отець могъ противъ него употребить, — очень встревожился на счетъ послѣдствій этого дѣла; но какъ онъ никогда не хотѣлъ ворочаться назадъ, особенно сдѣлавъ въ чемъ нибудь промахъ, то не приказавъ ничего опредѣлительно, онъ объяснился съ достаточною двусмысленностью для того, чтобы преданныѣйшіе его слуги поняли его намѣренія и приняли на себя отвѣтственность исполненія оныхъ. Вотъ все, что я могъ на этотъ счетъ развѣдать, ибо я уже вмѣстѣ съ другими узналъ, что ночью съ 5 на 6 Іюля Папа былъ увезенъ изъ Рима Генераломъ Раде. Извѣстно, что несчастный Первосвященникъ блуждалъ изъ города въ городъ, и что никто не хотѣлъ принять къ себѣ знаменитаго пленника; что Элиза отравила его въ Туринъ; что изъ Турина Принцъ Боргезе препроводилъ его во внутренность Франціи; что вмѣсто почетной стражи его провожалъ взводъ Жандармовъ; и что наконецъ Наполеонъ отослалъ его обратно въ Савону, въ область Принца Боргезе, въ-

роятно для того, дабы искусно напомнить своему зятю, что прежде чѣмъ онъ удостоился чести войти съ нимъ въ родство, онъ былъ обязанъ своею знатностью Павлу V-му. Во всякомъ случаѣ, это происшествіе, хотя весьма предосудительное, не могло послужить доказательствомъ, чтобы Небо тотчасъ отмщало за оскорбленія, нанесенныя Главѣ Церкви, ибо тотъ самый день, который послѣдовалъ за ночью похищенія Папы, освѣтилъ Ваграмскую побѣду.

Разсматривая извѣстія, получаемыя мною изъ Главной Квартиры въ продолженіе Вѣнскаго похода, я былъ пораженъ еще однимъ сближеніемъ чиселъ, на которое при всякихъ другихъ обстоятельствахъ, я не обратилъ бы ни малѣйшаго вниманія. Въ день 14 Іюля, знаменитый въ лѣтописяхъ нашей Революціи взятіемъ Бастиліи и Федерациею, котораго празднованіе Бонапарте сохранялъ до тѣхъ поръ, пока онъ дозволялся титуломъ Перваго Консула, произошло на полѣ битвы достопамятное событіе. Въ этотъ день, образецъ Французской чести—Макдональдъ, который чрезъ цѣпь чудесъ провелъ Италіянскую армію въ сердце Австрійскихъ владѣній, получилъ званіе Маршала, на полѣ сраженія, отъ Наполеона, который сказалъ ему: «Между нами, на жизнь и на смерть.» Такимъ образомъ увидѣли вѣрнаго друга Моро, послѣ

побѣды надъ Австрійцами при Пиавъ и послѣ содѣйствія Раабской битвы, одержавшаго гораздо болѣе трудную побѣду тѣмъ, что онъ силою своего достоинства и славою своей службы принудилъ Наполеона заглушить въ себѣ неприязнь, ощущаемую имъ къ благороднымъ почитателямъ неомраченной еще тогда славы побѣдителя Гогенлиденскаго. Эта побѣда стоила дороже трехъ выигранныхъ битвъ, и я помню, что пожалованіе Макдональда Маршаломъ менѣе увеличило его воинскую славу, чѣмъ сдѣлало чести Императору; таково покрайней мѣрѣ было общее мнѣніе.

Посреди занятій, которыми обременялъ меня надзоръ за людьми, пріѣзжавшими въ Ганзейскія земли, и при любопытныхъ извѣстіяхъ, получаемыхъ мною изъ Большой Арміи, я имѣлъ удовольствіе опять увидѣться съ сыномъ царствующаго Герцога Меклембургъ-Шверинскаго, о которомъ была уже рѣчь въ моихъ Запискахъ. Старшій сынъ его, Принцъ Адольфъ, прибылъ въ концѣ Августа въ Гейльголандъ на обратномъ пути изъ путешествія своего въ Англію. Онъ имѣлъ паспортъ отъ Г. Каннинга, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ не было большимъ одобреніемъ въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя распространялось вліяніе Императора. Принцъ Адольфъ, желая возвратиться въ Шверинъ, просилъ позволенія выйти на берегъ въ

Куксафенъ съ одиннадцатью человекъми, составившими его свиту; по въ эту минуту приказанія Императора на счетъ лицъ, прїѣзжающихъ изъ Англїи, были таковы, что даже не дозволялось принимать переговорщиковъ; а по сему Французскій Флотскій Начальникъ гь Куксафенъ, принужденнымъ нашелся отказать въ требованіи молодого Принца Меклембургскаго, который вышелъ на берегъ въ Гузумъ, и спросивъ на то дозволеніе Датскаго Короля. Онъ прїѣхалъ въ Альтону по Эйдеру, и когда чрезъ нѣсколько дней посѣтилъ меня въ загородномъ моемъ домѣ въ Голштинїи, то я узналъ отъ него о всѣхъ прїятствїяхъ, встрѣченныхъ имъ при выходѣ на берегъ.

По прїѣздѣ въ Ганзейскія области брата, скоро прибыла туда и сестра: я говорилъ уже о Принцессѣ Фридерикъ-Шарлоттѣ, супругѣ Наслѣднаго Принца Датскаго, Христїана-Фридриха. Въ Ноябрь мѣсяцъ эта Принцесса прїѣхала въ Альтону изъ Копенгагена, откуда она принуждена была удалиться. Я окончу здѣсь исторїю этой Принцессы, которой судьба долго составляла предметъ разговоровъ въ Гамбургѣ, во время моего тамъ нахожденїя.

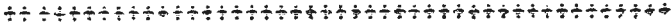
Король Датскій написалъ къ Герцогу Меклембургскому, отцу Принцессы. Въ письмѣ своемъ Король говорилъ: «Я живо чувствую положеніе Принцессы; ея огорченіе сильно меня

«тронуло, и она внушаетъ мнѣ искреннее участіе. Передъ отъѣздомъ своимъ, она изъявила мнѣ желаніе жить въ Голштиніи подѣ моимъ «покровительствомъ, и я готовъ исполнить въ «этомъ отношеніи ея желаніе.» Императоръ это письмо къ Герцогу Меклембургскому, Король Датскій послалъ въ Шверинъ своего Тайнаго Совѣтника Г. Данкера, съ наставленіями и полномочіемъ для условленія съ Герцогомъ на счетъ того, какъ приличнѣе будетъ поступить въ сихъ обстоятельствахъ. Во всякомъ случаѣ предварительно было положено, чтобы Принцесса оставалась въ Альтонѣ до тѣхъ поръ, пока опредѣлится что нибудь рѣшительное на счетъ судьбы ея.

Баронъ Плессенъ, Государственный Министръ Герцога Меклембургскаго, сообщилъ мнѣ это письмо Короля Датскаго. Герцогъ очень былъ доволенъ тѣмъ, что Король соглашается на пребываніе Принцессы въ Голштиніи. Она пользовалась тамъ всеми почестями, присвоенными въ Даніи сану Королевскаго Высочества. Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ своемъ, она посѣтила жену мою и пригласила насъ на свои собранія и вечера, которыя были очень блистательны и, подобно какъ въ первый пріѣздъ свой, нѣсколько разъ удостоивала своимъ присутствіемъ бывшія у насъ собранія.

Около этой же эпохи, по окончаніи Австрій-

скаго похода, Генераль Морань прївхаль въ Гамбургъ для исправленія должности Генераль-Губернатора; это былъ человекъ, наиболѣе способный прилично замѣнить Бернадота, коего память осталась всегда драгоцѣнною жителямъ Ганзейскихъ городовъ. Сношенія, которыя я имѣлъ съ Генераломъ Мораномъ, были какъ нельзя болѣе прїятны и удобны; отъѣздъ его возбуди въ обществѣ сожалѣніе, и поступки его отличались такимъ правдолюбіемъ и благорасположеніемъ, что объ немъ бы пожалѣли даже и тогда, еслибъ онъ не имѣлъ съ собою преемникомъ Даву, прозваннаго, на всемъ Сѣверѣ, бичемъ Гамбурга.

Г Л А В А XV.

Уничтоженіе Германской Имперіи.—Два Франциска Первыя — Условія Шёнбрунскаго трактата.—Доли Наполеона и доли его союзников.—Австрія лишается приморскихъ земель.— Генераль-Губернаторство Паллирійскихъ Провинцій.— Наполеонъ въ Шмиденбургъ и у Короля Виртембергскаго.— Умившійся Государь въ Евронъ.— Наполеонъ въ Фонтенблло, и первая рѣчь о разводѣ.—Прибытіе въ Тюліери съ однимъ провожатымъ.—Г. Монтаниве, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ.—Вѣчныя подозрѣнія Полиціи.— Французская и Нѣмецкая книжки.—Г. Реймарусъ, тесть Г. Рейгарда, и Гець.—Генераль Молиторъ въ Гамбургъ.— Число Французскихъ войскъ въ Ганзейскихъ городахъ.— Вѣсть о бракѣ Наполеона съ Марією Луизою.— Два эстафета.— Всеобщій восторгъ.— Надежда на продолжительный миръ.— Возвышеніе курса Австрійскихъ ассигнацій.— Евгенийъ наследникъ Князя Примака.— Охладившійся восторгъ и тяжести, возложенныя на Ганзейскіе города. Новые просьбы о выдачѣ жалованья войскамъ. — Двадцать пять миліоновъ съ одного города.— Эпюха ссоры Наполеона съ Лудовикомъ.— Первое путешествіе новой Императрицы.— Наполеонъ въ Голландіи.— Несчастное положеніе этой страны.— Зародыши будущей войны съ Россією.— Сбывшеся предвидѣніе.

Я уже сказалъ выше, что быстрота, съ которою Г. Шампаньи воспользовался мироло-

бывшими расположеніями Императора, произвела заключеніе договора, извѣстнаго подъ именемъ Шёнбрунскаго трактата. Этимъ трактатомъ древнее зданіе Германской Имперіи было писпровергнуто и Францискъ II-й сдѣлался Францискомъ I-мъ, Императоромъ Австрійскимъ. Подобно своему соименнику во Франціи, новыи Францискъ I-й не могъ сказать, что все потеряно, кромѣ чести, ибо честь была нѣсколько оскорблена и не все прочее было потеряно. Однакоже Австрійская Монархія подверглась тяжкимъ пожертвованіямъ; и также какъ послѣ кампаніи 1805 года, Наполеонъ взялъ участки, для своихъ союзниковъ и для себя. Австрія принуждена была уступить Государямъ Рейнскаго Союза области Зальцбургъ и Бергтольсгаденъ съ частью верхней Австріи, а Франціи Графство Горицу, землю Монтефальконъ, область и городъ Тріестъ, Валахскій округъ въ Каринтіи и всѣ земли, лежація на право отъ Саву до границы Босніи, Карніолію, часть Кроаціи, Фіумъ, Венгерское поморье и Австрійскую Истрію. Великое Герцогство Варшавское было распространено Западною Галицією и Краковомъ. Наконецъ Россія, по Шёнбрунскому трактату, получила самую Западную часть Галиціи.

Это была новая работа для Инженеровъ-

Географовъ, а Наполеонъ, какъ я уже замѣтилъ, не оставлялъ ихъ безъ дѣла.

Земли, уступленныя Франціи, были немедленно соединены въ новое Генераль-Губернаторство подъ названіемъ Иллирійскихъ Провинцій; чрезъ сіе Наполеонъ сдѣлался властелиномъ обонхъ береговъ Адриатическаго моря, какъ Императоръ Французовъ и Король Италіанскій, а Австрія, пораженная въ ея виѣшней торговлѣ, лишилась прямаго сообщенія съ моремъ. Потеря Фиума, Триеста и поморья, показала мнѣ непомерною и даже такою, что я никакъ не могъ повѣрить продолжительности мира, столь дорого купленнаго.

Согласясь на выгодныя условія, вкратцѣ мною исчисленныя, Наполеонъ такъ заторопился оставить мѣста, гдѣ могли появиться новые Штаты, что онъ уѣхалъ, не успѣвъ даже утвердить предварительныхъ статей и объявилъ, что утвердить ихъ въ Мюнхенѣ. И такъ онъ во весь духъ поскакалъ въ Нимфенбургъ, гдѣ его ожидалъ Баварскій Дворъ, потомъ посѣтилъ Короля Баварскаго, котораго онъ находилъ умнѣйшимъ Государемъ въ Европѣ, и въ концѣ Октября воротился въ Фонтенебло. Въ общенномъ мнѣ однимъ Альтонскимъ куцемъ частномъ письмѣ изъ Парижа, я прочиталъ, что когда Императоръ выѣхалъ изъ Фонтенебло въ Парижъ, то онъ сдѣлалъ этотъ переездъ верхомъ,

и такъ скоро, что за нимъ могъ послѣтъ одинъ только сгеръ его свиты, и онъ съ этимъ единственнымъ стражемъ вѣхалъ на Тюліерійскій дворъ.

Во время этого пребыванія въ Фонтенблo предъ вѣздомъ Наполеона въ Парижъ, Іозефина, туда къ нему пріѣхавшая, въ первый разъ услышала о разводѣ, о которомъ Императоръ задумалъ еще въ Шёнбруннѣ; я не буду теперь описывать огорченій и скорби несчастной Іозефины, отлагая это до того времени, когда помѣщу доверчивый разговоръ мой съ нею въ Мальмезонѣ о происшествіи, которое давно уже поражало собою умъ ея. Въ Фонтенблo же Императоръ назначилъ Г-на Монталиве Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, каковой выборъ заслужилъ всеобщее одобреніе, ибо Г. Монталиве сдѣлался уже съ выгодной стороны извѣстнымъ при управленіи имъ Путиами Сообщенія. Въ письмахъ, полученныхъ нами въ эту эпоху изъ Парижа, постоянно писали о блистательномъ положеніи столицы зимою съ 1809 на 1810 годъ, и особенно о пышности Императорскаго Двора, гдѣ на выходахъ Императора, присутствовали Короли Саксонскій, Баварскій и Виртембергскій, собравшіеся для изъявленія своей признательности герою, возведшему ихъ въ Королевскій санъ.

Посреди этой пышности, Полиція продол-

жала по прежнему питать свои подозрѣнія. 20 Января 1810 года, я получилъ отъ Министра Полиціи нисьмо объ изданной вновь книжкѣ подъ заглавіемъ *Doléances des peuples du Continent* (Жалобы народовъ Твердой Земли). Одна только мысль о вольности книгопечатанія прѣбуждала всю раздражительность Императора и приводила въ движеніе его усердныхъ слугъ. Фуше именно предписывалъ мнѣ отыскивать и уничтожать эту книжку, о существованіи которой я ему даже и не донесъ. Вотъ что я написалъ къ Фуше объ этомъ предметѣ:

«Авторъ этой книжки есть Г. Реймаруэтъ, Докторъ Медицины въ Гамбургѣ, тесть Г. Рейнгагарда, Французскаго Министра въ Кассель. «Этотъ почтенный семидесятилѣтній старецъ не имѣлъ никакого дурнаго умысла при изданіи своей книжки; онъ представилъ экземпляры ея всѣмъ Королямъ, Принцамъ и Министрамъ, и не находя въ этомъ собраніи мыслей никакой важности, я не считалъ нужнымъ «безнокоить Ваше Превосходительство донесеніемъ объ ономъ. Что же касается до самого «сочиненія, то оно нисколько ни на кого не «подѣйствовало; только посмѣялись надъ бреденіями стараго Доктора, и онъ давно уже за-«бытъ.»

Для удовольствованія Министра, я остановилъ продажу этой книжки и велѣлъ отобрать осталь-

ные тридцать экземпляровъ оной у книгопродавца, который въ продолженіе четырехъ мѣсцевъ не продалъ всего болѣе тридцати экземпляровъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того, явилась другая Нѣмецкая книжка подъ заглавіемъ: *Betrachtungen über den Frieden zu Wien* (Разсмотрѣніе Вѣнскаго Мира); она очень встревожила Французское Правительство. Мнѣ приказали отыскать сочинителя и открыть, гдѣ она была напечатана. Я узналъ, что знаменитый Гецъ написалъ ее и напечаталъ въ Австрійскихъ владѣніяхъ. Г. Пертъ, Гамбургскій книгопродавецъ, получилъ двѣнадцать экземпляровъ оной изъ Лейпцига; но не могъ продать болѣе четырехъ и восемь возвратилъ. Бракъ Наполеона, заключенный въ эпоху появленія этой книжки, переѣмнилъ мнѣніе до такой степени, что нельзя себя вообразить. Онъ охладилъ страсть къ сочиненіямъ этого рода, которыя вообще очень мало производили дѣйствія.

Обращаюсь къ нѣкоторымъ событіямъ, относящимся къ Февралю мѣсяцу. 25 числа Генераль Молиторъ прибылъ въ Гамбургъ; въ Бременѣ и въ Риць-Бутельскомъ округѣ находился тогда пѣхотный полкъ и артиллерійскій отрядъ. Французскій гарнизонъ въ Гамбургѣ состоялъ изъ Штаба, изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ и одного кавалерійскаго; а Любекскій гарнизонъ

изъ одного пѣхотнаго и одного кавалерійскаго полка. Таково было тогда число Французскихъ войскъ въ Ганзейскихъ городахъ.

Я первый получилъ въ Гамбургѣ извѣстiе о предполагаемомъ бракѣ Наполеона съ Эрцгерцогинею Марією-Луизою. Это извѣстiе было прислано ко мнѣ изъ Вены съ двумя эстафетами, прибывшими черезъ день одна послѣ другой. Первый курьеръ извѣстилъ меня только о предположенiи, но второй, подтвердивъ содержанiе вчерашнихъ депешей, сообщилъ объ этомъ великомъ союзѣ, какъ о вещи, совершенно рѣшенной. Кто бы сказалъ Наполеону въ тотъ день, какъ мы съ нимъ вмѣстѣ ходили отдавать моему брату подъ закладъ часы его, дабы получить нѣсколько денегъ, что онъ нѣкогда женится на Эрцгерцогинѣ Австрійской? Все было странно и чудесно въ его невѣроятной судьбинѣ! Впрочемъ мнѣ бы невозможно было дать понятiе о непостижимомъ дѣйствии, которое это событiе произвело въ Сѣверной Германiи. Купцы со всѣхъ сторонъ получали порученiя покупать Австрійскiя ассигнации, и банковые билеты тотчасъ возвысились удивительнымъ образомъ. Радость, причиненная этою важною вѣстью, была жива, искренна и весьма сильно ощущена; надежда на продолжительный миръ, казалось, соединялась съ оною; съ удовольствiемъ представляли себѣ, что Твердая

Земля наконецъ отдохнетъ отъ кровавыхъ бѣдъ ствій, порожденныхъ соперничествомъ Франціи и Австріи, и судя по письмамъ, получаемымъ мною изъ внутренности Франціи и изъ разныхъ мѣстъ Европы, я заключилъ, что эти чувства были вездѣ одинаковы. Признаюсь, что и самъ я, не смотря на всегдашнее мое предчувствіе о возвращеніи во Францію Принцевъ Бурбонскаго Дома, считалъ тогда это возвращеніе почти несбыточнымъ, или по крайней мѣрѣ очень отдаленнымъ. Въ то самое время, какъ всѣ умы были погружены въ размышленія, возбужденныя такимъ союзомъ, Императоръ объявилъ Европейскимъ Государямъ и разнымъ державамъ съ уступкѣ Великаго Герцогства Франкфуртскаго Принцу Евгению, по смерти Князя Примаса, который назначалъ его по себѣ наследникомъ.

Восторгъ, возбужденный въ Ганзейскихъ областяхъ вѣстью о бракѣ Императора съ Марією-Луизою, не смотря на некрепкость онаго, не мѣшало однакоже этимъ несчастнымъ землямъ быть сильно удрученными огромными налогами, дѣлаемыми на нихъ Франціею. Въ эту эпоху я получилъ подтвержденіе вытребовать у Ганзейскихъ городовъ, чтобы они содержали на свой счетъ Французскія войска, составившія гарнизонъ оныхъ. Сенатъ просилъ меня поддержать мовъ ходатайствомъ его основа-

тельные возраженія, и дабы сдѣлать это съ пользою, я послалъ списокъ суммъ, уплаченныхъ этими городами съ 1806 года. У меня сохранился только списокъ города Бремена, но по немъ можно судить, какихъ огромныхъ суммъ стоило другимъ городамъ, а въ особенности Гамбургу, занятіе ихъ нашими войсками, когда одинъ только Бременъ истратилъ на это двадцать пять милліоновъ.

Къ первымъ мѣсяцамъ 1810 года относятся происшедшія между Наполеономъ и Людовикомъ распри, которыя, какъ я уже говорилъ, кончились громкимъ разрывомъ. Не стану повторять сказаннаго уже мною, но не могу не замѣтить еще, что Людовикъ находился въ совершенной невозможности удовлетворить непомѣрнымъ требованіямъ Императора, не причинивъ совершеннаго разоренія Голландіи. Эта земля дѣйствительно не могла существовать иначе, какъ торговлею, а Наполеонъ не хотѣлъ оной. Цѣль Императора была та, чтобы овладѣть плаваніемъ по Шельдѣ, которое Людовикъ хотѣлъ оставить свободнымъ, и это, какъ видѣли, сдѣлалось причиною присоединенія Голландіи къ Франціи.

Голландія была первою областью великой Имперіи, которую новая Императрица объѣхала съ Наполеономъ. Это путешествіе произошло почти тотчасъ послѣ пышнаго обряда брако-

сочетанія: сначала Наполсонъ воротился въ Компіенъ, гдѣ онъ пробылъ восемь дней; оттуда онъ поѣхалъ въ Сен-Квентенъ, гдѣ еще разъ осмотрѣлъ каналъ. Императрица Марія-Луиза, пріѣхавъ къ нему, вмѣстѣ съ нимъ отправилась въ Бельгію. Въ Антверпенѣ Императоръ тщательно осмотрѣлъ предписанныя имъ работы, которыхъ исполненіе очень лежало у него на сердцѣ. Въ продолженіе этой поѣздки, вездѣ все дышало празднествами, увеселеніями и изъясненіями радости. Посѣтивъ многіе города Голландіи, Императоръ возвратился чрезъ Остенде, Лилль и Нормандію въ Сен-Клу, куда онъ прибылъ 1 Іюня 1810 года.

По возвращеніи своемъ, онъ узналъ изъ моей переписки, что Ганзейскіе города отказываются платить жалованье Французскимъ войскамъ. Они писали представленіе за представленіемъ, и чрезъ то выиграли время, а выиграть время часто очень много значитъ въ дѣлахъ человеческихъ. Между тѣмъ войска оставались безъ жалованья и безъ денегъ на другіе свои нужды. Я донесъ о необходимости положить конецъ такому состоянію вещей. Всѣмъ пожертвованіямъ есть мѣра, а положеніе Ганзейскихъ городовъ, коихъ избыточность, дщерь торговли и промышленности, обратилась въ нищету чрезъ поборы и взысканія, дѣлало невозможнымъ удовлетворить этому несправедливому требованію.

Наполеонъ былъ еще въ войнѣ съ Испанією и съ Англією. Живѣйшее желаніе заключить миръ, особенно съ послѣднею изъ сихъ Державъ, подало поводъ къ разнымъ кознямъ, не заключавшимъ въ себѣ ничего возвышеннаго. Все усилія его остались тщетными и война продолжилась.

Это ожиданіе войны произвело повсюду дурное дѣйствіе, а особливо въ Голландіи, коей война грозила увеличить нищету и страданія неопредѣлительнымъ продолженіемъ стѣсненія торговли.

Что долженствовало произойти съ Голландією, умышленною указами Императора противъ Англіи? Многіе люди считали эти указы, чего я никогда не могъ понять, единственнымъ якоремъ спасенія Императора; очевидно однакоже, что эти-то противообщественныя мѣры его и погубили. Когда вопросъ на счетъ того, что будетъ съ Голландією, рѣшился присоединеніемъ оной къ Франціи, то нелѣпая система вооружила противъ себя всѣхъ Голландцевъ, какъ только они нашли случай избавиться отъ разорительнаго ига, которымъ Франція ихъ обременяла, и легко можно было видѣть, что они протянутъ руки первой Державѣ, которая явится для того, чтобы избавить ихъ отъ оного. Дабы не отдать Голландію подъ власть Англіи, Наполеонъ присоединилъ ее къ своей

Имперіи. Но сколько выгодъ чрезъ это пострадало. Послгательство на самыя основанія средоточія торговыхъ сношеній, произвело всеобщее потрясеніе. Это присоединеніе никому не понравилось; а притомъ открыло глаза большимъ державамъ. Что съ ними будетъ, если уже простаго указа, даже въ присутствія Законодательнаго Корпуса, было достаточно для того, чтобы превратить Королевство въ Департаментъ Франціи? Какая нужда до того, что принимаютъ мѣры, дабы сдѣлать этотъ актъ сношеніе для Голландцевъ? какимъ образомъ Французское управленіе могло вдругъ замѣнить вѣковые обычаи? можно ли меповенно перейти къ иностраннымъ правамъ, къ новому законодательству, которое Франція напрасно стала бы называть наилучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ? Основательно ли было бы утверждать, будто бы берутъ все, что можно было взять для того, чтобы принудить Англію отдать намъ то, что она приобрѣла чрезъ завоеванія и договоры? но тогда не было бы причины для того, чтобы не опустошать цѣлый свѣтъ. Всякому извѣстно, что это присоединеніе отдалило миръ, который можно бы попытаться заключить съ Англією. Это присоединеніе, предвѣщавшее присоединеніе Ганзейскихъ городовъ, расположило Россію къ непріязненнымъ дѣйствіямъ. Опровергать это значило бы спорить

о томъ, что днемъ свѣтло. Не имѣю нужды говорить, что послѣдствія оправдали эти предвидѣнія; но это самое я говорилъ еще въ то время многимъ людямъ, вовсе однакоже не выдавая себя за пророка.

Г Л А В А XVI.

Безпокойства на счет будущей участи Ганзейскихъ земель. — Новые Департаменты, присоединенные къ Имперіи.—Сожженіе Англійскихъ товаровъ.—Дурное дѣйствіе, этимъ произведенное.—Притѣсенія Полиціи.—Г. Г. де Верженнъ и Ремюза.—Дѣвица Леду, оперная танцовщица.—Общество Г. Верженна.—Явное неодобреніе Континентальной системы.—Значительный барышъ отъ запрещеннаго торгоу и невозможность унять производителей онаго. — Польза, извлеченная изъ пензбъжнаго зла. — Планъ, предложенный мною Правительству.—Очевидныя выгоды.—Двадцать милліоновъ предполагаемаго сбора поминшъ. — Припятіе моего плана и согласный съ онымъ указъ Императора.—Сорокъ милліоновъ чистой выгоды. — Несколько словъ о выборѣ Бернадота въ Наслѣдныя Ппринцы Швеціи. — Пониженіе курса на Петербургъ. — Несосновательность опасеній Русскаго Кабинета.

Лѣто тысяча восемь сотъ десятаго года прошло очень спокойно въ Гамбургъ и въ Ганзей-
Часть VIII.

скихъ областяхъ; однакоже тамъ возникали нѣкоторыя опасенія на счетъ будущаго, и всякой разъ, когда къ намъ доходилъ какой либо новый указъ, опредѣляющій присоединеніе къ Имперіи новыхъ областей, прозорливые люди тревожились. Дѣйствительно, послѣ Шёнбрунскаго трактата, Наполеонъ безъ дальнихъ околичностей присоединилъ къ Имперіи всѣ земли, лежація на лѣвомъ берегу Рейна отъ границъ Департаментовъ Рерскаго и Нижне - Мааскаго до моря; такимъ же образомъ Императоръ поступилъ для составленія другаго Департамента подъ именемъ Устьевъ-Шельды, заключавашаго въ себѣ островъ Вальхеренъ и нѣсколько другихъ сосѣднихъ острововъ; на Югѣ же Франціи Департамента Симплонскаго, составленнаго изъ древней Валезіи. Всѣ эти присоединенія дѣйствительно были способны заставить Ганзейскія земли страшиться жребія, который мало по малу приближаясь, непременно долженствовалъ ихъ постигнуть. Въ тотъ годъ явился указъ, который я не могу назвать иначе, какъ адскимъ, изданнымъ Наполеономъ въ припадкѣ безумія. Этотъ указъ повелѣвалъ жечь всѣ Англійскіе товары, существующіе во Франціи, въ Голландіи, въ Великомъ Герцогствѣ Бергскомъ, въ Ганзейскихъ городахъ и вообще отъ Мейна до моря; наконецъ во всѣхъ мѣстахъ, на которыя распространилось бѣдственное влѣя-

ніе Наполеона. Невозможно себѣ представить отчаянія, которое столь дикая мѣра возбудила въ земляхъ, привыкшихъ жить торговлею; каково зрѣлище для бѣдныхъ, нуждающихся во всемъ жителей, представляло сожженіе предметовъ, конхъ раздача могла бы облегчить ихъ нищету! Ужь конечно подписывая этотъ указъ достойный варварства Восточной Имперіи, онъ былъ ослѣпленъ яростью своею противъ Англіи, завладѣвшей въ это самое время Паль-де-Франсомъ. И можно ли было привязать къ себѣ завоеванные народы, раздражая ихъ нищету истребленіемъ множества необходимѣйшихъ для нихъ предметовъ!

Въ продолженіе этого времени, Парижская Полиція продолжала свои притѣсенія и прижимки; она не только преслѣдовала невинныхъ сочиненія, едва замѣченныхъ, но не теряла изъ вида эмигрантовъ, сдѣлавшихся конечно очень мало опасными со времени союза Императора съ Австрійскимъ Демомъ.

Въ числѣ эмигрантовъ, за которыми мнѣ было приказано наблюдать, находился Г. де Верженнъ; онъ постоянно оставался въ Гамбургѣ или въ окрестностяхъ, съ Апрѣля мѣсяца 1808 года. Я увѣдомилъ Министра, что Г. Верженнъ, по пріѣздѣ своемъ, явился ко мнѣ съ письмомъ отъ Г. Ремюза, Императорскаго Оберъ-Камергера. Г. Ремюза убѣдительно поручалъ мнѣ

своего родственника, приѣхавшаго по денежнымъ дѣламъ въ Гамбургъ. Но какъ ему показалось дорого жить въ этомъ городѣ, то онъ расположился въ Неймюль, небольшой деревенькѣ на Эльбѣ, къ западу отъ Альтоны. Тамъ онъ жилъ уединенно и спокойно съ оперною танцовщицею, дѣвицею Леду, съ которою онъ познакомился въ Парижѣ, и которую привезъ съ собою. Онъ казался очень въ нея влюбленнымъ; но образъ жизни его не показывалъ большаго достатка.

Г. де Верженъ изрѣдка посѣщать меня; онъ всегда меня увѣрялъ, что дѣла, которыя ему слѣдуетъ устроить, заставляютъ его продолжать пребываніе свое въ этомъ краю. Чаше всего видался онъ съ Гг. Лажеренрилемъ, Гардуенемъ, Денатеномъ, Дерсейемъ и Делёзомъ, эмигрантами подобно ему. Я отвѣчалъ Министру Полиціи, что Г. де Верженъ очень безпеченъ и предавъ удовольствіямъ, и что я не считаю нужнымъ подвергать его особенному надзору, что дѣйствительно было бы бесполезно.

Другой предметъ, мнѣ порученный, и который я могу назвать главнымъ, было введеніе на Сѣверъ бѣдственной Континентальной системы и наблюденіе за исполненіемъ оной. Всеобщее и львное неодобреніе этой разительной мѣры, о которомъ я не умалчивалъ въ моей перепискѣ, наконецъ подѣйствовало на умъ Императора от-

носителю одной статьи, какъ ниже будетъ объяснено. Не смотря на готовность Датскаго Правительства исполнять Континентальную систему, и на непропускъ въ Голштинію колониальныхъ произведеній, въ этой послѣдней области находилось большое количество оныхъ, и вопреки настрожайшимъ мѣрамъ, надобно было какъ нибудь провести эти товары. Производители запрещеннаго торга, соблазняемые приманкою огромныхъ барышей, изыскивали всевозможныя средства и часто съ успѣхомъ, къ провозу оныхъ въ Германію; и какъ при обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились, это послѣднее средство провоза было одно только возможно, то потребовался бы годъ, или много что полтора года, для перевезенія въ Германію товаровъ, скопившихся во внутреннихъ Таможенной черты. Все, мало по малу, перешло бы чрезъ черту сію, и Таможеннымъ удалось бы захватить только малое число незначительныхъ тюковъ, если бы сраивать то, что они захватили съ тѣмъ, что у нихъ бы ускользнуло. Я уже сказалъ, какое количество товаровъ ежедневно вносилось въ Гамбургскія ворота, ведущія въ Альтопу, какъ много людей было занято этимъ торгомъ и къ какимъ хитростямъ они прибѣгали.

Размысливъ объ этомъ состояніи вещей и внутренно убѣдись въ невозможности воспре-

пятствовать ввозу колоніальныхъ произведеній, доставляемыхъ въ Ганзейскія земли, я подумалъ, что лучше всего извлечь пользу изъ зла, котораго нельзя было избѣгнуть. И такъ я предложилъ постановить правиломъ, чтобы колоніальныя произведенія, находившіяся тогда въ Голштиніи и ввезенныя туда прежде Королевскаго указа, воспретившаго ввозъ оныхъ въ его гавани, были пропускаемы въ Гамбургъ съ заплакою тридцати процентовъ со ста съ ихъ цѣны, а съ нѣкоторыхъ предметовъ даже по сорока со ста. Эта пошлина долженствовала быть собираема Таможнею и обратилась бы совершенно на предметы, потребляемые въ Германіи. Вотъ какъ я думалъ привести въ исполненіе этотъ проэктъ: я предлагалъ, чтобы о ввезенныхъ товарахъ было объявляемо начальствомъ городовъ Герцогства, съ означеніемъ цѣны онымъ. За сямъ ввозъ въ Гамбургъ былъ бы дозволенъ только для тѣхъ товаровъ, на которые имѣлись свидѣтельства градоначальствъ, и для удобнѣйшаго сбора пошлины и осмотра, чтобы ввозъ сей былъ производимъ въ однѣ только тѣ Гамбургскія ворота, которые обращены къ Альтоню. Цѣна колоніальныхъ произведеній, находившихся тогда въ Альтоню, въ Глюкштадтѣ, въ Гузумѣ и въ другихъ городахъ Голштиніи, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, простиралась приблизительно до тридцати мил-

ліоновъ франковъ; слѣдовательно пошлины было бы собрано отъ десяти до двѣнадцати милліоновъ, которые прежде доставались провозившимъ запрещенные товары. Но принятіи предлагаемаго плана, эти послѣдніе остались бы совершенно безъ дѣла; ибо не подлежало никакому сомнѣнію, что купцы предпочтутъ давать тридцать или тридцать три процента за право производить законный торгъ, — платъ сорока процентовъ со ста привозившимъ запрещенные товары, съ опасностью, что ихъ иногда захватываетъ Таможня.

Я вовсе не намѣренъ хвалить мои предположенія, однакожь думаю, что мнѣ дозволено представить доказательства выгоды, которыя долженствовали бы произойти отъ принятія проекта, представленнаго мною Императору. Не только запрещенный торгъ въ большомъ объемѣ чрезъ это бы прекратился; не только Французское Правительство собрало бы значительныя суммы пошлинами съ товаровъ, потребляемыхъ въ Германіи; но отъ сего произошла бы и нравственная выгода—прекращеніе всѣхъ распрій, безпрестанно возобновлявшихся между Голштинскими властями и Французскимъ начальствомъ въ Гамбургѣ. Тогда не было бы уже болѣе тѣхъ притѣсненій, которыя такъ раздражаютъ умы, какъ то личные обыски людей, коихъ подозрѣвали въ произведеніи контрабан-

ды чрезъ Альтоискія ворота; обыски, которые часто производили соблазнительныя и неблагопрстойныя сцены. Гамбургская чернь стала бы искать въ работѣ средства къ существованію, болѣе законнаго, чѣмъ прогулки цѣлый день изъ Альтоны въ Гамбургъ. Перестали бы безнаказанно пренебрегать Императорскіе указы и не признавать властей. Наконецъ Таможенныя досмотрщики, которыхъ принуждены были собрать великое число въ этой точкѣ, могли бы усилить собою другіе посты, болѣе важныя, между Ядою и Эльбою.

Императоръ тотчасъ же согласился на принятіе изложенныхъ мною мыслей, ибо представленіе мое къ Министру Внѣшнихъ Сношеній было отъ 18 Сентября, а 4 Октября Наполеонъ издалъ указъ, совершенно согласный съ предложеннымъ мною планомъ. Не прошло еще шести недѣль по изданіи сего указа, и Совѣтъ назначенный для положенія основаній къ исполненію онаго, не воспріялъ еще въ своихъ дѣйствіяхъ правильнаго хода, а къ Директору Таможенъ было уже представлено на товары Голштиніи около 1500 объявленій. Съ этой минуты можно уже было полагать, что пошлины сберется до сорока милліоновъ Франковъ, т. е. двадцатью осмью или тридцати милліонами болѣе того, какъ выходило по моимъ предположеніямъ. Нѣкоторые торговые дома заплатили

до четырехъ миллионѣвъ. Впрочемъ эта разница къ большему, меня не удвила, ибо я старался не прибѣгать къ тѣмъ преувеличеннымъ расчетамъ, которые представляютъ вещи въ лучшемъ видѣ, чѣмъ какъ въ послѣдствіи на дѣлѣ оказывается.

Бернадотъ былъ избранъ Наслѣднымъ Принцемъ Шведскимъ, и это назначеніе со всеми обстоятельствами, къ оному относящимся, равно какъ и пребываніе его въ Гамбургъ, составляютъ содержаніе слѣдующей Главы; но я долженъ былъ упомянуть здѣсь объ этомъ для объясненія нѣкоторыхъ происшествій на Сѣверѣ, болѣе или менѣе къ оному относящихся. Такимъ образомъ, навримеръ, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, курсъ на Петербургъ вдругъ понизился. Все письма, получаемыя въ Гамбургъ изъ Русской столицы и изъ Риги, приносили это пониженіе курса избранію Князя Понте-Корво наслѣднымъ Принцемъ Шведскимъ. Мнѣ сообщали болѣе тридцати писемъ и изъ нихъ не было ни одного, въ которомъ бы не упоминалось объ опасеніяхъ, возбужденныхъ этимъ событіемъ въ Петербургѣ. Я узналъ объ этомъ выборѣ 22 Юля, т. е. тотчасъ послѣ того, какъ самъ Бернадотъ могъ быть официально объ ономъ уведомленъ. Какъ только вѣсть сія дошла до Правительства, то мнѣ убѣдительно было предложено стараться опровергать и унич-

тожать странные слухи и ложные толки, къ коимъ она подавала поводъ. Впрочемъ эти слухи и толки распространялись не всеми Кабинетами и не при всѣхъ Дворахъ пріобрѣтали къ себѣ вѣру, какъ то будетъ видно изъ слѣдующей Главы. Я удостовѣрился, что опасенія, возникшія въ С. Петербургѣ, происходили менѣе отъ самаго выбора Швеціи, чѣмъ отъ предположенія, что этотъ выборъ былъ слѣдствіемъ вліянія Французскаго Правительства. Вскорѣ увидѣли, что этотъ страхъ мнимый, а послѣдствія показали, что оный никогда не былъ основательнымъ.

Г Л А В А XVII.

Бернадотъ Наслѣдный Принцъ Шведскій. — Последнія Революціи въ Стокгольмѣ.—Герцогъ Зюдерманландскій Король Шведскій.—Густавъ-Адольфъ въ Гамбургъ. — Первое предложеніе, сдѣланное Г-мъ Вреде Бернадоту. — Письмо Князя Понте-Корво съ извѣщеніемъ меня о пріѣздѣ его въ Гамбургъ.—Трехдневное пребываніе. — Неудовольствіе Россіи и поздравленія Короля Прусскаго. — Объясненія на счетъ Ваграмскаго дня. — Тайный приказъ, отданный только Маршаламъ.—Неизвѣстность истины.—Разсказъ Наслѣднаго Принца Шведскаго о сношеніяхъ его съ Императоромъ.—Наполеонъ благоприятствуетъ Королю Датскому — Дозволеніе, данное Бернадоту.—Актъ, помѣщенный въ Монитёръ.—Позднее и непріемлемое условіе. — Благородная искренность Бернадота.—Свершеніе двухъ судебъ.—Легковѣрность Бернадота и ласки Императора.—Последнія слова Бонапарте о Наслѣдномъ Принцѣ. — Совѣты, данныя мною Бернадоту. — Сопротивленіе Контиентальной системѣ.—Бернадотъ становится Шведомъ.

Я теперь достигъ одного изъ обстоятельствъ моей жизни, о комъ я вспоминаю съ наибольшимъ

шимъ удовольствіемъ, времени, которое Бернадотъ провелъ со мною въ Гамбургѣ, тогда какъ, призываемый желаніемъ Шведовъ, онъ собирався ѣхать въ городъ, долженствовавшій гдѣкогда сдѣлаться столицю его Королевства. Мнѣ кажется, что должно начать приведеніемъ на память въ кратцѣ цѣны прошенствій, приведшихъ протививнагося 18 Брюмеру на первую степень у Шведскаго престола, и для того, чтобы не раздѣлять событій, есоль тѣсно между собою связанныхъ, а временно оставлялъ въ сторонѣ полученныя мною свѣдѣнія обо всемъ прошеншемъ въ Швеціи съ начала 1809 года до эпохи, до которой мы теперь достигли.

15 Марта этого года Густавъ Адольфъ, ко-его я разсказалъ нѣсколько воинственныхъ сумазбродствъ, былъ лишенъ свободы. Умалчиваю объ обстоятельствахъ взятія его подъ стражу: оно принадлежитъ Исторіи и заняло бы въ оной болѣе мѣста, еслибы случилось въ эпоху, менѣе изобильную великими событіями. Герцогъ Зюдерманландскій, дядя Короля, пріялъ временно бразды правленія и Король Густавъ чрезъ нѣсколько дней послѣ того издалъ актъ отреченія, въ которомъ, при внутреннемъ и вѣншемъ положеніи Швеціи, онъ не могъ отказать. Когда въ слѣдующемъ Маѣ мѣсяцѣ, Шведскій Сеймъ собрался въ Стокгольмъ, то Герцогъ Зюдерманландскій былъ избранъ Ко-

ролемъ. Мозарсъ сей имѣлъ единственнаго сына, Принца Христіана Августа, сдѣлавшагося естественнымъ образомъ Наслѣднымъ Принцемъ Шведскимъ, чрезъ восшествіе на престоль отца его. Но онъ скоропостижно умеръ въ концѣ Маія 1810 года. 21 числа слѣдующаго Августа мѣсяца, Бернадогъ былъ избранъ на его мѣсто Наслѣднымъ Принцемъ Шведскимъ. Вотъ общая перечень событій; теперь я расскажу частныя обстоятельства, дошедшія до моего свѣдѣнія по должности, занимаемой мною въ Гамбургѣ, и изъ коихъ иныхъ, я самъ былъ свидѣтелемъ.

Прежде всего я долженъ говорить о послѣднемъ Королѣ Шведскомъ Густавѣ Адольфѣ. Государь сей пріѣхалъ 13 Генваря 1810 въ Гамбургъ, назначенный временно его мѣстопробываніемъ; онъ путешествовалъ съ семействомъ своимъ подъ именемъ Графа Готторпскаго и былъ сопровождаемъ Г-мъ Скюльдебрандомъ, Генераль-Маіоромъ Шведской службы. На другой день по пріѣздѣ Короля, Г. Скюльдебрандъ посетилъ меня и сказалъ мнѣ, что Графъ Готторпскій вдругъ вообразилъ себѣ, что замокъ, купленный для него въ Швейцаріи, былъ назначенъ сдѣлаться его темницею; что эта мысль такъ сильно имъ овладѣла, что онъ отпразднелъ курьера къ Королю Шведскому, своему дядѣ, для сообщенія ему своихъ опасеній, и рѣшился

ожидать въ Гамбургъ отъ него отвѣта. Его стали было уговаривать, но онъ объявилъ, что уступить только силѣ. Причины, сообщенныя мною Генералу Скіольдебранду въ продолжительномъ моемъ съ нимъ разговорѣ, а особенно умные совѣты Графини Готторпской, которая съ ангельскою покорностью переносила перемѣну своего жребія, — наконецъ склонили Густава-Адольфа перемѣнить свою рѣшимость. Еслибъ онъ продолжалъ упорствовать съ обыкновенною своею настойчивостью, то онъ очень бы насъ затруднилъ.

По смерти Наслѣднаго Принца, сына Герцога Зюдерманландскаго, Шведскій Графъ Вреде первый объявилъ Бернадоту, что въ Стокгольмѣ намѣреваются предложить ему наслѣдіе Шведскаго престола. Бернадотъ былъ тогда въ Парижѣ, и тотчасъ послѣ перваго своего свиданія съ Г-мъ Вреде, онъ поѣхалъ въ Сен-Клу, гдѣ тогда находился Императоръ. Наполеонъ выслушалъ его съ холодною и отвѣчалъ, «что онъ нисколько не можетъ быть ему полезнымъ, что надобно предоставить дѣла обыкновенному ихъ ходу, что онъ можетъ принять или отказать, какъ ему заблагоразсудится, что онъ не будетъ ему пренятствовать и не можетъ дать ему никакого совѣта.» Довольно было знать нравъ Наполеона и непріязнь, которую онъ непереставалъ питать противъ Бер-

надота, для того чтобъ быть увѣреннымъ, что выборъ Швеціи очень былъ ему досадеи; и это такъ справедливо, что Наполеонъ, хотя онъ послѣ отъ этого и отперся, велѣлъ сдѣлать въ Стокгольмѣ нѣкоторыя попытки къ тому, чтобы Шведскій престолъ достался Датскому Королю.

Бернадотъ послѣ сего поѣхалъ къ Пломбисрскимъ водамъ. Возвратясь въ Парижъ и будучи уже рѣшительно возведенъ въ санъ Наслѣднаго Принца Швеціи, онъ извѣстилъ меня о своемъ предстоящемъ отъѣздѣ слѣдующимъ письмомъ:

«Любезный Министръ, это письмо вручить вамъ Г. де Синіоль, Шведскій Генераль-Консулъ въ Парижѣ, за которымъ я черезъ нѣсколько дней самъ буду въ Гамбургъ; я въ особенности вамъ его поручаю; примите его съ вамию обыкновенною обязательностью. Вы будете очень довольны его знакомствомъ; его достоинства и личныя качества, конечно заслужать ваше вниманіе. Я надѣюсь въ скоромъ времени имѣть удовольствіе съ вами видѣться; а между тѣмъ примите увѣренія въ чувствахъ моей искренней преданности.

«І. Наслѣднѣй Принцъ Шведскій»

«P. S. Пропну васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе супругѣ вашей, и поклониться отъ

«юмня маленькой сестрицѣ (*) и вашему милосердному семейству.»

Изъ этого письма видно, что степенъ, за которую Бернадотъ восшелъ и за которую онъ былъ обязанъ только своимъ личнымъ качествамъ, несколько не измѣнила питаемой имъ ко мнѣ дружбы, и я удостоверялся, что Г. де Сньюль, имъ мнѣ порученный, вполне заслуживалъ благоприятный о немъ отзывъ Наслѣдственнаго Принца.

Назначеніе Бернадота возбуждено сначала, какъ я уже сказалъ, живѣйшее неудовольствіе въ Санктпетербургскомъ Кабинетѣ; но расположеніе Берлицкаго Кабинета было совсѣмъ иное, ибо Князь Витгенштейнъ, находившійся тогда въ Гамбургѣ, получилъ отъ Короля Прусскаго повелѣніе поздравить отъ его имени Князя Понте-Корво, при проѣздѣ его чрезъ Гамбургъ, и увѣрить его въ томъ, *что онъ за особенное сочтетъ себя удовольствіе состоять съ нимъ въ сношеніяхъ дружества и добраго сосѣдства.* Г. Бюловъ, Гофмаршалъ Двора Герцога Мекленбургскаго и Баронъ Оксенгернъ, Шведскій Министръ въ Коненгагенѣ, также прибыли въ Гамбургъ съ тою же целью.

Бернадотъ пріѣхалъ 11 Октября и пробылъ въ Гамбургѣ только три дня, которые онъ про-

(*) Это одна изъ моихъ дочерей, которую Бернадотъ всегда называлъ своею маленькою сестрицею.

вѣль почти совершенно со мною. Я сообщилъ ему всѣ полученныя мною письма и донесенія, касательно его избранія, и онъ имѣлъ удовольствіе увидѣть изъ нихъ, что большая часть голосовъ была на его сторонѣ. Я займусь теперь описаніемъ этихъ трехъ дней, не подчиняясь никакому иному порядку, кромѣ того, въ какомъ происходили наши съ нимъ разговоры, въ которыхъ онъ сообщилъ мнѣ, какъ читатели увидятъ, очень любопытныя вещи о тайной исторіи того времени. Изъ числа этихъ занимательныхъ обстоятельствъ, я ставлю на первое мѣсто сказанное имъ мнѣ о Ваграмскомъ сраженіи, о которомъ мы съ нимъ разговорились.

Я первый сообщилъ новому Наслѣдному Принцу Швеціи, слухи, распространяемые на счетъ нерѣшительности, съ которою дрались войска, составлявшія его корпусъ. Желая узнать правду, которую Бернадотъ всегда говорилъ, хотя онъ былъ и Гасконецъ, я напомнилъ ему, что Императоръ изъяснилъ неблагопріятное для этихъ войскъ мнѣніе; ибо ужъ конечно Наполеонъ былъ виновникъ жалобъ, помѣщенныхъ въ бюлетеняхъ, что казалось тѣмъ достовѣрнѣе, что онъ отнял у него войска. Бернадотъ, какъ мнѣ показалось, былъ доволенъ искренностью, съ которою я говорилъ съ нимъ, и увѣрилъ меня, что упреки Императора были несправедливы и

непавистны; что даже во время самаго дѣла онъ жаловался на недостатокъ рвенія солдатъ. «Императоръ не захотѣлъ меня видѣть,» сказала мнѣ Бернадотъ «и причиною его отказа привели мнѣ то, что онъ былъ удивленъ и огорченъ тѣмъ, что послѣ его жалобъ, о которыхъ я не смогъ не знать, я хвалился тѣмъ, что я выигралъ сраженіе и поздравлялъ Саксонцевъ «бывшихъ у меня подъ начальствомъ. Онъ заставилъ назвать это страннымъ всѣхъ тѣхъ, «которые завидуютъ превосходству другихъ.» Тогда Бернадотъ показалъ мнѣ бюлетень, составленный имъ послѣ Ваграмскаго дѣла. Я замѣтилъ ему, что я ни когда еще не видывалъ бюлетеня, составленнаго не тѣмъ Генераломъ, который имѣлъ главное начальство въ сраженіи. Я спросилъ у него, какъ это кончилось; тогда онъ прочелъ мнѣ приказъ, разосланный Наполеономъ, по словамъ его, только Маршаламъ, начальствовавшимъ корпусами. Императоръ велѣлъ напечатать бюлетень Бернадота въ заглавіи своего приказа. Такихъ дѣлъ еще не было видно.

Вотъ этотъ замѣчательной документъ, совершенно обнаруживающій недостойное коварство столь высокаго генія Наполеона. Онъ очень мало извѣстенъ, а потому я помѣщаю его здѣсь.

Приказъ.

Въ нашемъ Императорскомъ лагерѣ въ Шёнбруннѣ 9 Юля 1809.
«Его Величество изъявляетъ свое усудоволь-

«ствіе Маршалу Князю Поиге-Корво, за приказъ его, отданный въ Леопольдштадтъ 7 Іюля, и «который былъ тогда помѣщенъ почти во всѣхъ «журналахъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Саксонцы, въ день 5 Іюля находясь только «въ числѣ семи или осми тысячъ, вы врѣзались «въ центръ непріятельской арміи, и дошли до «Дейтшъ-Ваграма; не смотря на усилія сорока «тысячъ человекъ, подкрѣпленныхъ шестиде- «сятью орудіями, вы сражались до полуночи и «стали биваками посреди Австрійскихъ линій. «Шестаго числа, съ самаго разсвѣта, вы возоб- «новили бой съ тою же настойчивостью и по- «среди опустошеній, причиняемыхъ непріятель- «скою артиллеріею, ваши колонны устояли не- «движимо, какъ желѣзныя. Великій Наполеонъ «видѣлъ вашу преданность, онъ считаетъ васъ «въ числѣ своихъ храбрыхъ воиновъ. Саксонцы, «судьбина солдата состоитъ въ исполненіи сво- «ихъ обязанностей; вы достойно исполнили «ваши

«На Леопольдштадтскомъ бивакѣ 7 Іюля 1809,
«Корпусный Командиръ Маршалъ

«БЕРНАДОТЪ.»

«Независимо отъ того, что Его Величество «самъ лично предводителствуетъ арміею,—ему «принадлежитъ право опредѣлять степень сла- «вы, всякимъ заслуженной. Его Величество обя-

«занъ за успѣхъ своего оружія Французскимъ войскамъ, а не иноземцамъ. Приказъ Князя Понте-Корво, клонящійся къ предоставленію несправедливыхъ притязаній войскамъ, покрайней мѣрѣ посредственнымъ, противенъ истинѣ, политикѣ и національной чести. Успѣхъ пятого числа принадлежитъ Маршаламъ Риволи и Удино, которые прорѣзали центръ непріятели, въ то время какъ корпусъ Герцога Ауерштадтскаго обходилъ его съ лѣва. Деревня Дѣйтшъ-Ваграмъ была взята не пятого числа, а шестого въ полдень, корпусомъ Маршала Удино. Корпусъ Князя Понте-Корво *не стоялъ недвижимо, какъ желѣзный*. Онъ первый отступилъ. Его Величество принужденъ былъ прикрыть корпусъ Вице-Короля дивизіями Бруссе и Ламарка, состоявшими подъ начальствомъ Маршала Макдональда; дивизією тяжелой кавалеріи подъ начальствомъ Генерала Панеути и частью Гвардейской кавалеріи. Этому-то Маршалу и его войскамъ принадлежитъ похвала, которую Князь Понте-Корво себѣ присвоиваетъ. Его Величество желаетъ, чтобы это изъясненіе его неудовольствія послужило примѣромъ, дабы ни одинъ Маршалъ не присвоивалъ себѣ славы, принадлежащей другимъ. Его Величество также повелѣваетъ, дабы приказъ сей, могущій огорчить Саксонскую армію, хотя солдаты и знаютъ, что они не заслужили похвалъ, имъ

«приписанныхъ, остался въ тайнѣ и былъ разосланъ только Маршаламъ, Командующимъ Корпусами.

«НАПОЛЕОНЪ»

По прочтеніи этого важнаго документа, я позволилъ себѣ замѣтить Принцу, что приказъ сей, хотя по волю Императора и оставленный въ тайнѣ, имѣлъ нѣкоторой видъ истины, во-первыхъ потому, что онъ подтверждалъ сказанное имъ самимъ о недостаткѣ рвенія Саксонцевъ; а во вторыхъ потому, что у него было взято начальство надъ войсками; наконецъ по увѣренности, съ которою онъ ссылался на обстоятельства, происходившія при глазахъ цѣлой арміи. Наслѣдный Принцъ Шведскій вошелъ тогда объ этомъ достопамятномъ днѣ въ подробности, приведшія меня въ величайшее недоумѣніе на счетъ того, на которой сторонѣ была правда. Мы такъ по природѣ склонны вѣрить тому, кого послѣднимъ слышимъ, особенно же если это человекъ, котораго знаешь искренность и благородство! Мнѣ не извѣстно было о существованіи помѣщеннаго мною выше секретнаго приказа; впрочемъ, зная склонность Бонапарте составлять свои публичные акты, никакъ не упуская изъ виду своихъ выгодъ, я еще болѣе началъ сомнѣваться, а размысливъ какъ должно, думаю, что въ послѣдствіи это

самое уменьшило мои сомнѣнія на счетъ справедливости словъ Бернадота.

Сколько ни занимательно для меня было то, что говорилъ мнѣ Бернадотъ, изъясняя выше приведенныя подробности относительно новеденія Бонапарте послѣ Ваграмскаго сраженія, подробности, которыя до того мнѣ были совершенно неизвѣстны, все онѣ не возбуждали во мнѣ такого любопытства, какое при разсказѣ его о послѣднихъ своихъ сношеніяхъ съ Императоромъ. Я уже познакомилъ читателей съ нѣкоторыми изъ сихъ сношеній, о коихъ я зналъ отъ вѣрныхъ людей, и что мнѣ послѣ подтвердилъ самъ Бернадотъ; онъ мнѣ говорилъ потомъ, что когда возвратясь изъ Пломбьеръ, онъ явился къ выходу Императора, тотъ обратился къ нему при всѣхъ спросилъ, не получалъ ли онъ какихъ новыхъ извѣстій изъ Швеціи, и когда Бернадотъ сказалъ, что получилъ, то прибавилъ: «Что же нишуть? — Государь, мнѣ нишуть, что повѣренный въ дѣлахъ Вашего Величества въ Стокгольмѣ противится моему избранію; сверхъ того, что онъ разсказываетъ всякому, кто только хочетъ его слушать, что «Ваше Величество изволите отдавать предпочтеніе Датскому Королю.» При этихъ словахъ, продолжалъ Бернадотъ, онъ притворился удивленнымъ, что, какъ вы знаете, онъ умѣетъ очень хорошо дѣлать, увѣрилъ меня, что это невоз-

можно и замалъ рѣчь, начавъ разговоръ о чемъ-то другомъ (*).

«Я право не знаю, говорилъ мнѣ Бернадотъ, что объ немъ думать въ семь обстоятельствъ; я очень знаю, что онъ меня не любитъ, но выгоды его политики могутъ сдѣлать его благосклоннымъ къ Швеціи, и принимая во вниманіе то величественное и могущественное положеніе, въ какомъ теперь находится Франція, я считалъ за долгъ всечески жертвовать собственнымъ честолюбіемъ, только бы тѣмъ сохранить доброе согласіе; но клянусь Богомъ, что не уроню имени Шведа. Впрочемъ онъ имѣлъ въ томъ доказательства, какъ вы увидите сами.

«Прежде всего я долженъ сказать вамъ, что онъ изъяснился въ наилучшихъ выраженіяхъ,

(*) Извѣстія, полученныя Принцемъ Монте-Корво, были верны, а Бонапарте игралъ съ нимъ комедію; я узналъ послѣ, что Французскій повѣренный въ дѣлахъ въ Стокгольмѣ Г. Дезюге, въ слѣдствіе полученной имъ отъ своего Двора инструкціи, подалъ поту въ поѣзду Датскаго Короля. Вѣроятно, въ намѣреніи скрыть свою неудачу, которая еслибы сдѣлалась извѣстна, то навѣрное открыла бы вѣсьмъ глаза на счетъ уменьшенія вліянія его на Сѣверъ, Императоръ не одобрилъ поведенія Г-на Дезюге и отозвалъ его отъ занимаемой имъ должности, въ наказаніе за то, что тотъ повиновался его инструкціи. Г. Лагербельке, бывший тогда Шведскимъ Посланникомъ въ Парижѣ, разсказывалъ многимъ, что Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Г. Шампань, признавался ему, что Г. Дезюге былъ невинною жертвою, которую нужно было принести.

говоря о Королѣ (*) и обо мнѣ. Сначала онъ не изъявилъ никакого противорѣчiя, на тотъ конецъ, чтобы отклонить меня принять наследiе Шведскаго трона, и немедленно велѣлъ помѣстить въ Монитерѣ мой избирательный актъ. Прошло десять дней, а Императоръ не говорилъ мнѣ ни слова о днѣ моего отъѣзда; признаюсь, что такъ какъ мнѣ очень хотѣлось поскорѣ уѣхать, къ чему все уже было въ совершенной готовности, то я рѣшился идти къ нему и просить выдачи мнѣ документовъ, освобождающихъ меня отъ присяги въ вѣрности, которую я, по истинѣ, хранилъ свято, не смотря на всѣ его ко мнѣ несправедливости. Кажется, что сначала онъ удивился такой просьбѣ, которую я изъявилъ положительно и которой онъ никакъ не ожидалъ. Не долго колебавшись, онъ сказалъ мнѣ: «Надобно выслушать одно предварительное условiе; тутъ идетъ дѣло о поданномъ въ Тайномъ Советѣ однимъ членомъ онаго голосѣ.—Какое условiе, Государь?—Обязаться никогда не поднимать оружiя противъ меня.—Ваше Величество, неужели такъ думаете? Могу ли я связать себя такимъ обязательствомъ? Избранiе мое сдѣлано Шведскимъ Сеймомъ—согласiе, которое на то изволили

(*) Это былъ дядя свергнутаго съ трона Короля, а до того бывший Герцогомъ Эстерманландскимъ; онъ царствовалъ подъ именемъ Карла XIII.

«дать Ваше Величество, какъ Королю Карлу XIII-му, такъ и мнѣ самому, сдѣлало меня Шведскимъ подданнымъ, а это званіе нисколько несовмѣстно съ тѣмъ обязательствомъ, о которомъ говорила членъ Совѣта; я говорю, членъ Совѣта, потому что Ваше Величество мнѣ какъ сказали и потому что увѣренъ твердо въ томъ, какъ далеко должно быть отъ мыслей вашихъ такое условіе. Это вѣрно вздумалъ великій Канцлеръ или главный Судья, которыми навѣрное и въ голову не пришло о томъ возвышеніи, какое доставить мнѣ такое предложеніе.—Что вы подъ этимъ разумѣете?—Если вы препятствуете мнѣ получить корону, когда я только не сдѣлаю обязательства никогда противъ васъ не сражаться, то не правда ли, Государь, что это меня поставитъ на одну степень съ вами, какъ Генерала!»

«Когда я рѣшительно изъяснилъ ему, что съ самаго моего избранія, я долженъ себя считать не иначе какъ Шведскимъ подданнымъ, онъ сморщилъ брови; и вообще, пока я съ нимъ говорилъ, такъ какъ пересказалъ вамъ, кажется, отъ слова до слова, онъ по видимому былъ въ замѣшательствѣ, которое было таково, что когда я пересталъ говорить, то онъ мнѣ сказалъ изображающимъ смущеніе голосомъ, что «я едва могъ слышать: «Ну! ступайте, участь вѣсь обоихъ скоро рѣшится.» Онъ произнесъ слова

сін такъ неспятно, что я, съ извиненіемъ, просилъ повторить ихъ, потому что я не разлышалъ; онъ сказалъ опять: «Ступайте, участь «насъ обонхъ скоро рѣшится.»

Въ самой вещи странная судьба этихъ двухъ людей рѣшилась. Согласуясь съ правами, привычками и нуждами своего народа, Карлъ Іоаннъ наслаждается однимъ изъ самыхъ покойныхъ царствованій, какія только представляетъ Исторія Швеціи, а Наполеонъ, побѣдивъ и устранивъ свѣтъ, видѣлъ упадокъ своего счастія; такая разниа всегда будетъ являться въ участи Государей, которые будутъ основывать права свои на силѣ меча, и участи тѣхъ, которые, руководствуясь лучшими внушеніями, будутъ умѣть утвердить свое могущество на уваженіи пріобрѣтенныхъ правъ и святости произнесенной ими клятвы.

«Въ другихъ случаяхъ, когда я разговаривалъ съ Императоромъ, продолжалъ Бернадотъ, я въ самой вещи старался всѣми силами заставить его сказать что нибудь о несвыгодныхъ впечатлѣніяхъ, которыя онъ имѣлъ противъ меня; для сего я исчислялъ разныя историческія событія, которыя мнѣ приходили на память, говорилъ о великихъ государствахъ и великихъ людяхъ, которыхъ успѣхи удивили свѣтъ; о тѣхъ трудностяхъ и пренятствіяхъ, которыя имъ надлежало преодолѣть, а въ особешности

я не забывалъ ссылаться на прочную славу, которая имѣетъ своимъ основаніемъ установленіе и сохраненіе общественнаго спокойствія и благополучія. Императоръ слушалъ меня со вниманіемъ и часто соглашался со мною, когда я изъяснялъ ему мои мысли о причинахъ благополучія и непоколебимости государствъ. Однажды онъ даже взялъ меня за руку и дружески пожалъ ее, какъ бы желая увѣрить меня въ своемъ благорасположеніи и покровительствѣ; такъ что не смотря на то, сколько мнѣ знакомо было его умѣнье притворствоваться, его искусственная, или лучше сказать подложная доброта, казалась столь естественною, что я иногда думалъ, что онъ опять возвращается къ благосклоннымъ чувствованіямъ, и принуждалъ себя свѣкнуться съ этою мыслию; чтобы утвердиться въ такомъ мнѣніи, я говорилъ о томъ съ особами, посредствомъ которыхъ семейства пани были соединены; я объяснилъ имъ свое желаніе, чтобы они увѣрили Императора во взаимности моихъ чувствованій; я просилъ ихъ объяснить ему, сколько я готовъ согласоваться съ его великими системами и способствовать имъ, только бы сіе не было противно выгодамъ Швеціи.

«Повѣрите ли, любезный другъ, что тѣ лица, которымъ я дѣлать сіи некреннія изъясненія, смѣялись надъ моимъ легковѣріемъ; они мнѣ

сказали, что именно послѣ того разговора, когда Императоръ бралъ меня за руку, едва я успѣлъ ему откланяться, какъ онъ говорилъ мнѣ, что я честолюбецъ, и худо умѣю скрыть свое честолюбіе; что я хотѣлъ похвастаться предъ нимъ своими познаніями, что онъ издѣвался надомною, какъ надъ ребенкомъ. Онъ хотѣлъ внушить мнѣ полную довѣренность, на тотъ конецъ, чтобы я не остерегался; потому что будучи мнѣ обмануть, какъ я сказалъ выше, я достовѣрно узналъ, что онъ имѣлъ намѣреніе меня задержать; но не посмѣлъ того сдѣлать, чему доказательствомъ служитъ то, что я узналъ изъ самаго вѣрнаго источника, что однажды Даву, желая ему угодить, сказалъ ему въ его кабинетъ и при многихъ свидѣтеляхъ, въ то самое время какъ говорили о моемъ избраніи: «Принцъ Понте-Корво ничего не подозрѣваетъ. — Онъ еще неизбранъ, отвѣчалъ ему Императоръ.»

«Сверхъ того, сказалъ мнѣ еще Бернадотъ, не смотря на такія доказательства нерасположенія, питаемаго ко мнѣ Императоромъ съ самаго 18 Брюмера, я не думаю, чтобы онъ имѣлъ намѣреніе, когда я буду въ Швеціи, поступать дурно съ Шведскимъ Правительствомъ, и очень вижу, что мы будемъ имѣть только политическія сношенія; я долженъ сказать вамъ, что онъ даже пожаловалъ мнѣ два милліона въ

замѣнъ моего Княжества Понте-Корво, и вельшь уже выдать мнѣ половину этой суммы (*), что вышло для меня очень кстагъ, по причинѣ нужныхъ на дорогу и обзаведеніе издержекъ. Не скрою также отъ васъ, что въ ту самую минуту, какъ я шелъ садиться въ карету, одна особа, которую позвольте мнѣ не называть, пріѣхала со мною проститься и разсказать, что сей часъ только было въ Тюліери. Когда эта особа явилась во Дворецъ, Наполеонъ, увидя ея, тотчасъ подошелъ и сказалъ: «Ну что, Принцъ не жалѣеть ли о Франціи?—Конечно жалѣеть, Государь.—Что касается до меня, то я бы право радъ былъ, если бы онъ отвергнулъ свое избраніе; но тутъ нечего было дѣлать! . . . Да онъ же меня и не любитъ!—Государь, если Ваше Величество дозволите мнѣ говорить откровенно, то я осмѣлюсь сказать, что вы изволите ошибаться; я знаю, какое несогласіе существовало за десять лѣтъ между Генераломъ Бернадотомъ и Вашимъ Величествомъ; знаю какъ онъ противился испроверженію Директоріи, которой не задолго предъ тѣмъ онъ былъ однимъ изъ Министровъ, но знаю также и то, что съ давняго времени Принцъ Понте-Корво вамъ искренно преданъ.—Я очень радъ, и вамъ вѣрю; но мы не сошлись другъ съ дру-

(*) Другой милліонъ, назначенный въ замѣнъ Княжества Понте-Корво, никогда не былъ заплаченъ Бернадоту.

«гомъ, а теперь это уже поздно; у него въ виду «свои собственные выгоды и своя политика, а «у меня свои.

«Таковы были, прибавилъ Принцъ, послѣднія слова Императора на мой счетъ, за два часа до моего отъезда. Та особа, о которой я говорилъ вамъ, любезный Буріеннъ, сказала правду; конечно мнѣ жаль разстаться съ Франціею; но безъ него, безъ его несправедливостей, я бы никогда ее не покинулъ; если когда нибудь мнѣ придется взойти на Шведскій престолъ, то я короною своею буду обязанъ ему, въ томъ смыслѣ, что если бы онъ меня не преслѣдовалъ своею ненавистью, то я почиталъ бы свой постъ довольно лестнымъ для выслужившагося солдата—но надобно повнноваться судьбѣ.»

Въ продолженіе трехъ дней, проведенныхъ Наслѣднымъ Принцемъ со мною, я имѣлъ съ нимъ многіе разговоры, которые дышали чистосердечіемъ и дружескимъ расположеніемъ. Но что наиболѣе его занимало, и о чемъ въ особенности онъ желалъ моего совѣта, такъ это то, какъ ему поступать относительно Континентальной системы. Онъ зналъ твердую рѣшимость Наполеона по сему предмету. Спрашивая моего мнѣнія о трактатѣ 1-го Генваря 1810, которымъ Швеція согласилась войти въ Континентальную систему, онъ показавъ мнѣ, что желаетъ только, чтобы я подтвердилъ соб-

ственное его мнѣніе. Со времени его избранія, я видѣлъ много Шведовъ, все людей значительныхъ въ Государствѣ, и которые способствовали удивительному возвышенію Бернадота. Вотъ что я говорилъ ему въ убѣжденіи, что дѣлаю услугу ему и бѣдной странѣ, надъ которою онъ призванъ царствовать:

«Я совѣтую вамъ, сказала я Последнему Принцу, не колеблясь отвергнуть систему, которую Императоръ заставилъ принять тѣ Государства, на коихъ простирается его владычество. Система эта можетъ быть хороша въ теоріи, но ее нельзя приводить въ исполненіе, и она предастъ торговлю всего свѣта въ руки Англичанамъ. Она располагаетъ къ намъ дурно нашихъ союзниковъ, которые, противъ воли, сдѣлаются нашими врагами.

«Но ни одно изъ сихъ Государствъ, кромѣ Россіи, не находится въ одинаковомъ со Швеціею положеніи. Вы имѣете нужду во множествѣ предметовъ, безъ которыхъ обойтись не можете, а между тѣмъ природа вамъ въ нихъ отказала. Вы можете получать ихъ только посредствомъ величайшей свободы мореплаванія, и платя такими предметами, которые находятся въ изобиліи въ Швеціи, и которые охотно покупаютъ въ чужія земли. По этому нѣтъ нислѣйшаго повода къ тому, чтобы запереть ваши порты для націи, владычествую-

щей на моряхъ; не ея, но вашъ флотъ будетъ въ блокадѣ. Что можетъ сдѣлать вамъ Франція? Сдѣлать къ вамъ нашествіе съ сухаго пути? но вы не считаете этаго возможнымъ. Англія и Россія употребятъ всѣ свои силы, чтобы отразить съ Сѣвера владычество, которое бы туда захотѣло вторгнуться. Если бы даже дошли до Зунда, то надобно бы было проходить имъ, а тутъ сей часъ явятся Русскій и Англійскій флоты. Моремъ? еще болѣе невозможно; для морской экспедиціи такого рода Франція, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, не имѣетъ средствъ. Въ семъ отношеніи вамъ должно опасаться только Россіи и Англій. Старайтесь сохранить ихъ къ себѣ расположеніе, съ одною поступая какъ надлежитъ добрымъ сосѣдямъ, а съ другою продолжая торговля сношенія, которыя обоимъ полезны. Если вы не отторгнетесь отъ этаго союза противъ Англійской торговли, союза, который будетъ безплоденъ, то сдѣластесь его жертвою. Я могу рассказать вамъ одинъ случай: недавно Маршалъ Бертъ прислалъ чрезвычайнаго курьера съ приказаніемъ освѣдомиться самымъ точнымъ образомъ, какъ долго полагать можно, что продолжится теперешній съ Россією миръ. Я держалъ курьера двѣ недѣли. Всѣ свѣдѣнія, какія получалъ я посредствомъ своихъ прямыхъ сношеній, всѣ розысканія, которыя я почер-

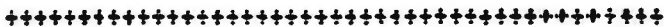
пишуть изъ надежныхъ источниковъ и все то, что слышала отъ людей, удостоверяющихъ меня своею довѣренностью, утвердили меня въ томъ мнѣнїи, что если не встрѣтится какого нибудь необычайнаго случая, могущаго подать поводъ къ внезапному разрыву, Россія примется за оружіе чрезъ полтора года. Я довелъ это до свѣдѣнїя Императора: я желалъ бы обмануться; но она уже готовитъ средства къ войнѣ. Замѣтьте, что Императоръ не хочетъ терпѣть, чтобы Россія давала дозволенїя, какъ онъ, который ихъ продаетъ за деньги. Онъ обогащается на счетъ народа; хотите ли вы дѣлать также? Дѣлайте, и казна ваша будетъ наполнена золотомъ, но за то ваши подданные? . . . Повѣрьте мнѣ, продавайте ваше желѣзо, вашу строевой лѣсъ, ваши кожи, вашу смолу; и получайте соль, вина, водку и колонїальные товары, въ которыхъ вы имѣете нужду. Вы прїобрѣтете любовь къ себѣ Шведовъ, а не навлечете на себя ихъ ненависти. А если, напротивъ того, вы будете держаться Континентальной системы, то будете принуждены, для выполненїя этой системы, издавать законы противъ контрабанды, которая будетъ существовать вопреки вашей воли. Такіе законы будутъ Шведамъ поводомъ къ возстанїю. Будьте, оставайтесь Французомъ въ сердцѣ, но будьте Шведомъ на дѣлѣ. Для чего вы будете дѣлать то,

что станетъ цѣлая нація отвергать? Я говорю вамъ не такъ какъ Министру Франціи, а какъ человѣку безъ страстей, какъ вашъ искренній другъ. Но хотите ли имѣть еще болѣе рѣшительное доказательство о лживости этой системы? Хотите ли увидѣть, что она неприноситъ вреда Англіи? замѣьте одно: посмотрите, что здѣсь происходитъ въ отношеніи къ дозволеніямъ и къ платежу въ казну тридцати трехъ процентовъ съ той суммы, какой стоитъ товаръ. Я исходатайствовалъ дозволить впускъ товаровъ съ такою пошлиною, а Трианонскій декретъ состоялся вскорѣ послѣ сдѣланныхъ мною замѣчаній о неизбѣжности контрабанды; но кто платитъ такое возвышеніе цѣны цѣлою третью? Англія? — по истинѣ нѣтъ: она продала, и ей заплачено за все. — Не уже ли купецъ? Нѣтъ: онъ продаетъ товары сообразно съ тѣмъ, во что они ему обошлись. Платитъ употребитель — онъ бѣдный платитъ сей тяжкій, ненавистный налогъ. Эта система вооружаетъ всю Европу противъ Императора. Вы увидите послѣдствія. Зло, которое причиняетъ Наполеонъ, упорствуя въ своей системѣ, непременно на него обрушится.

Таковы были совѣты мои Бернадоту въ дѣлѣ, отъ котораго, можетъ быть, зависѣла его новая и блестящая будущность. Не смотря на то, что я былъ Французскій Министръ, я сочелъ бы

противнымъ правиламъ чести давать ему другіе совѣты — дипломатъ имѣеть свои обязанности — но и дружба имѣеть свои, которыя выполнять пріятны. Могу сказать, что Бернадотъ воспользовался моими совѣтами, и мнѣ кажется, что Шведскій Король въ томъ не раскаивается.

Г Л А В А XVIII.

Занятія Наполеона.—Португалія и дворъ Римскій.—Г. де Боалевъ кавалеръ 4 степени ордена Союза. — Бонапарте не хочетъ платить издержекъ за внесеніе въ росписъ. — Мармонъ въ Имперіи. — Прибытіе Бернадота въ Швецію.— Письма, полученныя мною отъ Генерала Жавиль-Сенъ-Альфонса и Пасльднаго Принца. — Безуспѣшныя переговоры. — Причины размолвки Наполеона съ Бернадотомъ.— Неприличная теорія. — Данное и взятое назадъ Бернадоту дозволеніе. — Первое письмо Бернадота къ Императору.— Слова Бонапарте.—Покушеніе похитить Пасльднаго Шведскаго Принца. — Вторженіе въ Шведскую Померанію и жалобы Бернадота — Озлобленіе Бонапарте противъ Бернадота.—Принужденный союзъ Швеціи съ Англіею и Россіею.—Письмо Принца къ Императору Александру.—Надменность Французскаго Посланика въ Стокгольмѣ.—Обстоятельства, сдѣланныя Бернадотомъ Императору.— Тайны возстановленія.

Между тѣмъ какъ Бернадотъ собирался спокойно занять второе мѣсто въ Королевствѣ, въ

которомъ ему предназначено было сдѣлаться первымъ; тогда какъ онъ снисходилъ свободному желанію Шведовъ, которые его призывали, не по какимъ нибудь интригамъ, а единственно по личнымъ его достоинствамъ, Наполеонъ былъ занятъ Португальскими дѣлами, которыя шли совсѣмъ не по его мыслямъ, и въ тоже время былъ въ самой сильнѣйшей распрѣ съ Напою. При этомъ я вспоминаю одинъ случай, за истину котораго могу поручиться. Когда Наполеонъ хотѣлъ развестись, то Папа потребовалъ, чтобы при этомъ были соблюдены всѣ церковные обряды; что и было выполнено со всѣми отерочками, какія предписаны законами, и это было причиною замедленія, продолжавшагося нѣсколько мѣсяцовъ. По окончаніи судебного производства, Г. Боалевъ, великій Оффиціаль Архіепископства Парижскаго, сдѣлалъ приговоръ. По сему случаю можно заключить, какъ Бонапарте, въ частной своей жизни, покорялся установленіямъ. Производство дѣла о разводѣ повлекло за собою значительные расходы, какъ-то на жалованье нѣкоторымъ чинамъ и на платежъ пошлины за записку довольно большаго числа актовъ. Суммы эти выплачены; онъ поступилъ въ Государственную казну, слѣдственно ими воспользовалась она; но Наполеонъ рѣшительно отказался отъ платежа за записку законникамъ, которые того домогались; онъ

только послать великому Офиціалу ленту ордена Союза. Г. де Боалевъ, будучи принужденъ носить эту ленту, и стыдился показываться съ нею въ обществѣ, пряталъ ее какъ можно болѣе. Въ самой вещи орденъ Союза никогда во Франціи не былъ уважаемъ.

Въ это время одинъ Офицеръ доставилъ мнѣ извѣстія о Мармонтѣ, котораго онъ видѣлъ незадолго предъ тѣмъ въ Триестѣ, куда Императоръ послалъ его въ качествѣ Генераль-Губернатора Иллирійскихъ провинцій.

По всему тому, что я слышалъ отъ этаго Офицера, котораго фамиліи никакъ не могу вспомнить, я видѣлъ, что Мармонъ былъ очень любимъ на своемъ мѣстѣ, и въ самомъ дѣлѣ это былъ лучший выборъ, какой могъ сдѣлать Императоръ; Мармонъ явилъ доказательства своего благоразумнаго управленія, ненависти къ грабежу и любви къ справедливости. Его упрекали въ томъ, что онъ въ лагеряхъ завелъ у себя совѣтъ восточную роскошь, но никогда нельзя было ни малѣйшимъ образомъ усумниться въ строгой его честности. Онъ сдѣлалъ очень богатую партію, и приданое его жены было вѣроятно источникомъ, изъ котораго онъ получалъ деньги, нужныя для удовлетворенія своей склонности тратиться; но никогда склонность его къ тщеславію не была удовлетворяема ни малѣйшимъ грабительствомъ. Вообще страсть

показать себя, была тогда у большей части тѣхъ, кто происходилъ, нѣкоторымъ образомъ, отъ Императорскаго трона, что бы въ отдаленныхъ провинціяхъ явить знаки его величія.

Бернадотъ сохранилъ болѣе простыя склонности и голова его была слишкомъ наполнена мыслями основательными, почему у него и не было охоты заниматься блескомъ великолѣпія. Только что онъ выѣхалъ изъ Гамбурга, на пути своемъ къ Швеціи, какъ мы увидѣли прибывшаго Герцога Голштейнъ-Августенбургскаго, брата послѣдняго Шведскаго Наслѣднаго Принца, права котораго перешли къ Бернадоту. Онъ ѣхалъ въ Германію, чтобы взять тамъ свою сестру и проводить ее въ Данію. Путешествіе его замедлилось нѣсколькими днями по причинѣ пребыванія Принца Понте-Корво въ Гамбургѣ; онъ считалъ себя столь близкимъ къ Шведскому трону, что рана, причиненная его честолюбію предпочтеніемъ, сдѣланнымъ Бернадоту, была еще слишкомъ свѣжа, и отъ того онъ не захотѣлъ встрѣтиться съ своимъ счастливымъ соперникомъ.

Бернадотъ, тотчасъ по прибытіи моемъ въ Швецію, велѣлъ извѣстить меня о счастливомъ окончаніи своего путешествія. Меня увѣдомилъ объ этомъ случаѣ Жантэль-Сень-Альфонсъ слѣдующимъ письмомъ:

Милостивый Государь,

«Наслѣднѣй Принцъ поручилъ мнѣ увѣдомить васъ о счастливомъ переѣздѣ его изъ Пликборда въ Корсоеръ. Въ то самое время, когда мы прибыли, здѣсь дули все совершенно противныя вѣтры, и пять сотъ Англійскихъ судовъ, въ числѣ которыхъ семь линійныхъ кораблей и три фрегата, стояли на якорѣ на Сѣверной и Южной сторонѣ канала. Посреди этой двойной линіи имѣлъ честь пройти Е. К. В.; и представьте, какое счастье, мы не проплыли болѣе часу, вѣтеръ перемѣнился, и мы подъ всѣми парусами вошли въ Корсоеръ. Принцу угодно было, чтобы вы первые извѣщены были, о счастливомъ его переѣздѣ; вы увидите въ этомъ знакъ дружескаго его къ вамъ расположенія, въ которомъ увѣреніе онъ поручилъ мнѣ возобновить вамъ. Е. К. В. просить васъ засвидѣтельствовать его почтеніе супругѣ вашей, и дружески поклониться отъ него всему вашему любезному семейству.

«Я пользуюсь симъ случаемъ, Милостивый Государь, чтобы вновь поручить себя въ благосклонное расположеніе В. II. и повторить изъясненіе тѣхъ чувствъ, съ коими я имѣю честь быть

«Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

«ЖАНТИЛЬ-СЕНЬ-АЛЬФОНСЪ.

«Принцъ просить васъ засвидѣтельствовать его почтеніе Генералу Морану и его супругѣ; также просить васъ сдѣлать одолженіе отдать прилагаемое присемъ письмо Г. Гонзу, для доставленія его Принцессѣ.

«Нижайшій поклонъ Князю Витгенштейну.»

Корсоерь, 16 Октября, въ три часа пополудни.

Я очень былъ радъ, что имѣлъ случай сообщить Князю Витгенштейну знакъ памяти объ немъ Шведскаго Наслѣднаго Принца, изъясненный въ концѣ письма Генерала Жантиль-Сень-Альфонса, потому что ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ видѣть доброе согласіе между двумя людьми, которыхъ обоимъ много любилъ. Князь Витгенштейнъ былъ еще въ Гамбургѣ, когда я получилъ письмо отъ имени Бернадота. Хотя онъ былъ присланъ къ Бернадоту съ поздравленіемъ по случаю избранія его въ Наслѣдные Принцы, но вмѣстѣ съ нимъ ему сдѣлано было еще другое порученіе, о коемъ я, помнится, сказалъ нѣсколько словъ. Г. Гарденбергъ вручилъ ему уполномочія для переговоровъ о займѣ полутора милліона франковъ, то есть на наши деньги почти шести милліоновъ; заемъ сей требовался только на одинъ годъ. Но въ то время положеніе дѣлъ Пруссіи было въ такомъ уицкѣ, что не смотря на незначительность суммы и краткій срокъ для платежа, ни какія условія не могли прельстить людей

дѣлающихъ ссуды: недостатокъ въ деньгахъ былъ чрезвычайенъ; дисконтъ поднялся съ двухъ съ половиною до десяти на сто, да и по такой цѣнѣ трудно было найти себѣ деньги, а по чрезвычайнымъ потерямъ, какія Пруссія сдѣлала въ своихъ владѣнiяхъ, число людей и въ деньгахъ, кредитъ ея совершенно уничтожился.

Немного времени спустя послѣ того, какъ Бернадотъ велѣлъ извѣстить меня о благополучномъ своемъ прибытiи въ Швецію, онъ написалъ мнѣ письмо самъ, рекомендуя мнѣ подателя того письма своего Адыютанта Г. Виллата. Письмо сіе служитъ доказательствомъ, какъ часто ошибаются, говоря, что почести перемѣняютъ нравы,—потому что я, какъ въ этомъ письмѣ, такъ и въ другихъ, мною послѣ отъ Наслѣднаго Шведскаго Принца полученныхъ, видѣлъ тѣ же дружескія чувства, изъясняемыя съ тою же искренностію и простотою, какъ прежде то дѣлалъ Генераль Бернадотъ, и тутъ была довольно странная прогивуположность съ Жеромомъ, который, бывало, какъ видѣли, обѣщаль молить Бога, чтобы Онъ не оставилъ меня Своимъ святымъ и преблагимъ охраненіемъ. Какъ бы то ни было, вотъ письмо Наслѣднаго Шведскаго Принца.

«Любезный Буріеннъ!»

«Я поручилъ Г. Виллату, въ проѣздъ его чрезъ

Гамбургъ, повидаться съ вами, и попросить, чтобы сохранили дружбу свою ко мнѣ и доброе обо мнѣ воспоминаніе. Жантиль (*) писалъ къ вамъ. Я полагаю, что вы уже получили его письмо. Прощайте, не переставайте любить меня и будьте увѣрены въ неизмѣнной моей дружбѣ.

«Къ вамъ благосклонный,

«Карлъ ЮАННЪ.»

«P. S. Засвидѣтельствуйте, прошу васъ, мое почтеніе супругѣ вашей; поклонитесь всему вашему семейству, а маленькую мою двоюродною сестрицу поцѣлуйте (**)».

Такъ какъ я говорилъ въ предъидущей главѣ, также и въ сей, о Бернадотѣ, сдѣлавшемся Наслѣднымъ Шведскимъ Принцемъ, не держась хронологическаго порядка, то расскажу здѣсь, что я узналъ въ послѣдствіи о настоящихъ причинахъ разладовъ, какіе произошли между Бернадотомъ, первымъ Совѣтникомъ Шведскаго Короля, и Наполеономъ, который хотѣлъ распространить повсюду взыскательность своего ненасытимаго честолюбія и деспотизма.

Бонапарте очень неблагоклонно взиралъ на

[*] Генераль Жантиль-Сень-Альфонсъ.

[**] Читатели видѣли, что маленькая двоюродная сестрица Бернадота была одна изъ моихъ дочерей, которую онъ очень полюбилъ. Онъ находилъ большое удовольствіе, заставляя ее играть по вечерамъ, которые мы проводили часто вмѣстѣ въ Гамбургѣ.

выборъ, сдѣланный Шведами, потому что онъ очень хорошо зналъ, что въ Бернадотѣ слишкомъ много прямодушія, честности и благородства, чтобы можно было когда нибудь имѣть въ немъ на Сѣверѣ политическую чучелу, которую онъ одинъ могъ приводить въ движеніе, посредствомъ пружинъ, изъ Парижа или изъ главной своей квартиры; и если, какъ я полагаю, не позабыли теоріи Бонапарте относительно должностей Французскихъ Принцевъ, возведенныхъ на троны въ чужихъ земляхъ, теоріи, изложенной съ такимъ сильнымъ деспотическимъ простодушіемъ въ письмахъ Императора къ Лудовику, то никто не повѣритъ, чтобы возможно было приспособить эту теорію къ прекрасному характеру Принца Понте-Корво, а изъ этаго и ясно видна причина неудовольствія на него Императора.

Неудовольствіе сіе было поводомъ къ занимательной перепискѣ, которой часть только дошла до моего свѣдѣнія—а потому я могу представить читателямъ только эту часть, а именно письма Бернадота къ Императору, по прибытіи его въ Стокгольмъ.

Императоръ дозволилъ Бернадоту удержать при себѣ въ продолженіи цѣлаго года, покрайней мѣрѣ, Французскихъ Офицеровъ, которые находились при немъ Адыютантами; но дозволеніе сіе было скоро отмѣнено, и тогда Наслѣд-

ный Шведскій Принцъ написалъ къ Наполеону слѣдующее письмо:

«Въ ту самую минуту, когда я намѣревался принести Вашему Величеству мою благодарность за милость, которую изволили оказать мнѣ продолженіемъ на годъ дозволенія, даннаго Французскимъ Офицерамъ, сопровождавшимъ меня въ Швецію, остаться при мнѣ, я узналъ, что Ваше Величество изволили такую милость отмѣнить. Сіе неожиданное огорченіе, и дѣйствительно все то, что я получаю изъ Парижа, меня удостовѣряетъ, что Ваше Величество не хорошо ко мнѣ расположены. Что я сдѣлалъ такое, Государь, за чтобы заслуживалъ подобнаго обхожденія? На новой моей степени, на которую судьба возвела меня, безъ сомнѣнія я былъ бы подверженъ такимъ со мною поступкамъ болѣе, чѣмъ когда нибудь, если бы не имѣлъ счастья находить себѣ защитника въ сердцѣ Вашего Величества. Что бы вамъ ни говорили, Государь, я прошу васъ вѣрить, что мнѣ не чѣмъ себя попрекнуть, что я совершенно преданъ особѣ вашей, не только силою старыхъ моихъ связей, но и по неизмѣнной привязанности. Если дѣла въ Швеціи идутъ не совсѣмъ согласно съ желаніемъ Вашего Величества, то сіе происходитъ единственно отъ Конституціи. Король неимѣетъ власти нарушить эту Конституцію,—а я и того меньше. Здѣсь еще надобно

соединить многія частныя выгоды вмѣстѣ съ великою выгодною всей націи; связать одною связью четыре класса народныхъ; только посредствомъ очень благоразумнаго и осторожнаго поведенія, я могу надѣяться, что со временемъ взойду на Шведскій престолъ. Такъ какъ Г. Жантиль де Сень-Альфонсъ, мой Адъютантъ, согласно съ повелѣніями Вашего Величества, возвращается во Францію, то я вручаю ему сіе письмо. Ваше Величество можете спросить его; онъ все видѣлъ; пускай говоритъ истину Вашему Величеству, и вы увидите, каково мое положеніе, и какъ я долженъ быть остороженъ; онъ также можетъ сказать Вашему Величеству, сколь много я желаю дѣлать вамъ угодное, и что я здѣсь нахожусь въ безпрестанномъ безпокойствѣ между новыми моими обязанностями и опасеніемъ навлечь на себя ваше неудовольствіе.

«Государь! Ваше Величество изволили опечалить меня, взявъ отъ меня Офицеровъ, которыхъ позволили оставить на годъ; но такъ какъ вы повелѣли, то я отсылаю ихъ обратно во Францію. Можетъ быть, Ваше Величество будете расположены перемѣнить мысли; въ такомъ случаѣ я прошу васъ самихъ назначить то число Офицеровъ, какое заблагоразсудите изволите прислать мнѣ; я приму ихъ съ признательностію; если же, напротивъ того, Ваше Величест-

во оставите ихъ во Франціи, то я рекомендую ихъ въ ваше милостивое расположеніе. Они мнѣ всегда хорошо служили, и не воспользовались ни сколько наградами, которыя были розданы по окончаніи послѣдней кампаніи.»

Неудовольствіе Наполеона противъ Принца превратилось въ явное озлобленіе. Онъ раскаявался, что согласился на его отъѣздъ, и не скрывалъ этаго — даже сказалъ при своихъ придворныхъ, «что ему хотѣлось заставить его кончить изученіе Шведскаго языка въ Венсенѣ.»

До Бернадота дошли эти слова, однакоже онъ не могъ повѣрить, чтобы Императоръ хотѣлъ привести въ дѣйствіе такое намѣреніе; между тѣмъ было сдѣлано къ нему покушеніе, которое къ счастью не имѣло послѣдствій. Открытъ заговоръ, составленный въ Швеціи, противъ Бернадота, шайкою чужестранныхъ разбойниковъ, которымъ надлежало похитить его близъ Гаги; но этотъ заговоръ открыть, и заговорщики принуждены были отправиться безъ своей добычи. Въ то же время Императоръ завладелъ Шведскою Помераніею, и Наслѣдній Принцъ писалъ къ нему второе письмо, слѣдующаго содержанія:

«Государь,

«Изъ полученныхъ бумагъ я узналъ, что армейская дивизія, подъ командою Принца Экмюл-

скаго, въ ночь съ 26 на 27 Генваря, вторгнулась въ границы Шведской Помераніи; что дивизія сія продолжала идти впередъ; вступила въ столицу Герцогства и завладѣла островомъ Ругеномъ. Король надѣется, что Ваше Величество изволите объяснить причины, побудившія васъ присемь дѣйствовать такимъ образомъ, прямо противнымъ святости существующихъ договоровъ. Старыя мои связи съ Вашимъ Величествомъ даютъ мнѣ право убѣдительнѣе просить васъ объяснить ваши побудительныя причины безъ отлагательства, на тотъ конецъ, чтобы я могъ сказать Королю мое мнѣніе о томъ, какимъ образомъ Швеція впредь должна себя вести. Такая незаслуженная обида, сдѣланная Швеціи, чрезвычайно чувствительна всей націи, а еще болѣе, Государь, мнѣ, которому ввѣрена честь защищать ее. Хотя я участвовалъ въ побѣдахъ Франціи, хотя всегда желать видѣть ее уважаемого и блаженствующую, однако все мнѣ никакъ не можетъ придти въ мысли принести на жертву выгоды, честь и національную свободу той страны, которая меня усыновила. Ваше Величество превосходный судья въ справедливомъ дѣлѣ, и уже угадали, на что я рѣшился. Я переную къ окружающимъ васъ славу и могущество, Государь, но мнѣ слишкомъ чувствительно безславіе быть почитаемымъ за вассала. Ваше Величество пра-

вите большею частию Европы, но ваше владычество не простирается на ту страну, коею править я призванъ: честолюбіе мое ограничивается защитою ея, и я считаю сію націю, врученною мнѣ Провидѣніемъ. То вліяніе, какое сдѣлало на народъ вторженіе, на которое я приношу жалобу, можетъ имѣть послѣдствія, какихъ и непредвидятъ; и хотя я не Коріоланъ и предводительствую не Волсками, но имѣю столь хорошее мнѣніе о Шведахъ, что могу васъ увѣрить, Государь, что они способны отважиться на все и все предпринять, чтобы отмстить за оскорбленія, къ которымъ они не подали повода, и чтобы сохранить права, къ которымъ они, можетъ быть, столько же привазапы, какъ къ своему существованію.»

Я продолжаю объяснять разныя явленія Наполеопова озлобленія противъ Наслѣднаго Шведскаго Принца, хотя это меня приводитъ къ времени, гораздо позднѣйшему, чѣмъ пребываніе мое въ Гамбургъ, изъ котораго я отбылъ, какъ скоро увидятъ, въ концѣ 1810 года; я разсудилъ, что лучше, не смотря на промежутокъ, раздѣляющій дѣйствія этой драмы, соединить ихъ вмѣстѣ, на тотъ конецъ, чтобы читателю удобнѣе было оцѣнить ее въ цѣломъ видѣ. Я былъ въ Парижѣ, когда Императоръ получилъ отъ Бернадота выше помѣщенное письмо, и слышалъ, что Бонапарте, получивъ

оное, пришелъ въ ярость и даже, какъ мнѣ тогда рассказывали, вскричалъ: «Покоритесь своему униженію, или умирайте съ оружіемъ въ рукахъ.» По ярость его была безсильна и вмѣстѣ съ враждебными намѣреніями, которыя Наполеонъ явно выказалъ занятіемъ Шведской Помераніи, безъ всякаго объясненія, поставила Шведскаго Короля въ необходимость сдѣлать съ Франціею совершенный разрывъ, и искать другихъ союзниковъ, потому что Швеція, сама собою, недовольно была сильна, чтобы сохранять неутраитетъ посреди пожирающаго всю Европу пламени, послѣ неудачной Русской кампаніи. Наслѣднѣй Принцъ объявилъ Россіи и Англіи, что по причинѣ несправедливаго вторженія въ Померанію, Швеція въ войнѣ съ Франціею, а Графу Левенгелъму, Королевскому Адъютанту, поручено было вручить Императору Александру письмо отъ Наслѣднаго Принца, слѣдующаго содержанія.

«Занятіе Шведской Помераніи Французскими войсками заставляетъ Короля послать Графа Левенгелъма, своего Адъютанта, къ Вашему Императорскому Величеству. Этотъ Офицеръ пользуется полною довѣренностію своего Государя, и ему поручено довести до свѣдѣнія Вашего Величества, какія побудительныя причины служили предлогомъ къ вторженію, совершенно противному существующимъ договорамъ.

«Сосдиненіе, слѣдовавшее одно за другимъ, береговъ Средиземнаго моря, Голландіи и Балтійскаго моря, покореніе внутренней части Германіи, долженствовали показать наименѣе prominently Государямъ, что право людей отложено въ сторону; они уступили системѣ, которая, разрушая равновѣсіе всякаго рода, будетъ причиною разоренія многихъ народовъ, подъ вліяніемъ одного властителя. Платящіе дань Монархи, испуганные сею, все возрастающею Имперією, съ смущеніемъ ожидаютъ исполненія сего обширнаго плана.

«Посреди всеобщаго унынія, все глаза обращены къ Вашему Величеству; они уже устремлены на васъ, Государь, съ довѣріемъ и надеждою. Но позвольте мнѣ замѣтить Вашему Величеству, что во всѣхъ событіяхъ, ничто не имѣетъ такого магическаго вліянія, какъ первое мгновеніе; пока продолжается вліяніе онаго, все зависитъ отъ того, кто можетъ дѣйствовать. Умы, пораженные удивленіемъ, не могутъ разсуждать, и все уступаетъ вліянію очарованія, котораго они боятся, или которое ихъ увлекаетъ.

»Примите, Государь, увѣреніе въ моей признательности, за тѣ чувства, которыя Ваше Величество благоволило изъявить мнѣ. Если мнѣ остается еще ожидать чего, то это продолженія того счастья, котораго я всегда буду до-

стоишь, по той мѣрѣ какъ я умѣю цѣнить его.»

Письмо сіе можетъ служить отвѣтомъ слухамъ, которые тогда были распространены въ публикѣ; по этимъ слухамъ приписывали Россіи, будто бы она домогалась союза со Швеціею, тогда какъ союза сего, какъ видѣли, просила Швеція, будучи къ тому принуждена крайнею необходимостію; я могу даже сказать, что она была на то вынуждена Императоромъ, который, во время своихъ побѣдъ и торжества, не боялся оскорблять державу, которой, по его мнѣнію, ему нечего было опасаться, повелѣвал своимъ войскамъ вступитъ въ границы этой державы. Когда въ первый разъ счастье ему измѣнилось, то Наполеонъ послалъ нѣсколько нотъ въ Стокгольмъ, гдѣ его Посланникъ, Г. Алкье, согласно съ данными ему инструкціями, показывалъ въ рѣчахъ своихъ надмѣнность, можно сказать оскорбительную для Швеціи. Такія выходки Наполеона, послѣ изъявленія его гнѣва, послѣ покушенія учинить похищеніе, покушенія, которое никому иному кромѣ его приписать нельзя, должны были быть, и были въ самомъ дѣлѣ почтены Паслѣднимъ Шведскимъ Принцемъ, разставленною для уловленія его сѣтью. Онъ не дался въ обманъ; но чтобы согласить все, чего требовало отъ него новое его отечество, обязанности, присяги и воспоминанія о прежнемъ его отечествѣ, онъ написалъ къ

Императору нижеслѣдующее, исполненное твердости и обдуманное письмо. Письмо сіе много объясняетъ поступки Наполеона съ Бернадотомъ, потому что всякой пойметъ, что такому чловѣку, каковъ Наполеонъ, кто бы то ни былъ, не посмѣлъ напоминать событія, коихъ сираведливость могла бы подвергнуться наималѣйшему сомнѣнію.

«Ко мнѣ доставлены ноты, и я, по содержанію ихъ, не могу не объяснить Вашему Императорскому Величеству со всею свойственною мнѣ откровенностію.

«Когда желанія Шведскаго народа призвали меня наследовать тронъ, я надѣялся, покидая Францію, что могъ бы всегда согласить мои личныя уваженія съ пользами новаго моего отечества. Сердцу моему дорога была надежда, что оно можетъ сродниться съ любовію этого народа, въ тоже время сохранить воспоминанія о прѣжнихъ связяхъ моихъ, и никогда не упускать изъ виду ни славы Франціи, ни моей искренней привязанности къ Вашему Величеству; привязанности, основанной на совмѣстной нашей службѣ, которая отличилась столькими великими дѣлами.

«Въ сей-то надеждѣ я прибылъ въ Швецію. Я нашелъ вообще народъ, привязанный къ Франціи, но еще болѣе привязанный къ собственной своей свободѣ и къ своимъ законамъ; жаждущій

вашей дружбы, Государь, но не желающей приобрести ее цѣною чести и независимости. Посланникъ Вашего Величества разсудилъ за лучшее не обращать вниманія на такое національное чувство, и потерялъ все по причинѣ своей надмѣнности; сношенія его не имѣли и тѣни того уваженія, какимъ коронованныя главы взаимно другъ другу обязаны. Баронъ Алкье, при исполненіи намѣреній Вашего Величества, руководствуясь собственными страстями, говорилъ, какъ Римскій Проконсулъ, забывалъ, что онъ относится не къ невольникамъ.

«Посланникъ сей былъ причиною того недоверія, какое Швеція начала показывать къ намѣреніямъ Вашего Величества въ разсужденіи ея; послѣдующія событія необходимо должны были дать оному новый вѣсъ.

«Я уже имѣлъ честь, Государь, письмами моими отъ 19 Мая и 8 Декабря 1810 года, довести до свѣдѣнія Вашего Величества положеніе Швеціи, и желаніе ея найти въ особѣ Вашей покровителя. Она не могла принести молчанія Вашего Величества ничему иному, кромѣ незаслуженнаго равнодушія, и долгомъ ея было взять предосторожности противъ грозы, которая готовилась разразиться надъ Твердою Землею.

«Государь, родъ человѣчeskій претерпѣлъ уже слишкомъ много; въ продолженіи двадцати лѣтъ

земля обогрелась кровію—чтобы возвести славу Вашего Величества на высочайшую степень, не достаетъ вамъ только—положить конецъ снмъ бѣдствіямъ.

«Если Вашему Величеству угодно, чтобы Король представилъ на видъ Е. В. Императору Александру возможность примиренія, то я столь хорошо думаю о великодушіи сего Монарха, что смѣю увѣрить васъ, что онъ охотно выслушаетъ предложенія, однакозо справедливыя, какъ въ отношеніи вашей Имперіи, такъ и Сѣвера. Если бы такое неожиданное и всѣми вообще желаемое событіе могло случиться, то сколько бы молитвъ за Ваше Величество стали возносить къ Небу народы Твердой Земли! Признательность увеличилась бы въ той мѣрѣ, въ какой степени теперь они чувствуютъ ужасъ при мысли о возобновленіи небснаго наказанія, которое уже такъ тяготѣло надъ ними и котораго остались такіе ужасные слѣды.

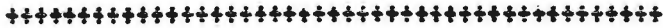
«Государь, одна изъ самыхъ счастливыхъ для меня минутъ съ самаго моего отъѣзда изъ Франціи, была та, когда я удостоивился, что Ваше Величество не совсѣмъ меня позабыли. Вы справедливо судили о моихъ чувствахъ. Вы угадали, какъ должна была оскорбить ихъ тяжкая мысль, что мнѣ придется или видѣть пользы Швеціи готовыми отдѣлиться отъ пользы Франціи, или же быть вынужденнымъ пожертвовать польза-

ми страны, которая меня усыновила съ неограниченною довѣренностію.

«Государь, хотя я Шведъ по чести, по долгу, и по исповѣданію, но чувствами своими соединенъ еще съ прекрасною Франціею, въ которой я родился, и которой всегда служилъ вѣрно съ самаго моего дѣтства. Каждый шагъ, который я дѣлаю въ Швеціи, покорность, въ ней мнѣ оказываемая, приводятъ мнѣ на память тѣ высокія и славныя событія, которыя были главною причиною моего возвышенія; я не скрываю отъ себя, что Швеція, избравъ меня, хотѣла принести дань уваженія къ Французскому народу.»

Таковы дошедшія до меня подробности о сношеніяхъ Наполеона съ Наслѣднымъ Шведскимъ Принцемъ; когда я открою странныя тайны, сокрытыя еще подъ непроницаемымъ покровомъ, который вмѣстѣ скрываетъ и нѣкоторыя тайны возстановленія, тогда увидятъ, какими средствами Наполеонъ, до своего надеянія, пытался насытить еще свою безплодную мстительность надъ Бернадотомъ.

Г Л А В А XIX.

Вредъ Континентальной торговли чувствуютъ въ Англіи.—Желаніе перемены. — Мишерва, и несправедливыя жалобы.— Два издателя.—Г. Архенгольдъ и Г. Бранъ.— Подозрѣніе Бонапартѣ. — Вице-Президентъ соединенныхъ Американскихъ Штатовъ. — Предписанный надзоръ. — Приказанія, отъ исполненія которыхъ уклонились. — Воспоминаніе о Вашингтонѣ.—Перѣздъ Наслѣдной Шведской Принцессы въ Гамбургъ.—Краткое пребываніе въ Швеціи. — Наступаетъ часъ Азіатическихъ городовъ.—Письма ко мнѣ отъ Г Шампани.—Привѣтствіе и въроломство Императора.—Отъездъ мой въ Парижъ. — Курьеръ, который мнѣ полагается въ Маннцъ.—Г. ле Роа, Французскій Консулъ въ Гамбургъ.—Шесть новыхъ Департаментовъ. — Неудовольствія Россіи.—Предвѣщанія близкой войны. — Поддѣльная дружба.

Въ Декабрѣ 1810 года бѣдное состояніе, въ какомъ томилась Континентальная Европа, начало быть ощущаемо въ Англіи; Гамбургское

Коммерческое Общество получило отъ своего повѣреннаго въ Лондонѣ, человѣка оченъ свѣдущаго, письмо, которое было мнѣ сообщено, и изъ котораго я сдѣлалъ слѣдующую выписку: «Мы находимся весьма въ жалкомъ положеніи; неудовольствіе вкрадывается во всѣхъ классахъ и можно опасаться, что сдѣлается всеобщимъ. У насъ конечно есть еще коммерція, но это коммерція убытковъ, къ которымъ надобно присоединить и тотъ, который происходитъ отъ курса. Балтійскія дѣла стоили нашимъ компаніямъ огромныя суммы; онѣ очень въ затруднительномъ положеніи. Всѣ вообще желаютъ переменъ.» Такого рода извѣстія доходили прямо до сердца Наполеону, потому что для него ничего не было пріятнѣе мысли о затруднительномъ положеніи дѣлъ на биржѣ въ Лондонѣ, что онѣ приписывалъ своей удивительной Континентальной системѣ; но сему-то я не упустилъ отправить къ нему въ Парижъ копію съ вышепомѣщенной выписки.

Въ то же время, то есть 6 Декабря, я получилъ письмо отъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ; онѣ писалъ мнѣ, что Императоръ жалуется на ежемѣсячно издаваемый въ Гамбургѣ журналъ подъ названіемъ *Минерва*, и котораго много расходилось въ Германіи и на Сѣверѣ. Между прочими нумерами, мнѣ замѣчали Октябрскій, и съ довольно большою досадою попрекали въ

томъ, что я не воспротивился выходу онаго въ свѣтъ. Этотъ нумеръ не содержалъ въ себѣ совершенно ничего такого, чтобы могло навлечь малѣйшее осужденіе за то, что къ выпуску его не сдѣлано препятствія; это доказать было мнѣ легко, пославъ въ Парижъ вѣрный переводъ тѣхъ статей, которыми были недовольны. *Минерва* не только не показывала себя враждебною къ Императору, но попеченіями моими сдѣлалась совершенно Французскимъ журналомъ, по мнѣніямъ и правиламъ. Издателемъ сихъ листовъ былъ прежде Г. Архенгольцъ, бывшій Капитанъ Прусской службы. Этотъ достойный человекъ, будучи закоренѣлымъ Англоманомъ, имѣлъ, какъ естественно, неослабную склонность наполнять свой журналъ статьями, согласными съ его британическими предразсудками. Въ продолженіи четырехъ лѣтъ изданія имъ *Минервы*, мнѣ величайшаго труда стоило останавливать его и не давать помѣстить что либо такое, что могло бы навлечь неудовольствіе, а онъ къ этому былъ очень склоненъ. Иногда мнѣ удавалось убѣдить его къ помѣщенію статей въ пользу Франціи и очень благосклонныхъ къ ея системѣ. Я успѣлъ уговорить его отказаться отъ изданія *Минервы*, и онъ наконецъ передалъ свой журналъ Г. Брану, молодому человеку, полному ума, и который показывалъ много уваженія и привязанности къ Французамъ.

По сему, когда мнѣ сообщены были жалобы Императора, то есть годъ спустя послѣ того, какъ Г. Бранъ сдѣлался издателемъ *Минервы*, не было уже никакой возможности, чтобы листки сіи содержали какую либо непріязненную Франціи статью; напротивъ того духъ, въ какомъ Г. Бранъ составлялъ свои листы, навлекъ на него много непріятелей, и онъ безпрестанно былъ цѣлюю обидныхъ ванадковъ со стороны Англійскихъ партизановъ, число которыхъ значительно умножилось послѣ частыхъ ударовъ, кои Наполеонъ наносилъ Германіи.

Бонапарте, посреди своей славы и могущества, былъ такъ мнителенъ, что самая бездѣлица могла напугать его, и тотчасъ надлежало Полиціи его распространить свои дѣйствія на все пункты, гдѣ наималѣйшая вещь могла въ умъ его породить тѣнь сомнѣнія. Я помню, что около тогоже времени Эксъ-Вице-Президентъ Соединенныхъ Штатовъ, Г. Барръ, недавно прибывшій въ Альтону, былъ мнѣ означенъ какъ опасный человекъ, за которымъ мнѣ вѣрно присматривать, сколько возможно ближе, и даже арестовать его при малѣйшемъ сомнительномъ поступкѣ, если онъ пріѣдетъ въ Гамбургъ. Прошавъ тѣ времена, когда голосъ Г. де Фонтаня пріятно ласкалъ слухъ Перваго Консула, когда въ Марсовомъ храмѣ онъ сравнивалъ его съ Вашингтономъ. Не было болѣе надобности

обманывать Францію, чтобы покорить ее магическому слову свобода; проблема ограничивалась тѣмъ, что безпрестанно все тяжель свинцовое иго угнетало всякое мнѣніе и задушало мысль, точно какъ подъ колоколомъ воздушнаго насоса, когда изъ него выгнать воздухъ. Въ то время человѣкъ былъ подозрителенъ потому только, что онъ дышалъ свободнымъ воздухомъ въ странѣ независимой. Г. Барръ былъ одинъ изъ числа тѣхъ людей, въ разсужденіи которыхъ я принялъ на себя не выполнять предписаній безпокойной Парижской Полиціи. Какъ скоро узнали о прибытіи его въ Альтону, Министръ Полиціи сообщилъ мнѣ приказаніе окружить его мѣрами надзора, которыя равняются съ гоненіями. Я отвѣчалъ Министру, что Г. Барръ велъ себя въ Альтонѣ съ большимъ благоразуміемъ и скромностію, очень мало съ кѣмъ видался, и что объ немъ почти совсѣмъ не говорили: это все было правда. Ни мало не видя въ немъ человѣка, заслуживающаго надзоръ, я когда узналъ, что онъ желаетъ ѣхать въ Парижъ, исходатайствовалъ ему паспортъ, за которымъ онъ ѣздилъ въ Фракфуртъ, гдѣ ему также хотѣлось побывать, и я никогда не слыхалъ, чтобы этотъ *опасный* гражданинъ въ чемъ бы то ни было подвергнулъ опасности Государственное спокойствіе. 4 Декабря я имѣлъ честь видѣть Паслѣдную Принцессу Швед-

скую, которая сего числа прибыла въ Гамбургъ, проездомъ въ Стокгольмъ къ своему супругу. Она очень недолго осталась въ Швеціи — кажется по большей мѣрѣ два мѣсяца; ей не понравился климатъ древней Скандинавіи. Что касается до Наслѣднаго Принца, то онъ привыкъ къ этому климату очень легко, потому что всегда по цѣлымъ годамъ былъ употребляемъ на службу на Сѣверѣ. Говоря объ немъ, вспоминаю одно замѣчательное обстоятельство, которое я пропустилъ въ предыдущей главѣ, и которое доказываетъ хорошее расположеніе Бернадота къ Франціи, а именно, что Швеція объявила войну Англіи черезъ мѣсяць по прибытіи Наслѣднаго Принца въ Стокгольмъ; уже вынужденный Наполеономъ, онъ долженъ былъ сдѣлать выборъ между независимостью и рабствомъ той страны, въ которую онъ былъ призванъ съ тѣмъ, чтобы современемъ управлять ею, и выборъ его не могъ быть сомнителенъ. После тѣхъ трехъ дней, которые я имѣлъ счастье провести съ нимъ вмѣстѣ, мое пребываніе въ Гамбургъ продолжалось недолго, потому что яростная склонность дѣлать вторженія въ чужія земли не имѣла болѣе границъ въ умѣ Наполеоновомъ, и часъ Анзатическихъ городовъ насталъ. Читатели увидятъ, какъ Бонапарте, въ разсужденіи меня, на минуту свинулъ съ себя львиную кожу и сдѣлался лисою, а потомъ

опять принялъ львиный видъ. Захватывая города и цѣлыя страны, которые онъ изнурялъ многочисленными способами, онъ исполнялъ только давнишнее свое намѣреніе; впрочемъ я былъ отозванъ съ большими церемоніями, подъ тѣмъ правдоподобнымъ предлѣгомъ, что Императору угодно было знать мое мнѣніе о здѣшней землѣ. Въ первыхъ числахъ Декабря я получилъ отъ Г. де Шампаньи письмо, въ которомъ сей Министръ извѣщалъ меня, что Императоръ желаетъ меня видѣть, чтобы посоветоваться со мною о разныхъ предметахъ относительно Гамбурга. Въ этомъ льстивомъ посланіи мнѣ говорили: *что пріобрѣтенныя мною посредствомъ долгаго пребыванія свѣдѣнія, какъ относительно положенія Гамбурга, такъ и Сѣверной части Германіи, могутъ быть полезны общему благу, и что это будетъ самая пріятная за труды мои награда.* Увидите, какой ожидалъ меня пріемъ.

Окончаніе этого письма было чрезвычайно лестно—на счетъ того, какъ я исправлялъ возложенныя на меня обязанности. Я получилъ письмо сіе 8 Декабря, и на другой день отправился въ Парижъ, куда ѣхалъ со всевозможною поспѣшностію. Прибывъ въ Майнцъ, я могъ сдѣлать уже себѣ ясное повліе о цѣнѣ этихъ прекрасныхъ привѣтствій, и о томъ, какъ дорого было для Императора имѣть мое мнѣніе объ

Анзатическихъ городахъ; я встрѣтилъ въ Манн-цѣ курьера, съ извѣстіемъ о присоединеніи ихъ къ Французской Имперіи. Признаюсь, что не смотря на пріобрѣтенное мною во многихъ обстоятельствахъ познаніе о двуличности, или лучше сказать, безконечномъ числѣ хитростей Бонапарте, въ семъ случаѣ онъ меня обманулъ на чисто. Я уже въ этомъ не сомнѣвался, узнавъ содержаніе депешей, привезенныхъ курьеромъ; да если бы во мнѣ и осталось какое сомнѣніе, то оно совершенно бы исчезло по прібытіи моемъ въ Парижъ. Я неспыталъ тамъ то, что Бонапарте предсказалъ о Моро, я не могъ пробраться въ Тюльери, и однимъ словомъ, не видѣлъ Императора; я узналъ, что мое мѣсто уже не существуетъ. Г. Лероа былъ назначенъ Генеральнымъ Консуломъ въ Гамбургъ; что касается до моихъ дипломатическихъ обязанностей, то очевидно было, что я не могъ тутъ имѣть себѣ преемника, потому что города, при которыхъ я былъ уполномоченъ, присоединены къ великой Имперіи. Я имѣлъ удовольствіе узнать о томъ оффиціально изъ перваго прочитаннаго мною Монитера, въ которомъ я прочелъ снисходительную формулу Сенатскаго опредѣленія, коимъ, по праву сильнаго, присоединились къ Французской Имперіи города Анзатическіе, Лауембургъ, и земли, лежащія между Сѣвернымъ моремъ и чертою, проведенною

отъ мѣста соединенія Липпы съ Рейномъ до Галтерена, отъ Галтерена до Эльмса выше Тельгета, отъ Эльмса до соединенія Верры съ Везеромъ, и отъ Солцевау на Везеръ къ Эльбѣ, выше впаденія въ нее Стеккенитца. Сѣмъ соединенными провинціи, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ частей раздробленной Голландіи, воспріяли собирательное имя Зюйдерзее, и были раздроблены на десять Департаментовъ, изъ коихъ Департаменту Устьеви Эльбы назначенъ столицею несчастный городъ Гамбургъ, который потерпѣлъ съ покорностію столько жертвъ, въ надеждѣ сохранить тѣмъ независимости.

Такое новое и важное разширеніе границъ не могло не быть причиною безпокойства для Россіи; еще до отъѣзда моего изъ Гамбурга, Сѣверная переписка единогласно намъ изображала бѣдствія народовъ, и начинали говорить о неудовольствіи Императора Александра; въ это время въ Германіи мы имѣли только четыре дивизіи, а остальные наши войска были въ Пенаніи или въ Голландіи. Съ нѣкотораго времени не трудно было угадать, что Русскій Императоръ, имѣя въ намѣреніи избавить своихъ подданныхъ отъ разорительнаго дѣйствія Континентальной Системы, не упуститъ перваго случая къ тому, чтобы избавиться отъ тягостнаго вліянія Франціи, и такъ какъ нельзя было обманываться на счетъ мѣръ, какія тогда

приметь Наполеонъ, то Россія молча занялась увеличеніемъ своей арміи. Французскій Посланникъ, узнавъ о томъ, вошелъ съ представленіями по сему предмету въ Петербургскій Кабинетъ, но ему въ оправданіе приведено на видъ, что у Россіи продолжается еще война съ Турцією. При такихъ причинахъ къ неудовольствію, я полагалъ на вѣрное, что присоединеніе къ Франціи Анзеатическихъ городовъ и Герцогства Ольденбургскаго, покажетъ Русскому Императору, что Наполеонова система вторгаться въ чужія границы не имѣетъ мѣры, и разрывъ незамедлитъ послѣдовать, не смотря на наружное дружество обоихъ Императоровъ. Наконецъ Континентальная Система уничтожала всякаго рода коммерцію чрезъ Балтійскіе порты, а отъ сего Россія показывала болѣе расположенія къ Англичанамъ, и мало по малу, послѣ взаимныхъ обвиненій и неудовлетворительныхъ извиненій, наступила славная война, коей пагубныя послѣдствія такъ хорошо опредѣлялъ Г. Талейранъ, который назвалъ войну сію, какъ извѣстно, началомъ конца.

Г Л А В А XX.

Жадность до новостей.—Первая аудиенція Г. де Шампаньи.—
Бонапарте велѣлъ отъ меня потребовать шесть милліоновъ.
—Грубый отвѣтъ.— Затрудненіе Министра, какъ пересказа-
ть объ отвѣтъ мѣсь Императору.—Новая Палата Ино-
странныхъ Дѣлъ.—Бонапарте грызетъ себя ногти.—Воспо-
минаніе о Консульствѣ и разорительный совѣтъ.—Разска-
занныя мнѣ подробности о женитьбѣ Наполеоной.—Пре-
провожденіе Маріи Луизы въ Брауну.— Наполеонъ на
островъ Св. Элены.—Генераль Иньеръ.—Вѣрность моихъ
прежнихъ друзей.—Посѣщеніе Дюрока и разговоръ съ
нимъ.—Прерванныя сношенія между Наполеономъ и Иозе-
финою.—Прощескія слова Императора.— Возложенная
на Раппа должность при бракосочетаніи.—Пѣздка въ
Мальмезонъ.—Впечатленіе отъ мѣсть и воспоминанія.—
Иозефина и Гортензія.—Грусть Иозефины и жестокость Бо-
напарте.—Иозефина раясказываетъ мнѣ о своемъ разводѣ.—
Торжество честолюбія — Несчастія предвѣщанія въ на-
родѣ.—Марія-Луиза и Марія-Антуанета.—Всеобщее осуж-
деніе развода.—Слабое облегченіе грусти Иозефины.

По прибытіи въ Парижъ, я жаждалъ узнать
тѣ новости, которыя не относятся прямо къ по-

литикъ, имѣють съ нею какое-то сродство. Я зналъ уже хорошо изъ дружескихъ писемъ, о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, которыя преслѣдовали женитьбу Наполеона на Эрцъ-Герцогинѣ Маріи-Луизѣ; которыя сопровождали сію женитьбу и послѣдовали за нею; но были такія подробности, въ которыя не осмѣливались входить въ письмахъ, потому что знали, сколько можно полагаться на содержаніе въ тайнѣ писемъ. Въ это время шпионство въ Парижѣ сдѣлалось таково, что смѣли повѣрять другъ другу свои мысли только въ самомъ маленькомъ обществѣ, и когда были совершенно увѣрены въ тѣхъ, при комъ говорили. Такъ какъ я, находясь при Наполеонѣ, говорилъ всегда открыто, то мнѣ нечего было опасаться доносовъ, какіе бы могли ему сдѣлать на мой счетъ, потому что я не говорилъ ничего такого, чегобы не сказалъ ему въ глаза; впрочемъ я объявлялся всегда съ осторожностію, которую соблюдать, при моемъ положеніи, я считалъ за долгъ.

Утверждалъ, что я не говорилъ ничего объ Императорѣ такого, чего бы не сказалъ ему въ глаза, я могу здѣсь привести въ доказательство то, что произошло въ одной изъ первыхъ аудіенцій, которыя я имѣлъ съ Г. де Шампаньи. Этотъ благородный человѣкъ получилъ касающіеся до меня приказанія, и долженъ былъ ихъ исполнять. «Императоръ, сказалъ мнѣ Министръ,

«сдѣлалъ мнѣ къ вамъ порученіе!» Когда вы увидите Буріенна, сказалъ мнѣ Его Величество, «скажите ему, чтобы онъ внесъ шесть милліоновъ въ ваше казначейство, на издержки для построенія новой Палаты Иностранныхъ Дѣлъ.» Я такъ былъ изумленъ грубою неприличностію требованія Императора, что стоялъ нѣсколько минутъ какъ вкопанный. Такъ эта-то награда меня ожидала за то, что чрезъ мои руки перешло, какъ деньгами, такъ и запасами, въ продолженіи моего пребыванія въ Гамбургѣ, почти на сто милліоновъ, конны Императоръ, его казна и армія воспользовались во время величайшей бѣдности! Министръ, видя, что я не отвѣчаю, и объявивъ мнѣ, что Императоръ не хочетъ принять меня, спросилъ, какой отвѣтъ онъ долженъ сдѣлать Императору. Я все молчалъ, а Министръ все настоятельно требовалъ моего отвѣта. «Ну, сказалъ я Г. де Шампаньи, постарайтесь сказать ему, чтобы онъ убирался къ» Разумѣется, что Министръ старался получить отъ меня другой отвѣтъ, съ отъменною мною сказаннаго, но я его не потѣшилъ, и въ послѣдствіи чрезъ Дюрока узналъ, какъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ принужденъ былъ доложить Императору собственныя мои слова. «Ну, спросилъ его Наполеонъ, видѣли вы Буріенна?—Видѣлъ, Государь. — Сказали ли ему, что я хочу, чтобы онъ внесъ въ ваше казна-

«чейство шесть милліоновъ? — Сказаль, Государь.—А что онъ отвѣчалъ на это?—Государь, «я не смѣю пересказать Вашему Величеству «его отвѣта. — Что же онъ сказаль такое? я «хочу знать. — Если Ваше Величество изволите «мнѣ приказывать.— Г. Буріеннъ сказаль, чтобы «Ваше Величество убирались къ !— А! а! «онъ такъ сказаль!» Съ сими словами Императоръ отошелъ къ окну и грызъ ногти, почти также какъ-то дѣлываль Бертъе, давая, безъ сомнѣнія, полную свободу своимъ мыслямъ, какъ бы хорошенько отметить мнѣ; но подумавъ немного, онъ возвратился къ Министру и говорилъ съ нимъ совсѣмъ о другихъ предметахъ. Бонапарте такъ свыкъся съ мыслию заставить меня заплатить шесть милліоновъ на достройку его Палаты Иностранныхъ Дѣлъ, что всякой разъ, когда онъ проѣзжалъ мимо сего строения, говорилъ бывшимъ съ нимъ: «Однакоже надобно, чтобы Буріеннъ заплатилъ «за это!»

Помнитъ ли читатель рассказанный мною анекдотъ, когда я говорилъ о времени, послѣдовавшемъ по нашемъ помѣщеніи въ Тюліери? Я тогда замѣтилъ Первому Консулу отвратительный видъ, какой представляла Лагушечья набережная (le quai de la Grenouillère), которая послѣ сдѣлалась Бонапартовскою набережною. Но истиннѣ, если бы я не имѣлъ такого неспра-

ведливаго негодованія на Египетское притѣсненіе, которымъ меня собирався наградить Наполеонъ, я бы имѣлъ право, не принявъ такъ горячо это дѣло, раскаяться въ томъ совѣтѣ, который я первый ему подаль, — заняться украшеніемъ этой части Парижа. По его мнѣнію, совѣтъ сей стоилъ бы мнѣ немного дорого.

Какъ бы то не было, сдѣлавшись частнымъ человѣкомъ и давъ волю теченію моихъ мыслей и замѣчаній относительно всего происшедшаго во время моего отсутствія, я очень забавлялся, узнавая подробности Наполеоновой женитьбы, и если кто поставитъ себя на мое мѣсто, такъ вѣрно пойметъ все, что должно было приходиться мнѣ въ голову, когда я видѣлъ, что прежній мой школьный товарищъ, пустившійся въ свѣтъ съ видами на удачу, по большей мѣрѣ равными тѣмъ, какіе я самъ могъ имѣть, возведенъ своею судьбиною и зять Австрійскаго Императора. Бертье былъ посланъ въ Вѣну съ уполномочіемъ обвѣнчаться съ новою Французскою Императрицею; прежде его, Г. Лабордъ, Камергеръ и человѣкъ разсыянный, имѣлъ порученіе сдѣлать первый приступъ къ переговорамъ о семъ бракѣ, когда Наполеонъ не зналъ еще, кому изъ Принцессъ, Саксонской, Русской или Австрійскій, бросить Императорскій платокъ свой.

Во время пребыванія моего въ Гамбургъ, я

зналъ большую часть описываемых мною обстоятельствъ, но довольно неподробно, тѣмъ болѣе потому, что долженъ былъ заниматься дѣлами лично для меня важнѣйшими; я былъ только глубоко опечаленъ тѣмъ, что долженствовала вытерѣть превосходная Иозефина, видя совершающіеся на самомъ дѣлѣ давно ея предвидѣнное событіе.

Когда кончены были все соглашенія съ Вѣнскимъ Дворомъ, который давалъ столько Королеву Франціи, и почти всегда за ними въ приданое—несчастіе, отпускъ Императрицы Маріи-Луизы долженствовалъ быть совершенъ близъ Браунау, и здѣсь, въ примѣчаніяхъ, съ удовольствіемъ помѣщаю конію съ церемоніала, какой присемъ важномъ случаѣ наблюдать надлежало (*). По моему мнѣнію, это очень любопыт-

(*) *Распоряженіе о церемоніалахъ для отпуску Е. В. Императрицы въ Браунау.*

По изготовленіи, какъ приказано, палатки, Ея Величество Императрица пріѣдетъ ровно въ полдень. Статсъ-Дама, дамы и все придворнослужащія Ея Величества должны отправиться изъ Браунау, такъ чтобы прибыть къ палаткѣ въ половинѣ двенадцатаго часа. Принцъ Певнательскій, Коммисаръ Императора и Короля, прибудетъ туда въ томъ же часу. Ея Величество Королева Пеанонитанская приглашена будетъ въ палатку къ половинѣ двенадцатаго часа.

Все лица, принадлежащія къ Французскому кортежу, введены будутъ Французскимъ входомъ и поставлены по указанію церемоніймейстеровъ. Шталмейстеръ Императрицы, по сношенію съ ними, сдѣластъ свои распоряженія.

ное сочиненіе, сдѣлалось и еще любопытнѣе со времени изгнанія на островъ Св. Елены и Губернаторства Генерала Шнера, главнаго

Генераль Фріанъ дастъ приказаніе, чтобы поставлены были часовые снаружи и вокругъ загородки, окружающей палатку. Въ сторонѣ Австрійской не должно быть никого, кромѣ принадлежащихъ Австрійской службѣ, а на сторонѣ Французской, только принадлежащіе къ Французской службѣ — Иностранца не будетъ ни одного.

Для наблюденія за нимъ порядкомъ будетъ назначенъ Штабъ-Офицеръ и поставятся небольшіе патрули. Г. де Сегоръ, по сношенію съ Генераломъ Г. Фріаномъ, распорядится о назначеніи какого либо соблюденія порядка при вступленіи Австрійскаго конвоя.

Ея Величество отдохнувъ, войдетъ въ залу имъ назначенную для церемоніи отпуски, въ сопровожденіи своего Австрійскаго кортежа, и сядетъ въ кресла; во кругъ помѣстятся ея дамы и придворныя, по лѣвую сторону ея станетъ Австрійскій Коммисаръ, на котораго возложено выполнить отпускъ. Церемонимейстеръ Вискаго Двора, или заступающій его мѣсто, пойдетъ за Французскимъ Коммисаромъ, дамами и чинами, которые назначены для находенія при Императрицѣ; всѣ эти особы соберутся въ комнату наименованной Французскою, и станутъ по Французскую сторону.

Королева Неаполитанская будетъ находиться во Французской комнатѣ, съ Французскимъ кортежемъ. Она будетъ сидѣть въ креслахъ—окружаютъ ее чины ея двора. Она останется въ этой комнатѣ вовсе продолженіе церемоніи отпуски. Французскій Коммисаръ и кортежъ взойдутъ Французскою дверью въ среднюю залу, занимаемую Императрицею. Войдя въ залу кортежъ остановится.

Одинъ Французскій Коммисаръ въ сопровожденіи Церемонимейстеровъ Австрійскаго и Французскаго, подойдетъ къ Императрицѣ и, сдѣлавъ ей три поклона, скажетъ Ея Величеству привѣтствіе, въ коемъ объяснитъ предметъ своего Посольства.

Посль отвѣта Императрицы Австрійскій Церемонимейстеръ,

управляющаго Великой Герцогини Пармской и Пiacенской, которой города съ Герцогскимъ титуломъ были въ Удѣльномъ владѣнiи двухъ товарищей Наполеона по Консульству. Всѣ та-кія превратности счастiя еще и по сію пору изумляютъ меня, когда о нихъ вспомню.

Читатели видѣли, что я не удостоился чести видѣть вблизи величіе Императорскаго двора; я дѣйствительно сожалѣлъ, что вопреки моимъ надеждамъ, не былъ допущенъ къ Наполеону, какъ вдругъ получила письмо отъ Министра Иностран-ныхъ Дѣлъ, который приглашалъ меня въ Па-рижъ, — только за чѣмъ? Бонапарте не хотѣлъ болѣе имѣть меня при себѣ; но впрочемъ онъ не могъ теперь изъяснить страха, что будутъ гово-рять, будто бы онъ не могъ безъ меня обойтись, потому что очень хорошо обходился цѣлые семь лѣтъ. Узнавъ отъ Г. Шампаньи его рѣши-мость по сему предмету, я остался покоенъ, и съ величайшимъ удовольствіемъ видѣлъ, что не смотря на немилость ко мнѣ, тѣ изъ старыхъ друзей моихъ, которые были люди благородные,

укажетъ Французскому Коммисару на Австрійскаго. Оба Ком-мисара взаимно другъ другу поклонятся и скажутъ привѣтствіе. Австрійскій Коммисаръ будетъ привѣтствовать первый.

За симъ приступать къ усмотрѣнію уполномочій. Австрійскій Статскій Совѣтникъ, исправляющій должность Секретаря прочтетъ уполномочіа Австрійскаго Императора своему Коммисару, а Французскій Статскій Совѣтникъ, исправляющій должность Секретаря, прочтаетъ уполномочіа, данныя Императоромъ Французамъ своему Коммисару.

изъявляли мнѣ ту же дружбу, какъ и прежде. Я видѣлся часто съ Дюрокомъ, который удалялся нѣсколько минутъ отъ своихъ занятій, чтобы разговаривать со мною о томъ, что происходило послѣ выхода моего изъ Кабинета Бонапарте. Дюрокъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія преданъ Императору, но преданность его не была безъ всякаго размышленія и не такая, которая все одобряетъ, не разсудивъ. Онъ былъ на сторонѣ основанія Имперіи; но глядѣлъ не безъ безпокойства на разводъ Императора; онъ говорилъ мнѣ объ этомъ, какъ о пагубномъ случаѣ для будущаго, и я изъ всего, что онъ мнѣ сказалъ, видѣлъ ясно, что самъ Императоръ сдѣлалъ шагъ сей не безъ какого-то содроганія. Не помѣщая здѣсь отъ слова, до слова, моихъ разговоровъ съ Дюрокомъ, чтобы сдѣлать мнѣ было затруднительно, потому что въ семь случаевъ память моя была бы мнѣ единственнымъ пособіемъ, я думаю, что не погрѣшу противъ истины, изложивъ сіи разговоры слѣдующимъ образомъ:

Когда возвратясь изъ послѣдней Австрійской кампаніи, Наполеонъ остановился въ Фонте-небло, Иозефина, какъ я сказалъ выше, къ нему туда пріѣхала; тамъ въ первый разъ велѣлъ онъ уничтожить бывшія до того всегда сообщенія между комнатою его собственною и жены его; я, какъ помнится, говорилъ, что пока я находился при немъ, то сообщенія сіи были еще ближе, потому что существовала

только одна постель. Иозефина не стала себя обманывать относительно плачевныхъ предзнаменованій, какія она должна была заключить изъ сего супружескаго разлученія, и Дюрокъ мнѣ рассказывалъ, что она велѣла позвать его въ свою комнату, гдѣ онъ засталъ ее всю въ слезахъ: «Я погибла,» сказала она ему такимъ голосомъ, отъ котораго Дюрокъ былъ еще разтроганъ, рассказывая мнѣ сіе; «я погибла! все для меня кончено! какъ скрыть мое поношеніе? Вы, Дюрокъ, вы были всегда до меня добры—вы и Раппъ; не вы уговорили его къ разлукѣ со мною; это мои непріатели, Савари, Жюно, такъ ли? Они еще болѣе враги ему, чѣмъ мнѣ! А мой бѣдный Евгеній! что съ нимъ будетъ, когда онъ узнаетъ, что неблагодарный развелся со мною? да Дюрокъ, неблагодарный. Боже мой! Боже мой! что съ нами будетъ?» Иозефина рыдала, говоря такимъ образомъ Дюроку, а вскорѣ и я самъ увидѣлъ ея слезы, когда она говорила мнѣ о своей разлукѣ.

Прежде того страннаго требованія, которое объявить мнѣ поручено было Г. де Шампаньи, я просилъ Дюрока, узнать отъ Императора, по чему онъ не хотѣлъ меня видѣть; великій Маршалъ вѣрно исполнилъ мое порученіе, но вмѣсто всякаго отвѣта были насмѣшливыя слова, которыя онъ мнѣ пересказалъ въ точности: «Ну, да! сказалъ Императоръ, не дать ли мнѣ аудіен-

«цію Буріенну! это заставить болтать весь Парижъ; въ Гамбургѣ онъ всегда былъ на сто-
рону эмигрантовъ; онъ станетъ мнѣ говорить
«о нашемъ старомъ времени; онъ былъ за Иозе-
фину! . . . Жена моя скоро родить, Дюрокъ;
«у меня будетъ сынъ, я въ томъ увѣренъ! . . .
«Буріеннъ устарѣлъ для нынѣшняго времени;
«послѣ его отъѣзда я сдѣлалъ гигантскіе ша-
ги. Я не хочу его видѣть, да это же будетъ
«и бесполезно. Онъ любитъ все осуждать; это
«уже у него въ характерѣ, а ты знаешь, мой
«добрый Дюрокъ, что я такихъ людей не
«люблю!»

Не прошло болѣе недѣли по пріѣздѣ моемъ
въ Парижъ, какъ Дюрокъ пересказалъ мнѣ слова
Наполеона. Ранга, къ большому моему сожа-
лѣнію, тамъ не было; на него, противъ воли, воз-
ложена была особенная должность по случаю
церемоніи бракосочетанія, но у него вырвалось
нѣсколько словъ на счетъ Сен - Жерменскаго
предмѣстія, о которомъ Наполеонъ думалъ, что
онъ плѣнилъ оное союзомъ своимъ съ Австрій-
скимъ Домомъ; слова эти не понравились Го-
сударю, и Раппъ вскорѣ получилъ повелѣ-
ніе ѣхать въ Данцигъ, гдѣ онъ былъ уже Гу-
бернаторомъ.

Мое положеніе въ Парижѣ было очень за-
труднительно; отказъ Императора меня видѣть,
придавалъ что то двусмысленное моимъ обсто-

тельствамъ, и я не рѣшался сначала, увидѣться ли мнѣ съ Иозефиною, или нѣтъ. Дюрокъ убѣрилъ меня, что Наполеонъ тутъ не найдетъ ничего дурнаго, и я письменно просилъ дозволенія ее увидѣть; въ тотъ же день получилъ отвѣтъ, а на завтра отправился въ Мальмезонъ. Какое мѣсто для меня! въ какихъ обстоятельствахъ я его опять увидѣлъ! и сколько пріятныхъ и горестныхъ воспоминаній, наполнили мою душу въ продолженіе небольшого перехода отъ ограды до малинкой гостинной, сдѣланной въ видѣ палатки, гдѣ я нашелъ Иозефину, которая прогуливалась съ своею дочерью Гортензіею! Когда я вошелъ, Иозефина протянула ко мнѣ руку и сказала только: «Ну! другъ мой!» Она произнесла слова сіи съ такимъ глубокимъ душевнымъ движеніемъ, воспоминаніе о которомъ и теперь еще можетъ меня разстрогать—слезы не дали ей продолжать. Она сѣла на стоящій по лѣвую сторону камина диванъ, сдѣлала мнѣ знакъ, чтобы я сѣлъ возлѣ нея, и я видѣлъ, какъ Гортензія, стоя у камина старалася скрыть катившіеся изъ глазъ ея слезы.

Иозефина взяла меня за руку, сжимала ее обѣими своими руками—слезы долго заглушали ея голосъ; наконецъ преодолевъ себя немного, она сказала: «Любезный Бурисниъ, я претерпѣла все возможное несчастіе. Онъ меня оставилъ, кинулъ; онъ покрылъ меня суетнымъ

«титоломъ Императрицы, только для того, что-бы сдѣлать поношеніе мое явнѣе. Ахъ! какъ «мы хорошо объ немъ судили.» Я никогда себя «не обманывала на счетъ моей судьбы; да чѣмъ «бы онъ не пожертвовалъ своему честолюбію!» Въ эту минуту одна изъ дамъ Королевы Гортензіи вошла и сказала Ея Величеству, что ея спрашиваютъ; она осталася еще нѣсколько минутъ съ нами, вѣроятно, чтобы оправиться отъ своего очень замѣтнаго смущенія, потомъ вышла, такъ, что я осталася одна съ Юзефиною, чего мы оба сильно желали. Юзефина имѣла нужду излить чувства своей горести, а я, съ своей стороны, неменѣе любопытствовала услышать отъ нея самой изъясненія ея несчастія и горестей; женщины такъ прелестно рассказываютъ о своихъ огорченіяхъ!

Юзефина подтвердила мнѣ то, что я слышала отъ Дюрока относительно прекращеннаго сообщенія между двухъ комнатъ въ Фонтенбольшкомъ дворцѣ; потомъ перейдя къ тому времени, какъ Бонапартъ объявилъ ей о необходимости развода: «Любезный Буріенинъ, сказала она, вы цѣлые годы «проехали съ нами, и въ продолженіи этаго времени все видѣли, все знали, все слышали; вы «знаете, что я отъ васъ никогда не имѣла ничего «тайнаго, и вы были свидѣтелемъ моихъ печальныхъ предвидѣній. Онъ все выполнилъ съ «такою жестокостію, что вы и вообразить не

«можете. Я играла до конца свою роль женщины на семь свѣтъ. Я все вытерпѣла и покорялась судьбѣ моей.» При сихъ послѣднихъ словахъ, на губахъ Иозефины показалась какаюто горькая улыбка, которая принадлежитъ исключительно женщинамъ, и которая не можетъ не тронуть до глубины сердца. «Въ какомъ принужденіи, продолжала она, провела я послѣднее время, когда не будучи уже болѣе его женою, была принуждена еще казаться «сею предъ всѣми глазами! Какіе взгляды, другъ мой, придворные кидали на разведенную женщину! Въ какомъ мракѣ, въ какой неизвестности, жесточайшихъ самой смерти, проводила я дни свои, до той пагубной минуты, когда онъ наконецъ признался мнѣ въ томъ, что я «давно уже читала на лицѣ его! Это было 50 «Ноября (*); какой видъ имѣлъ онъ въ этотъ день, «сколько злоковарнаго было въ его въ взглядѣ! «Мы обѣдали вмѣстѣ, какъ обыкновенно; мнѣ «надобно было задушать мои слезы, которыя «противъ воли текли изъ глазъ моихъ. Въ продолженіе этаго печальнаго обѣда, я не говорила «ни слова, а онъ прервалъ молчаніе, только «спросивъ у одного изъ служителей, какова погода? Что касается до меня, то я хорошо видѣла, что погода была бурливая, и буря вскорѣ

[*] 50 Ноября 1809 года, следовательно за годъ, и одиннадцать дней до отъезда моего въ Гамбургъ.

«разразилася. Какъ скоро Бонапарте папился кофе, онъ всѣхъ выселать, а я осталася съ нимъ одна. Какой видъ, Буріеннъ, какой взглядъ имѣлъ онъ! Я читала въ измѣненіяхъ лица его, какая борьба происходила въ его душѣ, но наконецъ увидѣла, что часъ мой насталъ. Онъ трепеталъ, и я содрогалася всѣми членами. Онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку, съ минуту посмотрѣлъ на меня молча, и наконецъ произнесъ эти гибельныя слова: *«Иозефина! добрая моя Иозефина! ты знаешь, любилъ ли я тебя! . . . Тебѣ, тебѣ одной обязанъ я единственнымъ минутами счастья, какія испыталъ я на здѣшней свѣтѣ. Иозефина, судьба моя сильнѣе моей воли. Самые дорогія мои привязанности должны умолкнуть предъ пользами Франціи.—* Не говорите болѣе, я имѣла силу отвѣчать, я этого ожидала; я понимаю васъ; но ударъ отъ того не менѣе смертеленъ. Я не могла говорить болѣе, продолжала Иозефина, я не знаю, что со мною сдѣлалось; я думаю, что испускала крики; предполагала, что навсегда лишилася разсудка; была безъ памяти, а когда пришла въ себя, то очутилася въ моей комнатѣ. Другъ вашъ Корвицаръ можетъ лучше меня рассказать вамъ, что тогда происходило, потому что когда меня привели въ чувства, онъ былъ возлѣ меня вмѣстѣ съ бѣдною моею дочерью. Бонапарте

«пришелъ ввечеру навѣститъ меня; нѣтъ Бу-
«рїенъ, вы не можете себѣ представить, какой
«ужасъ наводилъ на меня въ ту минуту видъ
«его; самое участіе, которое онъ, по видимому,
«принималъ въ моихъ страданіяхъ, казалось
«мнѣ еще новою жестокостію. Ахъ! Боже мой!
«не даромъ я опасалася сдѣлаться когда нибудь
«Императрицею!»

Я былъ въ недоумѣніи, какое принести утѣ-
шеніе Іозефинѣ, и зналъ, что было легкомы-
сленнаго въ ся характерѣ, я бы удивился тому,
что грусть ея по прошествіи года была еще
такъ сильна, если бы не зналъ, что въ сердцѣ
женщины есть такія струны, которыя если
ихъ тронуть, то издають продолжительный
звукъ. Разводу покоряются, но не прощаютъ
того, и изъ всѣхъ чувствъ, самое продолжитель-
ное есть, можетъ быть, оскорбленное самолюбіе.
Я искренно сожалѣлъ Іозефину, и изъ всего того,
что я говорилъ ей въ утѣшеніе, самое чувстви-
тельное было то, что я сказалъ ей о всеобщемъ
исодобреніи въ народѣ развода Бонапарте. Въ
этомъ отношеніи я не говорилъ ей ничего, что
было несправедливо. Іозефину всѣ любилъ; даже
въ народѣ имѣли какое-то вѣрованіе, что счастье
Наполеона неразрывно съ присутствіемъ при немъ
Іозефины; и надобно признаться, что событія, по-
слѣдовавшія за его высокимъ союзомъ, такovy
что могутъ дать видъ истины такимъ суевѣрнымъ

предвѣщаніямъ. Я помню даже, что будучи еще въ Гамбургѣ, изъ донесеній и писемъ, которыя я получала замѣтно было какое-то неизъяснимое чувство, неопредѣленное, но почти всеобщее, предвѣденіе, по которому утверждали, что Франція должна видѣть для себя источникъ бѣдствій въ союзѣ главы ея съ Австрійскимъ домомъ; союзъ сей давалъ поводъ къ примѣщеніямъ къ судьбѣ Маріи Ангуанеты; и такъ какъ надобно только, чтобы встрѣтился какой нибудь печальный случай и придалъ вѣсу существующимъ предубѣжденіямъ, то сдѣлавшійся на балѣ у Австрійскаго въ Парижѣ Посланника Князя Шварценберга пожаръ, показался чемъ-то подобнымъ тѣмъ многочисленнымъ бѣдствіямъ, случившимся на площади Лудовика XV во время бракосочетанія Дюфина Франціи съ теткою Маріи-Луизы.

Какъ бы-то нибыло, но сіи уваженія служили только слабымъ облегченіемъ грусти Іозефины, которая, въ глубинѣ своего сердца, молилась о благодѣствіи Бонапарте. Я напомнила ей сдѣланныя мною въ болѣе счастливое время предвѣщанія, въ тотъ день, когда она пріѣхала по-смотреть мой домикъ въ Рюсель, и когда я провожала ее нѣшкомъ по болыной дорогѣ: «Другъ мой, сказала она, я этого не забуду; я часто думаю обо всемъ томъ, что вы тогда мнѣ го-

«ворили; за чѣмъ онъ насъ не слушался? что касается до меня, то я видѣла, что мы погибли съ этого самаго дня, какъ онъ сдѣлался Императоромъ. Прощайте, Бурисннъ, навѣщайте меня, пріѣзжайте чаще; намъ много есть о чѣмъ поговорить, и вы знаете, какъ мнѣ пріятно васъ видѣть.» Таково было почти послѣдствіе перваго свиданія моего съ Иозефиною, по возвращеніи моемъ изъ Гамбурга. Мнѣ остается еще разсказать многое, что она мнѣ говорила, съ такимъ грустнымъ отриновеніемъ, которому она не смѣла предаться при старинныхъ друзьяхъ своихъ, во время поѣздокъ моихъ въ Мальмезонъ, а именно послѣ поѣздки, которую я въ скоромъ времени принужденъ былъ сдѣлать въ Гамбургъ, чтобы взять оттуда мое семейство.

Г Л А В А XXI.

Арестованіе молодого де Ла Сала. — Мнѣ поручено его допросить. — Вѣроятное одобреніе со стороны Императора. — Министръ Полиціи Герцогъ де Ровиго. — Разсказъ де Ла Салы. — Вліяніе проповѣдника. — Сравненіе Бонапарте съ Неропомъ. — Покушеніе на жизнь Наполеона. — Читеніе де Ла Салы. — Прибытіе де Ла Салы въ Парижъ, и какъ онъ употребляетъ тамъ сначала свое время. — Уклончивость Саксонцевъ и твердость Вестфальцевъ. — Генрихъ IV и Наполеонъ. — Любовь и ненависть. — Слезы пренебреженнаго семейства. — Наслѣдники Александра Македонскаго. — Непримѣнная рѣшимость. — Послѣдствіе разговора, продолжавшагося два часа. — Дарованіе жизни и Винсенскій замокъ. — Продолженіе исторіи де Ла Салы. — Новое его путешествіе во Францію. — Камера представителей и гремѣщій порошокъ. — Официальный разсказъ.

Когда я говорилъ о покушеніи Стапса въ Шенбруннѣ противъ Наполеона, я сказалъ, что буду имѣть случай расказать и другія подобныя

событія, которыя мало извѣстны. Вотъ они:

Я жилъ въ Парижѣ около двухъ мѣсяцовъ, какъ молодой де Ла Сала, прибывшій 16 Февраля 1811 года, быть арестованъ въ слѣдующее Воскресенье, по подозрѣнію, что онъ прѣхалъ изъ Саксоніи съ покушеніемъ на жизнь Императора. Ла Сала изъявилъ Герцогу де Ровиго, который уже нѣсколько времени поступилъ въ Министры Полиціи на мѣсто Фуше, желаніе меня видѣть, объясняя причиною такого желанія, репутацію, которуя я составилъ себѣ въ Лейпцигѣ пока учился въ тамошнемъ Университетѣ, и въ послѣднее время въ Германіи, въ продолженіи моей миссіи. Я думаю, что Императоръ дозволилъ это свиданіе; какъ бы то нибыло, Министръ Полиціи пригласилъ меня въ Министерство. Меня ввели въ малинькой кабинетъ Министерскаго дома въ улицѣ Святыхъ Отцевъ. Тогда было половина десятаго часа утра. Я нашель тамъ молодаго чловѣка лѣтъ семнадцати или осьмнадцати. Съ нимъ былъ Г. Демаретъ. Молодой де Ла Сала при входѣ моемъ насказалъ мнѣ много привѣтствій, прибавивъ, что хочетъ говорить со мною. Я изъявилъ желаніе остаться одинъ съ арестантомъ, сказавъ, что я тотчасъ уйду, если хотять дать нашему свиданію оборотъ судебнаго вопроса. Молодой де Ла Сала сказаль также, что хочетъ говорить со мною безъ свидѣтелей, и Г. Демаретъ, которымъ я

не могу похвалиться, такъ какъ и обязательными его поступками въ семь и другихъ обстоятельствахъ, вышель, оставя насъ однихъ. Тотъ, кому поручень былъ надзоръ за арестантомъ остался у дверей.

Поговоривъ недолго съ де Ла Салаю о Лейпцигскомъ Университетѣ, гдѣ онъ учился, о профессорахъ, похищенныхъ смертію, о заступившихъ мѣста ихъ, я склонилъ разговоръ на путешествіе его въ Парижъ и на причины его прѣзда.

«Какъ, спросилъ я его по Нѣмецки, могли вы, Милостивый Государь, принадлежа къ знаменитой фамилиі и получивъ, какъ я слышала, отличное воспитаніе, возымѣть то намѣреніе, которое, какъ говорятъ, привело васъ въ Парижъ? Говорите со мною безъ страха и безъ еколичностей; не въ моемъ характерѣ и не въ моихъ правилахъ стараться сдѣлать ваше положеніе еще тягостнѣе. Я довольно хорошо знаю Нѣмецкій языкъ, и вы можете на семь языкъ отвѣчать мнѣ на вопросы, которые долженъ я вамъ сдѣлать.

«Милостивый Государь, отвѣчала мнѣ Ла Сала, по Французски, я бы самъ могъ отвѣчать на ваши вопросы на собственномъ вашемъ языкѣ; но я чувствую, что буду говорить съ большимъ несовершенствомъ, чѣмъ на Нѣмецкомъ, и потому благодарю васъ за пред-

ложеніе, которое изволили мнѣ сдѣлать.» Въ самой вещи, Ла Сала довольно хорошо говорилъ по Французски; однакоже разговоръ нашъ, какъ я опишу оный, былъ на Нѣмецкомъ языкѣ — изъ вѣрнаго сего разсказа можно видѣть, съ какою ясностію, съ какимъ спокойствіемъ, съ какимъ хладнокровіемъ, которое конечно иногда прерываемо было порывами энтузіазма, этотъ молодой человекъ, въ которомъ я невольно принималъ участіе, открылъ мнѣ, какой рядъ мыслей привлекъ его въ Парижъ.

«Сдѣлайте одолженіе, сказалъ я ему, разскажите мнѣ прежде всего, какое вы получили воспитаніе и какія до сего дня были происшествія вашей жизни?» Онъ отвѣчалъ мнѣ съ чрезвычайною ловкостію; и отъ времени, до времени когда говорилъ о Германіи, не смотря на обычайное свое спокойствіе, приходилъ въ восторгъ и выказывалъ какое-то предопредѣленіе.

ЛА САЛА. Милостивый Государь, я учился почти годъ и три мѣсяца въ Лейпцигскомъ Университетѣ; мало посѣщалъ своихъ товарищей потому, что ихъ разсѣянная жизнь мнѣ не нравилась—я же часто былъ боленъ (по лицу его въ самомъ дѣлѣ надобно было заключать, что онъ безпрестанно хвораетъ). Я въ особенноти прилежалъ къ изученію правъ, исторіи и восточныхъ языковъ; но слабости здоровья, не имѣя

возможности слѣдовать за публичнымъ курсомъ, и приглашать Профессоровъ къ себѣ. Отецъ мой умеръ девять лѣтъ уже тому, а матушка хотя не богата, однако имѣеть достаточное состояніе; она мнѣ давала по 1,500 Германскихъ талеровъ въ годъ (почти 5,200 Франковъ), но этаго мнѣ было мало, и я получалъ пособіе отъ другихъ родственниковъ.

«Я началъ ненавидѣть Наполеона послѣ того какъ слышалъ въ Дрезденѣ проповѣдь Г. Рейнгарда, главнаго Лютеранскаго проповѣдника. Въ этой проповѣди, говореной прежде Іенскаго сраженія, Наполеонъ, хотя и не былъ названъ по имени, но на него были такіе ясныя намѣки и Г. Рейнгардъ сравнилъ его съ Перономъ.

«Бѣдствія, которыя терпѣла Германія послѣ Іены, ожесточали болѣе, и болѣе мою душу. Сочиненіе Виллера (письмо къ Г-жѣ Фанни Богарне) о взятіи Любека, еще болѣе къ тому способствовало: Учася въ Лейпцигѣ, я слышалъ о заговорѣ, о покушеніи Станса, (при этомъ имени лице его оживилось и показалась краска), о притѣвленіяхъ моего отчества. Я видѣлъ, какъ жгли Англійскіе товары. Это послѣднее дѣйствіе безумнаго тиранства, всего болѣе меня тронуло. Когда я увидѣлъ, что коммерція уничтожена, всѣ лавки заперты, отчаяніе во всѣхъ классахъ народа, я рѣшился убить Наполеона, виновника всѣхъ сихъ бѣдъ.

Мнѣ надобно было выѣхать изъ Лейпцига шестью недѣлями позже, но я разсудилъ, что если произведу въ дѣйство свое намѣреніе до разрѣшенія Императрицы, успѣхъ отъ того будетъ несомненнѣе, потому что если Императрица родитъ сына Наполеону, Французы вѣроятно будутъ имѣть болѣе привязанности къ его поколѣнію, и тогда бы нельзя было надѣяться положительно на неопроверженіе Имперіи. Посему я ускорилъ своимъ отъѣздомъ. Я принялъ Католическое исповѣданіе, отъ того что Пана отлучилъ Наполеона отъ церкви, почему убить его по моему мнѣнію, было дѣломъ достойнымъ, предъ лицомъ Бога; я зналъ сверхъ того, что вообще найду себѣ болѣе помощи между Католиками. Другая причина, заставившая меня принять это исповѣданіе была та, что я замѣтилъ, что тѣ страны, гдѣ оно господствующее, согласнѣе. Шестъ недѣль до моего отъѣзда я предался разсѣянію и удовольствіямъ, чтобы обмануть своихъ товарищей и оправдать въ глазахъ ихъ отъѣздъ мой безъ согласія родственниковъ моихъ.»

Послѣ сихъ первыхъ объясненій Ла Салы, я не могъ не удивляться, и не безъ трепета, подобнымъ расчетамъ въ столь юной дунѣ.

Продолжая его спрашивать со всею возможною ласковостію и стараясь умѣрить его изступленіе: «Что вы дѣлали, спросилъ я его, съ

той минуты, какъ рѣшились уѣхать изъ Германіи въ Парижъ?

ЛА САЛА. «На канунѣ отъѣзда моего въ Франк-фуртъ, я отослалъ слугу моего въ Дрезденъ, за тѣмъ, чтобы онъ не мѣшалъ мнѣ въ дорогѣ. Я ему далъ письмо къ одному моему дядѣ. Но несчастію онъ не нашелъ публичной кареты. Воротился и засталъ меня за пріуготовленіями къ повозкѣ, которая, ему показалось, должна была бытъ продолжительна. Я думаю, что онъ измѣнилъ мнѣ. Какъ бы то ни было, я тогда не имѣлъ ни малѣйшаго безпокойства, потому что я сказалъ, что отправлялся въ Маннцъ, что бы конфирмоваться. Я прикинулся и глупымъ, и безсмысленнымъ. Пріѣхалъ въ Парижъ; меня не узнали и не сдѣлали никакого препятствія въ исполненіи моего намѣренія.

—«Какъ вы употребляли время со дня прібытія вашего въ Парижъ до самаго того часа, какъ васъ арестовали?»

ЛА САЛА. «Съ самаго 16 Февраля, какъ я здѣсь, я проводилъ ежедневно по пяти часовъ въ Тюліери; я имѣлъ столъ у Верн и подматривалъ, когда Наполеонъ ходитъ прогуливаться. Въ прошлую среду Императоръ рассказывалъ вверху, по залѣ, которая окнами въ садъ. Окно было отворено, и онъ нѣсколько разъ подходилъ къ нему. Я хотѣлъ въ него выстрѣлить, но какой-то прохожій, которому я сказалъ, что

мнѣ бы хотѣлось видѣть Наполеона поближе, предварилъ меня, что вѣроятно онъ скоро выдетъ и тогда я увижу его лучше — и я стала ждать, но Императоръ не показывался. Я надѣялся привести мое намѣреніе въ дѣйство разными способами, и соображаясь съ обстоятельствами: или когда онъ будетъ садиться въ карету, чтобы ѣхать на охоту; или въ Тюліерійскомъ саду, гдѣ онъ иногда прогуливается съ Дюрокомъ, или у обѣдни, или во Французскомъ театрѣ. То отдаленіе, въ которомъ я отъ него находилась въ церквѣ, не могло быть помѣшательствомъ, потому что я не думаю, чтобы пространство было болѣе того, которое во Французскомъ театрѣ разделяетъ ложу его отъ противуположающаго балкона; я нарочно вымѣряла это разстояніе — оно не должно быть болѣе тридцати шаговъ. У меня былъ пистолетъ, который легко доставалъ на такое разстояніе. Въ особенности въ этомъ театрѣ я надѣялся убитъ Наполеона. Навѣдя пистолетъ въ ложу, и сдѣлавъ вдругъ два выстрѣла, невозможно было, чтобы я не пошла; я отыскала четыре-ствольный пистолетъ въ Пале-Ройяль, но онъ мнѣ показался не ловокъ и ненадеженъ. Я ни какъ не ослѣпляла себя относительно ожидающаго меня жребія — знавъ, что меня умертвятъ на мѣстѣ, но что для меня значитъ жизнь? Если бы Стаасъ презиралъ сію, какъ я, Наполеона бы не было —

потому что ему удалось подойти къ нему близко, да онъ струсиль. Я не боюсь смерти; твердо вѣрю въ предопредѣленіе. Когда мнѣ суждено умереть черезъ два дни, такъ ничто не спасеть меня; если мнѣ не должно умереть, такъ ничто не можетъ помѣшать мнѣ жить (*). Я никогда себя не обманывалъ думая, что успѣхъ въ моемъ предиріятіи не сомѣненъ.

«Имѣли ли вы сообщника?»

ЛА САЛА. «Не знаю ни одного, потому что не открывалъ никому своего намѣренія.

«Какъ, спросилъ я у него, вы не оставили своего замысла, приведя себя на мысль слезы, которыхъ вы должны были стоить вашему семейству, низвергнутому вами такимъ образомъ въ отчаяніе?»

ЛА САЛА. «Милостивый Государь, семейственные отношенія, должны молчать предъ высокими выгодами отечества и свободы. Знаю, что погружу въ печаль мать мою и сестру. Но, что значать слезы двухъ женщинъ, когда идетъ дѣло объ освобожденіи Германіи? Когда Наполеона не будетъ, то Германія возвратитъ свои права и своихъ Государей. Французское владычество, столь ненавистное, прекратится; кодексъ Наполеона не будетъ болѣе закономъ для ея народовъ. Все это должно случиться, потому что если

(*) Какое странное согласіе въ вѣрованіи съ тѣмъ Египтяниномъ, о которомъ я рассказывалъ.

удастся его убить, (а это непременно удастся) то Бернадотъ, котораго очень любятъ Французы, будетъ вызванъ изъ Швеціи, и выведетъ войска изъ Германіи; а если не согласится придти на такой призывъ, то между Маршалами возникнетъ споръ за Имперію и мы дождемся возобновенія исторіи наслѣдниковъ Александра Македонскаго. Тогда Германія будетъ избавлена и счастлива; а пока Франція будетъ въ соединеніи и не удастся произвести въ ней несогласія, бунты, Германія все останется угнетенною. Таково было мое намѣреніе; никакое частное уваженіе на меня не имѣло вліянія, и я повторяю вамъ, что не открывалъ никому моей тайны—у меня нѣтъ сообщниковъ. Я не глядѣлъ ни на мать, ни на сестру, ни на родныхъ, ни на дворянство, ни на преимущества. Я хотѣлъ только одного, избавить Германію отъ Французскаго ига, которое гнететъ еще въ большей мѣрѣ низшій классъ общества, чѣмъ высшій сословія. Этой великой мысли я пожертвовалъ всею. Теперь у меня нѣтъ никакого желанія; мнѣ не удалось; я люблю жизнь, но не боюсь смерти; и если бы мнѣ сказали: Ты умрешь черезъ пять минутъ—мнѣ было бы, право все равно.»

Такъ говорилъ мнѣ этотъ молодой человекъ—меня въ особенности поразила послѣдняя мысль его: «Я люблю жизнь, но не боюсь смер-

ти.» Я нашелъ въ ней не знаю какое-то выраженіе необходимости жить, которую чувствуетъ молодость, и въ тоже время то обдуманное мужество, которое ни какъ нельзя сравнивать съ шарлатанствомъ тѣхъ, которые хвастаются, что встрѣтить смерть безъ сожалѣній.

По той мѣрѣ, какъ Ла Сала отвѣчалъ на мои вопросы, я тщательно записывалъ его отвѣты, что мнѣ было дѣлать легче, чѣмъ всякому другому, потому что и тогда я еще не отвыкъ отъ пріобрѣтенной мною при Наполеонѣ способности писать также скоро, какъ говорятъ. Я прочиталъ молодому Ла Салѣ то, что я написалъ по Пѣмецки и потомъ перевелъ это на Французской языкъ; онъ все очень одобрилъ, благодарилъ меня за то, что я его такъ долго слушалъ, не просилъ меня ни о чемъ, и, казалось, былъ совершенно равнодушенъ къ той участи, которая неминуемо его ожидала; онъ мнѣ повторилъ только самымъ лестнымъ образомъ то, что ему говорили обо мнѣ въ Германіи, и я разставшися съ нимъ, былъ душевно разстроганъ.

Можно себя представить, что разговоръ сей съ этимъ молодымъ человѣкомъ, котораго дядя былъ, кажется Министромъ Саксонскаго Короля, возбудилъ во мнѣ величайшее участіе. Я вознамѣрился спасти Ла Салу, и успѣлъ въ томъ. Я немедленно пошелъ къ Герцогу де Ровинго и

мнѣ нетрудно было убѣдить его въ томъ, сколько въ настоящихъ обстоятельствахъ нашихъ, необходимо было заставить думать, что этотъ молодой человѣкъ сумасшедшій; я сказалъ, что если бы его привести въ судъ, то онъ въ присутствіи судей повторитъ все, что говорилъ мнѣ и вѣроятно сдѣластъ еще большія признанія; что это можетъ возбудить новыя подобныя намѣренія. Я еще далъ замѣтить Министру, что въ короткое время было два покушенія; что благоразумно было скрыть тщательно подобныя сему отдѣльныя покушенія и усмирить движенія изступленія, которыя часто рождаютъ и ободряютъ обнародованіе. Пускай Ла Салу посадятъ въ Винсенскій замокъ; тамъ его нечего бояться; къ тому же, онъ принадлежитъ къ знатной фамиліи въ Дрезденѣ, а это обстоятельство придаетъ болѣе вѣсу и важности дѣлу. Сін, и имъ подобныя доводы, почерпнутые мною изъ страшнаго признанія молодого фанатика, имѣли ожидаемый мною успѣхъ. Я могу сказать, что видѣлъ всегда Герцога де Ровинго расположеннымъ смягчать тѣ жестокія мѣры, которыя должность его ему предписывала, и выслушивать благосклонно дѣлаемые ему замѣчанія. Сколько людей я у него видѣлъ, уходящихъ довольными его пріемомъ и отвѣтами. Императоръ въ послѣдствіи убѣдился въ благоразуміи поступковъ въ отношеніи къ Ла Салѣ—онъ на

островъ Св. Елены, говоря о бывшихъ на жизнь его заговорахъ, сказалъ : *Я всячески старался скрывать тѣ, которые было можно.* Мною здѣсь описанный былъ безъ сомнѣнія изъ числа тѣхъ, о которыхъ онъ радъ былъ, что не разгласилъ.

Теперь я расскажу все, что могъ узнать въ послѣдствіи объ участи молодого Ла Салы. Этотъ молодой человекъ, согласно съ моимъ совѣтомъ, былъ посаженъ въ Винсенекій замокъ. Онъ тамъ оставался до истеченія Марта мѣсяца 1814 года, а тогда переведенъ въ Сомиюрскій замокъ; выпустили его въ началѣ Апрѣля. Цѣлыхъ три года я объ немъ ничего не слыхалъ, какъ вдругъ однажды, вскорѣ послѣ возстановленія, завтракая съ своимъ семействомъ у себя въ домѣ въ Готевильской улицѣ, я услышалъ въ передней необычайный шумъ, и прежде чѣмъ успѣлъ узнать причину онаго, очутился въ объятіяхъ молодого человека, который сжималъ меня съ необычайнымъ жаромъ. Это былъ Ла Сала; онъ былъ въ упоеніи признательности и радости отъ того, что видѣлъ себя на свободѣ, и что другія обстоятельства произвели то событіе, которое ему хотѣлось ускорить убійствомъ. Ла Сала возвратился въ Саксонію, и я его не видалъ болѣе; но будучи посланъ Лудовикомъ XVIII въ 1815 году въ Гамбургъ, я тамъ узналъ, что 5 Іюня въ половинѣ втораго часа, въ камерѣ

представителей послышался ужасный взрывъ, о которомъ подумали, что это былъ громовый ударъ; но вскорѣ узнали, что одинъ молодой Саксонецъ, упавъ съ бывшимъ у него въ карманѣ сверткомъ гремячаго серебра, произвелъ этотъ взрывъ. Услышавъ сіе, я не знаю почему, представилъ себѣ, что это былъ тотъ же самый молодой человѣкъ, который сдѣлалъ мнѣ вышепомѣщенное страшное признаніе и что онъ можетъ быть имѣлъ желаніе подорвать Наполеона и даже Законодательный Корпусъ; но въ послѣдствіи я узналъ, что ошибался на счетъ намѣреній Ла Салы. Слѣдующее объявленіе, съ коего я сохранилъ списокъ, объяснить читателю послѣдствія сего дѣла. Такъ какъ я зналъ откровенность Ла Салы, то имѣлъ причины полагаться на истину показаній его въ Полиціи. Если бы въ нихъ находились какія либо невѣрности, то я бы не колеблясь самъ объявилъ о томъ въ Полиціи, коей въ то время Фуше опять сдѣлался начальникомъ. Прибавлю еще, что сравнивая сіи показанія, съ тѣми, которыя мнѣ сдѣлалъ Ла Сала двадцать перваго Февраля 1811 года, можно будетъ судить, надежда ли освободить свое отечество, побудившая его пріѣхать въ 1811 году съ намѣреніемъ убить Наполеона, понудила его вторично пріѣхать въ 1815, чтобы открыть поступки Прусаковъ, которые на основаніи Въз-

скаго конгресса, овладѣли значительною частью Саксонскаго Королевства. Ничто не показываетъ, чтобы онъ вторично прибылъ во Францію съ тѣмъ же намѣреніемъ, какъ и въ первый разъ. Впрочемъ сіе намѣреніе Ла Салы остается для меня неразгаданнымъ, а его гремячее серебро заставляетъ много думать. Сверхъ того вотъ объявленіе, которое мнѣ кажется довольно правдиво, крѣмъ заключенія.

«Во время засѣданія въ камерѣ представителей въ половинѣ втораго часа, послышался сильный взрывъ, который почли громовымъ ударомъ. Вотъ подробности сего случая:

«Одинъ Саксонецъ, имѣющій отъ роду около двадцати восьми лѣтъ (*), и который, говорятъ, принадлежитъ къ знатной фамиліи, имѣлъ у себя въ карманѣ около четырехъ унцій гремячаго серебра; онъ пріѣхалъ въ каретѣ къ дому Законодательнаго Корпуса. Сначала вошелъ въ залу, онъ скоро изъ нея вышелъ, и отойдя не далеко, на углу Бургонской улицы, поскользнулся и упалъ на бывшій у него свертокъ съ гремучимъ серебромъ. Отъ этаго произошелъ сильный взрывъ — вся одежда его была изорвана; самъ онъ изуродованъ. Никто изъ проходившихъ вблизи его не былъ раненъ. Въ такомъ

[*] Здѣсь оказывается очевидная ошибка вразсужденіи лѣтъ Ла Салы, которому въ 1815 году, не могло быть болѣе двадцати трехъ лѣтъ.

положеніи его отвели въ Префектуру Полиціи и тамъ допрашивали.

«Фамилія его Баронъ де Ла Сала; происходитъ онъ, какъ сказано выше, отъ богатой и знатной фамиліи. За нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ пріѣзжалъ во Францію въ намѣреніи покуситься на жизнь Императора. Его арестовали и посадили сначала въ Винсенскій замокъ, а потомъ оттуда перевели въ Сююрскій. Скоро послѣ вступленія Союзниковъ въ Парижъ, онъ былъ освобожденъ и возвратился въ свое отечество. Когда Императоръ вступилъ опять на престоль, онъ вздумалъ возвратиться во Францію и снабдилъ себя къ тому средствами.

Причина, побудившая вновь задержать его известна. Онъ защищается слѣдующимъ образомъ: не заирается въ томъ, что прежде имѣлъ намѣреніе причинить смерть Императору, въ которомъ онъ видѣлъ притѣснителя Германіи; но такъ какъ притѣсненіе сіе прекратилось, то съ нимъ вмѣстѣ исчезли и причины ненависти, какую питалъ онъ къ виновнику того притѣсненія.

Дѣла на конгрессѣ, въ разсужденіи Саксоніи, ожесточили его противъ нихъ въ сильной степени, и когда онъ узналъ о выходѣ на берегъ Императора и о счастливомъ успѣхѣ въ его предпріятіи, то началъ видѣть въ немъ освободителя несчастнаго своего отечества и рѣшился

служить ему сколько будетъ въ силахъ. То что онъ замышлялъ за нѣсколько лѣтъ прежде, послужило ему удивительнымъ образомъ въ семь случаевъ и доставило ему множество важныхъ свѣденій, которыя онъ намѣревался употребить въ пользу. Но для сего надобно было пріѣхать во Францію. Наконецъ онъ отправился во Францію и, по прибытіи своемъ въ Парижъ, доставилъ немедленно Правительству, а въ особенности Военному Министерству всѣ собранныя имъ свѣденія относительно силъ союзниковъ, ихъ намѣреній, средствъ и о прочемъ. Стараяся оказать услугу Франціи, онъ полагаетъ, что дѣлаетъ пользу своему отечеству. Полиція удостоившись, что дѣйствительно Г. Ла Сала доставилъ Правительству весьма важныя подробности, относительно положенія политическихъ и военныхъ дѣлъ. Онъ объявилъ также Военному Министру, что съ нимъ есть небольшой пакетъ гремячаго серебра, и какъ говорятъ, предлагалъ отдать сей пакетъ, но кажется никто не хотѣлъ взять на свои руки столь опасную вещь. На вопросъ, за чѣмъ взялъ онъ съ собою пакетъ сей, онъ отвѣчалъ, что не хотѣлъ оставить его въ гостинницѣ, гдѣ онъ жилъ, опасаясь, чтобы ктонибудь его не тронулъ, и чтобы не произошло отъ того какогонибудь несчастнаго случая.

Г Л А В А XXII.

Семейство мое остается въ Гамбургѣ.—Отчаяніе Анзатическихъ городовъ, и Генераль-Губернаторъ Даву.—Первыя дѣйствія и обращеніе Офицеровъ въ шпіоны.—Негодованіе Офицеровъ.—Неутомимая ненависть за высказанную давно правду.—Козни достойныя шпкой Польціи.—Разпредѣлительное правосудіе.—Дѣйствія, а не люди.—Доносы безъ доказательствъ.—Окровавленное письмо друга, и извѣстіе о вѣроломномъ письмѣ. — Довѣренное объявленіе съ Герцогомъ де Ровиго.—Польское Вице-Корольство въ виду у Фельд-Маршала Даву.—Замедленіе и позоръ.—Письмо, наполненное ложными предположеніями. — Шпіонъ Секретарь.—Покушеніе на гибель Г. Талейрана, Ранпа и меня. — Начало успѣховъ у Императора. — Благородныя поступки Герцога де Ровиго въ разсужденіи меня.—Негодованіе выведеннаго изъ заблужденія Императора.—Сосланый Секретарь, и сочинитель Принцъ и Маршалъ.—Новое ожесточеніе противъ меня Даву.—Почта и Польція.—Размышленія.—Статистическое отдѣленіе.—Торговля письма и дипломатическая переписка.

Я сказалъ выше, что когда я выѣхалъ изъ Гамбурга по письму Министра Иностранныхъ

Дѣль, подъ тѣмъ предлогомъ, что Наполеону хотѣлося воспользоваться *приобрѣтенными опытною моею свѣденіями*, относительно дѣль на Сѣверѣ и земель Анзеатическихъ, то я долженъ былъ полагать, что послѣ кратковременной отлучки, я скоро опять возвращусь къ мѣсту моего пребыванія. Посему я оставилъ въ Гамбургѣ мое семейство, которое провело тамъ зиму 1810 и 1811 годовъ. Не то чтобы я считалъ независимость Анзеатическихъ городовъ продолжительною, но признаюсь, я не думалъ, чтобы ударъ долженствовавшій паразитить ихъ и истребить до самаго основанія померкнувшее ихъ благосостояніе, былъ такъ близокъ. Встрѣтившійся со мною въ Майенсѣ курьеръ открылъ мнѣ глаза, и я безъ удивленія узналъ изъ первополученныхъ мною въ Парижѣ писемъ о увѣщаніи, какимъ поражены были Гамбургскіе жители, какъ скоро до нихъ достигла роковая вѣсть. Отчаяніе обитателей несчастныхъ Анзеатическихъ земель должноствовало быть велико; но оно достигло высочайшей степени, когда узнали, что Принцъ Экмюльскій назначенъ Наполеономъ къ нимъ въ Генераль-Губернаторы. Имя Верреса было неболѣе ненавистно въ Сициліи до того времени, какъ память сего Проконсула Цицеронъ увлекъ на достойную казнь въ отдаленное потомство, чѣмъ имя Даву въ Германіи. Одно это имя соединялось

съ мыслию объ ужасахъ, и первыя его дѣйствія сланкомъ оправдали всеобщую къ нему ненависть цѣлаго народа. Принцъ Экмюльскій въ первое Воскресенье по прибытіи своемъ въ Гамбургъ собралъ всѣхъ составляющихъ свиту его Офицеровъ; онъ отдалъ имъ приказаніе познакомиться въ домахъ и доносить ему, что тамъ дѣлали, говорили или думали. Почти всѣ Офицеры вознегодовали на то, что ихъ хотѣли заставить играть такую роль; многіе изъ нихъ пришли къ Г-жѣ Буріенинъ, чтобы предупредить ее объ осторожности.

Такія подробности меня не удивляли, точно также какъ и ожесточеніе противъ меня Даву, потому что въ глазахъ людей, возвышенію которыхъ, не по достоинству, способствовали преданность и счастье, быть повѣреннымъ въ тайны о ихъ жалкой посредственности, есть неизгладимое пятно. Принцъ Экмюльскій, ни когда немогъ мнѣ простить того, что я сказалъ Первому Консулу, что Даву, дурачина; слова эти Бонапарте, по нескромности, какъ видно, пересказалъ; только въ семь случаевъ для Даву одно было худо—отъ своей непремиримой ненависти, онъ умѣе не сдѣлался. Я очень радъ, что могу здѣсь замѣтить, что я когда говорю о людяхъ, то сужу объ нихъ по дѣламъ ихъ, и такимъ образомъ осужденіе за сдѣланное ими зло, не дѣлаетъ меня несправедливымъ къ тому, что

они сдѣлали хорошаго. По этому, зная хорошо, что мнѣ придется вывести на чистую воду пружины, которыми дѣйствовали Даву, чтобы повредить мнѣ въ мысляхъ у Императора кознями и пропырствами, свойственными развѣ только самому низкому человѣку, я не колеблясь присоединилъ свой голосъ къ голосамъ его сослуживцевъ, когда онъ былъ по справедливости украшенъ титломъ Принца Экмольскаго, послѣ достопамятнаго сраженія, въ которомъ онъ столь блестящимъ образомъ участвовалъ, и которое столь много способствовалъ торично открыть арміи путь къ Вѣнѣ. Можно было замѣтить, что я дѣйствовалъ такимъ же образомъ въ отношеніи къ Герцогу Ровиго; я сказалъ съ тою откровенностью, какую поставилъ себѣ закономъ, принимаясь за перо, то что я думалъ о слѣпой преданности Савари къ Первому Консулу, а скоро мнѣ должно будетъ отдать полную справедливость пряמודушію преемника Фуше по Министерству Главной Полиціи, въ обстоятельствахъ, лично до меня относящихся и не чуждыхъ Принцу Экмольскому.

Едва я выѣхалъ изъ Гамбурга, какъ Принца Экмольскаго назначили туда Генераль-Губернаторомъ, по случаю присоединенія Анзатическихъ земель къ Имперіи. Съ этой самой минуты я безпрестанно долженъ былъ бороться противъ преслѣдованій и доносовъ, чтобы изобрѣтать

которые его грубая ненависть не имѣла покоя. Я необходимо долженъ принести симъ преслѣдованіямъ худое ко мнѣ расположеніе, въ какомъ былъ Императоръ по прибытіи моемъ въ Парижъ. Но такъ какъ сіи полные клеветы доносы оставались всегда безъ доказательствъ, то надлежало сплести такой ковь, которымъ, за недостаткомъ истины, можно было бы покрайней мѣрѣ успѣть основать хотя наружную правдоподобность. Вотъ событія, которыя никто опровергать не можетъ.

Только что я прибылъ въ Парижъ въ началѣ 1811 года, какъ оставшійся въ Гамбургѣ почтенный другъ мой Г. Бувье, эмигрантъ и заложникъ Лудовика XVI извѣстилъ меня, что черезъ нѣсколько дней я получу письмо, которое можетъ подвергнуть опасности меня, также какъ Г. Талейрана и Генерала Раппа. Я никогда не имѣлъ никакого сношенія ни съ тѣмъ, ни съ другимъ; къ обоимъ я былъ искренно привязанъ, и къ обоимъ неблаговолить Маршалъ Даву, не прощавшій одному того, что онъ былъ его неоспоримо умнѣе, а другому его благороднаго прямодушія. Получивъ письмо отъ Г. Бувье я показалъ оное Герцогу Ровиго, который, по своей должности совершенно зналъ про всѣ низкія интриги, рожденныя завистью и устрояемыя послѣ отъѣзда моего изъ Гамбурга тѣмъ, кого

честолюбіе заставляло мечтать о Польскомъ Вице-Королевствѣ (*).

При семъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Герцогъ Ровиго, который болѣе всякаго другаго зналъ, что ему думать о цѣли и причинахъ всѣхъ этихъ интригъ, не колебляся принялъ мою сторону у Наполеона; мы согласились дожидаться полученія того письма, о которомъ извѣщалъ меня Г. Бувье. Въ самой вещи, другаго было дѣлать нечего; но прошло три недѣли, а письма не бывало. Герцогъ Ровиго замѣтилъ, но видимому довольно не безъ причины, что я былъ увѣдомленъ невѣрно. Однакоже зная хорошо Г. Бувье, я былъ увѣренъ, что онъ, не

(*) Наполеонъ обещалъ Даву Польское Вице-Королевство. Мысль объ этомъ такъ владычествовала въ умѣ его, что онъ бы пожертвовалъ величайшими выгодами Франціи и Императора, только бы удовлетворить въ семъ отношеніи свое честолюбіе, особливо когда Бернадотъ достигъ степени наследнаго Шведскаго Принца. По этому-то, когда наступило несчастное время, въ которое можно было съ достовѣрностью ожидать новой съ Россіею войны, Даву больше всѣхъ понуждалъ къ сей войнѣ Императора — это я слышалъ отъ самаго Даву.

Я долженъ здѣсь замѣтить, что Принцъ Экмольскій былъ очень бескорыстенъ; онъ отклонялъ все предлагаемыя ему отъ имени городовъ и другія припошенія; но такое строгое соблюденіе долга, которое онъ самъ и друзья его такъ высоко умѣли цѣнить, мало, по малу доставило ему небольшое состояніе, а именно миллионъ четыреста тысячъ ливровъ годоваго доходу; а ему все этаго было мало. Этакой бѣдный человекъ.

скажу, не могъ ввести меня въ промахъ (онъ къ тому былъ неспособенъ) по что не сдѣлалъ бы мнѣ такого увѣдомленія, не раздумавъ; а посему я полагаю, что исполненіе намѣренія отложено, и не ошибся въ моемъ мнѣніи, потому что наконецъ письмо пришло. До какой степени низости, могутъ доходить люди! . . . Письмо было отъ одного человѣка, котораго я зналъ въ Гамбургѣ, котораго я обязывалъ и употреблялъ для развѣдываній. Онъ носилъ на себѣ званіе, которое объяснить мнѣ пренятствуетъ уваженіе, какое я всегда имѣлъ къ преданности и несчастію. Посланіе его было чудо безстыдства. Послѣ истинно чрезвычайныхъ подробностейъ относительно нашихъ съ нимъ сношеній, которыя онъ объяснялъ, присоединяя къ самой наглой лжи, онъ просилъ меня прислать ему *съ слѣдующею поштою* шестьдесятъ тысячъ франковъ, *въ счетъ* суммы, обѣщанной ему за совершенныя, какъ онъ говорилъ, по моему порученію, въ Англій условія, за Г. Талейрана, Генерала Ранна и меня. По счастію подобныя негодни часто уловляются въ собственныя свои сѣти, и сами даютъ средства себя обнаруживать! Это случилось и съ нимъ—онъ очень, не обдуманно означилъ время упомянуемой по словамъ его сделки 1802 годъ, то есть сличкомъ двумя годами ранѣе, чѣмъ я назначенъ былъ въ должность Полномочнаго Министра при

Анзатическихъ городахъ; такая погрѣшность времени въ семь писемъ была не одна.

Получивъ это посланіе, я списалъ съ него копію, а подлинникъ тотъ часъ же представилъ Герцогу Ровиго, такъ какъ то было между нами условлено. Когда я пріѣхалъ къ Министру, онъ собирался ѣхать къ выходу. Онъ взялъ привезенное мною къ нему письмо, а равно и то, которымъ меня объ ономъ предувѣдомляли. Вотъ что происходило на выходѣ.

Только лишь Герцогъ Ровиго вошелъ въ пріемную залу, Наполеонъ выступилъ къ нему на встрѣчу съ сими словами: «Ну! вотъ вашъ «Буріеннъ, за котораго вы всегда стоите; я прекрасныя узналъ на его счетъ вещи!» Что могло быть поводомъ такихъ словъ?—очень простая вещь: Императоръ получилъ уже по эстафетѣ изъ Гамбурга копію съ письма, вскрытаго въ секретномъ отдѣленіи тамошняго почтамта — въ этомъ, въ послѣдствіи, признался мнѣ Г. Гонсъ. Министръ, имѣя въ рукахъ улику противъ дерзости моихъ обвинителей, сказалъ Императору, что онъ уже давно зналъ о томъ, что Его Величество изволить говорить ему. Онъ разсказалъ ему со всѣми подробностями объ интригахъ, конхъ жертвою хотѣли меня сдѣлать, и тѣмъ легче доказалъ ему безразсудную лживость донощиковъ, что въ 1802 году, времени такъ искусно придуманномъ, не только меня не было

еще въ Гамбургъ, куда онъ меня назначилъ уже въ 1805, но что я находился тогда при его особѣ.

Можно себѣ представить, что для меня очень любопытно было знать, что происходило въ Тюліери, и я въ то же утро отправился къ Герцогу Ровинго; онъ возвратился изъ Тюліери и разсказалъ мнѣ всѣ вышеописанныя подробности. Сверхъ того снѣ присоветовалъ, что онъ привелъ на видъ Императору, что между Рапномъ и Г. Талейраномъ, не было никакого соотношенія, никакой тѣсной связи, которыя бы могли оправдать малѣйшую денежную съобща сдѣлку. «Когда Императоръ все ясно увидѣлъ, сказалъ мнѣ Савари; когда я ему показалъ ощутительное доказательство съ существованіи сихъ презрѣнныхъ кововъ, то онъ не нашелъ словъ, чтобы выразить свое негодованіе: *Какая подлость! какія поносныя дѣла!* вскричалъ онъ. Послѣ того онъ далъ мнѣ приказаніе арестовать и привести въ Парижъ низкаго сочинителя писемъ, который ссудилъ другихъ своимъ перомъ—и я могу васъ увѣрить, что это приказаніе я скоро исполню.

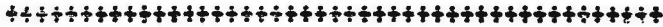
Савари, такъ какъ обѣщалъ мнѣ, немедленно послалъ предписаніе арестовать снисходительнаго сочинителя и прислать къ нему. Только что его привезли, тотчасъ сдѣлали допросъ относительно писемъ его. Онъ объявилъ, что

письмо сіе писалъ онъ, по подстреканію и съ тоглыхъ словъ Маршала Даву, за что получилъ въ награду небольшую сумму денегъ. Изъ признанія его еще видно, что когда отдавали письмо его на почту въ Гамбургъ, то Генераль-Губернаторъ Принцъ Экмюльскій приказалъ Главному Почтъ-Директору соблюсти, чтобы оно было распечатано, списано, опять запечатано, и отослано по адресу, то есть ко мнѣ, а копія съ него препровождена къ Императору. Эту-то копію получилъ Наполеонъ, когда Герцогъ Ровиго разувѣрилъ его въ томъ, что хотѣли заставить его думать объ этомъ дѣлѣ, только чтобы ожесточить противъ меня. Тотъ, перо коего употреблено было въ сей адской перенискѣ былъ сосланъ въ Марсель, или на Перскіе острова, право не помню куда; но тотъ, со словъ кого письмо это писано, остался Маршаломъ, Принцемъ, Генераль-Губернаторомъ, и отъ того не менѣ мѣтилъ въ Польскіе Вице-Короли. Таково-то было оказываемое въ Имперіи правосудіе; въ послѣдней части моихъ Записокъ, читатель увидитъ, что Даву симъ не удовольствовался, а старался отплатить мнѣ за то, что я въ немъ не нашель ума.

Людьми, которые служили въ Статистическомъ отдѣленіи было много дѣла, если они разбирая и торговья письма, и дипломатическую переписку, принимали на себя трудъ

дѣлать выписки о содержавшихся въ сей перепискѣ жалобахъ на всеобщій упадокъ коммерціи. Во Франціи претерпѣвали не такъ много, какъ въ Государствахъ прикованныхъ всемогуществомъ Императора къ ярму Континентальной Системы, потому что Франція имѣла нѣсколько мануфактуръ, и произведенія ея промышленности расходились по Европѣ; между тѣмъ коммерціи и промышленности очевидно угрожалъ переломъ, который вскорѣ наступилъ. Въ слѣдующей главѣ читатель усмотритъ, какъ по сему обстоятельству совѣтовались со мною.

Г Л А В А XXIII.

Перемена мыслей Герцога Ровиго.—Невролтная доверенность Герцога Ровиго.—Бумаги жгутъ, и новый Министръ остается безъ всякихъ свидѣній.—Способы дѣйствій Полиціи дѣлаются проще.—Уменьшеніе кредита Министровъ и значительность Г. Марета. — Переломъ коммерціи и вышность двора.—Добрыя намѣренія Герцога Ровиго.—Истолкованіе Императорскаго взгляда. — Сдѣланное мнѣ порученіе къ Г. Лавиту.—Совѣщаніе Г. Лавита съ Герцогомъ Ровиго.—Докладъ Императору. — Наполеонъ свѣситъ на помощь коммерціи.—Г. Оберкамфъ и мануфактура Жун.—Недѣйствительныя средства.—Два приговора.—Заключеніе.

Я долженъ отдать справедливость Герцогу Ровиго, что не смотря на то, что преданность его къ Наполеону была, какъ и всегда, неограниченна, но преданность Министра Полиціи отъ опытности озарилось какимъ-то свѣтомъ, котораго я не замѣчалъ въ преданности Адъютанта

Савари. Выполняя приказанія Императора, онъ прежде всего старался узнавать истину, а доказательствомъ сему можетъ служить то, что касалось до меня; будучи мало привыченъ къ гражданскимъ дѣламъ, когда Императоръ назначилъ его Министромъ Главной Полиціи, онъ говорилъ мнѣ часто, какъ ему жаль того, что назначеніе его распространило въ публикѣ какой-то ужасъ, и не скрывать отъ меня намѣренія, мало по малу разувѣрить умы, снисходительностию, какой не было при его предшественникѣ, который былъ снисходителенъ только къ своимъ тварямъ. Прежде Савари, какъ я замѣчалъ, не раздѣлялъ всегдѣшняго моего мнѣнія о Фуше, мнѣнія, которое я часто объяснялъ предъ нимъ въ Мальмезонѣ и въ Сен-Клу. Что касается до Г. Урвара, то его велѣно арестовать, и это была послѣдній арестъ, который надобно было Герцогу Ровиго приказать сдѣлать до назначенія его въ Министры, потому что векоръ послѣ того Императоръ, потребовавъ его въ Сен-Клу, вручилъ ему портфель Главной Полиціи.

Еслибы Савари зналъ Фуше такъ какъ я, то навѣрное не имѣлъ бы такой неистощимой къ нему довѣренности, что дозволилъ ему оставаться болѣе двухъ недѣль въ Министерскомъ домѣ послѣ отставки. Послѣ возвращенія моего въ Парижъ, опытность раскрыла глаза Герцогу Ровиго, и онъ себѣ представилъ во всемъ странствѣ сдѣланный имъ перазсудительный по-

ступокъ; онъ разсказалъ мнѣ, какъ Фуше въ продолженіе этого времени сжегъ всѣ бумаги, вмѣсто того, чтобы привести ихъ въ порядокъ для сдачи ему, такъ что по окончаніи такой классификаціи на образецъ Дюбуа, новый Министръ остался при тѣхъ только свѣденіяхъ, какія предметнику его угодно было передать ему, свѣденіяхъ, къ которымъ имѣть полное довѣріе, было чрезвычайно опасно.

Такія утайки со стороны Фуше были предметомъ превосходнаго изученія для Герцога Ровинго, который замѣтилъ, что можно имѣть полезныя надзоры, не затѣсняя шпионами гостиныхъ, присудственныхъ мѣстъ, по всѣмъ вообще частямъ, и переднихъ особъ высокаго званія. Я не намѣренъ увѣрять, что употребленіе такихъ людей было совершенно уничтожено; но оно было ограничено, и если роскошь въ этомъ отношеніи исчезла, то покрайшій мѣръ осталось полное довольство.

Я былъ радъ, признаюсь, что Савари былъ расположенъ сдѣлать прощя пружины своего управленія, мало по малу истребить все то, что въ немъ было утѣснительнаго; впрочемъ каковы бы ни были его намѣренія, но не всегда располагать ими было въ его власти, и правда, что не безъ живѣйшаго чувства негервизія, читая его Записки, замѣчалъ я, что онъ охотно бралъ на себя отвѣтственность, тогда какъ одного

справедливаго слова достаточно было бы, чтобы она пала прямо на того, на кого следовало. Какъ бы то ни было, мнѣ очень нравилось въ Савари, показываемое имъ желаніе узнать истину для объясненія оной Наполеону, отъ котораго онъ часто за это въ награду терпѣлъ гнѣвъ; это происходило отъ того, что со времени чрезвычайнаго увеличенія Имперіи, явные Министры, вмѣсто того, чтобы усиливаться въ кредитъ, мало по малу, видѣли, что значительность должностей ихъ умньшается: такъ на примѣръ представленія о повышеніи чинами поступали изъ Кабинета Бертье, а не отъ Военнаго Министра, а всѣ дѣла, имѣющіе предметомъ всѣ части правленія внутренняго и вѣшняго, за исключеніемъ дѣлъ военныхъ и, можетъ статься, финансовыхъ, все сосредоточивалось въ кабинетѣ Г. Марс, безъ всякаго сомнѣнія, очень благороднаго человека, по котораго склонность говорить: *все хорошо*, очень много способствовало къ тому, чтобы *все было худо*.

Внутренняя торговля, мануфактуры и особливо многіе купеческіе дома въ Парижѣ находились, какъ я объяснилъ выше, въ такомъ упадкѣ, который тѣмъ былъ ощутительнѣе, что дѣлалъ странную противоположность съ пышностію Императорскаго двора, со времени женитьбы Наполеона на Маріи Луизѣ, которая уже нѣсколько мѣсяцовъ была беременна. Въ сихъ

обстоятельствахъ множество жалобъ ежедневно доходило до Герцога Ровиго, и я долженъ сказать, что онъ никогда не былъ такъ хорошъ со мною, какъ съ того времени, когда я попалъ въ немилость; онъ ласкалъ меня надеждою, что предупрежденіе противъ меня Наполеона, которому поводомъ былъ духъ мщенія, должно имѣть конецъ; я навѣрное зналъ, что онъ нѣсколько разъ принимался хлопотать объ этомъ. Наполеонъ слушалъ его, и не сердился; не упрекалъ его за тѣсную связь со мною, говорилъ даже на мой счетъ нѣсколько обязательныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ничего незначащихъ словъ, что давало время изготавиться новымъ навѣстамъ, и навести на него опять новыя сомнѣнія, въ то самое время какъ онъ уже почти совершенно удостовѣрился въ истинѣ. Однажды, когда я былъ у Герцога Ровиго, онъ мнѣ говорилъ объ этомъ финансовомъ переломѣ, который болѣе и болѣе устрашалъ Правительство; да и въ самой вещи было чего устрашаться. Въ Голландіи самыя значительныя дома заирали свои конторы, и занимались своими расчетами, чтобы кончить дѣла; запрещенная торговля, возпрепятствовать коей такъ невозможно, что я столь часто объяснялъ въ моихъ сношеніяхъ, повсюду такъ усиливалась, что дома, уплатившіе въ таможенно пошлины за ввозъ товаровъ раззорились. Савари сказалъ мнѣ, что объ

этомъ важномъ дѣлѣ разсуждаемо было въ тотъ самый день въ Совѣтѣ; что Императоръ получилъ разныя донесенія, которыя увеличивали его педоумѣнія на счетъ причинъ зла, но все доказывали, что зло было очевидно. Министръ, толкуя себѣ взглядъ Императора, одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые я такъ долго умѣлъ понимать лучше, чѣмъ іероглифы его письма, заключилъ, что не давалъ ему прямо приказанія, для того, чтобы не оскорбить другихъ Министровъ, Императоръ хотѣлъ изъявить ему желаніе узнать чрезъ него о настоящемъ положеніи вещей. Такое истолкованіе взгляда Бонапарте мнѣ показалось вѣрнымъ, и Герцогъ Ровинго спросилъ меня, какія были мои собственныя по сему предмету мысли. Я такъ давно не былъ въ Парижѣ, а потому и не могъ знать мѣстнаго нерелюма во всѣхъ его соотношеніяхъ; но послѣ всего, что читалъ въ моихъ Запискахъ о вредѣ Континентальной системы, можно себѣ представить, что я сказалъ вообще о семъ великомъ и нагубномъ безразудствѣ, отъ коего зло, постигшее Францію и Парижъ, по мнѣнію моему, было однимъ изъ неминуемыхъ послѣдствій. Савари, по видимому, соглашался съ нѣкоторыми изъ моихъ мыслей, хотя онъ находилъ, что я изъявлялъ ихъ съ излишнимъ преувеличеніемъ. Онъ былъ не правъ; слова мои были слѣдствіе убѣжденія, бывшаго въ то время въ

такой же степени, какъ и тогда, какъ происшествія слишкомъ хорошо оправдали мои предвидѣнія. Министръ сказалъ мнѣ, что ему желательно было бы посоветоваться съ такими людьми, которые свѣдѣніями своими могли бы пособить ему; выборъ его палъ на Г. Лафита, который тогда былъ уже извѣстенъ по здравому образу своихъ мыслей и строгой честности — онъ не могъ сдѣлать выбора лучше. Когда онъ мнѣ разсказалъ о своемъ намѣреніи, то я очень оное одобрилъ, и охотно соглашался принять на себя упрощить Г. Лафита повидаться съ Герцогомъ Ровинго. Министръ сей хотѣлъ получить объясненія, руководимыя свѣдѣніями, искусствомъ и опытностію Г. Лафита по тремъ главнымъ предметамъ: о переломѣ коммерціи, причинахъ онаго, и о томъ, какихъ отъ того можно ожидать послѣдствій; а потомъ предложить ему сложный и спорный вопросъ о Континентальной системѣ и о свободѣ торговли.

Я отправился къ Г. Лафиту, котораго засталъ въ большемъ безпокойствѣ на счетъ положенія дѣль, и одушевленнаго, какъ всегда, искреннею любовію къ общему благу. Онъ безъ всякаго затрудненія исполнилъ желаніе Герцога Ровинго, и я узналъ послѣ, что объясняясь откровенно, онъ сказалъ ему одну изъ тѣхъ истинъ, которую никогда изъяснять не должно въ опасеніи дать поводъ подумать, что онъ имѣють

надобность въ доказательствахъ: что во всякомъ правительствѣ, должно принять за непремѣнное правило, чтобы судить о ходѣ дѣлъ и мнѣніи, считать все что противно выгодамъ, необходимо противнымъ благосостоянію. Онъ представилъ ему коммерцію, какъ существо по свойству своему безвредное, тѣсно соединенное своими потребностями съ порядкомъ, который есть его жизнь, и возстающее только тогда какъ его оскорбляютъ или не обезпечиваютъ. Наконецъ, когда я узналъ отъ Герцога Ровиго, сколько онъ былъ вообще доволенъ тѣмъ, какъ Г. Лафитъ разсуждалъ о главныхъ предложенныхъ ему вопросахъ, я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что все, что ни говорилъ онъ о Континентальной системѣ и о свободѣ торговли, согласовалось съ тѣмъ, что я объ этомъ говорилъ ему самъ. Онъ доказалъ ему, что система сія, клонится къ цѣли совершенно противоположной той, какой изобрѣтатели ея ошибочно думали достигнуть, и какъ неоспоримое доказательство, привелъ на видъ состояніе финансовъ у двухъ противныхъ народовъ: Англійскій долгъ простирается слишкомъ до осьмнадцати милліардовъ, а Французскій едва превышаетъ тысячу двѣсти милліоновъ, и не смотря на такую ужасную разницу Лондону займы дѣлать было легко, а Парижу почти не возможно.

Справедливость замѣчаній Г. Лафита его поразила, и по очевидности доказательствъ, сопровождавшихъ сія замѣчанія, Герцогъ Ровиго просилъ его изъяснить оныя письменно; бумага была написана и представлена Императору Министромъ. Я узналъ, что въ тотъ самый день, какъ бумага сія представлена была Императору, въ Тюліери былъ Совѣтъ. Наполеонъ прочиталъ все до присутствія Совѣта, въ которомъ, по произволу случая, одинъ изъ Министровъ сдѣлалъ представленіе о запретительныхъ мѣрахъ; и такъ какъ давно слухъ посылся на счетъ за-запретительной системы, то можно себѣ представить, что ораторъ съ жаромъ объяснилъ выгоды и рѣдкія достоинства оной; но, сказавъ мнѣ Савари, Императоръ слушалъ сіе представленіе съ огорченіемъ, и жаловался на то, что наконецъ поставятъ Французскую торговлю въ ликвидаціонное положеніе. Эти слова были, конечно, хороши, но они ни къ чему не послужили, а если и послужили, такъ не къ многому; они были причиною нѣкоторыхъ облегченій, нѣкоторыхъ частныхъ пособій, безъ сомнѣнія похвальныхъ, но которые могли имѣть развѣ очень слабое вліяніе въ противоположность злу, которое все обманывало. Щедрость Императора была повсюду возхваляема; любовь его къ коммерціи почти боготворили; одобряли пособія, сдѣланныя между прочимъ почтенному Г. Обер-

камфу, основателю прекрасной Жулской мануфактуры; переломъ огъ-части утихъ, но зло неунитожилось; на этотъ конецъ надобно было обратиться къ тому, что было сдѣлано, сознаться, что вдалися въ обманъ, положить преграду необузданному честолюбію, признаться, что Континентальная система была со всеѣмъ не самое лучшее изобрѣтеніе новѣйшихъ временъ; признать нецѣльность нѣкоторыхъ совѣтниковъ, коихъ выгода состояла въ томъ, чтобы сгустивъ облака лести, воспрепятствовать свѣту истины озарять Императорскій тронъ, иначе какъ скоропреходящими лучами; надлежало наконецъ слушать безъ трепета слово свобода, безъ которой великія коммерческія предпріятія ничто иное, какъ мечтація. Наполеону ли, Императору, Королю Италіи, протектору конфедераціи, зятю Австрійскаго Императора, челоуѣку, который хотѣлъ завладѣть всеѣмъ міромъ, можно было пожелать чего нибудь изъ сего, если бы притомъ свобода была первымъ условіемъ?—вѣрно нѣтъ.

Въ послѣдней части предстоящаго мнѣ поприща, я являюсь дѣйствующимъ лицомъ при событіяхъ ознаменовавшихъ два возстановленія. Обратись къ частной жизни по возвращеніи моемъ изъ Гамбурга, я имѣлъ случай, по свлзямъ моимъ съ прежними друзьями, сдѣлавшимися тогда важными особами, видѣть и нѣжить

тайныя причины уничтоженія Имперіи, и потому судить, сколько возвращеніе Людовика XVIII было необходимою того времени, и о томъ, какія ошибки заставили сдѣлать пагубныя совѣтники этаго столь просвѣщеннаго Государя. И предъ нимъ я, также не скрывалъ истины въ разговорахъ, которые имѣлъ съ симъ Монархомъ, какъ тогда какъ меня назначили Главнымъ Директоромъ почтъ, такъ и тогда какъ поздняя его довѣренность вручила мнѣ трудное управленіе префектурою Полиціи, немного прежде достославнаго двадцатаго Марта. О всѣхъ сихъ предметахъ я продолжать буду, какъ и прежде, говорить только то, что или я самъ видѣлъ, или что узналъ положительнымъ образомъ.

ЗАМѢЧАНІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ОБЪЯСНЕНІЯ.

Я не хотѣлъ говорить въ моихъ Запискахъ ничего кромѣ слышаннаго мною лично отъ Раппа о покушеніи Станса на жизнь Императора, и оставилъ разсказъ мой таковымъ, какимъ онъ былъ давно сдѣланъ. Послѣ того я узналъ о написанной Герцогомъ Кадорскимъ нотѣ; я считаю за нужное помѣстить здѣсь оную, на тотъ конецъ, чтобы читатели могли судить и сдѣлать сравненіе.

НОТА ГЕРЦОГА КАДОРСКАГО.

«Въ сочиненіи, изданномъ подъ заглавіемъ Записки о внутренности Императорскаго Дворца, которое содержитъ въ себѣ «разнаго рода подробности, и между прочимъ весьма ошибочныя о томъ, какимъ образомъ заключенъ былъ Вѣнскій миръ въ 1809 году. Какъ главное дѣйствующее притомъ лице, я считаю себя обязаннымъ объяснить, что какъ происходило.

«Сочинитель сей книги Г. Боссе, бывшій тогда Дворцовымъ «Префектомъ, говорилъ на страницахъ 558 и 565, 1-го т., что «миръ сей заключенъ былъ прямо Наполеономъ съ Австрійскими Коммисарами Принцемъ Иоганомъ Лихтенштейномъ и Графомъ Бубна, тогда какъ я былъ при семъ случаѣ въ качествѣ «Полномочнаго Министра, въ Альтембургѣ въ Венгріи занявъ «переговорами съ Графомъ Меттернихомъ, Полномочнымъ Австрійскаго Императора, и послѣ подписанія Шенбрунскаго «трактата 14 Октября 1809 присланъ ко мнѣ въ Альтембургъ «съ извѣстіемъ о томъ курьеръ; онъ говоритъ объ обѣдѣ у Наполеона, гдѣ я изъявилъ большое удивленіе на счетъ того, что «произошло во время моего отсутствія. [Г. Боссе предполагаетъ, «что это миръ]. Такія показанія не имѣютъ ни малѣйшаго «основанія; я велъ переговоры съ Принцемъ Лихтенштейномъ «и подписалъ мирный договоръ не въ Шенбруннѣ, а въ Вѣнѣ «въ квартирѣ моей въ замкѣ [Burg], 14 Октября въ пятомъ «часу утра. Описаніе сего случая довольно занимательно.

«Послѣ Знамскаго перемирія, послѣдовавшаго за Ваграмъ

скимъ сраженіемъ, назначены были уполномоченные для переговоровъ о мирѣ: я со стороны Наполеона, а Графъ Меттернихъ отъ Австрійскаго Императора. Альтсбургъ въ Венгрии «былъ назначенъ мѣстомъ присутствія конгресса. Совѣщанія начались въ Августѣ мѣсяцѣ со всеми торжественными обрядами такъ называемаго конгресса. Каждаго собранія составляли журналы, и журналы сіи посылались къ обоимъ дворамъ, отъ которыхъ должно было ожидать отвѣтовъ. Австрія не очень торопилась заключеніемъ: тогда Англичане дѣлали нападенія на Шельдъ, и такая диверсія могла быть выгодна Австрійцамъ. Министръ ихъ удивительно способствовалъ такимъ отлагательнымъ намѣреніямъ всеми средствами, какія только внушали ему искусство и тонкость ума его. Я получалъ каждый день, часто и два раза, отъ Наполеона отвѣты на мои депешы; я отъ него былъ въ разстояніи только двадцати пяти миль. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ онъ началъ понуждать меня ускорить переговоры; онъ жаловался на медленность Меттерниха; говорилъ даже «будто бы и Австрійскій Императоръ этимъ недоволенъ. Государь сей писалъ къ нему чрезъ своего Адъютанта Графа Бубна; Наполеонъ прислалъ мнѣ копію съ его письма, а равно и съ своихъ отвѣтовъ. Онъ прислалъ мнѣ очень подробное изложеніе разговора, бывшаго у него съ Г. Бубна 22 ч. Сентября. Желая, чтобы все доходило до меня, онъ передавалъ мнѣ получаемыя имъ отъ Россійскаго Императора письма, а я чрезъ посредство Г. Коленкура, находившагося въ то время при семъ Государѣ извѣщалъ его о ходѣ переговоровъ. Они еще не имѣли ни какого успѣха, когда я получилъ отъ Наполеона письмо отъ 27 Сентября, въ половинѣ третьяго часа; онъ писалъ мнѣ: *«Я желаю, чтобы черезъ часъ по получени сего письма вы отправились ко мнѣ. На другой день я буду въ Вьенѣ, а часъ спустя въ Шенбруннѣ. Наполеонъ сказалъ мнѣ, что онъ назначилъ Принца Лихтенштейна уполномоченнымъ на мѣсто Г. Меттерниха, а Г. Бубна далъ ему въ помощь, какъ Совѣтникъ. Я тотчасъ вступилъ въ переговоры съ ними господами. Наши совѣщанія были очень часты, но безъ торжественныхъ обрядовъ и протоколовъ, однако каждый разъ что нибудь рѣшали. 30 Сентября господа сіи пріѣхали въ Шенбруннѣ, въ театрѣ; Наполеонъ велѣлъ позвать ихъ къ себѣ, говорилъ съ ними и*

«далъ мнѣ знать о послѣдствіи своего разговора. Опъ ѣздить на «границы Штиринъ; по возвращеніи его изъ сей поѣздки согла- «шеніе о главнѣйшихъ статьяхъ было кончено. Но мы остано- «вились при статьѣ о военной контрибуціи. Я, вмѣнемъ Франціи, «требовать ста милліоновъ, каковое требованіе было очень скром- «но въ сравненіи съ тѣмъ, каковое послѣ сдѣлало Франціи. Ав- «стрійскіе уполномоченные не соглашались дать болѣе пятиде- «сяти милліоновъ; Наполеонъ объявилъ, что не уступитъ ничего; «Австрійцы отвѣчали, что они ничего не прибавятъ, потому что «по другимъ статьямъ сдѣлали чрезвычайно значительныя по- «жертвованія. Таковыя споры происходили у меня въ Вѣнѣ, «куда ежедневно пріѣзжали Принцъ Лихтенштейнъ и Графъ «Бубна. Въ послѣдніи дни ни на что не согласились и мы не «могли придумать, чѣмъ кончится такое взаимное упрямство, «какъ вдругъ происшествіе; мало извѣстное, о которомъ едва го- «ворили, и которое считали недолежавшимъ имѣть никакого «послѣдствія, рѣшило въ сію минуту положеніе Европы.

«Наполеонъ жилъ въ Шенбрунскомъ Дворцѣ, въ двухъ пе- «болышихъ миляхъ отъ Вѣны; въ опредѣленные дни на обшир- «номъ дворцовомъ дворѣ, онъ дѣлалъ смотры, которые привле- «кали множество народа изъ Вѣны. Онъ былъ доволенъ, что при «сихъ случаяхъ могъ показать себя жителямъ сей столицы, въ «своемъ могуществѣ; и такъ какъ ему хотѣлось имъ понравиться, «также какъ и вселить къ себѣ страхъ, онъ былъ съ ними очень «привѣтливъ. Въ одинъ изъ такихъ дней, 15 Октября [это число «очень достопримѣчательно я пріѣхалъ изъ Вѣны, чтобы зани- «маться съ нимъ. Послѣ продолжавшагося нѣсколько минутъ «разговора, онъ сказалъ мнѣ: *Я пойду дѣлать смотръ; оставь- «тесь въ моемъ кабинетѣ. Вы составите эту ноту, а я ее «разсмотрю послѣ смотра. Я* остался у него въ кабинетѣ съ «Г. Менисвалемъ, собственнымъ Секретаремъ его; Бонапартъ «скоро возвратился. *Принцъ Рихтенштейнъ*, сказалъ онъ мнѣ, «*никогда не говоритъ вамъ, что ему часто предлагали жерт- «вовать миссѣ — Говорить Государь, и съ этимъ выражалъ «ужасъ, съ какими отвергалъ такія предложенія. — «Ну! сей гасъ сдѣлано на то покушеніе: пойдѣте со мною. «Я вышелъ съ нимъ въ залу. Тамъ было много разныхъ лицъ, «которые, казалось всѣ очень хлопотали, окруживъ молодого*

«человѣка лѣтъ осмнадцать или двадцати, пріятной и скромной паружности, выражавшей какую-то откровенность; онъ «одинъ повидимому, сохранялъ чрезвычайное спокойствіе духа. «Это былъ убійца. Наполеонъ съ большою ласковостію самъ его «допрашивалъ, а Генералъ Раппъ былъ за переводчика. Я здѣсь «помѣщу только тѣ его отвѣты, которые наиболѣе меня поразили:—За чѣмъ хотѣли вы убить меня?—Потому, что для Германіи не будетъ мира до тѣхъ поръ, пока вы будете существовать на свѣтѣ.—Кто внушилъ вамъ такое намѣреніе?—Любовь къ моему отечеству.—Не совѣтовались ли вы съ кѣмъ объ этомъ?—Нѣтъ, я все нашелъ въ моей совѣсти.—Знали ли вы, какой подвергался опасности?—Зналъ; но я буду счастливъ, умирая за отечество.—Вы учились закону Божию: неужели вы думаете, что Богъ дастъ право на убійство?—Я надѣюсь, что Богъ проститъ меня по уваженію побудившихъ меня причинъ.—Развѣ въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ вы воспитывались, преподаютъ такое ученіе?—Большее число воспитывавшихся со мною одушевлены тѣми же чувствами, и готовы пожертвовать своею жизнію на пользу отечества. . . .—Чтобы вы сдѣлали, если бы вамъ даровать свободу?—Я бы убилъ васъ.—И эти свирѣпныя слова говорены были тихимъ голосомъ, съ скромнымъ видомъ, безъ хвастовства и нахальства.

«Ужасное чистосердечіе сихъ отвѣтовъ, показывая имъ холодную и непоколебимую рѣшимость, и фанатизмъ въ столь сильной мѣрѣ превышающій всѣ человѣческія опасенія, сдѣлали на Наполеона такое впечатлѣніе, которое по моему мнѣнію, тѣмъ было глубже, чѣмъ болѣе показывалъ онъ хладнокровія. Онъ «велѣлъ всѣмъ удалиться, и я остался съ нимъ одинъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ о такомъ сѣзпомъ и разсужденіемъ изготовленномъ фанатизмъ, онъ сказалъ мнѣ: Надобно заключить миръ; «позжайте въ Вѣну и пригласите къ себѣ Австрійскихъ Полномочныхъ. Вы уже согласились на счетъ важнѣйшихъ статей, «васъ остававшая только военная контрибуція—у васъ споръ «въ пятидесяти милліонахъ; разделите пополамъ спорную сумму; «склоните ихъ дать вамъ семьдесятъ пять милліоновъ, если уже ничего нельзя сдѣлать лучше, и заключите миръ. Последний «спрохтъ, мнѣ вами представленный, мнѣ правится: сдѣлайте къ «нему тѣ прибавленія, какія вы признаете за нужное. Я въ

«этомъ полагаюсь совершенно на васъ, только заключите миръ.»
 «Я отъ него вышелъ. Еще ввечеру Принцъ Анхтенштейнъ и
 «Г Бубна были у меня; я заперся съ ними. Споры продолжа-
 «лись; я вырывалъ милліонъ за милліонъ. Выманявъ требо-
 «ванные семдесятъ пять милліонъ, я увидѣлъ, что есть воз-
 «можность идти далѣе, и достигъ восьмидесяти пяти. Къ двумъ
 «или тремъ часамъ главные пункты были соглашены. Я велѣлъ
 «свойти Г. Бернадіеру, Начальнику перваго отдѣленія Мини-
 «стерства, чтобы писать и, кажется Бодара, чтобы переписы-
 «вать. Проектъ и коніи были скоро готовы и до пяти часовъ
 «утра, трактатъ былъ подписанъ; въ шесть я былъ уже въ
 «Шенбруннѣ. Наполеонъ подошелъ ко мнѣ съ безпокойнымъ
 «видомъ. «Ну сударь, что вы сдѣлали нынѣшняго почто?—Миръ,
 «Государь.—Какъ, миръ? и трактатъ подписанъ? — Подписанъ,
 «Государь, вотъ онъ.» Лице его прояснело; и онъ изъявлялъ
 «некреннее свое удовольствіе. «Посмотримъ же этотъ трактатъ.»
 «Я ему прочиталъ оный. «Какъ! восемьдесятъ пять милліонъ
 «контрибуціи, когда я готовъ былъ удовольствоваться семиде-
 «сятью пятью! Это очень хорошо.» Каждый прочитанный мною
 «пунктъ, удостоенъ былъ его одобренія; онъ мнѣ повторялъ:
 «очень хорошо.

«Вы умете предвидѣть; вотъ положеніе, о которомъ я и
 «не подумалъ. Это хорошій трактатъ: онъ написанъ прекрасно;
 «я очень доволенъ. Ему рѣдко случалось такимъ образомъ из-
 «являть свое удовольствіе; обыкновенно знакомъ онаго у него
 «было молчаніе. Но надобно сказать, что никогда не случалось,
 «чтобы столь важный актъ былъ подписанъ, и онъ ничего не по-
 «справлялъ въ проектъ, который разъ двадцать разсматривалъ.
 «Тоже самое соблюдалъ онъ и въ отношеніи къ простымъ ди-
 «пломатическимъ нотамъ; столько-то онъ употреблялъ благополу-
 «чія и разсудительности въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ,
 «чюкрайній мѣръ на бумагѣ.

«Немѣдленно онъ велѣлъ готовиться къ его отъѣзду и дѣлать
 «распоряженіе къ выступленію войскъ. 17 Октября, три дня
 «снуетъ послѣ подписанія договора, онъ былъ уже на пути въ
 «Минхенъ, откуда писалъ мнѣ 22 числа. Онъ оставилъ меня,
 «чтобы размѣняться ратификаціями, возложивъ на меня дать
 «знать Принцу Певнательскому, что онъ долженъ устроить

«линію сигналовъ, чтобы передать извѣстіе о семъ отъ одного «военнаго поста до другаго, до Мюнхена. Г. Вурмсъ, Оберъ-«Камергеръ Австрійскаго Императора, не замѣдлль пріѣхать «въ Вѣну, съ порученіемъ развѣять ратификацію своего «Государя. Развѣтъ учиненъ; я увѣдомль о томъ Принца «Невшательскаго и уѣхалъ. При дѣланіи сигналовъ, ошибльсь: «по счастью туманъ замѣдлль производство ихъ. Я прібыль «въ Мюнхенъ въ тоже время и предупредль безпорядокъ и «безнокойство, какое могла произвести такая ошибка. Немного «часовъ спустя послѣ моего пріѣзда, Наполеонъ отправлься во «Францію; 27 ч. Октября онъ былъ въ Фонтенебло.

«Если найдутъ, что я въ семъ описаніи приписываю внезап-
ное заключеніе мира живому впечатлѣнію, произведенному
«накавуиѣ на Наполеона, я очень далекъ отъ того, чтобы хо-
«тѣть приписать столь великому человеку, который, въ жизни
«своей, остающейся на вѣки славною по непъяснимымъ успе-
«хамъ и несчастіямъ, имѣлъ столько случаевъ показать свое му-
«жеество, недостойное его чувство страха. Вознесенный на него
«книжалъ, не устранилъ его; но онъ открывалъ предъ нимъ
«расположеніе народовъ Германіи, потребность ихъ въ мирѣ,
«жаръ ихъ намъреній и готовность ихъ, для достиженія успѣха,
«сдѣлать всевозможныя жертвы. Миръ сей былъ согласенъ съ
«его пользамъ; трактатъ былъ чрезвычайно выгоденъ; онъ до-
«ставлялъ ему или его союзникамъ, огромное пространство земли
«и многочисленное народонаселеніе. Положеніе наше въ Вѣнѣ,
«если бы намъ привелось тамъ проводить зиму, могло бы сдѣ-
«латься очень тѣснымъ. Раздраженная Германія была между
«Франціею и нами. Партизанъ Шильль далъ примѣръ возстанія.
«Жалкое затрудненіе въ деньгахъ, могло ли замѣдлать долѣе
«заключеніе мира столь согласнаго съ видами Франціи? Вотъ
«что поспѣлъ Наполеонъ. Ему такъ всегда тяжело было ограни-
«чивать себя въ своихъ успѣхахъ! чѣмъ болѣе онъ пріобрѣталъ,
«тѣмъ болѣе желалъ пріобрѣсти. Самая легкая возможность по-
«лучить выгоду, давала ему на то надежду, а надежда была для
«него достовѣрность: по этому надобно ли было изторгать у
«него или выманивать миръ; или, когда онъ согласился, то пе-
«сдавать ему времени размыслить. Въ семъ случаѣ, я имѣлъ это
«достоинство—я не потерялъ ни минуты; я опровергъ самъ мно-

«сія затрудненія, которыя въ другое время, должны быть бы «представити на его разрѣшеніе и подписать мирный договоръ, «котораго онъ невидаль... Однимъ словомъ я заключить миръ, «а это столь великое добро, что должно считать себя счастли- «вымъ тому, кто къ сему способствовалъ: это награда за множе- «ство трудовъ и безпокойствъ, которые повсюду неразлучны съ «званіемъ Министра. Сего участія въ миръ лишать меня Г- «Боссе, обманывая не знаю чѣмъ—я долженъ былъ объявить «мои права на это участіе; причина сія взяла верхъ надъ не- «охотою моею говорить о самомъ себѣ, что я дѣлалъ здѣсь въ «первыя.

«Кто могъ ввести Г. Боссе въ такую странную ошибку?— «не знаю. Онъ могъ не знать вирожденія двухъ недель, что я «былъ въ Вѣнѣ, и вѣлъ тамъ переговоры съ Принцемъ Лихтен- «штейномъ, предполагая между тѣмъ, что я въ Алтембургъ. Мѣ- «сто его пребыванія было Шенбруннъ. Правда, что я прѣзжалъ «туда почти ежедневно, чтобы заниматься съ Наполеономъ, но «въ такіе часы, когда Г. Боссе по обязанности своей при немъ «не находился, и по окончаніи моихъ занятій немедленно воз- «вращался въ Вѣну. Наполеонъ содержалъ дворъ свой въ боль- «шомъ отдаленіи отъ Государственныхъ дѣлъ, и политическія «новости тѣмъ менѣе тѣмъ были извѣстны, чѣмъ больше старался «угадать ихъ, дѣлая заключенія по вырвавшимся изъ устъ Го- «сударя или его Министровъ словамъ, по разговорамъ за сто- «ломъ и другимъ очень двусмысленнымъ и неопредѣленнымъ «признакамъ. Наполеонъ дѣлалъ себѣ забаву изъ того, что вво- «диль въ ошибочное мнѣніе тѣхъ, кто хотѣлъ разгадать его и «обманывалъ все заключенія. Посему-го приписываемый Г-мъ «Боссе Наполеону и мнѣ разговора за столомъ, по моему воз- «вращеніи изъ Алтембурга, если онъ хорошенько припомнитъ «сонный, имѣлъ безъ сомнѣнія отношеніе, не къ миру, который «заключенъ шестнадцатю диями позже, но можетъ быть къ за- «мѣщенію Г. Меттерниха Принцемъ Лихтенштейномъ, что слу- «чилось безъ меня, когда я былъ въ Алтембургъ; и такое за- «мѣщеніе было значительнымъ шагомъ къ миру.

«Во время Наполеона, дворъ былъ чуждъ Государственныхъ «дѣлъ, а Министры чужды двора. Последніе, даже, имѣли ме- «жду собою только необходимыя сношенія; и то что дѣлалось

«въ одномъ Министерствѣ, особенно въ Министерствѣ дипломатическихъ сношеній, было неизвѣстно въ другихъ. Наполеонъ «одинъ держалъ все нити въ своихъ рукахъ, управлять всемъ, «зналъ все тайны, тогда какъ его собственныя тайны, были «непроницаемы. Хотя въ семь обстоятельствъ Г. Боссе ошибся «въ своихъ предположеніяхъ, но книга его, изъясняя въ пред- «метъ совсѣмъ не политическій предметъ, не менѣе пріятна для «чтенія.

Парижъ, 8 Юля 1827.

«ШАМШАНЫ, ГЕРЦОГЪ КАДОРСКІЙ.

КОНЕЦЪ ОСЬМОЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

ОСЬМОЙ ЧАСТИ.

Г Л А В А I.

Стр.

Потеря повидимому дѣла Бурбоновъ.— Собранныя мною офиціальныя подробности о Лудовикѣ XVIII со вре- мени выезда его изъ Франціи.— Графъ Прованскій дуже принятъ въ Кобленцѣ.— Желаніе приблизить- ся къ Франціи.— Графъ Прованскій высланъ изъ Туринна своимъ тестемъ.— Описаніе Герцога Пармсака- го.— Убѣжище въ Венеціанскихъ владѣніяхъ.— Пре- бываніе въ Веронѣ.— Смерть Лудовика XVI.— Отъ- ездъ и золотая книга.— Слова Лудовика XVIII.— Отказъ дать убѣжище въ Австріи, Саксоніи и въ Пруссіи.— Убѣжище предложенное Навдомъ I-мъ въ Митавѣ и выездъ оттуда.— Пробываніе въ Вар- шавѣ.— Александръ и Лудовикъ XVIII.— Отъездъ изъ Митавы и отплытіе въ Англію.— Прибытіе Ко- роля въ Ярмутъ.— Золото и вѣрность.— Письма Аббата Булоа и Герцога д'Омонта.— Секретарь Г. Кашинга.— Изъясненіе поведенія Англійскаго Ми- нистерства.— Странное предсказаніе Г-на Лемерсе Нанолону.	1
---	---

Г Л А В А II.

Великій открыватель тайнъ.— Г. Рехтеръ въ Гамбургѣ. — Сообщенныя мною о немъ свѣдѣнія.— Письмо отъ Иозефини — Новыя требованія Императора у Ганзей- скихъ городовъ.— Уклончивые ответы.— Извѣстность	
---	--

мигъ замысловъ Наполеона касательно Германіи.—Неудобноисполнимыя приказанія. — Три тысячи матросовъ требующіе у Гамбурга.—Истощеніе средствъ.—Отъездъ Князя Понте-Корво. — Предсказанный Королевскій савъ и суевѣріе. — Письмо Бернадота. — Перехваченныя письма.—Ла Романа и Романинзловъ. 12

Г Л А В А Ш.

Адъютантъ Герцога Зюдерманландскаго.—Охранная стража данная Г. Сурмеру.—Я назначенъ Генеральнымъ Консуломъ въ Гамбургъ.—Неявственность судебныхъ приговоровъ.—Гнусный кавъ.—Отрывокъ изъ одного сочиненія.—Клевета на Г. Штейна, на Князя Витгенштейна и на меня. — Любовь Г-на Штейна къ свободѣ и ненависть Наполеона къ этому Министру.—Бонапарте читаетъ въ будущемъ. — Политическое завѣщаніе Барона Штейна.—Опроверженіе клеветы.—Обвѣщеніе, сдѣланное противъ Князя Витгенштейна.—Поддѣльная копія съ письма Графини Вось.—Умѣренность Бернадота. — Огорченіе и признательность Князя Витгенштейна. — Необходимая мѣра.—Письмо Бернадота къ Императору. — Офиціальная нота Прусскаго Министра въ Гамбургъ. — Оправданіе, затрудненное доносами. — Французскіе козни въ Берлинѣ. — Письменный отзывъ Князя Витгенштейна.—Лестное письмо Короля Прусскаго. 21

Г Л А В А ІV.

Европа, Крещенскій пирогъ — Принцъ Шаумбургъ-Липпе и Герцогъ Голштинскій. — Письма ко мнѣ Германскихъ Принцевъ. — Желаніе участвовать въ Рейнскомъ союзѣ. — Клевета на меня относительно Г-на Гю.—Вѣрность службы Наполеону и поведеніе мое съ эмигрантами.—Принятое обвиненіе. — Предвидѣніе возврата Бурбоновъ.—Пресмичкъ Бернадота

Стр

въ Гамбургѣ.—Поведеніе Генерала Дюпа. — Требования и притѣсенія. — Народное волненіе у воротъ Гамбурга, запертыхъ прежде опредѣленнаго времени. — Отецъ пятерыхъ дѣтей убитъ на бочкѣ.—Сходство между Дюпа и Кларкомъ.—Бѣшенство Дюпа и разбитыя тарелки.—Письмо мое къ Бернадоту.—Благодарный и примѣчательный отвѣтъ.—Возвращеніе Бернадота въ Гамбургъ, а Дюпа въ Любекъ. — Новыл притѣсенія и Сенаторъ Польшинъ. — Прекрасный постоупокъ Адыютапта Барраля. 44

Г Л А В А V.

Достопримѣчательныя событія 1808 года.— Обнародованіе Комерческаго Устава. — Земли, завосавныя Сенатскими Указами.—Важность Посланничьяго мѣста въ Гамбургѣ.—Дворецъ Элизе-Бурбоиъ и Неаполитанское Королевство — Три событія въ одинъ день, въ Лиссабонѣ, въ Парижѣ и въ Римѣ. — Учрежденіе Генераль-Губернаторства за-Альпійскихъ Департаментовъ.—Воспоминаніе о времени Консульства — Примѣненіе одного Вольтерова стиха.—Учрежденіе Императорскаго Дворянства — Возстановленіе Университета и перемѣна мыслей Наполеона на счетъ восстанія. — Распространеніе Италіянскаго Королевства на счетъ Римскихъ владѣній.— Вывѣздъ изъ Парижа Кардинала Капрары —Безпокойства на счетъ Россіи. —Посредство Императора Александра между Франціею и Англіею.— Свиданіе въ Эрфуртѣ. — Письмо Императора Австрійскаго къ Наполеону. — Подозрѣнія относительно Финляндіи и Россіи. 62

Г Л А В А VI.

Необходимость Эрфуртскаго свиданія. — Просимое Дачіею у Россіи посредничество. — Иосифъ признанъ Императоромъ Александромъ.—Притѣсенія, дѣлаемыя

Французами въ Копенгагенѣ. — Маркизь де ла Романа. — Неудобство различія языковъ. — Испанскіе книжки. — Изображеніе Маркиза де ла Романы. — Именны Короля Испанскаго. — Сошлывость де ла Романы. — Отправленіе въ Фіонію. — Невѣроятное притворство. — Именны Наполеона и лейта Почетнаго Легіона. — Уходъ ла Романы и всеобщее удивленіе. — Желанія Германіи, неблагопріятныя для Наполеона. — Англійскіе агенты и Голландскія войска. — Усиленіе бдительности и необходимыя наказанія. — Удобство сообщеній съ твердою землею. — Замедленіе почты изъ Россіи. — Безпокойство и жалбы Гамбургскаго купечества. — Письма, распечатываемыя двумя агентами. — Пріятность жизни въ Гамбургѣ. — Права Гамбургцевъ. — Монтескіе и Тосканскій Министръ. — Баронъ Фохтъ. — Точность Гамбургскихъ жителей. — Приглашеніе за шесть мѣсяцевъ впередъ. . . 76

Г Л А В А VII.

Дѣйствіе, производимое присутствіемъ Наполеона. — Поездка въ Италію. — Причины оцой. — Усыновленіе Евгенія. — Свиданіе съ Луціаномъ. — Принцъ Астурійскій и дочь Луціана. — Разговоръ съ Дюрокомъ. — Замѣчательный случай на возвратномъ пути Наполеона. — Завтракъ въ Шамбери. — 7. Августъ Сталь. — Представленіе Императору. — Любопытный разговоръ. — Просьба объ отъѣздѣ изгнанія Г-жи Сталь. — Причины отказа. — Опасность пребыванія Г-жи Сталь въ Парижъ — Знамя Сен-Жерменскаго предместья — Последнее сочиненіе Г. Неккера. — Несравненіе Наполеона къ сочинителямъ системъ и къ экономистамъ. — Нужный человекъ. — Обвиненіе Неккера во всѣхъ бѣдствіяхъ Революціи — Присутствіе духа молодого Сталя. — Престоль, доставленный Революціею. — Окончаніе завтрака и продолженіе разговора. — Легенія слова Наполеона Г-ну Стально. — Новыя просьбы и

Стр.

новый отказ.—Политика во всемъ.—Неспособность
Г. Неккера.—Священный долгъ.— Слова, сказанныя
Наполеономъ Дюроку.— Размышленія. 89

Г Л А В А VIII.

Первый Консулъ и Республики, Императоръ и Королев-
ства.—Сравненіе Наполеона съ покупщиками имѣній
на чужое имя.—Положеніе Батавской Республики.
—Депутация и предложенная Лудовику корона.—
Обыкновенная форма и лесть.—Отвѣтъ Наполеона
и рѣчь Лудовика Императору.—Лудовикъ, Король
Голландскій.—Безпокойство Лудовика и бѣдствія
Континентальной Системы.—Предложеніе Испанской
короны и отказъ принять оную.—Попытка Напо-
леона овладѣть Брабантомъ.—Притворное на счетъ
сего равнодушіе и умѣренность.—Достопримѣтатель-
ное письмо Наполеона.—Понятія его объ обязан-
ностяхъ къ нему Принцевъ его семейства.—Упрекъ
и требованія.—Разорительныя условія или война.—
Прекращеніе переписки между Лудовикомъ и Напо-
леономъ.—Лудовикъ призванъ въ Парижъ.—Вассалы
Имперіи.—Тщетное покушеніе узхаты.—Лудовикъ
подъ надзоромъ Полиціи.—Твердость духа.—Не-
привычныя для Императора рѣчи.—Участіе, при-
нимаемое мною въ Лудовикъ.—Гамбургъ и Голландія.
—Возвращеніе Лудовика и письмо его къ Наполеону.
—Основательныя представленія, принятыя съ гнѣ-
вомъ.—Жестокое письмо Наполеона.—Лакейская
ссора въ Амстердамъ, обращенная въ важное дипло-
матическое дѣло.—Французскій Посланникъ и его
кучерь.—Гнѣвъ Наполеона и послѣднее письмо его
къ Лудовику.—Волкъ и ягненокъ.—Жестокое по-
ложеніе Лудовика.—Намѣреніе отречься отъ престо-
ла и манифестъ Законодательному Корпусу.—Отре-
ченіе Лудовика въ пользу его сына.—Страшное сбли-

женіе.—Прощаніе Лудовика съ Голландцами. — Неполненіе условій акта отреченія и протестъ.—Письмо къ Лудовику Г-на Отто диктованное Императоромъ. 108

Г Л А В А IX.

Мечъ Бонапарте, основаніе его Имперіи. — Требованіе войскъ у Державъ, при конхъ я былъ Посланникомъ. — Неудача.—Политика Меттерниха —Тугуты и Кауницъ.—Россія относительно Франціи. — Связь Австріи и Россіи. — Возвращеніе Англичанъ въ Испанію.—Желаніе Сумъта, сдѣлаться Королемъ Португальскимъ, а Мюрата, наследникомъ Императора.—Первый наборъ земскаго ополченія въ Австріи.—Гамбургскій Кореспондентъ и чиновникъ Военнаго Министерства въ Вѣнѣ.—Прежнія обстоятельства кампаніи 1809 года.—Письмо Наполеона къ Императору Австрійскому.—Моя преждевременная увѣренность о неизбѣжности войны.—Мечты Австріи.—Нота Принца Карла, сообщенная въ Парижъ посредствомъ Телеграфа. — Невѣроятная быстрота Наполеона.—Принятіе начальства надъ Баварскими солдатами.—Воззваніе Императора къ войску.—Оссіанъ и Бонапарте. 147

Г Л А В А X.

Начало кампаніи 1809 года —Отъездъ Бернадота въ армию. — Памятозлobie Императора и неудовольствіе Маршала.—Письмо ко мнѣ Бернадота. — Быстрота похода Императора. — Проектъ Англійской экспедиціи.—Планъ кампаніи Принца Карла.—Дипломатическія сношенія между Англіею и Австріею.—Англичане въ Куксгафенѣ. — Выходъ изъ Консгагена.—Г. Дезаръ, агентъ Гамбургскаго Консульства, и Лордъ Стюартъ.—Безполезность козней Англии.—Наполеонъ раненъ въ пятку. — Ратисбонское воззваніе.—Хвас-

Стр.

товство, оправданное дѣломъ. — Маіоръ Шилль. —
Хитрость шпиона. — Гамбургъ, угрожаемый и спасен-
ный. — Твердость жителей. — Шпаль въ Любекъ. —
Смерть Шилля и уничтоженіе его отряда. — Герцогъ
Брауншвейгъ — Эльскій, подражатель Шиллю. — Ге-
нераль Рейбель, лишенный начальства Иеронимомъ. —
Уходъ Англичанъ изъ Куксгафена. 462

Г Л А В А XI.

Проводникъ Наполеона и Дирингтейнскій замокъ. — Ма-
гическое предвидѣніе. — Ричардъ Львиное Сердце
и Маршалъ Лангъ. — Императоръ предъ вратами
Вѣны. — Бомбардированіе и Эрцгерцогиня Марія
Луиза. — Новое воззваніе Наполеона. — Оскорбленіе
Императора Австрійскаго. — Воззваніе и бюлетиш. —
Слишкомъ много дѣлъ за разъ. — Свободная торговля
съ Англією. — Удобство переписки. — Таможенные и
провозъ запрещенныхъ товаровъ въ Гамбургъ. —
Шесть тысячъ контрабандистовъ. — Сахарный несокъ.
— Провозъ товаровъ подъ видомъ похоронъ. — Безпо-
лезность наказаній. — Наблюденіе за печатаніемъ по-
востей въ Гамбургскомъ корреспондентѣ. — исклю-
ченіе статей. 475

Г Л А В А XII.

Именины Наполеона — Невероятная жестъ духовенства. —
Изреченіе Платія. — Великія дѣла, свершенныя Им-
ператоромъ. — Пожалованіе Князьями и Герцогами. —
Новѣзка моя въ Любекъ. — Полковъ д'Аликсъ —
Оправдавшеся предчувствіе. — Извѣщеніе отъ Вест-
фальской Полиціи. — Взятіе д'Аликса подъ стражу и
отсылака его въ Парижъ. — Путешествіе Короля Вест-
фальскаго. — Прѣжше письмо Иеронима и письмо Ко-
роля Вестфальскаго, содержація въ себѣ требованія
денегъ. — Не удавшийся засмѣль. — Выдача въ долъ

трехъ сотъ тысячъ франковъ на уплату жалованья войскамъ и снабженіе ихъ необходимыми вещами. — Подарокъ, присланный мнѣ Геронимомъ. — Досада Императора. — Отосланный назадъ подарокъ. — Врожденная недовѣрчивость Наполеона. — Ложное предложеніе козней со стороны Геронима. — Правильный ходъ дѣла. — Причина охотной выдачи въ заемъ трехъ сотъ тысячъ франковъ. 186

Г Л А В А XIII.

Дѣла Императора и замыслы Бонапарте. — Возвращеніе къ прежней мысли о возмущеніи Венгріи. — Посвященіе Ваграмскаго поля битвы. — Владѣнія Папы присоединены къ Имперіи, и Римъ объявленъ вторымъ Императорскимъ городомъ. — Папа на жалованьи. — Несправедливость и неблагодарность. — Огорченіе Наполеона при извѣстіи о Талавейрской битвѣ. — Первые подвиги Артура Веллесселя. — Англичане въ Голландіи. — Замедлившіеся переговоры. — Желаніе Наполеона отомстить Испаніи. — Бѣдствія, претерпѣваемая Германією. — Опасность, кою Императоръ подвергся въ Шёнбруннѣ. — Штапсъ — Разсказъ Ранна. — Штапсъ въ Шёнбруннѣ. — Желаніе его переговорить съ Императоромъ. — Открытый убійца. — Признаніе, и чрезвычайное хладнокровіе. — Штапсъ допрошенъ Наполеономъ — Общанное и отвергнутое помилowanіе. — Изступленная любовь къ отечеству — Замѣчательныя ответы. — Призывъ Көрвизара. — Новый допросъ. — Изумленіе Императора. — Выходка Наполеона противъ иллюминатовъ. — Обвиненіе дворовъ Берлинскаго и Веймарскаго. — Сравненіе между Шпаллемъ и Штапсомъ. — Откровенность Ранна. — Штапсъ ни въ чемъ не признается — Умъ Наполеона пораженъ этимъ молодымъ человекомъ. — Подробности о смерти Штапса. — Вліяніе его попытки на заключеніе мира. — Приказанія Г. Шампаньи. — Сча-

Стр.

стгвая посѣщцность этого Министра къ заключенію
мира. 196

Г Л А В А XIV.

Слѣдствія присоединенія Папскихъ владѣній къ Имперіи.
— Всеобщее неодобреніе.— Замужденіе Императора
на счетъ Римскаго Двора.—Указъ о взятіи земель и
булла отлученія отъ Церкви.— Безпокойство, причи-
ненное Наполеону сопротивленіемъ Папы. — Папа
увезенный и блуждающій по Италіи — Сближеніе чи-
сель. — Четырнадцатое Іюля и Маршалъ Макдо-
нальдъ.—Маршальскій жезлъ, данный на полѣ битвы,
и слова Наполеона.—Принцъ Меклембургскій.—Воз-
вращеніе изъ Англіи и затрудненія при выходѣ на
берегъ.—Строгость приказаній Наполеона.—Братъ и
сестра. — Датская Наслѣдная Принцесса и раздука
съ мужемъ. — Снисходительное письмо Короля Дат-
скаго и отеческая строгость.— Свѣдѣніе, сообщенное
мнѣ Барономъ Шлессеномъ — Поведеніе Наслѣдной
Принцессы въ Альтонѣ.—Генераль Морандъ въ Сам-
бургѣ.—Общее о немъ сожалѣніе, и бичъ Гамбурга. 218

Г Л А В А XV.

Уничтоженіе Германской Имперіи.—Два Франциска Пер-
вые.—Условія Шенбрунскаго трактата.—Доля Напо-
леона и доля его союзниковъ. — Австрія лишается
приморскихъ земель.— Генераль-Губернаторство Па-
лирийскихъ Провинцій.—Наполеонъ въ Шмьенбургѣ
и у Короля Виртембергскаго.—Умѣвший Государь
въ Европѣ — Наполеонъ въ Фонтенебло, и первая
рѣчь о разводѣ — Прибытіе въ Тюліери съ однимъ
проводатымъ. — Г. Монтаниве, Министръ Внутрен-
нихъ Дѣлъ.—Вѣчныя подозрѣнія Полиціи.— Фран-
цузская и Нѣмецкая книжки.— Г. Реймарусъ, цесъ

Стр.

Г. Рейнгарда, и Гець.—Генераль Молиторъ въ Гамбургъ.—Число Французскихъ войскъ въ Ганзейскихъ городахъ. — Вѣсть о бракѣ Наполеона съ Маріею-Луизою.—Два эстафета. — Всеобщій восторгъ.—Надежда на продолжительный миръ. — Возвышеніе курса Австрійскихъ ассигнацій —Евгеній наследникъ Князя Примаса.— Охлажденный восторгъ и тяжести, возложенныя на Ганзейскіе города.—Новыя просьбы о выдачѣ жалованья войскамъ.— Двадцать пять милліоновъ съ одного города.— Эпоха ссоры Наполеона съ Лудовикомъ.—Первое путешествіе новой Императрицы. — Наполеонъ въ Голландіи.—Несчастное положеніе этой страны. — Зародышъ будущей войны съ Россіею.—Сбывшеся предвидѣніе. 228

Г Л А В А XVI.

Безнокойства на счетъ будущей участи Ганзейскихъ земель.—Новые Департаменты, присоединенныя къ Имперіи. — Сожженіе Англійскихъ товаровъ.— Дурное дѣйствіе, этимъ произведенное.— Притѣсненія Полиціи.—Г. Г. де Вержениъ и Ремюза.— Дѣвица Леду, оперная танцовщица. — Общество Г. Вержениа. — Явное неодобреніе Континентальной системы.— Значительный барышъ отъ запрещеннаго торга и невозможность унять производителей оного. — Нольза, извлеченная изъ неизбежнаго зла. — Планъ, предложенный мною Правительству. — Очевидныя выгоды. — Дѣвѣнадцать милліоновъ предполагаемаго сбора пошлицъ. — Принятіе моего плана и согласный съ онымъ указъ Императора. — Сорокъ милліоновъ чистой выгоды. — Нѣсколько словъ о выборѣ Бернадота въ Наслѣдныя Принцы Швеціи. — Пониженіе курса на Петербургъ.— Неосновательность опасеній Русскаго Кабинета. 241

Г Л А В А XVII.

Бернадотъ Наслѣдныи Принцъ Шведскій. — Послѣднія революціи въ Стокгольмѣ. — Герцогъ Зюдерманландскій Король Шведскій. — Густавъ-Адольфъ въ Гамбургѣ. — Первое предложеніе, сдѣланное Г-мъ Врде Бернадоту. — Письмо Князя Понте-Корво съ извѣщеніемъ меня о прїездѣ его въ Гамбургѣ. — Трехдневное пребываніе. — Неудовольствіе Россіи и поздравленія Короля Прусскаго. — Объясненія на счетъ Ваграмскаго дѣла. — Тайный приказъ, отданный только Маршаламъ. — Неизвѣстность истины. — Разсказъ Наслѣднаго Принца Шведскаго о сношеніяхъ его съ Императоромъ. — Наполеонъ благопріятствуетъ Королю Дитскому. — Дозволеніе, данное Бернадоту. — Актъ, помѣщенный въ Монитѣръ. — Позднее и неприемлемое условіе. — Благородная искренность Бернадота. — Свершеніе двухъ судебъ. — Легковѣрность Бернадота и ласки Императора. — Послѣднія слова Бонапарте о Наслѣдномъ Принцѣ. — Совѣты, данныя мною Бернадоту. — Спротивленіе Континентальной системѣ. — Бернадотъ становится Шведомъ. 251

Г Л А В А XVIII.

Занятія Наполеона. — Португалія и дворъ Римскій. — Г. де Болевъ кавалеръ 4 степени ордена Союза. — Бонапарте не хочетъ платить издержекъ за висеніе въ росписъ. — Мармонъ въ Имперіи. — Прибытіе Бернадота въ Швецію. — Письма, полученные мною отъ Генерала Жантиль - Сень - Альфонса и Наслѣднаго Принца. — Безуспѣшные переговоры. — Причины размовки Наполеона съ Бернадотомъ. — Неприличная теорія. — Данное и взятое назадъ Бернадоту дозволеніе. — Первое письмо Бернадота къ Императору. — Слова Бонапарте. — Покушеніе похитить Наслѣднаго Шведскаго Принца. — Вторженіе въ Шведскую По-

меранію и жалобы Бернадота. — Озлобленіе Бонапарте противъ Бернадота. — Принужденный союзъ Швеціи съ Англіею и Россіею. — Письмо Принца къ Императору Александру.—Надменность Французскаго Посланника въ Стокгольмъ.—Объясненія, сдѣланныя Бернадотомъ Императору.—Тайны воцѣленія. 276

Г Л А В Л А XIX.

Вредъ Континентальной торговли чувствуютъ въ Англіи. — Желаніе перемены. — Минерва, и несправедливыя жалобы. — Два издателя. — Г. Архенгольцъ и Г. Бранъ.—Подозрѣніе Бонапарте — Вице-Президентъ соединенныхъ Американскихъ Штатовъ. — Предписанный надзоръ.—Приказанія, отъ исполненія которыхъ уклонились. — Воспоминаніе о Вашингтонѣ.—Перевѣздъ Наслѣдной Шведской Принцессы въ Гамбургъ.—Краткое пребываніе въ Швеціи. — Наступаетъ часъ Ганзеатическихъ городовъ. — Письма ко мнѣ отъ Г. Шампани.—Привѣтствіе и вѣроломство Императора.—Отъѣздъ мой въ Парижъ — Курьеръ, который мнѣ попадаетъ въ Манцъ. — Г. ле Роа, Французскій Консулъ въ Гамбургъ.—Шесть новыхъ Департаментовъ.—Неудовольствія Россіи. — Предвѣщанія близкой войны.—Поддѣльная дружба. . . . 297

Г Л А В Л А XX.

Жадность до новостей.— Первая аудіенція Г. де Шампани.—Бонапарте велѣлъ отъ меня потребовать шесть милліоновъ.—Грубый отвѣтъ.—Затрудненіе Министра, какъ пересказать объ отвѣтѣ моемъ Императору.—Новая Палата Иностранныхъ Дѣлъ. — Бонапарте грызеть себя погги.—Воспоминаніе о Консульствѣ и разорительный совѣтъ.—Разсказанныя мнѣ подробности о женитбѣ Наполеоной. — Препровожденіе

Стр.

Марія Луизы въ Браунау. — Наполеонъ на островъ Св. Элены. — Генераль Шинеръ. — Вѣрность моихъ прежнихъ друзей.—Посѣщеніе Дюрока и разговоръ съ нимъ.—Прерванныя сношенія между Наполеономъ и Иозефиною. — Прощескія слова Императора. — Возложенная на Раппа должность при бракосочетаніи. — Поездка въ Мальмезонъ. — Впечатленіе отъ мѣсть и воспоминаній. — Иозефина и Гортензія.—Грусть Иозефины и жестокость Бонапарте.—Иозефина рассказываетъ мнѣ о своемъ разводѣ. — Торжество честолюбія. — Несчастныя предвѣщанія въ народѣ. —Марія-Луиза и Марія-Антуанета.—Всеобщее осужденіе развода.—Слабое облегченіе грусти Иозефины. . 307

Г Л А В А XXI.

Арестованіе молодого де Ла Сала. — Мнѣ поручено его допросить.—Вѣроятное одобреніе со стороны Императора.—Министръ Полиціи Герцогъ де Ровиго. — Разсказъ де Ла Салы. — Вліяніе проповѣдника. — Сравненіе Бонапарте съ Нерономъ. — Покушеніе на жизнь Наполеона.— Чтеніе де Ла Салы.—Прибытіе де Ла Салы въ Парижъ, и какъ онъ употребляетъ тамъ сначала свое время.—Уклончивость Саксонцевъ и твердость Вестфальцевъ. — Генрихъ IV и Наполеонъ.—Любовь и ненависть. — Слезы пренебреженнаго семейства.—Послѣдники Александра Македонскаго. — Непременная рѣшимость.—Послѣдствіе разговора, продолжавшагося два часа.—Дарованіе жизни и Винсенскій замокъ. — Продолженіе исторіи де Ла Салы.—Новое его путешествіе во Францію.—Камера представителей и гремящій порошокъ.—Официальный разсказъ. 325

Г Л А В А XXII.

Семейство мое остается въ Гамбургъ.—Отчаяніе Ганзеатическихъ городовъ, и Генераль-Губернаторъ Даву.—
Часть VIII. 49

Первыя дѣйствія и обращеніе Офицеровъ въ шпіонъ.	
—Негодованіе Офицеровъ.—Неустойчивая ненависть за высказанную давно правду.—Козни достойные низкой Полиціи.— Разпредѣлительное правосудіе.—Дѣйствія, а не люди.—Доносы безъ доказательствъ.— Откровенное письмо друга, и извѣстіе о вероломномъ письмѣ.	
—Довѣренное объясненіе съ Герцогомъ де Ровиго.— Польское Вице-Королевство въ виду у Фельд-Маршала Даву.—Замедленіе и позоръ.— Письмо, наполненное ложными предположеніями.— Шпіонъ Секретарь.—Покушеніе на гибель Г. Талейрана, Ранна и меня. — Начало успѣховъ у Императора. — Благородные поступки Герцога де Ровиго вразсужденіи меня. — Негодованіе выведеннаго изъ заблужденія Императора. — Сосланный Секретарь, и сочинитель Приицъ и Маршалъ — Новое ожесточеніе противъ меня Даву.—Почта и Полиція. — Размышленія.— Статистическое отдѣленіе.—Торговья письма и дипломатическая переписка.	543

Г Л А В Л А XXX.

Перемена мыслей Герцога Ровиго.— Певѣрочная довѣренность Герцога Ровиго.— Бумаги жгутъ, и новый Министръ остается безъ всякихъ свѣдѣній.—Способы дѣйствій Полиціи дѣлаются проще.—Уменьшеніе кредита Министровъ и значительность Г. Марета.	
Переломъ коммерціи и нынѣшность двора. — Добрыя памѣтствія Герцога Ровиго.—Истолкованіе Императорскаго взгляда.—Сдѣланное мнѣ порученіе къ Г. Лафитгу.—Совѣщаніе Г. Лафита съ Герцогомъ Ровиго.— Докладъ Императору.— Наполеонъ свѣтитъ на помощь коммерціи. — Г. Оберкамфъ и мануфактура Жуи.—Недѣйствительныя средства.—Два приговора.—Заключеніе.	555

